ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 г.

2010 Том 16

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 2

апрель – июнь

Учредитель
Костромской государственный университет
имени Н.А. Некрасова

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ. ЭКОЛОГИЯ

6 **Братчиков Д.Н.**
Биология и экология европейской и американской норок

10 **Рыбкина Н.В.**
Изучение качества природных вод в рекреационной зоне города Костромы с помощью метода биотестирования

12 **Сухов А.К.**
Моделирование радиального профиля свечения по длине разряда униполярного пробоя газа

18 **Цветкова А.Д., Акаев О.П.**
Использование природных и промышленных алюмосиликатов в процессе адсорбции ионов тяжелых металлов

21 **Чередникова А.В.**
Классически полупростые кольца квазиэндоморфизмов сильно неразложимых абелевых групп без кручения простого ранга

ФИЛОСОФИЯ. ЭТИКА

23 **Гореликов Е.Л.**
Язык общения в формировании гражданского самосознания глобального социума

27 **Губанов С.А.**
Специфика культурфилософского дискурса антиномий символа в онтологии о. П.А. Флоренского

32 **Доронин Д.Ю.**
Мифологическое знание традиционных культур: пути получения и трансляции

37 **Жульков М.В.**
Основное противоречие ноосферного развития

42 **Краева О.Л.**
Современные подходы к пониманию интегрального потенциала человека в отечественных философии и науке

47 **Михайличенко Д.Г.**
Значение технологий массовой манипуляции психикой в межэтнических конфликтах современности

50 **Оськин В.А.**
Специфика «нового религиозного сознания»

54 **Павенков О.В.**
Понятие альтруистической любви в философии Н.О. Лосского и культурологии П.А. Сорокина
60 **Семёнов Д.В.**
Тема человека в концепциях американского прагматизма и неопрагматизма
63 **Тюленев И.С.**
Комплексный подход к анализу деловой репутации как явление современной общественной жизни

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ЭСТЕТИКА

68 **Ахмыловская Л.А., Барыш А.Ю.**
К проекту инсценизации романа Тамао Ариёси «Мигавари» в литературном театре Бук Ит
71 **Борисова Е.Ю., Погорелова Н.Ю.**
А.Т. Гречанинов как представитель Новой московской школы церковной музыки
75 **Васильев В.А.**
А.А. Кокель (1880–1956) – художник и педагог
79 **Васильева М.А.**
Православные святыни в медальерном искусстве Санкт-Петербурга. 1990-е годы
83 **Гонозов О.С.**
Структура и коммунитас раннесоветских праздников в Ростовском уезде Ярославской губернии
86 **Курец Р.О.**
Иркутские купцы-меценаты
91 **Махотлова М.А., Шауцукова Л.Х.**
Рукотворный ландшафт в адыгской культурной системе
95 **Ростова Н.В.**
Произведения неигрового кино как источник по истории сценического и экранного искусств
100 **Сапанжа О.С.**
Перспективы развития научных теорий музееведения
104 **Чибисова О.В.**
Коммуникация молодежных субкультур

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

108 **Аминева В.Р.**
Хронотопические способы психологизма в русской и татарской литературах (на материале произведений И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Г. Исхаки, Ф. Амирхана, Г. Рахима)
112 **Баталова Т.П.**
Роман Достоевского «Преступление и наказание». К поэтике сюжета
119 **Вовна А.В.**
Проблема «петербургского текста»: современные подходы
122 **Гусейнова Л.Г.**
Характерные черты, сближающие героев произведений И. Мелик-заде с героями рассказов В. Шукшина
125 **Иванов Д.И., Калинин П.Е.**
Пространственно-временной континуум поэтического текста («Дороги» Ю. Шевчука)
130 **Круглова Т.С.**
Лирический диалог Цветаевой с Шекспиром как отражение ренессансного антропоцентризма
135 **Лебедева А.В.**
Семантика приветствия и прощания в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»
139 **Локша А.В.**
Поэтическая космология в ранней лирике В. Маяковского
142 **Малкова Т.Ю.**
Булгаков и Гоголь: демонические образы и мотивы в романе «Мастер и Маргарита»
146 **Мешалкин А.Н.**
Философия человека и природы в детских произведениях М. Пришвина
151 **Морозова С.Н.**
Общественная и творческая позиции Я. Полонского: демократия или умеренное просветительство?
155 **Осипова О.И.**
Особенности повествования в цикле В. Брюсова «Земная ось»
158 **Смирнов М.Н.**
Христианские мотивы в поэтическом сборнике В.Ф. Ходасевича «Путём зерна»
162 **Темиршина О.Р.**
«Глоссолалия» А. Белого: «мироздание речи». День первый

ЛИНГВИСТИКА

166 **Бахмудова А.Ш.**
Особенности функционирования плюсквамперфекта в даргинском и английском языках
168 **Гусева С.И., Иванашко Ю.П., Мусаева Е.Г.**
Переключение произносительных кодов в ситуациях формального и неформального общения (на материале речей британских политиков)
174 **Зубова Ж.А.**
Фразеологизмы, характеризующие внешний вид человека, в орловских говорах
176 **Казбекова Ф.З.**
Авторский билингвизм Гайто Газданова как ментальная основа лексико-семантических интерференций в его произведениях
179 **Лалетина А.О.**
Нормы гендерной политкорректности в различных дискурсивных практиках

183 **Полякова С.В.**
Словоизменительная парадигма числительных в зеркале экспериментального тестирования
188 **Сейранян М.Ю.**
Интонация как маркер причины коммуникативного конфликта
193 **Толстолуцкая Е.В.**
Структурная типология текстов малого формата французских письменных средств массовой информации
197 **Третьякова И.Ю.**
Системность окказиональных преобразований фразеологических единиц
202 **Цветкова Е.В.**
Мотивированность – немотивированность в топонимии (на материале костромской топонимии)
206 **Шахэмирова С.В.**
К вопросу о законах ударения в некоторых разносистемных языках
209 **Эбзеева Ф.П.**
Некоторые названия птиц со звукоподражательными корнями в карачаево-балкарском языке в сравнительно-историческом аспекте

ИСТОРИЯ
212 **Щербаков В.Л.**
Кузнечные изделия Пьянковского могильника

ПЕДАГОГИКА. ПСИХОЛОГИЯ
217 **Антонов А.А.**
Современные подходы к развитию дошкольного образования
220 **Гавриш Е.М.**
Правовая функциональная грамотность и правовая культура школьника: корреляционный аспект
223 **Гудина Т.В.**
Реабилитационные возможности информационно-просветительной деятельности
227 **Дорохина Н.Н.**
К вопросу о формировании ценностных ориентаций школьников из неблагополучных семей
231 **Дубровина С.В.**
Психические состояния и их особенности у подростков с явной и скрытой формой интеллектуальной одаренности
234 **Зайцева Н.И.**
Социально-психологические проблемы рекламной коммуникации
239 **Квасникова Н.М.**
Ресурсное обеспечение образовательного учреждения как источник устойчивого развития организации
243 **Кизим С.Ю.**
Моделирование процесса самореализации школьников в творческом объединении учреждения дополнительного образования детей
246 **Кирина О.А.**
Особенности взаимодействия педагога с учащимися, имеющими отклонения в развитии
250 **Климонтова Т.А.**
Позитивное восприятие другого человека как показатель открытости системы внутреннего мира интеллектуально одаренных подростков
254 **Колос Л.Н.**
Гендерный аспект в содержании образования женщин в середине XIX – начале XX веков
258 **Копейкина Т.Е.**
Идея единства семейного и общественного воспитания в педагогическом наследии П.Ф. Лесгафта
260 **Крюкова Т.Б.**
Анализ структурных и динамических аспектов понятия ситуации
267 **Белова Т.В., Майорова Н.С., Ситнова Е.В.**
Естественнонаучная картина мира учащихся как средство профессионального самоопределения личности
270 **Орлова О.В.**
Учебный проект как способ развития творческих стремлений старшеклассников
274 **Рагозинская В.Г.**
Особенности эмоциональных состояний психосоматических больных
278 **Сайфетдинов Р.С.**
Социально-педагогические предпосылки побуждения студентов к проблемно-поисковой учебной деятельности
280 **Смирнова Ю.В.**
Содержание воспитания старшеклассника как субъекта многонационального социума
284 **Черная И.Г.**
Результаты диагностики речевого развития детей-дошкольников образовательных учреждений Костромской области в 2008–2009 годах
289 **Ядровская М.В.**
Моделирование и педагогические технологии: точки соприкосновения

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
294 **Бабанов С.А.**
Синдром «эмоционального выгорания»
301 **Баранская Светлана Сергеевна**
Проблема этимологии понятия «организационная лояльность»

305 **Беспятова Л.А.**
Формирование профессиональной готовности будущих тренеров к спортивно-педагогической работе
308 **Бочманов А.В.**
Особенности формирования профессионального самосознания будущих сотрудников правоохранительных органов
310 **Власов А.М.**
Реализация проблемно-деятельностного подхода в профессиональной подготовке переводчиков
313 **Воробьев А.А.**
Возможности применения коммуникативного метода в профессиональной подготовке переводчиков для сферы юриспруденции
317 **Горбунова И.Е.**
Социальное партнерство и его роль в профессиональном образовании будущих педагогов-музыкантов
321 **Жиляева М.С.**
К вопросу о подготовке специалистов социальной сферы в многонациональных регионах
324 **Кривулина Т.В.**
Готовность будущих психологов к сопровождению как основа развития детей с ограниченными возможностями
327 **Лупанова Н.А.**
Формирование готовности личности к профессиональному самоопределению в информационном поле деятельности
332 **Морозов Н.Г.**
Из опыта преподавания истории русской литературы XI–XVII веков
336 **Мурашко С.В.**
Содержание процесса формирования технологической культуры будущих инженеров на основе компетентностного подхода
342 **Прокофьев Д.В.**
Роль эстетической оценки в формировании музыкального вкуса подрастающего поколения в условиях обучения игре на современных электронно-клавишных инструментах
345 **Сальникова Е.В.**
Иноязычный фольклор как инновационная технология профессиональной подготовки студентов вуза
349 **Румянцев С.А., Сохранов В.В.**
Формирование готовности студентов педагогического вуза к профессиональному саморазвитию
353 **Теплоухов А.П.**
Педагогические условия формирования конфликтологической компетентности студентов педвуза
357 **Филиппова Н.А.**
Формирование предпринимательской культуры будущих специалистов по рекламе в вузе
361 **Шилов К.В.**
Профессиональная подготовленность учителя к инновационной деятельности
363 **Адоевцева И.В.**
Методологическая культура педагога-музыканта как проблема профессионального образования
366 **Маренцева Е.С.**
Содержание педагогической поддержки самореализации студентов

СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

368 **Киселев А.А.**
Социальная типология лидеров
371 **Савченко Е.О.**
Имперская внешняя политика США и ее инновационный характер

ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ

376 **Максименко А.А.**
Друг или не друг нам Питер Друкер? (Перспективы ценностно-ориентированного менеджмента)
381 **Матвеева М.И.**
Право и частная собственность как атрибуты экономических отношений гражданского общества
383 **Войнов И.С.**
Социальные услуги как система взаимодействия с клиентом
389 **Мыльникова Л.А.**
Инновационный климат в системе экономических отношений
393 **Заставнюк О.Ф.**
Венчурный капитал как фактор развития современной экономики
397 **Степанов Е.Б.**
Онтологические и гносеологические предпосылки методологии человеческого капитала

ПАМЯТЬ

403 **Чекмарев В.В.**
Тантрическая версия работы Иосифа Наумовича Натковича на кафедре политической экономии КГПИ им. Н.А. Некрасова
405 **Чекмарев В.В.**
Встреча нечаянная, ставшая очень желанной (памяти Т.М. Хажбы – 1920–2009 гг.)

407 **SUMMARY**

422 **ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

Дорогие участники Великой Отечественной войны, боевых действий, труженики тыла!

Ректорат Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова и редколлегия журнала сердечно поздравляют Вас с 65-летием Великой Победы!

Этот праздник вошел в наши сердца, как символ героизма, символ достоинства нашей страны, символ мужества народа, отстоявшего мир на земле. Мы свято чтим память наших земляков, не вернувшихся с полей сражений. Мы помним подвиг великих тружеников, ковавших Победу в тылу.

Мы низко приклоняемся и отдаем глубокую дань уважения тем, кто героически прошел долгими тернистыми боевыми дорогами, а потом возродил родную землю после Великой Победы!

Уважаемые Ветераны, от чистого сердца поздравляем Вас с 65-летием Победы, желаем благополучия, здоровья, счастливого долголетия и мирного неба! Пусть согласие и благополучие будут в каждом доме, ведь вечное стремление народа к миру, свободе и лучшей жизни НЕПОБЕДИМО!

С праздником Великой Победы!!!

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ. ЭКОЛОГИЯ

УДК 59

Братчиков Дмитрий Николаевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru

БИОЛОГИЯ И ЭКОЛОГИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ НОРОК

В данной статье рассматриваются биологические особенности, места обитания, распространения двух полуводных хищников рода Mustela – норки европейской (Mustela lutreola) и норки американской (Mustela vison).

Ключевые слова: *норка, ареал, гон, интродукция, линька, стация.*

Типичными представителями рода Mustela, обитающими на территории России, являются европейская и американская норки. В последние полвека данные виды оказались объектами пристального внимания многих зоологов. Это повышенное внимание ученых связано с двумя событиями, одно из которых – интродукция американской норки на территории Евразии, а второе – постепенное исчезновение европейской норки в пределах ее прежнего ареала обитания. Европейская и американская норки обитают также и на территории Костромской области.

Норка европейская – *Mustela lutreola* *L., 1761*

Взрослая европейская норка имеет вытянутое тело длиной 25–43 см. Голова ее также вытянутая, длиной 6–8 см и несколько уплощена. Уши маленькие, округлые. Хвост имеет длину 13–19 см. Масса тела взрослых самцов составляет 0,7–1,1 кг, взрослых самок – 0,5–0,8 кг [10, с. 23].

Конечности сравнительно короткие, подошвы голые, пальцы соединены плавательной перепонкой, более развитой на задних ногах. Мех темно-коричневато-бурый или каштаново-бурый. Конечности и хвост несколько темнее спины. Горло, верхние и нижние губы белые, на груди одно (редко больше) белое пятно. Волосяной покров густой и плотный с очень густой подпушью, которая не намокает даже при длительном пребывании зверька в воде. Как у многих полуводных млекопитающих, разница в структуре мехового покрова норки зимой и летом не велика [4; 5; 10].

Область распространения вида в основном ограничена лесными областями европейской части СНГ. Её нет на Кольском полуострове, в Крыму, в Прикаспийских степях, а также в Закавказье. Северная граница пересекает Урал в районе Полярного круга, далее выходит к Оби вблизи Ханты-Мансийска. Отсюда граница следует по Оби, затем поворачивает на юг и, пересекая реку Иртыш в районе Тары, выходит к верховью Урала, далее идет к Петропавловску, а затем к Волге (ниже Саратова) и по ее долине спускается к Каспийскому морю [5; 7; 15].

В последние десятилетия ареал вида существенно сократился: норка сохранилась на западе Франции, на Балканах, в Финляндии, Польше. В России она распространена спорадично [2; 7; 8; 13].

На территории Костромской области европейская норка является немногочисленным видом. На западе региона её численность гораздо меньше, чем по рекам востока области [6, с. 270]. Не случайно европейская норка занесена в список охраняемых видов Костромской области.

Места обитания. Существование норки тесно связано с пресными водоемами. К типичным и наиболее предпочтительным стациям для нее можно отнести лесные речки и ручьи, сильно захламленные, с невысокими, но сухими берегами. На крупных реках она встречается нечасто и главным образом в устьевых участках мелких притоков. Крайне редко европейская норка селится по берегам озер. Особенно охотно селится в водоемах, где тихие участки и омуты сменяются быстринами [7; 10; 16].

В летний период размеры и глубина водоема не имеют для норки первостепенного значения. Только в районе выводковой норы для маскировки подводного лаза нужна глубина не менее 0,5 метра [7, с. 192].

В зимний период очень важно наличие незамерзающих участков – полыней. Не менее важно замерзание водоема при высоком уровне воды с образованием, при спаде ее, значительных подледных пустот. Сплошное замерзание водоема очень неблагоприятно. Зимой норка старается держаться у бобровых поселений. Она пользуется их ходами для проникновения под лед [5; 7; 10].

© Братчиков Д.Н., 2010

Норы и убежища располагаются в местах самых разнообразных, но всегда хорошо защищенных от непогоды и крупных хищников.

Норка имеет как постоянную нору, так и временные, повторно посещаемые убежища. Нора используется круглый год, за исключением периода весеннего половодья и летних паводков. От уреза воды нора обычно находится не далее, чем на 6–10 м. Она имеет 1–2 хода диаметром 8–10 см и длиной до 1,5 м, ведущих в гнездовую камеру, которая имеет форму полусферы. Она выстлана сухой травой, листьями, перьями птиц, шерстью и обрывками шкурок мышевидных грызунов. Внутренний диаметр составляет 20–35 см, а толщина стенки достигает 7–10 см.

Нередко отверстие норы открывается наружу под водой, как у речного бобра, выдры, ондатры и выхухоли. Такие подводные выходы устраиваются, когда берег водоема хотя и невысок, но обрывист и крут [5, с. 86–87].

Питание. В рацион норки входят почти все мелкие позвоночные и крупные беспозвоночные животные, обитающие непосредственно в том же водоеме либо возле него. Предпочтительными кормами являются лягушки, рыба, водяная полевка, мышевидные грызуны, речные раки и пресноводные моллюски. Отмечено также поедание ягод рябины и брусники. Норка делает значительные запасы корма, иногда в размере двухмесячной нормы. В зависимости от сезона состав пищи меняется мало, но существенно варьируется в рационе доля разных видов (табл. 1). Основу рациона на протяжении всего года составляют лягушки [5, с. 87–88].

Размножение. Норка – типичный полигам. В северной части ареала течка протекает в марте – апреле, в южной несколько раньше и обычно до начала паводка. Средняя продолжительность беременности европейской норки составляет от 39 до 45 дней. Диапауза в развитии эмбрионов короткая и непостоянная. В помете, как правило, 4–5 детенышей, которые родятся голыми, массой 6–9 г, размером 6–8 см и прозревают на 30-й день после рождения, зубы начинают прорезаться в возрасте трех недель, выкармливание молоком продолжается около двух месяцев. Выводки распадаются в начале осени. Половозрелость наступает в конце первого года жизни [2; 7; 10].

Линька. Смена ювенильного наряда на дефинитивный у щенков норки происходит в июле. Осенняя линька начинается во второй половине августа и заканчивается в ноябре. У самцов линька заканчивается раньше, чем у самок. Весенняя смена волоса носит диффузный характер и протекает довольно интенсивно. Она начинается в конце марта и заканчивается в мае [5; 16].

В северной части ареала зверьки приступают к весенней смене волос на 2–3 недели позже, а к осенней – соответственно раньше, чем в южной части ареала [5; 7].

Враги и конкуренты. Основными аборигенными конкурентами европейской норки из-за пищи следует считать речную выдру и лесного хорька; конкуренция между ними может возникнуть лишь из-за рыбы и лягушек, но только в зимний период. В иных условиях эти хищники неред-

Таблица 1

Состав кормов европейской и американской норок северо-запада России [5]

Вид корма	Число встреч в % от общего количества исследованных желудков и экскрементов			
	Европейская норка		Американская норка	
	Снежный период	Бесснежный период	Снежный период	Бесснежный период
Млекопитающие	33,0	18,2	64,9	32,3
Ондатра	1,0	-	6,8	2,3
Водяная полевка	4,8	3,2	4,0	6,2
Мышевидные грызуны	24,3	13,9	54,16	23,0
Крот и землеройки	2,9	1,1	–	0,8
Птицы (водоплавающие, воробьиные, тетеревиные)	4,8	20,3	9,5	7,7
Амфибии (лягушки)	25,4	72,9	16,2	40,8
Рыбы	31,9	24,7	23,0	14,6
Рак речной	6,7	26,4	4,1	13,1
Насекомые	14,1	61,3	-	34,6
Растительные корма	1,9	6,4	1,4	4,6

ко живут в непосредственной близости и имеют места вылаза на берег и уборные [7].

Враждебные конкурентные отношения имеются и между обоими видами норок. Там, где они живут совместно, более крупная американская норка преследует и вытесняет европейскую норку [7; 14; 15].

Болезни паразитального и бактериального происхождения в природных условиях почти не изучены, известно заболевание норки чумой плотоядных. В лобных пазухах, почках, мочевом пузыре, желчных протоках, органах дыхания и пищеварительном тракте норки установлено обитание 21 вида гельминтов [10].

Норка американская – *Mustela vison* *Shreber, 1777*

Американскую норку долгое время считали близким родственником европейской норки и такие черты, как особенности строения черепа, отличающие норок от других представителей того же рода, рассматривались как классические иллюстрации экологических особенностей этих животных, показатели специализации норок к полуводному образу жизни [2; 8].

Однако детальное изучение различных черт обоих видов, включая число и структуру хромосом, биохимические показатели крови, а также особенности поведения, поставило их близкое родство под вопрос. Было показано, что в ходе эволюции «американка» появилась раньше «европейки», тогда, когда от единого ствола куньих отделились две ветви, одна из которых дала впоследствии род Martes (куницы), а вторая – род Mustela (ласки и хорьки), к которому принадлежит и европейская норка [1; 3; 11; 12].

По общему виду и складу американская норка сходна с европейской, но несколько крупнее. Так, длина тела взрослых самцов американской норки составляет 37–47 см, взрослых самок – 33–42 см; длина хвоста, соответственно, – 16–23 и 15–19 см. Масса тела взрослых самцов – 0,9–2,0 кг, взрослых самок – 0,7–1,0 кг [10, с. 23].

Таким образом, масса тела американских норок приблизительно на 40% больше массы тела европейских по разным половозрастным группам. Это очень существенно дает немалые физические преимущества акклиматизированной американской норке [3].

Волосяной покров американской норки имеет коричневую или темно-коричневую окраску, также встречаются серые и очень редко палевые особи. Она имеет белое пятно на морде, но, в отличие от европейской норки, оно не распространяется на верхнюю губу [5; 10; 16].

Наиболее отличительным признаком европейской норки от американской является наличие одного корня на первом верхнем переднекоренном зубе, тогда как у американской на этом зубе два корня. В целом черепа норок схожи между собой и с черепом лесного хорька [4; 7].

Область распространения вида занимает большую часть Северной Америки, к югу она распространена до Мексиканского залива.

В Советский Союз американская норка завезена в 1928 году. Некоторое время она разводилась в зверосовхозах, а с 1933 года ее начали выпускать на волю. Наиболее эффективными оказались выпуски норки в южных районах Сибири и Дальнего Востока [16].

На территории Костромской области американская норка расселилась, в основном, с сопредельных территорий. В настоящее время норки наиболее часто встречаются по рекам и ручьям восточной части области. На юго-западе региона плотность их населения невелика, но они встречаются здесь не только у крупных водоемов, но и у прудов около деревень [5, с. 270–271].

Места обитания. Норка американская селится вдоль небольших водоемов в лесах, но не столь привязана к речкам, одинаково часто встречается по берегам озер, болот. При естественном расселении и во время гона самцы совершают странствия до 30 км. Американская норка чаще, чем европейская, селится на озерах и близ жилья человека [5].

Норы и убежища. Гнездовые жилища и временные убежища американской норки располагаются в различных местах. Как правило, она «заимствует» их у ондатр. Гнездовая камера выстлана сухой травой, листьями, мхом. Уборная располагается в самой норе или же неподалеку от норы [10].

Питание. Американская норка трофически пластичнее европейской. Она легче добывает рыбу, способна быстрее переходить на питание вдруг появившимся доступным кормом. В рационе норки в течение года относительно равномерно представлены мелкие млекопитающие, земноводные, рыбы, ракообразные, насекомые, меньшее значение имеют птицы; растительные корма встречаются редко и в небольшом количестве. Американская норка изредка устраивает небольшие запасы, чаще всего они встречаются у нор с молодняком [5; 7].

При сравнении двух видов норок, очевидно их почти полное экологическое сходство, хотя и с некоторыми преимуществами американской норки, основывающимися на несколько больших размерах и массе тела, а также трофической пластичности. Поэтому эти два вида длительно не сосуществуют в природе. Там, где появляется американская норка, в течение 5–10 лет полностью исчезает европейская [14; 15].

Размножение. Гон проходит в феврале-апреле, роды – в апреле-мае. Американская норка отличается от европейской более высокой плодовитостью, в выводке встречается до 12 (обычно 5–6) детенышей. Установлены затяжная овуляция и неоднократное спаривание, что обеспечивает оплодотворение большего числа яйцеклеток. Беременность длится 45–61 день.

Масса новорожденных составляет 7–14 г. Глаза открываются на 28–38 день, слуховые проходы – на 23–27 день. Норчата обладают большой устойчивостью к холоду. Самки достигают размеров взрослых к четырем месяцам, а половой зрелости – к 1 году. Самцы развиваются медленнее и размеров взрослых животных достигают в годовалом возрасте, половозрелыми становятся в 1,5 года [5; 16].

Линька. Трехнедельные щенки американской норки покрыты серовато-коричневым пуховым волосом. В возрасте 4–5 недель зверьки заметно темнеют, но их волосяной покров еще лишен ости. В конце июля у щенков ювенильный наряд полностью заменяется дефинитивным. Он состоит из густой подпуши светло-коричневого окраса [5; 16].

Осенняя линька протекает очень интенсивно. Однако в отдельные теплые годы смена волосяного покрова затягивается, и даже в ноябре норку можно встретить с синевой на мездре в области лап и хвоста. Период линьки приходится на сентябрь, октябрь и часть ноября. Первыми заканчивают линьку взрослые самцы, затем взрослые самки и молодняк [5; 16].

Весенняя линька начинается в конце марта и заканчивается в последних числах мая. В разгар линьки норка имеет тусклый, сильно поредевший мех, с побитой, рыжей остью [5].

В северной части ареала линька начинается на 2–3 педели позже, чем в южной [5; 7].

Враги и конкуренты. Основными пищевыми конкурентами американской норки, обитающими вблизи водоемов, являются: ласка, горностай, колонок, выдра, европейская норка, лесной хорек, лисица, волк, енотовидная собака. Вместе с тем отмечалось, что американскую норку выдра не только вытесняет, а даже физически уничтожает. Пищевая конкуренция у обоих видов норок не носит острого характера. Острая конкуренция возникает преимущественно зимой в связи с их концентрацией на ограниченных участках водоема и с трудностью добывания пищи [5; 10; 16].

Американская норка болеет рядом инфекционных заболеваний, таких как чума плотоядных, паратиф, болезнь Ауэски. В различных органах организма зарегистрировано 26 видов гельминтов [5].

Библиографический список

1. *Беляев Д.К., Баранов О.К., Фомичева И.И., Смирных С.И., Терновский Д.В., Терновская Ю.Г.* Межвидовая антигенная изменчивость сывороточных белков у Mustelidae (Carnivora) // Зоологический журнал. – 1984. – Т. 63. – Вып. 6. – С. 912–921.

2. *Гепнер В.Г., Наумов Н.П., Юргенсон П.Б., Слудский А.А., Чиркова А.Ф., Банников А.Г.* Млекопитающие Советского Союза. – М., 1967. – Т. 2. – Ч. 1. – 1004 с.

3. *Графодатский А.С., Волобуев Б.Т., Терновский Д.В., Райабли С.И.* Дифференцированное окрашивание хромосом семи видов Mustelidae (Carnivora) // Зоологический журнал. – 1976.– Т. 55. – Вып. 11. – С. 1704–1711.

4. *Данилов П.И.* Новые виды млекопитающих на Европейском Севере России. – Петрозаводск, 2009. – 308 с.

5. *Данилов П.И., Туманов И.Л.* Куньи северо-запада СССР. – Л., 1976. – 256 с.

6. *Зайцев В.А.* Позвоночные животные северо-востока Центрального региона России. (Виды фауны, численность и ее изменения). – М., 2006. – 513 с.

7. *Машкин В.И.* Биология промысловых зверей. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений по специальности «Охотоведение». – Киров, 2003. – 452 с.

8. *Новиков Г.А.* Хищные млекопитающие фауны СССР. Определители по фауне СССР. – М.; Л., 1956. – 294 с.

9. *Рожнов В.В.* Европейская норка: естественное вымирание? // Природа. – 1992. – №1. – С. 56–59.

10. *Сидорович В.Е.* Норки, выдра, ласка и другие куньи. – Минск, 1995. – 191 с.

11. *Таранин А.В., Уфимцева Е.Г., Белоусов Е.С., Терновский Д.В., Терновская Ю.Г., Баранов О.К.* Эволюция антигенной структуры иммуноглобулиновых цепей у куньих (Carnivora, Mustelidae) // Зоологический журнал. – 1991. – Т. 70. – Вып. 12. – С. 105–112.

12. *Терновская Ю.Г.* Естественная и экспериментальная гибридизация среди Mustelidae // V съезд Всесоюзного Териологического общества АН СССР. – М., 1990. – Т. 1. – С. 94–95.

13. *Терновский Д.В.* Исчезнет ли европейская норка? // Природа. – 1975. – №11. – С. 55–58.

14. *Терновский Д.В.* Проблема сохранения русской норки // V съезд Всесоюзного Териологического общества АН СССР. – М., 1990. – Т. 3. – С. 181.

15. *Терновский Д.В.* О межвидовых отношениях между куньими // Охота и охотничье хозяйство. – 1980. – №5. – С. 17.

16. *Терновский Д.В.* Биология куницеобразных (Mustelidae). – Новосибирск, 1977. – 280 с.

УДК 574

Рыбкина Надежда Витальевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru

ИЗУЧЕНИЕ КАЧЕСТВА ПРИРОДНЫХ ВОД В РЕКРЕАЦИОННОЙ ЗОНЕ ГОРОДА КОСТРОМЫ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДА БИОТЕСТИРОВАНИЯ

В настоящее время в водной токсикологии для выявления степени загрязненности водной экосистемы используется метод биотестирования. Он позволяет получить более точную, в отличие от традиционных аналитических методов, информацию о состоянии водной среды. При проведении эколого-токсикологического исследования р. Волги в рекреационной зоне г. Костромы был выбран метод биотестирования, а в качестве тест-объекта выступил рачок Daphnia Magna St.

Ключевые слова: *биотестирование, гидробионты, тест-объект, водная экосистема, ПДК, токсикологическая реакция, антропогенный пресс.*

Охрана водных ресурсов представляет собой одну из важных экологических проблем, связанных с загрязнением окружающей среды. Строительство городов, объектов народного хозяйства может привести к серьезным последствиям, оказываемым на водную экосистему. Ливневые, бытовые и промышленные стоки оказывают стрессовое воздействие на экосистему рек, в первую очередь на структуру и функционирование водных организмов, которые раньше других свидетельствуют об изменениях, происходящих в водной экосистеме [3, с. 3]. В наибольшей степени влияние антропогенного пресса проявляется в рекреационных зонах рек, непосредственно соприкасающихся с деятельностью человека.

При выявлении степени загрязненности водных объектов могут использоваться различные биологические объекты: рыбы, ракообразные, водоросли. Наиболее широко в водной токсикологии используется такой тест-объект, как ветвистоусый рачок Daphnia Magna St. При этом рачок выступает как индикатор в биотестировании, как кормовая ценность – в рыболовстве, так как имеет фильтрационный способ питания в процессе очистки вод, что помогает оценить степень качества природных вод и токсичности стоков.

Целью данного исследования является изучение степени загрязнённости природных вод в рекреационной зоне г. Костромы в летний период 2008 и 2009 гг. с помощью тест-объекта Daphnia Magna St. и проведение гидрохимического анализа по основным показателям. Для анализа были отобраны пробы в начале и в конце рекреационной зоны. Исследование проводилось по стандартным методикам [1, с. 26]. Для определения токсичности использовалась шкала Н.С. Строганова.

Результаты данных эколого-токсикологических исследований показали, что в начале рекреационной зоны состояние природных вод по сравнению с прошлым годом не изменилось, а гибель дафний составила 14%. В то же время наиболее острое воздействие на дафний оказали воды, отобранные в конце рекреационной зоны. Здесь процент гибели дафний увеличился на 3% по сравнению с летом 2008 года и составил 20% (табл. 1).

По шкале определения степени токсичности Н.С. Строганова рекреационная зона р. Волги в районе г. Костромы относится к средней степени токсичности.

 © Рыбкина Н.В., 2010

Таблица 1

Сравнение степени токсичности природных вод рекреационной зоны г. Костромы

Место отбора проб	Процент погибших дафний, %		Изменения уровня влияния на тест-объект
	Лето 2008 г.	Лето 2009 г.	
Начало рекреационной зоны р. Волги	14	14	Не изменилось
Конец рекреационной зоны р. Волги	17	20	Увеличилось на 3 %

Исследования по функциональному состоянию показали, что в природных водах в конце рекреационной зоны была обнаружена ответная реакция дафний, которая выразилась в так называемом эффекте «вертячки» (дафнии залегают на дно), а на отдельных особях были обнаружены эпибионты из водорослей. Данное функциональное изменение связано с повышением загрязняющих веществ по мере продвижения от начала к концу рекреационной зоны р. Волги и усилением рекреационной деятельности, что оказывает наибольшее влияние на жизнедеятельность дафний и на качество воды в данной зоне.

Проведенный гидрохимический анализ показал, что в воде обнаружено железо, содержание которого превышает ПДК по железу в 2,7 раза [2, с. 14–15]. Данный факт подтвержден результатами биологического анализа и говорит о наибольшем антропогенном прессе, оказываемом на данном участке исследования.

Выводы:

1. Биологические индикаторы с использованием в качестве тест-объекта ракообразных Daphnia Magna St. обладают высокой чувствительностью и могут быть использованы для оценки качества воды и водной среды, содержащей загрязняющие вещества.

2. Результаты исследований показывают, что происходит тенденция увеличения степени загрязнения рекреационной зоны р. Волги в районе г. Костромы по сравнению с прошлым годом.

3. Необходимо продолжить исследование по изменению качества воды в рекреационной зоне р. Волги с привлечением дополнительного тест-объекта – водоросли хлореллы, обладающей более высокой чувствительностью к загрязняющим веществам.

4. Проведение эколого-токсикологических исследований с помощью метода биотестирования позволяет получать возможность судить о состоянии водных объектов и разрабатывать экологические нормы ПДК различных загрязняющих веществ, вносимых в водную экосистему.

Библиографический список

1. Методические указания по биотестированию сточных вод / Под ред. Л.И. Алексашик. – М., 1986. – С. 26.

2. Современное экологическое состояние Верхней Волги. Тезисы докладов. – Ярославль, 1994. – 24 с.

3. Экологические проблемы верхней Волги / Под ред. А.И. Копылова. – Ярославль, 2001. – 427 с.

УДК 537.525

Сухов Андрей Константинович
кандидат физико-математических наук, доцент
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
priklmath@ksu.edu.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ РАДИАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ СВЕЧЕНИЯ ПО ДЛИНЕ РАЗРЯДА УНИПОЛЯРНОГО ПРОБОЯ ГАЗА

Проведено сравнение наблюдаемых и рассчитанных радиальных профилей свечения разряда униполярного пробоя газа. Обнаружено, что полуширина профиля уменьшается по длине разряда, что связано с изменением характера распределения ионизации по сечению разрядной трубки. Вблизи покрытие-электрода основная ионизация идет в пристеночном слое, в середине разряда – равномерно распределена по сечению, а в конце – сосредоточена на оси трубки. Рассчитаны временные зависимости изменения радиального профиля свечения в течение импульса по длине разряда.

Ключевые слова: *разряд униполярного пробоя газа, высоковольтные импульсы потенциала, радиальный профиль свечения, численное моделирование, уравнение баланса заряженных частиц.*

Введение

Импульсно-периодические высоковольтные разряды широко используются для создания активных сред электроразрядных технологических лазеров, плазмохимических генераторов и т.п. благодаря возможности регулирования в широких пределах электрического поля, концентрации заряженных частиц и обеспечения однородной ионизации во всем объеме.

Данный тип разряда, являясь безэлектродным, представляет практический интерес для создания «чистой» плазмы ввиду отсутствия металлических электродов, контактирующих с разрядом. В отличие от высокочастотных, эти разряды имеют более низкую частоту следования импульсов. Кроме того, они по своей природе очень чувствительны к внешним параметрам, что позволяет их использовать для контроля технологических плазменных процессов.

Разряд униполярного пробоя газа (УПГ) возникает в трубке с разреженным газом под действием высоковольтных импульсов потенциала одной полярности, прикладываемых к единственному внешнему покрытие-электроду (ПЭ) [1–2].

В окрестности разряда УПГ формируется импульсное электрическое поле высокой напряженности, что позволяет использовать этот разряд для воздействия поля на различные материалы и объекты. Кроме того, способ формирования разряда высоковольтными импульсами позволяет создавать условия для генерации химически активных радикалов типа монооксида углерода *CO* и атомарного водорода *H*, которые имеют большое практическое применение в плазмохимии и атомно-водородной энергетике.

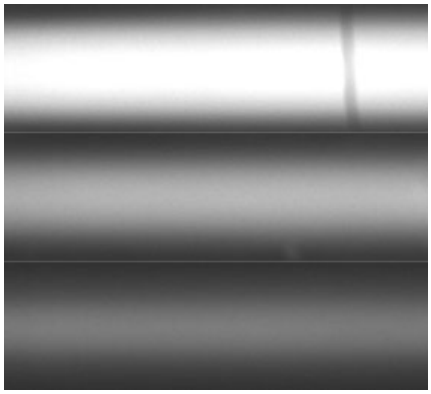
С феноменологической точки зрения разряд УПГ представляет интерес в том смысле, что позволяет исследовать разрядные процессы при заданной положительной или отрицательной полярности прикладываемого импульсного потенциала, управлять амплитудой и частотой следования импульсов. В результате можно выделить эффекты воздействия этих параметров на разрядные процессы в различных условиях.

Исследования разряда УПГ проводились в воздухе при давлении $p = 1$ *Тор*. Разрядная трубка имела длину $l = 2.8$ *м*, внутренний радиус $r_m = 9.5$ *мм*. На конце трубки был расположен покрытие-электрод (рис. 1) с длиной $l_{ПЭ} = 2$ *см* из мелкой металлической сетки с ячейкой *1x1 мм*. На покрытие-электрод с генератора подавали высоковольтные импульсы потенциала отрицательной полярности амплитудой $\varphi_{ПЭ} = 10$ *кВ*.

В данной работе основное внимание уделялось поведению профиля свечения разряда УПГ по его длине. Как видим (рис. 1), разряд УПГ имеет в трубке коническую форму, сужающуюся к концу разряда. Причем часто длина разряда меньше длины трубки. Профили свечения разряда определялись по цифровым фотографиям пу-

Рис. 1. Разряд униполярного пробоя газа. Покрытие-электрод в виде сетки расположен слева. Давление p = 1 Тор, воздух

 © Сухов А.К., 2010



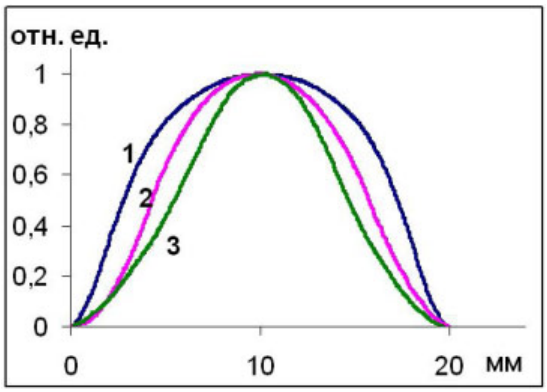


Рис. 2. Профили свечения разряда УПГ на разных расстояниях от ПЭ:
1 – *10 см*, 2 – *110 см*, 3 – *210 см*. На графике профили нормированы по амплитуде

тем усреднения по длине *2 см*. Их вид менялся по длине разрядной трубки (рис. 2) – полуширина профиля уменьшалась по мере удаления от покрытие-электрода.

Описание модели

В качестве модели разряда УПГ рассматривается плазма с плотностью зарядов n_e в длинной цилиндрической трубке, в которой заряженные частицы появляются с частотой ионизации ν_i, распределяются по сечению трубки под действием амбиполярной диффузии с коэффициентом D_a, и гибнут на стенках. Коэффициент D_a предполагается постоянным, а частота ионизации $\nu_i = \nu_i(r;t)$ может зависеть от радиальной координаты r по сечению трубки и времени t.

Уравнение баланса заряженных частиц в плазме разряда для некоторого сечения трубки запишем в виде ([3, с. 62]):

$$\frac{\partial n_e}{\partial t} = D_a \frac{\partial^2 n_e}{\partial r^2} + \nu_i n_e.$$

В данном уравнении изменение концентрации электронов n_e по времени t, заданное в левой части, определяется процессами диффузионного ухода с коэффициентом D_a и их гибелью на стенках трубки (первое слагаемое справа) и рождением зарядов в объеме трубки с частотой ионизации ν_i (второе слагаемое справа).

Коэффициент амбиполярной диффузии D_a зависит от подвижности ионов μ_+ и температуры электронов T_e и для неизотермической плазмы газового разряда равен ([3, с. 60]):

$$D_a = \mu_+ \frac{k\,T_e}{e},$$

где $k = 1.38 \cdot 10^{-23}$ *Дж/К* – постоянная Больцмана, $e = 1.6 \cdot 10^{-19}$ *Кл* – заряд электрона. Для характерных условий разряда в воздухе (давление $p = 1$ *Тор*, $T_e = 5$ *эВ*) коэффициент амбиполярной диффузии составляет $D_a \approx 2 \cdot 10^3$ *см²/с*.

Частота ионизации ν_i определяется энергетическим спектром электронов и зависит от потенциала ионизации I и плотности молекул или атомов газа n. Для максвелловского распределения электронов по энергиям частота ионизации ν_i равна ([3, стр. 69]):

$$\nu_i = n\,\bar{v}\,C_i(I + 2kT_e)\exp\left(-\frac{I}{kT_e}\right),$$

где C_i – коэффициент, зависящий от рода молекул газа и равный наклону кривой сечения ионизации вблизи порога;

$\bar{v} = \sqrt{\dfrac{8kT_e}{\pi\, m_e}}$ – тепловая скорость электронов.

Для основных составляющих воздуха – азота и кислорода в широком диапазоне температур электронов коэффициенты C_i, потенциалы ионизации I и вычисленные частоты ионизации ν_i для давления $p = 1$ *Тор* и температуры электронов $T_e = 5$ *эВ* представлены в таблице 1.

Введем характерные параметры. В качестве характерной длины примем диаметр трубки $d_0 = 2$ *см*. Тогда безразмерная радиальная координата будет равна $\rho = r / d_0$, а концентрация элек-

Таблица 1

	C_i, 10^{17} *см²/эВ*	*I*, *эВ*	ν_i, c^{-1}
N_2	0.85	15.6	$4.7 \cdot 10^7$
O_2	0.68	12.2	$6.5 \cdot 10^7$

тронов $u = n_e \cdot (d_0)^3$. За характерное время возьмем длительность импульса τ_0, которая для наших условий составляет примерно $\tau_0 = 4 \cdot 10^{-6}$ с. Тогда безразмерное время будет равно $\tau = t / \tau_0$, а безразмерная частота ионизации $q = н_i \cdot \tau_0$. Безразмерный коэффициент амбиполярной диффузии запишется в виде $D = D_a \cdot \tau_0 / (d_0)^2$.

Заменим все переменные уравнения баланса заряженных частиц в плазме разряда на безразмерные величины:

$$\frac{\partial\left(\frac{u}{d_0^3}\right)}{\partial(\tau \cdot \tau_0)} = \frac{D \cdot d_0^2}{\tau_0} \cdot \frac{\partial^2\left(\frac{u}{d_0^3}\right)}{\partial(\rho \cdot d_0)^2} + \frac{u}{d_0^3} \cdot \frac{q}{\tau_0},$$

сократив затем каждое слагаемое на множитель $\frac{1}{d_0^3 \cdot \tau_0}$, получим уравнение баланса заряженных частиц в плазме разряда для безразмерных величин:

$$\frac{\partial u}{\partial \tau} = D \frac{\partial^2 u}{\partial \rho^2} + q \cdot u.$$

Искомая функция $u = u(\rho,\tau)$ зависит от радиальной ρ и временной τ координат. На расчетном отрезке $[0, l]$ значения функции ионизации $q = q(\rho,\tau)$ зависят от радиальной ρ и временной τ координат. Задавая эту функцию и ее поведение во времени, будем добиваться распределения искомой концентрации заряженных частиц $u = u(\rho,\tau)$ на отрезке $c \in [0, l]$, соответствующем наблюдаемому в эксперименте. При моделировании можно использовать аппроксимацию на сетке в виде явной или неявной схемы Эйлера.

Явная схема Эйлера

Безразмерное уравнение баланса заряженных частиц имеет вид уравнения теплопроводности. Его будем решать методом конечных разностей [4, с. 228]. Для этого разобьем отрезок $[0, l]$ на N частей с координатами точек разбиения $h_i = i \cdot l/N$, где $i = 0 \ldots N$ и шагом разбиения $\Delta h = l/N$. Введем шаг по времени $\Delta\tau$. Количество шагов по времени обозначим Nt, а номер текущего шага $k = 0 \ldots Nt$.

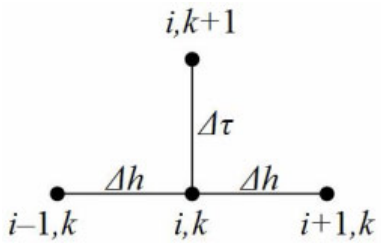


Рис. 3. Конфигурация узлов сетки для явной схемы Эйлера

Непрерывные искомую функцию $u(h,\tau)$ и функцию ионизации $q(h,\tau)$ заменим на дискретные функции $u_{i,k} = u(h_i,\tau_k)$ и $q_{i,k} = q(h_i,\tau_k)$, заданные в точках (h_i, τ_k). Затем заменим временную и пространственную производные, входящие в уравнение на соответствующие конечные разности (рис. 3):

$$\frac{\partial u}{\partial \tau} \approx \frac{\Delta u_{i,k}}{\Delta \tau} = \frac{u_{i,k+1} - u_{i,k}}{\Delta \tau}$$

$$\frac{\partial^2 u}{\partial h^2} \approx \frac{\Delta(\Delta u_{i,k})}{(\Delta h)^2} = \frac{u_{i+1,k} - 2 \cdot u_{i,k} + u_{i-1,k}}{(\Delta h)^2}.$$

Здесь $u_{i,k+1}$ – искомая функция в следующий момент времени через малый интервал $\Delta\tau$, а $u_{i,k}$ – в предыдущий. В результате уравнение баланса заряженных частиц в конечных разностях будет иметь следующий вид:

$$\frac{u_{i,k+1} - u_{i,k}}{\Delta\tau} = D \frac{u_{i+1,k} - 2 \cdot u_{i,k} + u_{i-1,k}}{(\Delta h)^2} + q_{i,k} \cdot u_{i,k},$$

для всех $i = 1 \ldots N - 1$.

Выразим в данном уравнении $u_{i,k+1}$:

$$u_{i,k+1} = \frac{C}{2} \cdot \left(u_{i-1,k} + u_{i+1,k}\right) + \left[1 - C + q_{i,k} \cdot \Delta\tau\right] \cdot u_{i,k},$$

где $C = \frac{2 \cdot D \cdot \Delta\tau}{(\Delta h)^2}$ – коэффициент Куранта, определяющий устойчивость разностной схемы.

Начальные условия:

$u_{i,0} = 0.001$, для всех $i = 0 \ldots N$.

Граничные условия на концах отрезка при $i = 0$ и $i = N$ зададим в предположении гибели зарядов у стенок разрядной трубки:

$u_{0,k} = 0$ и $u_{N,k} = 0$ для всех $k = 0 \ldots Nt$.

Полученная схема расчета позволяет вычислять последовательно с заданным шагом по времени $\Delta\tau$ распределение плотности электронов по сечению разрядной трубки $u_{i,k}$ для всех $i = 0 \ldots N$.

Основным требованием к вычислительной схеме является ее устойчивость, т.е. независимость функции решения от шага разбиения по координате Δh и шага по времени $\Delta\tau$. Для обеспечения устойчивости необходимо выбирать достаточно малое значение шага по времени $\Delta\tau$, такое, чтобы добавка к сеточной функции $u_{i,k}$ была

много меньше ее значения. При этом чем меньше выбирается шаг Δh разбиения отрезка $[0, l]$, тем меньше должно быть значение шага по времени $\Delta\tau$. Принято, что вычислительная схема будет устойчива, если коэффициент Куранта меньше единицы $C < 1$. Шаг Δh входит в знаменатель коэффициента Куранта в квадрате, поэтому при уменьшении Δh в 2 раза $\Delta\tau$ необходимо уменьшать как минимум в 4 раза для обеспечения устойчивости вычислительной схемы.

Неявная схема

В отличие от явной схемы Эйлера, неявная схема является безусловно-устойчивой при любых значениях коэффициента Куранта. Однако ценой устойчивости является необходимость решения на каждом шаге по времени системы алгебраических уравнений.

Чтобы построить неявную разностную схему для уравнения диффузии, для дискретизации пространственной производной будем брать значения сеточной функции с верхнего (неизвестного) слоя по времени (рис. 4). Таким образом, разностное уравнение для (i, k)-го узла будет отличаться от уравнения для явной схемы только индексами по временной координате в правой части:

$$\frac{u_{i,k+1}-u_{i,k}}{\Delta\tau} = D\frac{u_{i+1,k+1}-2\cdot u_{i,k+1}+u_{i-1,k+1}}{(\Delta h)^2}+q_{i,k}\cdot u_{i,k}$$

для всех $i = 1...N-1$.

Если привести подобные слагаемые, то получится система уравнений, связывающая для каждого 1-го узла три неизвестных значения сеточной функции (в самом этом узле и в соседних с ним слева и справа узлах). Множители при неизвестных значениях сеточной функции получим подобно тому, как это было сделано для явной схемы:

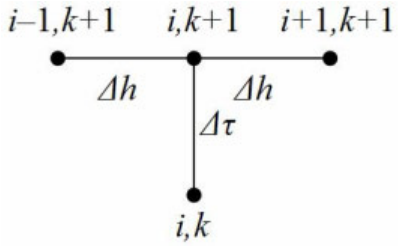


Рис. 4. Конфигурация узлов сетки для неявной схемы

$$\frac{C}{2}\cdot\left(u_{i-1,k+1}+u_{i+1,k+1}\right)-\left(1+C\right)\cdot u_{i,k+1} = \\ = \left[1+q_{i,k}\cdot\Delta\tau\right]\cdot u_{i,k}$$

для всех $i = 1...N-1$.

Вместе с граничными условиями (гибель на границах) $u_{0,k} = 0$ и $u_{N,k} = 0$ для всех $k = 0...Nt$ получаем систему линейных алгебраических уравнений, матрица коэффициентов при неизвестных которой будет трехдиагональной. Это означает, что все коэффициенты в матрице равны нулю, кроме лежащих на главной и соседних с ней диагоналях.

Метод прогонки

Для решения систем линейных алгебраических уравнений с ленточной (в простейшем случае – трехдиагональной) матрицей разработан специальный алгоритм, называемый методом прогонки [4, с. 121], который является не чем иным, как методом Гаусса, учитывающим структуру матрицы. Суть метода прогонки состоит в том, что, как и в методе Гаусса, с помощью очередной строки производят исключение (обнуление) поддиагональных элементов столбца. Однако, поскольку известно, что матрица имеет ненулевые элементы, расположенные вдоль диагонали на ленте шириной 3, процесс Гаусса не доводят до конца, а ограничиваются лишь обнулением первых поддиагональных элементов.

Система уравнений для трехдиагональной матрицы имеет вид:

$$\begin{pmatrix} a_{00} & a_{01} & & & 0 \\ a_{10} & a_{11} & a_{12} & & \\ & a_{21} & a_{22} & a_{23} & \\ 0 & & \dots & \dots & \dots \end{pmatrix}\cdot\begin{pmatrix} u_0 \\ u_1 \\ u_2 \\ \dots \end{pmatrix}=\begin{pmatrix} g_0 \\ g_1 \\ g_2 \\ \dots \end{pmatrix}$$

Прямым ходом прогонки мы обнуляем расположенные под главной диагональю элементы $a_{1,0}$, $a_{2,1}$, $a_{i,i-1}$, ..., $a_{n,n-1}$ и получаем двухдиагональную матрицу:

$$\begin{pmatrix} a_{00} & a_{01} & & & 0 \\ 0 & \tilde{a}_{11} & a_{12} & & \\ & 0 & \tilde{a}_{22} & a_{23} & \\ 0 & & \dots & \dots & \dots \end{pmatrix}\cdot\begin{pmatrix} u_0 \\ u_1 \\ u_2 \\ \dots \end{pmatrix}=\begin{pmatrix} g_0 \\ \tilde{g}_1 \\ \tilde{g}_2 \\ \dots \end{pmatrix}$$

Элементы, помеченные тильдой, преобразуются в результате прямого хода. Формулы преобразования имеют вид:

$$\tilde{a}_{ii} = a_{ii} - a_{i-1,i}\beta_i, \quad \tilde{g}_i = g_i - g_{i-1}\beta_i,$$

$$\beta_i = \frac{a_{i,i-1}}{\tilde{a}_{i-1,i-1}}, \quad i = 1, \ldots n.$$

С помощью обратного хода по следующим формулам получаем решение системы линейных уравнений:

$$u_n = \frac{\tilde{g}_n}{\tilde{a}_{nn}}, u_i = \frac{\tilde{g}_i - a_{i,i+1}u_{i+1}}{\tilde{a}_{ii}}, i = N-1, \ldots, 0.$$

Алгоритм вычислений

При организации вычислений необходимо задать начальное распределение зарядов по радиусу трубки. Мы предполагаем, что в начале расчета заряды равномерно распределены по всему диаметру трубки с некоторой начальной плотностью $u_{i,0}$, которая достаточно мала. Кроме того, требуется задать вид функции ионизации $q_{i,k}$ как в начальный момент времени, так и в течение всего времени численного эксперимента. Ее вид и поведение зависят от модели процесса ионизации. В случае конечных размеров области ионизации она может быть прямоугольного, треугольного вида или другой формы. Область ионизации может быть или постоянной или меняться в течение времени. Эти параметры выбираются так, чтобы результат численного моделирования соответствовал наблюдаемому в эксперименте. В результате можно сделать выводы о характере процессов ионизации в реальности.

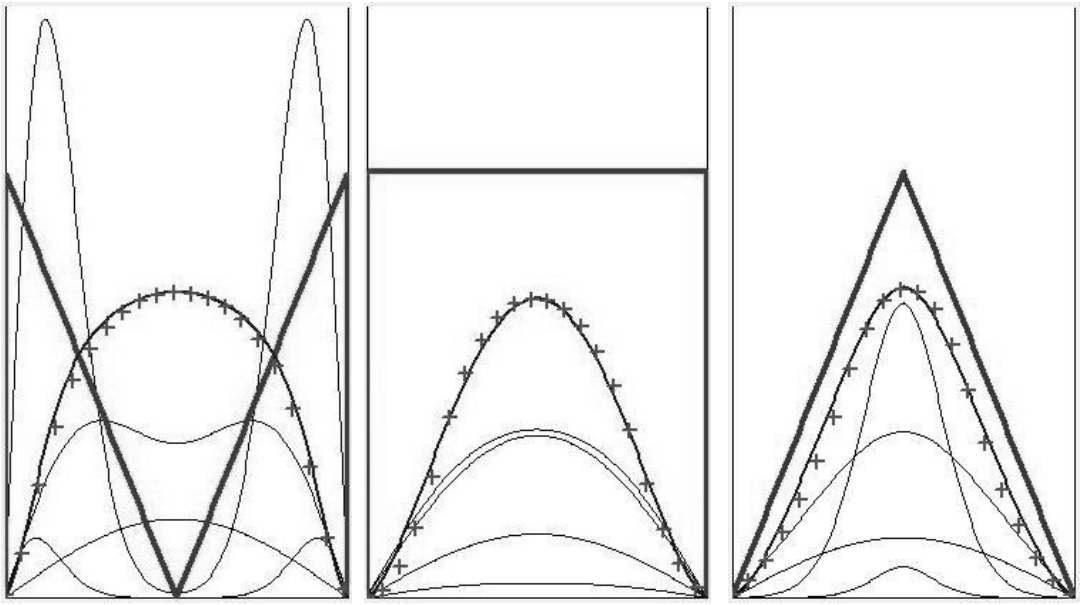
Собственно, вычислительный процесс заключается в организации цикла, на каждом шаге которого время увеличивается на некоторую малую величину $\Delta\tau$ и в следующий момент времени вычисляется новое распределение плотности зарядов по сечению трубки $u_{i,k+1}$, получающееся в результате совместного действия процессов рождения, гибели и диффузии зарядов в плазме разряда униполярного пробоя газа в длинной цилиндрической трубке исходя из предыдущего распределения $u_{i,k}$. Вклад этих процессов учитывается с помощью задания соответствующих коэффициентов: амбиполярной диффузии D, а также формы и поведения функции ионизации $q_{i,k}$. После прохождения цикла вычислений учитываются граничные условия: $u_{0,k+1} = 0$ и $u_{N,k+1} = 0$ и рассчитанное распределение плотности зарядов вдоль трубки $u_{i,k+1}$ принимается за исходное $u_{i,k} = u_{i,k+1}$ для всех $i = 0 \ldots N$.

Обсуждение результатов

Известно [5], что поведение свечения разряда отражает поведение его заряженной компоненты. Поэтому расчет плотности зарядов в разряде можно при моделировании сравнивать с распределением интегрального свечения. Задачей данного исследования было выяснить, какие процессы в первую очередь определяют наблюдаемое на эксперименте поведение интегрального свечения разряда как по сечению разрядной трубки, так и в течение импульса. Фотографирование разряда цифровой камерой позволило получить радиальное распределение интегрального свечения, усредненное по времени импульса (рис. 2).

Выбор поведения во времени сеточной функции ионизации $q_{i,k}$ определяется экспериментом. В нашем случае разряд возбуждался импульсами потенциала отрицательной полярности. При этом даже при достаточно большой длительности импульсов (до *20 мкс*) длительность ввода энергии в разряд, которую можно оценить по длительности фронта импульса тока, составляла порядка *0.5 мкс*. В течение этого времени энергия, вводимая в разряд, сначала нарастает, затем уменьшается. Такое поведение можно смоделировать функцией Гаусса. При моделировании используется последовательный набор профилей функции ионизации $q_{i,k}$ через временной интервал $\Delta\tau$. Для сравнения с экспериментом рассчитанные для разных моментов времени профили были просуммированы и нормированы на 1.

В качестве радиального распределения сеточной функции ионизации $q_{i,k}$ можно было использовать прямоугольное, треугольное и обратное. Прямоугольный профиль соответствует одинаковой скорости ионизации по сечению трубки, треугольный – преимущественной ионизации на оси трубки, а обратный – у ее стенок. Сравнение результатов моделирования и измеренных экспериментально профилей свечения разряда УПГ показало, что рассчитанный радиальный профиль свечения соответствует наблюдаемому в эксперименте. Причем вблизи покрытие-электрода ионизация происходит в основном у стенок трубки (рис. 5а), в середине разряда – наблюдается согласие при условии равномерной ионизации по всему сечению трубки (рис. 5б), а в конце раз-



а) б) в)

Рис. 5. Сравнение рассчитанных и измеренных (+) радиальных профилей разряда УПГ на разных расстояниях от ПЭ: а) *10 см* (пристеночная ионизация), б) *110 см* (равномерная ионизация), в) *210 см* (осевая ионизация). Жирная линия – распределение функции ионизации. Тонкими линиями показан временной ход профиля свечения в течение импульса

ряда – только при условии преимущественной ионизации на оси трубки (рис. 5в).

Кроме того, использование моделирования позволяет получить временной ход изменения радиального профиля в течение импульса. Из него следует, что вблизи покрытие-электрода во время ввода энергии в разряд плотность зарядов растет в первую очередь в пристеночном слое, постепенно выравниваясь по сечению вследствие расплывания за счет амбиполярной диффузии. К моменту завершения ввода энергии профиль по форме близок к функции Бесселя. Затем происходит постепенное уменьшение его амплитуды до нуля без существенного изменения формы. При удалении от покрытие-электрода область ионизации постепенно смещается к оси трубки, и в конце разряда пристеночная ионизация практически отсутствует.

Библиографический список

1. *Герасимов И.В.* Излучательные свойства разряда униполярного пробоя газа // Журнал технической физики. – 1994. – Т. 65. – С. 30–35.

2. *Савинов В.П., Сухов А.К., Копейкина Т.П.* Изменение функции распределения электронов по энергиям в плазме разряда униполярного пробоя газа // Вестник Московского университета. Сер. 3. Физика. Астрономия. – 2009. – Т. 50. – № 3. – С. 56–59.

3. *Райзер Ю.П.* Физика газового разряда: Учеб. руководство: Для вузов. – 2-е изд. перераб. и доп. – М., 1992. – 536 с.

4. *Турчак Л.И., Плотников П.В.* Основы численных методов: Учеб. пособие. – 2-е изд. перер. и доп.– М., 2003. – 304 с.

5. *Королев Ю.Д., Месяц Г.А.* Физика импульсного пробоя газов. – М., 1991. – 224 с.

УДК 661.183

Цветкова Анна Дмитриевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
polaris-ru@yandex.ru
Акаев Олег Павлович
доктор технических наук, профессор
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
akaev@list.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИРОДНЫХ И ПРОМЫШЛЕННЫХ АЛЮМОСИЛИКАТОВ В ПРОЦЕССЕ АДСОРБЦИИ ИОНОВ ТЯЖЕЛЫХ МЕТАЛЛОВ

Осуществлен анализ периодических научных изданий и патентной литературы, в ходе которого обобщены возможности использования природных и промышленных кремнийсодержащих соединений в качестве адсорбентов ионов тяжелых металлов. Описаны условия проведения адсорбции, а также численные значения адсорбционной емкости исследуемых материалов.

Ключевые слова: *адсорбция, природные и промышленные алюмосиликаты, ионы тяжелых металлов.*

В последние десятилетия большое внимание уделяется исследованию сорбционной очистки водных сред от ионов тяжелых металлов с использованием пористых материалов. Наиболее перспективными твердыми поглотителями являются минеральные адсорбенты как искусственного, так и естественного происхождения. Для таких материалов характерна развитая удельная поверхность, высокая поглотительная способность по отношению к жидкостям и растворенным веществам, они могут служить прекрасными носителями для закрепления на поверхности различных соединений при их модифицировании. Интерес к модифицированным минеральным сорбентам вызван их специфическими свойствами: неорганический носитель придает сорбенту такие свойства, как высокая скорость установления равновесия, химическая устойчивость к агрессивным средам, механическая прочность; модификатор обеспечивает селективность и полноту связывания ионов.

Целью настоящей работы является обобщение и систематизация имеющихся исследований использования природных и промышленных кремнийсодержащих соединений в процессе адсорбции ионов тяжелых металлов.

Ряд работ посвящен изучению сорбционной способности поглощения ионов тяжелых металлов *природными кремнийсодержащими соединениями (алюмосиликатами)*.

Так, предложен способ получения эффективного адсорбента для избирательного извлечения ионов металлов путем химического модифицирования природных глин [3]. Глина состоит из одного или нескольких минералов группы каолинита, монтмориллонита или других слоистых алюмосиликатов. Как правило, породообразующим минералом в глине является каолинит, содержащий 47% (масс.) оксида кремния (IV) (SiO_2), 39% оксида алюминия (Al_2O_3) и 14% воды (H_2O). Модифицирование осуществляют в две стадии. На первой стадии, выполняемой до термообработки, модифицирование проводят различными комбинациями реагентов из группы: ортофосфорная кислота, силикат натрия и соль алюминия в количестве 1–10 ммоль на 1 г глины, на второй стадии модифицирование ведут реагентом, выбранным из группы: оксид сурьмы, титана или циркония, фосфат титана или циркония, или ферроцианиды переходных металлов из расчета 0,1–2 ммоль на 1 г глины. Модифицирование адсорбента приводит к повышению его емкости по Pb^{2+} с 0,6 мг-экв/г до 4,2 мг-экв/г, по Cu^{2+} с 0,35 мг-экв/г до 3,3 мг-экв/г. Получающиеся композиционные сорбенты нетоксичны, характеризуются низкой себестоимостью, обладают высокими кинетическими показателями, но подготовка адсорбента требует многостадийного и трудоемкого модифицирования.

Рядом исследователей [4] был разработан композиционный адсорбент для поглощения ионов металлов, состоящий из алюмокремнеземной матрицы, связанной путем соконденсации с гуминовыми кислотами, извлеченными из природного торфа. Предложенный адсорбент сохраняет стабильность при эксплуатации в щелочной среде, его сорбционная емкость по Cd^{2+} доходит до 2,3 ммоль/г, по Fe^{3+} – до 2,6 ммоль/г, по Ni^{2+} – до 5,0 ммоль/г, по Cu^{2+} – до 3,2 ммоль/г, по Cr^{3+} – до 1,9 ммоль/г, по Ca^{2+} – до 1,7 ммоль/г, по Mn^{2+} –

© Цветкова А.Д., Акаев О.П., 2010

до 2,6 ммоль/г. К недостаткам рассматриваемого материала следует отнести необходимость осуществления восьми стадий в процессе его получения.

Также проведены исследования применения интеркалированных монтмориллонитовых глин, импрегнированных органическими экстрагентами, для удаления ионов меди (II) из разбавленных водных растворов [8]. Монтмориллонит имеет состав $Al_{1,67}Mg_{0,33}[(OH)_2Si_4O_{10}]^{0,33}Na_{0,33}\bullet(H_2O)_4$ [7, с. 276]. Исходя из полученных экспериментальных результатов, содержание выделенной меди составляет 1 ммоль/г адсорбента.

Исследователями [13] описаны результаты изучения использования каолина, подвергнутого кальцинации, для абсорбции ионов меди (II) из сточных вод. При этом каолин (каолинит) представляет собой алюмосиликат состава $Al_4[(OH)_8|Si_4O_{10}]$ [7, с. 190]. Максимальная величина адсорбции каолина составила 101,4 мг/г.

В результате проведенных исследований [11] отработана методика получения модифицированной алюминием природной бентонитовой глины, применяемой в процессе очистки воды от примесей ионов Co (II). Бентонит состоит в основном из монтмориллонита [7, с. 59, 276], состав которого уже указывался. При начальной концентрации ионов Co (II) 10 мг/л степень удаления иона сорбентом составила 99,8%, при концентрации 25 мг/л – 87%.

Способность адсорбировать ионы тяжелых металлов выявлена у модифицированного смектита [12]. Смектитами называют [7, с. 379] довольно большую группу природных алюмосиликатов, включающую монтмориллонит, сапонит $Mg_3\bullet[(OH)_2|Al_{0,33}Si_{3,67}O_{10}]^{0,33}\bullet Na_{0,33}(H_2O)_4$ [7, с. 361] и нонтронит $Fe_2^{3+}\bullet[(OH)_2|Al_{0,33}Si_{3,67}O_{10}]^{0,33}\bullet Na_{0,33}\bullet(H_2O)_4$ [7, с. 292]. Модифицирование природных смектитовых минералов первоначально проводили обработкой квартаминовым и хлорметиловым стиролами, затем осуществляли реакцию между смектитовыми композитами и карбодисульфидом для введения дитиокарбаматных функциональных групп в монослой органической глины. Максимальная адсорбция изучаемого материала из отдельных растворов Pb^{2+}, Cd^{2+} и Cr^{3+} составила 170,7 мг/г, 82,2 мг/г, 71,1 мг/г соответственно.

В одной из анализируемых работ [9] исследованы адсорбционные свойства вермикулита, химический состав которого можно представить следующим образом: $(Mg, Ca)_{0,7}(Mg, Fe^{3+}, Al)_6(Al, Si)_8O_{20}\bullet 8H_2O$ [7, с. 90]. В результате проведенных исследований установлено, что количество адсорбирующихся Cd^{2+}, Mn^{2+}, Zn^{2+} и Cr^{3+} составляет 0,50 ммоль/г, 0,52 ммоль/г, 0,60 ммоль/г и 0,48 ммоль/г соответственно.

Изучался и процесс адсорбции ионов тяжелых металлов на турмалине [10]. По полученным данным [7, с. 413] турмалин является борсодержащим алюмосиликатом состава $NaFe_3Al_6[(OH)_4|(BO_3)_3|Si_6O_{18}]$. Выявлена закономерность изменения селективности турмалина $Pb^{2+} > Cu^{2+} > Cd^{2+} > Zn^{2+}$. Максимальная адсорбционная емкость изучаемого минерала по Pb^{2+}, Cu^{2+}, Cd^{2+}, Zn^{2+} равна 154,08 мг/г, 78,86 мг/г, 66,67 мг/г и 67,25 мг/г соответственно.

В ходе изучения адсорбционных свойств природного каолина [5] установлено, что приемлемых величин адсорбции возможно добиться в результате модифицирования природного материала, которое осуществляли путем обработки каолина силикатом натрия, в свою очередь модифицированным карбамидом. Адсорбционная емкость гранулированного сорбента составила по Zn^{2+} 0,35 мг/г, по Fe (II, III) – 0,26 мг/г, по Cu^{2+} – 0,09 мг/г, по Ni^{2+} – 0,02 мг/г.

Проведены также исследования сорбционных свойств глауконита Каринского месторождения [6]. Химический состав глауконита [7, с. 127] можно выразить следующим образом: $(K, Na, Ca)_{<1}(Al, Fe^{2+}, Fe^{3+}, Mg)_2\bullet[(OH)_2|Al_{0,35}Si_{3,65}O_{10}]$. Изучение сорбции проводили в динамических условиях, пропуская очищаемый раствор через ионообменную колонку. Значения динамической обменной емкости (ДОЕ) и полной динамической обменной емкости (ПДОЕ) для Fe^{3+} определены, как 0,058 ммоль/г и 0,082 ммоль/г соответственно. Анализ экспериментальных данных по рассмотрению адсорбции ионов Fe^{2+} показал, что для иона Fe^{2+} ДОЕ равна 0,039 ммоль/г, ПДОЕ – 0,083 ммоль/г.

Кроме природных минералов, изучению поглотительной способности подвергаются *алюмосиликаты промышленного происхождения*, представляющие собой отходы различных производств. Подобные исследования позволяют осуществить поиск направлений вторичного использования промышленных отходов, нерационально складируемых вблизи предприятий и наносящих вред окружающей среде.

Одним из таких исследований являлось определение возможности применения горелой породы для поглощения ионов тяжелых металлов [1].

Горелая порода, в состав которой входило 68,2% SiO_2, 21,5% Al_2O_3, формировалась при сгорании угольных отходов. Высокая температура горения способствовала полному выгоранию угольных слоев, спеканию минеральной части породы и формированию ее пористой структуры в результате неуправляемого природного процесса. Предельная адсорбционная емкость исходного материала составила по Cd^{2+} 18,30 мг/г, по Cu^{2+} – 10,71 мг/г, по Pb^{2+} – 31,58 мг/г. Для повышения количества поверхностных адсорбционных центров осуществляли обработку изучаемого материала раствором щелочи. Щелочное модифицирование привело к увеличению адсорбции, значения предельной адсорбционной емкости обработанной горелой породы получились по Cd^{2+} – 26,03 мг/г, по Cu^{2+} – 16,84 мг/г, по Pb^{2+} – 44,11 мг/г. Приведены результаты [2] оптимизации адсорбционного процесса путем модифицирования горелой породы оксихлоридом алюминия, трилоном Б и карбоксиметилцеллюлозой. Наибольшего эффекта удалось достичь при поглощении ионов Pb^{2+}, используя в качестве модификатора карбоксиметилцеллюлозу, адсорбционная емкость обработанной горелой породы по сравнению с исходной возросла в 5,5 раз и составила 175 мг/г.

Таким образом, установлено, что природные и промышленные алюмосиликатные соединения обладают достаточно высокими адсорбционными свойствами к ионам тяжелых металлов. Химическое модифицирование поверхности позволило существенно повысить сорбционные характеристика рассматриваемых материалов.

Библиографический список

1. *Гельфман М.И., Тарасова Ю.В., Шевченко Т.В.* Адсорбция ионов меди (II), кадмия (II) и свинца (II) на минеральном сорбенте, модифицированном растворами щелочи // Химическая промышленность. – 2002. – №2. – С. 1–6.

2. *Гельфман М.И., Тарасова Ю.В., Шевченко Т.В.* Исследование сорбционных характеристик природного и модифицированного сорбента на основе алюмосиликатного сырья // Химическая промышленность. – 2002. – №8. – С. 1–7.

3. Патент 1834704. Способ получения композиционного сорбента UNEKS-C на основе природных глин.

4. Патент 2174871. Композиционный гуминоалюмокремнеземный сорбент.

5. *Разговоров П.Б.* Научные основы создания композиционных материалов из технических и природных силикатов: Автореф. дис. … док. тех. наук. – Иваново, 2008. – 32 с.

6. *Сухарев Ю.И., Кувыкина Е.А.* Использование глауконита уральского месторождения в процессах очистки воды от железа (II, III) // Известия Челябинского научного центра. – 2002. – Вып. 1. – С. 62–66.

7. *Штрюбель Г., Циммер З.* Минералогический словарь. – М.: Недра, 1987. – 494 с.

8. *Cox M., Rus-Romero J.R., Sheriff T.S.* The application of monmorillonite clays impregnated with organic extractants for the removal of metals from aqueous solution // React. and Funct. Polym. – 2004. – Т. 60. – С. 215–222.

9. *de Fonseca Maria G., de Oliveira Michelle M., Arakaki Luiza N. H.* Removal of cadmium, zinc, manganese and chromium cations from aqueous solution by a clay mineral // J. Hazardous Mater. – 2006. – №1.– Т. 137. – С. 288–292.

10. *Jiang Kan, Sun Tie-heng, Sun Li-na.* Adsorption characteristics of copper, lead, zinc and cadmium ions by tourmaline // J. Environ. Sci. – 2006. – №6.– Т. 18. – С. 1221–1225.

11. *Manohar D.M., Noeline B.F., Anirudhan T.S.* Adsorption performance of Al-pillared bentonite clay for the removal of cobalt (II) from aqueous phase // Appl. Clay Sci. – 2006. – №3–4. – Т. 31. – С. 194–206.

12. *Say Ridvan, Birlik Ebru, Denizli Adil.* Removal of heavy metal ions by dithiocarbamate-anchored polymer/organosmectite composites // Appl. Clay Sci. – 2006. – №3–4. – Т. 31. – С. 298–305.

13. *Zhi Ping-ping, Wang Yin-ye.* Приготовление наномерного X-цеолита и его применение для улавливания ионов меди // Anquan yu huanjing xuebao. – 2004. – №1. – Т. 4. – С. 80–83.

УДК 512.541.7

Чередникова Алла Викторовна
кандидат физико-математических наук, доцент
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru

КЛАССИЧЕСКИ ПОЛУПРОСТЫЕ КОЛЬЦА КВАЗИЭНДОМОРФИЗМОВ СИЛЬНО НЕРАЗЛОЖИМЫХ АБЕЛЕВЫХ ГРУПП БЕЗ КРУЧЕНИЯ ПРОСТОГО РАНГА

Получено описание классически полупростых колец квазиэндоморфизмов сильно неразложимых абелевых групп без кручения простого ранга.

Ключевые слова: *классически полупростое кольцо, квазиэндоморфизм, абелева группа, группа без кручения, сильно неразложимая группа.*

В статье рассматриваются только абелевы группы без кручения конечного ранга.

Пусть G – группа, а $\mathbf{Q}$ – поле рациональных чисел. Делимую оболочку $\mathbf{Q} \otimes G$ группы G можно рассматривать как векторное пространство над $\mathbf{Q}$, размерность которого совпадает с рангом группы G и аддитивная группа которого содержит G в качестве подгруппы.

Кольцом квазиэндоморфизмов $\mathcal{E}(G)$ группы G называется кольцо всех линейных преобразований f пространства $\mathbf{Q} \otimes G$, таких, что $nf(G) \subseteq G$ для некоторых ненулевых целых чисел n. Другими словами, квазиэндоморфизмы – это обычные эндоморфизмы, формально поделенные на ненулевые целые числа.

Выявленные Рейдом [1], а затем углубленные П.А. Крыловым [2, 3] связи между сервантными вполне характеристическими подгруппами группы G и свойствами $\mathcal{E}(G)$ актуализируют исследование колец квазиэндоморфизмов абелевой группы без кручения конечного ранга.

В статье дается описание классически полупростых колец квазиэндоморфизмов сильно неразложимых абелевых групп без кручения простого ранга.

Напомним необходимые в дальнейшем некоторые определения.

Кольцо называется *классически полупростым*, если оно изоморфно прямой сумме конечного числа полных матричных колец над телами.

Говорят, что группа G *квазиравна* группе H ($G \doteq H$), если $G \supseteq nH \supseteq mG$ для некоторых ненулевых целых чисел n и m.

Под *квазиразложением* группы G понимается семейство ненулевых подгрупп G_i $(i \in I)$ делимой оболочки $\mathbf{Q} \otimes G$ группы G, таких, что $G \doteq \oplus_{i \in I} G_i$. При этом каждая из групп G_i называется *квазислагаемым* группы G.

Группа G называется *сильно неразложимой*, если она не обладает нетривиальными квазиразложениями.

Псевдоцоколем группы G называется сервантная оболочка суммы всех минимальных сервантных вполне характеристических подгрупп группы G (обозначается через $Soc\ G$). Из [1, лемма 5.3] и артиновости справа кольца квазиэндоморфизмов абелевых групп без кручения конечного ранга следует, что псевдоцоколь группы без кручения конечного ранга всегда отличен от нуля.

Группа называется *неприводимой*, если она не имеет нетривиальных сервантных вполне характеристических подгрупп.

Определения, факты и обозначения можно найти в [4; 5].

Теорема 1. Пусть G – сильно неразложимая абелева группа без кручения простого ранга p. Кольцо квазиэндоморфизмов $\mathcal{E}(G)$ группы G классически полупросто тогда и только тогда, когда оно является алгеброй над $\mathbf{Q}$ размерности 1 или p. При этом

1) $\mathcal{E}(G) \cong \mathbf{Q}$ тогда и только тогда, когда G содержит вполне характеристическую подгруппу ранга 1;

2) $\mathcal{E}(G)$ – поле алгебраических чисел степени p тогда и только тогда, когда G неприводима.

Доказательство. Известно [4], что для кольца $\mathbf{R}$ с единицей следующие условия эквивалентны: (1) $\mathbf{R}$ классически полупросто; (2) $\mathbf{R}$ артиново справа, и его радикал Джекобсона равен нулю. Кольца квазиэндоморфизмов абелевых групп без кручения конечного ранга артиновы справа. Кроме того, П.А. Крылов [2, теорема 1.4] доказал, что для группы G с артиновым справа кольцом $\mathcal{E}(G)$ следующие условия эквивалентны: (1) $\boldsymbol{J}(\mathcal{E}(G)) = 0$ ($\boldsymbol{J}(\mathcal{E}(G))$ – радикал Джекобсона кольца $\mathcal{E}(G)$); (2) $G = Soc\ G$. Следовательно, кольцо квазиэндо-

© Чередникова А.В., 2010

морфизмов абелевой группы без кручения конечного ранга классически полупросто тогда и только тогда, когда группа совпадает со своим псевдоцоколем. Воспользуемся следующей теоремой.

Теорема А [3]. Пусть G – группа без кручения конечного ранга. Следующие условия эквивалентны:

1) $\mathcal{E}(G)$ – тело;

2) $G = Soc\ G$ и группа G сильно неразложима;

3) $dim_{\mathbf{Q}} E(G) = rank\ P$, где P – некоторая (равносильно любая) минимальная сервантная вполне характеристическая подгруппа группы G.

По условию доказываемой теоремы G является сильно неразложимой и $G = Soc\ G$. Это по теореме А равносильно тому, что $\mathcal{E}(G)$ – тело. Делимая оболочка $\mathbf{Q} \otimes G$ группы G является $\mathcal{E}(G)$-модулем. Тогда $\mathbf{Q} \otimes G$ можно рассматривать как векторное пространство над телом $\mathcal{E}(G)$. В свою очередь, $\mathcal{E}(G)$ является векторным пространством над $\mathbf{Q}$. При этом $dim_{\mathbf{Q}} \mathcal{E}(G) < p^2$. Тогда $dim_{\mathbf{Q}}(\mathbf{Q} \otimes G) = dim_{\mathcal{E}(G)}(\mathbf{Q} \otimes G) \cdot dim_{\mathbf{Q}}(\mathcal{E}(G))$.

Пусть $dim_{\mathcal{E}(G)}(\mathbf{Q} \otimes G) = t$, а $dim_{\mathbf{Q}}(\mathcal{E}(G)) = s$. Отсюда $t \cdot s = p$. Следовательно, s принимает значения либо 1, либо p.

Предположим, что $dim_{\mathbf{Q}}(\mathcal{E}(G)) = 1$. Это равносильно тому, что $\mathcal{E}(G) \cong \mathbf{Q}$. Отсюда по теореме А $\mathcal{E}(G) \cong \mathbf{Q}$ тогда и только тогда, когда G содержит вполне характеристическую подгруппу ранга 1.

Пусть $dim_{\mathbf{Q}}(\mathcal{E}(G)) = p$. Тогда по теореме А это равносильно тому, что группа G содержит минимальную сервантную вполне характеристическую подгруппу ранга p, то есть группа G не имеет собственных сервантных вполне характеристических подгрупп. Значит, группа G является неприводимой.

Теперь покажем, что тело размерности p над $\mathbf{Q}$ является полем. Рассмотрим центр $\mathbf{Z}(\mathcal{E}(G))$ тела $\mathcal{E}(G)$.

$\mathbf{Q} \subseteq \mathbf{Z}(\mathcal{E}(G)) \subseteq \mathcal{E}(G)$.

Ранг алгебры с делением над ее центром всегда является квадратом натурального числа [6]. Отсюда $dim_{\mathbf{Q}}(\mathcal{E}(G)) = dim_{\mathbf{Z}(\mathcal{E}(G))}(\mathcal{E}(G)) \cdot \dim_{\mathbf{Q}}(\mathbf{Z}(\mathcal{E}(G)))$.

Обозначим $dim_{\mathbf{Q}}(\mathbf{Z}(\mathcal{E}(G))) = s$, а $dim_{\mathbf{Z}(\mathcal{E}(G))}(\mathcal{E}(G)) = k^2$. Следовательно, $k^2 \cdot s = p$. Значит, $k^2 = 1$ и $k = 1$. Получили, что $\mathcal{E}(G) = \mathbf{Z}(\mathcal{E}(G))$ – поле. Итак, мы доказали, что G неприводима тогда и только тогда, когда $\mathcal{E}(G)$ – поле алгебраических чисел степени p.

Замечание. Каждое поле алгебраических чисел степени p над полем рациональных чисел $\mathbf{Q}$ реализуется в качестве алгебры квазиэндоморфизмов сильно неразложимой абелевой группы без кручения ранга p.

Действительно, пусть $\mathbf{K}$ – поле алгебраических чисел степени p над $\mathbf{Q}$. Тогда существует полное подкольцо $\mathbf{A}$ поля алгебраических чисел $\mathbf{K}$, такое, что аддитивная группа A^+ кольца $\mathbf{A}$ является сильно неразложимой [7, теорема 8.4].

Очевидно, что группа A^+ имеет ранг p. Р. Пирс [8] доказал, что в этом случае $\mathcal{E}(A^+)$ является изоморфным (как рациональная алгебра) полному матричному кольцу $\mathbf{M}_m(\mathbf{F})$, где $\mathbf{F}$ – подполе поля $\mathbf{K}$, такое, что $[\mathbf{K} : \mathbf{F}] = m$. Более того, в той же работе доказано, что A^+ сильно неразложима тогда и только тогда, когда $\mathbf{F} = \mathbf{K}$. Следовательно, в нашем случае $\mathcal{E}(A^+) \cong \mathbf{K}$, что и требовалось доказать.

Библиографический список

1. *Reid J.D.* On the rings of quasiendomorphism of torsion free Abelian groups // Topics in Abelian Groups. – 1963. – P. 51–68.

2. *Крылов П.А.* Радикалы колец эндоморфизмов абелевых групп без кручения // Матем. сб. – 1974. – Т. 95. – №10. – С. 214–228.

3. *Крылов П.А.* Абелевы группы без кручения и их кольца эндоморфизмов // Извещения вузов. Математика. – 1979. – №11. – С. 26–33.

4. *Мельников О.В.* Общая алгебра. Т. 1 / О.В. Мельников, В.Н. Ремесленников, В.А. Романьков и др. / под ред. Л.А. Скорнякова. – М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1990.

5. *Фукс Л.* Бесконечные абелевы группы. В 2 т. – М.: Мир, 1974, 1977.

6. *Ван дер Варден Б.Л.* Алгебра. – М.: Наука, 1979.

7. *Beaumont R.A., Pierce R.S.* Torsion free rings // Illinois J. Math. – 1961. – V. 5. – P. 61–98.

8. *Pierce R.S.* Subrings of simple algebras // Michigan Math. J. – 1960. – V. 7. – P. 241–243.

ФИЛОСОФИЯ. ЭТИКА

УДК 101.1:316

Гореликов Егорий Львович
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
dmax_1292@mail.ru

ЯЗЫК ОБЩЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО СОЦИУМА

В статье рассматриваются проективные возможности языковой модели в реализации стратегии развития гражданского общества в России на фоне глобального будущего современной цивилизации, определяются функциональный статус и качественные параметры языка межличностного общения людей как инструмента эффективного развертывания общественной практики. Анализируются перспективы участия государственного языка РФ как средства символического кодирования духовного опыта человечества в претворении образа новой России в гражданском контексте программы развития глобального социума, отражающей универсальные требования общественного интеллекта.

***Ключевые слова**: язык межличностного общения, гражданское самосознание, глобальный социум, образовательная стратегия, государственный язык.*

Важнейшим итогом процессов глобализации в духовной сфере стало стирание межгосударственных идеологических барьеров и беспрепятственное проникновение с помощью информационных технологий на территории суверенных государств нравственных установок иных социокультурных миров, переподчинение воли граждан новым центрам власти путем перекодировки их языка общения. Информационное общество использует язык как главный идеологический ресурс управления и наиболее эффективное средство формирования общественного мнения, как совершенное орудие реализации властных полномочий глобального социума. Глобальное будущее современной цивилизации в конечном счете определяется нравственным выбором человечеством предпочтительной модели Языка межличностного общения людей, обеспечивающего их взаимопонимание в развертывании общественной практики.

1. Язык как практический канон гражданского самоопределения современного социума. Современный этап развития мирового сообщества в направлении духовного самоопределения личности обозначает переключение механизмов социального управления в автоматический режим саморазвития глобального социума на базе универсальных возможностей знаково-символической деятельности людей в продуцировании идеального образа будущего. Язык стирает пространственно-временные, социально-политические и информационные границы и подчиняет деятельность стран и народов требованиям всеобщего канона разумного общения. В проектировании идеальных контуров совместной жизни Язык выступает как креативное ядро программы претворения ноосферы будущего человечества. Миром разумного будущего человечества владеет то рационально организованное национально-государственное сообщество, обеспечивающее кодировку глобальных потоков информации символическими средствами своего языка, нравственное кредо которого максимально соответствует жизненным запросам глобального социума.

Главными достоинствами господствующего в цивилизованном сообществе франко-британского языкового кода символизации духовного опыта человечества являются конструктивная надежность и эффективность в освоении локальных пластов предметной реальности, аналитическая сбалансированность и эмпирическая основательность в руководстве общественной практикой. Однако в условиях нарастания глобальных проблем мировое сообщество нуждается в универсализации управленческих кодов, способных обозначить всеобщие гуманистические перспективы мирового развития, представить духовное единство человечества. Такой язык всемирного общения могут предложить знаковые системы объективно-синтетического типа, настроенные на максимально широкое объединение информационных потоков творческой полнотой, гибкостью разумного слова, к которым относится русский язык.

© Гореликов Е.Л., 2010

Субъективное стремление современного социума к выявлению максимально гибкого языка межличностного общения, способного адекватно выразить творческие замыслы всех национальных культур, характеризует духовный настрой гражданского общества как суверенного, полновластного объединения свободных личностей на основе универсальных требований общественного интеллекта. Претворение гуманистических идеалов гражданского общества предполагает в первую очередь углубление личностного самосознания граждан на основе свободных потенциалов интегрального, объективно-синтетического Языка всемирного общения. Поэтому сознательная стратегия развития гражданского общества в контексте современных исторических тенденций требует переформатирования символического кода функционирования всемирных институтов общественно-политической власти – межличностного языка международного общения. Такой язык не является искусственным продуктом абстрактно-аналитического, обезличенного разума мировой цивилизации, а естественной формой реализации нравственно-волевого импульса людей в выборе желанного будущего.

В условиях утверждения информационно-лингвистической парадигмы управления глобальным социумом значение языковых коммуникаций в рациональном самоопределении национально-государственных сообществ существенно возрастает. Языковой фактор становится системообразующим в процессах развития государств нового, всемирного гуманитарно-демократического типа, в которых принципы демократии как способа организации выборной власти на основе правового равенства граждан перед законом и политической воли большинства дополняются нравственным императивом гражданского примирения, социального сотрудничества, межличностного взаимопонимания как высшего требования разумного существа человека. Требование гражданского мира, в понимании Т. Гоббса, было главным конституирующим фактором в переходе первобытных людей от природного состояния «войны всех против всех» к цивилизованному образу разумной организации их совместной жизни [1, с. 291].

Разумное самоограничение личной воли закрепляется признанием верховенства общественного договора об объединении индивидов в гражданское сообщество и передаче суверенных прав избранному гражданскому лицу как средоточию свободной воли: «…гражданские сообщества … есть … объединения, основанные на договоре, для создания которого необходимы взаимные верность и соглашения… человек способен к жизни в обществе не от природы, а благодаря знанию» [1, с. 285]. Естественным основанием конституирования главных параметров общественного договора оказывается языковая среда, которая и выступает действительной субстанцией коллективного разума, подлинным субъектом общественной жизни, устанавливающим разумные границы практической воли гражданского населения.

Сегодня принцип гражданского примирения и социального сотрудничества на базе созидательных возможностей языка межличностного общения должен представлять добрую волю не локально-корпоративного, а всемирного сообщества, выражать требования не частного, а глобального разума человечества. Идейным средоточием этого разума являются высшие ценности – нравственные идеалы коллективной жизни людей, выступающие смысловым стержнем исторического развития гражданского общества. Этот нравственный смысл всемирного социума И. Кант выразил в категорическом требовании признания личностного достоинства человека высшей ценностью разумной жизни общества [4, с. 270]. Основным направлением развития гражданского самосознания в процессе становления глобального социума оказывается совершенствование нравственных регулятивов общественной жизни, обоснование правовых отношений моральными принципами. Последнее предполагает фундаментальный синтез в руководстве общественной практикой религиозно-нравственных (традиционно-практических) и логико-философских (рефлексивно-эвристических) принципов разумной организации человеческой деятельности. Действительным основанием реализации глобального синтеза деятельных потенциалов человеческой души выступает языковая субстанция совместной жизни людей, определяющая смысловое единство всемирной истории человечества.

На этом интеллектуальном фоне формирования глобального социума качество языковых коммуникаций становится определяющим фактором продуктивного развития институтов гражданского общества. Язык проявляет себя как автономный субъект перспективного планирования социального пространства, действия которого на-

правлены на создание глобальной системы социальных коммуникаций. Претворение этой цели предполагает разработку интегральной модели функционального речевого поведения людей как концептуального основания для успешной реализации стратегии глобального проектирования социального будущего.

2. Идеологический контекст глобального проектирования гражданского общества современной России. Исторической предпосылкой внедрения функциональной модели языковых коммуникаций глобального социума в содержание современной общественной практики является качественное изменение социально-психологического, идеологического контекста языковой жизни, начинающееся с культивирования рациональных основ информационного обмена в коммуникативном пространстве социума. Рационализация языковой среды социальных взаимодействий автоматически усиливает режим обратной связи в отношениях органов государственной власти с гражданским сообществом, укрепляет социальный статус каждого гражданина. Интеллектуальное самосознание «автономной личности» начинает определять духовную жизнь общества. В позитивном единстве деятельных возможностей, обозначенных своеобразием языка, это личностное самосознание раскрывается как «креативная сила» всемирного духа человечества. Разум человеческий утверждает всемирную мощь своих замыслов в формах чувственной красоты предметных воплощений, первым из которых является Язык. Главный закон Языка, который признается им помимо субъективной очевидности, – это закон Красоты, чувственной притягательности Слова: «художественная красота… есть необходимое следствие, вытекающее из всей его сущности, надежный пробный камень его внутреннего и внешнего совершенства» [2, с. 109].

Теория и практика языковых коммуникаций в современном российском социуме нуждается в тщательной разработке в соответствии с общемировыми перспективами развития гражданского общества, интеллектуализации и гуманизации общественной жизни. Гражданское общество, в рамках англо-американской традиции, идущей от Т. Гоббса и Дж. Локка, – это общественное устройство или государство особого типа, в котором юридически обеспечены и политически защищены основные права и свободы личности. Персоноцентризм рациональной коммуникативной среды стимулирует когнитивно-логические алгоритмы жизнедеятельности, повышает уровень семиотичности жизненного пространства и ускоряет информационные процессы как концептуальную базу осмысленного существования. Главной несущей конструкцией гражданского общества является «языковая личность» как живой образ единства чувств и разума в индивидуальном существе человека.

Новым качеством рационального устройства языковых коммуникаций обеспечивается демократизация социальных отношений как главное требование гражданского общества. Категорический императив Канта четко обозначил идейный канон гражданского поведения личности как сознательного соблюдения требований всеобщего закона. «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства» [3, с. 347]. Применяемые в современном обществе коммуникативные технологии, выражающие при демократии действительную волю гражданского общества в свободе слова и социальной ответственности, должны создавать объективный информационный фон для глобального проектирования разумного будущего человечества, обеспечивать обмен информацией в максимально доступном для всех категорий граждан многоканальном языковом режиме. Демократичная языковая среда общественной жизни – это многомерное коммуникативное пространство межличностного общения людей, представляющее их как свободных и социально ответственных языковых личностей, обеспечивающее право выбора ими языка взаимного общения.

3. Государственный язык как системный фактор креативного самоопределения гражданского общества. Важнейшим инструментом идейного влияния государства на гражданское сообщество является государственный язык. Главный вопрос, который должна решить российская власть в процессе интеграции в современное мировое сообщество, – это вопрос о государственном языке как когнитивно-семиотическом коде полноправного вхождения в информационное пространство глобального социума.

Государственный язык – не просто структурный элемент социальной целостности, обеспечивающий информационную взаимосвязь всех ее частей и систем управления: это главный интеллектуальный ресурс, универсальное, единое

и цельное основание продуцирования перспективно ориентированных схем общественной практики как логико-семантических структур коллективной жизнедеятельности людей. Конечный смысл его социального функционирования связан с повышением креативного потенциала гражданского общества. «Языковая личность» как креативный центр языковой жизни гражданского социума раскрывается в ходе практического претворения социальных проектов разумного будущего как «пророчествующая личность», определяющая новые пути и формы социального сотрудничества.

Для повышения эффективности «языковых личностей» в проектировании социального будущего с учетом исторических задач гражданского самоопределения российского социума необходимо: 1) установить механизмы влияния системно-динамических и структурно-функциональных параметров языковой жизни социума на развитие общественного интеллекта; 2) определить степень воздействия различных видов языковой коммуникации на динамику основных сфер общественной жизни; 3) в режиме мониторинга фиксировать эффективность употребления государственного языка как универсального средства организации социокультурных практик на каждом направлении общественного воспроизводства; 4) контролировать соответствие полученных результатов идеально-типическим моделям языковых коммуникаций в контексте углубления политической демократии и укрепления гражданского самосознания в обществе. Задача развития гражданского самосознания российского социума должна рассматриваться в современном историческом контексте как мегалингвистический проект стратегического планирования социального будущего России [5; 6].

4. Образовательная стратегия гражданского строительства современного социума. Гражданское общество реальной демократии обеспечивает в организации общественной практики выполнение прежде всего информационно-коммуникационной функции как необходимого условия эффективной жизнедеятельности всех его систем.

В современном обществе язык массовых коммуникаций определяет не только нравственные приоритеты индивидуального поведения граждан, но и политику государственной власти, генерирует интеллектуальную атмосферу, формулирует программу социального развития народов. Язык СМИ как орган общественного самосознания должен руководствоваться идеей гражданского договора, нравственной консолидации населения как внутреннего основания его духовного здоровья, быть проводником политики народного суверенитета, всенародным средством обсуждения социальных и духовных проблем жизни общества, а также главным инструментом мягкого политического управления, духовно-нравственного регулирования отношений между странами, наиболее точным и эффективным средством корректировки политической линии государства на мировой арене. Язык фактически выступает глобальным средством целенаправленного изменения мира. Реализация языковых прав оказывается сегодня на первом месте в системе прав гражданина. Современный социум – это глобальный образ и подобие СМИ. Дух СМИ устанавливает практические ориентиры исторического процесса. Эффективность языковой политики государства во многом определяется способностью государственного языка быть универсальной программой информационного общения граждан. Функциональное состояние языковых ресурсов общества (и прежде всего государственного языка) должно стать главным объектом заботы власти в сфере культуры. Именно символическое зеркало культуры служит истинным показателем духовного существа общества, идейного достоинства государственного разума в организации общественной жизни.

Функции каналов массовых коммуникаций в жизни современного общества состоят не только в обеспечении граждан объективной, актуальной и достоверной информацией о наиболее важных мировых событиях, но и в реализации рефлексивно-идеологической, мобилизационно-консолидирующей, нравственно-воспитательной и художественно-развлекательной функций. На базе СМИ реализуется в массовом масштабе образовательная стратегия духовного воспроизводства социума как программы перспективной социализации гражданского населения, его приобщения к передовому интеллектуальному ресурсу всемирно-исторического процесса. Существенные трудности процесса гражданского самоопределения российского общества рубежа XX–XXI вв. связаны с неразвитостью общественного самосознания российских СМИ: главным условием их нравственного пробуждения является живая связь с интересами народных масс, с цен-

ностями демократии, социальной справедливости и личной свободы.

Культ Слова становится в современном мире конституирующим идейным основанием политического курса национальных государств в стратегическом планировании разумного будущего человечества, обеспечивает ускорение процессов становления информационного общества как социального эталона XXI века. Лишь духовная красота и интеллектуальная сила Языка позволят мировому сообществу преодолеть современный антропологический кризис и утвердить братское со-гласие людей в созидании всемирного социума, в реализации высшего смысла общественной жизни. «Выше слова нет на земле вещи более осмысленной. Дойти до слова и значит дойти до смысла» [7, с. 150].

Библиографический список

1. *Гоббс Т.* Основ философии. Ч. 1, 3 // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – С. 66–218, 270–506.

2. *Гумбольдт В. фон.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 37–297.

3. *Кант И.* Критика практического разума // Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 4. Ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – С. 311–501.

4. *Кант И.* Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 4. Ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – С. 211–310.

5. *Лисицына Т.А.* Язык образования XXI века: ценности и стратегии: Русский проект. – Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2008. – 140 с.

6. *Лисицына Т.А., Гореликов Л.А.* «Язык образования и образование языка» – инновационный императив России XXI века / Под ред. А.Л. Гаврикова. – Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2008. – 404 с.

7. *Лосев А.Ф.* Философия имени // Лосев А.Ф. Самое само: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – С. 29-204.

УДК 141

Губанов Сергей Александрович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
marker6186@list.ru

СПЕЦИФИКА КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА АНТИНОМИЙ СИМВОЛА В ОНТОЛОГИИ о. П.А. ФЛОРЕНСКОГО

В статье рассматриваются онтологические стороны специфической природы функционирования антиномий символа в диалектике культурфилософского дискурса о. П.А. Флоренского. Среди таковых выделяются принципы индуктивного и дедуктивного распространения свойств антиномий как одних из основополагающих факторов ретрансляции неоднозначной природы символа в размышлениях богослова. Исходя из постижения антиномий символа – как интегрирующей плоскости, соединяющей опыт чувственного и сверхчувственного, – в мировоззрении Флоренского выстраиваются абсолютно новые грани видения культурфилософии Бытия в качестве символического устройства. В результате в мировоззрении богослова формируются и новые представления о генезисе культурного процесса в целом.

Ключевые слова: *антиномии, символ, дискурс, свойства, природа, принцип, сознание, идея, синтез, духовность, культура, религия, искусство, смысл, восприятие, онтология.*

Священника Павла Флоренского с его религиозными, культурологическими и философскими изысканиями можно назвать одним из выдающихся в ряду представителей русского искусствознания, но, возможно, прагматическим искусствоведом в узком смысле этого слова он себя не считал. Многочисленные размышления, запечатленные в текстах, посвященные искусству и культуре, интересны не только своим конкретно-научным содержанием, а, прежде всего, религиозно-философскими изысканиями, направленными на рассмотрение культуры как единого идейного поля в культивации антропологического миросозерцания в восприятии Бытия.

Принцип индуктивной системы познания секуляризирует антиномию символа в онтологическом тождестве, представленном следующей моделью: х-объект имманентности стремится к бесконечно утверждающей его теургическую состоятельность трансцендентности, в пределах которой инвариантная дихотомия стирается, транс-

© Губанов С.А., 2010

формируясь в беспредельность истинности антиномий. С другой стороны, принцип дедуктивности обращает на себя внимание с той позиции, что символическое смысловое состояние х-объекта имманентности, достигнув онтологической точки истинности в пространственной модели Бытия, уже не может быть отождествленным с искомым содержательным уровнем постигаемой вещи, а может только ретранслироваться имплицитно или эксплицитно сознанием в воплощении теургии антиномии символа, воплощенного в ноуменальной данности: «Человек всегда чувствует, что смысл превышает его, будучи независимым в своем бытии. Смысл всегда ускользает от всякого определения и не "схватывается" никаким точным описанием. Определить смысл означало бы его определить, то есть указать на его границы и пределы. Смысл же всегда открыт и неисчерпаем, подвижен и изменчив» [4, с. 71].

Таким образом, символ есть, по определению П.А. Флоренского, «часть, равная целому», где «целое не равно части» [1, с. 148]. Указанный метод постижения антиномий символа, подчеркивающий их онтологическую картину состояний, во многом спровоцирован самой сущностью мировоззрения Флоренского на их культурфилософский дискурс в Бытии, состоящий в том, что относительно любое явление действительности признается философом как фокус антиномической диалектики духовного средоточия времени, воплощенной в аритмологии познаваемого символического смысла вещи. Отталкиваясь от природы ноуменальности антиномий символа, философ считает, что в методологии их постижений в структурной организации объекта и располагается содержательная форма источника его чувственной духовной неисчерпаемости, выкристаллизовывается онтологическая неадекватность всему, чем является, то есть наблюдается обособление степени феноменальной ретрансляции онтологии символа в качестве непосредственного синтеза имманентности и трансцендентности, антропологии и духовного абсолюта. В качестве онтологической основы культуры символ может проектировать, в определенных взаимосвязях прогнозировать и организовывать жизнь индивидуального начала, позволять человеку творить, сотворять и созидать мироздание, без какого-либо отклонения от духовных координат чувственных постижений. Полноценно ретранслируя именно ту сторону бытия человека, которая предшествует его модусу «состоявшести», и выступая в качестве «инобытийной» структуры, символ постоянно интегрирует и раздвигает границы «культурных определенностей». Это дало возможность П.А. Флоренскому характеризовать символ как реально присутствующее в действительности предельно «антиномическое» образование, как субстанциальное тождество метафизического и физического. Но онтологическую значимость антиномичности П.А. Флоренский квалифицирует и не как возражение против символа, а тенденционально напротив – как залог их истинного духовного пересечения и содержательного содружества.

Такое скрещение феноменологического и онтологического понимания антиномии символов вело к утверждению, что символы лежат вне всяческих пределов рационалистического понимания. Здесь мы сталкиваемся с отличительной чертой отечественного способа строения феноменологии культуры в целом: для нее характерно изначальное смещение из среды процесса описания культуры к вычленению основ «устройства» самого акта описания, который, в свою очередь, есть в сущности «культурное» действие. Однако возникает еще одна, параллельная существующая характеристика русского самосознания, персонифицированная в данном случае в мировоззрении Флоренского, состоящая в постижении антиномий символа, да и символической стороны явлений Бытия в общем, как духовного откровения и первоакта познания вещи в действительном пространстве смысловых приращений и исчислений, разнящаяся с западной – механистической. Акцент ставится на одномоментной внутренней связанности того, кто описывает, с тем, что описывается. От «события» культуры мысль философа уходила в глубины «бытия», приближаясь к основам того, что рождало принцип «со-...», т.е. любую сопричастность культуре. Такой оригинальный способ укорененности диалектического процесса в онтологических устоях мира определялся не в последнюю очередь тем, что религиозно ориентированная философия определяюще тяготела к рассмотрению «культурного» становления с позиций его развертывания «позиций». Указанный подход, безусловно, последовательно секуляризовывался в онтологии антиномий символа Флоренского, обнаруживая все новые, скрупулезно обновляющиеся тенденции культурфилософской практической

экзальтации. Следовательно, теургическая природа явлений не может четко идентифицировать самостоятельную метафизичность, хотя вполне акцентируется как состоятельный объект познаваемого, пока в пространственно-временной парадигме Бытия не преломится установившаяся самозамкнутость при помощи познающего субъекта, определившего позициональную измененность смысловой догматики частности духовного символа вещи, на адекватную антиномическую формулу сопричастности: «Возрастание знания у личности предполагает наличие любви у личности и к ней, а также еще одно условие: Истиной нельзя обладать индивидуально. Процесс совершенствования, "обожения" личности, раскрытие идеального образа происходит не с отдельным, изолированным от других индивидом. "Божественное есть всеединое", потому Богопознание невозможно без коллективного духовного опыта, который осуществляется, считает о. Павел, в Церкви» [8, с. 96].

В размышлениях Флоренского «символическое» видение реальности по-новому представляло ее собственную структурную организацию как в смысловом отношении, так и в функциональной детерминации. По своей онтологической доминанте относительно каждый символ выделяет и обособляет собой вполне конкретный предел антиномической онтологичности мира, в которой происходит непрестанное движение, перемещение и трансформация ноумена символической структуры объекта Бытия. Сосредоточивая теургическое духовное единство, символы предстают в умозрении философа в форме постоянно делегирующих метафизических констант, содержащихся в строении реальности и представляющихся неоспоримым свидетельством того, что «являемое» привносит собою «являющееся». И если ранее исторически «реальным» объявлялось нечто одно – или «сущее» культуры, или ее «существующее», то с возникновением основ философского символизма удалось совместить эти два онтологических видения, апробируя, с достаточной долей вероятности, подход сопричастности во всестороннем философском анализе познаваемого объекта.

Функциональная сложность философского анализа исходила из противопоставленности нескольких причин по поводу проблемы определения антиномий символа, в виде одного из доминизирующих начал пространственной модели онтологии культуры в целом. С одной стороны, реальность вообще и реальность культуры в частности определялись в качестве конкретного ряда антиномий символа или просто символических образований, имеющих разную смысловую насыщенность и дискурсионную способность к раскрытию в смысловой системе объектов реальности. Единство культуры с человеком, как и всеединство бытия личности в целом, поддерживается символическими субстанциями. С другой стороны, описанием символов через символы же утверждается знание метафизики культуры наряду со знанием ее «физики». В философских размышлениях Флоренского культура, тем самым, мыслится процессом, охватывающим в первую очередь деятельность индивида как существа символического, то есть явления культуры посредством символов воплощаются сразу и в веществе, и в идее. Вместе с тем сущность культуры раскрывалась и в практике по нахождению символов, их описанию и типологизации, а также в деятельности по воссозданию оптимальных условий функционирования антиномий символов как символических сцеплений и выражений духовной идеи в эсхатологии Бытия.

В самосознании Флоренского модель культурного генезиса не только обусловливается религиозно-философской парадигмой взаимодействия человеческого созерцания реальности и феноменологических процессов онтологии, происходящих вокруг этого внутреннего действия, распространяющих и закрепляющих его методологическую систему, но и реализуется в форме нераспадающегося ноумена, синхронно и прогностически расположенного прямо перпендикулярно к ценностным ориентациям, олицетворенным в духовной идее антиномии символов: «С аксеологической точки зрения, для Флоренского наиболее значимым является само пространство, а значит, и актуализация движения от пространства к вещам. Первичность пространства диктует наличие в нем неких изначально присутствующих ориентиров, которые Флоренским объявляются идеальными» [6, с. 91]. Культурный процесс захватывает человеческое мироощущение, ввергает его пространственную ориентированность в имплицитную или эксплицитную диалектику и позволяет ощущать символ не как абстрактную единицу антиномических тождественных скрещений, предопределенных культурными догматами, а скорее ретранслировать в сознании первичность антиномий символа в качестве особого естества

духовного акта переживания и сопереживания, совершающихся над культурными изысками, в проникновенности в его трансцендентность: «Духо-носная личность прекрасна, – и прекрасна дважды. Она прекрасна объективно, как предмет созерцания для окружающих; она прекрасна и субъективно, как средоточие нового, очищенного созерцания окружающего» [7, с. 264]. В теснейшей взаимосвязи с этим, философия культуры транслируется преимущественно в решении привнесения символического поля онтологических объектов человеческому восприятию, дифференциация которого наблюдается в пределах личностных коннотаций, поскольку сама по себе культура только лишь выступает завуалированным диагностом, ранжированным модусом внутренних духовных ценностей, где окончательный вердикт выносит монументальность утверждений самосознания, склоняющегося к духовной констатации символа – как Бытия и Бытия – как символа.

Существо антиномии символа в мировоззрении Флоренского культурным пространством только специфицируется в плоскости смысловой самодостаточности вещи и духовной диалектики сознания человека, а истинности достигает при выходе гностических построений его природы в область трансцендентальности, в которой вещество смысловых состояний претворяется в бесконечную идейность вариаций их жизнеутверждения. Таким образом, если все интуиции культуры оказываются вызваны к бытию символами, то сама культура может осознаваться в качестве «вторичной» реальности, существо которой обязательно раскрывается за ее границами: «…В пределах самой культуры нет критериев выбора, критериев различения одного от другого… – пишет П.А. Флоренский. – Для расценки ценностей нужно выйти за пределы культуры и найти критерии, трансцендентные ей» [2, с. 127]. В качестве такого критерия П.А. Флоренский предлагает способ организации пространства художественных произведений: «…Вопрос о пространстве есть один из первоосновных в искусстве и, скажу более, – в миропонимании вообще» [3, с. 102]. Как раз постулируя в собственном миросозерцании фабулу пространственности искусства, богослов пытается, тем самым, постигнуть антиномию символа с исключительно новой онтологической позиции – художественного выражения его форменных и смысловых постулатов, собранных в концентрированную единую парадигму значений и воплощенных в индивидуальном ракурсе умозрительных постижений их носителя в реальности. Придерживаясь таких рамок рассуждений, Флоренский ангажирует проникновение в теургическую сокровенность символа с точки зрения методологии художественного анализа, производящегося в зависимости от целей и задач, которые ставят перед собой различные направления в искусстве. Следовательно, символ становится художественной постановкой методов и форм репрезентации в образе действительном образа действующего и воздействующего на корреляцию духовных ценностей человека, обратимо исполняющихся в искусственных потенциалах. Именно поэтому – искусство есть особая форма переорганизации действительности с четкой целью придания телесной реальности статуса духовного бытия. Посредством анализа различных типов изобразительной перспективы – «прямой» и «обратной» – П.А. Флоренский выделяет два противостоящих, амбивалентных друг другу построения искусства и культуры, а вместе с этим фокусирует внимание на исследовании антиномий символа при рассмотрении каждой модели. Первая модель, в которой картина мира, основанная на «прямой» перспективе, «не есть факт восприятия, а лишь – требование, во имя каких-то, может быть, и очень сильных, но решительно отвлеченных соображений» [3, с. 56]. «Прямая» перспектива проистекает и произрастает от субъекта и лишена какой-либо организации, через нее «передается содержание пространства, но не его организация…» [3, с. 83, 93]. В этом случае понимание и принятие антиномии символа пространственной модели выстраивается в мироощущении Флоренского совершенно удивительным методологическим образом: плавность переходов художественного миросозерцания транспозиционируется в доктрину онтологического дискурса умозрения в сторону привилегированности содержания теургии явления, в безотносительности к его пространственной структурной организации, что дискредитирует целостность антиномического движения в оформленности символа.

Субъективность организации прямой перспективы пространства обеспечивает дихотомию органической модели антиномии символа, демонстрирует только лишь условие, момент тривиалистического представления о временном состоянии формы объекта через призму его содержания, отмечающегося в той или иной точке

действительности, что создает некоторую усеченность в методе художественного восприятия онтологической идейности переживаемого: «Мир, непосредственно окружающий нас, имеет характер близости, подручности или отдаленности вещей, длительность или краткость пути определяются самим присутствием, то есть нами самими [5, с. 82]. Богослов акцентированно связывает гносеологию художественной сущности антиномии символа, в разрезе отмеченной унифицированности, с открытым поиском механистического содержания искусства, состоятельность которого может быть идентифицирована только в неразрывном пределе антиномий духовного пространства, поскольку именно там обретается абсолютный смысл акта творческого переосмысления эйдосов явления. С различными вариациями распространения прямой перспективы П.А. Флоренский связывает успехи светского, секуляризированного искусства, а в более глобальном и историческом отношении – и достижения возрожденческо-новоевропейской культуры.

Антитетичная модель, реализуемая в рамках обратной перспективы, ставит своим приоритетом рассмотрение антиномии символа как органической парадигмы, в которой форма всеединства идеи постигаемого явления, производящаяся при помощи художественного сознания, распознается в онтологической формуле конституциональной синергии духовного таинства. Флоренский справедливо отмечает, что содержательные уровни прямой перспективы обременены субъективными изысками, созданные под впечатлением внутренней и внешней отягощенности в анализе антиномий явления, а следовательно, наблюдается превосходство критического субъективизма, мешающего последовательному вовлечению художественного гностицизма в духовный идеализм объективности выведения мнимости смысла в его ангажированную конкретность ноуменальности. Только культура парадигмы всеединства, собирающая в единое целое стремительные теургии субъективности и объективность ноумена, обусловливает вектор чувственной тенденции антиномического дискурса символа в непостоянстве методов их художественного представления и воплощения в смысловых аксиомах действительности, оседающих в программных экзальтациях искусства как вида их ретрансляции.

Вследствие всего вышесказанного формирование постулатов духовного всеединства, развитого до максимальной степени в пространстве постижения идеи явления, отражает существо религиозной культуры. Задача построения последней относится П.А. Флоренским в будущее, она объективна и содержит в себе свойства не эмпирического, а антиномический символ духовной действительности, что и происходит как раз только благодаря «обратной перспективе». Конкретные формы религиозной культуры, такие как храмовое действо, иконопись и другие, раскрывают выраженную в их присутствии неповторимую, универсально особую пространственно-символическую антиномию образа мира, связывающую художественное творчество и конкретные исторические реальности с соответствующим духовным опытом. Отстаивая концепцию органичности антиномии смысла (идеи) и символа формы (выражения этой идейной сущности в различных ипостасях), укорененности этого синтеза в глубинах общечеловеческого опыта постижения духа, П.А. Флоренский по существу доказывал бесперспективность усилий по искусственному изобретению форм культуры, бесплодность попыток насилия над «культурным» пространством.

Библиографический список

1. *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли // Собр. соч. Т. 2. Ч. 1. (Черты конкретной метафизики) IV. Мысль и язык.– М.: Правда, 1990. – С. 148.

2. *Флоренский П.А.* Из богословского наследия // Богословские труды. Сб. 17. – М., 1977. – С. 127.

3. *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли. – М., 1990. – С. 102.

4. *Мозговая Н.Г.* Павел Флоренский: язык как пространство конституирования смысла // Энтелехия. – 2008. – №18. – С. 71.

5. *Резвых Т.Н.* Понятие пространства у о. Павла Флоренского и С.Н. Дурылина // Энтелехия. – 2008. – №18. – С. 82.

6. *Громова А.Е.* «Пространство» и «время» как смыслообразующие категории в теоретических трудах П.А. Флоренского // Энтелехия. – 2008. – №18. – С. 91.

7. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение Истины: Опыт православной теодицеи. – М.: АСТ, 2005. – С. 264.

8. *Мойсюк Т.В.* Духовное возрастание личности как раскрытие «идеального образа мира» в трудах П.А. Флоренского // Энтелехия. – 2008. – №18. – С. 96.

УДК 165.191

Доронин Дмитрий Юрьевич
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
demetra2@mail.ru

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУР: ПУТИ ПОЛУЧЕНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ

В статье рассматриваются разновидности, способы возникновения и трансляции, мифологические особенности традиционных знаний. Подчёркивается, что в когнитивном плане традиционная культура не может быть представлена только как перенос знания из одного поколения в другое: наряду с адаптивно-традиционными механизмами получения и обработки информации, большое значение имеют заложенные в мифологическом мышлении преобразующие когнитивные механизмы, порождающие и формирующие знания-инновации.

Ключевые слова: *традиционные знания, миф, традиционная культура, мифологическое мышление, трансляция знаний.*

В последнее десятилетие, с разработкой Международной Конвенции об охране нематериального культурного наследия (ЮНЕСКО, 2003) и других международно-правовых и исследовательских программ [1; 8; 9], традиционные народные верования и знания становятся предметом изучения не только в мифологии и фольклористике, но также в широкой области междисциплинарных исследований (культурная, психологическая антропология, психология, социология, философия, эпистемология, методология науки, экономика и управление знаниями, экология и биология, медицина).

В данной статье, опираясь на полевые исследования, автор обращается к проблематике когнитивного анализа традиционных знаний. Когнитивный анализ традиционно-культурного материала, как локально заданной в конкретном пространственно-временном аспекте мифологической рациональности, нацелен как на выявление констант, так и на выявление их динамики – то есть на исследование вариаций и механизмов трансляции знания. В когнитивном плане традиционная культура не может быть представлена только как спокойный, бескризисный перенос знания из одного поколения в другое, то есть только как институт традиции. В любой традиционной культуре активны процессы изменения, «мутации» знания, существуют особые «институции» и люди определённого социально-культурного статуса, «ответственные» за получение нового и изменение старого (собственно традиционного) знания. Миф устойчиво существует и развивается посредством продуцирования вариаций, то есть, как и наука, предполагает открытие Иного, совершенно нового знания. Как известно, мышление – «это деятельность, в которой субъект выходит за пределы, за границы собственного сознания, в которой он относится определённым образом к объекту, воздействует на объект и испытывает сопротивление этого объекта. *Мышление требует нового опыта, а не подправки старого»* [6, с. 178]. В полной мере это положение характеризует и мифологическое мышление. Традиционная культура и лежащее в её основе мифологическое мышление транслируют не только адаптивно-традиционные механизмы получения и обработки информации, но и преобразующие когнитивные механизмы, порождающие и формирующие знания-инновации.

В когнитивном анализе традиционно-культурного знания целесообразно выделит две группы: «знание о мире» и «знание о знании».

Традиционное «знание о мире»: виды и особенности

Первую группу можно назвать «знание об объектах» или *«знание о мире»*. Это традиционное знание охотников, рыбаков, бортников, гончаров, кузнецов, строителей, пастухов, травников, знахарей, повивальных бабок и пр., а также отчасти – колдунов и шаманов. К этой группе относятся и житейские непрофессиональные знания всех носителей традиционной культуры – сельских жителей: например, традиционные метеорологические знания, традиционно-календарные знания, знания о грибах, биологии домашних животных, посеве, выращивании растений, сенокосе, жатве, минимальные географические знания, знания о социальной структуре общины и других этносах. С точки зрения современной философии это – *онтологическое* знание.

В каждом селении традиционное знание образует комплексы – знания «людей леса» (охот-

© Доронин Д.Ю., 2010

ники и пр.), знания «людей селения», знания «людей с даром» и пр., отражающие специфику местной природы, этнических связей и т.д. Таким образом, об одном природном объекте, например, о неком дереве или лесе, в пределах одной традиционной культуры, может быть знание трёх и более различных точек зрения – смотря потому, например, где это дерево растёт (в селении, в лесу, на перепутье, в месте сакрального статуса и пр.). Традиционному «знанию об объектах» присущи следующие особенности.

Первой особенностью «знания о мире», с точки зрения современной научной рациональности, является *неразделённость реального и мистического.* Однако мистическое здесь не является заблуждением или помехой, а, наоборот, часто является естественной частью традиционного знания и важным условием успешности его применения.

Вторая особенность: традиционное профессиональное знание часто выступает как *корпоративное тайное знание,* в тонкости которого посвящены только члены артели (плотники, печники, охотники или, как у знахарей и колдунов – передача знания-«силы» строго от «учителя ученику»). Этому есть несколько объяснений. Так, в случае разглашения знаний: а) члены артели будут лишены добычи или заработка, так как конкуренция среди носителей знания возрастёт; б) заработок уменьшится, так как утратится возможность пользоваться чужим незнанием; г) владелец знания потеряет авторитет, так как знание перестанет быть тайной для других; д) знание потеряет силу, если будет разглашено (охотничья магия, знахарские обряды, заговоры); е) носитель знания заболеет, умрёт или, наоборот, будет мучиться, не имея возможности умереть – особенно, если будет разглашена и нарушена процедура трансляции знания (колдуны).

Нами записано множество поверий, быличек, обрядов, обычаев и рассказов на эти темы. К примеру, если заказчик мало платит, неуважительно обращается с артелью, печники и плотники могли, по представлению народа, «напустить бесов» в дом – дом скрипел, в нём слышались завывающие звуки. Пользуясь незнанием людей, печники могли вмонтировать в стенки дымохода перья или горлышки бутылок, которые при ветре издавали вой. Дом скрипел от неверной посадки сруба, между брёвнами могли положить камень – тогда дом уже не держал тепло.

Известны случаи болезни, скорой или долгой мучительной смерти при нарушении обращения со знанием. Подобный случай был описан А. Элькиным и другими исследователями культур Австралии: абориген не подвергался излечению, угасая от непонятной болезни, если местный колдун указывал на него костяным жезлом. Подобное этноспецифичное знание не влияло на европейцев.

Третья особенность: такое традиционное знание *строго регламентировано* особенными пространственными или временными условиями (табу, предписания, указания, знание регламента по особенным местам, частям, пошаговой процедуре).

Четвёртая особенность: традиционное «знание о мире» часто очень подробно, *логично, структурировано, систематично* и глубоко может описывать свой объект, даже превосходя научное знание. Хрестоматийны примеры сложных классификаций растений и животных в туземных сообществах, приводимых К. Леви-Стросом и представителями когнитивной антропологии. В экспедициях в Республике Алтай нами записаны тексты о сложной нумерологической взаимосвязи дома человека, созвездий, миров и небес, священных и родовых гор, деталей оформления одежды.

Пятая особенность: все носители профессионального или полупрофессионального знания практически *приравниваются к колдунам.* Интересно, что интенсивность подобного отношения зависит от типа прироста и трансляции знания: отношение слабее, если знание, хоть и тайно-корпоративно, передаётся «ритуально-технологичным», «традиционным» (повторение информации и навыков без сильных изменений «от отца к сыну»). Однако, как уже говорилось, не всё традиционное знание получается и транслируется таким «спокойным» путём. Например, с одной стороны, шаманство разных алтайских этносов имеет много общих мифологических универсалий. Объясняется это постоянными контактами шаманов (камов) между собой – как негативными (столкновение шаманов, «поедание» одного другим во время камлания), так и позитивными (посвящение, обучение нового кама старыми – иногда из другого народа). Все более-менее значительные камы алтайских народов часто знали друг о друге. Это характерно, по-видимому, для шаманства в целом. Так, например, в случае шаманов нганасан «приёмы шаманства во многом были получены… от енисейских ненцев или даже кетов, шаманы которых обучали и будущих ша-

манов энцев» [2, с. 128]. Да и простые люди, как показали наши экспедиционные опросы, часто знали о крупном шамане из другого народа, даже проживающем очень далеко. Таким образом, в лице алтайских камов (тубаларов, чалканцев, теленгитов) мы имеем одну из основ единства алтайского традиционного мироощущения.

С другой стороны, как показывают наши исследования [3; 4] и работы других авторов, колдуны и шаманы являются своего рода силой изменчивости знания, обновления традиции. «Именно шаманы очень быстро и продуктивно впитывают любые влияния со стороны, включая их в уже сложившуюся картину мира, в поле своей деятельности, таким образом, усиливая себя, расширяя свои возможности», – пишет Г.Н. Грачёва [2, с. 129]. Шаман – наиболее мобильный структурный элемент в системе живого традиционного знания, что функционально оправданно – мир Иного (т.е. «нечеловеческое»: потенциально новое или пока недоступное, не-данное, неизвестное человеку знание) никогда не может быть абсолютно предсказуем, то есть описан в виде стройной неизменной системы традиционных верований. Рассматривая «отсутствие жёсткого дуализма в понимании мира и человека» мифологического мышления традиционных культур, исследователи-мифологи считают прямым следствием этого существование «фигуры посредника, медиатора» – человека-шамана: «Он связывает воедино все области Вселенной, регулирует процессы «взаимообмена», движения жизни. Шаманы и всевозможные сакральные лица взяли на себя тяжкий труд. Мыслью, словом и делом *они отрицали однозначность* окружающего мира, проникая в своих полётах-фантазиях в сферы зыбкого, *вероятностного»* [7, с. 187–188].

Таким образом, колдун или кам – человек, чьё основное занятие – взаимодействие с Иной природой, Иным миром, что означает в когнитивном аспекте «выход» в область неизвестного, изменение-отрицание традиционного и получение инновационного знания. Основой этого является сама «природа» всякого объекта, данного в мифологическом мышлении в непостоянстве семантических границ (которые часто воплощаются мифом через хронотоп): «Общепринятое деление Вселенной архаичного мировоззрения на три сферы в принципе верно, но следует иметь в виду, что эти сферы бытия связаны между собой очень сложно и неоднозначно. Строго говоря, определить, где проходит граница между мирами, можно лишь ситуативно: она не является постоянной. Пространство и время как бы пульсируют, то расходясь, то сжимаясь. Меняется их эмоциональное восприятие. Ночью, во время камлания в юрте,

Таблица 1

Представленческие и деятельностные формы традиционного знания

Знание в фольклоре:	Знание в ритуале:
Традиционно-культурные **представления** о водных объектах: о ключах и минеральных источниках; о ручьях и малых реках; о разречьях; о реках; об озёрах; о болотах.	Традиции **почитания** водных объектов: ключей и минеральных источников; разречий; рек; озёр.
Традиционно-культурные представления о растительных объектах: о травах; о деревьях пространства мира человека; о деревьях мира леса; о лесных участках.	Традиции почитания растительных объектов: трав; деревьев; пней; лесных участков.
Традиционно-культурные представления об объектах животного мира: беспозвоночные (губки, моллюски, черви, ракообразные, паукообразные, насекомые); рыбы; амфибии и рептилии; птицы; млекопитающие; зооантропоморфные существа	Традиции почитания объектов животного мира: беспозвоночные (насекомые и др.); рыбы; амфибии и рептилии; птицы; млекопитающие; зооантропоморфные существа.
Традиционно-культурные представления об объектах рельефа: «горки»; «горы»; холмы; курганы; участки ровной местности; дороги, перекрёстки; ямы; овраги; карстовые провалы; пещеры.	Традиции почитания объектов рельефа: возвышенностей; участков ровной местности.
Традиционно-культурные представления о камнях: «каменные столбы»; валуны, «следовики»; галька; камни в амулетах, «куриный бог», «урочные» камни; окаменелости; метеориты.	Традиции почитания камней: в русской традиционной культуре; в татарской традиционной культуре; в финно-угорской традиционной культуре.

Таблица 2

Типология традиционных знаний по группам его носителей

а) обыденно-практическая группа: - традиционное метеорологическое знание; - традиционное «календарно-хозяйственное» знание; - традиционное зооветеринарное знание о домашних животных (о поведении, лечении, употреблении в пищу, пр. – поверья, ритуалы, пр.); - традиционное географическое знание (микротопонимика, сакральная география, «особые» места); - традиционное социальное знание (представления о структуре общины, семьи, «людях с даром», о чужаках и соседях, о возрастных стадиях);	***б) гендерно-возрастная группа:*** - знание детей: «сказители» («страшилки» и т.д.), организаторы игр, инициаций в коллектив и пр., детская «феня»; - подростки и парни: деревенская мужская кулачная культура, инициации в коллектив; - традиции трансляции сексуального знания (мужские и женские пути передачи); - знания материнства: традиционные пути усвоения и передачи;
в) ремесленно-бытовая группа: - портной; - гончар; - печник; - плотник/каменщик (постройка дома); - кузнец; - мельник; - пастух;	***г) промыслово-природная группа:*** - грибник/ягодник; - лесозаготовитель (лесоруб); - лесник; - рыбак; - охотник;
д) социально-пограничная группа: - иноверцы/другой этнос; - люди соседних деревень - гость; - прохожий/чужак - паломник/странник; - нищий; - слабоумный/сумасшедший; - юродивый;	***е) сакрально-ритуальная группа:*** - повитуха; - крёстные; - сваха, дружка; - плакальщица, исполнители поминальных духовных стихов; - церковные певчие; - звонарь; - ряженые (свадьба, календарные праздники).
ж) сакрально-нуминозная группа: – хранители священных или почитаемых мест (родники, часовни, могилки, деревья и пр.); – целитель (костоправ, массажист и т.д.); – священник/монах; – старцы; – жрец (карт и т.д.); – гадатель/гадалка (по картам, бобам, руке, зеркалу и т.д.); – знахарь/ «бабушка» (заговоры, камни, вода, масло, «энергия» рук и т.д.); – колдун/колдовка; – мертвец	

граница верхнего мира находится прямо за дымовым отверстием, а за дверями дома человека могут поджидать духи нижнего мира» [7, с. 91].

Получение нового знания при этом может быть сопряжено с личной жизненной катастрофой человека, его сильной болезнью, возможной смертью. Новое знание при этом воспринимается как значительная когнитивная аномалия, «Иное» знание (даётся духами), которое довольно долгое время не может быть осмыслено, что и приводит к временному психосоматическому заболеванию. В случае отказа от такого нового знания или нарушения трансляции наступает сумасшествие или смерть: подобные случаи были записаны нами на Алтае – в советские времена люди, «избранные духами», из-за возможных гонений не могли стать шаманами. В Нижегородской области также записывались истории о сошедших с ума или рано умерших – тех, кто согласился принять колдовское знание, но в последний момент, испугавшись, отказался. Носителями таких «когнитивных аномалий» может оказаться представитель любой из указанных выше «профессий», а также юродивые, отшельники, священ-

ники и «Чужие» – путники, странники, солдаты, ряженые. «Предрасположены» также старики, дети и молодёжь, поскольку они приближены к своим онтогенетическим границам. Классический сюжет: действие, совершаемое «на спор» (вариант маргинального поведения, выходящего за границу нормального знания) – принести что-то ночью из бани или с кладбища и пр. – «когнитивная аномалия» может обернуться «личной когнитивной катастрофой».

Сбор и анализ традиционного «знания о мире» технологически можно представить в два этапа: а) *Выявление предметно-функциональной организации традиционного знания* – ответ на вопрос «о чём знаем?»; б) *Распределение традиционного знания по группам* – ответ на вопрос «кто знает?» В итоге моделируются *местные типологии традиционного знания и его носителей и трансляторов, например, «людей с даром»* (человек особых занятий, знаний или ремесленной специализации, которые могут иметь сакральный статус в местном фольклоре). Помимо предметных областей (этноботаника, этнозоология, этномедицина, этнометеорология и пр.) функционально традиционное знание может рассматриваться 1) как «традиционные представления» - знание рассказывается и 2) как «знание в действии» – знание проживается, т.е. обряды, ритуалы, обычаи; в традиционном экологическом знании выделяют *традиции неразрушающего природопользования* (см. табл 1).

Затем всё многообразие представленческих и деятельностных форм традиционного знания удобно систематизировать по группам его носителей (см. табл. 2).

Таким образом, в каждой группе *технологии применения знания* и пути его передачи *(трансляция знания),* а также тип *объекта знания* (что изучается и включается в деятельность) схожи. В группах от а) к е) возрастает сакрализация знания. Также и внутри каждой группы, как правило, возрастает сакрализация от верхнего пункта к нижнему: например, с пастухами обычно связано больше поверий и быличек (тексты с элементом «чудесного»), чем с гончарами, а особенности ремесленного знания портных отражаются больше в бытовых анекдотах, рассказах о «своём языке».

Традиционное «знание о знании»

Сами носители чаще всего не рефлексируют «знание о знании». Исследователь моделирует эту группу в когнитивном анализе фольклорных текстов, дающих представление об «Ином» и фактах нуминозного опыта, сообщающих, таким образом, о границах «Своего», человеческого, наличного знания. Это знание о путях возникновения, развития, трансляции традиционного знания, оно также выражено в фольклорных тек-

Таблица 3

Социально-ритуальные пути	Нуминозные (мистические) пути
- через практику переписывания рукописных «тетрадей» (духовные стихи, молитвы, заговоры и пр.); - через передачу бытового умения (знания, «силы») от старших родственников (бабушки, мамы, деда, отца и пр.); - через свою возрастную среду («знание двора» и т.п.); - через наблюдение и истолкование различных примет (метеоявления, поведение животных и пр.); - через передачу опыта от ремесленника к подмастерью; - через ремесленно-корпоративный ритуал; - через игровую деятельность (подражания, игры, загадки и пр.); - от старцев, монахов и др. духовных наставников; - от чужих людей, прохожих; - через инициацию (принятие, посвящение) в возрастную группу; - через неправильное, не поощряемое поведение (описывается в быличках); - через случай; - через сон или видение.	- через передачу сакрального умения (знания, «силы») от старших родственников (бабушки, мамы, деда, отца и пр.); - через перенимание опыта других знахарей/целителей и пр.; - от умирающего колдуна/знахаря; - через передачу некой конкретной вещи; - через «чудесный дар»; - через особую магическую («белую» или «чёрную») книгу; - через особый магический ритуал (влезть ночью в пасть огненной собаки, подслушать на перекрёстке и пр.); - через различные гадания; - от бесов или духов, существ Иного мира (домовые, лешие, русалки и пр.); - от умерших людей; - от ангелов, Богородицы, Николая Угодника, др. святых или от Бога (во сне или видении); - другие фиксируемые в фольклоре и ритуале пути получения и трансляции знания.

стах о получении (передаче) некой информации. С точки зрения современной философии это – *методологическое, гносеологическое* знание. «Миф – это умственный и словесный след не только того, *о чём* думал, полагал, верил и *что* чувствовал древний человек, но и того, *как* он думал» [5, с. 13].

Традиционные представления о путях приобретения знания *почти всегда мистически окрашены,* поскольку традиционное знание живёт по законам мифологического мышления. Различные пути получения традиционного знания можно распределить в две группы (см. табл. 3).

Таким образом, в когнитивном анализе возникновения, изменения и трансляции традиционного знания исследователь изучает такие структурно-функциональные его особенности, как: а) рубежность и оборотность (преодоление когнитивной границы, выход на «Иное» знание); б) символизм, полисемия явлений и вещей мира, данных в мифологическом знании.

Библиографический список

1. Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. Программа фундаментальных исследований Президиума РАН (2006–2008 гг.). – http://adaptation.iea.ras.ru/about/

2. *Грачёва Г.Н.* Шаманство // Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX – начала XX в.). – Л.: Наука, 1983. – С. 126–146.

3. *Доронин Д.Ю., Орлов А.В.* Психологические аспекты Иного в традиционных культурах. – М.: Гуманитарный институт, 2004. – 94 с.

4. *Доронин Д.Ю.* Дикая природа как Иное в воззрениях алтайцев // Гуманитарный экологический журнал. – 2005. – Т. 7. – Вып. 2 (17). – С. 98–101.

5. *Дьяконов И.М.* Архаичные мифы Востока и Запада. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 248 с.

6. *Запорожец А.В.* Избранные психологические труды. Т. 1. – М.: Педагогика, 1986. – С. 178.

7. *Сагалаев А.М., Октябрьская И.В.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. – Новосибирск: Наука, 1990. – 209 с.

8. Традиционная этническая культура и народные знания. Материалы междунар. конференции. – М: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994 – 143 с.

9. Safeguarding Intangible Cultural Heritage // UNESCO Culture Sector. 2003. – http://www.unesco.org/culture/ich/index.php?lg=EN&pg=home

УДК 130.3

Жульков Михаил Вячеславович
Ивановский государственный университет
mzh1@mail.ru

ОСНОВНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ НООСФЕРНОГО РАЗВИТИЯ

Статья посвящена выявлению основного противоречия ноосферного развития между материальными и духовными составляющими развития человечества, которое разрешается становлением ноосферной организованности. Автор выделяет три формы современного этапа ноосферного развития: становление коллективного разума, рост социальной автотрофности и формирование ноосферного человека.

Ключевые слова: *ноосферное развитие; основное противоречие ноосферного развития; коллективный разум; социальная автотрофность.*

В настоящее время человечество стоит перед необходимостью поиска путей решения глобальных проблем. Это экологические, военно-технические, демографические, ресурсные, продовольственные проблемы, международный терроризм, межнациональные и межрелигиозные конфликты, проблемы дегуманизации человека и антропологической катастрофы.

Один из вариантов выхода из мирового кризиса лежит на пути ноосферного развития, проблематика которого включает в себя проблемы коэволюции общества и природы, становления информационного общества, планетарного, государственного и регионального устойчивого развития, взаимосвязи духовного и материального производства, творческого развития личности.

Теоретической основой ноосферного устойчивого развития является ноосферология [8; 9], включающая философские, экологические, гуманитарные, естественнонаучные и технические дисциплины. Ноосферология – молодая отрасль

© Жульков М.В., 2010

синтетического знания, поэтому еще многие ее вопросы требуют теоретического осмысления: единое понимание ноосферы и процессов ноосферного развития, выявление и анализ основного противоречия ноосферного развития.

Движущие силы ноосферного развития. Философия ноосферного развития разрабатывается в русле как традиционных философских подходов, так и системно-синергетической методологии.

Противоречие как движущая сила развития представлена немецкой классической философией (Г. Гегель) и развита К. Марксом. Основной закон диалектики (единства и борьбы противоположностей) исходит из единства, которое дифференцируется на два полюса. Если единство, целостность первичны и являются более важными, чем противоречие, то на этом уровне имеется источник движения и развития этой целостности.

Русская религиозная философия акцентировала внимание на том, что мир представляет собой целостность, единство – это философия всеединства В.С. Соловьева, религиозная философия в целом (софийность, соборность). Русский космизм основывается на представлениях о фундаментальном единстве мира, связи человека, планеты и космоса.

С точки зрения системного подхода любая целостность имеет основное отношение или качество, иными словами, любая система служит какой-либо цели. Целостность не есть нечто застывшее, раз навсегда данное. Такие системы, как биосфера, человечество, ноосфера, – развивающиеся системы, и их целостность тоже развивается. И с этой точки зрения конфликты или противоречия возникают там, где возникают или должны возникнуть системные связи между отдельными частями целого. Поэтому конфликты – всегда показатель развития, показатель достигнутого уровня целостности и направления, в котором эта целостность развивается.

Как известно, эволюция биосферы имеет вектор своего развития, связанный с усложнением нервной системы, мозга (принцип цефализации Д.Д. Дана [3, с. 21]), созданием субстрата для развития ума и сознания. Поэтому В. И. Вернадский сделал вывод о том, что эволюция биосферы приводит к развитию сознания. В.И. Вернадский именно так и рассматривал историю человечества – как историю развития сознания [3, с. 124–148]. Основными шагами на этом пути были: овладение огнем, приручение животных и переход к земледелию, развитие ремесел, городской цивилизации, изобретение письменности, развитие государственности и науки, открытие книгопечатания, религиозное и философское мышление [там же].

В настоящее время человечество переживает взрыв научного творчества и быстрое развитие наук и технологий. На каждом этапе человечество достигало точки кризиса или бифуркации, состояния неустойчивости. И если внимательно проанализировать проделанный человечеством путь, то окажется, что именно развитие сознания позволяло сделать следующий шаг на пути эволюции.

В.И. Вернадский выделял культурную биогеохимическую энергию как источник развития человеческого сознания и общества, превращения биосферы в ноосферу [3, с. 124–128]. Определяя ноосферу, он назвал три важнейших составляющих культурной биогеохимической энергии, а значит, и ноосферного развития: научную мысль, труд и социальную организацию человечества [3, с. 20]. Как показал Н.П. Антонов, субъективный фактор является главным фактором в процессе перехода биосферы в ноосферу, в становлении ноосферы [1, с. 220–232].

Основные противоречия современного мира. Видимые, проявленные противоречия на различных стадиях развития человечества менялись. В течение XIX–XX веков это были: классовая борьба, борьба социализма и капитализма, Севера и Юга, общества и природы. После распада социалистического лагеря появилось мнение, что перед человечеством открылась дорога, ведущая к единому демократическому будущему, что нашло отражение в известной статье Ф. Фукуямы [15]. Однако есть и другие точки зрения. Среди них выделяются работы С. Хантингтона, в частности ключевая идея о том, что в мире после «холодной войны» глобальные противоречия будут иметь цивилизационный характер и формироваться на основе фундаментальных культурных различий [16, с. 15, 500–532]. Похожую точку зрения находим у Э. Тофлера, который предсказал в постиндиустриальном обществе гигантские битвы за влияние, за власть [13, с. 85]. Он указал три источника противоречий: межэтнические конфликты, межрелигиозные и эколого-экономические [13, с. 451–471].

Н.Н. Моисеев предостерегал человечество от пути, ведущего к новому тоталитаризму уже в планетарном масштабе, он высказывался за развитие многополярного мира. Основное противо-

речие современного мира он видел в противоречии между человечеством и природой, Разумом и окружающей средой. Он называл и путь решения этого противоречия – коэволюцию общества и природы, построение информационного и рационального общества [6, с. 152–159], становление коллективного разума человечества [5, с. 181].

В настоящее время человечество озабочено глобальной экологической проблемой, и ее решение обозначено как устойчивое развитие. Но попытки мирового сообщества решить экологические проблемы только техническими средствами, как показали Саммиты 1992 и 2002 годов, не приводят к успеху. Для решения глобальных проблем и движения по пути устойчивого развития прежде всего необходимо изменить сознание людей, внедрить экологический и нравственный императивы (Н.Н. Моисеев [6, с. 224, 247–257]), сместить приоритеты развития от экономических к гуманитарно-общечеловеческим ценностям (А.Д. Урсул [14, с. 103]), развивать ноосферное образование (А.И. Субетто [12]).

На первое место выдвигается проблема целостного взаимоотношения общества и природы (биосферы). Гармоничное развитие общества и управление организованностью биосферы Н.Н. Моисеев и И.Т. Фролов считали квинтэссенцией учения В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере [7, с. 39], В.П. Казначеев [4, с. 198] добавил к этим утверждениям учение В.И. Вернадского об автотрофности человечества [2]. Для решения задач управления дальнейшей эволюцией биосферы человечество должно иметь определенную социальную организацию, знание законов функционирования и развития биосферы и человечества для того, чтобы эффективно управлять этими процессами, а также становиться все более автотрофным, независимым от объекта управления (биосферы).

Главное противоречие ноосферного развития. Для понимания путей ноосферного развития существенно важно выявить не только основное его противоречие, но и всю систему ноосферного и антиноосферного развития. Анализ основного ноосферного противоречия будет более ясен, если обратиться к рассмотрению представлений о ноосферном конфликте: «Ноосферный конфликт – это противоречие между материальной (экономической) и духовной (интеллектуальной) составляющими всемирно-исторического процесса, проявляющимися на уровнях “природа и общество”, “биосфера и цивилизация”, “человек и Вселенная”» [11, с. 97].

Это глубинное ноосферное противоречие проявляется в многомерной системе реалий ноосферного развития. В настоящее время основными конфликтами, «реалиями ноосферного развития», как отмечает Г.С. Смирнов, являются: 1) экономический ноосферный конфликт – становление единопланетной мировой экономики; 2) духовный ноосферный конфликт, к которому относятся прежде всего цивилизационные и конфессиональные, решение которых видится в создании нового общечеловеческого мировоззрения; 3) противоречие техносферного и космобиосферного развития человечества. Выход из узкотехнического развития цивилизации, а значит, и решение экологических проблем, находится на пути растущей автотрофности человечества; 4) культурные и антропологические реалии – самая значимая предпосылка разрешения ноосферного конфликта, а ноосферный человек – «самое главное достояние ныне рождающейся цивилизации»; 5) расхождение между реальной действительностью и духовной составляющей ноосферного развития. Это расхождение ликвидируется с помощью духовно-образовательной революции [11, с. 107–108].

Основные реалии ноосферного развития являются составляющими глобальной ноосферной бифуркации, к которой подходит человечество в XXI веке. Эта бифуркация должна переместить основное внимание человечества с материальных факторов на духовные составляющие жизни, утвердить ноосферный вектор развития человечества.

Эта концепция в основу полагает конфликт между сознанием (духом) и его выражением в конкретных условиях пространства-времени, на определенной стадии развития биосферы и человечества. Другими словами, это противоречие между сущностным (внеприродным) сознанием человека и его выражением в виде культуры и цивилизации, между необходимыми достигнутым уровнем и качеством сознания. Это и составляет основное противоречие ноосферного развития. Решением основного ноосферного противоречия будет становление планетарного ноосферного сознания [10] и ноосферного общества в целом.

Три аспекта решения основного ноосферного противоречия. Становление ноосферного сознания и ноосферного общества, на наш взгляд, воз-

можно в русле трех основных тенденций ноосферного развития. Первая связана со становлением коллективного разума человечества. Коллективный разум обеспечит становление общечеловеческого мировоззрения и направляемого развития мировой экономики на основе соблюдения экологического и нравственного императивов. Вторая тенденция связана с растущей автотрофностью человечества. Социальная автотрофность основывается на небиосферных источниках энергии, тем самым она позволяет уменьшить давление цивилизации на биосферу, разрешая экологическую глобальную проблему. Социальная автотрофность является энергетическим фундаментом ноосферного развития, комплексным показателем продвижения по этому пути [4, с. 198]. Третья тенденция есть становление ноосферного человека, который является элементом ноосферной системы. Именно ноосферный человек является тем активным звеном, на котором основано становление коллективного разума, рост социальной автотрофности и гармоничное развитие общества. В конечном счете, именно благодаря ноосферному человеку решается основное противоречие ноосферного развития и созидаются структуры ноосферы, с человека все начинается и им же все заканчивается.

Ноосфера относится к сложным системам, в которых элемент системы по сложности равен самой системе. Поэтому к ноосферному человеку процессы коэволюции общества и природы предъявляют особые требования: это высокое развитие личности, ее целостность на основе творческого образа жизни, ноосферное сознание [10], ноосферное мировоззрение, основанное на признании общего блага первичным по отношению к личному, на экологическом и нравственном императиве, а также принципе благоговения перед жизнью [17]. Ноосферный человек должен иметь планетарный масштаб мышления, знакомство с последними достижениями науки, философии, культуры, активно участвовать в жизни общества. Представления о ноосферном человеке оказываются продуктивными в русле современных исследований в области интеллигентоведения [11, с. 13–38].

Так основное противоречие между духовными и материальными составляющими ноосферного развития на уровне взаимодействия человечества и биосферы разделяется на три составные части: становление коллективного разума, растущая социальная автотрофность и ноосферный человек. Становление ноосферного человека определяет гармоничное развитие общества, коллективный разум начинает управлять организованностью биосферы, социальная автотрофность обеспечивает растущую независимость человечества от биосферы. По сути, это силы культурной биогеохимической энергии (сознания человечества) в действии: научная мысль есть главная сила управления процессами в биосфере и ноосфере, социальная организация совершенствуется в процессе ноосферного развития, а труд ведет к росту автотрофности. В результате получаем схему (см. рис.).

Конечно, эта схема упрощает реальное положение дел. Так, ноосферный человек участвует и в становлении коллективного разума, и в росте независимости человечества; коллективный разум гармонизирует общественные отношения, а социальная автотрофность способствует управлению организованностью биосферы и гармо-

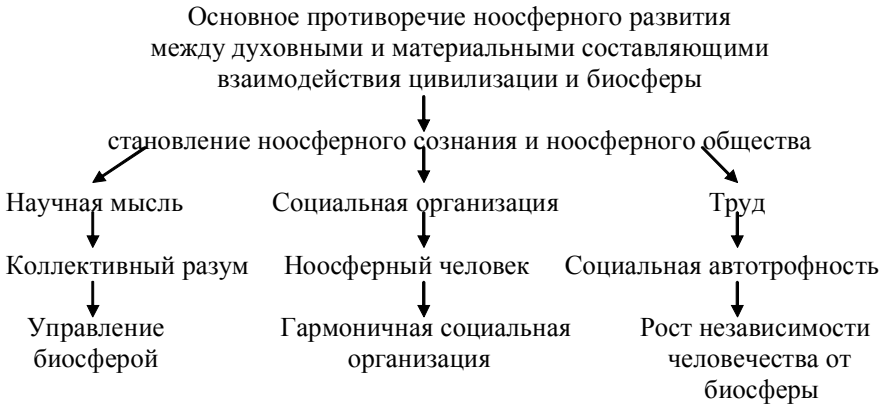


Рис.

нии общества, является показателем продвижения человечества по пути ноосферного развития.

Кардинальное отличие сегодняшнего положения от всех предыдущих бифуркаций состоит в том, что выход из углубляющегося мирового кризиса должен быть сознательным и планомерным. До сих пор развитие человечества было стихийным, бессознательным, теперь оно должно стать планируемым, ценностно-целевым, мотивационно-нравственным. Человечество сможет развиваться дальше, если возьмет на себя ответственность за развитие биосферы в целом.

Таким образом, становление ноосферы является ближайшей целью развития биосферы и человечества. В основе ноосферного развития, ведущего к построению ноосферы, лежит фундаментальный ноосферный конфликт, основное ноосферное противоречие – между духовными и материальными сторонами развития человечества. Это противоречие разрешается становлением планетарного ноосферного общества с ноосферным сознанием и мировоззрением.

Анализ основного противоречия ноосферного развития позволяет выявить три его основных аспекта, которые одновременно являются основными направлениями ноосферного развития: становление коллективного разума, рост социальной автотрофности и развитие ноосферного человека, главной характеристикой которого является ноосферное сознание.

Ноосферное развитие открывает перед человечеством путь становления планетарной и космической цивилизации, достижения гармоничного развития самого человека в союзе с природой. Ноосферная парадигма отвечает этическим критериям гуманизма и справедливости, показывает пути устойчивого развития к информационно-ноосферной цивилизации.

Библиографический список

1. Антонов Николай Павлович: Философия сознания и ноосферы. – Иваново, 2003. – 280 с.

2. *Вернадский В.И.* Автотрофность человечества // Владимир Вернадский. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков / Сост. Г.П. Аксенов. – М., 1993.

3. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление // Философские мысли натуралиста. Кн. 2. – М., 1977.

4. *Казначеев В.П.* Учение В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере. – Новосибирск, 1989.

5. *Моисеев Н.Н.* Универсум. Информация. Общество. – М.: Устойчивый мир, 2001. – 200 с.

6. *Моисеев Н.Н.* Человек и Ноосфера. – М.: Мол. гвардия, 1990. – 351 с.

7. *Моисеев Н.Н., Фролов И.Т.* Высокое соприкосновение: Общество, человек и природа в век микроэлектроники, информатики и биотехники // Вопросы философии. – 1984. – №9. – С. 24–41.

8. Ноосферология: наука, образование, практика / Под ред. О.А. Габриеляна. – Симферополь: Изд-во «Предприятие «Феникс», 2008. – 464 с.

9. Реалии ноосферного развития: материалы Межгосударственной научно-практической конференции «Учение В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу и реалии третьего тысячелетия» (Иваново, 21–23 мая 2003 г.). – М.: Издательский дом «Ноосфера», 2003. – 396 с.

10. *Смирнов Г.С.* Ноосферное сознание и ноосферная реальность: Философские проблемы ноосферного универсума. – Иваново, 1998.

11. *Смирнов Г.С.* Интеллигенция и ноосфера: Философско-культурологические проблемы интеллигентоведения. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007. – 128 с.

12. *Субетто А.И.* Образовательное общество как форма реализации стратегии развития образования в XXI веке // «Академия Тринитаризма». – М., Эл № 77-6567, публ. 13946, 27.10.2006

13. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти / Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 669 с.

14. *Урсул А.Д.* Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия. – М.: Ноосфера, 1998.

15. *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. – 1990. – №3. – С. 134–147.

16. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.

17. *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1992.

УДК (1:572)(47+57)

Краева Ольга Леонтьевна
доктор философских наук, профессор
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
savrutsk@lunn.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ИНТЕГРАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЧЕЛОВЕКА В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ

В статье рассмотрены взгляды современных отечественных исследователей на потенциал человека и его интегральные основы. Раскрыты роль философской методологии в разработке интегрального подхода к пониманию потенциала человека, значение взаимосвязи философии и науки в формировании представления о нем. Обозначены возможности философской антропологии в развитии методологии изучения интегрального потенциала человека.

Ключевые слова: *интегральный потенциал человека, интегральная природа человека, сущность человека, сущностные силы, потребность, способность, интегральные характеристики личности, диалектика потенциала, науки о человеке, философская антропология.*

Актуальным и важным для современной науки и философии является изучение интегрального потенциала человека в его взаимосвязи с природой и обществом в целях увеличении знаний о человеке как условии развития и активизации антропологического потенциала прогресса современной цивилизации и гуманизации сфер жизни общества в условиях НТР. Поэтому акцент в настоящей статье сделан на концептуальных подходах к исследованию потенциала человека и его интегральной природы, которые наиболее значимы для развития научных представлений о нем.

Развитие представлений об интегральном потенциале человека в отечественной философии имеет общие черты, объединяющие различных авторов и различные течения. В них находят свое проявление и сохраняют свою актуальность и учения прошлых лет.

В частности, в выводе о полноте творческой свободы как освобождении творческих возможностей личности от внешней необходимости, в понимании несоответствия существования людей их сущностным характеристикам, в предчувствии нового человека и новой эпохи проявилось единство позиции философии К. Маркса и русской религиозной философии. Они различными путями приходят к некоторым общим выводам.

Например, по мнению Н. Бердяева, эпоха универсального космического человека только наступает, но определена она не какими-то историческими материальными предпосылками (и здесь он критикует К. Маркса), а движением души человеческой от ее греховности к искуплению в творчестве [1, с. 254–261, 368–369].

Согласно же позиции К. Маркса, обретение потребностью и способностью человека их действительной социальной сущности, всесторонней сущности возможно лишь в условиях снятия отчуждения человека как освобождения потребности и способности от внешней необходимости, внешнего принуждения к их функционированию, как обретения потребностью и способностью их внутренней диалектики, определяющей процесс творчества.

Идея творческой свободы личности нашла свое развитие в России, но это произошло все же на основе марксистской концепции, которая остается до сих пор наиболее реалистической теорией освобождения человека, восстановления его целостности в творческом бытии личности. Развиваясь в XX в. в отечественной философии, эта традиция обратила особое внимание на процесс амосозидания личности, как процесс формирования ее целостности и свободы, на анализ детерминирующих оснований творчества, на критерии творчества, историческое развитие творчества и т.п. (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Э.В. Ильенков, Г.А. Давыдова, Е.Г. Куделин, Л.А. Зеленов, А.Т. Шумилин, Б.П. Никитин).

Согласно этой линии в философии и науке, диалектика творческого бытия личности состоит в том, что личность, обнаруживая себя в творчестве, тем самым созидается и развивается сама. Поэтому творческое бытие личности и есть то общественное состояние человека, которое К. Маркс оценивал как утрачивание противопоставления субъективизма и объективизма, спиритуализма и материализма, деятельности и страдания, опредмечивания и самоутверждения, сущ-

 © Краева О.Л., 2010

ности и существования, индивида и рода, свободы и необходимости [2, с. 116, 123].

Ориентация на творческое саморазвитие личности в современном мире могла бы сыграть существенную роль в деле самосохранения и развития её потенциала.

Однако и сама отечественная философия даже в период доминирования в ней марксистской антропологии не лишена была метафизических суждений о природе человека. В частности, социологизаторское направление игнорировало природные начала человека. Оно сложилось на основе возведения в догму тезиса К. Маркса о социальной сущности человека. Противоположная тенденция сформировалась под влиянием достижений естествознания и биологии, претендующих на монополию в материалистическом понимании человека. На ее основе формируются, как правило, некие частные образы человека, не соотнесенные с его целостным общефилософским пониманием. Особенно это касается трактовки потребностей и способностей. В частности, существует тенденция подведения понятия «потребность» под понятие «нужда» [3], которое, как доказывают другие авторы [4, с. 6], более справедливо понимать как биологический аналог потребности.

Или взять, например, имеющиеся классификации потребностей. Многие из них включают в себя в качестве первого уровня так называемые биологические, витальные (или в некоторых классификациях физиологические) потребности [5], которые вряд ли могут иметь место у человека в чистом виде. То же самое связано с воздействием психофизиологической проблемы на понимание способностей евгеникой, педологией, которые стремились преувеличить значение биологических наследственных факторов человеческой способности. Пафос авторов этих концепций вроде бы оправдан: в самом деле, человеческая способность (как, впрочем, и человеческая потребность) могут сформироваться только на основе полноценного биологического субстрата человека, в деле передачи которого из поколения в поколение наследственность играет ведущую роль. Однако она – только предпосылка, потому что дальше вступают в свои права иные каналы наследования – социальные. А это значит, что и вопрос о потребностях и способностях, о природе человека – это вопрос о диалектике биологического и социального, о преобразовании биологического в человеке социальным.

Сторонники дуалистического подхода к соотношению биологического и социального в человеке тоже стоят, по сути дела, на биологизаторских позициях. Так, например, Р.С. Карпинская, рассматривая, как монистический, взгляд на человека как совокупность всех общественных отношений, задает вопрос: «что же тогда Маркс называл двойственностью качественной определенности» природы человека, существованием человека одновременно и как «субъекта природы», и как «субъекта общества»? [6, с. 9] Представляется, что к таким вопросам, а вслед за ними и соответствующим выводам авторов приводит смешение понятий бытия и сущности человека. Бытие человека (в том числе и как тела, организма) есть предпосылка (в том числе и природная) его истории, а сущность человека в самом деле одна, и она социальна, ибо бытие человека развертывается только в истории общества. Еще Гегель подчеркивал, что сущность «есть то, что она есть», «через свое собственное бесконечное движение бытия» [7, с. 264]. Для человека таким бесконечным движением бытия является история общества, поэтому сущность его исторична, или, что то же самое, – социальна. В целом такому пониманию соотношения биологического и социального в человеке и отвечают подходы ученых, стоящих на диалектической позиции. Н.П. Дубинин говорит о диалектическом «снятии» социальным биологического в истории человеческого рода и жизни отдельного человеческого индивида [8, с. 60–62]. Этой точке зрения близки позиции В.В. Орлова и Л.А. Зеленова. Первый подчеркивает, что человек имеет «не двойственную биологическую и социальную, но интегральную социальную природу, включающую в себя в подчиненном виде свою биологическую основу» [9, с. 303]. Л.А. Зеленов придерживается той же модели, но говорит не просто о биологической, а о природной основе (механической, физической, химической, биологической), т.е. ставит вопрос более широко. Сегодня подход к природе человека как интегральной становится более распространенным, охватывая все новые и новые стороны этой интеграции. Например, авторы вышедшей в 1994 г. книги «Интегральная природа человека» Ю.Г. Волков, В.С. Поликарпов определяют человека как космобиопсихосоциокультурное существо.

Таким образом, диалектический взгляд на природу человека состоит в том, что движение природного бытия человека постоянно «снима-

ется» общественными условиями его жизни. Его природные силы «обрабатываются» социальными силами, очеловечиваются, обретая черты

сущностных сил человека. Социальная сущность человека и обусловливает его выход за пределы биологической формы движения, возможность подчинять себе свою биологическую природу, и одновременно освобождать ее в качестве родовых сущностных сил. Это главная особенность природы человека, которая отражена нами в определении: природа человека – трансформирующаяся социальность. Имеется в виду, что природа человека, чтобы стать подлинно человеческой, испытывает очень серьезное воздействие социокультурных факторов, которые, в свою очередь, тоже являются ее достоянием, возникая и развиваясь из своих природных аналогов (например, нужда у животных и потребность у человека; закон борьбы за существование у животных и закон соревнования способностей у человека). Один из ведущих законов развития человека в истории – закон возвышения потребностей, который свидетельствует об очень существенных изменениях, происходящих с человеком в истории, а соответственно, и о трансформации его природы на разных исторических этапах. Серьезную пищу для размышлений и подтверждение высказанных положений можно найти, например, в исследовании духовных традиций.

Понятие сущностных сил содержит в себе широкие возможности для исследования человека в аспекте потребности и способности как интегральных составляющих потенциала человека, их исторического развития и трансформации природного в человеке в социальное. Сущностные силы можно определить как исторически сложившиеся созидательные силы людей, которые присваиваются и интегрируются ими в форме их деятельных способностей или творческих потребностей и способностей. Данный подход имеет в виду, что сущностные силы человека так же, как и его сущность, развертываются только в истории общества и могут иметь отчужденные формы существования. Соответственно, в потребности и способности надо уметь отделять их исторически преходящую отчужденную форму от их действительной сущности.

Авторы упомянутой уже нами книги Ю.Г. Волков и В.С. Поликарпов обращают внимание на то, что современная теория антропогенеза дает примеры жесткости воздействия на человеческую природу со стороны социокультурных факторов, и приходят к следующему выводу: «Таким образом, в человеческой природе идет борьба стихийного, хаотического и упорядочивающего начал, где разрушительные аффекты погашаются при помощи религиозных и других культурных скреп» [10, с. 79].

Рассмотренные методологические подходы, имеющие большое влияние в отечественной философии и науке, определяют возможность разработки концепции потенциала человека, отвечающей требованиям его комплексного понимания. С учетом вышеизложенного концепцию потенциала человека, свойственную отечественной философии и науке, можно представить следующим образом [11, с. 45–130].

В философской, экономической и психологической литературе существует взгляд на потенциал человека как на его потребность и способность, диалектически связанные между собою. В своей действительности, социальной определенности они выступают как диалектическое противоречие, лежащее в основе формирования личности. Потребность и способность являются интегральными характеристиками личности, то есть вбирают в себя все параметры, по которым распознается и оценивается личность: ценности, убеждения, мотивы, цели, волю, восприятия, представления, суждения, умозаключения, идеи, образы и т.п. Все личностные образования, будучи модификациями потребности и способности, несут в себе их качественную определенность и напряжение их диалектики.

Потенциал человека – это система его возможностей, возникающих в диалектике возможностей мира и свобод человека и оформляемых в систему сущностных сил человека: потребности и способности.

Потенциал человека представляет собой систему диалектических противоречий, в напряжении которых возникают деятельные силы человека. Диалектика сущности и существования, содержания и формы, социальной самодетерминации, необходимости и свободы, возможности и действительности, объекта и субъекта, единичного и общего, потенции формы, творческого бытия и культуры личности определяют характер взаимодействия потребности и способности и закономерности функционирования потенциала человека. Выделены некоторые закономерности функционирования и развития потенциала человека.

Решение проблем человеческих качеств, культуры личности, действительной свободы человека, которые столь остро встали сейчас перед всем человечеством, возможно только на пути снятия отчуждения человека от своих сущностных сил, от культуры, на пути к свободному творческому бытию личности, движущей силой которого является диалектика потребности и способности как слагаемых культуры личности.

В качестве успешных попыток интеграции знаний о человеке в отечественной литературе можно рассматривать следующие работы: «Человек как предмет познания» (1969) – Б.Г. Ананьев; «Антропономия» (1991), «Методологиячеловекознания» (1992), «Система частных наук о человеке» – Л.А. Зеленов и его школа; «Материя, развитие, человек» (1974), «Человек, мир, мировоззрение» (1985), «Антропология как система наук о человеке» (1996) – В.В.Орлов. Большую роль в развитии интегрального подхода сыграла книга Ю.Г. Волкова и В.С. Поликарпова «Интегральная природа человека: естественнонаучный и гуманитарный аспекты» (1994). В ней дается комплексный анализ человека как социоприродного, космопланетарного существа, в котором соединены в единое целое космическая, биологическая, психическая, социальная и культурная стороны индивида. Таким образом, отечественные авторы исходят из того, что человек обладает интегральной природой – он представляет собой «космобиопсихосоциальное единство» (В.С. Поликарпов), целостное «космопланетарное явление» (В.П. Казначеев), причем личность в связи с обществом выступает в качестве интегрирующего фактора человеческой природы(Ю.Г. Волков).

Разработку проблемы интегральной природы человека в ключе эволюции и генетики общества осуществили Н.Б. Оконская и Н.К. Оконская. «Именно через генетику, – отмечают они, – может быть расшифрована концепция импринтинга, т.е. запечатление воздействия социального на биологическое (в том числе генетическое) и обратно – воздействие биологического на социальное. Генетика – это связь субъекта со всем внешним миром, в том числе и со Вселенной. Эту особенность исследовали гениальные ученые Чижевский, Гумилев, Бехтерева» [12, с. 10].

Они также ставят задачу продолжить, развернуть и углубленно обосновать материализм Маркса и концепции социальной физики Чижевского.

Современные разработки проблем интегрального потенциала человека, таким образом, постоянно адресуются к традициям отечественной философии в этом вопросе. При этом, кроме отмеченных уже авторов и их идей, для современных исследователей особое методологическое значение имеют следующие концепции.

Широкое распространение получила идея ноосферы В.И. Вернадского, с которой сегодня связывают перспективы решения экологических проблем. Ее популярность и развитие в современной науке позволяет говорить, что она занимает ведущие позиции, находя теоретическое развитие и практическое применение, и, как представляется, именно в связи с тем, что многие ее стороны соотнесены с решением проблемы человека [13, с. 479].

Реальностью в XX в. стала также идея К.Э. Циолковского о выходе человека в космическое пространство. С развитием космонавтики можно связывать перспективу решения проблемы человека в условиях научно-технического прогресса.

Очевидно, свое развитие еще предстоит найти идее космической природы человека (человек – часть космоса, микрокосм) и сопряженной с ней идее живого и разумного Космоса. Эта идея, с одной стороны, сопряжена с древней традицией в понимании мира и человека, а с другой – заострена в будущее развитие науки, представлений о потенциале человека и нравственности. Сегодня многие отечественные ученые поддерживают идею «всеоживленности» Космоса. Среди них В.В. Налимов, А.Е. Кулинкович, В.П. Казначеев, А.И. Субетто. Идея космогенеза человека, которая имеет сегодня много сторонников своего развития и различные версии, открывает новые возможности для развития представлений о природе человека, его назначении, смысле жизни, сущностных характеристиках, потенциале. Здесь современные исследователи акцентируют внимание на следующих положениях: В.П. Казначеев подчеркивает неслучайность появления человека в космогонической эволюции интеллекта [14, с. 30], в данном измерении человека у В.П. Казначеева появляется концепция человека как индивидуальной «ноосферы», развиваются представления об «онтологии добра», этическом интеллекте, «культуре творчества» как «культуре радости и счастья» (А.И. Субетто, В.П. Казначеев). Эти взгляды развивают представления об интегральном потенциале человека, позволяя переосмыслить его в аспекте новых научных открытий

(генная инженерия, клонирование и т.п.).

Привлекает современных исследователей обращенность русской философской мысли «к человеческому всеединству в его взаимодействии с Землей, Природой, Космосом». Свое развитие в отечественной философии, да и в общественной мысли в целом, находит идея соборности.

Таким образом, отечественная философия содержит в себе немало методологически значимых идей для разработки проблемы интегрального потенциала человека. Во многом их значимость сохраняется благодаря взаимосвязи этих учений с различными областями науки. Современные философия и наука в разработке проблемы интегрального потенциала человека особое внимание уделяют данным различных наук и путям интеграции их с целью выработки нового знания о человеке как целостности. «Взаимосвязь и взаимообусловленность знаний о мире и человеке, – отмечает В.В. Орлов, – приобретает особенно сложный характер в современную эпоху, когда проблема человека в существенной мере становится проблемой естественных наук, проблемой особого рода» [15, с. 45].

И так же, как это сложилось в западной философии (М. Шелер), в отечественной философии главную методологическую функцию в этом процессе выполняет философская антропология (Б.В. Марков).

Являясь концептуальным знанием о человеке и обладая способностью к синтезу различных научных знаний, философская антропология интегрирует сегодня вокруг себя различные научные области, связанные с изучением человека и общества. В ходе этой интеграции происходит взаимообогащение философской антропологии и частных наук, а соответственно, взаимообогащение концептуального знания о человеке и частнонаучного знания, развитие представлений об интегральном потенциале человека.

Библиографический список

1. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Изд-во «Правда», 1989. – С.254–261, 368–369.

2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 42. – С. 116, 123.

3. *Нестеренко Г.Я.* Проблема сознания в марксистской социологии. – М.: Мысль, 1971.

4. *Куделин Е.Г.* Законы возвышения потребностей и соревнования способностей. – Горький: ГСХИ, 1985. – С. 6.

5. *Симонов П.В.* Мотивированный мозг. – М.: Наука, 1987.

6. Биология в познании человека. – М.: Наука, 1989. – С. 9.

7. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. – М.: Мысль, 1974. – С. 264.

8. *Дубинин Н.П.* Что такое человек. – М.: Мысль, 1983. – С. 60–62.

9. *Орлов В.В.* Материя, развитие, человек. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1974. – С. 303.

10. *Волков Ю.Г., Поликарпов В.С.* Интегральная природа человека: естественнонаучный и гуманитарный аспекты. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1994. – С. 79.

11. *Краева О.Л.* Диалектика потенциала человека. – М.; Н. Новгород: Нижегород. гос. с.-х. академия, 1999. – С. 45–130.

12. *Оконская Н.Б., Оконская Н.К.* Эволюция и генетика общества в фокусе философии. – Севастополь, 2007. – С. 10.

13. *Вернадский В.И.* Биосфера и ноосфера. – М.: Рольф, 2002. – С. 479.

14. *Казначеев В.П.* Проблемы человековедения. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1997. – С. 30.

15. *Орлов В.В., Васильева Т.С.* Антропология как система наук о человеке // Три точки зрения на философскую антропологию. Сборник исследовательских статей. – Севастополь, 1996. – С. 45.

16. *Марков Б.В.* Философская антропология. – СПб.: «Лань», 1997. – С. 12.

17. *Субетто А.И.* Общественный интеллект и культура // Человек. Культура. Образование: Мир человека. Вып. 3-й. – Н. Новгород: НГСХА, 1998. – С. 53–59.

УДК 30

Михайличенко Дмитрий Георгиевич
кандидат философских наук, доцент
Башкирская академии государственной службы и управления
при Президенте Республики Башкортостан
enkrateia81@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ МАССОВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ ПСИХИКОЙ В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ СОВРЕМЕННОСТИ

В статье анализируется значение технологий массовой манипуляции психикой для межэтнических конфликтов современности. Автор доказывает, что мультиэтничной Российской Федерации необходимы надэтнические, объединяющие ценности, на основе которых возможна прочная форма коллективной идентификации.

Ключевые слова: *властные отношения, современное общество, репрессивность, технологии массовой манипуляции психикой, этнические конфликты.*

Потенциальная конфликтность любого мультиэтнического образования подтверждена мировой практикой. Острота и высокий мобилизационный эффект этнических конфликтов состоит в апелляции не только к рациональным, но и к иррациональным мотивам: исторической памяти о былом «величии» нации или надеждам на ее будущее процветание, явным либо мнимым обидам и ущемлениям национального достоинства, ксенофобическим пластам ментальности и национального самосознания, а подчас и скрытым в их толще деструктивным импульсам.

Этнические конфликты в современном обществе распространены в таких регионах мира, как Баскония, Каталония, Палестина, Северная Ирландия, Судан, Тибет, Турция, Уэльс, Шотландия, Шри-Ланка, Чечня и др.

Основные тенденции развития современного общества свидетельствуют о том, что на уровне магистральных институтов и практик осуществляется переход от доминировавших ранее открытых физических форм насилия, к скрытым, завуалированным, символическим (информационно-психологическим). Это, в свою очередь, делает трудным идентификацию всего спектра властных отношений. В этих условиях, как отмечает П. Бурдье, необходимо уметь обнаруживать власть там, где она менее всего заметна [1, с. 88]. Учитывая неразрывную структурную связь между властью и насилием, для характеристики вышеозначенной тенденции целесообразно использовать понятия «символическая власть» и «символическое насилие».

Символическая власть есть превращенная, т.е. неузнаваемая, преображенная и легитимированная форма власти, подчиненная другим ее формам. Символическая власть конструирует социальную реальность через высказывание и текст, побуждает видеть, верить, утверждать, изменять и навязывает видение мира. Она не заключена лишь в символических системах, но встроена в социальный контекст. Одной из форм проявления символической власти является манипуляция. Само слово «манипуляция» происходит от латинского слова «manus». В различных словарях европейских языков манипуляция трактуется как обращение с объектами, преследующее определенные намерения, цели. Подразумевается, что для таких целей требуется ловкость и сноровка. В технике те приспособления для управления механизмами, которые являются, условно говоря, продолжением рук, называются манипуляторами. Отсюда произошло переносное значение слова – ловкое обращение с людьми как с объектами, вещами [3, с. 44–47].

Нам видится более уместным использование понятия «технологии массовой манипуляции психикой» по ряду обстоятельств.

Во-первых, ни глобальная, ни общенациональная, ни региональная манипуляция невозможна без соответствующих технологий.

Во-вторых, «технологии массовой манипуляции психикой» - это собирательное понятие, которое включает в себя технологии манипуляции на региональном, общенациональном, или, точнее, государственном уровне и мировом (глобальном), а также разделяет различные технологии манипуляции в зависимости от сферы применения (политика, экономика, культура и т.д.).

В-третьих, собирательность понятия «технологии массовой манипуляции психикой» заключается также в том, что оно включает в себя разнообразный набор технологий, посредством ко-

© Михайличенко Д.Г., 2010

торых субъект этого процесса оказывает информационно-психологическое воздействие на объекта.

В-четвертых, протекание процесса манипуляции предполагает, что воздействию подвергается не только сознание человека, но и его психика в целом (сознание, подсознание, бессознательное), его поведение и сам человек.

В-пятых, современное общество не утрачивает массовости, поэтому технологии, функционирующие на уровне магистральных социальных практик и институтов, могут быть охарактеризованы как массовые.

Очевидно, что в целом технологии массовой манипуляции психикой действуют репрессивно на социальность. Впрочем, подчас трудно разделить репрессивный и конструктивный потенциал технологий массовой манипуляции психикой. В целом генезис и развитие технологии массовой манипуляции психикой есть следствие увеличения роли науки в жизни современного общества и экспансии ее достижений в другие сферы общества. Именно наука, развитие психологических (психоанализ, бихевиоризм, социальная психология и др.), а также технических знаний (средства массовой коммуникации) сделали возможным генезис и развитие технологии массовой манипуляции психикой. Итак, технологии массовой манипуляции психикой – это социальные технологии информационно-психологического, явного и скрытого управления психикой, действиями и поведением человека и различных социальных групп.

Технологии массовой манипуляции психикой представляют собой способ информационно-психологического репрессивного воздействия. Функционирование данных технологий на уровне структурообразующих социальных институтов и практик общества предполагает манипулирование не только психикой человека, но и информацией, а также символами. Основными способами такой манипуляции являются конструирование, умолчание (в том числе и последствий изменений, вызванных каким-либо событием, фактом, процессом), искажение, селекция, передергивание, переворачивание. С помощью этого вызывается желаемая для субъектов технологий массовой манипуляции психикой реакция объекта.

Результатом конструирования технологий массовой манипуляции психикой посредством различных медиумов может являться все социальное: от представлений одного человека до имиджа государства. Воздействие масс-медиа на социальные процессы и их участников заключается в том, что они, замалчивая определенную информацию, преподнося ее в более выгодном свете, функционируют по принципу, который знаменитый философ Нового времени Д. Беркли считал онтологическим – «быть – значит быть в восприятии» («esse est percepti» – лат.). Действительно, в жизни современного человека ничтожна доля непосредственных наблюдений по сравнению с данными средств массовой информации. Так, восприятие политика, деятеля шоубизнеса, киноактера напрямую зависит от того, как этот образ будет «преподнесен» масс-медиа. В том числе и поэтому, кстати, фото- и телегеничность оказывают такое важное воздействие на политический процесс. Так формируется инверсированновать восприятия образов окружающей действительности современным человеком. Технологии массовой манипуляции психикой в пространстве масс-медиа активно участвуют в формировании медиапрезентаций, таких как реконструкция, миф и др.

Тип «реконструкция» допускает свободу интерпретации со стороны СМИ: реальное событие заново «конструируется» в медийном пространстве на основе определенных установок.

Тип «миф» представляет целенаправленно созданный, часто весьма отдаленный от реальной действительности образ события. Его изначальная направленность на оказание идеологического воздействия [2, с. 121]. Символическая власть, таким образом, посредством технологий массовой манипуляции психикой конструирует реальность.

Современные межэтнические конфликты, противоречия во многом являются результатом социального конструкта, технологически созданного и направленного на достижение скрытых целей. Речь идет о таких процессах, как конструирование и использование этнических стереотипов для достижения определенных целей субъектов политики (например, попытка разыграть этническую карту тем или иным политическим деятелем в рамках предвыборной кампании). Также можно отметить целые кампании в средствах массовой информации по «сатанизации» образа внешних врагов того или иного государства (например, образ японцев для граждан США в период Второй мировой войны, иракцев и сербов для

западных стран в конце XX – начале XXI в. и др.). В этих случаях образ этноса представляется в искаженном виде, что создает важный плацдарм для легитимации насилия и других репрессивных действий по отношению к его представителям и институтам государственности.

Если же рассуждать о конструировании мифологем и идеологем, влияющих на формирование межэтнических отношений в российском социокультурном пространстве, то можно сказать, что, например, применительно к российскому политическому пространству иллюстрацией вышеотмеченного может служить формулировка «укрепление славянской идентичности», которая используется для различного рода политических интриг и манипуляций как внутри России, так и за ее пределами – в ближнем зарубежье и в Восточной Европе. Это выражается в конструируемые посредством технологий массовой манипуляции психикой идеологемы, содержащие славянофильские нотки об особом характере отношений, например, между Россией, Украиной и Белоруссией, которые должны существенно отличаться от отношений между другими суверенными государствами. Славянская идентичность, полагает политическое руководство этих стран, служит основанием для создания более благоприятных экономических условий для сотрудничества. Восприятие Российской Федерации в таком случае скорее как потребительского, чем дружественного государства, а этническое родство выступает как симулякр, ярлык без ссылки, значение которого лишь в том, что он является основанием конструирования посредством технологий массовой манипуляции психикой мифологем. Умелые манипуляторы способны превратить столкновение преступных клик в этнический конфликт, разжечь чувства этнической ненависти.

Исходя из вышесказанного, хотелось бы заметить, что понятия «этнос», «нация», «национализм» навязывают обществу и индивиду определенные практики, эффективность которых для общественных благ сомнительна или даже негативна [4, с. 71–72]. К сожалению, на рубеже нового тысячелетия российская национальная политика строилась без учета необходимости выработки общих для всех россиян надэтнических принципов. Акцент делался на поддержание различных этнических групп. Это привело к тому, что вместо формирования институтов гражданского общества произошло укоренение «принципа крови» в общественно-политической практике и кадровой политике российских субъектов [5, с. 56]. Поэтому мультиэтничной Российской Федерации необходимы надэтнические, объединяющие ценности, на основе которых возможна прочная форма коллективной идентификации. В противном случае, этнический фактор может быть использован для конструирования и закрепления в ментальных структурах различных этносов посредством технологий массовой манипуляции психикой различных идеологем, мифологем, стереотипов и принципов, направленных на разжигание межэтнических противоречий.

Библиографический список

1. *Бурдье П.* О символической власти // Социология социального пространства. – С. 87–97.

2. *Добросклонская Е.Н.* Пропаганда в системе постсоветского политического дискурса // Социология власти. – 2008. – №1. – С. 114–122,

3. *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: «ЧеРо»; «Юрайт», 2000. – 344 с.

4. *Кустарев А.* Нация: кризис проекта и понятия // Pro et Contra. – 2007. – №3. – С. 66–73.

5. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты // Секция философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН. – М.: Наука, 2007. – 640 с.

УДК 130.2:2

Оськин Владимир Алексеевич
Московская государственная академия делового администрирования
ALEXOSKIN@mail.ru

СПЕЦИФИКА «НОВОГО РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ»

В статье рассмотрены основные черты «нового религиозного сознания» через сопоставительный анализ концепций его главных идеологов – Д.С. Мережковского и Н.А. Бердяева Автор привлекает внимание ко все еще недостаточно изученной русской культуре Серебряного века в части исследования вопросов философии и религии, имеющих сходство с современными культурными процессами.

Ключевые слова: *«новое религиозное сознание», религия, культура, историческая церковь, человеческое творчество, мистика.*

Общая неудовлетворенность безрелигиозной культурой, отсутствием реальных духовных ценностей в России конца XIX – начала XX века явила плеяду общественных деятелей из среды русской интеллигенции, единых в своей направленности и сплотившихся под эгидой «нового религиозного сознания» (понятие, воспринятое современниками, как «направление общественной деятельности людей, которых объединил интерес к обновлению церковно-общественных отношений») [6, с. 5].

Русской церкви предстояло отказаться от суеверий (чудеса, дьявол, загробный мир), стать активным участником социальной жизни. Для этого была необходима автономия церкви (отделение ее от государства) и скорейший созыв Поместного Собора.

Религиозное сознание всегда было «важнейшим атрибутом, позволяющим человеку ориентироваться на главные, наивысшие ценности сущего и должного, восходящего к абсолюту Бога» [1, с. 219–220]. Поэтому вера в исцеление религией и духовное начало, сочетаясь с личными представлениями о Боге и морали, стали предметом обширных дискуссий, явивших множество мнений по поводу «нового религиозного сознания» (НРС). Среди них особенно привлекательны взгляды Д.С. Мережковского и Н.А. Бердяева, касающиеся специфических черт данного понятия. Они еще недостаточно структурированы в современной литературе. Поэтому систематизация таких черт, как недовольство «исторической» и современной церковью, необходимость религии, проблема соотношения «плоти и духа», антроподицея («оправдание человека»), мистическое начало, представляется наиважнейшей задачей.

Итак, недовольство «исторической» и современной церковью во многом обусловило становление НРС. Рассматривая смысл жизни в канве религиозного поиска, Мережковский пытался выйти за рамки христианской догматики через соединение русской культуры и Вселенской Церкви. Безусловно, соединение это болезненно. Ортодоксальность русской церкви всегда была чужда философу. Историческая церковь, по его мнению, не выполнила социальной функции, «не смогла свести небо на землю», не осуществила Божьей правды. Мережковский критикует и современную церковь, выступая против ее пассивности. Ведь отказываясь от участия в решении насущных проблем, она способствует погружению мира во власть Антихриста. В его лице государственная власть заслонила власть Христа. Эта ошибка должна быть преодолена за счет установления Царства Божьего.

В этом ключе неоднозначным представляется тезис современного исследователя религиозно-философской мысли XX века в России И.В. Воронцовой, согласно которому социальная революция легко вписывается в НРС «как необходимый вид религиозного действа при смене эпох» [6, с. 58]. Но возможно ли «установление царства Божьего» через насилие и разрушение?! Как показала практика, – нет.

Критика церкви выразилась также в том, что цензура не хотела принимать нового взгляда на существующие таинства и догматы. Именно поэтому авторитет церкви не воспринимался Мережковским как нечто сакральное. Получается, что церковь борется с людьми, в которых «пылает религиозный огонь». Догматы не должны быть статичными, поскольку наша вера обращена к живому Христу.

Проблема сущности Церкви, ее «материализации на земле» волновала и Н.А. Бердяева. В ходе исторического процесса подлинного критерия церковности найдено не было. Была сделана попытка повысить авторитет церкви, сделать ее но-

 © Оськин В.А., 2010

сителем абсолютный религиозной истины, требующей полного подчинения. Но вот границ истинной Церкви определить не удавалось. Инквизиция, ставившая своей целью поддержание этого авторитета, парадоксальным образом способствовала его утрате. Религиозный путь был утерян, и обрести его вновь человечеству не удавалось. Таким образом, недоверие к самой Церкви и ее признакам усиливалось и, в конечном итоге, привело к тому, что человеческая культура как творческий акт развивалась вне церковных стен, оставаясь в «мистической церкви», в которой для Бердяева заключена истина.

Вселенские соборы, положившие начало разногласию между Восточной и Западной церквями, для Бердяева не были абсолютным постулатом любви к Христу. Часто они наполнялись неблагочестивыми людьми, которые посредством человеческих голосов «устанавливали» критерии религиозной истины, хотя авторитетность Соборов должна исходить из присутствия в них Духа святого. Истина открывается через членов Собора, которые «высказывают мнения не человечески субъективные, а сверхчеловечески объективные» [2, с. 194]. Для Бердяева же истинность Церкви определяется «религиозным восприятием», которое выше самой Церкви, выше самого Священного Писания. Он выступает против церковного принуждения: нельзя «организовать церковь», в нее можно войти лишь внутренне, мистически. Истинная церковь не уничтожает все то, «что лежит за пределами ее колпака». Ее органическое начало там, где Любовь, где Христос. Поэтому молитва должна произноситься везде (не только в храме). Вся жизнь для Бердяева есть Молитва, поскольку мир у него отождествляется с Божьим храмом. Именно этот постулат способен сделать религиозное возрождение Вселенским. Выступая против иерархического построения Церкви, философ утверждает, что в Евангелии ничего не говорится о принадлежности «Благодати священства» только избранным. Его идеал – свободная община, каждый член которой обладает правом на совершение таинств. Церковь, в которой таинства осуществляются «уединенно», мертва для него. Он отмечает, что в таинствах языческих было гораздо больше соединения с миром, с людьми и что нам очень дорого церковное величие, но нельзя не признать тот факт, что «историческая церковь» явила собой лишь богадельню, в то время как должна была бы стать и «рабочей мастерской, и ученым кабинетом, и художественной студией» [11, с. 150].

Нельзя не отметить, что желание оставаться в лоне русской церкви никогда не иссякало у Бердяева. Проблема «новой церковности», поставленная Мережковским в центр НРС, его не привлекала, поскольку он не верил в создание «новой Церкви», а главное, – не был убежден в верности понимания мережковцами того, что есть Церковь, и не принимал их «квартирных богослужений». Но во многом они были едины. Например, в неприятии существующей исторической церкви, которую считали мифом. Наконец, оба философа были уверены в том, что «приход новой религиозной эпохи знаменует объединение всех христианских церквей в одну Вселенскую» [2, с. 233]. Правда, теократия для Мережковского есть прямое правление Христа, для Бердяева же «царство всеобщего священства». К слову сказать, русская интеллигенция в полной мере не осознавала всей важности религиозных проблем. Религия интересовала ее «постольку, поскольку она связывалась с политикой или же с проповедью атеизма» [5, с. 67]. Российское общество, игнорирующее религиозные вопросы, обрекало себя на гибель.

Необходимость религии была осознана деятелями НРС. Мережковский, например, придавал религии огромное значение, усматривая ее связь с культурой. Это не случайно, поскольку начало XX века ознаменовалось мощным культурным всплеском в жизни России. Для представителей символизма культура вообще стала сакральна. Впоследствии она должна «соединиться с религией и занять свое место в Церкви, а потом и вовсе стать самой религией. Взаимосвязь культуры и религии должна быть отражена в сознании людей – только так «религия Троицы» Мережковского явится России.

Вопросы, связанные с необходимостью религии, стали сокровенными и для Бердяева. Он подчеркивает взаимосвязь религии и творчества. Признание божественной сущности творческого акта приводит философа к мысли о возможности культуры и религии заменять друг друга. В религии он видит неисчерпаемую силу, способную в корне поменять социальную жизнь, сделать ее религиозной. Немаловажно замечание Бердяева о взаимоотношениях религии и философии. Он считает, что «философия, став служанкой религии» [3, с. 14], так и не стала носителем

религиозной жизни. Именно поэтому философское знание, не подкрепленное религиозностью, становится опустошенным. Вот почему Н.А. Бердяев всегда отдавал предпочтение «философии церковной», в которой сохраняется проблема мирового смысла» [2, с. XVII].

Одной из главных черт НРС явилась проблема «плоти и духа», с вытекающим из нее вопросом «святой плоти». Ее разработка осуществлялась в ходе религиозно-философских собраний 1901–1903 годов. Аспект чувственной любви, ставший приоритетным у В.В. Розанова, явился важным для Мережковского в контексте «святости» пола, его «преображения во Христе». Розановская чувственность для Мережковского лишь знамение «духовной любви». Он критикует Розанова за пренебрежительное отношение к личности, которую тот считает «функцией пола». Мережковский же считает ее сущностью. Пол интересует его только в контексте социальной проблематики, а именно, в доминировании мужского над женским. В докладах философа («Гоголь и о. Матфей», «Н.В. Гоголь и православие») плоть была представлена как совокупность культурных ценностей, сакрализация которых обусловила неуклонное им следование. Поэтому плотское начало автономно для Мережковского. Объединение «духа» и «плоти» он видит в «тайне Рождества», «тайне Воплощения», тайне «Воскресения Плоти», данных Христом. Дух и Плоть в «догмате о Богочеловеке» равны. Христианство не последовало этому догмату, обусловив противостояние плотского начала – аскетическому христианству. Но у Мережковского в «Смерти богов (Юлиан Отступник)» «изображения языческих богов …считались изображением христианских святых» [8, с. 27].

Вопрос о соотношении Духа и Плоти интересовал и Бердяева. В проблеме «освящения плоти» его интересовал аспект, связанный с религиозной значимостью пола. Человечество часто стыдилось пола, но, между тем, это «вопрос вечный», стоящий на одном уровне с категориями жизни и смерти. Это показывает, что Бердяев считает категорию пола более значимой, нежели Мережковский. Пол был ошибочно связан с «греховностью плоти», хотя сама плоть имеет метафизическую основу, как и дух. Бердяев полагает, что в церкви слишком много «плоти». Здесь он вновь противоречит Мережковскому, для которого церковь лишь «дух». Единство «плоти» и «духа» заключено для Бердяева в преобразующей творческой деятельности человека. Эта деятельность напрямую связана с плотью, которая есть мировое тело, требующее «воскресения».

Проблема единства «плоти и духа» интересует современного исследователя И.В. Воронцову. Ее рассуждения о «претворении человечества в Богочеловечество» [6, с. 51] неоднозначны, поскольку непонятно, смогут ли когда-нибудь «плоть» и «дух», будучи долгое время непримиримыми врагами, соединиться.

Таким образом, обвинения, адресованные Бердяеву другими представителями НРС о невнимании к «плоти», неправомерны, так как он рассматривал этот вопрос с другой точки зрения, а именно – творческой деятельности человека. Творческая деятельность, любимая Н.А. Бердяевым, нашла свое отражение в «антроподицее» (идее оправдания человека) – одной из существенных черт «нового религиозного сознания».

Н.А. Бердяев считает, что Бог – Иисус Христос заложен в человеке. В этой связи не случайно наделение человека божественной сущностью. Христос для философа есть человек «второго рождения в духе», совершенная личность, свободная от биологической сферы. И если Христос, живущий в человеке, – «сын Божий», то и сам человек – «сын Божий». Творчество является требованием Бога от человека и обязанностью человека. Но для Бердяева Бог не является абсолютом и первопричиной всего. Здесь что-то выше, а именно бездна, в которой сосредоточен анархический идеал. Это и есть сотворение мира посредством свободы. В ней «скрыта тайна мира. Бог захотел свободы, и отсюда произошла трагедия мира» [4, с. 224].

Мережковский, напротив, не был слишком увлечен проблемой человеческого творчества. Его волновал исключительно Христос, загадка Святой Троицы – Отца, Сына и Святого Духа. Именно во Христе он увидел возможность воссоздания великой гармонии на Земле – единение религии Отца (дохристианские религии) и религии Сына (христианство). Так мыслитель знаменует создание Третьего Завета, наполнением которого становится «религия Святого Духа» («Третья ипостась божественной Троицы»). Даже в его художественном произведении из уст самодержца Павла I слышатся фразы: «Спи с Богом! ..., С нами Бог! ..., Господи…, Прости, Господи…» [9, с. 71–75]. В «Иисусе Неизвестном» он задумыва-

ется о подлинном лике Христа, через истинное восприятие Евангелия пытается прийти к Иисусу. Именно это может приблизить истинных христиан к «Церкви будущего века». Несмотря на все расхождения, Мережковского и Бердяева объединяла позиция признания изначального присутствия человека «во Христе».

Незыблемой чертой НРС была мистика, которая нашла свое отражение в философии Мережковского и Бердяева. Именно мистическое начало привело Мережковского к опыту декадентства и символизма. Русских декадентов он назвал «самозародившимися мистиками», отражением в искусстве того, что происходит в жизни. Они стали первым поколением людей, «взыскавшим тайны. Какой именно?.. Божеской или дьявольской – это вопрос, который решается уже по выходе из декадентского подполья …в новое религиозное сознание» [10, с. 77–79]. Символизм, по мнению Мережковского, обречен быть внесенным в церковь и освященным ею. Культура через движение к мистической цели может стать религией, поскольку мистическое начало в ней очень сильно.

Н.А. Бердяев же рассматривает мистику через философию свободы. В ее основе он видит два типа: «мистический» и «магический». Мистика пребывает в сфере свободы, в ней – «трансцендентный порыв из необходимости естества в свободу божественной жизни» [3, с. I–IV]. Требованием времени становится переход от скрытой мистики к выявленной. Именно универсальная мистика способна вернуть человечество к религии исповедания Бога. В то же время мистика, будучи таинственной, не несет спасения. Рассуждения о магии приводят его к заключению: «Магический путь – путь человекобожеский. Путь же мистический – путь богочеловеческий» [3, с. IV]. Магия, лежащая вне христианства, деструктивна. Здесь явно просматривается невозможность отречения от Бога, хотя Мережковский заключает, что никакой «белой» магии не существует. Любая магия демонична по сути своей, а сам маг обладает подлинной силой только в случае отречения от имени Божьего. В этой связи «новое религиозное сознание» не мыслится без гнозиса, призванного перейти от христианства «исторического» к «мистическому».

Итак, проанализировав черты НРС, отметим, что это социокультурное явление не могло быть односторонним. Представители русской интеллигенции, обладая обширными знаниями в области религии, все же были наивны в вопросах понимания ее сущности. Поэтому динамически развивающаяся проблематика НРС требовала обязательного участия духовенства в ее обсуждении, поскольку и представители интеллигенции, и представители Церкви хотели придать обществу новый религиозный импульс. Долгожданная встреча двух сторон стала возможной в рамках возникших религиозно-философских собраний, прежде всего, Петербурга и Москвы. Они дали огромный теоретический и фактический материал, который отображен в докладах, протоколах заседаний, в прениях видных деятелей культуры, «проповедников религиозно-философской мысли в начале XX века» [7, с. 3].

Библиографический список

1. *Бачинин В.А.* Религиоведение. – СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 2005. – С. 219–220.

2. *Бердяев Н.А.* Новое религиозное сознание и общественность. – СПб.: издание М.В. Пирожкова, 1907. – С. 1–233.

3. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. – М.: Путь, 1911. – С. 2–278.

4. *Бердяев Н.А.* Самопознание. – М.: Книга, 1991. – С. 5–445.

5. *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество // Вехи. – М.: Грифон, 2007. – С. 57–109.

6. *Воронцова И.В.* Русская религиозно-философская мысль в начале XX века. – М.: ПСТГУ, 2008. – С. 5–420.

7. *Ермичев А.А.* Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917). – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – С. 3–333.

8. *Мережковский Д.С.* Смерть богов (Юлиан Отступник) // Христос и Антихрист. Т. 1. – М.: Правда, 1990. – С. 27–308.

9. *Мережковский Д.С.* Павел Первый // Царство зверя. Т. 3. –М.: Правда, 1990. – С. 7–91.

10. *Мережковский Д.С.* Не мир, но меч. – СПб.: Изд-во М.В. Пирожкова, 1908. – С. 3–208.

11. *Семенкин Н.С.* Философия Богоискательства. – М.: Изд-во Политической литературы, 1986. – С. 3–172.

УДК 1:3+1:93

Павенков Олег Владимирович
Санкт-Петербургский государственный университет
pavenkov@yandex.ru

ПОНЯТИЕ АЛЬТРУИСТИЧЕСКОЙ ЛЮБВИ В ФИЛОСОФИИ Н.О. ЛОССКОГО И КУЛЬТУРОЛОГИИ П.А. СОРОКИНА

Данная статья посвящена сопоставительному анализу понятия альтруистической любви в рамках предмета философии Н.О. Лосского (1870–1965) и культурологии П.А. Сорокина (1889–1968).

Ключевые слова: *духовность, альтруистическая любовь, духовные ценности, собственное «Я», мистическая интуиция, транссубъективная реальность.*

Как Любовь коррелирует с другими абсолютными самоценностями: Добром, Истиной, Красотой? Любовь есть результат их воплощения в человеке или их совершенная, качественно преобразованное единство? Можно ли построить антропологию, этику и аксиологию на любви? Может ли тот или иной мыслитель избрать лишь одну из абсолютных ценностей для построения системы этики или антропологии. Что же все-таки позволяет безусловно надеяться на торжество добра в мире? Это – Любовь. Ответы на эти вопросы мы можем увидеть в трудах представителей относительно единой школы русской религиозной философии и социологии, к которой относятся философ-интуитивист Н.О. Лосский и культуролог, русско-американский ученый, директор Гарвардского центра по изучению альтруистической любви П.А. Сорокин.

Особенности подхода Лосского и Сорокина к альтруистической любви

Особенностью их подхода к любви является акцент на агапэ, или альтруистической любви, и выступление против эроса как чувственной любви. Альтруистическая любовь в соответствии с данным подходом есть абсолютная самоценность, интегрирующая, с одной стороны, мир ценностей в единую аксиологическую систему, и, с другой стороны, есть главная жизненная сила, объединяющая социальный мир. Отметим, что нетривиальные концепции альтруизма Лосского и Сорокина были маргинальными в известной степени, не были до конца признаны научным сообществом.

Сравнительный анализ различных видов любви у Сорокина и Лосского

Н.О. Лосский является одним из редких представителей русской школы религиозной философии, который, создавая философскую систему, не обошел вниманием проблему любви, в том числе социальные силы, содействующие или противодействующие добру и любви. Его учение о любви может быть реконструировано по целому ряду фундаментальных философских произведений [5; 6; 7; 8; 9; 10]. Он стоит на позиции этики любви[1] и критикует эгоизм, апеллируя к тому, что Н. Луманом было названо «не присутствующий третий», к сакральному тексту христианства. «В эгоистической любви нарушен ранг ценностей, указанный Иисусом Христом, когда Он выразил сущность своей проповеди в двух заповедях: люби Бога больше, чем себя, и люби ближнего так же, как себя» [4, с. 59–60]. Сравнительная характеристика альтруизма, эгоцентризма и эгоизма представлена в сводной таблице 1.

Для разработки своего альтруистического учения Сорокину было необходимо разграничить два вида любви: эрос и агапэ. Однако Сорокин не учел существования еще как минимум двух наиболее представленных в социальном взаимодействии видов любви: филии, то есть любви дружеской, братской, и любви-уважения. Если эрос – любовь эгоистическая, любовь, основанная на самости человека, то агапэ – высшая форма бескорыстной созидательной, со-творящей любви, характерная для величайших альтруистов человечества. Сравнительный анализ эти двух путей мышления о любви, парадигмы любви-эроса и любви-агапэ, представлен в таблице 2.

Рассуждая об агапэ, о высшей религиозной форме любви, и П.А. Сорокин, и Н.О. Лосский приводят примеры православных и католических святых, так как, как пишет второй из них, «идеал христианина есть святость, и получение имени святого устанавливает связь человека с индивидуальным носителем святости» [4, с. 212].

Механизм формирования альтруизма

В работе «Условия абсолютного добра» Н.О. Лосский разбирает разнообразные взгляды

 © Павенков О.В., 2010

Таблица 1

Сравнительный анализ альтруистической, эгоцентрической и эгоистической любви

Критерии сравнения	Альтруизм или жертвенная любовь-служение	Эгоцентризм	Эгоизм
1. Смысл	Служение интересам других и бескорыстное служение ценностям.	Служение личной жизни, само-служение.	Удовлетворение личного желания.
2. Объяснение любви	Субъект или ценность, на которых направлена любовь, объясняют ее своей собственной самоценностью. Например, любимая жена самоценна для любящего мужа, и эта самоценность ее личности объясняет его любовь к ней.	Могут в разных ситуациях представлять разные типы объяснений: самоценность Другого или самоценность самости.	Любовь к себе объясняется самоценностью своей личности, как достойной всякой любви, блага и т.д. Самость как объяснительный механизм.
3. Ценностная определенность любви	Абсолютная сверхличная ценность человеколюбия по отношению к Другому. . Субъект любви доходит до состояния, выраженного таким самоотречением: «Я – ничто. Ты – все, любовь моя».	Относительная ценность личного бытия, которая может сочетать любовь к другому к себе. При этом переход к абсолютности любви возможен.	Эгоистически-гедоничести ческая псевдоценность. Как правило, сопровождается психопатологией, ведушей к болезненному тщеславию, честолюбию, которые иногда могут привести человека к тяжким преступлениям. При этом любовь понимается эгоистами как правило.в телесно-половом ключе.
4. Телеология любви	Цель любви – благо ближнего, то есть другого субъекта любви.	Цель любви иногда путается со средством любви, иногда нет.	Средство всегда принимается за цель. То есть свое благо рассматривается не как средство, а как цель эгоизма.
5. Мотивация к оказанию помощи	Желание помочь ближнему, избавить его от страданий.	Желание помочь себе или ближнему.	Желание помочь себе, избавить себя от страданий.
6. Отношение к другому, к предмету любви	Другой – это самоценность, это достойная личность. Другой как цель.	Индифферентное отношение к Другому.	Другой как средство для достижения личных корыстных целей, и средство, то есть собственное удовольствие, принимается за цель.
7. Яркие лозунги, идеи	Люби ближнего своего, как самого себя.	Благородный человек всего более занят мудростью и дружбой. Любовь дана людям не от богов.	Бери от жизни все. Бери от других все, что можешь взять.
8. Системы этики, основанные на данном виде любви	Этика любви или этика абсолютных ценностей	Эвдемонизм в виде эпикуреизма	Гедонизм, утилитаризм

Окончание таблицы 1

9. Некоторые «апологеты» данного вида любви	Н.О. Лосский, П.А.Сорокин	Эпикур и его последователя	Спенсер
10. Тип личности	Идеалист	Смешанный тип	Прагматик
11. Тип цивилизации	Цивилизация личностей, "абсолютная", идеациональная цивилизация	Переходный тип – "идеалистическая" цивилизация	Цивилизация личин, масок, "чувственная" цивилизация

представителей гедонизма, эвдемонизма, биологизма, натуралистического эволюционизма на проблематику любви. Преодолевая недостатки этических теорий, Н.О. Лосский предлагает совершенно оригинальный механизм формирования альтруизма. Он не эволюционный и отражает не «процесс», не некие временные этапы формирования любви, но фактически одномоментен, как вспышка или озарение. Подлинная симпатия означает высшую степень социальной и духовной интеграции, единство или, как пишет Н.О. Лосский, «тесную сращенность всех существ друг с другом» [4, с. 46]. Она является условием возникновение интуиции, оригинально понимаемой как вступление одного человека в такое сознание нужд и страданий другого, что происходит полное перенятие страдания этого другого [4]. Однако возникновение интуитивного сопереживания является необходимым, но недостаточным условием возникновения любви. Необходима трансляция (предполагающего зависимость) любящим объективных ценностей состояний и целей другого, на которого направлена его любовь. Любовь, предполагающая полное единодушие, единосущие любящих лиц, возможна благодаря тому, что деятели сотворены не как обособленные существа, а как обладающие отвлеченным единосущием, или первичной сращенностью. Если деятели творят дела любви, если их любовь взаимна, то их отвлеченное единосущие качественно преобразуется в конкретное единосущие, любовь переходит на новый уровень конкретности. Таким образом, осуществляется духовное альтруистическое совершенствование.

П.А. Сорокин предлагает концепцию альтруизма, рассматриваемого как образец обществен-

Таблица 2

Эрос и Агапэ [1]

Эрос	Агапэ
1. Эрос – желание добра для себя.	Агапэ бескорыстна.
2. Эрос – усилие человека к своему совершенству.	Агапэ дается человеку сверху (от Бога).
3. Эрос – приложение усилий человеком для достижения спасения.	Агапэ – дар Божий, спасение, которое является результатом действия Божественной Любви.
4. Эрос – эгоцентрическая любовь, форма самоутверждения себя как самого продвинутого, самого благородного и самого совершенного.	Агапэ – любовь, которая «не ищет своего» (1 Кор.13:5) и свободно и непосредственно дает себя ближним.
5. Эрос стремится получить божественную жизнь, бессмертие себя.	Агапэ – удивление (в сравнении со своей жизнью) перед жизнью Бога, который первый отдал свою жизнь, чтобы дать ее людям.
6. Эрос – желание иметь и обладать, опирающееся на ощущение потребности.	Агапэ свободно отдает себя, изливает себя. Для этого опирается на богатство Бога и обилие благ, которые он имеет.
7. Эрос – прежде всего человеческая любовь, и Бог – цель Эроса.	Агапэ – прежде всего собственная любовь Бога, поскольку Бог есть Агапэ.
8. Эрос дается только тем, кто действительно служит ему; следовательно, он не непосредственный, но «обусловленный» ценностью объект.	Агапэ изливается на «злых и добрых»; следовательно, она непосредственна, «беспричинна» и дарует себя тем, кто достоин и не достоин ее.
9. Эрос признает ценность в его объекте и поэтому любит его.	Агапэ любит и придает ценность объекту любви.

ного механизма, противостоящего силам разрушения. Используя методы наблюдения и эксперименты в референтных группах с контент-анализом обширных статистических данных и обобщением исторических фактов, Сорокин приходит на первый взгляд к тривиальному выводу, что альтруизм рождается из любви, то есть сама любовь является источником любви. Однако этот вывод важен, так как противопоставляет учение Сорокина светскому гуманизму, выводящему любовь из социальной природы человека, а также эволюционизму, рассматривающего любовь как результат развития социальной организации и коммуникаций в обществе.

В исследовании Сорокина, касающегося изучения «отношений между каждым из студентов Гарварда и Рэдклиффа и его или ее "лучшим другом" дружба была инициирована в 23,7% случаев действиями доброты, помощи, симпатии и заботы одной или обеих сторон; в остальных 76,3% случаев она была обусловлена взаимозаменяемостью ценностей и опыта. Не было ни одного случая дружбы, инициированной агрессией одной или обеих сторон» [1, с. 59]. Исходя из этих данных, Сорокин предлагает важный методологический принцип: познавать любовь следует исходя из нее самой, искать не внешние, а внутренние факторы ее образования. Н.О. Лосский, основываясь на этом принципе, предложил рассматривать мистическую интуицию как метод познания высшей любви.

Иерархическая структура альтруистической любви

Исходя из иерархической теории Н.О. Лосского, можно реконструировать его взгляды на уровни альтруистической любви по критерию зависимости от качественной определенности субъекта или вещи, на которую она направлена. Н.О. Лосский выражает христианскую идею о Божественной любви, выраженную в принципе: «Бог – Любовь». Этой же идеи придерживается П.А. Сорокин, однако не уделяя ей такого повышенного внимания. Высшей формой любви, доступной для человека, является любовь к Абсолюту. «Христианское откровение, – пишет Лосский, – дает нам сведения о Нем (Абсолюте. – *О.В.*) как Едином Боге в Трех Лицах». Наибольшая полнота любви, по Лосскому, осуществляется в отношениях между ипостасями Святой Троицы. Они «мыслятся как Лица, с совершенною любовью приемлющие всю индивидуальную сущность друг друга и сполна» [4, с. 54].

Основная задача, идеальная цель церковной организация есть формирование в пастве этой любви к высшему идеалу совершенства и любви. «Церковь, по Лосскому, принуждена исходить из серединного царства действительности, задаваясь целью постепенно воспитать в человеке любовь к трансцендентному идеалу абсолютного совершенства» [4, с. 167]. Эта любовь становится основой для восхождения человека к добродетелям: смирению, кротости, милосердию и т.д.

Следующий уровень любви – это любовь к ценностям. Восхождение к совершенному идеалу предполагает не только любовь к другим субъектам и живым существам, но и к абсолютным ценностями. Ценностная любовь ничем не детерминирована, а, наоборот, полностью свободна. «Любовь к ценности не детерминируется причинно ценностью: она есть свободное проявление деятеля. Он может свободно полюбить Бога, как Абсолютное Добро, заслуживающее высшей степени восхищения; такое отношение деятеля к Богу есть бескорыстная любовь к добру за то, что оно есть добро» [4, с. 59]. Любовь к ценности предполагает отношение к ценностям не в их разнородности, а к ценности в ее единстве с другими ценностями. Любовь к ценностям, по Лосскому, ведет к наиважнейшим альтруистическим поступкам.

Четвертый уровень любви – это любовь к личностям, которые называются Лосским «субстанциональными деятелями». Истинная любовь между деятелями возможна, если она достигли осознания абсолютных ценностей. Рассматривая высший уровень любви как аспект абсолютной полноты бытия, Н.О. Лосский дает следующее определение межличностной любви: «Любовь одного лица к другому есть полное приятие чужой индивидуальности и совершенная отдача сил в ее пользу. Совершенное единодушие деятельности, очевидно, невозможно без взаимной любви и достижимо лишь при осуществлении абсолютных ценностей, так только абсолютные положительные ценности все совместимы друг с другом. [4, с. 56] Результатом этого осуществления абсолютных ценностей в человеке является высшая возможная для человека форма любви – святость. Об этом идеале писал великий русский писатель Ф.М.Достоевский: «Признав святость высшей ценностью, стремясь к абсолютному

добру, русский народ не возводит земные относительные ценности, например частную собственность, в ранг «священных» принципов» [4, с. 231]. В вечности святость преобразуется как конкретное единосущие, «вполне осуществимое лишь в Царстве Божием» [4, с. 99].

Высшая любовь обладает, выражаясь в терминах П.А.Сорокина, высоким экспоненциальным уровнем, то есть огромным масштабом распространения. Применительно к Царству Духа Лосский выражает эту мысль так: «Каждый член Царства Божия, будучи связан совершенною любовью со всем миром, обладает и телом космическим, т. е. охватывающим весь мир» [4, с. 62]. Высший уровень любви не отрицает нижестоящие уровни. Наоборот, достигнув высшего уровня любви, святой человек обладает любовью всех более низких порядков, то есть, выражаясь в терминах статистики, имеет место быть кумулятивный ряд, в котором каждый последующий уровень включается в себя все предыдущие. Эту идею можно проиллюстрировать следующей цитатой: «Совершенная любовь к Богу, который с любовью сотворил мир, необходимо включает в себя также и любовь ко всем сотворенным Богом существам» [4, с. 56]. Из этого Лосский делает важный вывод о том, что «творчество всех существ, живущих в Боге, должно быть *соборным*, вполне единодушным» [4, с. 56]. Так как творчество при этом обладает индивидуальным вкладом, то творец должен являться личностью уникальной и индивидуальной.

Важно отметить, что степень любви к тому или иному уровню бытия может быть различной, что влияет на глубину деятельного созерцания [4, с. 56]. Безусловно, количественно и, возможно, даже качественно степень этой любви, по Лосскому, невозможна. Сорокин, не соглашаясь с этой методологической пассивностью Лосского, возможно обусловленной его философским, а не социологическим фокусом рассмотрения, предлагает собственную теорию и метод измерения альтруистической любви.

В фундаментальной работе «Пути и власть любви» [11] Сорокин классифицирует проявления этого сверхсознательного феномена и предлагает способы и приемы (например, метод «добрых дел»), с помощью которых возможно формирование альтруистической созидательной любви и обеспечение доминирования ее во внутреннем мире и поведении человека, социальных групп, страт и всего общества в целом. Выделяя основных субъектов – производителей альтруистической любви, Сорокин, помимо некоторых типов людей, указывает и на социальные группы или учреждения, среди которых семья является самым важным. Спонтанно, а не преднамеренно семья, по сравнению с другими группами, стала наиболее эффективным учреждением человеческой альтруизации[2]. Этот уровень альтруизации в семье, выражающийся в любви родителей к детям, напрямую обусловливает то, будут ли эти дети девиантами или даже преступниками или же законопослушными гражданами. Это утверждение хорошо подтверждается двумя противоположными группами доказательств. С одной стороны, большая доля детей, нелюбимых и отклоненных родителями, становится юными преступниками, физически и умственно неполноценными людьми, чем те дети, которые, соответственно, были любимы членами их семей. С другой стороны, по Сорокину, почти все те христианские православные святые, кто спокойно, без любой трагедии и внезапного преобразования превратился в апостолов любви, вышли из гармоничных семей, где были любимыми. Лосский выражает ту же мысль: в семьях с альтруистическою любовью близкие родственники обладают огромной чуткостью по отношению к другому: «И в самом деле, такая чрезвычайно обостренная чуткость к чужой душевной жизни, по-видимому, встречается в случае особенной душевной близости друг к другу двух существ, а также в случаях отношений, имеющих особенно важное биологическое значение: так, весьма вероятно, что к таким восприятиям бывает иногда способна мать в отношении к своему ребенку» [4, с. 189].

Различия в понимании альтруизма у Сорокина и Лосского

Основные различия в понимании альтруизма у Сорокина и Лосского можно объяснить тем, что Лосский, как философ, тяготеет к определению сущности того или иного феномена, в данном случае предельных оснований любви, и не интересуется методологией ее реализации в социуме; Сорокин же, будучи социологом, уделяет мало внимания различиям, существующим как в понимании, так и в осуществлении идеала альтруистической любви, различиям между представителями разных религиозных и философских традиций. Это приводит социолога к синретиз-

му, не синтезу, а смешению совершенно разных религий и мировоззрений. Очевидно, что цель Сорокина есть подведение их под общий знаменатель альтруизма, что, безусловно, невозможно осуществить на практике. Альтруизм христиан имеет мало общего с альтруизмом как иудеев и мусульман, так и представителей восточных мировоззрений. В отличие от Лосского, Сорокин пытается найти методы разрешения этой проблемы, осуществляя поиск интегральной идеи и системы ценностей, к которым относится триада: Истина, Добро и Красота.

К отличиям в понимании любви Сорокиным и Лосским, кроме того, относится и разный взгляд на гедонистическую этику. Лосский чувствует частичную истинность гедонизма: «Таким образом, учение о гедонистической (эвдемонистической и т. п.) мотивации заключает в себе неоспоримую истину». Но сразу подчеркивает, что «истина эта бедна, она сводится почти к тавтологии и содержит в себе не то, что утверждает гедонизм» [4, с. 28]. Сорокин же яростно критикует гедонизм как примитивную разновидность этики счастья. Его роль, по мнению культуролога, заключается в подрыве идеациональной, по сути, религиозной этики.

Единство подхода Н.О. Лосского и П.А. Сорокина

Теперь приведем несколько идей, объединяющих учения как Лосского, так и Сорокина о бескорыстной любви в единый подход:

1. Любовь – глубоко личностное признание сердечного переживания другого как своего собственного.

2. Личности любящего и любимого, двух субъектов любви, вступают в онтологическое единство друг с другом [1, с. 179].

3. Любовь – высшая абсолютная ценность. Любовь как аспект абсолютной полноты бытия. Царство Божие есть царство абсолютных ценностей и сфера наибольшей реализации высшей любви. Абсолютные ценности априорны и являются аксиомами мистического (религиозного) опыта.

4. Все отношения между личностями в потенциале могут быть пронизаны любовью [4, с. 134].

5. Акцент делается на преображающей силе любви, которая способна осуществить альтруистическую трансформацию даже в гордеце и крайнем эгоисте [4, с. 178].

6. Чувственная либидонозная любовь, если не соединена с духовными чувствами, растлевает и психическую организацию, и тело человека.

Общим в понимании альтруистической любви у Лосского и Сорокина является рассмотрение альтруизма в интегративном единстве абсолютных ценностей. Интегралистское понимание ценностей, одной важнейшей из которых является любовь, присуще обоим мыслителям. Почему же социолог и философ, жизненные судьбы которых не раз переплетались и на философском пароходе, и в Чехословакии, и, возможно, в США, но при этом различные по характеру своего мышления, тяготеют к единому пониманию альтруистической любви, как одной из главных абсолютных ценностей? Возможно, именно благодаря тому, что называется духовным смыслом русской культуры, приобщенностью к этому духовно-культурному источнику, что приводит этих мыслителей в единый стан сторонников интегрализма в сфере аксиологии и интегрализма в сфере социальной жизни, главной, жизненной, объединяющей силой которой является любовь. Таким образом, любовь рассматривается обоими мыслителями не просто как союз нескольких личностей, не как их социокультурное единство, но как жертвенное служение одной личности другой.

Итак, в заключение сравнительного анализа учения Н.О. Лосского и П.А. Сорокина об альтруистической любви мы выделили общие и различные пункты в их идеях. Значение обоих мыслителей для разработки теории альтруистической любви трудно переоценить: если Лосский дал философское обоснования альтруистической любви, то Сорокин смог выявить ее как научное социокультурное явление и предложил методы изучения и распространения бескорыстной любви.

Примечания

[1] Данный термин введен П.А. Сорокиным и обозначает христианскую этику.

[2] П. Сорокин употребляет здесь термин “altruization” для обозначения процесса духовно-нравственного совершенствования человека.

Библиографический список

1. *Sorokin P.A.* The ways and power of love. – Chicago: Beacon press, 1967.

2. *Августин А.* Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. – М., 1998.

3. *Лейбниц Г.В.* Монадология // Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах. Т. 1. – М., 1982.

4. *Лосский. Н.О.* Условия абсолютного добра. – М., 1991.

5. *Лосский Н.О.* Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. – М., 1995. – С. 39.

6. *Лосский Н.О.* Свобода воли. – М., 1991.

7. *Лосский Н.О.* Бог и мировое зло. – М., 1994.

8. *Лосский Н.* Обоснование мистического эмпиризма // Вопросы философии и психологии. – М., 1904–1905. – Т. XV. – Кн. 72 (II).

9. *Лосский. Н.О.* История русской философии. – М., 1991.

10. *Лосский. Н.О.* Достоевский и его христианское миропонимания. – Нью-Йорк, 1954.

11. *Сорокин П.А.* Пути и власть любви. Глава 11. Факторы ранней интеграции удачливых альтруистов / Перевод О.В. Павенкова // Женщина в российском обществе. – 2009. – №2.

УДК 141:572 (73)

Семёнов Дмитрий Владимирович
кандидат философских наук
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
ds7771@rambler.ru

ТЕМА ЧЕЛОВЕКА В КОНЦЕПЦИЯХ АМЕРИКАНСКОГО ПРАГМАТИЗМА И НЕОПРАГМАТИЗМА

В данной статье американский прагматизм и неопрагматизм рассматриваются в качестве одного из следствий онтологического редукционизма. В статье отмечается свойственная этим направлениям Нового Света идеализация американского общества и утопичность их социально-философских рекомендаций. Раскрывается роль базовых установок прагматической философской традиции для современного российского общества.

Ключевые слова: *прагматизм, неопрагматизм, онтологический редукционизм, христианская ортодоксия, субъективный идеализм, дуализм, культура «нарратива», фундаментализм, универсализм.*

Американский прагматизм и неопрагматизм представляют собой разновидность субъективного идеализма в философии. Возникновение этих философских направлений связано с периодом бурного развития капитализма в США, превращением Америки в ведущую супердержаву современного глобализированного мира.

Эмпирический метод и субъективно-идеалистически понимаемая практика в рамках развития этого философского течения Нового Света стали мощными инструментами создания того мифа о практической деловитости американцев, который до сих пор сохраняет свое значение, является силой прямого воздействия на общественное сознание этой страны, да и остального мира. Хотя степень воздействия прагматизма и неопрагматизма на формирование политической мифологии современной Америки еще предстоит оценить в полной мере, нет никаких сомнений в том, что это влияние было колоссальным.

С нашей точки зрения, существуют все основания рассматривать американский прагматизм и неопрагматизм, в лице наиболее выдающихся представителей этих течений (прежде всего У. Джеймса, Д. Дьюи и Р. Рорти), в качестве одного из следствий процесса, свойственного сознанию Нового Времени как в Европе, так и в Новом Свете. Прагматизм и неопрагматизм США выражают тенденции онтологического редукционизма, т.е. последовательного отказа от метафизической парадигмы реальности, которая восходит к парменидовско-платоновской традиции и в качестве своих сущностных характеристик содержит эссенциальность, фундаментализм и универсализм.

Истоки этого процесса надо искать в особенностях западноевропейской версии христианства с присущей ей тенденцией сближения земного и трансцендентного аспектов реальности, с последующим их слиянием в рамках пантеистических теорий новоевропейской философии и фактическим отождествлением божественного и земного.

Преодоление онтологического дуализма, свойственного христианской ортодоксии, обернулось переносом на материю тех атрибутов, которые традиционное христианское богословие относит к характеристикам надмирового Бога. Божественное сначала растворяется в природе, затем ста-

 © Семёнов Д.В., 2010

новится всего лишь предикативной характеристикой последней, поэтической метафорой, которая в конце концов отбрасывается за ненужностью, оставляя индивида один на один со сферой имманентного, одномерной материальной реальностью, в которой больше нет места ссылке на Абсолют, внеположенный по отношению к ней и которая сама становится абсолютной в своих базовых онтологических характеристиках и значении. Здесь не следует недооценивать и базисных изменений в структуре европейского общества позднего Средневековья, Возрождения и Нового Времени, связанных с бурным развитием капиталистических отношений и торжеством того урбанистического типа культуры, который пришел на смену европейскому традиционализму эпохи феодального Средневековья.

Важно иметь в виду, что «сведение бытия к вещественно-материальной одномерности» [1] означало истолкование социальных процессов и всего спектра отношений индивида и общества сугубо в модусе имманентного, без сколь-нибудь значимой отсылки к божественному Абсолюту. Взамен двухуровневой онтологической парадигмы христианства индивид эпохи Нового Времени оказался заложником одномерно экстенсивной реальности материального, подчиненной устойчивым связям и закономерностям, которые новоевропейская наука и философия постигали рационально и выражали в виде математических пропорций.

Убежденность в разумном, рациональном характере действительности, квинтэссенцией которой стала знаменитая гегелевская формула «все действительное разумно, все разумное действительно», нашла свое выражение и в части, касающейся историко-философской и социально-философской проблематики, прежде всего, в истолковании человека в модусе количественного. Если реальность исчисляется математически и подчиняется физическим законам, раз и навсегда данным детерминантам, стало быть, общую для материи парадигму существования можно спроецировать и на социум. Он начинает мыслиться как некое подобие механизма, либо машины, функциональное предназначение элементов которой может быть отлажено в соответствии с определенными научными рекомендациями и оптимизировано таким образом, чтобы свести к минимуму отрицательный коэффициент социального бытия человека: традиционные для общества язвы, такие как бедность, безработица или агрессивно-криминогенный характер деятельности социальных низов.

Американский прагматизм вносит существенный вклад в развитие этих базовых для философии Нового Времени установок, поскольку его рекомендации носят заведомо вероятностный характер. Эта тенденция отвечает свойственной философии Нового и Новейшего Времени установке на отказ от диктатуры идеи, тирании идеалов, во многом навязанных сознанию метафизическим ригоризмом классического философствования.

Поскольку социальное бытие не несет никакой неизменной метафизической матрицы и не заключает в себе даже намека на фиксизм, американские прагматики и неопрагматики не ставят перед собой задачу найти некие раз и навсегда данные социальные законы. Пожалуй, это отличает их от европейцев, чей рационалистический догматизм, во многом подпитывавшийся христианской установкой на восприятие реальности как упорядоченного творения и побуждавший новоевропейских философов искать раз и навсегда данные социальные законы исторического развития с тем, чтобы, согласно знаменитому тезису Маркса о Фейербахе, не объяснять реальность, а преобразовывать последнюю.

Как известно, мифологема «упорядоченности» и рациональности бытия будет преодолена в рамках новоевропейской философии только с наступлением эры иррационализма. Что же касается американских прагматизма и неопрагматизма, то вместо ориентации на открытие неизменных социальных закономерностей, они, в сугубо описательно-феноменологическом ключе, предлагают исследования ситуаций, в которых индивид, взаимодействуя с окружающей средой, достигает наилучших результатов. Таким образом, деонтологизация реальности ведет здесь к деонтологизации социальной сферы. А фиксизм классической философии, во многом сохранившийся в традиции новоевропейского секулярного философского сознания, меняется в Новом Свете на конвенциально-ситуативный подход к описанию социальных процессов.

Думается, что есть все основания усматривать в этой тенденции своеобразную реакцию или протестное движение в отношении свойственных классической философии и моделей социально-исторического развития.

В качестве антитезы, отмеченной выше тенденции, в рамках прагматической философии превалируют субъективно-идеалистический подход, провозглашающий в качестве задачи «обретение внутренней гармонии» [2, с. 9–207], ради достижения которой необходимо, в частности, использовать «программу прогрессивного обучения, теорию мелиоризма» [3]. Американский прагматизм и неопрагматизм исходят из убежденности в отсутствии у человека какой-либо субстанциально-неизменной природы и следуют истолкованию человека как лабильного социального типа. В результате в рамках истории философии переосмысливается и задача как социальной философии, так и философской антропологии, которая теперь сводится к поиску оптимальных способов адаптации индивида к существующему положению вещей, ради чего и провозглашается цель увеличить адаптивные возможности человека.

Несмотря на все усилия классиков американского прагматизма и неопрагматизма представить свои рекомендации как практически состоятельные и эффективные, на наш взгляд, есть все основания отнести эту традицию к разряду социальной утопии, которая была свойственна всему новоевропейскому сознанию и шла на смену европейскому традиционализму и метафизическому онтологизму в истолковании социальных процессов. Пожалуй, этот тип социального утопизма можно охарактеризовать как мягкий в сравнении с жесткими моделями социальной утопии, которые были созданы в рамках новоевропейской философской традиции.

Исходя из того, что сущность новоевропейского утопического сознания заключается в переносе идеала совершенного бытия из области трансцендентного в сферу имманентного, социальная проекция подобного рода переносов означает постепенное формирование идеалистических моделей социальной жизни, которые в полной мере находят свое воплощение в контексте развития американского прагматизма. Речь идет о таких идеалах посттрадиционного общества, как свобода личности, демократия, гражданская правовая ответственность и т.д.

Важно отдавать себе отчет в том, что эти установки, подпитывавшиеся подчас чрезмерной переоценкой наличествовавшей тогда социальной реальностью, ее нарочитой идеализацией, находились в некотором противоречии с конкретной исторической ситуацией. Пафосность оценок Джеймса и Дьюи относительно американской демократии, американского общества в целом также, с нашей точки зрения, может быть вполне отнесена за счет отмеченной выше утопичности новоевропейского философского сознания.

Рассмотрение индивида в модусе количественного, бывшее доминантой социально-философской и антропологической традиции Старого Света, в той или иной мере находит свое отражение и в философии американского прагматизма и неопрагматизма. Неизбежная в рамках этой установки тоталитарно стандартизирующая тенденция в контексте реализации социальных проектов в полной мере нашла свое воплощение в трагической истории и Европы Нового и Новейшего времени.

Что касается социального проектирования, осуществленного в том числе и благодаря развитию американского прагматизма и неопрагматизма, то, пожалуй, будет справедливым заметить, что оно было лишено тех печальных для Европы эксцессов тоталитаризма, о которых говорилось выше, хотя и отрицать наличие некоей стандартизирующей тенденции, пусть не явной, но, тем не менее, вполне отчетливо присутствующей в контексте американской политической мифологии, также вряд ли возможно. Вклад корифеев прагматической традиции Нового Света в создание последней заслуживает отдельного изучения и представляется вполне очевидным.

В современном российском обществе в связи с процессами глобализации и постепенным вхождением России в более широкий контекст экономических, социальных и культурных взаимодействий, гиперкритическое отношение к прагматической традиции Америки постепенно сменяется более взвешенным подходом. Пафос борьбы против догматизма «культуры проповеди», трактата, призыв заменить ее культурой нарратива, свободного творчества, «игры ситуации» при всей своей эпатирующей деструктивности может быть отнесен к числу проявлений одного из базовых законов диалектического развития.

Тезису классического онтологизма должен быть противоположен антитезис деонтологизированного прагматизма, чтобы появилась возможность выйти к некоему синтезу двух этих традиций. Для современной России этот синтез тем более необходим, что дальнейшее развитие страны вряд ли возможно без построения эффективного гражданского общества с высоким уровнем

правовой культуры, демократизацией всех сторон жизни человека и общества в целом.

В этом смысле учет теоретических достижений, в том числе и творцов американской прагматической и неопрагматической традиции, как сильных, так и слабых их сторон, может пойти всем нам только на пользу. Думается, российская культура, и тот тип ортодоксально догматизированной ментальности, который лежит в ее основе, нуждаются в прививке здорового скептицизма или даже умеренного цинизма в оценке человека и общества. Следствием подобного рода интеллектуальной инъекции может стать жизненно необходимое для современного российского общества преодоление догматичности мышления и привычных для россиян фетишизированных форм социально-политического бытия, без которого движение вперед вообще невозможно.

Выступая на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2007 года, будущий президент России Д.А. Медведев подчеркнул, что Россия в XX веке «была подвергнута тяжелейшим испытаниям: революциям, Гражданской войне, мировым войнам, экономическому коллапсу. Сегодня мы строим новые институты, основанные на базовых принципах полноценной демократии. Демократии без ненужных дополнительных определений. Демократии эффективной, опирающейся на принципы рыночной экономики, верховенства закона и подотчетности власти остальному обществу. И хорошо понимаем, что еще ни одно недемократическое государство не стало по-настоящему процветающим. По одной простой причине: свобода лучше несвободы» [4, с. 116–117]. По нашему мнению, американский прагматизма и неопрагматизм, как образец неортодоксального философского мышления и социальной теории, может обеспечить подобного рода изменение российского общественного сознания как нельзя лучше.

Библиографический список

1. *Гайденко П.П.* Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. – М.: Республика, 1977. – С. 495.

2. *Джеймс У.* Воля к вере и другие очерки популярной философии // Воля к вере. – М.: Республика, 1997.

3. *Дьюи Дж.* Общество и его проблемы. – М.: Идея-Пресс, 2002. – С. 160.

4. *Медведев Д.А.* Выступление на Всемирном экономическом форуме в Давосе. 27 января 2007 года // Национальные приоритеты. Статьи и выступления. – М., 2008.

УДК 1:316.66:338.24

Тюленев Иван Сергеевич

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

gorodrek1@yandex.ru

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ КАК ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Современная общественная жизнь характеризуется повышенным вниманием к такому явлению, как деловая репутация, играющей всё большую роль в процессе получения конкретных рыночных преимуществ в высоко конкурентной бизнес-среде. В статье в рамках коммуникационного подхода с опорой на концептуальные философские учения обеспечивается комплексный анализ репутации как сложного общественного явления, а также рассматривается весь процесс формирования и управления репутационным капиталом компании.

Ключевые слова: *репутация, репутационный капитал, коммуникационный подход к репутации.*

Последние десятилетия XX века характеризуются кардинальными ценностными преобразованиями, затронувшими как отдельные слои общества, так и общественную структуру в целом. В инструментарии, применяющемся компаниями для борьбы в высококонкурентной бизнес-среде, на первый план вышли репутационные факторы: репутация брэнда, репутация первых лиц, репутация стратегии компании и пр., и репутация как способ управления общественным доверием постепенно становится одним из ключевых элементов современных бизнес-технологий. Как следствие, возник интерес к понятию корпоративной репутации со стороны представителей различных наук: экономических, правовых, социальных и особенно коммуникационных, в рамках которых происходит не только наиболее комплексный анализ понятия

© Тюленев И.С., 2010

репутации, но и рассмотрение всего процесса формирования и управления репутационным капиталом компании.

Развитие информационного общества повлекло за собой изменение или создание новых смыслов, феноменологических конструкций общения и рационализации, что определило повышение значимости понятия «репутация» и управления репутационным капиталом. Соответственно, понятие «репутация» и другое, возникающее на его основе, широко используются в теории и практике развития различных сфер жизни общества.

Понятие репутации в его энциклопедическом понимании трактуется как «общественное мнение, сложившееся о ком-либо, чем-либо на основании его качеств, достоинств, недостатков и тому подобного» [1, с. 436].

Понятие «деловая репутация» рассматривают как составную часть нематериальных ресурсов компании более подробно в рамках экономического подхода [2, с. 38].

С точки зрения экономического подхода, понятие «репутация» определяют как разницу между покупной ценой организации и стоимостью по балансу всех ее активов и обязательств [3].

Деловую репутацию также рассматривают с точки зрения экономических характеристик [4]. Она возникает в том случае, если компания получает стабильно высокие прибыли и ее доход на активы значительно превышает средний; стоимость бизнеса превосходит стоимость его чистых активов на величину, в которую оценивается его деловая репутация.

При оценке деловой репутации представителей экономических наук в первую очередь интересуют вопросы ее стоимостного определения. Существуют различные методики вычисления стоимости репутации [5; 6; 7, с. 65].

За последние 15 лет доля стоимости деловой репутации в общей стоимости западных компаний возросла от 18 до 82% [8, с. 23]. Повышение индекса деловой репутации фирмы на 1% дает прирост ее рыночной стоимости на 3%. Таким образом, репутация является тем нематериальным, юридически не идентифицируемым активом, который сложно оценить в стоимостном выражении, но который обусловливает дополнительные существенные доходы и иные экономические выгоды.

С точки зрения правового подхода к понятию «репутация», Гражданский Кодекс РФ определяет деловую репутацию как относящуюся к общественно значимой деятельности лица (как физического, так и юридического), его оценку обществом, мнение общества о качествах, достоинствах и недостатках этого лица. В российской правовой литературе проблемы деловой репутации рассматриваются в связке с честью и достоинством гражданина, сквозь призму квалификации специфики гражданско-правовых способов защиты данных нематериальных благ. Причиненный деловой репутации вред характеризуется как моральный и может быть возмещен как денежной компенсацией (ст. 151, 1099-1101 ГК РФ), так и посредством опровержения по суду сведений, порочащих деловую репутацию (ст. 152 ГК РФ) [9].

В современной социологии под репутацией понимают достаточно фиксированный набор личностных характеристик человека, подтвержденный на большой жизненной дистанции. Репутация формируется постепенно, разворачиваясь в биографическом времени. На основе представлений о репутации других субъектов общественной жизни в сознании личности складываются образы окружающих ее людей. Репутация компаний, продуктов складывается в соответствии с набором социальных норм, принятых в обществе, которым следуют данные личности. Как общественное явление, репутация выполняет функцию экономии в построении социальных взаимодействий, так как она сокращает по времени процесс формирования доверия, лежащий в их основе [10, с. 18–20].

Каждая из отмеченных выше научных дисциплин и сфер деятельности людей изучает те или иные аспекты репутации, ограниченные своим предметом и методологическим аппаратом. Однако для успешного формирования репутации как нематериального актива на практике необходим всесторонний анализ данного понятия – как комплексного явления современной общественной жизни. Данный анализ осуществляется в рамках коммуникационного подхода, на основании которого вырабатываются ключевые методики формирования, поддержания и оценки репутационного капитала.

В частности, теоретики связей с общественностью в своих определениях подчеркивают информационную основу репутации и ее субъективный характер: «Репутация – существующее мнение о компании (персоне), осведомленность о ее деятельности и ее оценка, представленные

в восприятии различных аудиторий, составляющих общественное мнение» [11, с. 62]; ее устойчивость и важную роль в формировании положения компании в рыночной среде: «Репутация – устойчивая совокупность мнений заинтересованных сторон (сотрудников, инвесторов, кредиторов, аналитиков, властей, СМИ и т.д.) о достоинствах и недостатках компании, определяющая принятие решений по отношению к ней» [12]. Некоторые специалисты дают определение репутации на основе методов оценки, которые к ней применяются: «Репутация – это коллективное мнение о компании, формирующееся с течением времени в сознании целевых групп на основе экспертной оценки экономического, социального и экологического аспектов ее деятельности» [13]. Сторонники экономического подхода пытаются связать коммуникационную природу и стоимостную оценку репутации: «Репутация – это дополнительная добавленная стоимость, получаемая за счет стимулирования благоприятной (ценностно-значимой) реакции целевых аудиторий» [14].

В целом, вне зависимости от того, какой аспект репутации выделяется автором как ключевой, связи с общественностью пытаются как оценить действительный вклад репутации в экономическую эффективность, так и изучить механизм ее возникновения и влияния на главные финансовые показатели предприятия. Репутация – это не только сумма нематериальных активов компании, но и инструмент, который возможно использовать для преобразования этих активов в выраженные в конкретных стоимостях конкурентные преимущества, оцениваемые в рамках коммуникационного процесса основными целевыми аудиториями.

Для оценки коммуникационной составляющей репутации компании используется методика репутационного аудита. В ее основе лежат такие качественные методы исследований, как кабинетный анализ документов (текстов, предназначенных для коммуникации с внешней средой, публикаций деловой и финансовой прессы, обзоров аналитиков рынка), так и экспертные интервью с представителями аудиторий, которые являются носителями репутации организации.

Исследовательская программа обычно фокусируется на изучении информированности аудиторий о деятельности компании, существующих мнений и отношений (эмоциональных оценок). Как правило, к опросу привлекаются эксперты, которые представляют деловое окружение компании и взаимодействуют с ней в связи с наличием общих интересов.

Анализ документов и опрос экспертов затрагивает, как правило, блок вопросов, касающихся репутации собственников и топ-менеджеров компании, ее корпоративной стратегии, финансового положения, состава и качества управленческой команды, репутации товара или услуги, а также социальной ответственности.

Необходимо иметь в виду, что вклад всех этих параметров в создание репутации не одинаков. Особенности репутации как социального явления измеряются в ее непрерывном развитии, дополняются новыми критериями, меняют степень значимости в определении понятия «хорошая репутация бизнеса».

Традиционно в число экспертов, участвующих в репутационном аудите, попадают чиновники разных уровней, представители партнерских компаний, менеджеры финансовых учреждений, аналитики рынка, журналисты.

Еще одним подходом к оценке репутации компаний является пресс-рейтинг репутации, разработанный специалистами Национального института изучения репутации [15]. В этом случае оценка репутации компаний производится на основе контент-анализа прессы. При этом авторы методики исходят из того, что пресса является одним из важнейших каналов распространения информации, трудно переоценить ее влияние на формирование репутации компании. Поэтому оценка того, как с точки зрения репутации компания представлена в прессе сегодня, обернется ее завтрашней репутацией в реальной жизни.

Создание положительной репутации – многогранная задача, комплексно и последовательно решаемая на длительном промежутке времени. Основой формирования репутации компании является ее информационная открытость, раскрытие информации о результатах работы в отчетном периоде, направлениях и планах перспективного развития. Не менее существенны такие методы поддержания репутации, как корпоративная культура и социальная ответственность.

Эксперты выделяют три крупные группы составляющих, формирующих репутацию компании, – финансовую, корпоративную и рыночную. Такая классификация опирается на предпочтения отдельных групп людей – «потребителей» дело-

вой репутации. Так, финансовые составляющие более интересны потенциальным и существующим инвесторам, рыночные – потребителям и деловым партнерам, а корпоративные – работникам компании.

Группы компонентов репутации компании реального сектора могут быть представлены в следующей совокупности [16, с. 64–67; 17, с. 98]:

1. Финансовая группа: масштабы деятельности и темпы роста. Финансовая репутация, стабильность, привлекательность для иностранных инвесторов.

2. Рыночная группа: клиенты и партнеры компании, качество продукции и сервис, позиционирование компании на рынке, длительность работы.

3. Корпоративная группа: репутация первого лица, престижность работы в компании, квалифицированность специалистов.

Таким образом, репутация представляет собой комплексное общественное явление, имеющее коммуникативную природу. Репутация отдельной организации является прямым результатом всей ее эффективной деятельности, выраженной через коммуникативные процессы, ориентированные на среду, в которой действует компания. Именно коммуникационный подход к определению понятия и оценке репутации позволяет четко идентифицировать все технологии, которые используются в деятельности компании для ее формирования, представить каждую из данных технологий в виде двустороннего коммуникационного процесса и определить степень интеграции данных коммуникаций для наиболее эффективного управления репутационным капиталом организации. В итоге это позволяет организации более качественно управлять нематериальными активами, анализировать преимущества, обеспеченные положительной деловой репутацией, выявлять новые, сравнивать результаты развития с показателями конкурентов и использовать нематериальные активы в конкурентной борьбе, обеспечивая себе все новые преимущества.

Вышеизложенное раскрывает значение комплексного подхода к анализу понятий «репутация» и «репутационный капитал» на основе разработки этих понятий различными научными направлениями, синтеза и сравнения различных точек зрения по этому вопросу. Однако очевидно, что сам по себе комплексный анализ требует дальнейшего развития. Положительная динамика в данном направлении возможна при опоре на концептуальное философское учение о репутационном капитале, так как именно оно выступает в качестве одного из необходимых факторов интеграции научно-исторического знания о понятии репутации.

Возможно также установление связей между понятием репутационного капитала и понятием авторитета, которые обнаруживаются при рассмотрении последнего с позиций различных философских концепций. Подобный подход может стать одной из основ данного исследования.

Проблема авторитета личности в философии изучается в разных аспектах и терминологических обозначениях, в широком и узком смысле. Большое внимание феномену авторитета личности уделялось представителями различных течений антропологической философии. Существуют концепции, где основными считаются вопросы нравственного совершенствования личности в обществе, находящемся на стадии современного социального и научно-технического развития.

Вышеперечисленные факторы свидетельствуют о том, что концептуальное философское учение позволяет достичь всестороннего изучения исследуемого понятия в разных аспектах, терминологических обозначениях, с учетом конкретно-исторических условий.

Библиографический список

1. Современный Энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1997. – С. 436.

2. *Дойль П.* Маркетинг, ориентированный на стоимость. – СПб., 2001. – С. 38.

3. Положение по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов» (НМА) ПБУ 14/2000. – Режим доступа: http://mvf.klerk.ru/pbu/pbu14.htm

4. *Ивлиева Н.Н.* Деловая репутация как элемент оценки рыночной стоимости банка. – Режим доступа: http://www.c-pp.ru/reports.php?rep=4&raz=6

5. Interbrand World's Most Valuable Brand's 2001 Methodology. – – Режим доступа: http://www.interbrand.com

6. *Strassmann P.* Measuring and Managing Knowledge Capital // Knowledge Executive Report. – 1999. – Режим доступа: http://www.strassmann.com/pubs/measuring-kc/

7. *Шипова Е.В.* Оценка интеллектуальной собственности. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2003. – С. 65.

8. *Козырев А.Н.* Оценка интеллектуальной собственности. – М.: Экспертное бюро-М, 1997. – С. 23.

9. Гражданский кодекс РФ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/gkrf1/

10. *Покровский Н.Ю.* Репутация в эпоху перемен // PR в России. – 2003. – №10. – С. 18–20.

11. *Шарков Ф.И.* Основы теории коммуникации. – М.: Социальные отношения, 2003. – С. 62.

12. *Дзялошинский И.М.* Круглый стол: Имидж. Репутация. Капитализация. // PR-Линия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pr-line.ru/journal/stol.asp

13. *Новиченкова Л.* Деловая репутация: от системы к результату // Управление компанией. 05.06.2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.april.by/articles/theory/421.html

14. *Ханов Г.* Круглый стол: Дни PR в Москве – 2004. – Режим доступа: http://www.publicity.ru/agency/about/expert/579.html

15. Репутация – это ресурс // Финанс. – 2004. – №3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.finansmag.ru/4939

16. *Спивак В.А.* Корпоративная культура. – СПб.: Питер, 2001. – С. 64–67.

17. *Шарков Ф.И.* Интегрированные бренд-коммуникации. – М.: Рип-холдинг, 2004. – С. 98.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ЭСТЕТИКА

УДК 792.01

Ахмыловская Лариса Алексеевна
кандидат искусствоведения, доцент
Дальневосточный государственный технический университет (г. Владивосток)
lanaveva@rambler.ru,
Барыш Андриана Юрьевна
Дальневосточный государственный технический университет (г. Владивосток)
kelt-mosaic@yandex.ru

К ПРОЕКТУ ИНСЦЕНИЗАЦИИ РОМАНА ТАМАО АРИЁСИ «МИГАВАРИ» В ЛИТЕРАТУРНОМ ТЕАТРЕ БУК ИТ

Статья содержит описание одного из проектов литературного театра Бук Ит. Авторы определяют задачи подготовительного этапа инсценизации, представляют результаты работы над текстом на аналитическом этапе кросскультурной постановки.

Ключевые слова: *функции драматурга, литературный театр, инсценизация прозы, методика формирования переводческой партитуры.*

Театр Бук Ит – один из литературных театров, деятельность которого связана с постановками мировой прозы. В репертуаре труппы произведения Г. Мелвила, А. де Сент-Экзюпери, Н. Гоголя, Л. Толстого, А. Чехова. В планах театра и его продюсера Ш. Тьенкен постановка произведения Тамао Ариёси «Мигавари». Во время переговоров о постановке, в марте 2009 г., рассматривались возможности участия представителей трёх стран: Ассоциации Япония-Владивосток и Университета Канагава (Токио, Япония); Театра Бук Ит и Университета Штата Вашингтон (Сиэтл, США); Дальневосточной государственной академии искусств. В качестве консультантов с японской стороны выступают Н. Накамото А. Фунакава. Редакторы английского текста – М. Дженкинс, К. Левин. Обсуждение переводческой партитуры текста Т. Ариёси вошло в программу научно-практической конференции в рамках Международного театрального фестиваля в театре Кай (Токио, Япония, июнь 2010).

В соответствии с представленной нами ранее моделью переводчики, занятые в кросскультурном театральном проектировании, уже на подготовительном этапе проекта решают задачи *драматургов*, т.е. не только переводят текст, но и готовят его к постановке [3, с. 140–210]. Принимая во внимание весь диапазон функций драматурга, принятый в театрах Европы, США и Японии [8, с. 6–9], авторы данной статьи последовательно выполняют перевод с японского языка на русский и с русского на английский; готовят социокультурный комментарий; проводят анализ текста; составляют тексты пресс-релизов, информационных писем, афиш и другой рекламной продукции [3, с. 140–164]. Роман «Мигавари» (рабочие названия русской версии: «На твоем месте» и «Яблочная девочка») рассказывает о жизни известной японской писательницы Савако Ариёси (1931–1984), написан дочерью романистки – Тамао Ариёси, и является биографическим произведением. Изучение творчества Савако Ариёси рассматривалось нами как приоритетное условие интерпретации и сценического воплощения романа Тамао Ариёси, содержащего множество аллюзий и ссылок на книги ее матери. Подготовительный этап проекта в связи с этим предполагал: изучение биографии С. Ариёси и Т. Ариёси; обзор критической литературы, посвященной прозе С. Ариёси; сбор информации, связанной с распространением романа Т. Ариёси «На твоём месте».

Впервые роман «На твоём месте» был опубликован в Японии в 1989 году и удостоен литературной премии «Цубода». Роман можно считать относительно новым произведением, отражающим особенности языка современной японской прозы. Следует отметить, что ни лингвистических, ни искусствоведческих исследований, посвященных проблеме перевода современной японской прозы в процессе инсценизации, не существует. Авторы статьи обращались к анализу опыта переводов прозы в театре Михарадзюку (1970–

 © Ахмыловская Л.А., Барыш А.Ю., 2010

1990); к переводческим экспериментам японского режиссера Осанай Каору (первое десятилетие XX века), которые представляют собой уникальные интуитивные исследования возможностей художественного перевода в процессе создания произведения сценического искусства [9]. Опыты межкультурной коммуникации (в том числе и кросскультурных постановок) отражены в культурологических и искусствоведческих исследованиях отечественных и зарубежных авторов [3, с. 11–99].

На аналитическом этапе проекта «Мигавари» необходимо было провести анализ текста; выяснить, какие из приемов перевода используются наиболее часто. Для достижения поставленной цели применялись: а) метод описательного стилистического анализа, который помог выявить основные стилистические особенности материала постановки; б) метод интерпретации текста, который предполагает освоение идейно-эстетической, смысловой и эмоциональной информации художественного произведения, осуществляемое путём воссоздания авторского видения и познания действительности. Важную роль в подготовке перевода и проведении анализа текста сыграли труды И.В. Арнольд, Л.С. Бархударова, Н.С. Болотновой, В.С. Виноградова, А.Б. Есина, В.Н. Комиссарова, Реформатского, У. Эко.

На аналитическом этапе проекта было переведено 5 глав романа (время исполнения на сцене – 2 часа). В ходе анализа текста рассматривались его синтаксические, лексические и стилистические особенности.

Восприятие художественного текста не сводится только к фиксированию смысла. Читатель, а в нашем исследовании участник будущей постановки, должен «мысленно слышать» текст – без этого утрачивается эмоциональная окраска, обедняется представление о художественном своеобразии. Необходимости воспринимать слово как звучащее посвящено исследование Дж. Риссера «Герменевтика и голос иного. Перечитывая Гадамера» [11]. В силу особенностей строя каждого языка, при переводе художественного произведения невозможно без изменений «перенести» синтаксическую конструкцию текста оригинала в текст перевода. Задача переводчика – максимально передать стилистическую нагрузку фрагмента, используя средства языка перевода. При этом средства языка перевода не всегда будут иметь синтаксический характер: возможна передача синтаксических особенностей языка оригинала лексическими, грамматическими и другими средствами языка перевода. Как отмечает Д. Коваленин, при переводе с японского языка на русский имеет место «не столько перевод смысла слов (что более привычно между европейскими языками), сколько перенос образа в другую, изначально чуждую ему среду» [5, с. 306].

Анализируя лексические особенности текста, имеет смысл рассмотреть прежде всего разговорную лексику и лексику, отражающую культурные реалии. Рассказ о жизни людей, в особенности если это материал сценического произведения искусства, не может не содержать элементы разговорной речи. Именно они сделают спектакль более живым и реалистичным. Так, выражение *親バカ* было переведено на русский язык как *«неправильная мама»*. Слово *バカ* в японском языке имеет несколько значений с различной смысловой нагрузкой – от сравнительно нейтрального *«странный человек, чудак»* до презрительного *«дурак»*. В переводе использовано слово с наиболее слабой эмоциональной нагрузкой, т.к. остальные синонимы звучали бы в русском варианте неоправданно резко. В английском варианте текста логично остановиться на сочетании *wrong mom* по аналогии с распространённым to be married on *the right woman* – быть женатым на *правильной* женщине (в значении *хорошей, адекватной, подходящей).*

В процессе подготовки проекта нами рассматривались и особенности перевода лексики, отражающей культурные реалии. В лингвистике приняты такие способы передачи реалий, как транскрипция, калькирование, описание (или разъяснительный перевод), приближенный перевод. Анализ романа показал, что чаще всего при переводе использовалась транскрипция в сочетании с примечанием переводчика (сноской): *お稲荷さん – Инари – богиня плодородия в японской мифологии; 襖 – фусума – раздвижная перегородка в традиционном японском доме*; *桃太郎 – Момо-таро – герой японской народной сказки*; *弁当 – бэнто – традиционный обед в коробке.*

Наряду с японскими реалиями, в тексте присутствуют реалии других культур. Например, гавайское выражение *"Aloha!"*, которое обозначает одновременно *«здравствуйте», «до свидания», «добро пожаловать» и просто пожелание добра, счастья, покоя, мира и радости:*

こんなことでもプライドも傷つかない子供。なんとも言えず、アロハである。«Да, даже в таких случаях я не теряла чувства собственного достоинства. На всё один ответ – ”Алоха!”».

«Мигавари» – автобиографическое произведение, и в нем упоминаются названия романов Ариёси Савако. Каждое из них в тексте перевода следует сопроводить примечанием переводчика, которое содержит название произведения в латинской транскрипции и год написания: *«В глубине Идзумо» – “Izumo-no oku-ni” (1969).* Особого внимания заслуживают реалии, связанные с искусством Японии. Для их перевода использована транскрипция в сочетании с комментарием и калькирование (реже). Пример транскрипции: *宝塚 – «театр «Такарадзука». Примечание: японский театр, где все роли, даже мужские, исполняются женщинами. Театр насчитывает более чем 90-летнюю историю. Репертуар состоит из мюзиклов, на основе современных европейских историй и пьес, манга и популярных кинофильмов. Назван в честь города Такарадзука в префектуре Хёго. В 1974 году, после премьеры мюзикла «Версальская роза» (история Марии Антуанетты и ее подданного и возлюбленного Андрэ), театр Такарадзука стал невероятно популярен, главным образом, среди женской аудитории».* Цель примечаний – компенсировать недостаток информации у участников проекта, представляющих другие этносы. На подготовительном и аналитическом этапах составлен комментарий, поясняющий, в частности, смыслы реалий, незнакомых русским или американским участникам проекта (за исключением общеизвестных «кимоно», «сакура» и т.п.). В подобных случаях особое значение имело обращение к страноведческой литературе, словарям сленга и идиом.

Дальнейшая работа (постановочный этап проекта) предполагает:

– коррекцию подготовленного русского текста;

– создание английской версии инсценировки романа в процессе репетиций в литературном театре Бук Ит, Сиэтл, США;

– сопоставление особенностей современной японской, американской и российской женской прозы;

– обсуждение вариантов текста с участниками проекта (переводчиками, актёрами, режиссерами, сценографами, продюсерами) из России, Японии, США.

Представленные способы работы над текстом составляют содержание процесса формирования переводческой партитуры, окончательное уточнение которой состоится на постпостановочном этапе в подготовке учебного спектакля студентов театрального факультета Дальневосточной государственной академии искусств (2011) с учётом реакции театральных режиссёров-педагогов, критиков и зрителей трёх стран-участниц проекта.

Библиографический список

1. *Ариёси Тамао.* Мигавари (На твоем месте). – Токио: Кабусики Гайся, 1989. – 251 с. (有吉玉青・身がわり、母・有吉佐和子との日日)

2. *Арнольд И.В.* Стилистика современного литературного языка. – М.: Флинта, Наука, 2002. – 384 с.

3. *Ахмыловская Л.А.* Кросскультурный диалог в театральном процессе. – Владивосток: ДВГТУ, 2006. – 210 с.

4. *Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П.* Основы межкультурной коммуникации. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.

5. *Коваленин Д.* Коро-коро. – М.: изд-во Эксмо, 2005. – 334 с.

6. *Эко У.* Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 553 с.

7. Ilkhom Theatre Company. Sharing a vision: Tashkent to Seattle. JWTV production. 10/20/2008. DVD. Copyright, 2008.

8. *Jonas S., Proehl G., Lupu M.* Dramaturgy in American Theatre. – Philadelphia: Harcourt Brace College Publishers, 1997. – 590 p.

9. Kaoru Osanai at Moscow Art Theatre, Video-archives of N. Nakamoto.

10. *Lakoff G., Joknson M.* Metaphors We live By. – Chicago University Press, 2003. – 239 p.

11. Risser James, Hermeneutics and the voice of the other. Re-reading Gadamer's Philosophical hermeneutics. – NY: State University of New York Press, 1997. – 278 p.

12. *Smith B.K.* Vassily Sakhnovski // Akhmilovski L. The language of the Theatre. – Vladivostok: FESTU, 2007. – 398 p. – P. 100–113.

13. *Spears R.A.* American idioms dictionary. – Lincolnwood, Illinois.: National textbook company, 1991. – 464 p.

УДК 78
Б 825

Борисова Елена Юрьевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru
Погорелова Наталья Юрьевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru

А.Т. ГРЕЧАНИНОВ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ НОВОЙ МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ ЦЕРКОВНОЙ МУЗЫКИ

Имя Александра Тихоновича Гречанинова нельзя отнести к числу безвестных имён русских композиторов, тем не менее нельзя и утверждать, что его наследие изучено и объективно оценено. В данной статье ставится задача более подробно осветить духовно-музыкальное творчество Гречанинова.

Ключевые слова: *русская духовная музыка, древнерусский церковный роспев, народно-песенные интонации в духовных произведениях, «демественное» творчество.*

Начало работы Гречанинова в церковно-хоровых жанрах связано с его дружбой с известным палеографом, знатоком духовной музыки и хоровым дирижёром С.В. Смоленским, по инициативе которого были созданы многие духовные произведения Гречанинова.

Духовно-музыкальные произведения Гречанинова можно разделить на три группы: сочинения в чисто православной традиции хоров a cappella, сочинения на церковнославянские тексты для хора с инструментальным сопровождением, сочинения на латинские и другие иноязычные церковные тексты.

В песнопениях первой группы духовных сочинений вплоть до «Демественной Литургии» (1917 г., 2-я редакция 1926 г.) интересен выбор литературных текстов. В них явно преобладают либо хвалительные («Воскликните Господеви», «Свете тихий», «Хвалите имя Господне», «Хвалите Бога», «Слава в вышних Богу», «О Тебе радуется»), либо картинно-повествовательные («Благослови, душе моя, Господа», «Волною морскою», «Внуши, Боже») тексты. Это, конечно, не случайно. Дело не только в увлечении автора богатырскими былинами: это и знамение времени, и выражение миросозерцания художника. Пафос «благодарения» пронизывает всё духовное творчество Гречанинова. В этом смысле оно, с одной стороны, глубоко народно и, уходя от элегических миноров предшествующего столетия, органически связано со старым русским певческим искусством, а с другой стороны, является выражением эстетики Нового направления, а если говорить шире, то и определённых черт русского религиозного мировоззрения эпохи.

Литургия №1 Гречанинова (ор. 13, её премьера состоялась 7 октября 1897 года силами Синодального хора) стройная, хорошо звучащая, она во многом является подражанием Литургии П.И. Чайковского (ор. 41, 1878 г.). Это касается формы сочинения, его фактуры (почти сплошное четырёхголосие с небольшими имитациями в «Херувимской» и причастном стихе), а также некоторых интонационных попевок. Но любопытно: в ряде случаев, опираясь на те же, что и Чайковский, распространённые обиходные попевки, например, в «Приидите, поклонимся» и «Трисвятом», Гречанинов даёт им не минорное, как у Чайковского, а мажорное звучание. Вопреки установившейся традиции, у Гречанинова мажорны почти все ектеньи, да и вообще почти все песнопения цикла. В итоге образ, созданный в его Литургии, иной, чем у Чайковского: лирическая выразительность значительно слабее, а эпически-народное начало, пусть пока в самых простых формах, сильнее.

В этом сочинении уже виден автор Нового направления, и из внимательного анализа его стиля ясно, почему менее чем через год стало возможным появление «революционных» духовных хоров «Волною морскою» и «Воскликните Господеви» (ор 19). Эти хоры отмечены большим радикализмом выразительных средств. Ближайшим образцом для песнопения «Воскликните Господеви» послужили оперные хоры «кучкистов» (например, пролог к опере «Князь Игорь» Бородина), однако с детства усвоенное знание обихода и традиционных роспевов позволили

© Борисова Е.Ю., Погорелова Н.Ю., 2010

композитору не перейти некую черту, и этот хор остался духовной композицией. Так, первая фраза напоминает народно-сказительские жанры, но и, в не меньшей степени, торжественную церковную псалмодию, при дальнейшем развитии в ней возникают попевки знаменного роспева.

Ещё интереснее стилистическое решение повествовательного ирмоса рождественского канона «Волною морскою». Показав слушателям начальную фразу ирмоса в унисон на фоне органного пункта, композитор сразу переходит к полифоническому развитию имитационного типа. Гречанинов с удивительной лёгкостью разрешает задачу приложения к древнерусским роспевам форм западной полифонии. Два фугато напоминают как об изобразительных мелодических рисунках баховских хоралов, так и о приёмах русских роспевщиков, часто дававших на слове «волна» колебательное мелодическое движение, а на «убити» – резко акцентированную попевку. Во второй, «хвалительной» части ирмоса фактура меняется: из прозрачного «кантового» четырёхголосного хора мальчиков она быстро разрастается в «симфонический» колокольный звон.

Стилистически Гречанинов использует в этих песнопениях те же приёмы, которые двумя десятилетиями ранее применил в своих церковных композициях его учитель Римский-Корсаков: унисон на фоне органного пункта – «исона» (пункт сверху и снизу темы), тема в утолщениях параллельными терциями и секстами, тема в контрастных хоровых группах и т.д. Гречанинов не обрабатывает знаменный роспев, а раскрывает образный смысл песнопения.

Тот же принцип раскрытия смысла текста применён им в повествовательных песнопениях «Благослови, душе моя, Господа» и «Свете тихий» (ор. 24). В этих песнопениях композитор переводит вращательные попевки узкого диапазона, характерные для киевского и знаменного церковных роспевов, в ostinato и строит широкую, парящую мелодическую волну из них и поверх них.

Несколько иной характер носит песнопение «Внуши, Боже» (ор. 26, 1901 г.). В нём Гречанинов дал свободную, «концертную» интерпретацию псалма, а ассоциации с церковными роспевами возникают лишь косвенные.

Следующим крупным сочинением первого периода духовно-музыкального творчества Гречанинова является Литургии №2 (ор. 29, её первое исполнение состоялось 2 марта 1903 года частным хором Л.О. Васильева). В данном цикле характерные гречаниновские черты Литургии №1 получают новое преломление, а влияния – Чайковского и «кучкистов» – поглощаются уже выработанным индивидуальным стилем. Поскольку литургический цикл строго регламентировал фантазию композитора, то это сочинение, сохраняя богатство и разнообразие хоровой оркестровки, отмечено особой чистотой формы и фактуры. Этому способствует гармонический язык: широко развитая диатоника с септаккордами на всех ступенях, свобода перемены тональных центров, а также пластичная, певучая во всех голосах фактура. В интонационном строе сочинения композитор выявляя общее, сводит воедино элементы старых роспевов, современного автору обиходного пения и народной песни. Например, простая речитативная мелодия народного напева в антифонах при вариантном развитии строф укрепляется и как бы возвращается к своему источнику – знаменному роспеву. Или, наоборот, попевки знаменного типа в песнопении «Слава. Единородный Сыне» ритмизуются на народнопесенный лад. В песнопениях «Приидите, поклонимся» и «Отче наш» основные мелодические формулы прямо напоминают о народно-сказительских жанрах, однако в развёртывании песнопений они сочетаются с обиходными знаменными попевками. «Херувимскую песнь» Гречанинов сочинил совсем не в характерный для его духовной музыки манере хорового романса. Музыка этого песнопения красива, и, кроме того, в ней воплощён канонический принцип единства всего песнопения, без резкого контраста между первой частью «Иже херувимы» и второй «Яко да Царя», привившегося в нашей церковной музыке с XVIII века. В эпическом, величественном стиле написано песнопение «Тебе поем», в основе которого лежат интонации знаменного роспева, изложенные, главным образом, унисонами с дублированием в две-три октавы и терцово-секстовыми уплотнениями, с длительными органными пунктами в разных голосах. Драматургическими центрами Литургии становятся не «Херувимская» и «Достойно есть», как бывало раньше, а «Символ веры», песнопения Евхаристического канона и запричастный стих «К Богородице прилежно», что вполне соответствует смыслу литургического действия. В «Символе веры» всё очень просто – литургический речитатив солиста и тот же речитатив, только укрупнённый и гар-

монизованный в аккордах хора. Запричастный стих «К Богородице прилежно» явился, по существу, новой формой духовного концерта. Отказавшись от классической модели Бортнянского, Александр Тихонович в этом песнопении сделал свободную обработку современного роспева молебна, проникнутую глубоким лиризмом.

Следующим крупным сочинением Гречанинова в церковно-хоровых жанрах стала «Страстная Седмица» (ор. 58, первое исполнение состоялось 16 ноября 1912 года частным хором Л.О. Васильева). Жанр «Страстной Седмицы» своеобразен, это едва ли не уникальное в русской духовной музыке той эпохи литургическое хоровое действо на канонические тексты. Хотя тексты всех тринадцати частей относятся к службам Страстной Седмицы, исполнение сочинения как цикла в храме совершенно невозможно, так как части представляют собой песнопения разных дней - от понедельника до субботы. Задачей композитора было выразить музыкальное содержание самой напряжённой недели церковного года, предшествующей празднику Пасхи.

Текстовая композиция «Страстной Седмицы» строится следующим образом:

а) песнопения первых дней Седмицы: тропарь «Се Жених» и ексапостиларий «Чертог Твой»;

б) песнопения постоянных служб Великого Поста: «Блажены», «Во Царствии Твоем», великопостной вечерни в соединении с литургией Преждеосвященных Даров «Свете тихий», «Да исправится молитва моя;

в) песнопения Страстного Четверга и Страстной Пятницы «Вечери Твоея тайныя» (вместо «Херувимской» на литургии в Страстной Четверг), ексапостиларий Страстной Пятницы «Разбойника благоразумнаго», погребальная стихира «Тебе одеющагося», тропарь «Благообразный Иосиф»;

г) песнопения Великой Субботы: задостойник на литургии «Не рыдай Мене, Мати», псаломские стихи «Воскресни, Боже», «Да молчит всякая плоть» (вместо «Херувимской»).

В оглавлении «Страстной Седмицы» только одна часть помечена автором как «обработка» – это песнопение «Благообразный Иосиф» болгарского роспева. Но анализ показывает, что практически во всех частях сочинения есть попевки соответствующих песнопений в самых распространённых их вариантах: это может быть прямое цитирование, реминисценция либо свободное варьирование, но связь с обиходом, с традицией, в том числе традицией исполнения того или иного песнопения, нигде не прерывается. «Страстная Седмица» окрашена мелодическим колоритом поздних роспевов XVIII века. Из них происходят лейтмотивы (извлечение из роспевов ключевых смысловых интонаций и развитие их на протяжении всего цикла), имеющие сквозное значение. Большая часть их появляется в №1 «Се Жених», здесь уже ясно прослушивается способ осмысления композитором великопостной мелодики. Этот тропарь написан на тему киевского роспева, причём его мелодия является своего рода лейтмотивом всех песнопений Великого Поста. Лейтгармонией этого цикла является использование многотерцовых созвучий, в определённые моменты оттеняемых «пустыми» квартo-квинтовыми сочетаниями. Вместе с лейтгармонией в «Страстной Седмице» появляется лейтинтонация – лирическая интонация предъёма, восходящая направленность которого соотносится с постоянным стремлением композитора к расширению диапазона роспевов. Так, уже в первой строфе тропаря Гречанинов раздвигает звуковое пространство: басы уходят вниз, а сопрано и альты вверх, интонируя парящую, как бы вопрошающую попевку – мотив ожидания. Этот приём много раз повторяется в «Страстной Седмице». Он звучит в разных ритмических вариантах во втором эксапостиларии «Разбойника благоразумного», в кадансах псаломского стиха «Воскресни, Боже» и особенно ярко в финальном хоре «Да молчит всяка плоть» на словах «Царь бо царствующих». В цикле существует некая «роспевная драматургия»: в 1-х четырёх частях роспев постоянно присутствует в музыкальном действии; пятая, шестая, седьмая части отмечены более индивидуальным, «авторским» звучанием, особенно два песнопения «Ныне силы небесные» и «Вечери Твоея тайныя». С №8 наступает возвращение к роспевам, после №9 погребальной стихиры, сочетающей мотивы обиходного и болгарского роспевов, следуют прямые обработки в №10 и №12 и свободная финальная композиция на мотив очень распространённого киевского роспева «Да молчит». Это возвращение к традиционным роспевам, которые после отступления воспринимаются особенно сильно и ярко, связано с развитием действа. Финал «Страстной Седмицы», самая монументальная и самая «живописная» часть цикла, несомненно, является его кульмина-

цией. Оригинальное сочетание архаического с современным, древних роспевов с утончённым лиризмом, глубоко почвенного колорита с экстатической напряжённостью чувств делает «Страстную Седмицу» очень ярким образцом религиозных исканий Серебряного века.

«Всенощное бдение» Гречанинова (ор. 59, первое исполнение 18 ноября 1912 года Синодальным хором под управлением Н.С. Голованова) имеет свой оригинальный художественный облик, соответствующий жанру сочинения. Это партитура большого, по преимуществу эпического стиля. Почти все части цикла имеют в своей основе роспевы или их стилизацию. «Всенощное бдение» написано в мажорных тональностях, почти без минорных бликов, в ней преобладают тональности ми мажор, си мажор, фа-диез мажор, до-диез мажор. Фактура цикла очень насыщенная, интенсивная, почти всё время 6-ти, 8-ми, 10-ти и даже более голосная, часто 2-хорная (например, «Блажен муж», который является свободной интерпретацией широко известного «киево-печерского» роспева). Его центральными частями являются псалмы – «славы». Песнопение «Благослови, душе моя, Господа» – оригинальная, сильно переработанная редакция его одноимённого песнопения ор. 24, монументальное, богатырское «Хвалите имя Господне» написано по типу его же псалма ор. 19. Некоторый оттеняющий контраст вносит №4 «Богородице Дево», написанный как лирическая миниатюра. Заканчивается «Всенощное бдение» красочным «колокольным» финалом «Взбранной воеводе».

Другая (большая) часть духовно-музыкального наследия Гречанинова содержит материал для развития форм «демественного» творчества, не противоречащих духу церковного служения. Применение термина «демество» к небогослужебной духовной музыке – заблуждение. Греческое слово «доместик» («мастер») толкуется здесь как «деместик» («домашний»). Начало этой путаницы положили В.В. Стасов и Д.В. Разумовский, которые заявили, что демественный роспев применялся русскими в домашнем быту как «благочестивое упражнение». Музыканты начала XX века прекрасно знали о древнерусском демественном роспеве и его применении за службой, однако для их целей был удобен термин «демество» в вышеуказанном смысле: он как бы подтверждал, что «домашнее» (или, в новых условиях, «концертное») духовное пение существовало на Руси с давних времён.

К «демественному» творчеству Гречанинова относятся его сочинения с инструментальным сопровождением и без него на латинские и другие иноязычные церковные тексты. Александром Тихоновичем было написано 5 месс, 6 мотетов для хора и органа (ор. 155, 1937 год), а также 2 псалма на древнееврейские тексты для мужского голоса, смешанного вокального ансамбля и органа (ор. 164, 1941 год). В Париже Гречанинов написал оригинальное, грандиозное произведение – «Большая месса» для четырёх солистов, хора, органа и оркестра. В этом произведении он соединил попевки православной церкви, греческие и еврейские, с текстом католической литургии и назвал его «Oecumenica» («Вселенская»). Она напоминает, с одной стороны, кантатно-ораториальные произведения Танеева, с другой – «Торжественную мессу» Бетховена. Оригинальность этого сочинения проявляется более всего в мелосе, основой которого служит православный обиход: например, во вступительной теме есть сходство со знаменными пасхальными стихирами, в фуге слышатся «фитные» знаменные обороты, в речитации «Credo» и «Sanctus» воспроизведён ритм скорее церковно-славянской, чем латинской речи. Безусловно, русскими чертами являются гибкость метра и ритма, своеобразие полифонического письма, сочетающего формы классического контрапункта с русской подголосочностью, и блестящая хоровая инструментовка в традициях Нового направления.

Малые мессы Гречанинова – «Missa Festiva» (ор. 154, 1937 год), «Missa pour voix femmes ou enfantines» (ор. 165, 1939 год), Рождественская месса «Et in terra pax» (ор. 166, 1942 год), месса «Sanctu Spiritu» (ор. 169, 1942 год) – содержат 6 основных частей католической службы и написаны для хора, солистов и органа. Их стиль близок к стилю «Вселенской мессы», но носит, в отличие от мессы, более камерный характер. Общий колорит малых месс – светлый, лирический, с элементами патетики, свойственный современному католическому богослужению, который сочетается с мягкой славянской певучестью.

Ценность духовно-музыкальных произведений Гречанинова, написанных как в традициях русского православного песнопения a cappella, так и в сочинениях с инструментальным сопровождением и без него на латинские и другие иноязычные церковные тексты, обусловливается тем, что они были созданы художником, твёрдо стояв-

шим на «своём» и поэтому способным воспринять и воплотить «чужое».

Большинство духовно-музыкальных сочинений А.Т. Гречанинова прочно вошло в певческий обиход православных хоров в России и русском зарубежье, его произведения «демественного» творчества звучат на концертных площадках не только в России, но и за рубежом.

Библиографический список

1. *Левашёв Е.М.* Традиционные жанры православного певческого искусства в творчестве русских композиторов от Глинки до Рахманинова. 1825–1917. – М.: Независимый Издательский Центр «ТехноИнфо», 1994. – С. 105.

2. *Лисицын М.А.* О новом направлении в русской церковной музыке // Русская духовная музыка в документах и материалах. – М.: Языки русской культуры, 2002. – Т. 3. – С. 525–561.

3. *Паисов Ю.И.* Александр Гречанинов: Жизнь и творчество. – М., 2004. – С. 599.

4. *Плотникова Н.* С верой и молитвой: (духовная музыка А.Т. Гречанинова) // Встреча. – 2001. – №9. – С. 22–23.

5. *Рахманова М.П.* Новое направление в духовной музыке: исторические тенденции и художественные процессы // История русской музыки. – М., 2004. – Т. 10Б. – С. 392–456.

6. *Рахманова М.П.* А.Т. Гречанинов // История русской музыки. – М., 1997. – Т. 10А. – С. 170–216.

7. *Рахманова М.П.* Гречанинов // Православная энциклопедия. – М., 2006. – Т. 12. – С. 428–430.

8. *Томпакова О.М.* Певец русской темы Александр Тихонович Гречанинов. 2-е изд., доп. и расшир. – СПб., 2007. – С. 188.

УДК 75(477)(092)

Васильев Владимир Александрович
кандидат исторических наук, профессор
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)
vasilyev_va@mail.ru

А.А. КОКЕЛЬ (1880–1956) – ХУДОЖНИК И ПЕДАГОГ*

На основе междисциплинарного исследования некоторых неизвестных страниц жизни и творчества А.А. Кокеля в статье предпринята попытка вернуть нашим современникам из векового умолчания имя этого замечательного мастера Серебряного века.

Ключевые слова: *живописец, картина, пленэр, академический рисунок, изобразительное искусство, выставка, авангард.*

«А.А. Кокель – художник необычный. Его высоко ценил И.Е. Репин. И то, что он сказал о Кокеле, не сказал ни об одном современном художнике, ни об одном своем ученике. Поэтому всегда, когда речь заходила о Кокеле, мы словно указывали на самого Репина» [5, с. 12]. Эти слова народного художника СССР, действительного члена Академии художеств СССР, легенды украинского изобразительного искусства Украины В.И. Касияна как нельзя лучше выражают суть жизни и творчества этого замечательного мастера. Его драматичную судьбу известный русский публицист и поэт А.В. Жиркевич сравнит с историей великого русского ученого, «архангельского мужика», М.В. Ломоносова и скажет: «Сказка вроде ломоносовской» [4, с. 63].

Алексей Афанасьевич (Афанасьев) Кокель родился 13 марта (1 марта по старому стилю) 1880 г. в селе Тарханы Буинского уезда Симбирской губернии (ныне Батыревского района Чувашской Республики) в семье чувашского крестьянина. На третьем году посещения сельской начальной школы жестоко простудился и заболел костным туберкулезом. Пришлось расстаться с заветной мечтой – учиться. Казалось, навсегда. Доступным оказалось лишь желанное с детства рисование, и юноша весь ушел в занятие, ставшее целью и смыслом жизни, помогавшее преодолевать жестокий недуг.

«Не было бы счастья, да несчастье помогло». Эта горькая народная поговорка найдет подтверждение в судьбе чувашского парня. Страшные народные бедствия – засуха и голод, постигшие летом 1899 г. Поволжье, станут, как ни странно, счастливым поворотом в его жизни. Студентки Петербургского женского медицинского инсти-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ 10-04-22409 а/В.

© Васильев В.А., 2010

тута Анна Виноградова и родственница управляющего Тарханским лесным удельным имением В.Ю. Мария Варганова Раубе, прибывшие в Тарханы для борьбы с эпидемиями и голодом, спасут Алексея от верной гибели. «Меня показали им как больного, – пишет в "Автобиографии" А.А. Кокель. – К этому времени у меня было пять открытых ран (язв). Был приглашен также и земский врач, до сих пор лечивший меня <…>. Стены черной избы, в которой протекало мое детство, были до отказа увешаны моими работами, которые служили образцами для заказчиков» [10, с. 1]. Девушки были потрясены прекрасными работами тяжело больного юноши и, не сдерживая своего восхищения, назвали его «чувашским Рафаэлем». Они убедили семью В.Ю. Раубе в необходимости спасения юного дарования, и 17 октября 1899 г. в сопровождении матери Раубе К.С. Свенторжецкой Алексей отправляется в Петербург, где лучшие врачи излечили его от смертельной болезни.

После исцеления жена В.Ю Раубе, Мария Вячеславовна, знакомит с выполненными под ее руководством художественными опытами Алексея видного русского живописца, недавнего ректора Петербургской Академии художеств В.Е. - Маковского. Мастер был в восхищении от рисунков самобытного таланта. В 1903 г. юноша, успешно сдав экзамены, поступает в Петербургскую Академию художеств вольнослушателем. Так большая мечта чувашского крестьянина о счастливом исходе сложной хирургической операции и возвращении к жизни, а затем учебе в Академии исполнилась.

Здесь талантливый самородок был любовно выпестован В.Е. Маковским, И.Е. Репиным, П.П. Чистяковым, Н.Д. Кардовским. Соучениками А.А. Кокеля были ставшие впоследствии не просто именитыми, а великими художниками И.И. Бродский, Л.А. Бруни, М.Б. Греков, Б.Д. Григорьев, Е.Г. Гуро, А.В. Лентулов, Н.И. Фешин, П.Н. Филонов, М.З. Шагал, В.И. Шухаев, А.Е. Яковлев. Эти имена Учителей и Учеников ярко раскрывают непревзойденную творческую среду великой русской художественной культуры, взрастившей талант.

Картина «Чайная», его дипломная работа, была воспринята как событие художественной жизни России и стала символом нового направления в изобразительном искусстве. Выдающийся русский художник И.Е. Репин в своем интервью корреспонденту петербургской газеты «Вечернее время» подчеркнул: «Вспоминается только <…> с **большой силой** (выделено автором. – *В.В.*) полотно того художника (А. Кокеля), который написал картину "Чайная"» [2, с. 12]. В числе избранных произведений лучших русских художников, которые в год 300-летия царствующего дома Романовых должны были раскрыть достижения русского искусства и его роль в европейском и мировом искусстве, картина экспонировалась в 1913 г. на XI международной художественной выставке в Мюнхене. С самого начала картина молодого русского художника оказалась в центре внимания не только тонких ценителей искусства, но и художественной критики Германии. Заинтригован был западноевропейский зритель и нерусской фамилией русского художника. Ее разгадку начали искать в аристократических корнях немецких баронов von Kokel auf Grosskokelburg in Sibenburg, а ярким мастером оказался… выходец из крестьян, к тому же чуваш.

В 1914 г. «Чайная» «переедет» в Венецию на Всемирную художественную выставку и так же, как и в Мюнхене, будет иметь огромный успех.

Так, в недавнем прошлом деревенский художник-самоучка, выполнявший заказы крестьян на писание икон и картин религиозного содержания, А.А. Кокель смог вырасти в художника, которого критика ставила в ряд лучших представителей русской художественной школы.

Окончив в 1912 г. Петербургскую Академию художеств с отличием, А.А. Кокель для совершенствования мастерства по индивидуальной программе был поощрен пенсионерской поездкой во Францию, в Германию и Италию.

Известно, что И.Е. Репин всем сердцем стремился к созданию на Украине лучшей художественной школы. С этой целью он намеревался основать у себя на родине в г. Чугуеве (неподалеку от Харькова) своеобразную творческую академию, которую именовал «Деловым двором». Однако харьковская художественная школа в то время представляла собой невысокий профессиональный уровень. Подтверждение тому – постановление Совета Петербургской Академии художеств, принятое в 1910 г., в котором отмечалось: «Не замечается никакой перемены в сравнении с прошлым годом. Ни в каком отношении школа не шагнула вперед.<…> Неподготовленность видна особенно в работах натурного класса как рисовального, так и живописного» [7, с. 27]. Еще

критичнее оценивал положение И.Е. Репин: «Там все еще **продолжается хронический дилетантизм** (выделено автором. – *В.В.*), разведенный слишком 30 лет назад Шрейдером» [1, с. 232].

Излечение застарелой болезни – «хронического дилетантизма» И.Е. Репин видел в одаренных выпускниках Петербургской Академии художеств, поэтому он рекомендует совету Харьковского художественного училища избрать с 1 января 1916 г. преподавателем своего талантливого ученика А.А. Кокеля. Его предложение было продиктовано желанием видеть в педагогическом коллективе, набирающем мастерство, еще одного большого художника. При своем выборе он придавал значение и тому, что Алексей Афанасьевич был единственным из преподавателей Харьковского художественного училища, окончившим Высшие педагогические курсы при Петербургской Академии художеств. Ученик оправдал высокое доверие учителя: из всей прекрасной репинской плеяды именно он становится основателем одной из лучших школ академического рисунка России – Харьковской.

А.А. Кокель заявил о себе как один из самых выдающихся рисовальщиков первой половины XX века. Художник обладал абсолютным графическим «чутьем» – с помощью своей виртуозной линии он мог воспроизвести любую манеру любого «изма». Ученик А.А. Кокеля М.Г. Дерегус, народный художник СССР, академик Академии художеств СССР, отмечает: «На занятиях живописи Алексей Афанасьевич всегда требовал точного рисунка. Говорил, что на рисунке все и держится. Когда есть рисунок, есть все. Если не прорисовано как следует, то, сколько ни пиши красками, все будет разваливаться. Рисунок – это фундамент всей композиции» [3, с. 17]. Ректор Харьковской государственной академии дизайна и искусств, академик Академии искусств Украины В.Я. Даниленко подчеркивает: «Именно профессор А.А. Кокель считается основоположником Харьковской школы академического рисунка» [9, с. 10–11].

В хорошо изученной истории зарождения русского авангарда, казалось бы, не осталось темных пятен, однако нам удалось сделать поразительное открытие – А.А. Кокель стоял у его истоков.

По утверждению искусствоведа Г.Г. Исаева, ранним произведениям А.А. Кокеля («Обнаженная мужская модель лежащая», «Петушки») трудно найти аналогию в русском изобразительном искусстве начала 1900-х годов. Они предвосхищают русское абстрактное искусство.

Кульминацией стиля «пластического авангарда» в творчестве А.А. Кокеля станет его участие в «Союзе молодежи», заявившем о себе в художественной жизни Петербурга в ноябре 1909 года. Он участвует в первых выставках «Союза» в марте-апреле и июне-августе 1910 года в Петербурге и Риге. Его произведения внесли в авангард своеобразие – восточный акцент, зиждущийся на культуре чувашей, являющихся предками волжских булгар. Подтверждение тому – запись, обнаруженная нами в одном из блокнотов А.А. Кокеля: «Федор Иван[ович] Шмидт (надо – Шмит – примечание автора. – *В.В.*) писал, что произведения Кокеля ярко-цветисты потому, что он уроженец Востока». Это высказывание искусствоведа с мировым именем, крупнейшего византолога заслуживает самого пристального рассмотрения с точки зрения происхождения восточного крыла русского авангарда.

Проведенный нами новый искусствоведческий анализ живописных произведений А.А. Кокеля «Единоличница» и «Селянин», хранящихся в Чувашском государственном художественном музее, показал, что они написаны не в начале 30-х, а в начале 20-х годов прошлого века и относятся к художественному течению «бойчукизм». Рентгеноскопический снимок эскиза картины «Встреча», сделанный украинскими художниками-реставраторами, научными сотрудниками Харьковской государственной академии дизайна и искусств Е.Ю. Панченко и М.А. Коряковцевой в июле 2009 г., выявил, что под живописным слоем находится еще один – с изображением другой работы мастера «Новый селянин». Она также написана в это же время и в том же стиле. Наши исследования являются весомым доказательством того, что А.А. Кокель стоял и у истоков украинского авангарда.

Однако почему в дальнейшем живописец оставил эту стилистику и сосредоточился на традициях академической школы?

Ответ на этот интересующий многих искусствоведов вопрос дает сам А.А. Кокель. Будучи уже зрелым мастером и педагогом, он пишет в 1950 г. в «Автобиографии»: «Получив в академии строго реалистическое направление и испытывая влияние таких мастеров, как Маковские, Репин, Грабарь и ближайший ученик Репина – Кардовский, я старался не утрачивать этого направления в своей

творческой работе и стремился передать его студенческой молодежи на протяжении всей своей педагогической деятельности» [7, с. 11].

Живопись мастера определяет собою в первой половине прошлого столетия ведущие стилевые и содержательные особенности реализма в украинском изобразительном искусстве. Тем не менее А.А. Кокель, стараясь не утрачивать направления академической школы и верности своим великим учителям, как подлинная творческая личность, был чуток и отзывчив к художественным веяниям времени. Поэтому и в последующем в его «реализме» сохранялись импрессионистические и постимпрессионистические оттенки, отчего картины художника «Шахтер», «Колхозный базар», «Соляные промыслы», «Ликбез», «Изюм. Вид на Кременец», «Ворошилов у танкистов» и после этого периода представляли собой новое слово в живописи. А полотно «На посту. Страж революции» (1927) сыграло важную роль в развитии украинского советского искусства и стало началом создания станковой живописи на Украине.

Личность Кокеля пользуется неоспоримым авторитетом в широких художественных кругах. Свидетельство тому, когда в начале 20-х годов XX в. в искусстве возникают группы художников с весьма полярными программами, именно он стал одним из организаторов Ассоциации художников Червонной Украины - основы Союза Советских художников Украины (с 1990 года Национальный Союз художников Украины. – Примечание автора. – *В.В.*).

Талант художника и педагога особенно ярко проявился в организации высшего художественного образования на Украине, которого здесь, как известно, до революции не было. В 1921 г. Народный комиссариат просвещения Украины принял решение об открытии в столице республики Харькове на базе художественного училища художественного техникума (вуза). Важное государственное дело было возложено на А.А. Кокеля. Уже в сентябре 1921 г. первое на Украине высшее художественное учебное заведение, ставшее впоследствии одним из ярких событий украинской, российской и мировой художественной культуры, начало свою работу. Таким образом, А.А. Кокель стал не только его организатором и первым ректором, но и одним из создателей высшего художественного образования на Украине. Кипучая деятельность русского художника и педагога, чуваша по национальности, по осуществлению мечты украинского народа о высшем художественном образовании – еще одно убедительное подтверждение многогранных аспектов роли художника в процессе взаимодействия культур.

Мастер, наделенный большим творческим потенциалом, получивший академическое профессиональное образование, выработал свою стройную педагогическую систему. Целые поколения украинских, русских, белорусских, грузинских, армянских, азербайджанских, литовских, латышских и других художников получили высшие творческие навыки в «школе живописи Кокеля». Среди его учеников лауреаты Государственных (Сталинских) премий СССР А.А. Горпенко, Б.В. Косарев, А.М. Стадник и заслуженный художник РСФСР П.И. Жигимонт; народные художники СССР, академики Академии художеств СССР, народный художник Украины М.Г. Дерегус и М.Г. Лысенко. В их числе также народный художник Украины В.В. Сизиков, заслуженные деятели искусства Украины С.Ф. Беседин, М.А. Рыбальченко, Л.И. Чернов, А.Г. Сафаргалин, Е.Ф. Жердзицкий, Е.П. Егоров, И.И. Карась, заслуженные художники Украины П.А. Шигимага, Л.А. Шматько и многие-многие другие.

Примечательно, что именуют его своим учителем даже художники, выросшие уже в конце прошлого столетия. Об этом с гордостью говорят, например, народный художник Украины, вице-президент Академии искусств Украины В.Д. Сидоренко и народный художник Украины, академик В.И. Ковтун, учителями которых были воспитанники А.А. Кокеля.

Начало 40-летнего украинского этапа творчества, педагогической и общественной деятельности мастера пришлось на 20-е годы прошлого столетия, которые, как отмечает академик и вице-президент Национальной академии наук Украины В.М. Литвин, «характеризуются термином «национальное возрождение» и наиболее ярко иллюстрируются великими достижениями в сфере литературы и искусства». В числе возрождавших нацию ученый и политик называет художников старшего поколения – М.Л. Бойчука, И.С. Ижакевича, Ф.Г. Кричевского, К.Д. Трохименко, моложе возрастом – А.А. Кокеля, В.И. Касияна, А.Г. Петрицкого [6], принадлежащих к разным национальностям и культурам. В этой славной плеяде есть и чуваш, основоположник чувашского профессионального изобразительного искусства А.А. Кокель.

Творчество А.А. Кокеля явилось эпохой в изобразительном искусстве Украины, которое принадлежит одновременно чувашской, русской и украинской культуре. В этом, как подчеркивает украинский искусствовед О.В. Ламонова, проявляется его уникальность [8, с. 101]. Поэтому необходимо объединить исследовательские усилия ученых разных стран по созданию цельного и красочного «полотна» Кокель, которое глубже раскроет особенности и значение исторического опыта творческой личности как субъекта взаимодействия и взаимообогащения национальных культур.

Библиографический список

1. *Бродский И.А., Москвинов В.Н.* Новое о Репине. Статьи и письма художника. Воспоминания учеников и друзей. Публикации. – Л.: Художник РСФСР, 1969. – 436 с.

2. Вечернее время. – СПб., 1912. – Ноябрь. – №146(47).

3. *Дерегус М.Г.* Мой добрый наставник // А.Г. Григорьев. Воспоминания современников и учеников. Чебоксары, 1980. – 72 с.

4. *Жиркевич А.А.* Мои встречи с И. Яковлевым. Из дневника за 1916–1924 годы. – Чебоксары: Руссика, 1998. – 467 с.

5. *Касиян В.И.* Сила личного примера // А.Г. Григорьев. Воспоминания современников и учеников. – Чебоксары, 1980. – 72 с.

6. *Литвин В.М.* Культурне життя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www. litvin-v.org.ua.

7. Отчет о деятельности Императорской Академии художеств за 1910 год. – СПб., 1911.

8. «Студії мистецтвознавчі». – Киев, 2009. – №4.

9. Творческое и духовное наследие А.А. Кокеля: Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения выдающегося художника и педагога Алексея Афанасьевича Кокеля (Чебоксары – Харьков, 16-17 марта 2005 г.). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. – 110 с.

10. Харьковский исторический музей. Личный фонд А.А. Кокеля. Автобиография Кокеля Алексея Афанасьевича, художника, проф.[ессора] живописи Харьковского художественного института. Завершена 2 февраля 1950 г. Рукопись. – 15 с.

Васильева Мария Альбертовна

Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина

mavassilyeva@mail.ru

ПРАВОСЛАВНЫЕ СВЯТЫНИ В МЕДАЛЬЕРНОМ ИСКУССТВЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА. 1990-Е ГОДЫ

В статье предпринята попытка выявить и обобщить основные направления развития сюжетов религиозной тематики в работах петербургских медальеров в 1990-е годы, анализируются композиционные приемы, различие в техниках, материалах.

Ключевые слова: *медаль, медальер, аверс, реверс, Православие.*

На рубеже 1980–1990-х годов в развитии медальерного искусства уже нет строгой нормативности и нарочитой остроты в создании чего-то принципиально нового, как это было в предшествующем десятилетии. Медаль становится сложным синтетическим произведением, когда элементы живописи, графики, скульптуры гармонично интегрируют в медаль. Этот процесс наглядно демонстрируют выставки Петербургской школы медали, проходившие в начале 1990-х годов. Происходит расширение тематического круга – актуальными становятся сюжеты, связанные с духовным возрождением России.

Так, празднование 1000-летия Крещения Руси явилось точкой отсчета на пути возвращения традиций культуры Православия в творчество российских художников, в том числе медальеров. Открылся огромный пласт сюжетов, недоступный прежде из-за отторжения религиозной тематики в искусстве середины XX века. Многие медальеры, работающие в самых различных техниках и материалах, попытались заполнить существующий пробел. Однако это оказалось нелегким делом, так как православное значение события обязывает художника подчинить композиционное построение медали канонам церковного искусства. Это требует особого знания религиозной культуры.

© Васильева М.А., 2010

За тысячелетнюю историю в России сложилась традиция в память крупных исторических событий возводить церкви, соборы, монастыри. Принесенная Православием, она воплощала историческую память и служила преемственности между поколениями. Красота церковной архитектуры, всегда исполненной возвышенного смысла, воспринималась человеком как идея стремления к божественному совершенству. Часто закладка, освящение или юбилей собора сопровождались выпуском памятных медалей. Это демонстрировало важность художественного произведения, прежде всего, как исторического документа, ценного для будущих поколений. Изображение церковной архитектуры в медали связано с определенными трудностями: способностью передать глубину пространства и перспективу на ограниченном поле медали. Построение в таком миниатюрном рельефе, замкнутом окружностью, действительно задача не простая. Еще Федор Петрович Толстой (1783–1873) считал, что при изображении различных зданий «медальеру необходимо хорошо, вполне основательно знать правила архитектуры и перспективы, чтобы все здания и вообще все, что передается на медалях, изображать верно» [4, с. 116]. А знаток медальерного искусства Дмитрий Иванович Прозоровский отмечал, что перспектива не имеет того значения, которое ей принадлежит. Он считал, что это происходит от господствующего в XIX веке способа «составлять» медали: «Портрет на лицевой стороне и какая-нибудь избитая аллегория на оборотной стороне; портрет и символ или геральдический знак; портрет и надпись и т.п. – вот почти все, над, чем изощряется умственная сторона медальерного искусства. Но если появлялись когда-либо медали перспективные, то и лучшие из них не всегда представляют перспективу вполне удовлетворительно, и часто ее стараются выразить посредством планирования, сокращая местность целого кругозора» [4, с. 34].

Санкт-Петербург – один из немногих российских городов, где представлены все возможные типы и стили церковной архитектуры. Лучшие зодчие создавали неповторимый облик храмов: И. Коробов и Ф.Б. Растрелли, А. Ринальди и Ю. Фельтен, О. Монферран и А. Воронихин, В. Стасов и К. Тон. Передать форму и объем соборов в поле медали, с соответствующей корректировкой пропорций, – задача, требующая от медальера высокого профессионального уровня. Ведь всякий рельеф на плоскости строится планами, с перспективными сокращениями фигур и предметов (если таковые имеются), которые должны составлять органическое единство аверса и реверса.* Но современные медальеры как будто забыли о существующих законах перспективы (особенно это очевидно при сопоставлении медалей современных и выполненных в XVIII–XIX веках с одноименным сюжетом), хотя мастерами прошлого специально был разработан графический масштаб, построенный в соответствии с диаметром медали, для ориентации в выбираемых высотах рельефа.

В 1990-е годы возродилась традиция выпуска медалей, посвященных строительству новых храмов, юбилеев уже построенных. В память 200-летия Князь-Владимирского собора на Ленинградском Монетном Дворе выпустили юбилейную медаль (А. Бакланов, 1989). Замечательный архитектурный памятник является основой композиции аверса медали. По окружности надпись: «В память двухсотлетия Князь-Владимирского собора». Внизу – Ленинград. Над куполами собора, медальер помещает дату – 1789–1989. На первый взгляд, композиция удачно решена: поле медали заполнено, нет неоправданных пустот, шрифт соответствует стилевой направленности, текст дополняет изображение. Оборотная сторона медали представляет иной сюжет. В центре – образ Казанской иконы Божьей Матери. Ниже достаточно обобщенно изображены силуэты наиболее известных построек Петербурга, узнаваемы из которых Исаакиевский и Петропавловский соборы, шпиль Адмиралтейства. Традиционная надпись по кругу завершает композицию реверса. Воплощая задуманное, Александр Бакланов использует томпак – материал, приближенный по своим техническим параметрам к серебряной монете, что дает возможность передать тончайшие градации рельефа.

Необходимо отметить, что композиция медали двухсотлетней давности решена более удачно и не перегружена деталями, несмотря на то, что художник, выполняя заказную медаль, ограничен в своем творчестве. Заказчик всегда требует обязательного наличия тех или иных изображений, и мастерство настоящего медальера раскрывается именно в умении построить композицию так, чтобы гармонично соотносились между собой сооружения, фигуры, надписи внутри каждой из сторон. Вместо этого очень часто мы видим фор-

мальное решение композиции, где утеряно эмоциональное воздействие, которое должно рождать произведение искусства.**

Кроме профессионализма медальера, большую роль в работе над созданием медали играет его интерес к заданной теме, степень ее изученности. Примером тому является медаль, посвященная Морскому собору в Кронштадте, Павла Екушева (1993, бронза), где мастерски проработаны не только архитектурные детали собора, но и соблюдены законы ближнего и дальнего плана. В этом явно просматривается обращение автора к историческому предшественнику – медали 1913 года, созданной, очевидно, по рисунку автора проекта собора – архитектора В.А. Косякова.

Необходимо отметить, что в медальерном искусстве 1990-х годов на фоне традиционного, классического направления начинает развиваться более формальное композиционное решение. Наполненная символическими образами медаль Г.П. Постникова «Спаси и сохрани» (1988, бронза) поднимает ее до уровня философских обобщений. Представленный автором образ Православной церкви, сломленной пополам, но поддержанной хороводом условно трактованных Ангелов, вызывает у зрителя множество личных ассоциаций, ностальгию по утраченным ценностям.

Среди проблем, которые решает современное искусство Православия, одной из главных является создание иконографии новоканонизированных святых. Период, отделяющий нас сегодня от 1000-летия Крещения Руси, оказался необычайным по количеству канонизированных в России. Только за период с 1988 по 1992 год Русская Православная церковь причислила к лику святых 21 сподвижника Веры и благочестия, среди которых особенно дорог Петербургу образ святой Ксении Блаженной. Хотя достоверных изображений не сохранилось, осмыслению образа помогают косвенные сведения о жизни и благодеяниях этой святой.***

Так, А. Бакланов в своей работе, посвященной Ксении Петербургской, воспроизводит традиционный и легко узнаваемый канонический образ Святой. Ее фигура расположена в центре поля медали на фоне Смоленской церкви. В руках у нее посох – неотъемлемый атрибут, напоминание образа ее жизни. Реверс не перегружен деталями, однако на аверсе мы видим прием заполнения поля медали, на наш взгляд, излишними декоративными элементами, не соотносящимися ни с самим образом святой, ни с соответствующим стилем данной эпохи (например, стилизованная виноградная лоза).

О возрастающем интересе художников к изображению святых свидетельствуют Петербургские медальерные выставки периода конца 1980-х – начала 1990-х годов. Так, появляются образы Иисуса Христа (А. Лось, 1988, бронза), Святого Благоверного князя Александра Невского (А. Каплий, 1990, томпак; В. Курашов, 1990, бронза; П. Екушев, 1991, латунь), Святого Преподобного Серафима Саровского (Е. Волкова, 1996–1998, фаянс), Иоанна Кронштадского (Е. Волкова, 1996–1998, фаянс; Г. Дьячкова, 1999, плакета, медь, гальванопластика), Преподобного Сергия Радонежского (А. Королюк, 1992, томпак). Рассматривая их, можно отметить не только разнообразие в поисках образного решения святых в рамках классических образцов, но и эксперименты, связанные с формой медали и использованием различных материалов.

Скульпторы имеют возможность постоянно совершенствовать мастерство, развивать способность к емкому, ассоциативному мышлению через материал. Среди природного многообразия медальер ищет такой, который мог бы стать наилучшим выразителем осуществляемого им художественного замысла. Поэтому долговечность материала, на первый взгляд относящаяся к общетехническому качеству, находится во взаимосвязи с тематикой произведения.

Традиционно используют бронзу – благородный и уникальный металл, который одновременно является универсальным пластическим материалом, обладающим огромным диапазоном применения. Однако происходившее обновление в медальерном искусстве 1990-х годов затронуло и эту сферу: появились работы из алюминия, меди, томпака, раковины, фарфора, стекла. Интересен в этой связи опыт Ю. Федорова, выполнившего комплект медалей в честь праздника Рождества Христова с применением горячей эмали. Осмысливая праздник в свете учения Святых Отцов Церкви, художник стремится показать его символически и языком иконной мелкой пластики. Композиция состоит из двух медалей с общим аверсом, в котором раскрывается основное значение праздника, и двумя реверсами, на которых иконографические сюжеты помогают еще глубже постичь смысл великого праздника. Фон и символические элемен-

ты, выполненные горячей многоцветной эмалью, придают медалям праздничное эмоциональное настроение. Художник удачно использует традиционные в иконографии цвета – белый, синий, зеленый и красный. Это наполняет триптих неповторимым драгоценным блеском. История появления этого великолепного комплекта связана с Всероссийскими выставками «Русь Православная». Работа с медалями оказалась настолько интересна для мастера, что родилась идея создания «иллюстраций» Священного Писания средствами медальерного искусства. Идея, на наш взгляд, весьма перспективная.

В 1998 году Петропавловский собор принял останки последнего императора России и его семьи. Этой скорбной дате было посвящено несколько работ. Известный мастер, основатель петербургской школы медали А.А. Королюк создает интересную композицию «Памяти убиенных. Николай Александрович и Александра Федоровна Романовы» (1998, бронза). На аверсе изображен герб Российской Империи, на который крепится медальон с чуть жестковатыми профильными портретами Императора Николая II и Императрицы Александры Федоровны. Выше, в полукружии, расположены портреты детей. Внизу надпись – «Памяти убиенных». Здесь важно отметить, что медаль, являясь объектом созерцания, позволяет гармонично ввести в ее пространство икону. Поэтому не случайно на реверсе медали помещена Державная икона Божией Матери, которая, по легенде, появилась в день отречения Императора от власти в 1917 году. По окружности слова молитвы: «Мира заступниц, умоли сына твоего и Бога нашего: да сохранит в мире страну, да утвердит ее в благоденствии и избавит нас от междуусобныя брани». Используя традиционный материал – бронзу, медальер тем самым подчеркнул «мемориальность» данного сюжета и его историческую значимость.

Другой скульптор – С. Алипов – выбрал сложную композицию, состоящую из нескольких бронзовых плакет и медальонов. Первая часть – своеобразный двухъярусный иконостас, представляющий всю Императорскую семью с наследником в центре. В каждой из прямоугольных плакет скорбные образы царственных родителей и великих княжон. Верхний ряд представляют медальоны с традиционными для иконостаса изображением Деисуса. Вторая часть композиции представляет собой триптих с центральным образом Казанской иконы Божьей Матери. По сторонам – плакеты с образами Императора и наследника. Такое композиционное решение не вполне характерно для медальерного искусства. Не совсем удачно решенные образы царственных страстотерпцев не позволяют нам говорить о положительном восприятии их трактовки. Возможно, это связано и с тем, что на момент создания работы Царская семья еще не была официально канонизирована и автор не владел достаточным иконографическим материалом. Как у иконописцев, так и у скульпторов в 1990-е годы еще не было достаточного опыта в изображении царственных мучеников. К слову заметим, что отечественные иконописцы находились в лучшем положении, так как канонизация царской семьи за рубежом была осуществлена раньше и иконы соответствующего содержания уже были там созданы. У скульпторов же таких прототипов не было.

В заключение важно отметить, что впервые за долгие десятилетия забвения медальеры обратились к религиозной теме. В условиях происходящего возрождения православного сознания, они еще только накапливали опыт работы с фигуративными композициями, требующий более глубокого изучения основ иконописи и иконографии при изображении Святых. К сожалению, редко медальерами 1990-х годов при создании медали с религиозным сюжетом учитывался опыт мастеров прошлого, в основе которого лежало высокопрофессиональное владение пространственной разработкой планов, а главное – постижение самой сути духовного прочтения образов.

Таким образом, приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что обновление в медальерном искусстве 1990-х годов шло в основном не за счет нахождения новых форм, хотя и здесь есть интересные решения, а благодаря дальнейшему расширению круга тем и сюжетов. Остаются открытыми и ряд частных вопросов, связанных с изображением новомучеников и правомочности размещения образа Богоматери на реверсе, т.е. оборотной стороне медали, которая служила всегда дополнением к раскрытию основного сюжета.

Тем не менее медали рассматриваемого нами содержания были направлены на православное восприятие мира, и многим мастерам удалось в своих работах достигнуть гармоничного синтеза содержания и формы.

Примечания

* Как правило, при архитектурных изображениях, применяется линейная перспектива. Самые знаменитые медали в этой технике были созданы бельгийским мастером Жаком Винером в средине XIX века. Он воспроизводил архитектурные памятники, в основном знаменитые соборы Европы и их интерьеры, в линейной перспективе, достигнув необыкновенной виртуозности исполнения.

** Подобным образом решена композиция медали, посвященной 200-летию Свято-Троицкого собора Александро-Невской лавры (А. Бакланов, 1990). Отличие лишь в иных образах, соответствующих новой теме и большей перегруженности аверса (над собором в сложном обрамлении помещена «Троица», а внизу, частично перекрывая храм, в картуше вынесена на первый план дата – «200»).

*** Подробнее информация в статье Н.С. Кутейниковой «Святая Блаженная Ксения Петербургская (формирование иконографии образа) // Проблемы развития зарубежного искусства. – СПб., 1996. – С. 70–72.

Библиографический список

1. Вторая Ленинградская медальерная выставка // Каталог. – НПО «Дальняя связь». – Л., 1990. – С. 16.

2. Медальерное искусство Петербурга – традиции и современность. Третья Петербургская медальерная выставка // Каталог. ГЭ. – СПб., 1994. – С. 47.

3. Медальерное искусство Петербурга. Творцы и сподвижники. IV выставка медальеров Петербурга // Каталог. – СПб., 2001. – С. 40.

4. *Прозоровский Д.И.* Свод сведений, относящихся до техники и истории медальерного искусства. – СПб., 1884. – С. 173.

УДК 394

Гонозов Олег Сергеевич

Ярославский государственный педагогический университет им К.Д. Ушинского

gonozov@mail.ru

СТРУКТУРА И КОММУНИТАС РАННЕСОВЕТСКИХ ПРАЗДНИКОВ В РОСТОВСКОМ УЕЗДЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье рассматриваются праздничные ритуальные практики в Ростовском уезде Ярославской губернии в 1920-х гг. Несмотря на активное внедрение новых форм «красной» обрядности, ростовская деревня оказалась к ним не готова и продолжала следовать народным традициям.

Ключевые слова: *ритуал, праздник, «красная обрядность».*

В трансформации психофизического «хаоса» в социальный «космос» исключительно велика роль ритуалов. В сельской местности посредством праздников и ритуалов происходило закрепление общепризнанных стереотипов и нравственных норм. В Ростовском уезде Ярославской губернии в начале XX века особое значение придавалось местным праздникам, традиции которых передавались из поколения в поколение.

Так, в старинном селе Поречье ежегодно проводился праздник, связанный с началом рыбной ловли. Как пишет известный ростовский краевед А.А. Титов, накануне праздника глашатай с длинным шестом, украшенным значком, обходил все улицы и приглашал рыбаков на лов в определенном месте реки. Утром после молебна почти все население Поречья, исключая детей и женщин, дружной толпой шло на реку. В глубоком безмолвии рыбаки ожидали сигнала от распорядителя лова, а затем начиналась суматоха, «достойная кисти Гокарта» [5, с. 154–155].

Не удивительно, что в первые послереволюционные годы советская власть на местах уделяла повышенное внимание новым «красным праздникам», пытаясь вытеснить ими церковные и народные. Но в деревнях для театрализованных демонстраций и массовых шествий, свойственных столицам, просто не хватало людей для их проведения. Городские праздники не совпадали с жизненным ритмом и сельскохозяйственным укладом: 1 мая на селе шла горячая пора пахотных работ, и селянам было не до солидарности с мировым пролетариатом.

И все же специально для крестьян советская власть пыталась ввести свои праздники. В 1923 году в газете «Правда» Н.К. Крупская опубликовала статью «Праздник урожая», в которой предла-

© Гонозов О.С., 2010

гала «развивать старые обычаи на новой основе». Таким образом, «день урожая должен был на новой основе продолжить старые народные обычаи, сопровождающие летние и весенние работы по уборке урожая» [6, с. 42]. Государственный календарь постепенно приобретал вид святцев новой религии, в котором было два главных праздника – 7 ноября (вместо Рождества) и 1 мая (вместо Пасхи), несколько важных праздников (аналог двунадесятых, в частности, годовщина Кровавого воскресенья и день смерти Ленина), а также профессиональные праздники, выпадавшие, как правило, на воскресные дни.

Перечень праздничных дней мы находим в приказе №1 Ярославского губернского отдела труда о днях отдыха на 1925 год от 24 декабря 1924 года. Так, на основании 111 и 112 статей Кодекса законов о труде Ярославский губернский отдел труда, по согласованию с губпрофсоветом, на 1925 год установил двенадцать дней отдыха, приуроченных к декретированным, гражданским, революционным и церковным праздникам. Среди них: Новый год (1 января), День низвержения самодержавия (12 марта), День Парижской Коммуны (18 марта), Пасха (20 апреля). А также День урожая (15 августа), День пролетарской революции (7 ноября), Рождество (25 и 26 декабря) [4].

К всемирному пролетарскому празднику 1-го мая Ярославский губисполком принял постановление, чтобы работы в этот день нигде не проводились. В праздник было принято решение устроить фейерверк и произвести 101 выстрел, а также демонстрацию-парад с привлечением рабочих и учащихся [3].

Среди обязательной атрибутики праздника нельзя не отметить придающие ему особый смысл вещественные символы: до революции – это иконы, кресты, хоругви; в годы советской власти – портреты вождей, красные флаги, транспаранты с большевистскими лозунгами.

Принимая во внимание, что ритуал как совокупность установленных обычаем действий в символической форме, выражает определенные социальные и культурные взаимоотношения за счет признания социальных ценностей и поддержания социальных институтов, то праздник тоже попадает в разряд ритуальных практик. Праздник практически невозможно представить без ритуала, выстраивающего его каркас, он обращен к высшим ценностям и наполнен внутренним содержанием для его участников.

Ритуал мыслился руководителями государства как рукотворный инструмент и выступал транслятором идеологических ценностей, казался одним из способов формирования мировоззрения советского человека. Митинг, демонстрация, партсобрание составляли семантическое ядро зарождающейся «красной» обрядности, которое впоследствии стало осевой линией не только в ритуальных практиках, а и в советской культуре в целом.

В ростовской газете «Трудовые дни» за 1923 г. опубликовано сообщение, как 20 мая в 12 часов дня к клубу цикорников потянулись партийные и культурные силы. Двадцать восемь человек под звуки оркестра сели на пароход и отправились в Угодичи, где провели митинг о контрреволюционной деятельности патриарха Тихона и пели Интернационал. Драмкружок поставил пьесу, а музыкальный кружок исполнил 10 номеров [1].

В тот же день, информирует газета, в селе Фатьянове прошел детский праздник, отложенный с 1 мая из-за бездорожья. В школу прибыли детишки с красными флагами, пением революционных песен во главе с членами волостного исполкома. В программе – митинг с Интернационалом и чай с баранками и ландрином. В Нардоме показан спектакль [1].

Чтобы наполнить смыслом ритуальные действия, не имеющие под собой общегосударственного фундамента, какой имел, допустим, Первомай, местные партийные руководители «клонируют» их по праздничным лекалам. Коллективный поход под звуки духового оркестра на пристань и поездка на пароходе по озеру в Угодичи – уже праздник. Шествие детишек с красными флагами и пением революционных песен в Фатьянове – тоже праздник.

Революционной доминантой и в том и в другом случаях становится митинг и пение Интернационала. Коллективное исполнение международного гимна трудящихся – это своеобразная ритуальная клятва, смысл которой – идти до конца, до полной победы над своими поработителями, чтобы, разрушив старый мир, построить новый, где тот, кто был ничем, станет всем. Особую актуальность в 20-е годы приобретала вторая часть этой клятвы, касающаяся построения светлого будущего – Коммунизма.

Очень красочно живописует местная газета впечатления от празднования в городе 6-й годовщины Октября. «На Советской площади идет интенсивно работа: подвозят хвойную зелень, укра-

шают трибуну, украшают здание исполкома, управление милиции, рабочие-пожарники плетут гирлянды из зелени и свешивают их с каланчи... В городе царит такое же оживление, какое бывало накануне христианской пасхи. Это наша новая революционная рабоче-крестьянская пасха... Во всех концах до Бульварного кольца включительно засветились цветные фонари, в центре города, на площади, у 1-го Дома Советов, у Дома Крестьянина, всюду световые праздничные лозунги рабоче-крестьянского государства» [2].

Шесть лет советской власти дали ощутимые результаты. Праздник шел по накатанной колее. В городском театре торжественное заседание с докладом и приветственной телеграммой Ленину, пением Интернационала и постановкой пьесы «Старый мир». На площади перед трибуной с руководителями партии и советов парад частей местного гарнизона и демонстрация трудящихся. Среди лозунгов: «Да здравствует наш вождь товарищ Ленин!», «Да здравствует Всероссийский староста товарищ Калинин!» Оркестр играет галоп, по площади проносятся пары обоза пожарных [2].

Обычно раннесоветские праздники в Ростовском уезде Ярославской губернии представляли собой митинги с пением Интернационала и концертом художественной самодеятельности или профессиональных артистов. Коллективное исполнение пролетарского гимна становилось своеобразной ритуальной клятвой, смысл которой заключался в том, чтобы разрушить старый мир и построить новый, где тот, кто был ничем, стал всем.

Главной составляющей таких «праздников» был доклад членов уездного или волостного исполкома о текущем моменте. Неизменная атрибутика праздника: красные флаги, лозунги, портреты вождей, пение революционных песен, в редких случаях – чаепитие или кино.

К характерной особенности праздничных действий можно отнести торжественные шествия или выезды к месту их проведения. Подсознательно многое заимствовалось из церковных крестных ходов. Лучше оценкой проведенных мероприятий было сравнение их массовости с празднованием Пасхи.

Тон на местах задавали активисты рабочих трудовых коллективов: цикорной фабрики, Ростовской льняной мануфактуры, паточного завода. 7 ноября 1925 г. в волостной избе-читальне села Поречье был проведен расширенный пленум ВИКа с повесткой дня «Наши достижения за 8 лет и очередные задачи». Вечером прошло торжественное заседание, по окончании которого драмкружок избы-читальни поставил спектакль. Восьмого ноября, благодаря «установившейся погоде», в Поречье была удачно проведена демонстрация. В центре села был устроен митинг с приветствиями всех организаций. После демонстрации силами учеников был устроен детский спектакль, а вечером – для взрослых.

Советский праздник приобретает свой, четко прописанный канон, включавший определенный набор официально поощряемых средств и форм. Эта символика складывались в процессе революционного переустройства общественной жизни социалистических традиций, охватывающих все стороны жизни общества. Основой двух основных советских праздников – 1 мая и Октябрьской революции – была демонстрация трудящихся. Именно в красочном шествии трудящихся с флагами, транспарантами и портретами вождей мимо трибун партийных и советских руководителей можно провести черту советской ритуальной лиминальности.

Все происходит по классической схеме В. Тэрнера [7]. В праздник, как и во всякий ритуал перехода, его участники приходят в одном состоянии, а, получив соответствующий праздничный заряд, выходят в новом. Посредством праздника они высвобождаются из структуры в коммунитас, чтобы вернуться к структуре оживленными опытом и переживаниями коммунитас. Структурные низы стремятся к структурному верховенству в ритуале (ощущают себя частицей великого советского народа). Структурные верхи стремятся в символический коммунитас (испытывают духовную сопричастность к чаяниям трудящихся).

Если говорить о демонстрации, то ее прообразом в российской действительности можно считать крестные ходы. Советская власть стала запрещать проведение крестных ходов. Их место заняли праздничные демонстрации, которые внешне сохраняли признаки крестных ходов, но имели основой революционную идеологию. У демонстрации и крестного хода много общего. Во-первых, особо торжественный повод для их проведения. Во-вторых, красочность и яркость действия. В-третьих, постоянный процесс движения. Но вместо икон, крестов и хоругвей, задействованных в крестном ходе, в демонстрации их роль

выполняют портреты вождей, символы пролетарского государства, красные флаги и транспаранты. Церковное песнопение заменяет пение революционных песен, молитву – клятва.

Не удивительно, что на первых порах первомайские демонстрации в сельской местности путали с крестным ходом и назывались красным крестным ходом, а сам Первомай – Красной Пасхой. Но по своей сущности это уже был пролетарский способ самосознания, демонстрация своего классового превосходства, своих достижений, сопричастность к высшим целям построения Коммунизма, призыв к объединению пролетариев всех стран. По форме первые советские праздники тяготели к всенародному действу, коллективному празднованию победы Великого Октября. Но, растиражированные в красных днях календаря, они потеряли свой первоначальный смысл всеобщего единения, превратившись в формальный смотр трудовых достижений и чествование социальных и профессиональных групп. В Ростовском уезде раннесоветским праздникам были свойственны митинги с исполнением Интернационала и шествие рабочих с красными флагами и пением революционных песен.

Библиографический список

1. Детский праздник труда // Трудовые дни. – 1923. – 26 мая.

2. Как мы праздновали 7-е ноября // Трудовые дни. – 1923. – 10 ноября.

3. К всемирному пролетарскому празднику 1-го мая // Известия Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. – 1918. – №74. – 28 апр.

4. Приказ №1 Ярославского губернского отдела труда о днях отдыха на 1925 год от 24 декабря 1924 г. // Бюллетень Ростовского уездного исполнительного комитета. – 1925. – 16 янв.

5. *Титов А.А.* Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание с рисунками и картой уездов. – М., 1885. – 630 с.

6. *Тульцева Л.А.* Современные праздники и обряды народов СССР. – М.: Наука, 1985. – 191 с.

7. *Тэрнер В.* Символ и ритуал / Сост. В.А. Бейлис. – М.: Наука, 1983. – 277 с.

УДК 364.054

Курец Регина Олеговна
Иркутский государственный технический университет
shilling@istu.edu

ИРКУТСКИЕ КУПЦЫ-МЕЦЕНАТЫ

Жители Иркутска (и Иркутской губернии) до сих пор вспоминают добрым словом купцов, занимавшихся благотворительностью. Многие учреждения, в которых горожане могли обучаться и лечиться, появились только благодаря купцам. Им же наши современники обязаны и красивейшим зданием городского театра, деньги на строительство которого собирались «с миру по нитке».

Ключевые слова: *благотворительность, купцы, театр.*

Идея просвещения жителей Иркутска впервые появилась у иркутского губернатора Франца Николаевича Клички (1779–1783). Он попытался создать в городе школу для всех детей. Но большого успеха это благое начинание, к сожалению, не имело. Просто жители ещё не видели необходимости в обучении своих детей (да ещё и в школе). Должно было пройти весьма порядочное время, чтобы получение знаний стало для иркутских жителей насущной потребностью. И если бы не купечество, то так бы и осталась эта потребность только «голубой мечтой» (хотя уже в 1753 году в Иркутске открылась Навигацкая школа).

«Широкая благотворительность, коллекционерство и поддержка всякого рода культурных начинаний были особенностью русской торгово-промышленной среды» [1, с. 104]. Иркутск не стал исключением. Как писал иркутский писатель Иван Тимофеевич Калашников, «богатейшими купцами» в начале XIX века «были: Сибиряков, Мыльников, Дудоровский, Сизов, Старцовы; потом возникли Трапезниковы, Баснины, Медведниковы, Чупаловы…». Отдельно И.Т. Калашников выделяет **Николая Семёновича Чупалова** (1754–1818) – «делая много добра, он выстроил каменный дом для больницы» [2, с. 270.]. Кроме этого, **Н.С. Чупалов** построил ограду Вознесенского монастыря. А также вышли «Описания чудес св. Иннокентия, напечатанные в первый раз иждивением иркутского купца Николая Семеновича Чупалова в 1805 г. в Иркутске». Об этом упо-

 © Курец Р.О., 2010

минает иркутский библиотекарь С.С. Попов в своей работе «Святитель Иннокентий Иркутский» («Русский паломник»), напечатанной в 1887. N 25. С. 303 [3]. В 1782 году губернатор Ф.Н. Кличка обратился к иркутским купцам с просьбой пожертвовать деньги на строительство краеведческого музея и библиотеки. Деньги дали Мельниковы, Дудоровские, Медведниковы, Трапезниковы, Баснины, Сибиряковы и Бутины. Купцы жертвовали и на строительство церквей. Преображенская церковь была построена с помощью **Стефана Яковлевича Игнатьева, Ивана Никитича Сухих** и **Ефимия Андреевича Кузнецова**.

Я хочу рассказать хотя бы о нескольких меценатах, имена их до сих пор с благодарностью вспоминают иркутяне. **Семён Семёнович Дудоровский** создал в городе первую оранжерею редких растений, коллекционировал книги о Сибири, картины, скульптуры и художественную мебель. **Евфимий Андреевич Кузнецов** (1783–1850) пожертвовал много денег в помощь жителям Амура, давал деньги на училища для девочек и духовную семинарию, а также на Девичий институт. А на набережной Ангары до сих пор работает больница, построенная на деньги Е.А. Кузнецова. Горожане так и зовут её «Кузнецовской», «Кузнецовкой». **Василий Николаевич Баснин** (1799–1876), один из представителей династии купцов Басниных, был страстным коллекционером книг, журналов, в его коллекцию входили и гравюры. Книги Василий Николаевич давал читать горожанам. Позже В.Н. Баснин подарил свою коллекцию гравюр Румянцевскому музею в Москве. В.Н. Баснин создал оранжерею, вёл переписку с известными учёными-ботаниками, «содействовал развитию театра, местного оркестра и хора» [4, с. 266]. В 1850–1854 годах он был городским головой.

Иван Степанович Хаминов (1817–1884). Его имя связано с созданием в Иркутске учебных заведений для девочек (в городе были две Хаминовские женские гимназии), училищ и приютов. Среди представителей иркутского купечества в этой деятельности И.С. Хаминову равных не было.

Елизавета Михайловна Медведникова (1787–1828). Вдова купца Логина Фёдоровича Медведникова. По завещанию Е.М. Медведниковой был создан Сиропитательный дом для девочек. **Александра Ксенофонтовна Медведникова** (1815–1899) (дочь Ксенофонта Михайловича Сибирякова, жена Ивана Логиновича Медведникова) «распределила так» свой капитал: «500 тысяч рублей на устройство в Иркутске больницы для хроников» (теперь это курорт «Ангара» в сосновой роще над рекой Иркут), «100 тысяч рублей бедным Иркутска, 500 тысяч рублей церквам и монастырям, причём каждой церкви Москвы и Иркутска по 100 рублей на годовой сорокоуст» [5, с. 414].

Дмитрий Васильевич Плетюхин. В его доме «на Большой улице против часовни» на углу улиц Большая и Ивановская (теперь улицы К. Маркса и Пролетарская) 14 ноября 1890 года состоялся первый спектакль иркутского театра после пожара 28 октября. Были поставлены «Преступление и наказание» – драма в двух частях – А. Бело и шутка А.П. Чехова «Предложение» [5, с. 222].

О династии купцов **Трапезниковых** вообще можно написать большую книгу. «Основателем её» был «**Иаков Трапезников**», который «прибыл в Иркутск во второй половине XVII века» [4, с. 33]. За ним шли **Пётр Дмитриевич Трапезников** (1748–1815), иркутский 1-й гильдии купец; его сыновья: **Николай**; **Филипп** (1772–1854) – «почётный гражданин, иркутский 1-й гильдии купец»; **Никанор**; **Константин** (1790–1860) – «потомственный почётный гражданин, иркутский 1-й гильдии купец. Константин был городским головою, старостой Воскресенской церкви, пять тысяч рублей он отдал на обучение сыновей бедного сословия наукам и ремёслам», и **Андрей.** «Когда в 1890 году в Иркутске сгорел деревянный театр, А.К. Трапезников пожертвовал на строительство три тысячи рублей». **Иннокентий** Трапезников (внук Петра Дмитриевича Трапезникова) основал в Знаменском предместье ремесленно-воспитательное заведение им. Никанора Петровича Трапезникова. Дети **Никанора Петровича** и **Парасковьи Степановны**: **Александра** (жена купца **Портнова**) – пожертвовала 20500 рублей на духовную семинарию [5, с. 404]), **Аграфена** (жена **Платона Петровича Сукачёва**, мать **Владимира Платоновича Сукачёва**). **Платон Петрович Сукачёв** пожертвовал «для Девичьего института Восточной Сибири 171 рубль, библиотеке иркутской прогимназии в 1868 году он подарил 230 предметов минералогической и зоологической коллекции» [4, с. 25].

Владимир Платонович Сукачёв (1849–1920). Он внёс деньги на техническое училище (1882 год), на экспедицию Г.Н. Потанина (1883 год). «6 ноября 1883 года пожертвовал Географическому обществу 143 тома книг о Восточной Сибири». Также **Владимир Платонович** «пожертвовал место для Глазковского училища» (в 1887 году). Кроме

этого, В.П. Сукачёв пожертвовал городу «усадебное место с жилыми постройками и 10 тысяч рублей на устройство колонии для малолетних преступников» (в 1897 году) [4, с. 49, 236–237, 240]. В 1870-е годы В.П. Сукачёв начал собирать картины: «Бедный ужин» В.М. Максимова, «Мальчик с гармоникой» М.А. Кудрявцева, «Лесной ручей» Г.Г. Мясоедова и «Вид города Аркашона» А.П. Боголюбова, «Нищая» И.Е. Репина. С этого и началась его картинная галерея (теперь коллекция картин В.П. Сукачёва стала основой коллекции Иркутского художественного музея имени В.П. Сукачёва). С 1885 года Владимир Платонович Сукачёв два срока был в должности городского головы Иркутска. В 1894 году он «пожертвовал 10200 рублей на строительство иркутского театра». А 2 декабря «по заказу городского головы» гимназистам показывали спектакли «Ревизор» и «Дочь русского актёра». Городской голова Иркутска (1885–1898), Владимир Платонович Сукачёв «всегда отстаивал необходимость гармоничного развития ребёнка». Основными компонентами гармоничного развития В.П. Сукачёв считал «всестороннее образование, трудовое воспитание, знакомство детей и с отечественным, и с мировым искусством (литературой, театром, музыкой, изобразительным искусством) [4, с. 100, 239]. После последнего пожара театр в Иркутске восстанавливали, что называется, всем миром. Список пожертвователей приведу полностью: мы должны быть благодарны им за то, что в Иркутске есть красивое здание драматического театра.

«Городской голова» (В.П. Сукачёв. – *Р.К.*) обратился к генерал-губернатору А.Г. Горемыкину с предложением пригласить к себе видных купцов и крупных золотопромышленников и призвать их к пожертвованию средств на строительство театра в Иркутске…» Внесли: «**Владимир Платонович Сукачёв** – 10200... По 30000 **Яков Андреевич Немчинов** и **Иннокентий Михайлович Сибиряков**; по 25000 – **Пётр Александрович Сиверс**, **Юлия Ивановна Базанова, Валентина Ивановна Базанова** (**Тельных**). По 5000 – **Андрей Яковлевич Немчинов**, **Александр Михайлович Сибиряков**, **Николай Львович Родионов**. По 3000 – **Андрей Константинович Трапезников**, **Иван Флегонтович Голдобин**. По 2000 – **Василий Федотович Колыгин**, **Степан Михайлович Тельных.** По 1000 – **Анна Ивановна Громова**, **Александр Федорович Второв**, **Алексей Евграфович Кухтерин** и **А.И. Шапельский»** (к сожалению, мне так и не удалось найти, как же его звали. – *Р.К.*). 500 рублей внёс **Андриан Павлович Пятидесятников** (или **Андриан Петрович).** Первый владел столярными и малярными мастерскими, второй – чайными магазинами, и оба пожертвовали деньги на строительство театра, а в книге А.Д. Фатьянова не указываются имена и отчества в списке тех, кто жертвовал на театр. **Феодосий Иванович** и **Пахолков** также дали по 500 рублей. По 30 рублей пожертвовали **Иван Александрович Мыльников**, **Иван Яковлевич Чурин**. Последовали ещё взносы: по 1000 рублей – **Андрей Яковлевич Немчинов**, **барон Б.Г. Гинзбург** (сын барона Горация Гинзбурга). По 3000 – **Андриан Павлович** и **Яков Григорьевич Патушинские**. По 2000 – **Прокопий Николаевич Верховинский**, **Михаил Дмитриевич Бутин**. 1759 рублей пожертвовал **Борис Григорь-**

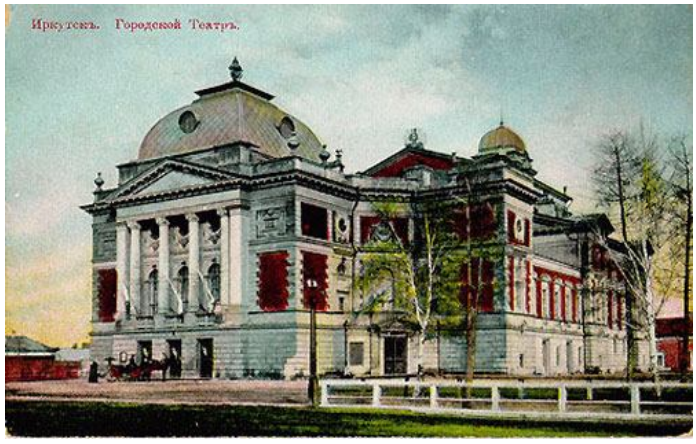


Рис. 1. Иркутский драматический театр (построен в 1898 году, архитектор Виктор Александрович Шретер) [6]

евич Патушинский. По 1000 рублей внесли **Семён Семёнович Кальмеер**, **Крутер**, **Никифор Иванович Новицкий**, **Исай Матвеевич Файнберг**; 800 рублей – **Ефимий Иванович Замятин**; 600 рублей – **Александр Бенедиктович Валлернер**; по 500 рублей – **Василий Федотович Колыгин**, **Фёдор Харлампьевич Пушников**; 400 рублей – **Семён Иванович Толченов**; 300 рублей – **Диомид Васильевич Самсонов** [4, с. 70–71, 316]. А купец **Василий Андреевич Белоголовый** (1875–1930) пожертвовал на строительство театра стёкла.

А вот данные в «Летописи города Иркутска за 1881–1901 гг.» Нита Степановича Романова немного отличаются от данных, приводимых Алексеем Дементьевичем Фатьяновым: Н.С. Романов говорит не о **Валентине Ивановне Базановой**, а о дочери Юлии Ивановны – **Варваре Петровне** (по мужу **Кельх**). Вместо **Ивана Флегонтовича Голдобина** он называет **Е.И. Голдобина**, а вместо **А.И. Шапельского – А.И. Шанявского и К**є. В состав театрально-строительного комитета вошли: «архитектор Кудельский, П.И. Звонников, В.А. Рассушин, **Иван Александрович Мыльников**, **Андриан Павлович Пятидесятников**, **Семён Семёнович Кальмеер**, **Василий Васильевич Жарников**» (В.В. Жарников был бухгалтером комитета). Кроме того, у А.Д. Фатьянова сказано, что **А.П. Патушинский** внёс дополнительно 3000 рублей на строительство театра, а Н.С. Романов говорит о **Л.Г. Патушинском**. Ещё внесли: **А.Р. Кухтерин** – 1000 рублей, общество Николаевского железоделательного завода – 5000 рублей (этих данных в перечне А.Д. Фатьянова нет) [5, с. 373–374; 4, с. 267].

Можно долго говорить и о династии **Базановых**. **Иван Иванович** (1813–1883) завещал «более 600 тысяч рублей на благотворительные нужды. Кроме того, на создание специальных капиталов для Базановского приюта и детской больницы было передано 507000 рублей и 642000 рублей, соответственно». А после кончины И.И. Базанова, распоряжался капиталами муж дочери И.И. Базанова Екатерины **Пётр Александрович Сиверс** [7]. В апреле 1887 года П.А. Сиверс «пожертвовал в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири 10000 рублей для раздачи через Иркутское благотворительное общество в единовременные пособия беднейшим из жителей города» [5, с. 153].

После смерти П.А. Сиверса наследницей капиталов И.И. Базанова стала его невестка **Юлия**

Рис. 2. Ивано-Матрёнинская детская больница (она названа в честь И.И. Базанова и его жены Матрёны и работает как детская больница до сих пор) [8]

Ивановна. В 1897 году Юлия Ивановна «пожертвовала 150000 рублей на устройство в Иркутске бактериологической пастеровской станции» [9, с. 390] Она жертвовала и на «приют для арестантских детей, детский сад, Базановский воспитательный дом, Казанскую церковь, кафедральный собор, женскую гимназию, сиропитательный дом Е. Медведниковой, библиотеки Иркутска. За свою огромную подвижническую деятельность Ю.И. Базанова была удостоена золотой медали на Анненской ленте (1897 г.) и звания почётной гражданки Иркутска (в 1909 г.)» [7]. Дочь Ю.И. Базановой **Варвара Петровна Кельх** также занималась благотворительностью (часто делала пожертвования вместе с матерью).

От центральных областей Российской империи Сибирь отличалась тем, что здесь относительно спокойно жили вместе люди разных национальностей и вероисповедания. В Иркутске было несколько купцов евреев: это уже упоминавшиеся **Семён Семёнович Кальмеер** – «гласный Иркутской городской думы, потомственный почётный гражданин, владелец магазинов мануфактуры и модных товаров. Пожертвовал 12 тысяч рублей на нужды евреев» [4, с. 286], **Исай Матвеевич Файнберг**, а также **Давид Михайлович Кузнец**, **Яков Савельевич Домбровский** и другие.

Исай Матвеевич Файнберг. «Купец, домовладелец». «1 октября 1907 года «еврейской общине» было «разрешено при еврейской начальной школе открыть ремесленные классы» на капиталы **Исая Матвеевича Файнберга** и **Я. Кремера** (как его звали, найти, к сожалению, не удалось). А «на пожертвования **братьев Абрамовых**, **Исая Матвеевича Файнберга** и **Боннер**» вместе с день-

гами, которые дало Иркутское погребальное братство, «открылся …дом призрения престарелых евреев». **Яков Давидович Фризер** (1869–1933) – золотопромышленник, «пожертвовал 10 тысяч рублей на библиотеку Иркутского университета» [9, с. 58, 95, 526].

На деньги братьев **Загидуиллы** и **Шайхуллы Шафигуллиных** была «устроена в Иркутске мечеть, построено для неё каменное здание». А Нафиса, жена **Шайхуллы,** стала «попечителем школы для девочек» [10].

К сожалению, рамки статьи не позволяют рассказать обо всех купцах-меценатах нашего города, их было очень много. Жители Иркутска должны благодарить их за красивейшие здания, которые украшают центр города. За театр (названный позже драматическим) и музей... За здание Общественного собрания... В этом здании находились: (по хронологии смены названий) Благородное собрание, Дворянское собрание, Общественное собрание, затем Клуб Октябрьской Революции, Театр музыкальной комедии (сейчас это филиал Театра юного зрителя). Правда, сначала (в 1847 году) деревянное здание Благородного собрания строилось «в публичном саду у Спасской церкви, против губернского правления». Деньги собрали «с чиновников и купцов», и управлял постройкой «штабс-лекарь Иван Сергеевич Персин». Здание построили 16 сентября 1847 года. В строительстве здания Благородного собрания «принимал активное участие» генерал-губернатор Николай Николаевич Муравьёв (это позже он станет графом Муравьёвым-Амурским). Потом Благородное собрание перевели на Большую (сейчас К. Маркса) улицу. А красивое здание на улице Амурской (сейчас ул. В.И. Ленина)» было построено в конце XIX века «по проекту архитектора Владимира Александровича Рассушина» [11, с. 130–132].

За дома купцов Второва (Дворец пионеров, с которым связана жизнь очень многих иркутян) и Сибирякова (Научная библиотека ИГУ), за Базановский приют («глазная клиника», как говорят в - городе), за «Кузнецовскую» и Ивано-Матрёнинскую больницы, церкви и мечеть… Вот только, к сожалению, не сохранилось великолепное здание Казанского собора (он был взорван в 1932 году).

Библиографический список

1. *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. – М.: Столица, 1990. – 349 с.

2. *Калашников И.Т.* Записки иркутского жителя // Записки иркутских жителей / Сост. М.Д. Сергеев. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. – С. 255–396.

3. *Чернышова Н.К.* Жития св. Иннокентия Иркутского в дореволюционном российском книгоиздании. – Режим доступа: http://mion.isu.ru/pub/sb-confess/2_2.html

4. *Фатьянов А.Д.* Владимир Сукачев. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. – 352 с., ил.

5. *Романов Н.С.* Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. / Под ред. С.Ф. Коваля. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. – 544 с., ил.

6. http://kino-teatr.ru/teatr/history

7. Сайт семьи Базановых: http://www.bazanov.info

8. *Контышева О.* Ивано-Матрёнинская детская больница // Копейка. – 2007. – 18 апреля.

9. *Романов Н.С.* Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / Вступ. ст. Н.В. Куликаускене. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. – 554 с., ил.

10. *Бобкова Г.И.* Мусульманская община Иркутска в конце XIX – начале XX веков // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX вв.: развитие и взаимодействие: материалы Всерос. науч. конф. (3–4 февр. 2005 г.). – Иркутск, 2005.

11. *Фатьянов А.Д.* Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во. – 192 с., ил.

УДК 395(470.6)

Махотлова Мадина Асланбиевна
Северо-Кавказский государственный институт искусств (г. Нальчик)
makhotlovam@rambler.ru,
Шауцукова Людмила Хажсетовна
кандидат культурологии, доцент
Северо-Кавказский государственный институт искусств (г. Нальчик)
makhotlovam@rambler.ru

РУКОТВОРНЫЙ ЛАНДШАФТ В АДЫГСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ СИСТЕМЕ

Статья посвящена актуальной проблеме поиска и внедрения в проектную практику новых экологических концепций через ознакомление с традиционными особенностями этнических рукотворных ландшафтов. Авторы статьи, раскрывая сущность и этническое своеобразие адыгского сада-леса, аргументированно доказывают: адыгский сад-лес одновременно является важным структурным элементом идентичности этноса и выражением сочетания утилитарных и символических функций необходимой сегодня концепции отношения общества к природе как к экологической культуре.

Ключевые слова: *культурный рукотворный ландшафт, адыгский сад-лес, гуманистический рационализм.*

Антропоцентрическая парадигма современной культурологии обусловила актуальность исследований, посвященных национально-культурному своеобразию культурного рукотворного ландшафта, обращенных к «человеческому фактору в природе». А это повлекло за собой исследование «природного и культурного факторов в человеке» – того, как культурно-природная картина мира воздействует на человека, формируя его личностное сознание, а вместе с ним и культурно-национальное самосознание, миропонимание, вытекающее из опыта прошлого. Миропонимание, запечатленное в образно-этническом основании, доносит до современников те коллективные представления, которые складывались при культурном освоении природного пространства тем или иным этносом.

В связи с вышесказанным не вызывает удивления тог факт, что начиная с восьмидесятых годов XX века наблюдается большая активность в формировании регионального природопользования. Проявляется все больший проектный и научный интерес к этническим традициям, изучаются особенности национальной культуры, народного зодчества.

Все это происходит на фоне неблагоприятной экологической ситуации в мире, поиска и внедрения в проектную практику новых экологических концепций, включающих в себя возможность энергосбережения, сокращения вредных отходов производства и др. Такие новейшие тенденции напрямую соотносятся с местными традициями народа, живущего в определенных природно-климатических и ландшафтных условиях и выработавшего в своей многовековой практике средства наилучшего приспособления к этим условиям. В частности, характерными особенностями жизни населения Черкесии были весьма удачное приспособление к местным природным условиям, их умелое и комплексное использование в хозяйственных целях без ущерба природной среде.

«Черкес, расчищая землю, окружающую его жилище, для того, чтобы возделывать там просо и пшеницу, заботится о том, чтобы сохранить вокруг своего поля гирлянду деревьев для его защиты и доставления влаги, необходимой в этом климате. Он оставляет там и сям посреди своих полей самые красивые деревья. Так что при взгляде с моря нет ничего более живописного, чем эти склоны лесистых холмов, в которых, как в рамке, находятся все эти поля» [2, с. 428–429], – это высказывание швейцарского путешественника Фредерика Дюбуа де Монпере точно передает облик адыгского сада-леса.

Отправной точкой для специфики «старого черкесского сада» (сада-леса) послужили природные особенности Северного Кавказа, они же стали основой агрикультуры адыгов. Множество путешественников по Кавказу с удивлением и восхищением отмечают талант адыгов-садоводов. К примеру, петербургский кавказовед XIX века В.А. Дмитриев пишет: «Достижения народов Северного Кавказа в хозяйственной области, особенно адыгов, столь же значительны, как малоизвестны широкому кругу россиян. Говорить же о них сейчас следует еще и потому, что именно традиционная культура ведения хозяйства в горных условиях, построенная на принципах экологического подхода, более других сторон пострадала во время Кавказской войны» [1, с. 92]. Подобные высказывания встречаются и у В.К. Гар-

© Махотлова М.А., Шауцукова Л.Х., 2010

данова, М. Кантарии, И. Мичурина, П.М. Жуковского, И.И. Клингена, Т.Г. Козменко, Х.Г. Шапошникова, Л.Н. Краснова, Г.Ю. Клапрота, П.-С. Палласа, В.Я. Бибилашвили, Эд. Кларка, Э. Спенсера и мн. др. Согласно им, важным качеством адыгского менталитета является гуманистический рационализм. Под адыгами в данном случае мы понимаем кабардинцев, черкесов, адыгейцев, проживавших на территории Северного Кавказа в исторический промежуток XVIII–XX вв., поскольку именно к этому периоду относятся письменные памятники, запечатлевшие сведения о рукотворных ландшафтах, созданных адыгами.

Адыгский сад-лес объединяет элементы как сада – ограниченного земельного участка, на котором культивируются определенные, как правило, плодовые сорта деревьев, кустарников, растений, так и леса, который вырастает и живет без участия человека. Лес играл в жизни адыга тройную роль. С одной стороны, лес, являясь одной из главных составляющих частей окружающей среды, в большой степени влиял на климат, наличие чистой воды, чистого воздуха, защищал сельскохозяйственные земли, обеспечивал места для комфортного проживания и отдыха людей, сохранял разнообразие живой природы.

С другой стороны, лес был источником множества материальных ресурсов – древесины для строительства, инструментов и мебели, дров, пищевых и лекарственных растений и т.д. С третьей стороны, лес – часть культурно-исторической среды, под воздействием которой формировались культура и обычаи народа, источник работы, независимости и материального благополучия значительной части населения. Однако в лесу не было окультуренных плодовых деревьев и кустарников, отвечающих всем вкусовым и эколого-эстетическим запросам человека, при обилии дикорастущих яблонь, груш, сливовых и других деревьев лес не давал всех достоинств сада. Отсюда желание адыгов привнести в столь им любимый лес элементы и детали плодово-ягодного сада, не нарушая природной гармонии леса. Таким образом, возникает новая форма культурного ландшафта, которую впоследствии специалисты назовут сад-лес.

Согласно монументальному двухтомному труду Самира Хотко «Старые черкесские сады», в котором собран и систематизирован весь корпус русских источников последней трети XIX – начала XX вв., анализирующих состояние земель бывшей Черкесии, впервые термин «сад-лес» употребляет естествоиспытатель, агроном и историк И.И. Клииген в 1897 году в опубликованном в Санкт-Петербурге научном издании «Основы хозяйства в Сочинском округе».

Однако, хотя данный термин, на наш взгляд, как нельзя лучше соответствует концепции окультуренного ландшафта у адыгов, в настоящий момент он не имеет широкого употребления в науке. Сама культура разбивки садов и вообще природопользования у адыгов, в своей основе содержала концепцию гармоничного сосуществования с природой, которая диктовала следующий тип отношения: все природные тела и явления в первую очередь необходимы для существования человека (горы и леса – защита, источник пищи и лекарственных растений, снег – запас воды и т.д.), и только во вторую – красивы.

Уникальность адыгского сада-леса, как культурного рукотворного ландшафта, проявляется, если применить культурологический инструментарий к его исследованию, прежде всего, в видении природы во всех ее этнических особенностях и колорите, а также сам опыт взаимодействия с природой и, конечно, способ обновления культуры природопользования – соотношение традиций и новаций.

Формирование идеи «природы» тесно связано со становлением идеи прекрасного – дахэ, этого критерия суммарной и универсальной оценки адыгов, простирающейся за пределы эстетического, охватывая также и религиозные, идеологические и другие ценности. При этом адыги в своей традиционной культуре к понятию «природа» относятся как к понятию «космос», включая в мир ценностных представлений характеристики солнца, луны, планет, дальнего и ближнего небосвода.

Самое главное качество в системе «человек-природа» в традиционной культуре адыгов можно сформулировать как «сохраняющее сознание», являющееся важнейшим компонентом отношения к миру вообще. Природа в ее контексте – полноправный участник диалога. Главное при этом – уровень не «субъект-объект», а «субъект-субъект», то есть уровень признания «самости» природы с учетом ее собственной меры. При этом человек в системе этнической картины мира, исходя из оптимизации системы «человек-природа», не допускает поглощения одного другим. Они подчинены взаимодействию, общей задаче динамического развития, устойчивости вечных взаимосвязей, где человек, как часть живого мира, включен в содержание целостности этого мира. Адыг понимает:

в борьбе, в которой не может быть победителей, нет смысла, поэтому он стремится сознательно регулировать природу в целях ее гармонизации, что ярко видно на примере сада-леса.

Важным аспектом данной проблемы является социоментальность адыгского общества, диктующая уважительное отношение к созидательному труду, в первую очередь направленному на преобразование окружающей действительности согласно своим эстетическим (духовным) и физиологическим (материальным) потребностям. В самом деле, чтобы сохранить свою биологическую популяцию, человек вынужден вторгаться в живую природу – пользоваться плодами леса и поля, культивировать определенные виды растений и животных для своего пропитания, использовать природные материалы для строительства жилища, перестраивать русла рек, то есть благоустраивать ойкумену, о чем свидетельствуют данные письменных источников, согласно которым каждое ущелье и каждая долина, располагавшиеся на территории проживания адыгов, имели свои особенности: террасирование, противоэрозийная агротехническая обработка почвы и фитомелиоративные работы, учитывались особенности климата, наличие или отсутствие водоемов и рек, особенности структуры почвы и т.д.

Однако при этом существовал негласный закон – брать у природы не более того, что жизненно необходимо человеку: охотиться не забавы ради, а пропитания для, регулируя охотничьи сезоны и не мешая воспроизводству фауны, в качестве топлива использовать только сушняк, поваленные деревья, высохшие кустарники. В строительстве, например, адыги использовали элементы деревьев и растений, не губя их целиком и давая возможность естественного заживления, и т.д.

Наглядно такое отношение к природе отражено в фольклоре: герои сказаний обращаются к природным стихиям, духам живой и неживой природы. Корни такого отношения к природе кроются, вероятно, в важнейшей сфере адыгской этнической культуры, которую можно обозначить как мифорелигиозную. Следует заметить, что в ней важное место отводилось древесным культам и культам «аграрных» божеств.

Факт приверженности адыгов друидическим представлениям запечатлен в их современной и традиционной культуре, языке, ритуалах, верованиях, обрядах. До наших дней сохранились вековые деревья, почитавшиеся когда-то священными.

Таким образом, мы видим, что человек и природа в этнической картине мира адыгов слитны, не имеют четких границ и антагонистических противопоставлений. Они не вписываются в две полярные парадигмальные установки относительно воздействий социума на окружающую среду, выработанные на протяжении всей человеческой истории, – благоговейное отношение к природе и потребительское. Природа для адыга не храм, но и не мастерская. Он приспосабливает ее под себя, но при этом максимально ее оберегает, уважает и почитает.

Если формирование идеи «природы» для адыга связано со становлением идеи прекрасного – дахэ, то способ обновления культуры природопользования, соотношение традиций и новаций связаны с понятием «чувства меры». Воспитанный в определенной традиции адыг считает: ни в коем случае нельзя испытывать природу, стараться вырвать у нее тайну, сводить все ее качественное многообразие к небольшому числу строгих количественных законов. Однако природа не идеализируется, можно проникнуть в ее тайны, человек способен изменить ее к лучшему, но последнее не значит, что природа – объект интенсивной преобразовательной деятельности. Новации принимаются, но как частность, при условии, что они способствуют сохранению классической целостности, так как традиция, прошлое – важный судья. Например, адыги с древнейших времен занимались прививками и отбором, выведением новых сортов зерновых и плодовых культур. Северо-Западный Кавказ признан крупнейшими специалистами как один из важнейших центров доместикации яблони, груши, сливы, черешни, каштана, некоторых других плодовых. Однако, что бы ни случилось в природе – наводнение, гроза, удар молнии и т.д., – она не может позиционировать зло, поэтому негативное отношение к природе, насилие над ней невозможны.

Все аспекты данного вопроса рассмотреть в одной статье – задача трудновыполнимая, так как проблема культурного ландшафта у отдельно взятых этносов практически не изучена, в том числе и у адыгской этнической общности. Этот вопрос, так или иначе, затрагивался этнологами, историками, фольклористами, филологами в исследованиях по истории духовной и материальной культуры адыгов, однако по данной проблеме не существует научных статей, нет ни одного монографического исследования. Причин тому множе-

ство. Среди них одной из важнейших является то, что исследование культурного рукотворного ландшафта в его этноисторическом аспекте до сих пор являлось предметом анализа таких дисциплин, как этнография (которая исследует данную проблему в разрезе степени влияния окружающего ландшафта на особенности культуры и психологии этноса), история (согласно которой природа рассматривается как некий фон, на котором происходит эволюция человеческих сообществ), искусствоведение (которая только затрагивает данную проблему в поле исследований, посвященных эстетическому восприятию природы в произведениях садово-паркового и других видов искусств).

Однако сама парадигматика культурного рукотворного ландшафта в его этнической репрезентации с наибольшей четкостью выявляется именно в проблемном поле культурологии. Исследование ее очень важно для выявления универсальных и частных характеристик национальной культуры природопользования, построения «генетики» культуры для объяснения, прогнозирования и, в дальнейшем, возможности управления историко-культурным процессом.

В заключение можно сделать следующий вывод: используя сад-лес во всех социальных функциях – утилитарной, рекреационной, организационной, компенсаторной, адыг, тем не менее, воспринимает сад-лес как живой организм, наделяя его функциями одухотворенности. Сад-лес доказывает: культурный рукотворный ландшафт – продукт истории населяющих его народов, свидетельство их материальной и духовной культуры. Он – отражение, отпечаток преобразующего его социума.

Современные социально-природные теории описывают не социальные и не естественные процессы природы, вовлекаемой в сферу человеческой деятельности, а характеризуют корреляции и зависимости между естественной и искусственной средой функционирования цивилизации.

Научные определения в процессе исследования проблем взаимодействия человека и природы не могут сохранить свой исходный естественнонаучный статус. Но не потому, что они прилагаются к социальным явлениям, то есть созданным человеком предметным условиям существования общества. С этой точки зрения естественное замещается не социальным, а искусственным. Результаты такого замещения сказываются как на природе вообще, так и на самом человеке. Отсюда необходимость рассмотрения проблемы «человек-природа» нуждается в изучении опыта прошлых лет, этнического опыта природопользования, изучения опыта, от которого мы отказались, объясняя это тем, что нынешнее время имеет особые природные условия, непохожие на те, которые были в прошлом. В самом деле, представляется очевидным, что в расширительной трактовке деятельности нашла мировоззренческое отражение резко возросшая в условиях технологической революции роль рационального мышления, технического проектирования и конструирования.

На базе своего главного признака заранее рассчитанного, целенаправленного преобразования, превращающего в объект и материал все, к чему прикасается субъект, принцип деятельности как бы философски обобщает все эти разновидности технологического отношения к миру. Обобщает и, когда претендует на универсальность, – абсолютизирует. Полная практическая реализация деятельностной парадигмы ведет ко многим, поистине катастрофическим последствиям, хотя их глубинная связь с ней осознается далеко не всегда. Обострение этих проблем ставит человека перед необходимостью выработки другого, более адекватного его жизненным потребностям способа взаимодействия с миром, перехода к новой парадигме бытия в нем.

Между тем существует прекрасный этнический опыт взаимоотношения человека с природой, базирующийся не на голом рационализме, а на духовных, высших представлениях человека о живой натуре. Адыгский сад-лес – такой тип культурного ландшафта, который, будучи по определению этнической моделью вмешательства человека в природу, как нельзя лучше подходит для роли важного структурного элемента системы образов идентичности этноса, с одной стороны, с другой – он, являясь выражением сочетания утилитарных и символических функций экологической культуры, соответствует по многим показателям желаемой сегодня концепции отношения человека к природе.

Библиографический список

1. *Дмитриев В.А.* Кавказ как историко-культурный феномен. Вклад горцев Северного Кавказа в мировую культуру // Россия и Кавказ. История. Религия. Культура. – СПб., 2003.

2. *Хотко С.* Старые черкесские сады (ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников 1864–1914). – М., 2005.

УДК 791.43.03.(47) + 792.03.(47)

Ростова Нина Владимировна
кандидат искусствоведческих наук
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)
nrostova@inbox.ru

ПРОИЗВЕДЕНИЯ НЕИГРОВОГО КИНО КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СЦЕНИЧЕСКОГО И ЭКРАННОГО ИСКУССТВ

В поле зрения автора малоисследованные вопросы взаимосвязанности сценического и экранного искусств рубежа XIX–XX вв. в России. Рассматривая параллельно ход развития отечественного театра и кино, автор приходит к выводам как о единстве искусств, так и о специфике их бытования. Автор обсуждает особенности перевода художественной ткани с языка театра на язык экрана и способ существования художественного образа в рамках родственных искусств: литературы, театра, кинематографа.

Ключевые слова: *кинематограф, утраченный театральный спектакль, метод Л. Кулешова, Вс. Мейерхольд, сценарные поиски Ржешевского.*

Родившись в XIX столетии, кинематограф стал одним из самых существенных признаков следующего, XX века. Его начало совпало с великой научно-технической революцией, охватившей передовые страны Европы и Америки. Наряду с исследованиями атома и началом авиации, параллельно со звукозаписью, радиопередачей – кинематограф стал неотъемлемой частью идеологии того времени. В. Маяковский, вышедший из Серебряного века, оценивал кино так:

Для вас кино – зрелище.
Для меня – почти миросозерцание.
Кино – проводник движения.
Кино – новатор литератур.
Кино – разрушитель эстетики.
Кино – бесстрашность.
Кино – спортсмен.
Кино – рассеиватель идей [5, т. 12, с.29].

Вместе с тем далеко не все образованные люди видели в перспективе кино исключительно искусство. Кинообъектив завораживал многих не столько своими эстетическими возможностями (а в ту пору они были весьма скромными), сколько своим свойством фиксировать движущиеся объекты.

Английский ученый Альфред Рассел Уоллес написал книгу «Чудесный век», в которой подытоживал положительные и отрицательные достижения уходящей эпохи. Кинематограф на страницах книги представлен не как область искусства, а как лабораторный механизм, способный фиксировать и увековечивать разнообразные видимые движения [7, т. IV, с. 90].

Изобретение Люмьеров оказалось перспективным едва ли не во всех областях науки. Пресса начала прошлого столетия полна сообщениями о съемках движения полярных льдов, кинематографических изображениях земной поверхности с аэропланов, о фильмах из жизни экзотических животных, об операторах, спускавшихся в жерла действующих вулканов. Кинообъектив, кажется, становился в один ряд с микроскопом, осциллографом, механическим самописцем, рентгеновскими лучами.

Специалисты в области театра довольно рано оценили возможности экранного зрелища. Известны высказывания В. Стасова, К. Станиславского, Вс. Мейерхольда, Н. Евреинова и многих др. Однако речь шла не о развитии сценического искусства, а скорее о консервации его произведений. В этом смысле театральная среда тоже скорее склонялась к признанию важности лабораторной стороны кинообъектива.

Понятно: у кинематографа, отражающего утраченный театральный спектакль, своя специфика воспроизведения. Однако в чисто теоретическом плане можно говорить о том, как в изучении театрального искусства через кино продолжается источниковедческая традиция, веками наработанная исторической наукой. Где нет подлинника, там используется копия, где нет полного текста, изучается фрагмент, где текст отсутствует вовсе, там аргументом является отражение утраченного памятника в другом источнике. Эти принципы без труда распространяются и на материал театрального спектакля, отраженного на экране. Нетрудно понять, что исследователь в этом случае не получит полного представления о сошедшем уже со сцены спектакле. Скорее всего, это будет некий фрагмент или цепь фрагментов, лишенных цвета и звука, но, тем не менее, дающих реальное представление о сценическом действии, актерах, декорациях, принципах мизансценирования и т.д.

© Ростова Н.В., 2010

Сама ущербность кинематографического отражения театра есть, быть может, важнейшее свидетельство достоверности экранного изображения. Ведь кино немого периода точно так же редуцирует цвет и звук во всех остальных, нетеатральных жизненных проявлениях эпохи, которые фиксирует. С такой точки зрения любой спектакль, любая сценическая постановка являются хроникой, документом, в ряду других, аналогичных документов.

Само по себе обращение к источникам – в данном случае кинематографическим источникам по истории театра – важно осознавать и в специальном русле исторических дисциплин, и в русле понимания проблем прошлого. Здесь есть общепонятный момент стабильности научной подосновы исследования. Сколь бы ни трансформировались наши подходы к предмету, как бы ни менялись точки и поля зрения, источники сами по себе остаются неизменными. Собственно, это и есть та сторона изучения прошлого, которая делает историю наукой, несмотря на все конъюнктурные колебания, следующие за колебаниями общественного сознания.

Константу источника уместно будет сравнить с дефинитивным текстом из арсенала классической драматургии. Режиссерское переосмысление, скажем, гоголевского «Ревизора» у Мейерхольда можно рассматривать как угодно – все равно исходный текст классической комедии останется неизменным. Точно так же искусствоведческие интерпретации киноисточника, реально фиксирующего театральное зрелище, может быть истолковано как угодно, но это никак не повлияет на состав и характер внутрикадрового изображения сцены, действия, актеров.

Вместе с тем коренные социальные сдвиги, произошедшие в нашей стране за последние два десятилетия, постоянно ставят перед исследователями кино и театра острый вопрос: не следует ли теперь историю и экрана, и сцены писать заново?

Первый ответ очевиден: да, разумеется. Ведь меняется наш взгляд на всю гражданскую историю XX века. Нет больше диктата цензуры. Становится доступным могучий пласт источников, позволяющих оценить многое иначе.

Но первое очевидное ощущение все-таки недостаточно.

Истории кино и театра по традиции считаются эстетическими дисциплинами. Они исследуют в ретроспективе все экранные и сценические явления. А разве цензура препятствовала изучать инсценировки классической литературы или, например, внутрикадровый монтаж? Проблему цвета на экране? Особенности сценической речи или мизансценирования массовых сцен? Или мы открыли в архивах что-то новое о репетиционном методе Л. Кулешова, о сценарных поисках А. Ржешевского? Конечно, нет. Все это и многое другое нуждается в дальнейшем осмыслении, углублении и, может быть, в пересмотре. Но такой пересмотр должен происходить в естественном научном процессе, а не в связи с текущей идеологической революцией.

Необходимость новой версии отечественного театра и кино определяется не тем, что все предыдущие попытки были неудачны или не опирались на солидную документальную базу. Расширение документальной основы, связанное с открытием архивов и ослаблением цензурных запретов, само по себе, думается, еще не повод для пересмотра истории искусств. В этой специфической области исследователи не получили каких-либо серьезных аргументов для тотального пересмотра позиций. Новые подходы диктуются не внутренними причинами, а внешними обстоятельствами. Среди них одно из важнейших – кризис исторической науки.

Рушатся целые научные направления, сходят на нет наработанные десятилетиями традиции. Например, отступает одно из самых злостных правил, доставшихся нам еще от времен сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)» – подменять историю страны историей коммунистической партии; полагать все крупные события революционного прошлого функционально зависимыми от партийных решений.

Раннее советское искусство, думается, нельзя понять без учета того хаоса, который царил в стране.

Еще С.М. Эйзенштейн заметил, что в первое послереволюционное время самое важное в истории нашего кино совершалось вовсе не на экране, а в области «хозяйственно-экономического и организационного становления» [8, т. 5, с. 48–52]. То же можно сказать и о театре. Эйзенштейн, один из самых проницательных историков советского кинематографа, совершенно прав. Только «организационное становление» скорее напоминало хаос первых дней творения, чем некий плановый и сознательный процесс.

Старая эстетическая традиция вовсе не отступает, не уходит в прошлое, когда начинаются филь-

мы и спектакли новой политической направленности. На протяжении первых революционных лет многое из того, что по канонам соцреализма признавалось новаторским на экране, было на самом деле простым вливанием нового вина в старые мехи. И брожение напитка шло, конечно же, по самым ветхозаветным рецептам. В особенности хорошо это видно на примере соотношения раннего кино с традициями театра, в чем нам еще предстоит убедиться.

Русское дооктябрьское кино изучено недостаточно.

«Позорным десятилетием русской интеллигенции» долгие годы принято было у искусствоведов, историков, философов, литературоведов советского периода, трактовать годы перед революцией. Соответственно, все основные духовные ценности этой поры за редкими исключениями не рассматривались объективно. Однако отечественное дореволюционное кинопроизводство в это десятилетие успело возникнуть и закончиться. Этого признака оказалось достаточно, чтобы не относить его к разряду серьезных социальных или эстетических явлений.

Только в самом начале шестидесятых годов XX в. вышли монографии С.С. Гинзбурга, Р.П. Соболева, Н.М. Зоркой, позднее В.С. Листова, Л.М. Рошаля и некоторые другие работы, в которых дореволюционный экран начал обсуждаться с более серьезных позиций. В последнее время эта линия была продолжена усилиями Ю.Г. Цивьяна, С.В. Сковородниковой, А.А. Чернышева и немногих других авторов.

Краткость библиографических списков по истории дореволюционного кино характерна для изучаемого периода.

Первыми историками нашего кинематографа были его основатели – Л.В. Кулешов и Д.А. Вертов, С.М. Эйзенштейн и В.И. Пудовкин, А.П. Довженко и Э.И. Шуб. С них начинается историография «десятой музы» на советской почве. Было бы просто неразумно пренебрегать их голосами, как, впрочем, и голосами историков последующих поколений.

Тогда что же конкретно надо пересматривать?

Многое…

«Когда-нибудь – не станем терять надежды – будет написана подробная историография раннего отечественного кино, история киномысли, теории, критики. И тогда, может быть, проявятся контуры крупных общественных и эстетических явлений. Ритуально понимаемый «марксизм-ленинизм» требовал классовых, общественных, партийных объяснений для любого явления – на экране, в среде кинематографистов, зрителей, в области руководства искусством» [3, с. 4].

В 1960-е – 1980-е годы заметным стал уход искусствоведческой мысли в чистую эстетику, в исследование формообразующих начал искусства, в изучение стилей, жанров, в обсуждение проблем отдельных кинематографических профессий. Сначала от официальной идеологии «откупались» несколькими партийными цитатами; на исходе коммунистических времен и эти компромиссы перестали быть такими уж обязательными.

Для своего времени такой уход эстетики как бы в себя, в поиски только внутри искусства, был понятен и оправдан. Целые научные школы, целые поколения серьезных историков кино росли на почве такого искусствоведческого герметизма. Их достижения несомненны. Но сегодня уже недостаточны. Возникли обширные «белые пятна», почти не тронутые киноведением.

Наш основной предмет – широкое пограничье между театроведением и историей кино, взятое по признаку совпадения источников, отражающих оба искусства. Главным из таких источников выступает хроникальная кинолента, равно отражающая и историю театра и, соответственно, историю кино.

В самом начале XX столетия кино и театр, в сущности, занимают в общественном сознании единую нишу. Недаром же одно из первых названий нового зрелища – электротеатр. Элитарный культурный зритель поначалу так и понимал суть дела: традиционная сцена для меня, а электротеатр есть упрощенный, примитивный театр для бедных, для неграмотных.

С этой точки зрения можно, например, истолковать даже знаменитое в советские годы изречение В.И. Ленина: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино» [2, т. 44, с. 579]. Говоря здесь о кино «для нас», Ленин, конечно, не имеет в виду себя лично. Он сам, воспитанный на классической литературе и традиционном театре, окончивший гимназию и университет, не может, наверное, испытывать серьезных эстетических пристрастий к электрифицированному балагану. А.В. Луначарский был, несомненно, прав, когда утверждал, что Ленин смотрел кино, «но большого удовольствия оно ему не доставляло. Он иронически смеялся и махал рукой» [4, т. 80,

с. 733–734]. Поэтому в ленинской максиме нетрудно заметить очевидную условность: в личном плане он вовсе не входит в число этих «нас», для которых кино есть важнейшее из искусств. У пастыря совсем другие эстетические пристрастия, чем у паствы.

Тот же самый мотив мы найдем едва ли не у всех интеллигентов, говоривших и писавших о кино в первые десятилетия XX века. Они не испытывают, как правило, эстетических переживаний в темноте кинозала, но с удовольствием рассуждают о перспективах использования экрана для образования и воспитания «темной» массы народа.

В сущности, близкое будущее можно было бы описать очень просто: культурному зрителю предстояло «упасть» до кино, а простолюдину – «подняться» до театра. И тем, и другим демократизм XX столетия диктовал свои законы.

Но для непритязательного зрителя первой генерации кино оставалось, прежде всего, чудом. Он еще не задавался вопросом о том, как экранная картинка соотносится с действительностью. Картинка имела смысл сама по себе, сначала вне фабульного контекста, и даже вне различий «игрового» и «неигрового». По признаку фокуса, чуда, все было «игровым» – даже строгая хроника. А по признаку фотографической точности изображения все было «документально» – начиная прямо с люмьеровского «Политого поливальщика».

Первобытным сознанием чудо не предрешается – не программируется, как сказали бы мы сейчас. Зритель первой генерации шел в кино, не зная и даже не желая знать, что покажут сегодня. Это нарушало бы условия игры. Тут очень хороша аналогия с цирком. Любители циркового искусства, особенно дети, и по сию пору ходят в цирк не на какие-то конкретные номера, а вообще – на все представление. Родство раннего кино с цирком особенно ясно выступит, если вспомнить, что сеанс состоял обычно вовсе не из одного фильма, а из программы. В нее входили несколько коротких лент – видовая, комическая, драма. На все вкусы. Чудо было одновременно и единым, и многоликим.

Точно так же в нашу жизнь входили последующие чудеса двадцатого столетия – радио и телевидение. У детекторных приемников люди собирались не для того, чтобы слушать, как поет Барсова или как диктор ведет выпуск последних известий. Слушали радио, т.е. всю программу радиостанции в целом. На рубеже сороковых и пятидесятых годов то же самое происходило с телевидением. У приемников КВН с толстыми выпуклыми линзами зрители рассаживались по понедельникам и четвергам, приглашая гостей, которые спешили к началу. Характер программы был еще не важен – достаточно было видеть на экране популярных в то время дикторов.

Единицей чуда, как сказано, был не фильм, а программа, так или иначе отвечавшая разнообразным вкусам. Суждения о кино нередко были суммарны. Например, человек спокойно говорил, что «синема» ему нравится или, наоборот, не нравится. С такими представлениями многие люди жили долгие годы. Киновед В.С. Листов напоминает известный эпизод семидесятилетней давности: «Хрестоматийным стал пример историка Е.В. Тарле, которому в конце тридцатых годов предложили высказаться по проблемам исторического фильма. Он ответил, что в последний раз ходил в кинематограф, кажется, в 1912 году, и он ему не понравился» [3, с. 9].

Кино не демонстрировалось, а происходило. Как и полагается чуду. Зритель начала века привыкал выбирать не программу, а нечто *внутри программы*.

Пройдет несколько лет, и предпочтения внутри программы должны будут смениться нормальным выбором целого фильма. В 1908 году столичный «Вестник кинематографов в Санкт-Петербурге» отметил, что еще в прошлом сезоне публика шла в кино, привлекаемая «самим фактом демонстрирования фильма» – к самой ленте еще никаких требований не предъявляется. С нынешнего сезона дело обстоит иначе: «Одни идут со специальной целью посмотреть путешествия и дремлют, пока идут картины с драматическим сюжетом, другие хотят посмотреть фабричные и заводские производства» [1, с. 3].

Тем же 1908 годом датируется и первая игровая картина отечественного кинопроизводства – «Понизовая вольница» («Стенька Разин»).

Первой художественной кинолентой в России «Понизовую вольницу» принято считать потому, что «это была картина на русскую тему, поставленная русским режиссером, снятая русским оператором, наконец, финансировавшаяся русским дельцом» [6, с. 12], – пишет известный исследователь дореволюционного кинематографа Р.П. Соболев.

По сути, фильм явился экранизацией популярной в народе песни о Стеньке Разине. Сохра-

нился «сценариус» фильма, но лишь фрагментарно (изначально он состоял из шести эпизодов). Все сцены снимались только на одной крупности – общим планом. Между собой эпизоды объединялись титрами. Начиналось это действо с музыкального пролога, затем на экране «проплывали Стеньки Разина челны», т.е. лодки, в которых зритель видел самого Атамана с персидской княжной и его войско.

ЭПИЗОД 1 – «Разгул Стеньки Разина на Волге».

Пристав к берегу, разведя костры и забросив оружие, гуляет войско Степана. Выпив, Разин приказывает разбойникам петь, и они, собравшись в круг, поют «Вниз по матушке по Волге…». Потом танцует восточный танец персидская княжна, ее сменяют плясуны из разбойников. Пляска снова сменяется пением, и тут мы замечаем, что есаул и разбойники грозят персиянке кулаками – «действие завязывается».

ЭПИЗОД П – «Заговор разбойников против княжны».

Лес, ночь (съемка производилась днем, но эффект ночного освещения достигался с помощью окраски пленки в синий цвет), собрались в круг разбойники, бряцающие оружием. Надпись на экране поясняет, что они возмущаются тем, что в то время как их окружает государево войско, атаман «якшается» с бабой. Решено напоить атамана и, когда он опьянеет, поднести ему письмо с клеветническим наветом на княжну.

ЭПИЗОД Ш – «Ревность заговорила».

Показывается припадок еще беспричинной ревности Степана, а затем его ярость после прочтения письма, сочиненного есаулами от имени княжны, целиком приводится на экране: «Мой милый принц Гассан, мне так тяжело жить в тяжелой неволе, мне надоело быть в этом диком разгуле, я плачу, вспоминая о тебе, моей милой родине, садах душистых наших. Прости и не забудь меня. Твоя до гроба несчастная княжна».

Разин приказывает разбойникам садиться в лодки. Выплыв на стремнину, он говорит: «Смерть княжне. Волга-матушка! Ты меня поила, кормила, на своих волнах укачивала – прими мой дорогой подарок – и бросает княжну в волны. Есаулы стреляют в нее из пистолетов, разбойники кричат «ура!». Снова песня «Вниз по матушке по Волге…». Лодки уплывают «за кадр» [6, с.13–14].

Написал этот «сценариус» В.М. Гончаров – первый сценарист и режиссер отечественного игрового кино. Роль режиссера картины выпала В. Ромашкову, с кинокамерой работали операторы А. Дранков и Н. Козловский.

Безусловно, «Понизовая вольница» не есть еще в современном понимании – полноценный фильм. Зрелище это куда ближе ***к театральному спектаклю,*** причем любительскому, разыгранному, правда, на натуре, и зафиксированному киноаппаратом. Для творческой группы: сценариста, режиссера, оператора и артистов (со статистами их было сто человек) – опыт такого рода был первым. Актеры Петербургского народного дома, участники съемок, исполняли свои роли в исторических костюмах, гримах, париках и с соответствующей бутафорией так, как принято было в то время играть на театральных подмостках.

Кинокамера была статична. О каком-либо операторском мастерстве здесь тоже не приходится говорить. Однако для справки заметим, что в то время съемка признавалась качественной, если изображение было четким. Умение верно навести фокус, выбрать нужную экспозицию и правильную точку съемки, точку, с которой снималось все действие целиком, – вот требования, предъявляемые к оператору раннего кино. О ракурсной съемке, о световых эффектах, о съемке с движения и т.п. в то время еще не имели понятия. Работа операторов не считалась областью искусства, как, впрочем, и кинорежиссура.

Музыку к фильму «Понизовая вольница» написал М. Ипполитов-Иванов. Она была записана на граммофонных пластинках и рассылалась вместе с нотами и копиями картины для демонстрации в кинозалах.

Русский зритель принял фильм с восторгом, ошеломившим и деятелей зарубежных кинофирм, обосновавшихся в России, и начинающих отечественных кинопредпринимателей.

История русского кинематографа началась…

Библиографический список

1. Вестник кинематографов в Санкт-Петербурге. – 1908. – №3. – С. 3 // Указано в кн. А.А. Чернышева Русская дореволюционная киножурналистика. – М.: МГУ, 1987. – С. 77–78.

2. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. в 55-ти тт. – М.: Госполитиздат, 1958–1965. Т. 44. – С. 579 (примечание).

3. *Листов В.С.* Россия Революция Кинематограф. – М.: Материк, 1995. – 175 с.

4. *Луначарский А.В.* Из неизданных воспоминаний о В.И. Ленине // Литературное наследство. – Т. 80. – С. 733–734.

5. *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: в 12 тт. – М.: Художественная литература, 1959. – Т. 12. – С. 29.

6. *Соболев Р.П.* Люди и фильмы русского дореволюционного кино. – М.: Искусство, 1961. – С. 12, 13–14. – 175 с.

7. *Уоллес А.Р.* «Чудесный век» Положительные и отрицательные итоги девятнадцатого столетия / Пер. с немецкого Л. Лакиера. – СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1900. – С. 90.

8. *Эйзенштейн С.М.* Наконец! // Эйзенштейн С.М. Избранные произведения в 6-ти тт. – М.: Искусство, 1964. – Т. 5. – С. 48–52.

УДК 075.32

Сапанжа Ольга Сергеевна
кандидат культурологии, доцент
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)
sapanzha@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНЫХ ТЕОРИЙ МУЗЕЕВЕДЕНИЯ

В статье анализируется современное состояние научных теорий музееведения. Рассматривая научные теории как основу научных дискуссий и движущую силу развития науки, автор обосновывает необходимость развития теоретического музееведения.

Ключевые слова: *музей, музееведение, культура, метод, научные теории, теоретическое музееведение.*

«Знание некоторых принципов легко возмещает незнание некоторых фактов», – утверждал К. Гельвеций. При определенной спорности афоризма французского философа, общая мысль о необходимости формирования каркаса любого научного знания в виде системы принципов не вызывает сомнений. Действительно, каждая наука становится наукой лишь после построения фундамента в виде системы принципов, основанных на обобщении фактического материала, но уже не являющихся их простой суммой. И. Кант отмечал в «Логике»: «...наука есть целое познание в смысле системы, а не в смысле лишь агрегата. Поэтому она требует познания систематического, следовательно, осуществленного по обдуманным правилам».

Такого рода обобщения традиционного развиваются в рамках научных школ, наличие которых и является зачастую показателем уровня развития той или иной отрасли научного знания. Однако если подобные школы, объединяющие коллективы ученых, демонстрируют зрелость науки, то ее молодость (а для науки полувековой рубеж вполне может являться молодостью) не всегда является извинительным обстоятельством для оправдания отсутствия научных теорий. Теорию, предлагающую систему принципов в решении круга проблем, можно рассматривать как базу для дальнейшего возникновения научных школ и направлений. И, тем не менее, целый ряд областей гуманитарного знания, претендующих на статус *науки,* не имеют таких теорий, провоцирующих научную дискуссию и дальнейший научный поиск. Одна из таких наук – музееведение.

Необходимость создания и развития научных теорий в рамках музееведения объясняется, прежде всего, продолжающимися спорами о возможности существования музееведения как самостоятельной научной дисциплины. Противники такого статуса музееведения утверждают, что специальное музееведение может быть описано как методология музейной работы, опирающаяся на профильные музею дисциплины, общее же музееведение представляет собой лишь синтез специальных музееведений. Эта точка зрения, высказанная тридцать лет назад И. Неуступным [14, с. 67–68] до сих пор порождает споры в музейном сообществе о статусе музееведения. Анализируя итоги развития знания о музее в XX столетии, М.Е. Каулен отмечает: «Музееведение вступило в XXI век, так и оставшись “молодой наукой”, находящейся “в стадии становления”» [5, с. 211].

Чтобы не превратиться в научную спекуляцию, музееведению требуется интенсивное развитие научных теорий, ведь именно они считаются основной единицей *научного знания*. Каждая научная дисциплина стремится к построению объяснительных теорий, исходные понятия и принципы которой относятся не к реальным вещам и явлениям и к абстрактным объектам, в совокупности образующим идеализированный объект теории [6, с. 202–203]. Тот факт, что за тридцать лет существования в статусе науки музееведение не выработало значительных теорий, еще не означает ее несостоятельности. Для построения таких теорий необходимо накопить материал об исследуемых объектах и явлениях: «приступая к изучению некоторой области явлений, мы должны сначала описать эти явления, выделить

 © Сапанжа О.С., 2010

их признаки…, лишь после этого становится возможным более глубокое исследование, связанное с выявлением причинных связей и открытием законов» [6, с. 202]. Думается, что этот момент для музееведения настал на рубеже XX–XXI веков.

Споры о границах и задачах теории возникают внутри каждой науки в период ее становления и развития. Во второй половине XX столетия, в связи с дифференциацией гуманитарного знания, определение именно поля теоретических изысканий в музееведении становилось чуть ли не важнейшей проблемой, позволяющей четко определить, где же, собственно, проходит водораздел, отделяющий его от смежных гуманитарных наук, ибо «практический» материал для изучения у них зачастую оказывался един.

На сегодняшний день основным препятствием к построению научных теорий является многополярность музееведческих исследований, когда алгоритм фрагментарного исследования одного феномена музейного мира не может быть применен к изучению другого феномена, когда единый музейный организм оказывается разделен по профильному или иному признаку и изучение ведется строго по линиям и в соответствии с задачами конкретного профиля. Такая методологическая установка может быть признана возможной и даже отчасти необходимой в прикладных исследованиях, но она же является непродуктивной в исследованиях теоретических, превращая теорию в описание и констатацию факта деятельности отдельного сегмента музейного организма. В музееведении накоплено достаточное количество «противоречащих друг другу концепций», определяющих многогранность поля исследования, являющихся достаточным основанием для частного прикладного исследования. Например, теория педагогики художественного музея эффективна для решения практических образовательных задач художественных музея, но «не работает» в музеях другого профиля. В итоге, «увлеченность» музеями одного профиля не позволяет увидеть целостную картину. Возможно ли в этой ситуации ограничиться «количественным анализом» состояния музейного организма или необходимо попытаться выявить общие доминанты, открыть новое, определить парадигму исследования феномена музейного мира? Безусловно, тем более что базовый принцип такого «объединения» – существование музея как подсистемы культуры – был определен в отечественной науке уже в середине 1990-х гг. Этот принцип определяет необходимость и возможность изучения музейного многообразия в движении от «многознанья» к целостной картине музея как феномена культуры. Очевидно, дальнейший разговор о научных теориях музееведения без культурологии невозможен.

Становление и развитие музееведения как самостоятельной науки не исключает междисциплинарного подхода при определении места и роли музея в современной культуре. Тот факт, что при определении междисциплинарных связей музееведения особое место отводится культурологии и именно ее методологические установки рассматриваются как продуктивные при анализе природы и сущности музея, не случаен. При анализе места музея в определенный культурно-исторический период важно помнить, что музей является не изолированным институтом, он находится в более общей метасистеме, которой является социокультурная среда. Соответственно, логично предложить существование диалектических взаимосвязей и взаимодействия подсистемы и метасистемы, при которых развитие и современное состояние музея не может быть изучено вне культурологического контекста. Таким образом, взаимодействие науки, изучающей целостность историко-культурных организмов, исторически основывающейся на междисциплинарных связях [2, с. 23–24], и науки, изучающей природу и сущность особого музейного отношения человека к действительности, а также формы, возникающие из этого отношения, является методологически необходимым для определения состояния музейного пространства в определенный период. В противном случае и возникает уже упоминавшийся подход, при котором в центре внимания оказывается определенный тип музея (чаще всего в рамках той или иной профильной принадлежности), изучение которого позволяет раскрыть специфику и сущность этого типа музея, но не дает представления о целостной картине музейного мира.

Исходным положением для изучения морфологии музея может оказаться представление о многомерности, полиморфизме музейного пространства. Только в этом случае удастся строить рассуждения на основе целостного, но в то же время многоаспектного и многообразного понимания музея. Всем ясно, что слово «музей»

вызывает устойчивые ассоциации, какие могут возникнуть при разговоре о чем-то устойчивом, имеющем общие черты, но в то же время знакомство с конкретными проявлениями этого образования наводит на мысль о бесконечном многообразии частных проявлений, причем в каждом из направлений деятельности.

В то же время, наряду с очевидностью полиморфизма музейного мира, по-прежнему можно встретить чрезмерно «узкое» понимание музея. Варианты этого понимания различны. Среди самых серьезных упреков музеям, возникшим в XX столетии, можно назвать следующие: малый удельный вес аутентичных предметов (в среднем, десять процентов от общего числа предметов), уничтожение понятия шедевра (когда предмет рассматривается лишь как элемент целого, что особенно характерно для экомузеев), «разрастание» музеев (характерное для УНТ – уникальных исторических территорий), их объединения в своеобразные «музейные сети» и, наконец, обвинения в «немузейности» ряда музеев. Совокупность этих признаков позволяет упрекнуть подобные музеи в нарушении «чистоты жанра». Однако очевидно, что «музейная ниша», занятая ими, столь значительна, что дальнейшее развитие музееведения невозможно без определения их места, определения их классификационных признаков.

В ряде работ можно встретить ограничение музейного мира музеями одного профиля. Как следствие, возникает непонимание основы собрания музея иного профиля, специфики экспозиционно-выставочной работы. Так, дуализм музейного пространства мемориального музея не может быть полностью воспроизведен в галерее, а названное различие определяет, прежде всего, коммуникативные технологии, исходящие из понимания природы именно этого музея.

Наконец, еще один «камень преткновения» – это спор о границах «пристойности» музейного мира. Что документирует, отражает музей? Какая тема достойна того, чтобы быть сохраненной и представленной? На одном полюсе мы анализируем музей как хранилище безусловных ценностей, накопленных человечеством, на другом – «развлекательные» музеи, в основе которых – не артефакты, а материальные предметы в широком смысле. Общим признаком, в данном случае, становится именно «сосредоточенность на материальном»; «расшифровка» же этой материальности может быть различной. В одном случае мы понимаем, что материальность в некотором смысле условна и важнее не сам материальный предмет, а его духовная сущность (что характерно, прежде всего, для ряда произведений художественного музея), в другом – именно материальная сущность становится превалирующей.

Очевидно, что перечисленные противоречия современной музейной науки связаны с невозможностью преодоления именно «методологического барьера», отсутствием принципов теоретического исследования. Приходится признать, что на сегодняшний день наука фактически ограничивается констатацией того, что такие принципы должны быть, являясь основой существования теоретического музееведения. Особенно настораживает тот факт, что в своеобразном «рейтинге» исследовательского интереса музееведов теоретическим работам отводится последнее место. В итоге складывается странная ситуация: теоретико-прикладные музееведческие исследования есть, полноценная же теоретическая база отсутствует. Действительно, по прикладным проблемам музейного документирования написан ряд работ, а вот отдельной работы по *теории* музейного документирования нет. Выявление ценности, «тезауруса» предмета, попавшего в музейное собрание, – ежедневная музейная работа, а вот *теория* тезаврирования еще ждет своих исследований. Теорию музейной коммуникации [7] стоит признать наиболее разработанной, однако и здесь еще есть вопросы, прежде всего на уровне системного анализа музейных коммуникационных процессов.

Еще более странным представляется отсутствие большого числа теоретических работ в свете общей ясности основных проблем, требующих рассмотрения. В учебных пособиях по музееведению эти проблемы обозначены в разделах, посвященных музееведению как науке. Основные признаки науки, зафиксированные во второй половине XX века, требуют тщательного рассмотрения, однако, если мы захотим более подробно (на уровне монографических работ) изучить проблему предмета науки, понятия «музейности», осуществить разбор трех теорий музееведения, мы окажемся в весьма затруднительном положении.

Не вызывает сомнений, что упомянутый статус «молодой науки», который вот уже без малого полвека носит музееведение, обусловлен именно неразработанностью ключевых теоретических вопросов. Поскольку именно три теории науки

образуют системное представление о музейности как особом качестве реальности, т.е. являются основой функционирования музееведения как науки, они могут явиться основой для конструирования методов музееведения, отражающих принципы специфического музееведческого знания.

Теория музейного документирования, анализирующая проблемы оценивающего отношения человека к реальности, извлечение из реальной действительности предметов, имеющих ценность, является основой, общей методологической системой координат для методики музейного отбора, а *музейно-документационный метод* (где первая часть «музейно-» связана не просто с контекстом «музея», но с «музейностью» как особым отношением человека к действительности) – инструментом теоретического исследования проблем специфики музееведческого документирования. Теория музейного тезаврирования, изучающая проблемы познания ценности предмета, может развиваться на основе *музейно-аксиологического метода*. Наконец, исследователь проблем теории музейной коммуникации, опираясь на *метод музейно-коммуникационного анализа,* способен решить ряд важных проблем «презентации» музейности в пространстве истории и культуры.

Делом будущего является развитие этих методов в рамках научных теорий, развитие которых в науке не имеет завершения, ведь, как говорил Тертуллиан, даже «философы утверждают, что они ищут; стало быть, они еще не нашли»…

Библиографический список

1. *Беззубова О.В.* Некоторые аспекты теоретического осмысления музея как феномена культуры // Триумф музея? Сб. науч. тр. – СПб.: «Осипов», 2005. – С. 6–27.

2. *Иконникова С.Н.* История культурологических теорий. Учеб. пособие в 3-х ч. Ч. I. Теоретические проблемы культурологии. – СПб., 2001.

3. *Курашов В.И.* Начала философии науки. – М.: Изд-во КД Университет, 2007.

4. *Мастеница Е.Н.* Культурологические основания музееведческих исследований // Науки о культуре: шаг в XXI век. Сборник материалов ежегодной конференции – семинара молодых ученых. – М.: Изд-во Российского института культурологии, 2003. – С. 424–431.

5. Музейное дело России / Под ред. М.Е. Каулен, И.М. Коссовой, А.А. Сундиевой. – М.: Изд-во «ВК», 2003.

6. *Никифоров А.Л.* Философия науки // Личность. Культура. Общество. – 2005. – Т. VII. – Вып. 4 (28). – С. 196–221.

7. *Сапанжа О.С.* Основы музейной коммуникации. – СПб., 2007.

8. *Сотникова С.И.* Музеология: Пособие для вузов. – М.: Дрофа, 2004.

9. *Столяров Б.А*. Музей в пространстве художественной культуры и образования. – СПб., 2007.

10. *Шляхтина Л.М.* Основы музейного дела. – М.: Высшая школа, 2005.

11. *Шляхтина Л.М.* Парадигма науки как методологическая основа подготовки специалиста-музееведа // Музейный просвет: Сборник статей / Под ред. М.Б. Пиотровского и А.А. Никоновой. – СПб., 2009. – С. 365–377.

12. *Юдин Э.Г.* Методология науки. Системность. Деятельность. – М.: Едиториал УРСС, 1997.

13. *Юренева Т.Ю.* Музееведение: Учебник для высшей школы. – М.: Академический Проект, 2003.

14. *Neustupny J.* What is museology? // Museums Journal. – 1971. – №2. – P. 67–68.

15. *Stransky Z.* Grundlagen der allgemeine Museologie // Muzeologiske sesity. – Brno, 1971. – №1. – S. 40–66.

УДК 008.(091)

Чибисова Ольга Владимировна
Комсомольск-на-Амуре государственный технический университет
olgachibisova@yandex.ru

КОММУНИКАЦИЯ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР

В данной статье автор делает попытку использовать положения межкультурной коммуникации для изучения взаимоотношений молодежных субкультур. Исследование проводилось на субкультурах скинхедов, панков и хип-хопа, которые на сегодняшний момент имеют наиболее долгую историю. Делается вывод о необходимости равноправного сотрудничества и взаимообогащения субкультур.

Ключевые слова: *коммуникация, субкультура, взаимодействие, ассимиляция, диалог, конфликт.*

Поскольку в рамках данной статьи мы рассматриваем молодежную субкультуру как коммуникативную систему, то сначала определим, что представляет собой сам процесс коммуникации. Обратимся для этого к дефиниции, данной в кратком тематическом словаре по культурологии [5]. «Коммуникация – это специфическая форма человеческого общения. Выступая в качестве момента содержания сферы духовной жизни, она является в то же время выражением системного качества последней. Сама культура при этом рассматривается как динамическая система функционирования информации».

Коммуникация может быть как внутрикультурной, так и межкультурной, то есть культурные образцы, присущие одному слою общества, распространяются или на другие слои и группы внутри одной культуры, или на другие культуры. Если согласиться, что субкультура – это культура в культуре, так как исследователи многих стран мира трактуют данный термин как автономное целостное образование внутри господствующей культуры, то тогда становится возможным эксплицировать коммуникацию молодежных субкультур как межкультурную коммуникацию.

Здесь надо уточнить, что процесс взаимодействия культур является крупномасштабным по длительности явлением, занимающим, как правило, несколько десятилетий, и результаты этого процесса бывают неоднозначными, особенно если их анализировать в рамках краткосрочной ретроспективы. Еще более сложным по последствиям бывает взаимодействие между культурами, не имеющими глубокого разрыва по типологическим характеристикам, по способности к динамическим изменениям, по уровню внутренней дифференциации, какими и являются молодежные субкультуры. Поэтому для поиска примеров, подтверждающих наши дальнейшие умозаключения, рассмотрим взаимодействие трех молодежных субкультур: скинхедов, хип-хопперов и панков, которые возникли практически одновременно и независимо друг от друга около 30–40 лет тому назад.

А.С. Атчикова выделяет два типа средств коммуникации [1]:

1) естественно возникшие (язык, мимика, жесты);

2) искусственно созданные (технические), подразделяемые на:

а) традиционные (пресса, книгопечатание, письменность);

б) типично современные (радио, телевидение, Интернет).

Передаваемая в процессе общения информация имеет культурную специфику, так как она регулирует представления людей об уровне социальной приемлемости тех или иных способов осуществления любого вида деятельности, интеллектуальных оценок и позиций, чем и определяется функциональная нагрузка этих знаний и представлений как инструментов обеспечения социального взаимодействия людей.

Решающее значение в процессах межкультурной коммуникации приобретает изменение состояний, областей деятельности, ценностей той и другой культуры, порождение новых форм культурной активности, духовных ориентиров и признаков образа жизни людей. Если взять за основу такие формы межкультурной коммуникации, как межличностную, межгрупповую и массовую, то характер их взаимодействий в каждом случае будет специфическим.

В межличностной коммуникации субкультуры общаются друг с другом незначительной пограничной частью своего объема преимущественно на обиходном уровне, то есть это схемы и сценарии поведения в соответствующих обыденных ситуациях. Именно в силу естественных и неизбежных контактов со сверстниками, ориентируясь на уже определившихся в этом отношении одноклассников и приятелей, подростки осуществляют выбор своей субкультурной само-

 © Чибисова О.В., 2010

идентификации. Межличностная коммуникация позволяет выражать некоторую внешнюю по отношению к самим участникам информацию, внутреннее эмоциональное состояние, а также статусные роли, в которых они пребывают друг относительно друга. В самом содержании при этом может происходить смещение акцентов, так как для различных индивидов значимыми могут стать совершенно другие позиции. Немаловажным аспектом является то, что в процессе обмена информацией молодые люди влияют друг на друга, особенно если личность одного собеседника является своеобразной и значимой для другого. Не случайно поэтому в среде подростков нередки случаи перехода из одной молодежной субкультуры в другую. Но никакой выбор не может быть чисто субъективным. Исследования В.В. Головина и М.Л. Лурье показали, что, войдя в то или иное сообщество, подросток «автоматически включается в систему отношений, существующих между данной субкультурой и другими, одновременно с презентирующим текстом своего сообщества овладевает необходимым комплексом реноме остальных сообществ. Так, неофит-рэпер отлично знает, что ему следует драться с алисоманами и металлистами, остерегаться скинхедов и хулиганов (которые ищут повода избить его как апологета культуры «нигеров»), тусоваться с граффитчиками и экстремальщиками» [3, с. 63]. Другими словами, несмотря на то, что межличностная межкультурная коммуникация происходит на микроуровне поступков индивида и может быть классифицирована как социально-психологическая, она поддерживается мезоориентированной системой взглядов конкретной субкультуры.

Мезоуровень (промежуточный уровень) субкультуры – это ее слой, состоящий из небольших групп, организаций и сообществ, связанных между собой каналами коммуникации, который может быть в различных отношениях с другими молодежными субкультурами. Межгрупповая межкультурная коммуникация, проходящая на мезоуровне, основывается на единой деятельности, которая одновременно является и полем передачи информации; и возможностью достижения взаимопонимания, реализуемого в новой деятельности, причем коммуникация осуществляется либо в зрелищных и демонстративных ритуалах, либо в обыденном поведении. Например, The Clash, один из ключевых ансамблей раннего панк-рока, в 1981 году для участия в своих концертах в Нью-Йорке не только собрал пионеров хип-хопа, но и пригласил мастера граффити Futura 2000 разрисовывать задник баллончиками с краской. В 2003 году рэп-группа «Bad Balance» записала трек с популярной панк-группой «Наив» под названием «Кто нас прессует?», в котором утверждает, что «стиль жизни хопера и панка – одна и та же опера».

Массовая межкультурная коммуникация организуется на макроуровне общества, и она является не только личным выбором каждого члена субкультуры, но и частью внешней политики субкультуры, направленной на изменение общественных устоев. Так, некоторые панки и скинхеды также идентифицируют себя в качестве членов движений по защите окружающей среды, борцов за социальную справедливость, защитников прав животных и активно участвуют в общественных акциях протеста и других видах формального коллективного противодействия на макроуровне. Причем в ряде случаев подобная коммуникация носит не позитивный, а резко выраженный конфликтный характер. По словам директора центра «Сова», специалиста по молодежным движениям, А.М. Верховского, массовые «рукопашные» с участием организованных и неорганизованных скинхедов превращаются в «побоища по антиглобалистскому образцу» [6]. В 2006 году 14 сентября сотни антифашистов провели осаду концерта ультраправых групп в московском клубе «Точка», 15 сентября от 10 до 20 молодых нацистов напали на посетителей ска-концерта в московском клубе «Археология», 16 сентября в Рязани развернулись стычки нацистов и антифашистов вокруг концерта ска-группы Distemper, а черту под кровавым уик-эндом подвели события 17 сентября в Питере на Пионерской площади, где 33 антифашиста разогнали митинг из 50 сторонников «Движения против нелегальной иммиграции». А.М. Верховский считает, что «и радикальные антифашисты, и молодые ультраправые – люди не шибко взрослые. Кроме идейных установок ими в большей степени руководят стереотипы поведения молодежной субкультуры. Для них важно, как говорить, во что одеваться, какую музыку слушать». В качестве подтверждения своей точки зрения он комментирует события 15 сентября в Москве: «Выяснилось, что, скорее всего, их побили другие неонацисты, перепутавшие своих единомышленников со скинами-антифа. Одеваются похоже, темно – не разобрались. А на концерты этой группы –

внимание! – ходят и ультралевые, и ультраправые, и аполитичные молодые люди; направление ска привлекает многих. Один из наци-скинов так и высказался на интернет-форуме: “Если их наши побили – правильно, нечего нашим ходить на такие тусовки”. То, на какие концерты ходит человек, может оказаться важнее политических взглядов – в этом, пожалуй, специфика любого молодежного движения» [6].

На каком бы уровне ни осуществлялась межкультурная коммуникация, существуют определенные, научно выявленные механизмы взаимодействия культур. И.Д. Колесин сопоставляет биологическую и социокультурную классификацию типов взаимодействия культур. Для этого он обращается к следующим типам взаимодействия, обозначая через «минус» отрицательное влияние, а через «плюс» – положительное и рассматривая каждый раз пару культур [4, с.131]:

- (–/–) взаимное подавление культур;
- (–/+) ассимиляция (поглощение) первой;
- (+/–) ассимиляция второй;
- (+/+) взаимное способствование развитию.

Процесс усвоения инокультурной информации сложен и противоречив, так как каждая субкультура стремится защитить свою целостность и единство и отвергает новации, которые не соответствуют ее «ядру». Рассмотрим сначала последний, положительный тип, когда в процессе коммуникации двух субкультур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но при этом они взаимно обогащаются. Именно панк-рок возродил движение «бритоголовых» в конце 1970-х годов: в Великобритании посредством своей трансформации в стрит-панк, уличную панк-культуру, возвращающую панк к его пролетарским корням и получившую название Oi!; в США – в хард-кор, отяжелевший и более жёсткий, ритмичный и агрессивный панк-рок, следовательно, стрит-панк для скинхедов Англии был тем же, что и хард-кор для скинов США. «К примеру, американские “скины” начала 80-х практически ничего не знали и не слышали о “ска” или “Ой!”. Но, как и их коллеги в Англии, они носили рабочие ботинки, джинсы, заимствовав такой стиль одежды от панков» [2, с. 19].

Двумя крайностями, одинаково неблагоприятными для дальнейшего развития культуры, являются ассимиляция, когда более слабая культурная группа может начать стагнировать под влиянием другой и исчезнуть без следа, и сепарация – отторжение влияния инокультурной среды в силу тех или иных внутренних или внешних причин. Для сильных молодежных субкультур, какими являются субкультуры панков, скинхедов и хип-хоп, характерным способом сосуществования является промежуточная стратегия – постоянный процесс культурной диффузии (избирательное добровольное освоение ценностей другой субкультуры). Следует заметить, что легче всего усваивается поток социокультурной информации: мода, представления о престижном, вкусы и стандарты потребления, так как этот уровень информации обладает повышенной коммуникативностью благодаря средствам массовой информации, рекламе, индустрии досуга и потребления. Особое внимание здесь следует уделить музыке, поскольку именно она явилась одним из основных факторов формирования указанных субкультур, задав им такой вектор структурирования культурных элементов, когда музыкальные образы, язык и средства выразительности приобрели значение смысложизненных ориентиров.

В качестве примера культурной диффузии можно привести рэп-фанк-рок группу SIXTYNINE, клип которой «В белом гетто» занял 53 место в сводном чарте видеоклипов со всего мира, транслировавшихся каналом ДТВ-ВИАСАТ в 2003 году, и ее эксцентричного экс-лидера Виса Виталиса, записавшего в 2004-2006 годах на своей домашней студии альбом «Выживу – стану крепче» и рэп-фанк панк-рок сюиту «Делай, что должен», а в 2009 году сингл под названием «Рэп – это панк!». В противоположность Вису Виталису, Noize MC, фронтмен альтернативной панк-рэп-команды «Protivo Gunz», из андеграунд-исполнителя стал артистом международного лейбла Universal Music Group и даже снялся в одной из главных ролей в фильме «Розыгрыш».

Из вышесказанного очевидно, что взаимодействие и взаимовлияние молодежных субкультур размывает их границы, поэтому, несмотря на закрытость неформальных молодежных объединений, некоторые из них вдруг начинают интегрироваться, порождая тем самым формы, которые невозможно противопоставлять по наличию или отсутствию какого-либо признака.

К такому же выводу подводит и анализ атрибутики, показывающий, что в настоящее время отношение подростка к конкретному движению возможно определить только по сочетанию нескольких атрибутов. Например, и скинхеды, и пан-

ки могут надеть камуфляжную форму, но первые закатывают штанины брюк, а вторые заправляют их в обувь, причем теперь это не обязательно военные ботинки Dr. Martens, но и армейские «берцы» российского производства. И те, и другие носят черные кожаные куртки, но на «косухах» панков есть металлические заклепки, а на «бомберах» скинхедов – отсутствуют воротники. Татуировки имеют в среде «бонхедов», как правило, идеологическое, а у панков – анархическое содержание. Анализируя прически, Л.В. Шабанов пишет, что характерный на Западе атрибут панка – гребень из волос на голове с выбритыми висками, в России оказался мало распространен, зато наших панков легко перепутать с нашими же не совсем обритыми скинхедами. Здесь различия проводятся по наличиию / отсутствию пирсинга. Кроме того, сегодня появляется общемолодежная атрибутика, которая активно вбирает в себя традиционные элементы атрибутики различных и даже не всегда молодежных субкультур, что затрудняет возможность четкого различия по внешним характеристикам представителей неформальных движений и лиц, не имеющих к ним отношения [8, с. 197–198].

Взаимопроникновение культурных ценностей имеет свои границы, свой предел проницаемости, за чертой которых начинается насильственное вторжение в ее ткань, что ведет к закрытому или открытому конфликту, имеющему своей целью подавление субкультуры-«агрессора». Конфликтные взаимоотношения часто свойственны разным субкультурам, принадлежащим одной общей культуре и объединенным общим регионом проживания.

С момента своего возникновения рассматриваемые субкультуры из-за отрицания ценностей одной культуры представителями другой испытывали по отношению друг к другу стойкую неприязнь, что нередко приводило к осуществлению прямого физического насилия членами одного субкультурного сообщества над членами другого. Так, большинство панков отвергает расизм и патриотизм как ненужные и опасные, за что скинхеды считают их «предателями идей белой расы», что много раз создавало проблемы в отношениях между панками и скинами. Панки недолюбливают хип-хоп, но поле, на котором развертывается их противостояние, умещается в пределы музыкальных пристрастий и не выходит из-под влияния молодежной моды. Что касается отношения скинхедов к хип-хопу, то в своем большинстве они считают эту музыку чуждой и неподобающей представителю белой расы и потому стремятся «проучить, воспитать и наказать» рэперов. Пример «мини-войны» между скинхедами и хип-хоперами, длящейся с осени 2002 года по начало 2003 года, описан А.Н. Тарасовым [7].

Таким образом, можно сделать вывод, что на всем протяжении существования указанных молодежных субкультур между ними существовали отношения притяжения-отталкивания, заставляющие их вступать в различные виды диалогических отношений. В контексте глобализации проблема диалога культур приобретает новое звучание, так как его программа интерпретирует коммуникацию как бесконечный процесс культурного синтеза. Однако необходимо стремиться к равноправному сотрудничеству и взаимообогащению культур как в интересах каждого участника общения, так и в интересах общества, государства, мирового сообщества.

Библиографический список

1. *Атчикова А.С.* Культурного опыта каналы массовой трансляции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/ bibliotek_Buks/ Culture/Dict_Tem/11.php

2. *Вершинин М.В.* Современные молодежные субкультуры: скинхеды // Психология. Пермь. – 2004. – №5. – С. 16–20.

3. *Головин В.В., Лурье М.Л.* Подростковые сообщества в современной России: мегаполис, провинция и деревня // Мальчики и девочки: реалии социализации: сборник статей. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2004. – С. 45–67.

4. *Колесин И.Д.* Подходы к изучению социокультурных процессов // Социологические исследования. – 1999. – №1. – С. 131–132.

5. Культурология. Краткий тематический словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www. gumer. info/ bibliotek_Buks/ Culture/ Dict_Tem/11.php

6. *Раков Ю.* Мы их еще не знаем [Электронный ресурс]. – www. ogoniok.com /4965/4/

7. *Тарасов А.Н.* Конфликт молодежных субкультур: пример Набережных Челнов. – Индекс/ Досье на цензуру. – 2006. – №23. – Режим доступа: http:// index.org.ru/ journal/23/tarasc.html

8. *Шабанов Л.В.* Социально-психологические характеристики молодёжных субкультур: социальный протест или вынужденная маргинальность? – Томск: Томский гос. ун-т, 2005. – 399 с.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.0; 801.6; 82.1/-9

Аминева Венера Рудалевна
кандидат филологических наук, доцент
Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина
amineva1000@list.ru

ХРОНОТОПИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ПСИХОЛОГИЗМА В РУССКОЙ И ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ (на материале произведений И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Г. Исхаки, Ф. Амирхана, Г. Рахима)

Хронотопические способы психологизма в русской литературе второй половины XIX в. и в татарской прозе первой трети XX в. выполняют сходные функции, позволяющие осмыслить обширный и неоднородный как в синхронном, так и диахронном плане корпус текстов, принадлежащих разным национально-культурным традициям, с точки зрения их общности, как выражающих единую культурно-историческую программу.

***Ключевые слова**: хронотоп, психологизм, социально-типовое, общечеловеческое, символ.*

В татарской литературе 1-ой трети XX в. можно выделить две основные тенденции в использовании фундаментальных для структурирования общей картины мира соотнесенностей внешнего / внутреннего, центра / периферии, верха / низа, далекого / близкого, замкнутого / разомкнутого, живого / мертвого, дневного / ночного, света / тьмы и т.д. Первая тенденция характеризуется тем, что пространственно-временные отношения, запечатленные в тексте, представляют собой по преимуществу типологические модели, опредмечивающие социально-психологические, духовно-нравственные и национальные черты характера.

В произведениях русских писателей 2-ой половины XIX в. пространственно-временные образы, сопричастные героям, выполняют сходную функцию: обладают повышенной способностью к синтезу, открывают в частном, временном, конкретном общее – социально-типовое, эпохальное, общенациональное. Таков, например, хронотоп дороги в романах о «лишних людях». Он является метафорой жизненной судьбы героев, остро ощущавших свою историческую предназначенность и общественную невостребованность, мучительно решавших проблему выбора жизненного пути. Вместе с тем этот образ-мотив переводит конкретно-биографический материал, в неповторимом психологическом варианте преломляющий в себе динамику эпохи, в сферу универсального и вечного, намечает возможность неограниченного углубления смысловой перспективы изображения, обнаруживая иносказательные «сверхсмыслы» (Д.Е. Максимов). Так, прослеживая развитие в романе И.С. Тургенева «Рудин» мотивов «дороги» и «странствия», вступающих во взаимодействие с антитетичными им мотивами «дома», «угла», «приюта», «гнезда», В.М. Маркович выявляет лежащую в основе символического подтекста произведения концепцию взаимоотношений человека и мира: «По одну сторону – те, “кто сидит под кровом дома”, у кого есть “теплый уголок” обыкновенного человеческого существования, с его простыми и неоспоримыми реальностями. По другую – те, кому нет места в мире этих реальностей, кто обречен скитаться, бороться и гибнуть в “холоде” и “тьме”, но приобщается к миру высших ценностей» [3, с. 127–128].

В произведениях Ф.М. Достоевского состоянию предельной самоизоляции, добровольному и полному отчуждению от мира, разрыву связей со средой, расторжению всех отношений с людьми, крайнему эгоцентризму, ощущению абсолютной свободы и независимости от любых обстоятельств соответствует хронотоп «душного угла», «подполья». Топос угла, подполья, отгороженного от всего мира узкого пространства, несет метафорические признаки культурной, идеологической, психологической, этической характеристики героев Достоевского, приобретая смысловую многозначность и многоплановость. «Подполье» выступает как психологическое состояние, «онтологическая ситуация», «идейное пространство» [см.: 2, с. 8–40]; оно является формой отъединения личности от мира и возвышения над его законами, особой сферой и формой суще-

© Аминева В.Р., 2010

ствования, образом мыслей, способом самопознания и познания мира, системой моральных норм и т.п. [см.: 1, с. 269–290]. Итоговым культурно-историческим обобщением становится пространственное определение человека – «подпольный».

В центре внимания Ф. Амирхана в повести «Хаят» (1911) – столкновение в душе героини противоположных начал: разума и сердца, просыпающегося чувства личности, нового отношения к миру с моральными заповедями старого татарского общества, которые для нее полны своего первозданного смысла и значения. Этот конфликт проецируется на пространственно-временные оппозиции дома и дороги, циклического бытового времени и мгновений счастливой жизни, пространственной горизонтали (улитка) и вертикальной проекции (ласточка), Верха и Низа, устанавливающие взаимоотражение и взаимопроникновение индивидуального и типического, единичного и единого.

Устойчивому укладу жизни, характеризующемуся замкнутым, художественно неподвижным пространством и обыденно-житейским временем противопоставлен динамичный субъективный хронотоп души Хаят. Она стоит у порога новой жизни и тяготеет к выходу в беспредельно широкий топос, символизирующий освобождение. Хронотоп порога, отличающийся предельной напряженностью, сочетается с хронотопом встречи, в котором преобладает временной оттенок с высокой степенью эмоционально-ценностной интенсивности. Но наметившаяся перспектива линеарного пространства так и не обретает признак заданности направления. Жизнь героини очерчена кругом, за пределы которого она не может вырваться. Модель круга, кольца выявляет власть тех сил, сопротивление которым заведомо превышает возможности человека.

Эмоциональное состояние Хаят, порожденное противоречиями между идеальными устремлениями человека и его конкретной жизненной практикой, конфликтом между желанием и его исполнением, характеризуют топологические оппозиции «пустоты – заполненности», «устремленности – замкнутости». Героиня оказывается в поле напряжения между отрицательно представленным *здесь*, миром, скованным условностями и обязанностями, требующим от личности ряда ограничений, и *там*, где человеческая душа обретает всю полноту бытия.

Хаят остаётся «улиткой с душою ласточки», подчиняясь общепринятым нормам. Сердце рвется ввысь, а обычай тянет вниз. Перед ней открывается «бездна», и возникает новая пространственная оппозиция – противопоставление Верха и Низа. И если Верх связан с устремленностью героини к высшим целям и ценностям, то Низ соотносится с семантикой негативности – это холод, мрак, отказ от всех жизненно значимых стремлений и желаний. Финальное пространство носит точечный характер: в него стеклись все различные пути и материализовались возможные пространства, – и имеет семантику статичного центра в остановившемся времени. Пространственно-временные образы и модели воплощают трагическую концепцию национального бытия и отдельной человеческой судьбы. Индивидуально-неповторимое переходит во всеобщее, универсальное приводит к исключительному. Эта диалектика смыслов обусловлена своеобразием заключенных в характере героини обобщений и особенностями мотивирующего этот характер конфликта.

В романе «Нищенка» (1907–1914) Г. Исхаки воссоздает историю духовного становления личности, путь ее нравственно-психологического движения. Судьбу героини меняют переходы из одного пространства в другое, отмеченные автором как этапы духовных поисков, смены одних идеалов другими, ступени познания действительности и осознания собственного бытия.

Идиллическому дому, где царит счастливая жизнь и нет места злу, противопоставлена городская казарма – место, в котором жизнь героини претерпевает коренные изменения. Этот мир Сагадат сравнивает с темной пучиной, в которую она падает. Падение в бездну – знак потерянности человека в мире, его безграничного страха перед лицом Вселенной. Все, что происходит в казарме, меняет отношение героини к жизни. Настоящее оценивается отрицательно: оно уродливо, полно зла, тревог, несчастий. Отвергая его, Сагадат устремляется в прошлое – в мир добра, счастья, покоя, красоты. Формирующееся в ее воображении двоемирие проходит через самые глубокие пласты личности – сферу чувств – и реализуется в пространственно-временных образах.

На уровне сознания героини происходит «двоение» сюжетного действия: оно приобретает иносказательный смысл. Писатель выстраивает параллельность миров: сна и яви, сознательного и бессознательного, прошлого и настоящего,

мечты и действительности, что способствует символизации и мифологизации текста. Перемещение Сагадат из одного пространства в другое имеет реалистическую социально-бытовую и психологическую мотивировку. Страдающий, ищущий успокоения человек, обессиленный трагическими коллизиями реальности, жаждет забвения. В то же время Сагадат, словно загипнотизированная, околдованная, отдается во власть губительной силе. Логика реального повествования коррелирует с последовательностью событий, характерной для мифологического цикла гибели / воскресения.

Пребывание в «желтом доме» интерпретируется как временная смерть героини. Сагадат оказывается в пространстве, в котором видимое не совпадает с сущностным, внешнее – с внутренним, бытие начинает осознаваться в знаках инобытия. Происходящая в этом локусе встреча с Габдуллой – это не просто освобождение Сагадат от прежних мук, но некое мистическое событие, получающее в мифологическом подтексте сюжета значение воскресения. Подобно сказочному герою-избавителю, Габдулла спасает Сагадат от неизбежного в ее положении пути духовной смерти, греха и погибели и возрождает к новой жизни. Действием законов сказочного повествования можно объяснить и непроясненность мотивов поведения героев. Таким образом, пространственно-временные образы организуют в романе многоаспектную смысловую перспективу, осложняясь метафорическими значениями ада и рая, падения в бездну и воскресения из мертвых. Пройдя ряд испытаний, Сагадат и Габдулла соединяются счастливым браком. Но Г. Исхаки ориентирует свой текст не на открытый сюжет мифа, а на схему его общих признаков. Писатель создает социально-психологический роман, разрешение коллизий которого не может произойти в духе сказочных. Здесь нет полного преодоления всех бед и несчастий, победы добрых сил над злыми. Действительность, иногда напоминающая страшную сказку, оказывается зачастую трагичнее и безысходнее ее. Мечта об идиллическом доме приводит Сагадат в дом казанского бая, с которым связаны новые разочарования и душевные муки. И только вырвавшись из удушающего пространства дома, Сагадат обретает свободу и надежду на счастье.

Появление в финале романа хронотопа дороги указывает на духовную эволюцию героини. Перемещение в пространстве, совершаемое из внутренних, духовных побуждений и преследующее высокие цели, является отражением огромного духовного сдвига, произошедшего в сознании человека. Платформа вокзала – это символ порога, который является топосом «перехода» из одного пространства в другое: Сагадат, прощающаяся с друзьями и уезжающая навстречу новой жизни, стоит на пороге обретения нового уровня самосознания. Одухотворяется высокое мгновение жизни героини, когда сознание «я» частного человека сливается с сознанием «я» гражданина. Итак, пространственно-временные образы, возникающие в романе, организуют соотнесенность реального, мифологического и символического планов, воздействуют на изобразительный, повествовательный и стилевой ряд, объясняют особенности сознания героев.

Пространственно-временные образы могут служить и средством выражения личностно-субъективных форм сознания и психики. В то же время они обобщают единичные, индивидуально-неповторимые душевные состояния, чувства, мысли, переживания и вводят их в мир универсальных, общих связей и отношений. Воссоздание рефлексии, лежащей в основе психологического анализа, сочетается с изображением внутреннего через внешнее, пространственно-временные образы, тяготеющие к символизации явлений духовной и душевной жизни человека.

Эту психологическую функцию хронотоп выполняет во многих произведениях русских писателей. Например, в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» высоту духовных порывов Лизы актуализируют пространственные признаки вертикальной организации мира. Уход Лизы в монастырь трактуется литературоведами как поступок, продиктованный жизненной целью героини – стремлением к высокому, всеобъемлющему идеалу нравственности, общественной справедливости и человеческого совершенства, заданный глубинными потребностями натуры, и одновременно как подвиг самоотречения, несущий в себе всеобщий смысл. По В.М. Марковичу, лишь ценой разрыва с естественными основами человеческого существования и отказа от всего земного «можно вновь возвыситься до святости мистической любви к богу и евангельской любви ко всему страждущему человечеству. Именно это духовное состояние стремится восстановить в себе Лиза» [4, с. 116].

Идеальное содержание личности Лизы и то великое человеческое страдание, на которое она себя обрекает, духовно-нравственная высота и внутренняя цельность, обретаемые Лаврецким в процессе развития, передаются автором в заключительном эпизоде романа с помощью поэтики сужающихся и расширяющихся категорий пространства и времени. Мгновение, предельно интенсивно пережитое Лизой и Лаврецким, заполненное тем, что было важно в прошлом, и обращенное в будущее эстафетой неразрешимых противоречий, соотносится с областью сокровенного, метафизического, вечного и имеет вневременное значение. Пространство, ставшее в концовке романа точечным, обнаруживает общечеловеческое содержание рассказанной истории.

Пространственно-временная организация текста выявляет своеобразие переживаемых героями психологических состояний в повести Г. Рахима «Идель» (1921), в которой раскрывается концепция сверхчеловека в ее личностном, социально-историческом, общечеловеческом аспектах. Структурные особенности анализируемого произведения организуются с помощью ряда бинарных семантических противопоставлений, которые ориентируют читателя относительно двух взаимодополняющих направлений: горизонтального и вертикального. Горизонтальное направление хода повествования отражает конфликтные взаимоотношения персонажей, выявляя этическую и философско-идеологическую подоплеку происходящего действия. Вместе с тем все происходящее имеют еще один аспект – экзистенциальный, когда значимость отношений героев на горизонтальном уровне обретает вертикальную направленность. В повести ставятся проблемы выбора, самосознания человека, определяющего свои онтологические, психические, метафизические пределы и стремящегося преодолеть границы традиционного смысла, общепринятых истин. Переход героя из одного жизненно-идеологического статуса в другой проецируется на пространственную оппозицию Верха и Низа, соотносится с нисхождением, погружением вниз, утопанием и восхождением в область надземного, в космический мир.

Герой повести Ильяс отказывается от любви, подчиняет стихию чувств духовному началу, сознанию, освобождается от власти страстей и самоутверждается. Этот процесс символизирует путь на вершину горы – искомую и достигаемую точку визионерского обзора, поднимающую героя над земным и позволяющую осмыслить временное с точки зрения вечности. Вершина горы вырастает в повести до уровня символической вертикали, противостоящей не только «горизонтальному» бытию героев, но и центральному образу-символу произведения – Волге. Описываемое место действия становится центром мира, где сталкиваются полярные космические стихии, и мыслится местом свершения вселенского события. Это кризисная точка, которая находится на границе противоположных пространственных и этических понятий, является воплощением своеобразной космической оси мира. Горные высоты – кульминационные точки переживаемого героем катарсиса, результат которого – преобразование «горизонтального» человека в «вертикального».

Сфера вершин как топос возвышенности в повести Г. Рахима означает изолированность, отрешенность от всего обыденного, ординарного, конкретно-чувственного и вознесенность человека, который выходит за границы гуманности и этики и, противостоя урагану, отстаивает свою экстремальную позицию. По вертикали, связывающей происходящее действие со структурой мироздания, начинают строиться и отношения Ильяса с окружающими его людьми. С внутренними метаморфозами человека связан расширяющийся охват картины мира: по вертикали и горизонтали происходит процесс группировки и интеграции смысловых элементов, формирующих и расширяющих семантические поля Верха – неба и Низа – земли. Как в бытийном (нравственном, сакральном) пространстве – сфере духовности, так и в бытовом (земном, вещественном) пространстве для человека, его духа не существует никаких внешних преград.

Пространственно-временные системы, выделяемые в произведении, актуализируют универсальную в своей основе ситуацию перехода из одного состояния в другое: восхождения и нисхождения; растворения в витально-экзистенциальной сфере чувств и просветления, приобщения к возвышенному, сверхсознательному началу; разделения и объединения, утраты «я» и самостановления. Выявленные аспекты духовной жизни человека, организуя систему доминантных метафизических понятий (жизнь – смерть, Космос – Хаос, свет – тьма), творят как особое пространство-время, отражающее взаимодействие

человека и мира, так и этико-эстетическую ценностную картину мира. В ней чередующиеся полюсы некой вертикальной иерархии ценностей: верх – низ, бытие – небытие, небо – земля, дух – материя, – взаимозаменяют и динамизируют друг друга.

Хронотопические способы психологизма в русской литературе 2-ой половины XIX в. и в татарской прозе 1-ой трети XX в. выполняют сходную функцию. С ними связана напряженная устремленность текста в сторону предельных обобщений и поэтического иносказания. Наполняя сюжетную историю героев универсальным содержанием, пространственно-временные образы обнажают родовые категории человеческого существования, выявляют глубинную метафизику бытия. Будучи источником символических «сверхсмыслов», данная форма психологизма не только соединяет индивидуальное, единичное, социально-типовое и родовое, общечеловеческое, вечное, но и осуществляет связь выразимого и невыразимого, «явного» и «сокрытого», ощутимого, узнаваемого и непознанного, возможного.

Образы пространства и времени, возникающие в произведениях русских и татарских писателей, актуализируют и мифологизирующую тенденцию, также способствующую универсализации изображаемого, углублению его философско-психологического содержания и значения. Эта же тенденция – одна из предпосылок и национально-неповторимого своеобразия сопоставляемых произведений.

Библиографический список

1. *Дилакторская О.Г.* Петербургская повесть Достоевского. – СПб.: Studiorum slavicorum monumenta. Tomus 17. Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. – 352 с.

2. *Криницын А.Б.* Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф.М. Достоевского. – М.: МАКС Пресс, 2001. – 372 с.

3. *Маркович В.М.* И.С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30–50-е годы). – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1982. – 208 с.

4. *Маркович В.М.* Человек в романах И.С. Тургенева. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1975. – 152 с.

УДК 821.161.1

Баталова Тамара Павловна
кандидат филологических наук
Коломенский государственный педагогический институт
litkaf@goiutvin.ru

РОМАН ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ». К ПОЭТИКЕ СЮЖЕТА

В статье анализируется связь романа Достоевского «Преступление и наказание» с циклом Некрасова «О погоде», исследуется оригинальность поэтики романа, основным принципом которой является зеркальная симметрия. Кроме того, автор статьи считает, что Петровский и Никольский мотивы являются сюжетообразующими.

Ключевые слова: *Достоевский, сюжет, поэтика, мотив.*

В сюжете произведения, как правило, особую роль играет ситуация каноническая, неоднозначная [6, с. 107–114; 7, с. 25–45]. Связанная внефабульными отношениями с другими сюжетными ситуациями, она сообщает им определённую символичность, что проявляется в поэтике сюжета. В романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» таковой является «Сон Раскольникова на Петровском острове». Следовательно, особенности поэтики произведения связаны с символикой этой ситуации.

В исследовательской литературе уже отмечалась связь этой ситуации «вплоть до буквальных лексических совпадений» [11, с. 112] со сценкой «Под жестокой рукой человека…» из стихотворения-цикла Н. А. Некрасова «До сумерек», которое, в свою очередь, входит в цикл «Уличные впечатления» (1858–1859). Думается, что этот факт говорит о более сложных взаимоотношениях данных произведений двух писателей.

Лейтмотив «Уличных впечатлений» – негативное влияние на современную русскую жизнь последствий реформ Петра Великого [см. 2].

 © Баталова Т.П., 2010

В этих стихах неоднократно возникают аллюзии «Медного Всадника» Пушкина, например, пародируется заглавный образ поэмы – «близ медной статуи Петра», «над медным Петром». При этом о Коне под Всадником не упоминается, будто его нет совсем. В то же время в цикле так часто возникают образы Лошадей, что создаётся впечатление, словно Петровский Конь, рассредоточившись в поэтическом пространстве, в них воплотился. Следовательно, Петровский мотив здесь связан с образом Лошади. Можно предположить, что и в романе Достоевского Петровский мотив является сюжетообразующим. Заметим, что он введён, в частности, именами персонажей – Марфа Петровна, Пётр Петрович, Илья Петрович, Порфирий Петрович, Настасья Петровна и названием Петровского острова. И здесь он связан с образом Лошади.

Анализ некрасовской ситуации «Под жестокой рукой человека…» как части цикла говорит о том, что в ней переосмыслен мотив «Медного Всадника» «Россию поднял на дыбы», актуализировав пушкинскую иронию [см.: 2]:

Под жестокой рукой человека
Чуть жива, безобразно тоща,
Надрывается лошадь-калека,
Непосильную ношу влача.
Вот она зашаталась и стала.
«Ну!» – погонщик полено схватил
(Показалось кнута ему мало) –
И уж бил её, бил её, бил!
Ноги как-то расставив широко,
Вся дымясь, оседая назад,
Лошадь только вздыхала глубоко
И глядела… (так люди глядят,
Покоряясь неправым нападкам).
Он опять: по спине, по бокам,
И, вперёд забежав, по лопаткам
И по плачущим, кротким глазам!
Всё напрасно. Клячонка стояла,
Полосатая вся от кнута,
Лишь на каждый удар отвечала
Равномерным движеньем хвоста.
Это праздных прохожих смешило,
Каждый вставил словечко своё,
Я сердился – и думал уныло:
«Не вступиться ли мне за неё?
В наше время сочувствовать мода.
Мы помочь бы тебе и не прочь,
Безответная жертва народа, –
Да себе не умеем помочь!» [8, с. 79–80].

Вероятно, и в «Преступлении и наказании» сюжетные ситуации связаны между собой (подобно частям цикла) внефабульными, не причинно-следственными отношениями. В романе это может быть зеркальная симметрия. В этом случае подобные взаимотношения характеризуют прежде всего «Сон Раскольникова на Петровском острове». «Парная», зеркально-симметричная ситуация, очевидно, также связана с какой-либо частью некрасовского цикла. «Под жестой рукой человека…» образами и мотивами сближена со сценкой «Съезжая с моста…» из стихотворения того же цикла «Утренняя прогулка» (о похоронах бедного чиновника):

Я ушёл – и наткнулся как раз
На тяжёлую сцену. Везли на погост
Чей-то вохрой окрашенный гроб
Через длинный Исакиев мост.
Перед гробом не шли ни родные, ни поп,
Не лежала на нём золотая парча,
Только, в крышу дощатого гроба стуча,
Прыгал град да извозчик-палач
Бил кургузым кнутом спотыкавшихся кляч
И вдоль спин побелевших удары кнута
Полосами ложились. Съезжая с моста,
Зацепила за дроги коляска, стремглав
С офицером, кричавшим «пошёл!», проскакав,
Гроб упал и раскрылся.

Сердечный ты мой!
Натерпелся ты горя живой,
Да пришлося терпеть и по смерти… [8, с. 175] –

говорила, подбежав к гробу, Старушонка, служившая бедному чиновнику и провожавшая теперь его на кладбище.

Эта ситуация близка «Сну Раскольникова на Петровском острове», но её мотивы и образы детализированы. Уже название моста – «Исакиев» – соотнесено с именем Петра I [1, с. 5–7]. В этом свете связывается с Петровским мотивом и конфликт офицерской «коляски» со «спотыкавшимися клячами», – как противопоставление офицерства низшим рангам чиновничества, сложившееся со времени Петровских преобразований. Такая символизация образов Коней – особенность поэтики стихотворений Некрасова.

По этому поводу М.Н. Эпштейн замечает, что традиционно в поэзии конь – «это образное выявление сущности лирического героя, господствующего над миром». И далее: если «прежде в поэзии господствовал мотив “человек на лошади”, то Некрасов переосмысливает его как “лошадь под человеком”» [11, с. 93–95].

Думается, эту мысль можно продолжить. В данном некрасовском произведении образами Коней выражены отношения между людьми, точ-

нее, между различными слоями русского общества.

Отметим, что и сострадание Старушонки бедному Чиновнику – по поводу его судьбы – углубляет конфликт, усиливая лейтмотив.

Заметим, что рассматриваемая сценка близка по своей структуре, образам и мотивам к ситуации романа «На Николаевском мосту». В обоих эпизодах возникает Петровский мотив. У Достоевского он введён образом Исаакиевского собора, также связанного с именем Петра Великого [9, с. 64–65].

Петровский мотив в обоих случаях связан с образом Лошади. Близки «кризисные ситуации» (Краснов) с «колясками». Но Достоевский углубил конфликт. Его жертва – Раскольников, которого кучер ударил кнутом. Его «…плотно хлестнул кнутом по спине кучер одной коляски за то, что он чуть-чуть не попал под лошадей, несмотря на то, что кучер раза три или четыре ему кричал. Удар кнута так разозлил его, что он отскочил к перилам…» [3, с. 89]

Здесь Раскольников как бы заместил «спотыкавшихся кляч». Не случайно же автор пишет о том, что он вернулся домой, «весь дрожа, как загнанная лошадь» [3, с. 91]. Заметим и перекличку с образом Миколкиной Клячонки, свидетельствующую о его неоднозначности.

Удар кнута здесь, в свете Петровского мотива, вероятно, можно понимать и как выражение отношения «колясок» к пешим, т. е. как взаимоотношения противостоящих друг другу слоёв русского общества, начало которым было положено Петровскими реформами.

Конфликт углубляет и образ толпы, профанирующей идею сильного человека – самовозвеличение посредством унижения и оскорбления другого.

«Кругом, разумеется, раздавался смех.

– И за дело!

– Выжига какая-нибудь.

– Известно, пьяным представится да нарочно и лезет под колёса; а ты за него отвечай.

– Тем промышляют, почтенный, тем промышляют…» [3, с. 89].

Но здесь же возникает и мотив сострадания: «Но в ту минуту, как он стоял у перил и всё ещё бессмысленно и злобно смотрел вслед удалявшейся коляске, потирая спину, вдруг он почувствовал, что кто-то суёт ему в руки деньги. Он посмотрел: пожилая купчиха, в головке и козловых башмаках, и с нею девушка, в шляпке и с зелёным зонтиком, вероятно, дочь. “Прими, батюшка, ради Христа”. Он взял, и они прошли мимо. Денег двугривенный» [3, с. 89].

Мотив сострадания в ситуации романа также углублён. Пожилая Купчиха и Девушка – не знакомы с Раскольниковым, помогают из добрых чувств. Их «двугривенный» – как импульс христианского чувства, видимо, незаметно для самого Раскольникова, помогает ему осмыслить своё состояние в последний месяц, сложившееся и под впечатлением наблюдений «великолепной панорамы», с Исаакиевским собором в центре: «Он зажал двугривенный в руку, прошёл шагов десять и оборотился лицом к Неве, по направлению дворца.

одна беспокойная и не совсем ясная мысль занимала его теперь исключительно. Он стоял и смотрел вдаль долго и пристально; это место было ему особенно знакомо. Когда он ходил в университет, то обыкновенно, – чаще всего возвращаясь домой, – случалось ему, может быть, раз сто, останавливаться именно на этом же самом месте, пристально вглядываться в эту действительно великолепную панораму и каждый раз почти удивляться одному неясному и неразрешимому своему впечатлению. Необъяснимым холодом веяло на него всегда от этой великолепной панорамы; духом немым и глухим полна была для него эта пышная картина… Дивился он каждый раз своему угрюмому и загадочному впечатлению и откладывал разгадку его, не доверяя себе, в будущее. Теперь вдруг резко вспомнил он про эти прежние свои вопросы и недоумения, и показалось ему, что не нечаянно он вспомнил теперь про них. Уж одно то показалось ему дико и чудно, что он на том же самом месте остановился, как прежде, как будто и действительно вообразил, что может о том же самом мыслить теперь, как и прежде, и такими же прежними темами и картинами интересоваться, какими интересовался… ещё так недавно. Даже чуть не смешно ему стало, и в то же время сдавило грудь до боли.

Сделав одно невольное движение рукой, он вдруг ощутил в кулаке своём зажатый двугривенный. Он разжал руку, пристально поглядел на монетку, размахнулся и бросил её в воду; затем повернулся и пошёл домой. Ему показалось, что он как будто ножницами отрезал себя сам от всех и всего в эту минуту» [3, с. 89–90].

Итак, происшедшая драма настроила Раскольникова на новый лад. Николаевский мост открыл

ему путь в другую жизнь – к наказанию и – в конце концов – к признанию в преступлении.

Следовательно, названием моста Достоевский вводит Никольский мотив, противоречащий Петровскому. Он выражает сложившуюся издревле на Руси веру в Святого Николая, в народе – Николы Чудотворца. Так, в книге «Житие и чудеса Святителя Николая Чудотворца и слава его в России» отмечалось:

«Удивительно ли, что Господь в Своих непостижимых и совершенных судах даровал святителю Николаю назначение, власть и силу особенного покровительства людям в их несчастиях и бедствиях; что поэтому русский народ, испытав его милосердие, избрал его в свои особые молитвенники, а Святитель, внимая его усердию, действительно сделался особым покровителем земли русской?» [4, с. 460–461]

А Дмитрий Ростовский как бы продолжает: «Приди в Русь, и увидишь, что нет ни града, ни села, где бы во множестве не было чудес святаго Николая» [5, с. 199].

Итак, необходимо отметить, что если сюжетообразующим для некрасовского цикла является Петровский мотив, то у Достоевского – их два, противоречащих друг другу, – Петровский и Никольский. Это одна из особенностей поэтики романа.

Заметим также, что Петровский мотив в рассмотренном эпизоде проявляется двояко. С одной стороны – в идее сильного человека («человек или тварь дрожащая»), навеянной «великолепной панорамой» с Исаакиевским собором в центре и интерпретировавшейся в сознании Раскольникова как идея Наполеоновская (видимо, потому что, как и у Наполеона, «не было у него, чтобы карьеру начать»). С другой стороны – это та же идея превосходства, укоренённая в общественных отношениях в России со времени Петра Великого.

Таким образом, некрасовская сценка «Съезжая с моста…» «помогла» уяснить символику происшествия «На Николаевском мосту». Сопоставление этого эпизода со «Сном Раскольникова на Петровском острове» (для раскрытия его символики) показывает, что эти ситуации зеркально симметричны по отношению к преступлению главного героя, как оси симметрии.

Эти взаимоотношения проявляются прежде всего в их хронотопе.

«Остров» в литературе символизирует обособленное замкнутое пространство, жизнь которого нередко противоположна жизни окружающего мира. Мост – путь из одного мира в другой. Кроме того, здесь остров – Петровский, мост – Николаевский.

Раскольников спит на Петровском острове, отказавшись идти к Разумихину, накануне убийства; он оказался на Николаевском мосту – «на другой день», после встречи с приятелем.

«Сон Раскольникова на Петровском острове» как бы подытоживает пережитые героем впечатления. Картина истязания Лошадёнки как бы впитала в себя и драматизм положения Дунечки, и несчастие, случившееся с Девочкой на бульваре, и безвыходность положения Мармеладова. В криках кабацких пьяниц, поддерживающих Миколку, как бы слышны насмешки над отставным чиновником в распивочной:

«– Да чего тебя жалеть-то? – крикнул хозяин, очутившийся опять подле них.

Раздался смех и даже ругательства. Смеялись и ругались слушавшие и не слушавшие, так, глядя только на одну фигуру отставного чиновника» [3, с. 20].

После происшествия «На Николаевском мосту» происходит поворот сюжета, начинается новая жизнь Раскольникова.

Отношения зеркальной симметрии проявляются и при сопоставлении содержания рассматриваемых ситуаций. Так, противоположную роль в жизни Раскольникова играют Исаакиевский собор, навеявший ему «Наполеоновскую» идею, и кладбищенская «церковь с зелёным куполом», воспитавшая его в христианском духе:

«Среди кладбища каменная церковь, с зелёным куполом, в которую он раза два в год ходил с отцом и с матерью к обедне, когда служились панихиды по его бабушке, умершей уже давно и которую он никогда не видел. <...> Он любил эту церковь и старинные в ней образа, большею частию без окладов, и старого священника с дрожащею головой. Подле бабушкиной могилы, была и маленькая могилка его меньшего брата, умершего шести месяцев и которого он тоже совсем не знал. <...> он каждый раз, как посещал кладбище, религиозно и почтительно крестился над могилкой, кланялся ей и целовал её» [3, с. 46].

Картина кладбищенской церкви, детская сострадательность Раскольникова вводят в ситуацию Никольский мотив.

Христианские чувства Родиона проявляются и в отношении к «кабаку» и пьяной толпе:

«В нескольких шагах от последнего городского огорода стоит кабак, большой кабак, всегда производивший на него неприятнейшее впечатление и даже страх, когда он проходил мимо его, гуляя с отцом. <...> Возле кабака дорога, просёлок, всегда пыльная, и пыль на ней всегда такая чёрная. Идёт она, извиваясь, далее и шагах в трёхстах огибает вправо городское кладбище» [3, с. 47].

Заметим, что эта картина также вводит Петровский мотив. Питейная система окончательно была оформлена при Петре I и, став основной статьёй государственного дохода, превратилась в источник грабежа и безнравственности народа [см.: 10, с. 201–257].

Интересно, что образ дороги, идущей от кабака, с «чёрной пылью» на ней, напоминает извивающуюся змею, охватывающую «кладбище и церковь».

Зеркально симметричны в рассматриваемых ситуациях и роли персонажей. Во «Сне…» Раскольников не жертва, он сострадает Клячонке, со своими «кулачонками» бросается на Миколку:

«Но бедный мальчик уже не помнит себя. С криком пробивается он сквозь толпу к саврасске, обхватывает её мёртвую, окровавленную морду и целует её, целует её в глаза, в губы… Потом вдруг вскакивает и в исступлении бросается с своими кулачонками на Миколку» [3, с. 49].

Никольский мотив здесь проявляется и иначе – в образе Миколки. Это имя – сниженное от Николая. Святой Чудотворец так – парадоксально – показывает сострадательному юноше, на что он решается. На примере старой, слабой, никому не нужной Клячонки, Миколкиного «добра», – что значит пролить кровь. То, что истязание Лошади происходит в угоду пьяной толпе, показывает Раскольникову связь кровопролития с ненавистным ему кабаком.

Таким образом, Миколка как бы просветляет сознание Раскольникова. И действительно, тот, проснувшись, отказывается от своего намерения:

«– Боже! – воскликнул он, – да неужели ж, неужели ж я в самом деле возьму топор, стану бить по голове, размозжу ей череп… буду скользить в липкой тёплой крови, взламывать замок, красть и дрожать; прятаться, весь залитый кровью… с топором… Господи, неужели?

Он дрожал, как лист, говоря это. <...>

Он был бледен, глаза его горели, изнеможение было во всех его членах, но ему вдруг стало дышать как бы легче. Он почувствовал, что уже сбросил с себя это страшное бремя, давившее его так долго, и на душе его стало вдруг легко и мирно [3, с. 50].

Таким образом, в данной ситуации преобладает Никольский мотив. Но Раскольников спит и просыпается на острове, который находится внутри Петровского мира. При переходе через его границы – в данном случае через «мост» – вступают в действие Петровские законы. Ситуация как бы перевёртывается. Поэтому Раскольников идёт убивать, а Миколка, превратившись в Николку, – становится как бы сообщником Родиона, взявшим на себя его вину. Такие метаморфозы воспринимаются и самим героем как волшебство: это «казалось ему потом как бы каким-то предопределением судьбы» [3, с. 51]. А признаваясь Соне, он уточняет: «Я хотел тебе только одно доказать: что чёрт-то меня тогда потащил…» [3, с. 322]

Таким образом, искажение Никольских начал в жизни Раскольникова Петровскими принципами характеризуется здесь как влияние Антихриста.

Думается, необходимо отметить, что кризисные ситуации – «Сон Раскольникова на Петровском острове» и происшествие «На Николаевском мосту», благодаря своей зеркальной симметричности, играют в романе роль идеологического узла. Именно способность к состраданию главного героя послужила основой зарождения в его сознании «наполеоновской» – Петровской – идеи. В то же время, реализовав её, он оказался жертвой Петровских законов. Следовательно, влияние последствий Петровских преобразований на укоренённые в русской жизни христианские традиции, является источником идеологических трагедий.

Итак, в соотношении «Сна Раскольникова на Петровском острове» и происшествия «На Николаевском мосту» проявляется один из важных принципов сюжетосложения романа – принцип зеркальной симметрии.

Это проявляется и в том, что большая часть событий романа, происшедших до преступления, излагается в письме матери. События второй половины (условно) сюжета – реальны. Два дня накануне преступления – разработаны детально, вероятно, не случайно. Именно сопоставление их с двумя днями после убийства (исключая время болезни Раскольникова) и выражает принцип зеркальной симметрии в сюжете произведения.

В таком соотношении находятся и сцены «В распивочной» и «Гибель Мармеладова», про-

исходящие после зеркально-симметричных эпизодов «Пробы» и «Найма квартиры». При анализе этих ситуаций проявляется ещё один идеологический узел романа. Здесь в подтексте – трагизм «Сна Раскольникова на Петровском острове».

Безысходность состояния Мармеладова, выраженная в сцене «В распивочной», получает своё логическое завершение в картине его гибели. Эта сцена ситуативно напоминает происшествие «На Николаевском мосту». Но её драматизм здесь перерастает в трагедию.

Здесь также возникает образ «коляски». Но конфликт углублён. Мармеладова раздавили колёса не «одной» коляски (как в случае с Раскольниковым), а «щегольской и барской, запряжённой парой горячих серых лошадей»:

«Видно было, что экипаж принадлежал богатому и значительному владельцу, ожидавшему где-нибудь его прибытия; полицейские уж, конечно, немало заботились, как уладить это последнее обстоятельство» [3, с. 136].

Думается, образ «значительного владельца» вводит в подтекст гоголевскую «Шинель». Но в то же время он напоминает и «штаб-офицера» – отца Катерины Ивановны, о котором она говорит как о «статском полковнике». Проявляющийся здесь Петровский мотив получает новую, «дворянскую» окраску, выраженную мотивом «чистоты». В нём прежде всего проявляется амбиция Катерины Ивановны, попирающей жертвенность Мармеладова. В распивочной он вспоминает, что ей «руку свою предложил, ибо не мог смотреть на такое страдание».

В день гибели Мармеладова Катерина Ивановна иначе интерпретирует свою судьбу:

«– Ты не поверишь, ты и вообразить себе не можешь, Поленька, – говорила она, ходя по комнате, – до какой степени мы весело и пышно жили в доме у папеньки и как этот пьяница погубил меня и вас всех погубит» [3, с. 139].

Это противостояние дворянки и титулярного советника в рассматриваемых зеркально-симметричных сценах выражается противопоставлением неряшества Мармеладова и «привычки к чистоте» Катерины Ивановны. Портрет отставного чиновника соответствует его безысходности:

«…на его платье и даже в волосах кое-где виднелись прилипшие былинки сена. Очень вероятно было, что он пять дней не раздевался и не умывался. Особенно руки были грязные, жирные, красные, с чёрными ногтями [3, с. 12].

В день его гибели как бы нарочито подчёркивается чистоплотность Катерины Ивановны – единственное, что осталось в её жизни как выражение дворянского достоинства:

«Это ночное мытьё производилось самою Катериной Ивановной, собственноручно, по крайней мере два раза в неделю, а иногда и чаще, ибо дошли до того, что переменного белья уже совсем почти не было, <...> а Катерина Ивановна не могла выносить нечистоты и лучше соглашалась мучить себя по ночам и не по силам,<...> чем видеть грязь в доме [3, с. 141].

Мотив «чистоты» достигает своего апогея в мотиве «чистоты особой», в котором «дворянский» смысл соединён с идеей сильного человека. Смысл этого мотива формулирует Мармеладов, связывая его с судьбой Сонечки:

«Ведь она теперь чистоту наблюдать должна. Денег стоит сия чистота, особая-то, понимаете? Понимаете? Ну, там помадки тоже купить, ведь нельзя же-с; юбки крахмальные, ботиночку эдакую, пофиглярнее, чтобы ножку выставить, когда лужу придётся переходить, понимаете ли, понимаете ли, сударь, что значит сия чистота?» [3, с. 20].

Символы «чистоты особой» – «помадка», «юбки крахмальные», «ботиночка пофиглярнее» – постепенно абстрагируются от буквального значения «чистоты». А в противопоставлении «ботиночки пофиглярнее» и «лужи» – открытый сарказм.

Этот мотив получает многогранное проявление: в образах Сонечки и Дунечки – его жертв, Лужина – за счёт жертв живущего, Катерины Ивановны – совмещающей в себе и то, и другое.

«Чистоту особую» Раскольников видит в отношении Петра Петровича Лужина к Дуне как будущей своей жене. Интересно заметить сочетание фамилии: «Лужин», – напоминающей «лужу, через которую придётся перейти», чтобы «ботиночку пофиглярнее» показать, и имени – «Пётр Петрович» – олицетворения Петровской идеи сильного человека.

«Жертву-то, жертву-то обе вы измерили ли вполне? Так ли? Под силу ли? В пользу ли? Разумно ли? Знаете ли вы, Дунечка, что Сонечкин жребий ничем не сквернее жребия с господином Лужиным? “Любви тут не может быть”, – пишет мамаша. А что, если, кроме любви-то, и уважения не может быть, а, напротив, уже есть отвращение, презрение, омерзение, что же тогда! А и выходит тогда, что опять, стало быть, “чисто-

ту наблюдать придётся". Не так ли, что ли? Понимаете ли, понимаете ли, понимаете ли вы, что значит сия чистота? Понимаете ли вы, что лужинская чистота всё равно что и Сонечкина чистота, а может быть, даже и хуже, гаже, подлее, потому что у вас, Дунечка, всё-таки на излишек комфорта расчёт, а там просто-запросто о голодной смерти дело идёт!» "Дорого, дорого стоит, Дунечка, сия чистота!"» [3, с. 38]

Заметим, что мотив «чистоты особой» связан здесь с жертвенностью девушек и является результатом искажения Никольского мотива Петровским.

Формула «лужинская чистота» синонимична «чистоте особой». Выразительно в этом плане сопоставление чопорности Петра Петровича с неряшеством Раскольникова и Разумихина:

«Это был (Лужин. – *Т.Б.*) господин немолодых уже лет, чопорный, осанистый, с осторожною и брюзгливою физиономией, который начал тем, что остановился в дверях, озираясь кругом с обидно-нескрываемым удивлением и как будто спрашивал взглядами: "куда ж это я попал?" Недоверчиво и даже с аффектацией некоторого испуга, чуть ли даже не оскорбления, озирал он тесную и низкую "морскую каюту" Раскольникова. С тем же удивлением перевёл и уставил потом глаза на самого Раскольникова, раздетого, всклокоченного, немытого, лежавшего на мизерном грязном своём диване и тоже неподвижно его рассматривавшего. Затем, с тою же медлительностью стал рассматривать растрёпанную, небритую и нечесаную фигуру Разумихина, который, в свою очередь, дерзко вопросительно глядел ему прямо в глаза, не двигаясь с места» [3, с. 111].

Таким образом, с одной стороны, неряшливость Раскольникова и Разумихина выражает их душевное состояние – страдание и сострадание, с другой – их пренебрежение к внешнему лоску показывает их естественность и искренность.

Нарочитость стремления к чистоте Катерины Ивановны в сцене «Гибель Мармеладова» сливается с «чистотой особой». Сочетание деталей – «большой глиняный таз с водой для мытья белья» и уличного костюма Сонечки, кажущегося «неприличным» – «с ярко и позорно выдающеюся целью» – вскрывает фальшь «чистоты» Катерины Ивановны, существующей за счёт «чистоты особой».

В последних жестах Мармеладова, в его гибели, выражена кульминация мотива «чисоты особой»:

«Бесконечное страдание изобразилось в лице его.

– Соня! Дочь! Прости! – крикнул он <...> Соня слабо вскрикнула, подбежала, обняла его и так и замерла в этом объятии. Он умер у неё в руках» [3, с. 144].

Следовательно, эта кризисная ситуация как бы доводит до логического конца ситуацию «В распивочной». Трагизм этого эпизода усиливается перекличкой с картиной истязания Лошади. Не случайно об этом же напоминает и сцена смерти Катерины Ивановны, как бы стряхнувшая с неё дворянские предрассудки и уравнявшая её с Мармеладовым:

«Довольно!... Пора!... Прощай, горемыка!... Уездили клячу!... Надорвала-а-сь! – крикнула она отчаянно и ненавистно и грохнулась головой на подушку».

Итак, анализ зеркально-симметричных сцен «В распивочной» и «Гибель Мармеладова» и связанных с ними ситуаций выявляет противоречивость Никольского и Петровского мотивов не в области идеологии, а в другой плоскости – в быту. Но и здесь Петровский мотив искажает Никольский, что выражается в мотиве «чистоты особой» и становится источником трагедий.

В то же время, кризисная ситуация «Гибель Мармеладова» имеет и сюжетно-композиционное значение. Она вновь поворачивает сюжет. Сострадательность Раскольникова Мармеладовым, вернув ему силы, настраивает его на борьбу, теперь уже с Петровским правосудием. Т.е. его идея поднимается на новый, более высокий уровень, становясь осознанной:

«Довольно! – произнёс он решительно и торжественно, – прочь миражи, прочь напускные страхи, прочь привидения!.. Есть жизнь! Разве я сейчас не жил? Не умерла ещё моя жизнь вместе со старою старухой! Царство ей небесное и – довольно, матушка, пора на покой! Царство рассудка и света теперь и… и воли, и силы… и посмотрим теперь! Померяемся теперь! – прибавил он заносчиво, как бы обращаясь к какой-то тёмной силе и вызывая её» [3, с. 147].

Таким образом, этот момент в сюжете романа кульминационно сливает в себе и бытовую, и идеологическую стороны противоречащих друг другу мотивов.

Итак, из предложенного анализа можно сделать некоторые выводы. Одним из важных принципов построения романа является принцип зеркальной симметрии. Сюжетообразующими мотивами произведения являются противоречащие

друг другу Петровский и Никольский мотивы. Петровские принципы, сохраняющиеся в современной русской жизни, искажают её христианские основы, становятся источником идеологических и бытовых трагедий.

Библиографический список

1. *Антонов Б.И.* Мосты Санкт-Петербурга. – СПб., 2002. – С. 7–9.

2. *Баталова Т.П.* «Уличные впечатления» Н.А. Некрасова. Пушкинские традиции // Русская словесность: проблемы эволюции и поэтики. Сборник научных статей. – СПб., 2008. – С. 71–75.

3. Ф.М. Достоевский. ПСС в 30 томах. – Л.; СПб., 1972–1990. – Т. 6.

4. Житие и чудеса Святителя Николая Чудотворца и слава его в России. – СПб., 1899. – Репринтное издание. – СПб., 1998. – С. 460–461.

5. Жития святых: «Четьи – минеи свт. Дмитрия Ростовского». Месяц декабрь. – Изд-во Рождества Богородицы Свято-Пафнутьев Боровский монастырь, 1997. – С. 199.

6. *Краснов Г.В.* Каноническая ситуация в сюжете // Русская литература XIX в.: Вопросы сюжета и композиции. – Горький, 1975. – С. 107–114.

7. *Краснов Г.В.* Сюжеты русской классической литературы. – Коломна, 2001. – С. 25–45.

8. Н.А. Некрасов. ПСС в 15 томах. – Л.; СПб., 1981–2000. – Т. 2.

9. Отечественные записки. – 1858. – №6. – Отд. «Смесь». – С. 64–65.

10. *Прыжов И.Г.* История кабаков в России. – М., 1992. – С. 201–258.

11. *Тихомиров Борис.* «Лазарь! Гряди вон.» Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении. – СПб., 2005. – С. 112–113.

12. *Эпштейн М.Н.* Природа, мир, тайник вселенной… Система пейзажных образов в русской поэзии. – М., 1990. – С. 93–95.

УДК 821.161.1

Вовна Алексей Владимирович
Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова
lgkihney@yandex.ru

ПРОБЛЕМА «ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕКСТА»: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Статья посвящена петербургскому тексту в русской литературе. Даются разные теоретические точки зрения на проблему петербургского текста и петербургского мифа. Анализируется история изучения данных феноменов и выявляется их общая теоретическая база, рассматриваются разные теоретические ракурсы.

Ключевые слова: *петербургский текст, петербургский миф, пространство, время, эсхатология, семиотика, символ, город, мифопоэтика.*

Изучение петербургского текста русской культуры имеет давнюю историко-литературную традицию. Еще в работах Н.П. Анциферова было показано, что произведения русских классиков, посвященные петербургской тематике, отличаются высокой степенью общности, позволяющей рассматривать их как некое единство [см.: 1].

Однако принципиально новый этап изучения образа Петербурга в русской классической литературе связан с именем Б.В.Томашевского. Исследователь считает, что «тематический» подход к изучению Петербурга в русской классике оказывается явно недостаточным, поскольку Петербург является не только темой произведений, но и их неким организующим началом (ср. особую роль городского пейзажа, «идеологического и эмоционального отношения» к городу, образа героя, «живущего, мыслящего и страдающего» в Петербурге) [7, с. 410].

Систематическое изучение петербургского текста в заданном Б.В. Томашевским ракурсе начинается в структурно-семиотической ветви советского литературоведения. Здесь Петербург действительно предстает как некий внутренне связанный текст, обладающий собственным набором образов, мотивов, сюжетов и героев.

В обширной структурной парадигме можно выделить несколько направлений изучения петербургского текста. Все они, так или иначе, пересекаются, однако в каждом из них существует своя доминантная тема. *Первое направление* связано с изучением петербургского текста в широком «языковом» аспекте (от особенностей языкового воплощения Петербурга до аллюзий и реминисценций). Это направление преимущественно связано с именем З.Г. Минц.

З.Г. Минц занимается именно петербургским текстом (хотя ей приходится затрагивать по необ-

© Вовна А.В., 2010

ходимости и петербургскую мифологию). Так, в ее работе (написанной совместно с М.В. Безродным и А.А. Данилевским) Петербург предстает как некое текстовое образование, пронизанное единым смысловым сюжетом. Недаром З.Г. Минц особенное внимание уделяет «языковому» воплощению петербургской темы. Ср.: «"Петербургский текст" XIX в. становится носителем единого художественного языка, играющего в символистских произведениях важную роль *интерпретирующего кода*. Только сопоставление вновь создаваемого образа-символа с кодирующей традицией, с контекстом «петербургской классики» и определение его места в «петербургском тексте» XIX в. создают значения символистских образов и произведений». Это связано с тем, что «представленный «петербургским текстом» XIX в. «язык петербургской литературы» важен для символиста, как и для предшествующих художников, не в качестве извлеченной из текста системы, а именно в своем реальном текстовом воплощении – как живая совокупность произведений (и их фрагментов). Поэтому петербургская классика фактически становится *темой* для «нового искусства», а весь «петербургский текст» (как часть универсального «текста культуры») получает статус «третьей действительности», отображаемой наряду с «мирами идей» («идея» Петербурга) или их материальных воплощений (история, быт Петербурга и т.д.). В обеих этих функциях (кода и темы) цитируемое произведение оказывается, однако, в иной плоскости, чем цитирующее (код – сообщение, «реальность» – отражение), что существенно отличает символистскую рецепцию культуры от предшествующих ее форм» [6, с. 103, 104].

Характерно, что исследовательница также отмечает «мифогенность» петербургского текста. В частности, Минц пишет о том, что он «оказывается одним из основных «текстов-интерпретаторов» для «неомифологических» произведений русских символистов, отчасти сопоставимым даже с такими, *например*, кардинальными для «нового искусства» текстовыми единствами, как античная мифология, Четвероевангелие с Апокалипсисом и др. Сами же творения символистов в значительной степени выступают как «тексты о текстах» – своеобразные художественные метатексты» [6, с. 104].

Специфической чертой подхода З.Г. Минц к петербургскому тексту является исследование его интертекстуальных основ. Так, исследовательница выявляет комплекс классических текстов петербургского мифа (своего рода смысловое «ядро» петербургской мифологии), на которых и базируются художественные тексты XX века, использующие «петербургские» лейтмотивы и образы. Ср.: «Ядро вычленяемого символистами 1900-х гг. «петербургского текста» XIX в. — это «Медный всадник» и «Пиковая дама» Пушкина, «Петербургские повести» Гоголя, «Бедные люди», «Двойник», «Хозяйка», «Записки из подполья», «Преступление и наказание», «Идиот» и «Подросток» Достоевского (а «ядром ядра» здесь будут первое и три последних произведения). На границе «петербургского текста» располагаются реже цитируемые «Домик в Коломне», урбанистическая лирика Некрасова, отдельные произведения Ап. Григорьева, публицистика Чаадаева, славянофилов и "почвенников"» [6, с. 104].

Итак, З.Г. Минц действительно применяет сугубо литературно-лингвистический подход к петербургскому тексту. Она закладывает основы теории «петербургской интертекстуальности» и объясняет ее механизмы. Исследование З.Г. Минц для нашей работы оказывается особенно важным, поскольку мы будем обращаться к интертекстуальному и сугубо языковому пласту петербургского текста, в гетерогенном семантическом поле которого происходит своеобразная перекодировка значений, за счет чего генерируются новые смыслы.

Вторая, структурно-семиотическая, ветвь занимается преимущественно мифопоэтикой Петербурга, то есть представители этого направления исследуют большей частью петербургский миф. Поэтому в такого рода исследованиях большое внимание уделяется построению «модели» Петербурга, с проекциями на древние архетипические символы города.

Так, В.Н. Топоров в своей фундаментальной статье «Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте» проводит параллели архетипических городов древности с современными мифологизированными городами. Он полагает, что «более поздние тексты города так или иначе откликаются на темы, коренящиеся уже в образе города-девы. Из них здесь достаточно назвать три: 1) город как *родовое* место (т.е. место, где находится род и где он рождается, ср. город-мать, «метрополис»); 2) жертвенность города; 3) город и *случай-шанс*, выбор (жизнь или смерть,

победа или поражение, благо или зло), а также указать дальнейшее развертывание «городской» мифологии, воспроизводящее архаичные мотивы (ср. Москва-матушка: Петербург-батюшка и мифологизированные описания их противоположных качеств при оппозиции «круглые» города: «квадратные» /четырехугольные/ города)» [8, с. 131].

Ю.М. Лотман, исследуя семиотику городского текста, отмечает принципиальную культурную неоднородность, что, в конечном счете, позволяет городу стать «генератором» различных культурных кодов. Ср. мнение исследователя о том, что «город, как сложный семиотический механизм, генератор культуры, может выполнять эту функцию только потому, что представляет собой котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням. Именно принципиальный семиотический поли-глотизм любого делает его полем разнообразных и в других условиях невозможных семиотических коллизий. Реализуя стыковку различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов, город осуществляет разнообразные гибридизации, перекодировки, семиотические переводы, которые превращают его в мощный генератор новой информации. Источником таких семиотических коллизий является не только синхронное соположение разнородных семиотических образований, но и диахрония: архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого. Город – механизм, постоянно заново рождающий свое прошлое, которое получает возможность сополагаться с настоящим как бы синхронно. В этом отношении город, как и культура, – механизм, противостоящий времени» [4, с. 325].

В целом в своих работах, посвященных проблеме петербургского мифа, Ю.М. Лотман исследует специфику Петербурга в рамках общей семиотики города и – шире – в рамках семиотики пространства. Так, в статье «Художественное пространство в прозе Гоголя» Ю.М. Лотман выявляет главную особенность петербургского топоса в произведениях Н.В. Гоголя, которая заключается в его двойственности: с одной стороны, это пространство, отличающееся чрезвычайно конкретностью и вещной «наполненностью», но, с другой стороны, оно оказывается ложным и мнимым. Ср.: «пространство обладает особым свойством: будучи непрерывно во вполне реальном смысле, на уровне обозначающего (план «меню»), оно абсолютно пусто (образует «непрерывность пустоты»): дыра, прореха, бездна – на уровне денотата (план «натуры»). Эта двойная конструкция достигается чрезвычайной конкретностью, вещественностью пространства, которое одновременно оказывается совершенно мнимым» [5, с. 649].

Третья ветвь исследований петербургского мифа связана преимущественно с историко-литературным, а не теоретическим подходом. В такого рода исследованиях, как правило, ученые идут от материала к теории. В этом ракурсе изучаются преломления петербургского мифа в разных литературных течениях и направлениях (а также в творчестве отдельных авторов). Мы выделили наиболее важные работы, которые непосредственно касаются нашей темы.

Подробно символизм в аспекте избранной нами темы был изучен Л.А. Колобаевой. Исследовательница дает целостную концепцию развития русского символизма, в рамках которой большое внимание уделяется и петербургскому мифу русской литературы в его символистском изводе. Так, анализируя поэму Д. Мережковского «Бог», Л.А. Колобаева отмечает, что «повествование в поэме выходит на уровень более широкий, эпический, связанный с планом историческим, с темой Петербурга и России. Поэма не случайно названа «петербургской», и в ней автор касается многих характерных для русской литературы “петербургского периода” мотивов, которые позднее будут развиты в романах самого Мережковского и в “Петербурге” А. Белого, а много позже – в “Поэме без героя” Анны Ахматовой» [2, с. 33]. Как видим, исследовательница выстраивает парадигму развития петербургского мифа, характерную для модернистской культуры XX века.

Интересен анализ петербургской темы в творчестве А. Белого, непосредственно касающийся нашей темы. Исследовательница показывает, как мифология Петербурга причудливым образом переплетается с античными мифологемами Диониса и Аполлона. Так, «в романе “Петербург” дионисическое и аполлоническое начала явлены в своей крайней и гротескной форме как некие символические выражения двух основных начал в жизни Российского государства и русской ис-

тории – западной по происхождению идеи Порядка, доведенной до абсурда и олицетворенной в образе сенатора» [2, с. 217].

Исследование петербургского мифа в современном литературоведении может вестись и с других, более частных точек зрения, но магистральная стратегия исследования обозначена, прежде всего, в вышеназванных трудах.

Библиографический список

1. *Анциферов Н.П.* Душа Петербурга // Анциферов Н.П. «Непостижимый город…» – Л., 1991.

2. *Колобаева Л.А.* Русский символизм. – М., 2000.

4. *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга // Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб., 2001.

5. *Лотман Ю.М.* Художественное пространство в прозе Гоголя // Ю.М. Лотман о русской литературе. – СПб., 2005.

6. *Минц З.Г.* Петербургский текст и русский символизм // Минц З.Г. Блок и русский символизм: Избранные труды: В 3 кн. – СПб.: Искусство – СПб, 2004. – Кн. 3: Поэтика русского символизма.

7. *Томашевский Б.В.* Пушкин: Материалы к монографии. – М.; Л., 1961. – Кн. 2.

8. *Топоров В.Н.* Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. – М., 1987.

9. *Анциферов Н.П.* Быль и миф Петербурга. – Пг., 1924.

Гусейнова Лейла Гасан гызы
Азербайджанский технический университет
leylaguseynova@mail.ru

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ, СБЛИЖАЮЩИЕ ГЕРОЕВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. МЕЛИК-ЗАДЕ С ГЕРОЯМИ РАССКАЗОВ В. ШУКШИНА

В статье сделана попытка определить основные ориентиры и переклички В. Шукшина и азербайджанского писателя И. Мелик-заде при создании концепции характера.

Ключевые слова: *Василий Шукшин, Иси Мелик-заде, принципы концепция, характер, герой, сюжет, писатель.*

В русском советском и в современном нам российском литературоведении В. Шукшина, как правило, рассматривают как чисто национального писателя, у которого нет, и не может быть аналогов среди представителей других национальных литератур. Проведенная в настоящей статье параллель между произведениями В. Шукшина и азербайджанского писателя напрочь опровергла этот постулат. Как оказалось, у В. Шукшина есть немало точек соприкосновения в подходе к проблеме, в воссоздании образов, в раскрытии темы с его современником – азербайджанским писателем Иси Мелик-заде. Это позволяет прийти к выводу, что такого рода параллели можно провести между В. Шукшиным и другими национальными писателями.

Так, например, в произведениях И. Мелик-заде наблюдается шукшинский тип героя-чудика. Таким же вроде бы чудиком обрисован образ юного Давуда из рассказа И. Мелик-заде «Корзина винограда». В самом деле, как не назвать чудачеством странное и совершенно алогичное поведение литературного героя, который в пору своей молодости решает тайком воровать виноград из колхозного сада: «Значит, теперь, такое дело, Кара Курбан… Каждую ночь буду тебе в сад приходить, виноград буду воровать, а ты поймай, коли сумеешь» [2, с. 71].

И это при том очевидном условии со стороны государственного сторожа, что «сладкий плод» не был запретным. Доступ был вполне открытым, и доверие к человеку обеспечено: «Сгорая со стыда, он (старик Курбан. – *Л.Г.*) больше не ходил в кузню, ни секач поправить, ни нож наточить – он не однажды посылал к Давуду сказать, мол, пошутил и ладно, чего тебе по ночам воровством заниматься, приходи днем, я же к тебе с легкой душой – бери, сколько унесёшь» [3, с. 72].

На наш взгляд, усиливают элемент чудаковатости некоторые авторские реплики, как и у В. Шукшина, брошенные *незаметно,* вскользь. («Береги свой сад! – следует, например, шутливое и полудетское напутствие). «Люди, конечно, прознали, – продолжает автор, – как Давуд с Кара Курбаном в прятки играет, посмеиваться начали» [4, с. 72].

Заметим также, что герои В. Шукшина и Иси Мелик-заде устраивают свои «мини-спектакли» только с целью исполнения желания близких им людей, и комедийное начало в рассказах доминирует. Однако стиль азербайджанского прозаика

© Гусейнова Л.Г., 2010

становится более серьезным, когда, резко и неожиданно разрывая временные рамки, персонаж предстает человеком, уже умудренным опытом прожитых лет.

Так, у Багира из повести «Дедушка-дуб» вызывает недоумение «странная» любовь Нурджаббара к лесу: «Чудной какой-то мужик… от безделья, что ли, дурь в голову лезет? Лес дышит, лес думает, лес говорит…» [3, с. 260]. Но заметим: эта уничижительная характеристика дана не от имени автора, а со стороны. В данном случае мать, к примеру, воздерживается от нелицеприятных сравнений, а Багир называет Нурджаббара «чудным», потому что не видит, как в природе все взаимосвязано. Поначалу природа действительно молчит, как бы уходя в себя. И вот Багир со своим подслеповатым зрением однажды вдруг для себя открывает: «…Да и Кура “вроде присмирела”, не лижут волны крутой берег. Молчит река, “будто обиделась на что”, тихо течет, словно украдкой» [3, с. 284]. Но писатель ясно дает нам понять, что это молчание временное: когда-нибудь в ответ на невнимание природа отомстит нерадивому хозяину жестоко и беспощадно. Так что недопонимание Багира и порождает обращение с Нурджаббаром, как с «чудиком». Это приводит нас к мысли о сопоставлении его парадоксального на первый взгляд поведения со странностями героев-чудиков из рассказов В. Шукшина. Герои И. Мелик-заде также совершают, казалось бы, непонятные поступки.

В самом начале повести «Зеленая ночь» читатель знакомится с ее главным героем Гарибом, которого родственник Джавад приводит на охоту, чтобы он мог отдохнуть, набраться сил и подышать свежим воздухом. По сути дела, уже в зачине И. Мелик-заде весьма точно, почти натуралистически воспроизводит сцену охоты и смерть зайца. Эти два эпизода вызывают в душе героя, скорее, не умозрительные сцены переживания, а явно реальные. Столкнувшись наяву со смертью зайца, Гариб весьма ощутимо вдруг переживает за то, что с ним случилось. На что родственник Джавад заметил: «Чудной ты, Гариб, – не переставая жевать, заговорил Джавад…» [3, с. 7]. Дальше – больше. По протекции он устроился работать в заповедник. И здесь на лоне природы его образ становится ярким воплощением авторской идеи в вопросе раскрытия темы «человек и природа», символическим воплощением темы добра и зла в концепции сюжетного замысла писателя. Чтобы убедительно и ярко раскрыть эту тему, автор в сюжете повести отводит своему герою «роль» Дон-Кихота.

В тексте начинает реализовываться художественный прием «мнимой» роли героя. Этот же прием будет характерен и для рассказа «В ночном поезде». Но если в повести Гариб не станет образом «мнимого» Дон-Кихота, то в рассказе «В ночном поезде» сапожник Дадашев разыгрывает роль именно «натурального» прокурора. Мнимые роли Дон-Кихота и прокурора в художественной канве повести и рассказа – это всего лишь определенный художественный прием, способствующий раскрытию главной идеи повести и рассказа.

Называя Гариба со всем его окружением Дон-Кихотом, писатель раскрывает в становлении характера реальное «донкихотское» по отношению к природе. И здесь, на наш взгляд, невозможно не отметить пейзаж повести, который напоминает нам образный арсенал многих рассказов В. Шукшина. Здесь пейзаж – это как бы реальное действующее лицо, ценнейшее дополнение к раскрытию характеристики черт героя – Гариба. Писатель, подчеркивая любовь к природе, олицетворяющейся в бережном отношении к заповеднику, показывает, с какой неприязнью будет относиться главный герой повести «Зеленая ночь» к тем, кто наносит ему вред, засоряя его «мусором». Однозначно, что, уже на примере раскрытия характера Гариба – Дон-Кихота, мы видим, что И. Мелик-заде, как и В. Шукшин, большую роль отводит в своем творчестве показу необходимости гармоничных отношений с природой и с ее животным миром.

Роль защитника природы, отличного от гарибовского типа донкихотства, И. Мелик-заде отводит Ахмеду, другому главному герою повести «Дедушка-дуб». И если в «Зеленой ночи» образ Гариба, по мысли писателя, выполняет художественную роль бунтаря, сражающегося почти вслепую против лжи и фальши в своем заповеднике, то Ахмед, фактически его ровесник, не бежит от людей в заповедник, как это делает Гариб даже в день своей свадьбы. Работая на стройке и познавая нелегкую радость труда, герой уже там совершает первые шаги в становлении своего характера на пути осознания собственного «я». Он, как и многие герои рассказов В. Шукшина, показан вполне сформировавшимся типом героя-труженика в борьбе с разного рода трудностями. Такая жизненная позиция Ахмеда, придающая ему силы, приводит в дальнейшем

к потребности активно защищать правду и справедливость в своей жизни. Бунт Ахмеда закончился моральной победой героя.

Однако, как нетрудно видеть, Гариб отнюдь не сразу охвачен страстной и бескорыстной любовью к местному заповеднику. Но всё же он самоотверженно начинает охранять его от браконьеров. Такое неординарное и неуемное рвение в любви к заповеднику и ее «меньшим братьям» вызывает со стороны родных большое беспокойство. Они вынуждены отвести его к доктору – мудрому врачу Фарачу. Глядя на него, Фарач заводит разговор о Дон-Кихоте, о котором он сам слышал от местного учителя. «Странности» юноши, – по мнению критика Веры Чайковской, – как и других молодых героев писателя, на ее взгляд, «более соотносимы не столько с подвигами рыцаря печального образа, сколько с действиями иного персонажа, принадлежащего уже национальной традиции. Это Меджнун – безумец, одержимый любовью» [6, с. 54].

Изучив творческие манеры письма В. Шукшина и И. Мелик-заде в раскрытии героя «чудика», надо отметить, что они значительно разнятся. В. Шукшину во многих рассказах о чудиках удается раскрыть внутренние мотивы чудачеств героев («Алеша Бесконвойный», «Даешь сердце»), в то время как И. Мелик-заде до конца не проясняет, к примеру, даже в повести «Зеленая ночь» мотивы пробуждения чудачеств. Так, остается до конца не прояснённым, что же всё-таки вызвало в душе героя такую страстную любовь к «братьям меньшим» в заповеднике.

В отдельных эпизодах повести «Зеленая ночь» при раскрытии характера и поведения чудика-донкихота Гариба автор выделяет две явно противоречивые крайности. Как нам думается, подобного рода двойственность в поведении героя, с одной стороны, являет собой нескончаемую и несколько болезненную жалость и любовь к «меньшим братьям», активно пропагандируемую на страницах повести. И такие черты характера, в которых показано полное безразличие, нечувствительность к тревогам, заботам и страданиям близких и родных ему людей: матери, невесты, проявляющих к нему искреннюю любовь и внимание, на наш взгляд, несколько «снижают» образ Гариба. Чудаковатые, алогичные черты в поведении героя, любящего животных, но не принимающего родных, особенно ярко проявляются в эпизоде бегства Гариба с собственной свадьбы. В подобной ситуации благородные метания из-за социальной наивности и, возможно, молодого возраста героя выглядят несколько натянуто и в этой связи вызывают наше недоумение. Настойчиво, буквально до упрямства герой бунтует против всех и вся, а автор с ним в повести носится, как с ребенком. Хотя к тому моменту, когда он по протекции устраивается на работу в местный заповедник, ему уже исполнилось двадцать лет. Но то, что простительно ребенку или подростку, является непозволительной роскошью для уже повзрослевшего и солидного человека, тем более уже ощутившего свою тесную духовную связь с миром природы. Трактовка решения многих «социально-бытовых проблем, что называется семейным способом, снижает, по мысли критика О. Покальчука, пафос произведения и делает смерть героя-труженика от руки браконьера абсурдной и надуманной» [5, с. 22]. Наивысшим моментом в раскрытии противостояния героя окружающему миру алчных людей становится его готовность ради дела всем пожертвовать. Герой полностью удаляется от событий и явлений реального мира. Писатель, отведший ему роль «мнимого» Дон-Кихота в этой повести, в отличие от рассказа «В ночном поезде», оставляет героя на позиции бегства от реальной жизни, которое заканчивается для него трагически. И мы думаем, что в подобном аспекте решения творческой задачи при раскрытии характера героя-чудика Гариба, одухотворенного любовью к «братьям меньшим», писатель несколько проигрывает.

Обращение писателя к типу чудаковатых молодых людей показывает, что в развязке намеченных конфликтов И. Мелик-заде не идет каким-то облегчённым путем. В финале большинства его произведений не всегда благополучно разрешаются все противоречия жизни героев. Хотя если подойти к понятию конфликта теоретически, то перед нами категория, которая наиболее наглядно свидетельствует о взаимоотношениях художника и действительности. В повести «Зеленая ночь» он лежит как бы за бортом. В раскрытии характера чудика Гариба так до конца и остается нераскрытой неиссякаемая жажда добра и справедливости по отношению животным. Ею обычно весьма сильно одержимы многие герои повестей и таких рассказов И. Мелик-заде, как «Корзина винограда», «В ночном поезде». Характерные черты, сближающие героев повестей И. Мелик-заде на тему труда – «Колодец», «Зеленая

ночь», «Дедушка-дуб», «Где ночует солнце», с героями рассказов В. Шукшина, были связаны, на наш взгляд, со справедливо сказанными словами в адрес русского писателя критиком Л.Аннинским: «Писатель воплощал «единую душу», противоречивую и непоследовательную, и вовсе не множество разных типов» [1, с. 239].

Раскрытие писателями показа оторванности современного деревенского жителя от земли, труда, природы способствовало появлению типа героя-чудика, активно раскрываемого В. Шукшиным и И. Мелик-заде, как напоминание народу о необходимости проявления особой любви к труду, к земле, природе, человеку.

Библиографический список

1. *Аннинский Л.* Тридцатые и семидесятые. – М.: Просвещение, 1977. – 293 с.

2. *Мелик-заде И.* Мужчина в доме. Повести. – М.: Молодая гвардия, 1975. – 252 с.

3. *Мелик-заде И.* Зелёная ночь. – М.: Советский писатель, 1984. – 310 с.

4. *Мелик-заде И.* Корзина винограда. Рассказ // Литературный Азербайджан. – 1989. – №1. – С. 70–75.

5. *Покальчук О.* Жажда настоящего // Дружба народов. – 1986. – №12. – С. 256–257.

6. *Чайковская В.* Парадоксы наивного сознания // Литературное обозрение. – 1985. – №9. – С. 52–55.

7. *Шукшин В.М.* Беседы при ясной луне. Рассказы. – М.: Советская Россия, 1975. – 319 с.

8. *Шукшин В.М.* Вопросы самому себе. – М.: Молодая гвардия, 1981. – 211 с.

9. *Шукшин В.М.* До третьих петухов. Повести. Рассказы. – М.: Известия, 1976. – 668 с.

УДК 13:82.0

Иванов Дмитрий Игоревич
кандидат филологических наук
Ивановский государственный университет
Ivan610@yandex.ru,
Калинин Павел Евгеньевич
Ивановский государственный университет
kalinin_pe@mail.ru

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КОНТИНУУМ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА («Дороги» Ю. Шевчука)

В статье рассматривается проблема адекватного представления категории времени в пространстве вербального компонента субтекста рок-композиции Ю. Шевчука «Дороги».

Ключевые слова: *хронотоп, текст, смысл, пространство-время текста, сознание.*

Проблема адекватного представления категории времени является одной из основных в современном естествознании и гуманитарных исследованиях. Создано множество концепций, посвященных описанию темпоральных процессов и реальностей. Существуют концепции, в которых время является количественным фактором в измерении процессов, происходящих во внутреннем мире человека [8]. Вводятся различные времена для процессов разного масштаба, существуют такие понятия, как «историческое время», «социальное время», «психологическое время», «биологическое время».

Необходимость введения понятий различных «времен» следует из вариативности скорости протекания различных процессов в тех или иных областях пространства. В современной науке существует термин – «темпомир», с помощью которого описываются трансформации категории «время». Темпомиром является система, в которой процессы (время) текут с определенной скоростью [7]. Скорость изменения системы есть скорость течения времени в системе или время системы, интенсивность ее временной составляющей.

Отметим, что в феноменологии разрабатываются понятия «внутреннее время» и «внешнее время». Время «внешнее» и «внутреннее» неразрывно связаны, но не являются тождественными. «Внешнее» время определяет временную структуру, порядок протекания событий во «внешней реальности» по отношению к наблюдающему субъекту. Наблюдатель должен струк-

© Иванов Д.И., Калинин П.Е., 2010

турировать для себя временное поле событий. Такая способность находится в прямой зависимости от структуры временной связи между представлениями и понятиями, составляющими внутренний мир личности.

В этом контексте объективируется непосредственная связь мышления, различных движений сознания со временем. Ш. Винтер считал что «мышление – это моё движение и движение моих знаний во времени» [3, с. 224] , для Гераклита мыслить значило мыслить время [6, с. 54]. Из этого следует, что временные отношения являются допространственными, то есть могут быть рассмотрены как первичные. В определённой степени на этом базируются пространственные образования в процессе мышления. В результате временные отношения в сознании переходят в пространственные, а именно, выделяется пространство, в котором взаимодействуют образы, представления и понятия.

Данную проблему разрабатывал И. Кант. Согласно кантовской интерпретации время – это форма созерцания. Следовательно, возможен переход временных отношений в пространственные (квазипространственные) образования. Время в контексте его исследований выступало как время внутреннее, в соответствии с которым выстраиваются процессы внутри сознания, «время есть не что иное, как форма внутреннего чувства, т.е. созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния <…> оно определяет отношение представлений в нашем внутреннем состоянии» [5, с. 74]. Время осуществляет возможность существования явлений, данных нам в восприятии: «Пространство и время суть чистые формы его, а ощущение вообще есть его материя» [5, с. 80]. Время и пространство сознания структурируют чувственный материал, придавая ему определенную форму.

Для формирования образа внешней реальности необходима встреча познающего субъекта с внешним миром, с «внешним временем», с внешней временной структурой. При такой встрече образуется некий промежуточный уровень – мезоформа, которая отличается неустойчивостью и наличием различных путей развития.

Мезоформой при встрече внешнего социального и внутреннего времен может считаться художественный текст. В данном контексте текст – вариативная, неустойчивая, постоянно изменяющаяся структура, что проявляется в потенциальной бесконечности его интерпретаций. Важно, что текст обладает ритмом (временным компонентом) и пространством, в котором рождаются и взаимодействуют художественные образы. Ритмический, временной компонент обладает особым значением и может бытовать отдельно от содержания. В этом случае проявляется «чистая» временная структура текста.

Существует ряд исследований, в которых ритм текста непосредственно связывается с эмоциональным состоянием автора, с его временем: «носителем авторской эмоции является ритм текста, его структура, которая способна активизировать восприятие читателя, передать для него авторскую эмоцию» [9, с. 57]. Более того, временная структура текста определяет общий смысл: «каждый смысл требует для своего выявления определенной протяженности текста во времени…» [9, с. 67].

Итак, появление текста и пространственно-временного компонента в нём – это результат пересечения времени внутреннего мира человека с внешним временем социальной действительности. Ситуация пересечения является ключевой, так как при этом рождается смысл, как особая, первоначальная форма внутреннего пространства-времени. Смысл, в этом контексте, – основной организующий фактор процесса построения текста, так как в нем отражается временная (интонация и ритм) и пространственная (смысл выстраивается как отношение к чему-то, т.е. имеет свой предмет, который должен бытовать в определённом пространстве) составляющие.

Текстом особого рода следует считать поэтический текст, так как в нём наиболее сильно выражена временная характеристика – ритм.

Рассмотрим порождения конкретного текста и его образов на примере текста песни «Дороги» Ю. Шевчука. В этой композиции Ю. Шевчук пытается определить место и роль поэта в современном мире и делает это путём проецирования судьбы А. Башлачёва на собственную судьбу. Автор проводит своеобразную границу между временем, когда поэт Башлачёв был жив, и тем, что осталось после его гибели. Отсюда в тексте появляется мотив разорванного пути и неопределённого пространства. При проецировании одного времени в другое рождается пространство, структурируемое особыми образами, которые являются одновременно динамично-временными и находятся в определенной зависимо-

сти от пространственных отношений. Так, например, для описания свойств пространства-времени своей эпохи Ю. Шевчук обращается к образам двух городов – Москвы и Ленинграда. В пространство вербального компонента субтекста Москва и Ленинград вводятся не прямо, а опосредованно – через образы Невского проспекта и Красной площади. Это позволят наиболее полно включить оба образа в смысловой контекст эпохи, в ее временную и пространственную перспективу, т.к. оба этих образа являются символичными в нашей культуре. Поэт предлагает две близкие по смыслу интерпретации этих образов. Москва и Ленинград – *черные парадные* («Между черных парадных» [10]), между которыми ползет-«движется» человек-*пластун*. Этот образ ассоциативно связан с образами *водоворота-омута времени* и *черной дыры-пустоты*.

Таким образом, мы видим, как образы пространства порождаются из образов временных, как пространство текста структурируется и начинает обладать определенной динамикой благодаря включению временных, процессуальных образов. Далее Москва и Ленинград представляются как *визжащие колеса* («Между визжащих колес» [10]). В данном контексте города превращаются в безжизненный механизм, машину, которая подчинена системе, сама является ею и запрограммирована на выполнение двух основных задач: 1) уничтожение инакомыслящих 2) тотальная нейтрализация сознания подчинившихся. Что особенно важно для нас, представленные интерпретации вступают в семантическое взаимодействие и сливаются в единое целое, так как в равной степени наделены деструктивной энергетикой.

Таким образом, семантическая составляющая соединяет пространство, и время в тексте является носителем единого пространственно-временного континуума текста, основной его составляющей. Образы Москвы и Ленинграда предстают сразу во временном, динамическом образе (*визжащие колеса*) и пространственном (*черные парадные*), т.е. совершается перетекание, синтез пространства-времени в сознании поэта. Более того, *Москва – Ленинград – черные парадные – визжащие колеса* не статичный образ: он трансформируется, разрастается. *Черные парадные – визжащие колеса* постепенно сближаются, поглощая жизненное пространство-время *человека-пластуна*. Именно пространство-время, т.к. в контексте они не разделены, т.е. сосуществуют слитно в своем смысловом единстве.

Особым пространственно-временным смыслом наделяется единство образов песка и степи, образуя некий единый конструкт степи-песка. *Песок* – символ ускользающего, безжизненного времени. Башлачевский мотив ржавой воды-времени («Дороги») в тексте Ю. Шевчука абсурдизируется. Это последняя стадия разрушения. Если ржавая вода может очиститься, то песок водой стать не может. Песок – «высохшее» время – состоит из песчинок-людей-*пластунов*, у которых нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Но стоит отметить, что у каждой такой песчинки с необходимостью должно существовать свое собственное время, другое дело, что эти времена могут быть полностью поглощены внешним временем – Хроносом. Ленинград – это и Петербург, и Петроград («Победа»). Время «сжалось», «рассыпалось» и исчезло в пространстве тотальной пустоты:

Летим сквозь времена, которые согнули
Страну в бараний рог и пили из него.
Все пили за него – и мы с тобой хлебнули
За совесть и за страх. За всех. За тех, кого…
(А. Башлачев) [2, с. 26].

В тексте Ю. Шевчука центральные для А. Башлачева процессы полета и пития трансформируются. Полет – это падение, а питие – засыпание горла человека (машины) песком (другими людьми). Т.е. человек не справляется с нахлынувшим на него социальным временем (песком), с водоворотом времени при сломе культур, захлебывается в нем.

Степь – это безжизненное пространство существующего / несуществующего настоящего. Ее основу составляет *песок* «высохшего» времени. Степь постоянно расширяется, вбирая в себя новые человеческие жизни, покрываясь *песком-пеплом*. Итак, время и пространство одновременно и сжимаются, исчезают и растягиваются в бесконечность, превращаясь в тотальную, безжизненную пустоту.

Главным является понятие и образ дороги, который включает в себя и пространственную и временную составляющие, в образе дороги – некоторая цель, направленность. До смерти А. Башлачева у всех рок-поэтов наблюдалась общая дорога, общий путь и общая цель, которая стала теряться при нормализации ритма культуры после излома «перестройки». Всех объединяла определенная цель, единый путь.

В данном контексте особое значение имеет образ *заката*. Он символизирует ситуацию вне-

запного, преждевременного, безрезультатного завершения пути. Миссия поэта осталась неисполненной. Речь идёт не только о поэте-Башлачёве и авторе текста, но и обо всех рок-поэтах. Ю. Шевчук понимает, что трагический финал неизбежен. Это может быть физическая смерть, духовный, творческий кризис, потеря идеалов.

Отметим, что к образам *дороги* и *заката* примыкают глагольные элементы *растеклись* и *расплылись*. Они конкретизируют их семантику. Ю. Шевчук не случайно использует возвратные формы глаголов *течь* и *плыть*. Дело в том, что они выражают определённое состояние, а не результативное действие. Временную сторону процесса, которая включена в пространство бытования лирического героя. *Течь* и *плыть* – значит иметь направление, двигаться по течению или против него, развиваться, а *растекаться* и *расплываться* – значит не иметь формы, стоять на месте или двигаться по замкнутому кругу.

Важно, что эти глагольные элементы связаны с водной стихией. Если учитывать тот факт, что вода в художественной системе А. Башлачёва соотносится с категорией времени, то становится понятно, что они характеризуют не только образы *дороги* и *заката*, но и дают общее представление об атмосфере, в которой находится лирический герой. Наступает эпоха безвременья, которая постепенно сводится к гипертрофии пространства и потере человека в пространстве культуры. В этом контексте элементы *растекаться* и *расплываться* – это знаки того, что время остановилось, а точнее, перешло в пространственную, аморфную форму. Здесь мы имеем дело с действием принципа дополнительности Борна, который утверждает, что «более точное определение одной из дополняющих друг друга характеристик описания объекта приводит к уменьшению точности других» [4, с. 32].

В этом случае, с одной стороны – вневременное бытование образа преобразуется в неопределенность, размытость положения предмета в пространстве. С другой – локализация образа в определенной точке пространства представляет собой максимальное временное состояние предмета. Таким образом, воплощается ситуация сворачивания временного континуума к единому «теперь».

Ситуация «консервации» времени накладывает отпечаток на сознание лирического героя. Его преследует неизвестность, которая постепенно трансформируется в чувство обречённости. Ю. Шевчук прямо указывает на это: «Эй, Витька, наливай, наливай, / Накрывай, старик, да крой до краёв» [10].

Важно, что Ю. Шевчук при создании этого образа опирается на поэтический опыт А. Башлачёва. Образ *края* генетически связан с башлачёвским представлением о времени-*омуте*: «Кругом бездорожья траншеи. / Что, к реке торопимся, братцы? / Стопудовый камень на шее… / Рановато парни купаться! / Хороша студёна водица, / Да глубокий омут таится. / Не напиться нам, не умыться, / Не продрать колтун на ресницах» (А. Башлачёв) [2, с. 16]. Укажем, что при подключении контекста образ *края*-времени усложняется. *Край* – это не просто конец чего-либо, это круговорот. Метафорически ситуация кружения в стоячей воде-времени отражается в тексте Ю. Шевчука через повтор лексического элемента *наливай*.

Итак, Ю. Шевчук создаёт свою интерпретацию времени через: 1) обращение к башлачевским образам: «кругом» (круг); «омут», не имеющий дна, закручивающий, втягивающий в себя лирического героя; 2) использование глагольных элементов *растекаться* и *расплываться*; 3) введение в текст сложного звукового комплекса («крыв» – «крой» – «краёв»), в котором зашифрованы образы *край* и *водоворот*.

Несмотря на то что, попадая в замкнутое пространство водоворота, время начинает «сжиматься», оно в сознании лирического героя чётко разделёно на *прошлое*, *настоящее* и *будущее*. Здесь мы наблюдаем условное положение образа на середине оси пространство-время. Образ края пространства не означает его бесконечность. В данном случае, наблюдается полубесконечное пространство. В результате, временная составляющая не переходит к единому «теперь», а сворачивается в цикл *прошлое-настоящее-будущее*, которые начинают сворачиваться в не дифференцируемое «сейчас».

Такое взаимное перетекание пространсва-времени онтологизируется рок-поэтами и распространяется на реальное пространственно-временное бытование человека. После смерти и обретения условно статичного положения в пространстве поэт переходит во вневременное существование в «вечное теперь».

Таким образом, поэт начинает занимать собой все временные плоскости. Прошлое, настоящее, будущее для него теперь не существуют.

В результате, существующий / несуществующий рок-поэт вбирает в себя все модусы времени. Такая ситуация изменения роли и функции поэта в мире определяется автором через особое понимание категорий жизни и смерти. Ю. Шевчук указывает на то, что в *прошлом* жизнь и смерть – это абстрактные категории. Они одухотворены поэтическим началом. Здесь вновь активизируется миф поэта Башлачёва: «Поэты живут. И должны оставаться живыми. / Пусть верит перу жизнь, как истина в черновике. / Поэты в миру оставляют великое имя, / Затем, что у всех на уме – у них на языке» (А. Башлачёв) [2, с. 74]. Ю. Шевчук подтверждает эту мысль: «А я вчера похоронил корешка, / А он, подлец, да помирать не захотел. / Корешок растет, живёхонек в земле» [10].

Становится ясным, что образ в художественном тексте всегда включает в себя пространственно-временные характеристики, постоянно перетекающие друг в друга. Образ в сознании поэта-человека и его «тексте-смерти» погружен в особое в пространство-время. Очевидно, что бытование художественного образа внутри сознания не может быть отделено от пространства-времени культуры.

В итоге, можно констатировать: пространство-время текста рождается при пересечении пространства-времени человека с пространством-временем другого человека или культуры. Поэтическое сознание, преодолевая пространственно-временные преграды, постоянно ощущает присутствие в себе другого: «Различия пространства-времени *я* и *другого*. Они есть в живом ощущении, но отвлеченная мысль их стирает. Мысль создает единый, общий мир человека безотносительно к *я* и *другому*. В примитивном естественном самоощущении *я* и *другой* слиты» [1 с. 523–524].

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – 543 с.

2. *Башлачев А.* Петербургская свадьба // Башлачев А. Посошок: Стихотворения. – Л.: Лира, 1990. – 91 с.

3. *Винтер Ш., Хайдеггер М.* Определение метафизики. Мюнхен. 1993 // Реферативный журнал ИНИОН. Сер. 3. Философия. – 1994. – №3. – С. 224.

4. *Горбачев В.В.* Концепции современного естествознания. – М.: ОНИКС 21 век, 2005. – 672 с.

5. *Кант И.* Критика чистого разума – М.: Эксмо, 2007. – 736 с.

6. *Кессиди Ф.Х.* Гераклит. – М.: Мысль, 1982. – 200 с.

7. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. – 1992. – №12. – С. 3–20.

8. *Люблинская Л.Н., Лепилин С.В.* Философские проблемы времени в контексте философских исследований. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 304 с.

9. *Москальчук Г.Г.* Структура текста как синергетический процесс. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 296 с.

10. *Шевчук Ю.* Пластун [цит. по фонограмме «Пластун», 2001].

УДК 821.161.1-1

Круглова Татьяна Сергеевна
кандидат филологических наук, доцент
Пензенский государственный университет
tatjana.sk@mail.ru

ЛИРИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ ЦВЕТАЕВОЙ С ШЕКСПИРОМ КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕНЕССАНСНОГО АНТРОПОЦЕНТРИЗМА

Статья посвящена проблеме лирического диалога, рассматриваемого в аспекте ренессансного антропоцентризма, неоромантической поэзии Цветаевой и гуманистического творчества Шекспира. Призмой, сквозь которую рассматривается интертекстуальное взаимодействие этих систем, становится гуманистическая концепция личности в ее гендерном аспекте. Опираясь на теоретическую модель Возрождения, обоснованную А.Ф. Лосевым, автор доказывает, что точкой пересечения неоромантических установок Цветаевой и возрожденческого антропоцентризма становится концепция «сильной личности», которая находится в полемическом диалоге с миром и с собственной душой.

Ключевые слова: *диалог, гуманизм, антропоцентризм, поэтика Цветаевой, Шекспир, картина мира, интертекст.*

Одна из важнейших особенностей эстетики XX века состоит в пересмотре категории искусства как самодовлеющей и самозамкнутой целостности. Такая «переоценка эстетических ценностей» привела многих представителей модернистского искусства к идее диалогизма, имманентно присущего художественным произведениям. И это отнюдь не частное явление, связанное только со сферой эстетического, но, напротив, этот феномен должен быть вписан в широкий культурологический контекст, ибо он соотносится с общими установками науки и культуры начала прошлого века. Как справедливо замечает Вяч.Вс. Иванов, «в наше время и в самых точных науках, например, в квантовой физике, требуется учитывать взаимодействие наблюдаемого – объекта наблюдения. Тем более возрастает необходимость принимать во внимание наблюдателя, если речь идет о таком объекте, как искусство, где никак не оторвешь объект от субъекта» [1, с. 456.].

На уровне художественного текста подобное взаимодействие наблюдателя и объекта наблюдения может быть прочитано в семиотической перспективе как взаимодействие адресата и адресанта. На уровне же самой художественной структуры произведения это взаимодействие может воплощаться в разнообразных цитатах, аллюзиях и реминисценциях, которые указывают на творческий диалог и взаимовлияние.

Однако, очевидно, что для того, чтобы творческий диалог состоялся, необходимо принимать во внимание специфику разных картин мира, которые могут быть сведены друг к другу через общие типологические параллели, часто возникающие в этом случае. В нашем случае уместен вопрос о взаимодействии двух хронологически отдаленных эпох: Ренессанса и Серебряного века. В самом деле, эти историко-художественные и философские парадигмы могут быть сближены, ибо «по интенсивности открытий в самых разных областях (от живописи и театра до физики и биологии) первая четверть XX века сопоставима именно с такими бурными эпохами, как шекспировская» [1, с. 463]. В этой статье мы не будем обращаться к столь широким историко-литературным параллелям, нас занимает более частный вопрос – лирический диалог Марины Цветаевой и Шекспира в свете гуманистической концепции личности.

Стало общим местом говорить о том, что одна из важнейших отличительных черт культуры Ренессанса – это гуманизм, который предполагает выражение человека во всей полноте его проявлений. Возникает вопрос: откуда в лирике Цветаевой появились ренессансные черты? Думается, что своеобразной эстетическо-мировоззренческой базой для восприятия некоторых черт ренессансной культуры у Цветаевой стали ее неоромантические установки.

Самодовлеющая человеческая личность, замкнутая в себе и вступающая в непримиримую драматическую борьбу с миром на типологическом уровне, коррелирует с концепцией ренессансного человека, ибо возрожденческий антропоцентризм предполагает примат личности и относительность общепринятых ценностей. Ценность личности выше ценностей социальных, так как жизнь утверждает себя через посредство личности. При этом личность понимается не как абстрактно-отвлеченная сущность, но как определен-

 © Круглова Т.С., 2010

ная телесная субстанция. Так, А.Ф. Лосев пишет о том, что в эстетике Ренессанса большую роль играет категория человеческой телесности, в стихию которой погружается художники Возрождения. Эта чувственная математика, по мнению философа, есть сущностная черта ренессансного мышления. Отсюда и «антропоцентризм, и стихийно утверждающая себя индивидуальная человеческая личность, доходившая до артистически творческого самоутверждения» [2]. Эта мировоззренческая особенность, имеющая гуманистические корни, ярко проявляется в шекспировских стихотворениях Цветаевой.

Человек в неоромантических стихотворениях Цветаевой – это не только центр мира, это существо, обладающее собственной вполне конкретной мифологической телесностью. Необходимо заметить, что эта телесность в шекспировских стихотворениях Цветаевой связывается с образом женщины, при этом ключевым мотивом в этом случае оказывается мотив страсти. Страсть в лирике Цветаевой обладает положительными коннотациями, соотносится с силой и оказывается чрезвычайно интенсивной. Таким образом, создается определенное семантическое поле, включающее в себя образ женщины, мотивы телесности и страсти. Ср., например, подобные корреляции в стихотворении «Офелия – в защиту королевы»: «Принц Гамлет! Довольно червивую залежь / Тревожить... На розы взгляни! / Подумай о той, что – единого дня лишь – / Считает последние дни…» [3, с. 239].

Этот ключевой мотивно-образный пучок «страсть-телесность-женщина» является семантическим фильтром, обусловливающим подбор иных, не шекспировских персонажей. Так, в стихотворении появляется расиновская Федра. Возможно, что здесь также сыграл свою роль и жанровый код (трагедия), однако несомненно одно: Цветаева на основе шекспировских аллюзий создает своеобразную художественную типологию женских персонажей, которые объединяются двумя ключевыми признаками: сила и страсть (или трагическая интенсивность переживания).

Таким образом, шекспировская модель в этом стихотворении как бы переворачивается, происходит своеобразная смена точек зрения. Мужская точка зрения оказывается периферийной, женская же – ставится в центр. Поэтому шекспировские ситуации обыгрываются в стихотворениях, говоря современным языком, в гендерном аспекте.

Черты ренессансного человека в женских образах Цветаевой появляются и в стихотворении «Офелия – Гамлету». Здесь Цветаева вступает в творческий диалог с Шекспиром и по-иному (в сравнении с оригиналом) трактует образ Офелии. Е.С. Демичева справедливо отмечает, что Офелия, которая у Шекспира предстает образцом добродетели, чистоты, у Цветаевой выступает в «роли носительницы идей “горячего сердца”» [4, с. 313].

Идея страсти, превалирующая в этом шекспировском женском образе, связывается с мотивом целостности человеческой личности. В противовес психологически раздробленному Гамлету, Офелия являет собой образец целостного восприятия жизни, отличающийся интенсивностью лирических переживаний. Поэтому Гамлет, чуждый человеческим страстям, не имеет права судить «воспаленную кровь» («Вздорную нежить предпочетший», – говорит о нем цветаевская Офелия).

Эта любовная ситуация может интерпретироваться в трагическом ключе, причем цветаевский трагизм может быть типологически соотнесен со спецификой мироощущения позднего Ренессанса. Одна из важнейших констант духа ренессансной культуры заключалась в том, что человек оказывался не просто самодостаточным, но становился творцом новой вселенной. Так, А.Ф. Лосев отмечает, что «у теоретиков возрожденческой эстетики встречается такое, например, сравнение: художник должен творить так, как бог творил мир, и даже совершеннее того. Здесь средневековая маска вдруг спадает и перед нами оголяется творческий индивидуум Нового времени, который творит по своим собственным законам» [2]. Однако в эпоху позднего Ренессанса к гуманистическому мотиву «человек как Бог» начинают примешиваться нотки трагизма: мир оказывается неподвластной, вечной ускользающей стихией. Результатом этого конфликта становится отстранение человека от мира (именно это отстранение и оказывается важной темой шекспировского «Гамлета»). В терминах философии можно сказать, что эстетика Ренессанса «есть результат буйного индивидуального самоутверждения человека вместе с осознанием невозможности такой абсолютизации», поэтому «все гениальные художники Высокого Возрождения вместе с глубинами самоутвержденной человеческой личности чрезвычайно остро, глубоко и вплоть до настоящего трагизма ощущают огра-

ниченность и даже беспомощность человеческого субъекта» [2].

В литературе XX века отчуждение от мира, как правило, реализовывается в парадигме индивидуалистических мотивов, в которых сквозь призму романтической эстетики преломляют возрожденческий «титанизм».

Что касается цветаевских стихотворений, то в них, в соответствии с этими имплицитными установками, обусловленными шекспировским интертекстом, меняется сама стратегия диалога. Возникает интересный феномен «двойного» диалога. Так, с одной стороны, в этих стихотворениях осуществляется лирический диалог самой Цветаевой с Шекспиром, который может пониматься как вольная поэтическая интерпретация шекспировских героев, но, с другой стороны, в самом тексте стихотворения, судя по его заглавию, должен возникнуть диалог иного рода: диалог шекспировских персонажей, представляющих собой две лирические точки зрения.

И здесь возникает интересный парадокс. Несмотря на диалогичность заголовка стихотворения, в самом тексте эта диалогичность отсутствует. Гамлет оказывается подразумеваемым персонажем, к которому обращен *монолог* Офелии! Так требует лирическое сознание Цветаевой, ориентированное на романтическое утверждение личности в мире, и так требует сама концепция женского образа Офелии, который является своеобразной мифологемой, оказывающейся своеобразной версией воплощения ренессансного антропоцентризма. Самодовлеющая личность обладает монологичным сознанием. В таком контексте сам заголовок стихотворения может прочитываться не просто как установка на диалогичность, но как установка на противостояние двух типов сознания, одно из которых дано имплицитно. В сущности, такое противостояние также является диалогом, но диалогом особенным, построенным по несколько иным принципам.

Ю.М. Лотман доказал, что в основе любого диалога лежат две частично перекрывающиеся семантические области: область понимания и область непонимания. Частичные пересечения этих областей порождают новое знание. При полном совпадении областей возникает эффект обратной переводимости, при абсолютном различии – эти системы нельзя свети друг к другу в принципе. Системы же, которые базируются на диалоге, предполагающем частичное пересечение смысловых зон, – Ю.М. Лотман называет креативными [5, с. 158–159]. В результате такого креативного перевода часто возникает некий новый текст – это особенно ясно видно на примере цветаевской интерпретации ситуации из шекспировской трагедии.

Такая модель диалога предполагает, что точка пересечения может смещаться как в сторону «общности» кодов, так и в сторону их «различия». В последнем случае возникает модель, близкая к тому, что обнаруживается у Цветаевой. Такой сдвиг семиотической границы диалога на мировоззренческом уровне опять же может объясняться установкой на примат личности, имеющий в данном случае ренессансную подоплеку. Поэтому корректней сказать, что в этом стихотворении мы имеем дело, скорее, с диалогом Цветаевой и Шекспира, нежели с диалогом Гамлета и Офелии.

Таким образом, в основе коммуникативной стратегии этого стихотворения лежат практически те же принципы, что и в основе концепции личности, предложенной Шекспиром. А.Ф. Лосев, анализируя творчество Шекспира в контексте эстетики Возрождения, указывает: «Возрожденческий индивидуализм Шекспира, основанный на абсолютизации человеческого субъекта, обнаруживает свою собственную недостаточность, свою собственную невозможность и свою трагическую обреченность», поскольку «всякая такая личность-титан в своем безудержном самоутверждении хочет решительно все на свете покорить себе. Но такая личность-титан существует не одна, их очень много, и все они хотят своего абсолютного самоутверждения, т.е. все они хотят подчинить прочих людей самим себе, над ними безгранично властвовать и даже их уничтожить. Отсюда возникают конфликт и борьба одной личности-титана с другой такой же личностью-титаном, борьба не на живот, а на смерть» [2]. Это высказывание А.Ф. Лосева о Шекспире с полным правом применимо и к диалогическому аспекту лирики Цветаевой.

В стихотворении «Диалог Гамлета с совестью» установка на внутреннюю коммуникативность текста задается уже в самом заглавии – сильной позиции. Думается, что это более типичная для Цветаевой модель диалога, поскольку в данном случае речь идет не о «внешнем диалоге» (видимость которого была в стихотворении «Офелия – Гамлету»), но о внутреннем: Гамлет бесе-

дует со своим внутренним психологическим «Я», которое воплощено в образе совести.

Внутренний диалог в этом стихотворении оказывается признаком психологической «раздробленности» и отсутствия целостности. В этом плане образ Офелии противопоставлен образу Гамлета, как образ сильной, целостной и страстной женщины – образу запутавшегося и сомневающегося мужчины. Сама же внутренняя беседа Гамлета со своим «Я» становится бессмысленной, поскольку ответа на искомый вопрос Гамлет так и не находит, более того, в финале стихотворения звучит нота сомнения в своей любви. Ср. развитие лирического чувства в стихотворении «Диалог Гамлета с совестью»: «– На дне она, где ил / И водоросли... Спать в них / Ушла, – но сна и там нет! / – Но я ее любил, / Как сорок тысяч братьев / Любить не могут!» [3, с. 267].

Примечательно, что в этом стихотворении, в отличие от предыдущих, собеседник лирического героя присутствует эксплицитно. На это указывает сама драматическая (диалоговая) форма построения стихотворения. Гамлет разговаривает со своей совестью, которая последовательно опровергает его реплики.

Центральной темой этого диалога-противостояния является тема любви-страсти, которая, как мы уже указывали, является лейтмотивной для шекспировских стихотворений Цветаевой. Именно в этом тексте Гамлет «выходит на сцену» (в предыдущих стихотворениях он был имплицитным собеседником), и читатель получает возможность сравнить различное отношение Гамлета и Офелии к проблеме страсти, которое обусловливается разными типам героев: героиня – целостная; герой – сомневающийся, психологически неоднозначный.

С учетом шекспировского контекста такую бинарность можно объяснить концепцией возрожденческого антропоцентризма, который, как прекрасно показал А.Ф. Лосев, имел и свою «теневую сторону». Ср.: «Вся невероятная и небывалая гениальность художников Ренессанса заключается именно в глубочайшем индивидуализме, доходящем до изображения мельчайших физических черт этого индивидуализма и этой небывалой до тех пор психологии, и в то же самое время в неумолимой самокритике деятелей Возрождения, в чувстве недостаточности одной только изолированной человеческой личности и в трагизме творчества, отошедшего от антично-средневековых абсолютов, но еще не пришедшего ни к какому новому и достаточно надежному абсолютизму» [2].

Таким образом, практически по мифологическому «принципу тени» в Возрождении оказываются противопоставленными *две* концепции личности. С одной стороны – сильный, «стихийный» человек, а с другой – человек сомневающийся. У Шекспира этой бинарной пары нет. Однако Цветаева, может быть, почувствовав этот смысловой «нерв» эстетики позднего Возрождения, воплощает эту бинарность в диалогической паре *Офелия – Гамлет*.

Однако, справедливости ради, надо отметить, что подобная диспозиция образов может иметь в качестве своего прецедента не только ренессансные мировоззренческие установки, но также и антропоцентрические посылки романтизма, который по времени к Цветаевой была гораздо ближе. Так, если мы обратимся к жанру русской романтической поэмы, то увидим, что драматические сцены, которые свернуты Цветаевой до размера лирического стихотворения, разворачиваются, образуя традиционный романтический сюжет отчуждения. В этом сюжете ключевую роль могут играть два героя, и часто бывает так, что женский персонаж отличается более целостным, «природным» восприятием жизни, в то время как герой-мужчина оказывается представителем цивилизации, пытающимся вести «естественную» жизнь, что и обусловливает его психологическую раздробленность. (Ср. реализацию этой ситуации в пушкинских поэмах «Кавказский пленник» и «Цыганы».)

Думается, что в шекспировских стихотворениях Цветаевой удалось совместить оба кода, и романтическая ситуация стала своеобразной «интепретантой» по отношению к возрожденческой модели личности, которая была явлена у Шекспира.

В целом же эта коммуникативная ситуация, если ее рассматривать не в рамках отдельного текста, а в контексте всех шекспировских стихов Цветаевой, – чревата экзистенциальными парадоксами. Так, Офелия, казалось бы, ориентированная на диалогичность, тем не менее, оказывается *без собеседника* – собеседник становится видимостью, «поводом для высказывания». С другой стороны, Гамлет, который не отвечает на страсть Офелии, все-таки беседует со своим внутренним «Я». Возникает ощущение, что пе-

ресечение этих двух принципиально разных коммуникативных областей – невозможно, что и приводит к мотиву трагической глухоты и молчания.

Такая коммуникативная модель может объясняться общими онтологическим установками М.Цветаевой. Одной из важнейших констант поэтической миромодели Цветаевой является ее убеждение в том, что в основе человеческого бытия лежит нарушение Божественного Замысла. Изначально мир был «построен на созвучьях», задуман «как единство и цельность» [6, с. 118]. Поэтому в таком мире оказывается возможным «идеальная коммуникация» и «идеальный собеседник». Однако коммуникативная ситуация, перенесенная в координаты обычного мира, принципиально иная: современный «обмельчавший» мир оказывается в оппозиции к живой душе, из чего следует невозможность идеальной коммуникации. Этот философский комплекс инспирирует ее поэтический диалог с Шекспиром, в ходе которого она предлагает свою (гендерную) версию.

Такая интерпретация коммуникации может иметь множество параллелей в поэзии Серебряного века. Достаточно вспомнить типологически сходные поиски идеального собеседника Владимиром Маяковским. Но Маяковский, в силу своих футуристических устремлений, отрекался от прошлого культуры, в то время как Цветаева ищет похожие лирико-драматические модели, обращаясь к опыту западноевропейской литературы, и на свой лад интерпретирует Шекспира. Однако в конечном счете идеальным собеседником оказывается «двойник» лирической героини, и, обращаясь к «Другому», героиня Цветаевой обращается к себе же, что может объясняться наличием неоромантических установок, наложенных на семиотический код позднего Ренессанса.

Таким образом, стихотворения М. Цветаевой действительно отражают авторский взгляд на «Гамлета», отношение к персонажам трагедии. При этом поэтесса создает «своего рода альтернативную шекспириану. В зависимости от восприятия Цветаевой трансформируются образы Гамлета, Офелии, королевы Гертруды. Офелии приписываются несуществующие и даже невозможные в контексте пьесы Шекспира диалоги с Гамлетом, а рефлексия Гамлета направляется не на эпохальные проблемы, а на личные чувства и переживания» [4, с. 314].

Библиографический список

1. *Иванов Вяч.Вс.* Крэг, Шекспир и мы (по поводу книги Т.И. Бачелис «Шекспир и Крэг») // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 3. – М.: Языки славянской культуры, 2004.

2. *Лосев А.Ф.* Эстетика Возрождения. – М.: Мысль, 1978. Электронная версия. – Режим доступа: http://www.koob.ru/losev/estetika_vozrojdeniya.

3. *Цветаева М.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. – М.: ПТО «Центр», 1992. – С. 239.

4. *Демичева Е.С.* Гамлетовские мотивы в поэзии М.И. Цветаевой // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4–6 октября 2004 г.). Труды и материалы. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004.

5. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. – М.: Искусство, 2001.

6. *Ельницкая С.* Поэтический мир Цветаевой: конфликт лирического героя и действительности. – Wien, 1990.

УДК 82.0

Лебедева Александра Владимировна
Ивановский государственный университет
LAV-LITP@yandex.ru

СЕМАНТИКА ПРИВЕТСТВИЯ И ПРОЩАНИЯ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

В данной статье на материале романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» рассматриваются невербальные аналоги таких этикетных речевых жанров, как приветствие и прощание в ситуации общения.

Ключевые слова: *невербальный компонент, приветствие и прощание, этикетный речевой жанр, невербальные аналоги этикетного речевого жанра.*

Культура этикетного поведения существует на протяжении многих столетий жизни человеческого общества. Каждая эпоха и национальность вырабатывают свои нормы и традиции этикетного поведения человека в социуме. Свидетельство тому – появлявшиеся в разные века всевозможные наставления (изречения), руководства по данному вопросу.

Как в светской, так и в повседневной жизни человеку сложно обойтись без таких форм этикета, как приветствие и прощание, благодарность, извинение, поздравление и т.п. Во многом речевое общение между людьми выстраивается по определенным, «заготовленным» / установленным / общепринятым шаблонам, используемым в той или иной коммуникативной ситуации.

Предложив понятие «первичного речевого жанра», М.М. Бахтин среди прочих «типических форм высказывания» касается и этикетных явлений и, что особенно важно, отмечает их наличие в художественном мире литературного произведения [1].

В данной статье на материале романа Льва Толстого «Анна Каренина» мы предлагаем рассмотреть не столько сами этикетные речевые жанры, сколько их невербальные аналоги. Отметим, что такие неречевые формы (есть основания называть их неречевыми жанрами) часто автономны и могут являться кинетическим коррелятом конкретного речевого высказывания. Они имеют за собой строго закрепленные условия «нормального», или стандартного, употребления. В романе «Анна Каренина» эти неречевые формы, трансформируясь, раскрывают художественную концепцию толстовского произведения.

При анализе романа в обозначенном нами аспекте следует учитывать, что он был создан в девятнадцатом столетии и отражает реалии того времени. Отметим также тот факт, что в 1883 году в беседе с одним из своих посетителей Лев Толстой сказал: «Из Петровской эпохи (речь идет о незаконченном романе о времени Петра I. – *А.Л.*) я не мог написать потому, что она слишком отдалена от нас, и я нашел, что мне трудно проникнуть в душу тогдашних людей, до того они не похожи на нас» [2, с. 127]. В итоге писатель создает роман «Анна Каренина» о жизни современной ему действительности, воссоздавая поведение и общение людей XIX века.

Позже замечательный филолог Ю.М. Лотман скажет: «Сфера поведения – очень важная часть национальной культуры, и трудность ее изучения связана с тем, что здесь сталкиваются устойчивые черты, которые могут не меняться столетиями, и формы, изменяющиеся с чрезвычайной скоростью. Когда вы стараетесь объяснить себе, почему человек, живший 200 или 400 лет тому назад, поступил так, а не иначе, вы должны одновременно сказать две противоположные вещи: “Он такой же, как ты. Поставь себя на его место”. – И: “Не забывай, что он совсем другой, он – не ты. Откажись от своих привычных представлений и попытайся перевоплотиться в него» [3, с. 14].

Руководствуясь уроками Лотмана, как и всем вышеизложенным, остановимся на двух неизбежно-повседневных нормах человеческого общения, которые часто находятся рядом, образуя пару, – приветствии и прощании.

Большинство коммуникативных сцен в романе «Анна Каренина» начинается приветствием, а заканчивается прощанием, и наиболее частый способ их выражения – невербальный. Так, в романе находим стили приветствия/прощания между:

– мужчиной и мужчиной (невербальные аналоги*: пожатие руки (или рук); поклон; кивок или наклон головы; объятия; снимание или приподнимание шляпы или жест «дотронуться до шляпы»; поднятия двух рук верх и пожимание их в воздухе);*

© Лебедева А.В., 2010

– женщиной и женщиной (невербальные аналоги: *пожатие руки (или рук); объятия и поцелуй (и)*);

– женщиной и мужчиной (невербальные аналоги: *пожатие руки (или рук); поклон; кивок или наклон головы; объятия и поцелуй (и); поцелуй руки*);

– взрослым и ребенком (невербальные аналоги: *объятия (в виде виснувшего ребенка на шее у взрослого); поклон; поцелуй руки*).

Здесь обращают на себя внимание некоторые особенности невербальных аналогов речевых жанров, которым присуще тактильное действие/движение, например, поцелуй или пожатие руки и т.п. А также некоторая синонимичность в плане выражения: пожать или поцеловать руку, поклониться, обняться можно как при приветствии, так и при прощании. Речевая же форма несет в себе достаточно строгую звуковую и лексическую разницу, обязывая употреблять этот вид жанра в определенной ситуации: «Здравствуйте», «Привет», «Доброе утро», «Добрый день», «Добрый вечер» – при приветствии, «До свидания», «Пока», «Всего хорошего» – только при прощании. В этом смысле семантика невербальных форм остается все-таки менее определенной и зависит от конкретной сложившийся коммуникативной ситуации, что, на наш взгляд, может быть особенно выгодным при создании художественного текста, поскольку эти невербальные формы могут вбирать в себя множество художественных подтекстов (смыслов), раскрывающих замысел автора. Отсюда становится очевидным, что писатель, выбирая ту или иную невербальную кинему из множества других вариантов, делает это часто осознанно, под влиянием художественной логики произведения.

Обратимся к тексту романа «Анна Каренина» и непосредственно к эпизоду купли-продажи леса купцом Рябининым у Облонского за бесценок, где прослеживается невербальное поведение купца, направленное на то, чтобы сбить и без того низкую цену на лес. Такое намерение Рябинина ненавязчиво, но очень четко фиксируется писателем уже в самом начале встречи – в его приветствии: «…запахнув сюртук, который и без того держался очень хорошо, с улыбкой приветствовал вошедших, протягивая Степану Аркадьичу руку, как бы желая поймать что-то»; и чуть ниже: «…Константину Дмитричу мое почтение, – обратился он к Левину, стараясь поймать и его руку…» [4, с. 186]. Таким образом, при помощи невербального приветствия психологически тонко вскрывается самая суть натуры купца-дельца и его торгашеский настрой на предстоящую сделку: здоровается «как бы желая поймать…» В случае с Облонским «поймать что-то», в приветствии же с Левиным конкретно его руку, скорее всего, как представителя дворянского рода, поскольку невербальный жест дополняется обращением: «Константину Дмитричу мое почтение…», которое выказывает знак уважения и в то же время настраивает на ответное взаимное уважение и равенство. Но ответа не последовало, Левин не подает руки, игнорируя приветствие, делая вид, что вынимает вальдшнепов. Левин и Рябинин еще до переговоров оказываются на разных сторонах «баррикад»: дворянства и купечества. Здесь же отметим: еще не произнесено ни слова в этой деловой встрече, а позиции каждого героя, через приветствие, уже обозначены:

купец пришел «ловить» выгоду (во всех смыслах);

Облонский, не задумываясь, протягивает ему в этом руку:

«– А вот и вы приехали, – сказал Степан Аркадьич, подавая ему руку. – Прекрасно». Как он скажет после отъезда Рябинина Левину: «… Отчего же не подать ему руки?»

Левин – иного мнения:

«– Оттого, что я лакею не подам руку, а лакей во сто раз лучше» [4, с. 189].

Постепенно ситуация с приветствием, подавать или не подавать руку купцу, перерастает в романе в раскрытие двух противоположных позиций представителей дворянского рода. Дворянин Облонский, ведя городской образ жизни, совершенно не вникает в хозяйственные дела своих имений (и имений жены), тем самым бездумно распродает их, не задумываясь о будущем своих детей. Левин, представитель деревенского (помещичьего) дворянства, понимая бессмыслицу таких продаж, когда подобные Рябинину почти даром скупают земли, а потом втридорога перепродают их, не может смириться с судьбой таким глупым образом обедняющегося дворянства. В романе назревает вопрос о «слиянии сословий», который отражается в последующем разговоре двух друзей. Беспечный Стива, как бы в шутку, ставит в укор Левину, что он неприветливо обошелся с гостем: «…Что ж ты Рябинину не предложил поесть?

– А, черт с ним!

– Однако как ты обходишься с ним! – сказал Облонский. – Ты и руки ему не подал. Отчего же не подать ему руки?

– Оттого, что я лакею не подам руку, а лакей во сто раз лучше.

– Какой ты, однако, ретроград! А слияние сословий? – сказал Облонский.

– Кому приятно сливаться – на здоровье, а мне противно.

– Ты, я вижу, решительно ретроград.

– Право, я никогда не думал, кто я. Я – Константин Левин, больше ничего» [4, с. 189].

Хотя Стива и обвиняет Левина в ретроградстве, сам он в этом смысле предстает человеком непринципиальным и легкомысленным, в данной ситуации преследующим только «денежную выгоду». Стива готов пожимать руки купцам не в силу тех или иных прогрессивных убеждений, а просто так: «Отчего же не подать ему руки?» Напомним также, как в романе характеризуются либеральные взгляды Облонского: «Степан Аркадьич не избирал ни направления, ни взглядов, а эти направления и взгляды сами приходили к нему, точно так же, как он не выбирал формы шляпы или сюртука, а брал те, которые носят <…> Если и была причина, почему он предпочитал либеральное направление консервативному <…> то это произошло не оттого, чтоб он находил либеральное направление более разумным, но потому, что оно подходило ближе к его образу жизни…» [4, с. 13]. Позиция Константина Левина является более определенной и обоснованной: стоит ли дворянину протягивать руку – «сливаться» с такими, даже не купцами, а, говоря словами Левина, «барышниками»: «…это со всех сторон совершающееся обеднение дворянства, к которому я принадлежу, и, несмотря на слияние сословий, очень рад, что принадлежу. И обеднение не вследствие роскоши – это бы ничего; прожить по-барски – это дворянское дело, это только дворяне умеют. Теперь мужики около нас скупают земли, – мне не обидно. Барин ничего не делает, мужик работает и вытесняет праздного человека. Так должно быть. И я очень рад мужику. Но мне обидно смотреть на это обеднение по какой-то, не знаю как назвать, невинности. Тут арендатор-поляк купил за полцены у барыни, которая живет в Ницце, чудесное имение. Тут отдают купцу в аренду за рубль десятину земли, которая стоит десять рублей. Тут ты безо всякой причины подарил этому плуту тридцать тысяч <…> У детей Рябинина будут средства к жизни и образованию, а у твоих, пожалуй, не будет!» [4, с. 190].

Позиция Левина, как, собственно говоря, и самого Толстого, в данном вопросе ясна: дело не в сословии, а в использовании земли по назначению: «мужик работает, поэтому не обидно», купец-делец тем и живет, что скупает, делит, распродает, перепродает, сдает в аренду. Поэтому замечательным, на наш взгляд, в этом разговоре является самоопределение Левина: «…я никогда не думал, кто я. Я – Константин Левин…», которое раскрывает нам самоощущение Левиным самого себя в этом мире, его убеждение, что в первую очередь надо оставаться человеком, независимо от окружающих людей и обстоятельств, сложившихся сословий, партий и политических движений.

Это качество Левина показано уже в самом начале романа, при знакомстве с Гриневичем, который приветствует Левина как брата Кознышева:

«– Имею честь знать вашего брата, Сергея Ивановича, – сказал Гриневич, подавая свою тонкую руку с длинными ногтями.

Левин нахмурился, холодно пожал руку и тотчас же обратился к Облонскому. Хотя он и имел большое уважение к своему, известному всей России, одноутробному брату писателю, однако он терпеть не мог, когда к нему обращались не как Константину Левину, а как брату знаменитого Кознышева» [4, с. 26].

Внутренний дискомфорт героя подается через невербальный компонент – «нахмурился». Но еще большего психологизма в сложившейся ситуации Толстой достигает при помощи невербального приветствия: помимо того, что Левину уже неприятно обращение этого человека к себе, ему еще и приходится пожать протянутую руку, которую он только что с явной неприязнью разглядывал: «Левин молчал, поглядывая на незнакомые ему лица двух товарищей Облонского и в особенности на руку элегантного Гриневича, с такими белыми тонкими пальцами, с такими длинными желтыми, загибавшимися в конце ногтями и такими огромными блестящими запонками на рубашке, что эти руки, видимо, поглощали все его внимание и не давали ему свободы мысли» [4, с. 25].

И опять ситуация с приветствием постепенно перерастает в ситуацию выбора: приятия или неприятия одного человека другим (в романе также находим и другие подобные эпизоды).

Возвращаясь к сцене продажи леса, отметим, что неприятие Левиным Рябинина, выразившееся в отсутствии приветствия, ставит купца в положение неуважаемого гостя в ***дворянском*** (курсив мой. – *А.Л.*) доме, задает общий тон переговорам в целом и, собственно, самому поведению купца («фигура» которого здесь выдвинута на первый план), поскольку Рябинину в происходящей ситуации ничего не остается, как выразить ответное презрение. Но делает он это в более мягкой форме и другим способом, так как не хочет терять выгоду, как бы не обращая внимание на то, рады ему в этом доме или нет.

Остановимся на некоторых моментах речевого и невербального поведения героев после несостоявшегося приветствия: «– Изволили потешаться охотой? Это какие, значит, птицы будут? – прибавил Рябинин, презрительно глядя на вальдшнепов, – вкус, значит, имеют. – И он неодобрительно покачал головой, как бы сильно сомневаясь в том, чтоб эта овчинка стоила выделки.

– Хочешь в кабинет? – мрачно хмурясь, сказал Левин по-французски Степану Аркадьичу. – Пройдите в кабинет, вы там переговорите» [4, с. 186–187].

Контактно-устанавливающие фразы купца игнорируются Левиным, образуя некоторый коммуникативный провал: не реагируя на презрительную фразу Рябинина о вальдшнепах, Левин предлагает Облонскому пройти в кабинет, говоря это к тому же еще и по-французски (что является знаком дворянской культуры). Рябинин и эту фразу не оставляет без внимания:

«– Очень можно, куда угодно-с, – с презрительным достоинством сказал Рябинин, как бы желая дать почувствовать, что для других могут быть затруднения, как и с кем обойтись, но для него никогда и ни в чем не может быть затруднений» [4, с. 187].

И опять намеренное равнодушие Левина сопровождается упорным «диалогом» – «борьбой» Рябинина, как на вербальном, так и на невербальном уровнях пытающегося реабилитироваться и сохранить свое достоинство. Причем купец непросто отстаивает свою сословную принадлежность, а скорее претендует на некоторое признания себя в «чужом» для него дворянском мире, который он, исходя из своих жизненных ценностей, пока не может оценить по достоинству. Напомним, как купец реагирует на книги в кабинете Левина, которые являются признаком именно дворянской культуры: «… Он оглядел шкафы и полки с книгами и с тем же сомнением, как и насчет вальдшнепов, презрительно улыбнулся и неодобрительно покачал головой, никак уже не допуская, чтоб эта овчинка могла стоить выделки» [4, с. 187].

Атрибуты же купеческого миропонимания показаны в «странном соединении греха и молитв» [5, с. 231]: войдя в кабинет для переговоров, купец первым делом отыскивает образ, «…но, найдя его, не перекрестился…» [4, с. 187], предпочитая это сделать в момент сделки: «Улыбка вдруг исчезла с лица Рябинина. Ястребиное, хищное и жесткое выражение установилось на нем <…>

«– Пожалуйте, лес мой, – проговорил он, быстро перекрестившись и протягивая руку. – Возьмите деньги, мой лес». И далее при оформлении сделки использует такие слова: «…А еще как бог даст расчеты найти. Верьте богу. Пожалуйте. Условьице написать…» [4, с. 188].

Подобная набожная черта купечества мелькнет и в эпизоде размышлений Анны перед смертью: «…Но в ту же минуту она вспомнила, что ей некому теперь говорить ничего смешного. – Да и ничего смешного, веселого нет. Все гадко. Звонят к вечерне, и купец этот как аккуратно крестится! – точно боится выронить что-то. Зачем эти церкви, этот звон и эта ложь? Только для того, чтобы скрыть, что мы все ненавидим друг друга…» [4, т. 9, с. 355]. И опять как бы проводится мысль, только уже на более глубоком уровне, что люди очень часто пытаются соединить хорошее с плохим, святое с греховным, а это в итоге становится невозможным, что и приводит к жизненным трагедиям.

Отметим также, что набожная манера в поведении Рябинина (как представителя купечества) – это некоторая устоявшаяся норма и неосознанный/непосредственный жест прикрытия нечестных дел святынями. Свое невербальное поведение, а в некоторых моментах, как мы видим, и речевое, купец не контролирует и недоосознает, поскольку оно взрощено его культурной средой и отражает реалии единственного для него миропонимания, что жизнь есть торг, а сделка привычное «святое дело». В этом смысле оно ярко контрастирует и мало совместимо с принципами дворянской культуры, за счет чего и происходит обман беспечных Облонских, для которых «обесценившийся» в данный момент и неуместный жест благородства по-прежнему имеет силу.

На слова Левина о том, что не стоит торопиться с продажей, Степан Аркадьич отвечает:

«– Помилуй, – с удивлением сказал Облонский, – ведь я слово дал» [4, с. 188].

Следует сказать, что негативное изображение купеческих нравов в целом не ново, и в данном случае Толстой скорее придерживается литературной традиции, которая начала складываться в литературе XVIII века (В.П. Колычев, О. Чернявский, И.А. Крылов) и получила продолжение в творчестве А.Н. Островского, Н.С. Лескова, а позже А.П. Чехова и др.

Как было уже отмечено ранее, очень часто в ситуации общения приветствие и прощание определяют начало и конец коммуникативного процесса, тем самым образуя этикетную пару. В данном эпизоде финал остается открытым, прощание опускается Толстым. Причина понятна: между купечеством и дворянством на данном этапе не были найдены точки соприкосновения. И в данном деле-торге последнее слово остается за купцом:

«– Ох, эти господа! – сказал он приказчику, – один предмет» [4, с. 188].

Как мы смогли убедиться, пристальное внимание к невербальным аналогам этикетных речевых жанров способно прояснить характер взаимоотношений между героями романа «Анна Каренина» и – в конечном итоге – глубже понять художественную концепцию гениального произведения, нацеленную на изображение эпохи всеобщего обособления.

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. – М., 1997. – Т. 5.

2. *Гусев Н.В.* Лев Николаевич Толстой. – М., 1963.

3. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIXвека). – СПб., 2006.

4. *Толстой Л.Н.* Анна Каренина // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. – М., 1981. – Т. 8.

5. *Розанна Казари.* Об одном «архитектурном» мотиве в русской прозе XIX века // Тартуские тетради / Сост. Р.Г. Лейбов. – М., 2005.

УДК 82.09

Локша Анна Владимировна
кандидат филологических наук, доцент
Дальневосточный государственный университет (г. Владивосток)
lgkihney@yandex.ru

ПОЭТИЧЕСКАЯ КОСМОЛОГИЯ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ В. МАЯКОВСКОГО

Статья посвящена проблеме поэтической космологии в ранней лирике Маяковского. Рассматриваются магистральные космологические образы и реконструируются скрытые мифологические мотивы и сюжеты. Большое внимание уделяется типологическим связям, возникающим между символизмом и футуризмом.

Ключевые слова: *космология, солярные образы, символ, звезды, поэтическая семантика, архетип, пространство, модель мира.*

Под «поэтической космологией» понимается структура художественного мира, которая выстраивается в той или иной творческой парадигме. Эта модель мира реализуется в частных миромоделях поэтов, принадлежащих этой парадигме, и относится к ним как *общее* к *частному*. Поэтому, для того чтобы реконструировать основные онтологические параметры этой модели мира, необходимо выявить ее частные воплощения на уровне индивидуальных поэтик.

Развитую поэтическую космологию находим в творчестве В.Маяковского. Это объясняется тем, что в основе футуристической картины мира лежат, как уже было давно отмечено исследователями, архаические космологические модели. Так, Б. Гройс отмечал, что новизна футуристов – кажущаяся, ибо под ней скрывается стремление к мифопоэтической архаике [см.: 1]. Отсюда и проистекает значимость и важность космического начала для футуристической поэзии. В футуризме создается своеобразная «архаико-современная» модель мироздания, ориентированная на определенные мифопоэтические каноны.

Из изобилия космологических и космогонических мифологем в футуристическую мифопоэтику вошли вполне определенные мифопоэтические конструкции. Так, прежде всего, обращает на себя внимание, что они имеют языческую дохристианскую подоплеку. Если у символистов

© Локша А.В., 2010

астральные образы были знаком иных, духовных миров, то в лирике Маяковского «небо спускается на землю». Это связано, с одной стороны, с общей мировоззренческой установкой поэта, а с другой – с общей спецификой футуристического искусства, ориентированного, в противовес символизму, на «материализацию» духовных сущностей. На уровне поэтики эти установки проявляются в мотиве отелеснивания астральных образов, принадлежащих к «космическому» верху. Ср., например, появление этого мотива в раннем стихотворении:

Угрюмый дождь скосил глаза.
А за
решеткой
четкой
железной мысли проводов –
перина.
И на
нее
встающих звезд
легко оперлись ноги [3, с. 43–44].

У звезд здесь появляются «ноги», что, по сути, представляет собой образ-катахрезу, метафору с нарушенным внутренним семантическим согласованием. Подобная трансформация может объясняться несколькими факторами. Во-первых, в качестве главной мировоззренческой установки футуризма выступает антитрадиционализм, что предполагает инверсию знаков предшествующей литературной традиции. Эта инверсия приводит к наполнению традиционно высоких образов низкой семантикой (ср., например, название коллективного сборника футуристов «Дохлая луна»). Однако эпатаж – всего лишь «внешнее» объяснение. Существует еще и внутренний семантический фактор, связанный с подобным отелесниванием мифологем, – фактор мифа. И в самом деле, основной особенностью любого мифологического мышления является его материально-телесная, чувственная выраженность. Так, А.Ф. Лосев указывает на то, что миф «не идеальное понятие, и также не идея и не понятие. Это есть сама жизнь. Для мифического субъекта это есть подлинная жизнь, со всеми ее надеждами и страхами, ожиданиями и отчаянием, со всей ее реальной повседневностью и чисто личной заинтересованностью. Миф не есть бытие идеальное, но – *жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная действительность*» [2, с. 400]. Таким образом, футуристический эпатаж, проявляющийся в «дискредитации» традиционно высоких астральных образов, имеет под собой мифологическую подоплеку. На это указывает, кстати, придание качества телесности другим образам уже в позднем творчестве Маяковского.

Астральные образы у раннего Маяковского могут не только отелесниваться, но также и овеществляться, что, впрочем, тоже указывает на смену оценочных ориентиров. Вот, например, как у Маяковского в том же стихотворении предстает заря – образ, обладающий высокой аксиологической значимостью для символистов:

За гам
и жуть
взглянуть
отрадно глазу:
раба
крестов
страдающе-спокойно-безразличных,
гроба
домов
публичных
восток бросал в одну пылающую вазу. (С. 44)

Здесь мы подходим к очень важной системно-семантической связи, являющейся устойчивой для ранней лирики Маяковского: *астральные образы в его ранней поэзии практически всегда связаны с хронотопом города*. И поскольку город – это «многоголовое чудовище», представляющее собой уменьшенную модель мира, постольку и астральные образы, входя в смысловые корреляции с городскими реалиями, принимают на себя отрицательный аксиологический груз. В данном случае образ зари связывается с «гробами публичных домов». Поэтому «огонь зари» – это не отстраненно мистический образ символистов, но, скорее, инфернальный образ, указывающий на дисгармонично устроенное мироздание – мироздание города.

Примечательно, что в лирике символистов небесные образы также были связаны с топосом города, но эта связь осуществлялась *по принципу контраста*. У Маяковского же астральная семантика, напротив, сополагается с урбанистическим комплексом в его негативном проявлении. Небо в городском топосе десакрализуется и соотносится даже с кабацкими мотивами (опять же, отметим, что в лирике, например, Блока эта связь тоже присутствовала, но там она получала иное аксиологическое содержание). Ср., например, в стихотворении «Вывескам»:

Когда же, хмур и плачевен,
загасит фонарные знаки,
влюбляйтесь под небом харчевен
в фаянсовых чайников маки! (С. 46)

Ресторанная тематика в соотнесении с астральными образами здесь вовсе не случайна. Мотив еды, поглощения – это мотив, связанный с сугубо материалистическим началом бытия. И здесь Маяковский контрапунктно сополагает два плана: низкий земной и высокий небесный. В результате этого соположения возникают необычные оригинальные метафоры, которые концептуализируют космологическую сферу астрального. Ср., например, в этом же стихотворении:

А если веселостью песьей
закружат созвездия «Маги» –
бюро похоронных процессий
свои проведут саркофаги. (С. 46)

Наряду с материально-физиологической семантикой астральные образы в их соположении с городским пространством связываются с мотивом агрессии и разрушения физической целостности. Город, как чудовищный организм, распадается и умирает, причем иногда эти эсхатологические мотивы связываются с астральными образами, которые тоже наделяются функцией агрессии:

Где города
повешены
и в петле облака
застыли
башен
кривые выи… (С. 47)

Принцип соположения урбанистического и астрального рядов реализуется в стихотворении «Несколько слов о моей жене». В результате этого семантического соотнесения рождается целый ряд своеобычных метафор, причем в астральной метафорике в качестве второго плана выступает план урбанистический.

Морей неведомых далеким пляжем
идет луна –
жена моя.
Моя любовница рыжеволосая.
За экипажем
крикливо тянется толпа созвездий пестрополосая.
Венчается автомобильным гаражом,
целуется газетными киосками,
а шлейфа млечный путь моргающим пажем
украшен мишурными блестками. (С. 47)

Здесь происходит такой же семантический перенос: «толпа созвездий пестрополосая» соотносится с экипажем и «автомобильным гаражом», а Млечный Путь оказывается украшенным «мишурными блестками». У Маяковского город – это *пространство вещей, а не людей*. При этом вещи настроены агрессивно по отношению к человеку. Поэтому астральные образы, включаясь в городской топос, тоже как бы овеществляются.

Однако центральным метафорическим сравнением оказывается эпатажное сравнение луны с женой. Возможно, что мировоззренческой подоплекой такого соотнесения «луна – жена» становится «комплекс гигантизма» лирического героя (ср., например, в другом стихотворении: «Земля! / Дай исцелую твою лысеющую голову…», с. 49). Однако следует сделать еще одно важное замечание, касающееся непосредственно образа луны. И.П.Смирнов, предприняв мифопоэтическую попытку прочтения стихотворения «Вот так я сделался собакой», отметил, что в качестве архетипического здесь предстает мотив оборотничества [см.: 4]. Отметим, что луна здесь является своеобразным индексальным знаком этого мотива. Ср.:

Ну, это совершенно невыносимо!
Весь как есть искусан злобой.
Злюсь не так, как могли бы вы:
как собака лицо луны гололобой –
взял бы
и все обвыл. (С. 66)

Возможно, что такую же скрытую индексальную функцию лунная символика выполняет и в стихотворении «Несколько слов о моей жене». Здесь луна является знаком архетипического женского начала. Это значение, естественно, появляется в подтексте, что связано с его мифологической семантикой. С учетом этих подтекстовых мифопоэтических значений в цикле возникает интересный мифологический сюжет.

Кричу кирпичу,
слов исступленных вонзаю кинжал
в неба распухшего мякоть:
«Солнце!
Отец мой!
Сжалься хоть ты и не мучай!
Это тобою пролитая кровь моя льется дорогою дольней.
Это душа моя
клочьями порванной тучи
в выжженном небе
на ржавом кресте колокольни!» (С. 49)

Таким образом, семантическая особенность астральных образов в лирике Маяковского, связанных с космическим верхом, заключается в том, что они большей частью служат материалом для

разнообразных метафор – в этом и состоит их главная функция в раннем творчестве поэта. Говоря иначе, они не выступают как самоценные образы, а служат своеобразными пейзажными «метами» урбанистического топоса. Другая функция астральных образов в лирике Маяковского, собственно онтологическая, репрезентирована в гораздо меньшей степени.

Библиографический список

1. *Гройс Б.* Русский авангард по обе стороны «Черного квадрата» // Вопросы философии. – 1990. – №11. – С. 67–73.

2. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990.

3. *Маяковский В.* Соч. в 2 т. Т. 1. – М.: Правда, 1987. (В дальнейшем это издание цитируется в тексте статья с указанием страницы.)

4. *Смирнов И.П.* Место «мифопоэтического» подхода к литературному произведению среди других толкований текста (о стихотворении Маяковского «Вот так я сделался собакой») // Миф – фольклор – литература. – Л.: Наука, 1978. – С. 186–203.

УДК 882.09

Малкова Татьяна Юрьевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
tymalk@mail.ru

БУЛГАКОВ И ГОГОЛЬ: ДЕМОНИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ В РОМАНЕ «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Одной из особенностей поэтики романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» является тесная связь с русской классической литературой XIX века. В рамках данной работы рассматривается, как традиции Гоголя преломились в изображении Булгаковым демонических образов и мотивов.

Ключевые слова: *демонические образы и мотивы, традиции Гоголя, мотивная структура, фольклорные элементы.*

Современное литературоведение проявляет большой интерес к проблеме диалога культур. В этом отношении творчество М.А. Булгакова репрезентативно, поскольку тесная связь с русской классической литературой XIX века является одной из особенностей его поэтики.

Для булгаковедов давно решённым стал ответ на вопрос, почему писатель в своём творчестве обращался к Гоголю. Сам Булгаков в письмах неоднократно называет его своим учителем. По словам биографа писателя – П.С. Попова, «девяти лет Булгаков зачитывался Гоголем» [13, с. 535]. А в середине двадцатых годов автор «Мастера и Маргариты» скажет: «Из писателей предпочитаю Гоголя, с моей точки зрения, никто не может с ним сравняться» [14, с. 360]. Булгакова волновали как различные стороны гоголевского наследия, так и личность великого предшественника. Его объединяла с Гоголем та поразительная наблюдательность, которая слишком часто переступала грани реалистической прозы. И тогда живой быт со всем чёрточками подмеченного превращался в фантасмагорию. Недаром В. А. Каверин подметил, что у Булгакова в любую минуту может возникнуть гоголевский «Нос» [7, с. 88]. Но самосознание Михаила Афанасьевича – самосознание не ученика, а наследника, продолжателя традиций, которые своеобразно преломились и в творчестве Булгакова в целом, и в «Мастере и Маргарите» в частности.

Если говорить о последнем романе Булгакова, то, как верно отметила М.Г. Васильева, «традиции Гоголя в романе «Мастер и Маргарита» охватывают все смысловые уровни художественного текста» [3, с. 13]. В рамках данной работы мы рассмотрим, как гоголевское «присутствие» отразилось в демонических образах и мотивах романа Михаила Булгакова.

Демонологическая линия в романе наиболее тесную связь обнаруживает с «Вечерами на хуторе близ Диканьки». Весь сонм упырей, ведьм, русалок, чёрных котов, появляющихся на страницах булгаковского романа, не раз встречался нам в гоголевских повестях. Вспомним сцену из романа Булгакова, когда Маргарите в лунную майскую ночь оказывают торжественный приём «прозрачные русалки», «нагие ведьмы» [2, с. 609]. Этот

 © Малкова Т.Ю., 2010

эпизод вызывает у нас несомненные ассоциации с повестью Гоголя «Майская ночь, или Утопленница». Примечательно, что и сам образ Маргариты-ведьмы – это не присущий русскому фольклору облик древней горбатой старухи, а образ красивой молодой женщины, подобный той, какую создал Гоголь в «Майской ночи».

В «Мастере и Маргарите» затёртые метафоры, связанные с упоминанием «нечистой» силы, по-гоголевски реализуются и обыгрываются. Словно отдавая дань Гоголю, «бюрократическая» просьба «черти меня б взяли» [2, с. 557] немедленно удовлетворяется, и от «просителя» остаётся пустой костюм. Но если в повестях Гоголя нам непонятно, кто стоит за подобными проделками (например, в «Майской ночи»: «А что б ты подавился этими галушками! – подумала голодная тёща, как вдруг тот поперхнулся и упал» [4, с. 123]), то Булгаков не скрывает, что именно демонические силы реализуют метафоры.

В гоголевских традициях выполнены мастером Булгаковым сатирические главы романа, рисующие московские похождения свиты Воланда, которые напоминают нам о злокозненности «нечистой» силы в «Вечерах…». Но гоголевский чёрт из повести «Ночь перед Рождеством» совершает злые пакости, руководствуясь, в основном, личными мотивами (мстит кузнецу Вакуле), а проделки Коровьева, Азазелло, Бегемота, вследствие причастности последних к ведомству Воланда, представляют собой россыпь зла наказующего.

Интересен и тот факт, что чёрт в повести «Ночь перед Рождеством» крадёт месяц, который, по словам К. Кедрова, «в сознании верующих олицетворяет собой Христа» [8, с. 13]. И таким образом, чёрт на некоторое время лишает людей божественного света. Эта деталь подчёркивает мысль Мережковского о том, что «в религиозном понимании Гоголя чёрт есть мистическая сущность,… в которой сосредоточились отрицание Бога, вечное зло» [10, с. 213]. Следовательно, демонические силы в повестях Гоголя есть олицетворение абсолютного зла, что во многом определено природой фольклорных народных представлений, а также их романтической трактовкой.

Зло у Булгакова неразрывно связано с Добром, возможно, поэтому Воланд так хорошо чувствует себя в лунном свете. А для того, чтобы вершить правосудие, лунный свет даже необходим, так как именно в этом божественном свете явственнее обнажаются пороки и добродетели людей. Нужно заметить, что «Мастер и Маргарита» в соответствии с рамками и законами романа-мифа не даёт однозначных интерпретаций: луна в произведении выступает как амбивалентный символ. Анализируя роман Булгакова, И. Белобровцева и С. Кульюс пришли к следующему выводу: «…Наделённость ночного светила особыми функциями свидетельствует о склонности Булгакова к созданию собственной лунной мифологии» [1, с. 37]. Лунный свет является локусом Иешуа и в то же время многими нитями ведёт к Воланду. В целом же Воланд олицетворяет не столько мрак, сколько тень, недаром Левий называет его «повелителем теней» [2, с. 715]. А тень, хотя и находится ближе к мраку, чем к свету, но всё же предполагает в себе наличие последнего.

Таким образом, мы обнаруживаем на страницах булгаковского романа своеобразную полемику с гоголевской трактовкой зла и демонических сил. Однако это «пре-одоление» не исключает перекличек «Мастера и Маргариты» с гоголевскими традициями.

Мотив дьявольских денег как испытания людей, лежащий в основе повести «Вечер накануне Ивана Купала», продолжает в своём произведении и Булгаков. «Из-под купола, ныряя между трапециями, начали падать в зал белые бумажки… Зрители стали их ловить. Поднимались сотни рук, зрители сквозь бумажки смотрели на освещённую сцену и видели самые верные и праведные водяные знаки» [2, с. 493]. Так же как и Петро в гоголевской повести, зрители Варьете не устояли перед искушением, и потому наказание неизбежно. Муки Петра объясняются «божьей напастью» [4, с. 105] за совершённые грехи. А наказание жадных до денег зрителей Варьете – дело рук Дьявола. И это естественно: ведомство Справедливости воздаёт каждому по заслугам.

Вопрос о немецкой национальности Воланда во многих исследовательских работах трактуется как очередное указание на «мефистофельские» истоки булгаковского Сатаны. Но тема «немецкости» чёрта развивалась ещё Гоголем. Так, в «Пропавшей грамоте» мы встречаем следующее выражение: «черти на немецких ножках увивались около ведьм» [4, с. 144], а в «Ночи перед Рождеством» автор пишет: «Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли» [4, с. 154]. Следовательно, в понимании Гоголя чёрт-немец – это своего рода маргинал, выходец из иного, ирреального мира. Причём эти резиден-

ты Зла не могут перейти через определённую межевую полосу, границу Божественного центра. Святое знамение, «чур» их останавливает, недаром Вакула творит святой крест над чёртом, чтобы подчинить его себе, а казак из повести «Пропавшая грамота» осеняет крестом карты. Немцем называет себя и Воланд в романе Булгакова, который одновременно указывает на связь своего персонажа с творчеством как Гёте, так и Гоголя.

Сюжетная линия Воланда в романе «Мастер и Маргарита» генетически восходит и к гоголевскому «Вию».

В мире Воланда и Иешуа так же, как в ночном мире мифологического Хаоса, частью которого является Вий, нет места временному и конечному. Это духовный мир без границ и рубежей, в котором жизнь и смерть слиты воедино. Здесь красота – абсолютная красота и уродство – абсолютное уродство. Так же как и гоголевская ведьма, которая предстаёт перед Хомой Брутом то как «красавица, когда-либо бывшая на земле» [5, с. 167], то в виде уродливого позеленевшего трупа, Гелла на страницах булгаковского романа то шокирует буфетчика Сокова своим видом и безукоризненной фигурой, то пугает фининспектора Римского «пятнами тления на груди» и «трупной зеленью на руках» [2, с. 527]. В своём уродстве обе ведьмы (и у Гоголя, и у Булгакова) абсолютны, всё безобразное и страшное сочетается в их облике, отсюда синий или позеленевший цвет кожи, трупные пятна. Как и ведьма-панночка, пытающаяся прорваться сквозь магический круг и погубить Хому Брута, Гелла рвётся в кабинет финдиректора. И обеих ведьм останавливает крик петуха, который, по народным поверьям, разгоняет всякую нечисть.

Страшная тайна иного мира в облике ведьмы приходит к Хоме. А булгаковская Маргарита по своей воле становится ведьмой, существом, стоящим на грани двух миров.

Полёт Маргариты, как и полёт Хомы, – это духовное парение, освобождение духа. В такие минуты откровения проявляет себя музыка Хаоса. Бесовская, желанная и страшная музыка овладевает сердцем Хомы во время его фантастического полёта, она «звенит, и вьётся, и подступает, и вонзается в душу какою-то нестерпимою трелью» [5, с. 156]. Музыка вальса, быть может, одного из тех, что будет слушать Маргарита вместе с Мастером в мире неземном, сопровождает и полёт булгаковской героини. «Взмахнув ею (щёткой. – *Т.М.*), она вылетела в окно. И вальс над садом ударил сильнее… Вылетела в переулок. И вслед ей полетел совершенно обезумевший вальс» [2, с. 597].

Ещё один мотив, мотив страха-тоски, которому Гоголь придавал большое значение, проходит через весь роман Булгакова. У обоих авторов это не страх-боязнь (страх в обыденном, обывательском смысле), а страх-тоска (мистический страх) – безотчётное и неопределённое чувство тревоги, беспокойства. Хома страшится, предчувствуя Вия. В романе Булгакова страх-тоску испытывают почти все герои, соприкасающиеся с миром Воланда.

«Воланд… без улыбки уставился на Мастера. Но тот неизвестно отчего впал в тоску и беспокойство… Маргарита прижалась к нему и сама начала бормотать в тоске и слезах» [2, с. 648]. Лишь после укола тоска покидает Ивана Бездомного. Страх-тоску испытывает даже знаменитый Тузбубен. «Лишь только пёс вбежал в кабинет финдиректора, он зарычал, оскалив чудовищные желтоватые клыки, затем лёг на брюхо, и с каким-то выражением тоски и в то же время ярости в глазах пополз к разбитому окну. Преодолев свой страх, он вдруг вскочил на подоконник и, задрав острую морду вверх, дико и злобно завыл» [2, с. 552].

В вечерних сумерках усталому прокуратору мерещится, что кто-то сидит в кресле, и почти сразу на него находит тоска. И мы понимаем, что Пилату не померещилось, и Некто, чьё присутствие вызывает страх-тоску, действительно сидел в кресле прокуратора Иудеи.

Иррациональные и безотчётные проявления тоски – это предчувствие Воланда, иного бытия, соседствующего с реальным миром и порой напоминающего о себе. Предчувствия эти перекликаются с роковыми знаками в судьбе Хомы, постепенно нарастающими с приближением трагической развязки.

В романе «Мастер и Маргарита» есть персонаж, подобный образу гоголевского Вия. Это Абадонна (еврейск. – «губитель»), демон смерти, обладающий смертоносным взглядом. Но если взгляд Вия скрыт под огромным веками или ресницами (в переводе с украинского языка слово вія означает «ресница» [11, с. 235], то Абадонна прячет его за тёмными очками.

«– Абадонна, – негромко позвал Воланд, и тут же из стены появилась фигура какого-то худого человека в тёмных очках. Эти очки почему-то

произвели на Маргариту такое сильное впечатление, что, тихонько вскрикнув, она уткнулась лицом в ногу Воланда» [2, с. 621].

Заметим, что философ Хома Брут погибает вовсе не от взгляда Вия, а от собственного взгляда на него, дерзнув принять вызов всесильного врага. Взглянув в глаза смерти, он не выдерживает испытания. А доносчик и шпион барон Майгель погибает тотчас же, стоит лишь Абадонне снять очки. И неважно, встретились ли герои глазами. Взгляд ангела бездны смертоносен в любом случае.

Если сравнивать самого Воланда с Вием, то булгаковский Сатана в отличие от героя гоголевской повести обретает в романе зримые черты. Но когда в конце повествования Воланд предстаёт в своём истинном обличье, становится трудно ответить на вопрос – каков же он настоящий? Воланд сохраняет свою тайну, как и Вий, который остался для нас комплексом предчувствий.

Анализируя роман Булгакова, М.Г. Васильева пришла к выводу, что «на нравственном уровне романа гоголевские традиции связаны с темой продажи души дьяволу», соединяющей «Мёртвые души», «Портрет» и «Мастера и Маргариту» [3, с. 13]. Добавим, что с повестью «Портрет» связывает «Мастера и Маргариту» также мотив безумия людей, прикоснувшихся к миру дьявольских сил. Приступы безумия посещают всех, кто покупал портрет демонического ростовщика. В романе Булгакова от умопомешательства страдают не только отдельные люди, но и целые организации, соприкоснувшиеся с инфернальным миром в образе Коровьева, Азазелло, Бегемота. Сумасшествие, как отмечают Г. Лесскис и К. Атарова, является одной из сквозных тем романа. «Почти все персонажи романа в тот или иной момент чувствуют себя на грани безумия, или их принимают за сумасшедших» [9, с. 386].

Мольер в «Тартюфе» писал: «Коль бог решил нас наказать, он нас лишает разума» [12, с.19]. Именно небесной карой объясняет художник, нарисовавший дьявольского ростовщика, несчастья, случившиеся с ним. А безумие конферансье Бенгальского, поэта Бездомного, управдома Босого, служащих Зрелищной комиссии – это дело рук Дьявола, вершащего Справедливость.

Нельзя не заметить определённого портретного сходства Воланда и демонического ростовщика. У гоголевского персонажа «непомерно высокая фигура», «горячий бронзовый цвет лица», «страшные глаза» [6, с. 101]. Воланд также «высокого (почти громадного) росту» [2, с. 387], а «кожу на лице как будто навеки сжёг загар» [2, с. 615]. Сходство такой портретной характеристики, как цвет лица, может быть объяснено обращением авторов к одному и тому же народному поверью о том, что при падении в ад дьявол обжёг себе лицо и навеки остался темнолицым. (Ср.: народная пословица «темнолик яко диавол».)

Таким образом, влияние традиций Н.В. Гоголя на демонологическую линию романа «Мастер и Маргарита» очень сильно, что обусловливается интересом Булгакова к личности и творчеству Гоголя. Мы обнаружили и переклички образов (Вий – Абадонна, ростовщик – Воланд, чёрные коты, ведьмы, русалки), и переклички мотивов (мотив дьявольских денег, мотив полёта как духовного освобождения, мотив безумия людей, соприкоснувшихся с ирреальным миром, мотив страха-тоски и т.д.). Особенно сильно влияние Гоголя в сатирических главах «Мастера и Маргариты», изображающих похождения свиты Воланда. Продолжая традиции великого предшественника, которого, по словам П.С.Попова, Булгаков «неизменно ставил себе за образец» [13, с. 541], автор «Мастера и Маргариты» преодолевает романтические взгляды Гоголя на Дьявола как на вечное и абсолютное Зло, отрицающее Бога. Булгаков создаёт образ Князя Тьмы, чьё предназначение в мире – вершить Справедливость. Его «дух зла и повелитель теней» [2, с. 715] неразрывно и органически связан с Иешуа, творящим Милосердие.

Библиографический список

1. *Белобровцева И., Кульюс С.* Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий. – М.: Книжный клуб 36,6, 2007. – 492 с.

2. *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита // Булгаков М.А. Романы. – М.: Современник, 1987. – С. 383–748.

3. *Васильева М.Г.* Гоголь в творческом сознании М.А.Булгакова: Автореферат дис. … канд. филол. наук. – Томск, 2005 – 23 с.

4. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений в 8 т. – М.: Правда, 1984. – Т. 1. – 395 с.

5. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений в 8 т. – М.: Правда, 1984. – Т. 2. – 372 с.

6. *Гоголь Н.В.* Портрет // Гоголь Н.В. Повести. Драматические произведения. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 87–125.

7. *Ермолинский С.* Воспоминания о Булгакове // Театр. – 1966. – №9. – С. 81–92.

8. *Кедров К.* Поэтический космос. – М.: Советский писатель, 1989. – 478 с.

9. *Лесскис Г., Атарова К.* Путеводитель по роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». – М.: Радуга, 2007. – 517с.

10. *Мережковский Д.С.* Гоголь и чёрт // Мережковский Д.С. В тихом омуте. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 196–254.

11. Мифы народов мира: В 2 т. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – Т. 1. – С. 235.

12. *Мольер Ж.-Б.* Тартюф, или Обманщик // Мольер Ж.-Б. Пьесы. – М.: Моск. рабочий, 1979. – С. 5–95.

13. *Попов П.С.* Биография Булгакова // Булгаков М. Письма. Жизнеописание в документах. – М.: Современник, 1989. – С. 537–572.

14. *Чудакова М.О.* Гоголь и Булгаков // Гоголь: история и современность. – М.: Современник, 1985. – С. 345–363.

УДК 88

Мешалкин Александр Николаевич
кандидат филологических наук, доцент
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ В ДЕТСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. ПРИШВИНА

В статье анализируются пути художественно-философского осмысления М. Пришвиным проблемы взаимообусловленности человеческого существования и жизни природы, необходимости слияния «линии личной жизни» с всеобщим «мы», с природой, мирозданием. Акцентируется внимание на произведениях автора, вошедших в круг детского чтения. Отмечается идейно-художественное и жанрово-стилевое своеобразие сказки-были «Кладовая солнца».

***Ключевые слова**: синтез сказочного и реального, поэзии и факта жизни; радостное мироприятие; художественный «инфантилизм»; инобытие природы; очеловечивание природы; «линия личной жизни»; поиск героями высшей правды.*

Паустовский в книге о психологии искусства «Золотая роза» дает замечательную оценку М.М. Пришвину – человеку и художнику: «Если бы природа могла чувствовать благодарность к человеку за то, что он проник в ее жизнь и воспел ее, то, прежде всего, эта благодарность выпала бы на долю Михаила Пришвина. …Жизнь Пришвина – пример того, как человек отрешился от всего наносного, навязанного ему средой, и начал жить только по “велению сердца”. В таком образе жизни заключается здравый смысл. Человек, живущий “по сердцу”, в согласии со своим внутренним миром, – всегда созидатель, обогатитель и художник» [2, с. 206].

Однако вплоть до 1960-х годов творчество писателя не находило широкого признания ни у читателей, ни у критиков, ни у собратьев по перу. Правда, М. Горький сразу после прочтения первых книг Пришвина прозрел в нем даровитого художника, писателя-философа, создателя новой концепции мира. Он поставил автора «В краю непуганых птиц» и «Черного араба» на заметное место в советской литературе.

В начале 60-х годов появляются исследования, в которых творчество художника рассматривалось в контексте философской традиции русской литературы. «Все творчество Пришвина, – писала автор первой монографии о нем Т.Ю. Хмельницкая, – насквозь философично. Он никогда не ограничивается изображением увиденного. Он всегда философски осмысливает изображаемое. Это не абстрактная, умозрительная философия, а всегда очень внутренняя, со всей психологической неповторимостью его писательской индивидуальности» [9, с. 87]. Вслед за Хмельницкой А.Н. Хайлов утверждал, что Пришвин – это «писатель-философ, углубленный в свои неповторимые раздумья о свободе и необходимости, личности и обществе, человеке и природе» [7, с. 5]. На своеобразие философского таланта Пришвина указывала Г.П. Трефилова: «Каждое произведение писателя, как бы мало или велико оно ни было, всегда проникнуто пришвинской философией природы, а каждое явление природного мира впоследствии уже без усилия, “по инерции мастерства”, по законам выработанного индивидуального стиля осмысляется эстетически и гуманистически» [6, с. 296].

 © Мешалкин А.Н., 2010

О своей склонности к философскому повествованию говорил не раз и сам Пришвин. Так, в дневниковой книге «Глаза земли» он сообщал, что постепенно доходит до философских корней чувства природы. В 1930-е годы писатель заявлял, что в его творчестве «самый большой вывод, самый большой образ – это мир как целое и смысл всех вещей в отношении к этому целому» [3, с. 14].

Взглядом художника-философа М. Пришвин способен угадать и в капле росы, и в паутинке, и обыкновенном цветке весь мир, сложный и в то же время хрупкий. Однако такого рода обобщения вовсе не исключают пристального внимания автора к отдельным предметам, его зоркости и наблюдательности. Писатель с фотографической точностью воспроизводит мельчайшие подробности жизни природы. Секрет пришвинского обаяния и заключается в той зоркости, которая позволяла писателю открывать интересное в каждой малости, в обычном видеть глубокое содержание. Эту зоркость Пришвин «сделал философией своего писательского дела – постигать в малом всю огромность и красоту мира» [8, с. 5].

Постижение общего у Пришвина идет через постижение личного, индивидуального. Каждому человеку и каждому природному существу присущи неповторимость, выразительность и оригинальность. В предвоенном дневнике писателя сохранилась запись: «Теперь я убедился, что моя природа мало имеет общего с той природой, которая находится в руках биологов. Они учат, что если вы узнали воробья, так значит, и всех воробьев. А я, что все воробьи разные и каждый из вас может открыть своего воробья. Моя наука есть наука *родственного внимания своеобразию каждого существа* (выделено мною. – *А.М.*). Эта наука привела меня к искусству слова…» [4, с. 347]. Об отдельном существовании «мельчайшей сущности» М. Пришвин замечательно сказал в детском рассказе «Лесной хозяин»: «Наступила такая тишина, было такое напряжение в ожидании первых капель, что, казалось, каждый листик, каждая хвоинка силилась быть первой и поймать первую каплю дождя. И так стало в лесу, будто каждая мельчайшая сущность получила свое собственное, отдельное выражение» [4, т. 3, с. 235]. Но достоверность у Пришвина не самоцель. Точные описания природы попадают на страницы его прозы только в том случае, если рождают в художнике «движение души и мысли как слитое воедино, как сплав, как акт искусства» [5, с. 11] или, говоря языком самого Пришвина, «сердечную мысль».

Таким образом, органическое слияние философичности и лиризма, прозы и поэзии, научного знания и вымысла становится стилевой доминантой произведений Михаила Пришвина, характерной как для взрослых, так и для детских произведений писателя. Более того, Пришвин никогда не делил свое творчество на «взрослое» и «детское». В его дневниковой записи 23 декабря 1937 года отмечено: «Над чем я сейчас работаю в детской литературе? Я всегда работаю над одной темой, в которой детская и взрослая литература сливаются в единое целое… Та единая тема, над которой я работаю, это дитя, которое я сохраняю в себе, мальчик» [4, т. 8, с. 333]. А еще раньше Пришвин указывал, что писатель, создавая детский рассказ, «должен не склоняться к маленьким детям, а их поднимать, узнавая их потребности через своего личного ребенка, в существе которого и заключается то, что называется талантом» [4, т. 8, с. 286–287]. Спустя десять лет писатель продолжает эту мысль: «Пришло в голову собрать хрестоматию поэзии и прозы в отношении детей по тому принципу, что каждый великий поэт вершиной своего творчества соприкасается с душевным миром детей, что так, наверно, создавался и фольклор: народный поэт не показывал лица своего, вершиной своего творчества соприкасался с вершинами народного духа» [4, т. 8, с. 471]. Поэтому маленькие герои Пришвина необычны: мыслями и возрастом души они взрослые. Их заботит то, что и повидавших жизнь людей: как перевести малое личное в большое общее, то есть примирить линию личного существования с долгом и необходимостью.

Примечательно, что маленькие рассказы поздних лет, объединенные Пришвиным в циклы «Лисичкин хлеб», «О чем шепчутся раки», «В краю дедушки Мазая», «Дедушкин валенок», которые можно считать подлинно детскими, имели успех не только у детского, но и у взрослого читателя. Автор объяснял их удачу так: «Из-за того я их и пишу, что они пишутся скоро, и, пока пишешь, не успеешь надумать что-нибудь лишнего и неверного. Они чисты, как дети, и их читают и дети, и взрослые, сохранившие в себе свое личное дитя» [3, с. 14].

М. Пришвину и как человеку, и как писателю удалось сохранить в себе дитя, а отсюда и его обладание великим даром – способностью к поэтическому восприятию жизни как сказки, чуда, не-

прерывного обновления. «Детским» писатель остается и во взрослых произведениях, где обязательно присутствует элемент игры, удивления, неожиданного узнавания.

Это радостное мироприятие в незатейливой форме выражено в рассказе «Золотой луг». Маленький герой, наблюдая за одуванчиками, которые меняют цвет с золотого на зеленый, открывает их тайну. Причудливая картина смены красок луга, так заворожившая когда-то рассказчика, – это жизнь одуванчиков в том ритме, который прилажен к ритму всей природы: к вечеру одуванчики сжимают свои лепестки и луг становится зеленым; утром, когда всходит солнце, лепестки раскрываются и луг превращается в золотой. Автор оживляет этот неприглядный, на первый взгляд, цветок, называя его лепестки ладонями. Он становится для детей одним из «самых интересных цветов», потому что «спать одуванчики ложились вместе с детьми» и вместе с ними вставали. Смысл рассказа не только в том, что в самом обыкновенном таится необычное, сказочное и нужно лишь суметь рассмотреть это, но и в том, что и одуванчик, и человек включены в единую цепь мироздания. Тут происходит слияние природной и человеческой жизни, заявляет о себе все та же наука «родственного внимания своеобразию каждого существа».

Сопричастность тайне жизни испытывает и маленькая героиня рассказа «Лисичкин хлеб». Автор-рассказчик приносит из леса Зиночке богатые дары: и разные грибы и ягоды, и ароматный комочек сосновой смолы, и листики и корешки чудесных трав. Она удивляется этому богатству природы, но ничто ее так не восхищает, как «лисичкин хлеб». Кусок черного хлеба, который охотник забыл съесть в лесу и принес назад, становится для девочки чем-то сказочным, сокровенным. Вкушая его (а Зиночка, «капуля такая, часто и белый-то хлеб не брала») [4, т. 4, с. 376], девочка приобщается к скрытому пока от нее во всей своей удивительной полноте миру природы. Это своеобразный акт причащения к тайне бытия, когда человек начинает чувствовать свою сопричастность всему живому, когда человек и природа проникают друг в друга и сливаются воедино. И сказка становится реальностью, самой жизнью.

М. Пришвин творил в своем воображении особый мир, верил в его реальность и жил в нем. Всякое незначительное явление, на котором писатель заострял внимание, принимало в его сознании особую окраску, он видел в нем особый смысл. Жизнь и творчество сливались воедино. К.Н. Давыдов, русский ученый-эмигрант, долгие годы близко знавший Пришвина, обращал внимание в своих воспоминаниях на эту оригинальную сторону жизни и творчества писателя. Так, в шуточном рассказе Давыдова о раненой обезьяне, которая долго смотрела на человека прощающим взором и потом крепко пожала ему руку, Пришвин почувствовал «глубокую правду» и «всей душой» ее переживал.

Нежелание мириться с прозой жизни, житейской действительностью вызывало в нем веру в волшебство, сказку. Он искренне верил в фантастическую историю о девке Матрешке и лешем, который ее «подковал подковами», записанную когда-то Пришвиным и пересказанную в Географическом обществе во время доклада об этнографических исследованиях Заволжья.

Услышанная Пришвиным где-то в Сибири байка про медведя, который, спасаясь от волков, забежал в избу сторожа, оформилась под пером писателя в рассказ «Белый ожерелок». Хозяин пришел на помощь испуганному зверю, а когда они дружно отбились от волков, сторож оставил медведя зимовать в избе. Автор-рассказчик скромно признается, что не поверил в эту историю, но в то же время, намекая на якобы имевшую место публикацию этого случая в сибирском журнале, допускает и ее реальность.

Нетрудно предположить, что подобное отношение Пришвина к действительности вызвано «длительным переживанием детства». Но «художественный инфантилизм» [1] писателя оказывается вполне естественным и творчески плодотворным: он видит в природе не только неповторимое, открывает новое, но и, как ребенок, способен принять кажущееся, иллюзорное за действительное. А отсюда и удивительная изобразительность Пришвина в описании природы, животного мира, сочетающая в себе подлинные знания ученого-натуралиста, профессионального охотника и высокую поэзию.

Писатель очеловечивает природу, наделяя многих своих четвероногих и крылатых героев речью, называя человеческими именами, обращаясь к ним, как к людям. В рассказе «Ребята и утята» автор приучает детей к разумному и душевному отношению к животным. Он желает утятам добра и благополучия, «счастливого пути», сравнивая их путь с будущим жизненным

путем ребят. И ребята, осознав свою ошибку, вторят ему: «До свиданья, утята!». В «Луговке» ключевыми становятся слова жены рассказчика, обращенные к чибисятам: «Да ведь это наши». «Своим» становится автору-рассказчику еж, который «приладился» жить у него в квартире (рассказ «Еж»). Утенка, проложившего путь для других, дети ласково называют Изобретатель (рассказ «Изобретатель»). Обманутых тетеревов (они ожидали выстрелов, а получают спасение) охотник снисходительно называет «граждане» (рассказ «Ярик»). Примеры можно множить, но уже достаточно ясно, что желание Пришвина приручить животных, сделать их «нашими» – это следствие того же родственного отношения писателя к миру.

Однако в очеловечивании природы Пришвиным нет намека на некое подобие животного и человеческого мира. Во-первых, разговаривая, звери остаются зверями, да и обходятся они часто средствами своего языка, говорят от себя. Когда же за них говорит автор, он лишь «интерпретирует» их собственный язык. Во-вторых, Пришвин постоянно подчеркивает, что природа имеет свое бытие (примечательны в этом отношении слова из рассказа «Ночевки зайца»: «Это мы ночуем, а зайцы днюют»). И в этом инобытии природа не осознает себя, не ведает добра и зла, сомнений и страстей. Очеловечивание природы – это художественная метафора необходимого влияния на нее человека, чтобы придать ей красоту и смысл. Это очеловечивание самого человека: чем больше человек осознает природу, тем больше становится человеком.

Мысль о первенствующей роли человека в природе выражена во многих произведениях Пришвина о животных («Первая стойка», «Ярик», «Сват», «Ужасная встреча» и др.). Человек вносит «культуру» в мир природы и становится сотворцом жизни, и это требует от него не только проявления морали (он не должен оказываться во власти животных инстинктов, забывая в себе человека), но и высшей целесообразности, заключающейся не в поверхностном любовании ею, а в рачительном, хозяйском отношении к ней.

Но чтобы стать участником сотворчества жизни, настоящим хозяином природы, соприкоснуться с тайнами ее бытия, необходимы интуиция, внутреннее чутье, способность сердца и души к слиянию с ней в едином ритме. Так, в «Лесном хозяине» Пришвин иронизирует над мальчиком, возомнившим себя хозяином леса, но поступающим отнюдь не по-хозяйски. В финале рассказа в наступившей ничем не нарушаемой прелести и гармонии природы незримо является героям, укрывшимся под елкой от теплого дождя, «настоящий хозяин лесов» и «каждому отдельно шептал, шептал, шептал…» [4, т. 3, с. 238]. Хозяин леса – это персонификация природы, сам-природа в ее сокровенных тайне и смысле.

Философия человека и природы изложена Пришвиным в своеобразной художественной форме и в сказке-были «Кладовая солнца». Здесь обусловленность сказочного и реального, поэзии и прозы жизни проявляется уже в жанровом определении произведения и воплощается затем в его сюжетно-композиционной структуре.

Сказочна никому неведомая заветная палестинка, куда идут Настя и Митраша. Здесь очевидна аллюзия на хронотоп сказок. Путь к заветной палестинке – это художественно-философская метафора тайны жизни, которую нужно открыть на пути постижения высшей правды.

Главные герои «Кладовой солнца» чем-то напоминают сказочных персонажей. Антипыч выступает как мудрый хранитель тайны правды жизни. Настя и Митраша по-взрослому самостоятельны. Оставшись без родителей, они легко справляются со всеми трудностями. Здесь заявляет о себе все та же пришвинская тенденция овзросления детских персонажей.

Волк Серый Помещик – это не только представитель животного мира, но и олицетворение злой силы. Следует заметить, что образ Серого Помещика многофункционален. Это и неуправляемая природная стихия, которую необходимо укротить человеку, не поддавшись на соблазн ложной жалости. «Какой это жалобный вой! Но ты, прохожий человек, если услышишь и у тебя поднимется ответное чувство, не верь жалости: воет не собака, вернейший друг человека, – это волк, злейший враг его, самой злобой своей обреченный на гибель. Ты, прохожий, побереги свою жалость не для того, кто о себе воет, как волк, а для того, кто, как собака, потерявшая хозяина, воет, не зная, кому же теперь послужить» [4, т. 5, с. 232].

Символическое звучание образа Серого Помещика расширяется: жизнь волка определяется как путь эгоистического отдельного существования человека, ведущий к саморазрушению личности, к трагическому финалу, и связывается с фабульной линией пути Насти и Митраши к заветной палестинке. Опасность пути индивидуально-

го существования, на который ступает порой человек, подчеркивается публицистическим обращением автора к читателю.

Сказочной нарисована в «Кладовой солнца» природа. Удивительными звуками, красками и, главное, сокровенным смыслом наполнена Звонкая борина, когда, пробуждаясь перед рассветом, и птицы, и зверьки хотят сказать «одно только слово прекрасное». «Но слова, как мы, они сказать не могут, и им приходится выпевать, выкрикивать, выстукивать. <…> Мы… хорошо понимаем, над каким словом они трудятся и не могут сказать. Вот почему мы, когда придем в лес… скажем им, как людям, это слово:

– Здравствуйте!

И как будто они тоже обрадуются, как будто они тоже подхватят чудесное слово, слетевшее с языка человеческого» [там же, с. 222].

Здесь возникает светлое, радостное ощущение великого праздника бытия, когда человек сливается с природой, чувствует ее обнаженным сердцем, а природа становится столь же одухотворенной и разумной, как человек. Она «обращается» к человеку в надежде на скорое прозрение им истины. «И журавли прокричали три раза, не как утром – “победа”, а вроде бы:

– Спите, но помните: мы вас скоро разбудим, разбудим, разбудим!» [там же, с. 244].

С другой стороны, в основную фабульную линию «Кладовой солнца» постоянно вплетаются очерковые отступления об охоте на волков, о посещении Антипыча, о Блудовом болоте. Подлинность событий подчеркивается частым употреблением местоимения «мы» («мы, соседи», «мы, охотники», «мы, разведчики болотных богатств»). Автор-рассказчик – свидетель и участник тех событий, о которых повествует. Здесь заявляет о себе автобиографизм Пришвина, характерный для всего творчества писателя.

Финал «Кладовой солнца» – это не только благополучное возвращение детей домой, после чего они совершают добрый, бескорыстный поступок, но и публицистическое слово писателя о разведчиках болотных богатств и самих богатствах, скрытых в болотах («великих кладовых солнца»). Заключительный аккорд сказки-были возвращает нас к метафорическому смыслу названия произведения: рачительная природа, бережно накапливая богатства, с готовностью отдает их людям, но в том случае, если человек примет эти дары с *доверием и благодарностью*.

Тема «родственного понимания» природы как обретения человеком высшей правды через преодоление корысти и эгоизма раскрывается в «Кладовой солнца» в фабульной линии пути Насти и Митраши к заветной палестинке. Каждый из детей выбирает свою дорогу, пренебрегая человеческой тропой, поэтому они и попадают в беду. Митраша едва не погибает в Слепой елани; Настя, поддавшись чувству жадности во время сбора клюквы, не замечает опасности (змеи-гадюки) и забывает о брате. Примечательна сцена, когда лось не признает в ползающей мокрой, грязной девочке человека, потому как «у нее все повадки обычных зверей, на каких он смотрит равнодушно, как мы на бездушные камни» [там же, с. 243], и принимает ее за животное.

Но силы добра побеждают в Насте. Вовремя опомнившись и испытывая муки совести, она находит брата. Митраша тоже выходит победителем из безвыходной, казалось бы, ситуации, проявив смекалку и находчивость. В сцене спасения Митраши Травкой проявляется та же тенденция овзросления Пришвиным детских персонажей. В Митраше торжествует здравый рассудок взрослого человека, поэтому и срабатывает «хитрый план спасения».

Физическими и нравственными страданиями расплачиваются дети за ошибки. Пережитые опасности заставляют их переосмыслить свой жизненный путь, прозреть ту единственную правду, которая выше личной правды. Так, споря, по какой тропе идти, дети еще не знают, «что большая тропа и малая, огибая Слепую елань, обе сходились на Сухой речке, больше уже не расходясь, в конце концов выводили на большую переславскую дорогу» [там же, с. 238]. В финале сказки-были Митраша побеждает Серого помещика, а Травка начинает служить ему, как служила когда-то Антипычу. Настя отдает целебную ягоду эвакуированным из Ленинграда больным детям. Так правда старого Антипыча «перешептывается» маленьким героям, и Пришвин приводит читателя к мысли, что большая человеческая правда заключается в единении людей на основе добра и любви.

Наставление Пришвина современникам и будущим поколениям «не гонитесь поодиночке за счастьем, а гонитесь дружно за правдой» могли бы стать эпиграфом к «Кладовой солнца». «Правда» – одно из ключевых слов Пришвина и его героев. В понятии «правда» заключается глубокий нравственный смысл, направляющий человека к достижению всеобщего блага путем преобра-

жения бытия по законам высшего идеала, доступного человеку.

Антиномия добра и зла, любви и эгоизма, большой правды и личной корысти оттеняется в «Кладовой солнца» и образами-символами сосны и ели, их единоборством за право на существование, приносящим деревьям лишь боль и страдание.

Так в «Кладовой солнца» философски осмысливается «линия личной жизни» как индивидуальное существование человека – тема, характерная для всего творчества Пришвина. Писатель убежден, что эта «линия личной жизни» (столь необходимая человеку) должна быть детерминирована «творческим поведением», т.е. стремлением слить свое «я» с всеобщим «мы», с природой, со всем мирозданьем.

Библиографический список

1. *Замошкин Н.* Критика о М.М. Пришвине // Пришвин М. Повести. Рассказы. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2003.

2. *Паустовский К.* Золотая роза: повесть. – Л.: Дет. лит., 1987.

3. *Пришвин М. М.* Глаза земли. – М.: Просвещение, 1989.

4. *Пришвин М.* Собрание сочинений: В 8 т. – М.: Худож. лит., 1982–1986. – Т. 8. – С. 345.

5. *Солоухин В.А.* Очарованный странник // Пришвин М.М. и др. Золотой луг: рассказы. – М.: Дет. лит., 1982.

6. *Трефилова Г.П.* М.М. Пришвин // История русской советской литературы: В 3 т. Т. 1. – М.: АН СССР, 1961.

7. *Хайлов А.Н.* Михаил Пришвин: Творческий путь. – М.; Л.: АН СССР, 1960.

8. *Шкловский Е.* В поисках гармонии (Пришвин и Паустовский) // Пришвин М.М. Повести. Рассказы. – М.: Изд-во «Астрель», 2003.

9. *Хмельницкая Т.* Творчество Михаила Пришвина. – Л.: Сов. писатель, 1959.

УДК 8-1

Морозова Светлана Николаевна

Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского

s.morozova09@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ТВОРЧЕСКАЯ ПОЗИЦИИ Я. ПОЛОНСКОГО: ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ УМЕРЕННОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО?

В статье рассматриваются вопросы становления творческого самосознания Я. Полонского через определение его общественной позиции и выявляются основополагающие принципы художественного мировоззрения поэта.

Ключевые слова: *политические взгляды, нравственное воспитание, прогресс, область искусства, общественная роль искусства.*

Между личностью писателя и его книгами существуют сложные многообразные связи. Характер писателя, его вкусы, его политические убеждения – все это в целом определяет его отношение к миру и нуждается в обстоятельном изучении. Разгадать характер писателя, установить его взгляды на искусство, его отношение к современности и современникам – значит найти дорогу к образам, созданным им, и к манере его письма.

Политические взгляды Полонского не отличались радикализмом. Он старался избегать, как он сам выражался, «крайностей», предпочитая находиться не в каком-либо определенном лагере, а сочувствовать в каждом из них «всему доброму и полезному для России». «Я всю жизнь был ничей, – писал он Чехову, – для того, чтобы принадлежать всем, кому я понадоблюсь, а не кому-нибудь» [1, с. 56].

Однако там, где возникали принципиальные вопросы, касающиеся убеждений поэта, он смело и откровенно выражал свое мнение, не считаясь с собственными, личными симпатиями. Так, в 1895 году, несмотря на глубокое уважение к Льву Толстому как к писателю и человеку, Полонский печатно вступил с ним в полемику по поводу основных принципов толстовского учения. «Как великий художник, – писал Полонский, – граф Толстой имеет полное право внушать нам веру в действительность им выведенных на сцену типов ...но, выходя на арену проповедника и утописта, напрасно думает граф, что он один владеет истиной» [1, с. 68].

В статье о поэте А. Жемчужникове Полонский косвенно характеризует и свои политические

© Морозова С.Н., 2010

убеждения: «Он стоял на той золотой середине, на том juste milieu, которое избегает крайностей. Да эти крайности были далеко не в его характере, миролюбивом, не терпящем никакого насилия, ничего необузданного и дикого. Не революционер он был, а просто прогрессист, понимая прогресс так, как понимали его все лучшие люди 60-х и 70-х годов нашего столетия» [1, с. 17].

Это наивное стремление служить «общему» благу, находясь между борющимися лагерями, доставило Полонскому немало огорчений и разочарований и часто ставило его под обстрел со стороны революционной критики (Щедрин, Писарев, Минаев), несмотря на то, что многое из того, что отстаивали демократы, было дорого и самому Полонскому.

Говоря осудительно о насилии, Полонский имел в виду как правительственный произвол, так и революционную борьбу с ним, возлагая надежды на такие мирные средства, как прогресс в области просвещения и успехи нравственного воспитания общества. «Проповедуй Вы реформы, – писал он Л. Толстому, – я примкнул бы к Вам, как к реформатору, преследующему более или менее усовершенствование того, что... искажено... невежеством и человеческими пороками» [1, с. 68].

Более пространно эта мысль о связи общественных учреждений с «прогрессом» выражена поэтом в неопубликованной статье «В каком смысле я монархист и республиканец». Основные мысли этой статьи сводятся к следующим положениям. Политический строй любого государства обусловлен, по мысли автора, степенью культуры населяющего его народа. В силу этого форма правления зависит от «статистических данных, а не от теорий и прокламаций». Полонский даже делает попытку определить примерные условия для той или иной формы государственного строя. «Если в государстве, – пишет он, – три четверти народа образованные, честные и сознают долг свой, – возможна республика. Если одна треть – возможна конституция. Если же... из 15 миллионов и 5 миллионов не найдешь образованных и честных, то невозможна не только республика, невозможна даже прочная конституция» [1, с. 123].

Иными словами, Полонский считает себя монархистом не потому, что ему вообще нравится эта форма правления, а только потому, что вынужден признать временную необходимость ее для России. Истинные же симпатии автора принадлежат республике.

«Спрашивается, – продолжает свою мысль Полонский, – могу ли я, как честный и сколько-нибудь образованный человек, пожелать для своего отечества, чтобы три четверти его народонаселения могло назваться массою людей честных и образованных. Не могу не желать и желаю этого от всей души и в этом смысле я республиканец» (ибо такое положение в области просвещения масс, по мысли самого Полонского, требует республиканских учреждений) [1, с. 123].

Эта неопубликованная статья позволяет с большей точностью определить отношение Полонского не только к политическому строю России, но вместе с тем и к деятельности революционных разночинцев.

Путь борьбы, выбранный революционерами, не находит у поэта сочувствия. «Я знал заранее, – пишет он, – что ни от прокламаций, ни от социальных учений, ни от самопожертвования ничего не может выйти для России нужного» [1, с. 123].

Видимо, неудачи революционеров 60–70-х годов были восприняты Полонским как подтверждение его умеренно-просветительских взглядов.

Но вместе с тем Полонский далек от мысли видеть в революционерах грубых циников, «бесов», политических честолюбцев и находит возможным назвать их борьбу таким серьезным словом, как «самопожертвование».

В 50–60-е годы в связи с расширением круга разночинной интеллигенции и обострением в стране классовой борьбы резче встал вопрос о социальном самоопределении личности. Полонский стремится в каждой партии, в каждом сословии видеть прежде всего «человека», его личность. Но независимо от субъективных желаний поэта по судьбе и по образу мыслей он все-таки был больше разночинцем, демократом, нежели дворянином.

Не менее важен вопрос о круге тех людей, с которыми Полонский часто общался, а подчас был даже в дружеских отношениях. Среди них мы находим имена виднейших представителей разночинского движения 50–60-х годов: Михайлова, Шелгунова, Пантелеева, Помяловского и Некрасова. Влечение к этим людям определялось у Полонского не только личным к ним расположением, но и известной близостью во взглядах. Враждебное отношение к аристократии и крепостному праву, осуждение правительственного произвола – все это в равной степени было близко и Полонскому и его приятелям-разночинцам. В жиз-

ни ближе всех оказался к Полонскому М.И. Михайлов. Позднее пути друзей разошлись. Революционного энтузиазма Михайлова Полонский не разделял и даже сожалел о том, что тот «отдался политике» и «нигилизму». Но и в шестидесятые годы многое еще их связывало.

К середине 50-х годов относится знакомство Полонского с другим известным демократом, философом, публицистом – Н.В. Шелгуновым и его женой Л.П. Шелгуновой.

Сама Шелгунова была очень близка к кругу передовых людей 50–60-х годов и, подобно Чернышевскому, Добролюбову, Михайлову, увлекалась «женским вопросом». Она была интересной собеседницей, «большой, – по словам Полонского, – музыкантшей», тонкой ценительницей стихов.

С Николаем Герасимовичем Помяловским Полонский встретился на вечерах у Штакеншнейдеров. Повести молодого писателя «Мещанское счастье» и «Молотов», напечатанные в 1861 году в некрасовском «Современнике», сразу же получили признание и широкую известность. Красивая внешность Помяловского, природная доброта, искренность невольно вызывали к нему любовь и расположение. Особенно сильное участие в судьбе Помяловского принял Полонский.

С Некрасовым Полонского связывали многолетние приятельские отношения. Полонский глубоко уважал Некрасова и чрезвычайно дорожил личным его расположением. «Я не изменюсь к Вам никогда, – писал он Некрасову в 1874 году, – как поклонник Вашего поэтического таланта. Если виноват перед Вами, то виноват как перед редактором, а не как перед приятелем. Перестаньте быть для меня редактором и останьтесь моим приятелем» [1, с. 148].

Таков был круг людей, которых Полонский любил и уважал, которых он помнил спустя много лет после их смерти. И пусть он не до конца разделял их убеждения, все же многое в их деятельности было для него дорогим и высоким. Особенно это относится к Некрасову:

Перед дверями гроба он
Был бодр, невозмутим, – был тем, чем сотворен:
С своим поникнувшим челом
Над рифмой – он глядел бойцом, а не рабом,
И верил я ему тогда,
Как вещему певцу страданий и труда. [4, с. 235]

С легкой руки Ап. Майкова Полонского обычно включали в круг поэтов «чистого искусства»:

Тому уж больше чем полвека,
На разных русских широтах,
Три мальчика, в своих мечтах
За высший жребий человека
Считая чудный дар стихов,
Им предались невозвратимо...
...Те трое были... милый мой,
Ты понял? Фет и мы с тобой.
Так отблеск первых впечатлений,
И тот же стиль, и тот же вкус
Нам уготовили союз. [3, с. 310]

Однако высказывания самого Полонского, не говоря уже о его поэтическом творчестве, которое будет рассмотрено ниже, требуют внести ясность в этот вопрос, а многое в нем пересмотреть и уточнить.

Требования, которые предъявляли к поэзии представители «чистого искусства», наиболее четко и по-своему смело были высказаны Фетом в его рецензии на стихотворения Ф.И. Тютчева. «У всякого предмета, – писал он, – тысячи сторон... Но в том и дело, что художнику дорога только одна сторона предмета: их красота, точно так же, как математику дороги их очертания или численность... Дайте нам прежде в поэте его зоркость в отношении к красоте, а остальное на заднем плане» [5].

Нетерпимость ко всему, кроме красивого, приводила Фета к резкому ограничению реалистических возможностей искусства, к отказу от изображения теневых и даже повседневных сторон действительности. Поэтические зарисовки Фета всегда подчеркнуто праздничны, изящны за счет тщательного отбора из всего многообразия мира только того, что красиво, что ласкает глаз. Там же, где действительность мало соответствовала вкусам поэта, на помощь приходила творческая фантазия автора, преображавшая мир в соответствии с его идеалами.

Совершенно иное решение находил этот вопрос в статьях Чернышевского и Добролюбова. «Область искусства, – утверждал Чернышевский, – не ограничивается областью прекрасного в эстетическом смысле слова... искусство воспроизводит все, что есть интересного для человека в жизни» [6, с. 465].

Что касается Полонского, то в этом вопросе о границах поэтического и непоэтического, он снова оказывался шире, терпимее и демократичнее Фета. «У твоей музы, – писал он Фету, – идеальное солнце, для моей – самое обыкновенное, вот то самое, на которое я теперь страшно злюсь,

за то, что оно плохо светит и заставляет меня в час пополудни зажигать лампу... По твоим стихам невозможно написать твоей биографии, или даже намекать на события твоей жизни... по моим стихам можно проследить всю мою жизнь... Ясно, что мой духовный, внутренний мир далеко не играет такой первенствующей роли, как твой, озаренный радужными лучами идеального солнца» [1, с. 135].

Смысл приведенного отрывка ясен: Полонский рисует действительность такой, как она есть, – Фет преображает ее в соответствии со своим идеалом красоты; по стихам Полонского можно судить о фактах жизни, в стихах Фета прежде всего и ярче всего раскрывается духовный мир самого поэта.

Наряду с самодовлеющим значением в искусстве красоты Фет настойчиво отстаивал мысль о бессознательности, бездумности самого творчества. «Можно быть величайшим художником-поэтом, не будучи мыслителем в смысле житейском или философском», – заявлял он все в той же статье [5].

Идейные руководители «Современника» видели в науке не антипод искусства, а лучшую его помощницу. «Свободное претворение самых высших умозрений в живые образы и вместе с тем полное сознание высшего, общего смысла во всяком, самом частном и случайном факте жизни – это есть идеал, представляющий полное слияние науки и поэзии», – писал Добролюбов [2, с. 115].

На чьей стороне, или, точнее, к кому ближе стоял в этом споре Полонский? Высказывания самого поэта говорят здесь не в пользу «чистого искусства». «Изящное, – утверждает он, – должно проистекать из стройного согласия истины, добра и красоты... Всякий истинный писатель должен образовать ум свой полезными знаниями, иметь сердце, преисполненное чувствительности и... руководствоваться правилами очищенного вкуса» [1, с. 136].

Истина, добро, польза, как видим, стоят у Полонского на первом месте. Полонский никогда не противопоставлял поэтическое творчество широким, основательным знаниям, поэзию – науке. Издавая в 1883 году стихотворения Бенедиктова, того самого Бенедиктова, которым он сам увлекался еще в Рязанской гимназии, Полонский ставит в вину своему былому кумиру как раз недостаток образования и проистекающий отсюда узкий взгляд на жизнь.

Вместе с тем, видя в искусстве союз «истины, добра и красоты», Полонский резко возражал против грубо утилитарного взгляда на искусство, при котором в жертву «пользе» приносится его эстетическая сторона. В письме к издателю журнала «Русская мысль» Полонский возмущается статьей одного из критиков этого журнала, который утверждал, что принципом «полезности» «определяется в сущности (подчеркнуто Полонским) судьба самого творчества». «Никогда, – писал Полонский, – не было, да и быть не может таких поэтов... Вашему г. NN хочется быть вторым Писаревым и угождать утилитарному направлению молодежи, но у Писарева был талант, а у NN никакого» [1, с. 168].

Вопрос о полезности, точнее, об общественной роли искусства также нуждается в свою очередь в историко-литературном рассмотрении. В 50-е годы революционные разночинцы видели основное назначение искусства в последовательном и непримиримом отрицании всего, что было связано с крепостническими отношениями в стране. Поэтому наиболее плодотворным Чернышевский считал гоголевское сатирическое, точнее критическое, направление.

В последующие десятилетия нарастание в России революционных настроений еще выше подняло роль щедринской сатиры и некрасовской музы «мести и печали». Совершенно другие цели преследовали критики из либерального лагеря – Анненков и Дружинин. Именно здесь был провозглашен принцип «искусство для искусства». Согласно этому принципу писатель меньше всего должен думать о влиянии своего произведения на жизнь общества, на жизнь народа. Искусство, заявляли противники Чернышевского, не должно иметь цели, выходящей за рамки самого искусства, оно должно доставлять людям «бескорыстное» наслаждение. Родоначальником «чистого искусства» был объявлен Пушкин, специально для этой цели истолкованный Анненковым. Полонского Дружинин весьма энергически старался причислить к поэтам «пушкинского направления».

Впрочем, сам Полонский иначе смотрел на свое творчество. Сочувствие «отрицателям» выражалось у Полонского в гуманном направлении его поэзии, которое заставило его думать и писать о нищете, бесправии и страданиях народа. Это была уже не область «чистого» искусства. Более того, в искусстве он видел силу, способную излечить общество от его недугов. Но имен-

но в этом вопросе он и сходился и расходился с «отрицателями» из революционного лагеря. Сходился в признании за искусством его действенной общественной роли и расходился в понимании средств, которыми искусство должно осуществить свое гражданское назначение.

Не признавая насилия в политике, Полонский и в поэзии призывал не к борьбе со злом, а к любви и согласию, к некому умозрительному Братству, исключающему всякую вражду.

Признавая за литературой огромную моральную и общественную силу, Полонский резко отрицательно отнесся к появившимся в России декадентам. Воспитанный на статьях Белинского и Герцена, на стихах Пушкина, Лермонтова и Некрасова, Полонский не без негодования говорить о писателях, сознательно уводивших литературу от ее общественных задач.

В этом непримиримом отношении к декадентской литературе Полонский оказался в одном ряду со своими великими современниками – Чеховым и Львом Толстым.

Библиографический список

1. Дневник Полонского 1858–1860 гг. – М.: Центральный Государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ) (1818–1922): ф. 403, оп. 1, д. 209, л. 173.

2. *Добролюбов Н.А.* Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. – М.: Гослитиздат, 1950. – 315 с.

3. *Майков А.Н.* Сочинения в двух томах. Т. 1 / Под ред. Ф.Я. Приймы. – М.: Правда, 1984.– 425 с.

4. *Полонский Я.П.* Стихотворения и поэмы / Ред. и примеч. Б.М. Эйхенбаума. – М.: Сов. писатель, 1835. – 780 с.

5. *Фет А.А.* О стихотворениях Ф. Тютчева // Русское слово. – 1859. – №2. – С. 65–66.

6. *Чернышевский Н.Г.* Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4 / Ред. Ю.С. Мелентьева. – М.: Правда, 1974. – 623 с.

УДК 88-26

Осипова Ольга Ивановна
кандидат филологических наук
Якутский государственный университет им. М.К. Амосова (филиала в г. Нерюнгри)
lgkihney@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТВОВАНИЯ В ЦИКЛЕ В. БРЮСОВА «ЗЕМНАЯ ОСЬ»

Статья посвящена исследованию нарратива в новеллах В. Брюсова. Автор рассматривает принципы взаимодействия повествовательной структуры и жанра, роль подзаголовков при определении планов повествования. Отмечается усложнение повествовательной структуры в новеллах за счет добавления в традиционную коммуникативную схему дополнительного компонента.

Ключевые слова: *формы повествования, адресант, адресат, повествователь, рассказчик, точка зрения, исповедальный дискурс.*

В художественной прозе структура повествования базируется на принципиальном различении «голоса» повествователя и «голосов» персонажей. В повествовании отражается и возможная позиция адресата текста. В современной «лингвистике нарратива» различаются традиционный нарратив, включающий перволичную форму повествования, аукториальную форму, и свободный косвенный дискурс [1]. Цикл Валерия Брюсова «Земная ось» характеризуется использованием указанных повествовательных форм.

Особенности перволичной формы повествования можно рассмотреть на примере новелл «Мраморная головка», «Первая любовь», «Последние мученики», «В зеркале», «Теперь, когда я проснулся…». Сходным нарративом обладают новеллы «Мраморная головка» и «Первая любовь», обе построены как диалог повествователя и рассказчика. Но данный диалог имеет редуцированный характер – в новеллах представлена точка зрения только одного собеседника, ведущего монологическое повествование (поэтому и можно говорить о диегетическом повествователе). Второй участник определяется только в экспозиции новеллы. Она служит индикатором описываемой ситуации, благодаря ей монологический рассказ помещён в дискурс беседы.

Повествование в новелле «Последние мученики» строится на тех же принципах, что и в предыдущих двух новеллах, за исключением того, что рассказ повествователя помещён в контекст

© Осипова О.И., 2010

письма, что определяет наличие фактора адресата. Предисловие к «опубликованному» письму помещает имплицитного читателя в контекст описываемой действительности (предисловие способствует определению жанра новеллы-антиутопии).

Близки повествовательной структурой новеллы «Теперь, когда я проснулся…» и «В зеркале». Экспозицией в них становится «предыстория болезни» – герои анализируют причины случившегося. В новеллах нет персонифицированного автора, эксплицитно выраженной авторской оценки. Их монологичность, тем не менее, направлена на диалог, что выявляет подзаголовок каждой из них. Именно он позволяет говорить о скрытом, имплицитном («экзегетическом») повествователе, который становится промежуточным звеном между рассказчиками и читателем. Новелла «Теперь, когда я проснулся…» – лирико-психологическая исповедь героя, его самоанализ. Исповедальная форма определяет погружённость героя в себя, выражение только его точки зрения на события; его сознание не соприкасается с сознаниями других. Мир героя представляется в одностороннем порядке. Подзаголовок новеллы «Записки психопата» содержит оценку событий другим повествователем (едва ли сам герой предварил бы свои записи таким образом). Подзаголовок также указывает на письменный дискурс.

В новелле «В зеркале» также представлена исповедь героини. Но подзаголовок «Из архива психиатра» указывает, что монологичность новеллы имплицитно направлена на диалог и перед нами два повествователя: собственно рассказчица и человек, благодаря которому мы читаем исповедь (о нём сообщён только род профессиональной деятельности). Первый повествователь представляет монолог, ценный и как процесс внутреннего самораскрытия человека, и как своеобразный самоанализ. Второй повествователь не оценивает монолог, не изменяет его, передаёт читателю как прямую речь. Сознание персонифицированной рассказчицы определено существованием в двух мирах и неразличением грани между ними. Второй повествователь занимает определённую пространственную позицию, отнесённую к хронотопу рассказывания. Таким образом, от первого повествователя мы узнаём её предысторию и последующие трагические события, второй повествователь позволяет узнать финал её драмы: родственники поместили её в психиатрическую лечебницу. Читателю предлагается определить свой взгляд на события.

В новеллах В.Я. Брюсова традиционная формула (субъект повествования (повествователь) – объект повествования (персонаж)) нарушается. И объектом, и субъектом изображения становится персонаж: он не просто говорит, чувствует, мыслит, но анализирует свое сознание. Сфера персонажа, его точка зрения, оформленная «его речью», восприятие персонажа, его мироощущение являются центром, организующим повествование.

Усложнение повествовательной структуры происходит также за счёт добавления в схему адресант-адресат [2] ещё одного компонента – персонажа, который слушает-читает о событиях в изложении первого персонажа. «Я» субъекта первоначальной речи составляет большую часть нарратива, превращается в «он», а его настоящее – в прошлое, когда появляется ещё один субъект повествования, передающий речь персонажа. Однако коммуникативное содержание первоначального высказывания, присущий ему субъективный отпечаток не снимается, не объективируется и сохраняется в первоначальном виде. В повествование вводится третий уровень, в котором повествующие персонажи выступают как повествуемые. Так, рассказ субъекта становится объектом изображения для другого персонажа, который, в свою очередь, является объектом авторского изображения. Тем самым выстраивается иерархия повествовательных планов, определить которые становится возможным, благодаря подзаголовкам новелл.

В новеллах с нарративом 3-го лица о событиях рассказывает повествователь, не ограниченный в знаниях, способный проникать в сознание персонажей, передавать их мысли и чувства, сообщать о событиях, не ограниченных пространством героев (новеллы «В подземной тюрьме», «Сёстры», «Бемоль», «Республика Южного Креста»). Точка зрения повествователя, как правило, ретроспективна: ему известно больше, чем персонажам, например, что в новелле «В подземной тюрьме» город освободят, в «Республике Южного Креста» эпидемия закончится.

В новелле «В подземной тюрьме» повествователь перемещается из пространства внешнего мира, представляющего исторический фон новеллы, в пространство тюрьмы, а затем в освобождённый от завоевателей город. В большин-

стве случаев речь персонажей представлена косвенной речью. Причина преобладающей точки зрения автора обусловлена стремлением к документальности, а значит, правдивости повествования. Редкое включение диалогов персонажей имеет причину: как бы ни стремился повествователь следовать «истории» (роль исторических комментариев в этом плане становится определяющей), он не историк, а «романист по своей сути». Доказательством тому служит подзаголовок, предваряющий повествование: «По итальянской рукописи начала XVI века» (ср.: «Из итальянской рукописи…»). В силу этого повествователь стремится сохранить объективность и бесстрастность, а отчасти «безликость» тона как дань стилю XVI века и истории, но оставляет за собой право домыслить ситуацию. Начало новеллы, составляющее её экспозицию, содержит описание захвата города Отранто, воссоздание истории такой, буквально такой, какой она была на самом деле требует эпически-летописного стиля, тем самым актуализируется установка на достоверность изображения. Далее повествовательная перспектива сужается, пока не останавливается на судьбе одного человека. Точка зрения наблюдателя исторических событий переходит во внешнюю точку зрения с субъективной авторской оценкой, порой сближаясь с психологическим полем персонажа, что противоречит правилам правдоподобия, повествователь перестает быть летописцем.

В новелле «Республика Южного Креста» преобладает летописное повествование-хроника. Повествователь ставит своей задачей как можно более точное и полное хронологически последовательное изложение событий. Используя точку зрения наблюдателя (этому способствует и нахождение его вне города, и обобщённо-личное «мы» субъекта речи). Перед нами повествователь-«хроникёр», который выступает как наблюдатель и может быть персонифицирован, но при этом даёт относительно объективное описание событий и фактов и оказывается близким «всезнающему» повествователю. Читатель, в свою очередь, не может не заметить авторской установки на создание хроники, стремление внушить впечатление достоверности, фактографичности сообщаемого. В новелле также присутствует фактор адресата, для которого собираются по крупинкам все сведения об эпидемии.

Повествование в новелле «Бемоль» отличается типом описываемых событий. Подзаголовок «Из жизни одной из малых сих» содержит авторскую оценку. Преобладает внутренняя позиция нарратора с преимущественной характеристикой внутреннего мира героини. Внешняя точка зрения появляется в финале новеллы, когда возникает необходимость подчеркнуть растерянность и беззащитность героини, вырванной из обжитого мира фантазии в реальность. Отметим, что перед нами героиня «молчащая». Повествователь, следуя за её мыслями, ощущениями, переживаниями, мечтами, тем не менее, ни разу не передаёт внутренний монолог героини. Только единственный раз представлена прямая речь героини, что характерно, имеющая редуцированный характер: «Дайте мне… дайте писчей бумаги… десть… с рыбами» [3, с. 65]. Здесь показано высочайшее психологическое напряжение героя, что передаётся синтаксическими сигналами: перебивы, повторы, инверсия. Беспокойство, боязнь, напряжённость помешали героине высказать простое пожелание.

В новелле «Сёстры» мы также можем наблюдать смену повествовательных регистров. Новелла разбита на главы. В первой и последней представлен экзегетический нарратив, повествователь проникает во внутреннее состояние всех персонажей, характеризует их мысли, ощущения, переживания по поводу отъезда любимого мужчины. Но после его возвращения повествование следует только за ним, даётся только его точка зрения. Ярким средством психологической характеристики персонажа становятся разные формы внутренней речи. Сигналы внутренней речи: использование специальных пунктуационных знаков, событийное время, личное местоимение «я». В новелле встречаем цепочку контекстов с внутренней речью героя, присутствие в авторском повествовании несобственно-прямой речи, а также контаминацию несобственно-прямой речи персонажа и авторского описания. Порой границы между этими планами повествования неотчётливы. В речь повествователя вкрапляется другое сознание, но не столько в качестве объекта, сколько в качестве соавтора описания действительности. Всё это становится маркерами изменения традиционного нарратива, перед нами уже свободный косвенный дискурс. За счёт такой конструкции нарратива повествователь максимально приближен к субъективному миру героя, преобладает внутренняя речь героя и именно его восприятие действительности. Единственным

объективным элементом повествования, выдвигающим внешние результаты происшествия, становятся подзаголовок «Из судебных загадок» и её эпилог.

Так, в аукториальном нарративе позицию повествователя можно охарактеризовать как нахождение вне мира персонажа и над ним. Это всезнающий повествователь, имеющий представление и о внутреннем состоянии персонажей, и о событиях происходящих вне их мира, отсюда охват фабульной действительности, свобода изменения пространственной и временной перспективы. При этом повествователь в основном следует психологической позиции главного героя. В целом по-прежнему действует принцип «моносубъектности» повествовательной структуры.

В целом, для цикла «Земная ось» характерны следующие особенности построения нарратива: в новеллах с аукториальным нарративом повествователь является регистратором событий, но не обладает всей полнотой знаний о персонажах, поэтому, сообщая сведения о них, опирается либо на внешнее проявление их чувств («В подземной тюрьме»), либо ссылается на источники сведений («Республика Южного Креста»); в случае если персонаж сам выступает как рассказчик, вводится фигура повествователя, который является промежуточным звеном между первым адресантом и адресатом (новеллы построены как повествование от 1-го лица).

Повествование направлено на игру с читательским восприятием, что в основном достигается с помощью следующих приёмов: максимальной приближенности повествователя к персонажу, субъективации повествования, стирания границ между миром, в котором рассказывают, и миром, о котором рассказывают. Большое значение для определения планов повествования имеют подзаголовки новелл.

Библиографический список

1. *Падучева Е.В.* Семантические исследования: семантика нарратива. – М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1996.

2. *Jakobson R.* Linguistics and Poetics // Style in Language. – Cambridge, 1964. – P. 353.

3. *Брюсов В.* Проза. Собр. соч.: В 3 т. – М.: Библиосфера, 1997. – Т. 1.

УДК 882.09

Смирнов Михаил Николаевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
smirnov.mikhail@yandex.ru

ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ В.Ф. ХОДАСЕВИЧА «ПУТЁМ ЗЕРНА»

В данной статье характеризуются христианские мотивы, встречающиеся в поэтическом сборнике В.Ф. Ходасевича «Путём зерна» (1920) и отражающие сущностные стороны миропонимания поэта.

***Ключевые слова**: мотив, зерно, сострадание, любовь, Бог.*

До сих пор в отечественном литературоведении остаётся неразработанной проблема христианских мотивов в творчестве В.Ф. Ходасевича. Объясняется это тем, что только относительно недавно наступило то время, когда исследования в этом направлении стали возможными. А между тем именно христианские мотивы, фигурирующие в наследии поэта, отражают сущностные стороны его миропонимания.

Было бы неправильно утверждать, что христианская вера исчерпывающе определяет и объясняет творчество поэта в период создания сборника «Путём зерна». Для характеристики исканий автора М.М. Дунаев воспользовался словами самого стихотворца из мемуарного очерка «Конец Ренаты», где раскрывается миропонимание русских символистов: «Можно вспомнить вновь утверждение Ходасевича: было безразлично, кому служить, ценилась лишь полнота одержимости» [2, с. 356].

Зрелый Ходасевич занимал своеобразную, автономную позицию, не привязываясь к какой-либо теологической или философской системе, сколь убедительной или привлекательной она бы ни казалась. Однако именно христианские мотивы органично пронизывают весь сборник стихотворений «Путём зерна». Точно сказал об этом исследователь Д. Быков: «Душа Ходасевича плачет над кровавым распадом привычного мира,

 © Смирнов М.Н., 2010

над разрушением морали и культуры. Но поскольку поэт следует "путём зерна", т.е. принимает жизнь как нечто, не зависящее от его желаний, во всём пытается увидеть высший смысл, то и не протестует и не отрекается от Бога» [1, с. 124].

Уже само название сборника вызывает ассоциации с христианским образом сеятеля, распространителя веры в благодать Божью, глашатая истины на земле. Не случайно М.М. Дунаев в связи с этим вспомнил эпиграф к «Братьям Карамазовым» Ф.М. Достоевского: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода» [2, с. 358]. Показательны строки из первого, одноимённого сборнику, стихотворения:

Проходит сеятель по ровным бороздам.
Отец его и дед по тем же шли путям.

Сверкает золотом в его руке зерно,
Но в землю черную оно упасть должно.

И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрет и прорастет.

Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет – и оживет она.

И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год, –

Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна [6, с. 137].

Ходасевич расширяет план действия евангельских строк, напутствовавших одно из самых насыщенных христианскими мотивами произведений русской литературы XIX века. Таким образом, поэт не только утверждает «мотив зерна» в своём творчестве, но и ещё более упрочивает его в русской литературе.

Стихотворение написано 23 декабря 1917 года, когда революционные события разгорались, чтобы преобразить страну до неузнаваемости. В эпоху больших перемен нельзя забывать о связи поколений, чтобы не порвать окончательно нить, связывающую прошлое и будущее. Потому уже в первом двустишии образ сеятеля, сам по себе традиционный в русской поэзии (Н.А. Некрасов, А.Н. Плещеев, А.К. Толстой), восходит не только к Евангелию, но и к литературной традиции.

В стихотворении «Путём зерна» в руке сеятеля – зерно, сверкающее золотом. Блеск этот драгоценен, но он символизирует не материальные, а духовные ценности. Зерно, зачаток будущей жизни, словно несёт в себе начала цельности, гармонии. Однако трагичность положения заключается в том, что почва для деятельности сеятеля «черна». Чёрный цвет – символ траура, смерти. Красота семени должна безвестно погибнуть с целью перерождения и преумножения в новой жизни.

Метаморфозам зерна Ходасевич уподобляет и собственное просветление, открытие новой жизни, которая не может не оказаться чище, чем предшествующий ей тёмный хаос. Вся страна и народ проследуют через такое преображение. Ходасевич чувствует непоправимое – неминуемость гибельной потери прошлого. Но он не менее твёрдо верит и в другую силу – ту, которая не оставит людей без будущего, без новой жизни. Причём – жизни разумной, размеренной, непроизвольной, так как «мудрость нам единая дана: всему живущему идти путем зерна».

Мотив зерна встречается в сборнике неоднократно, однако он уже не получает столь объёмного, многозначного наполнения, как в первом стихотворении «Уединение» (это же название Ходасевич дал и другому стихотворению):

Заветные часы уединенья!
Ваш каждый миг лелею, как зерно;
Во тьме души да прорастет оно
Таинственным побегом вдохновенья [6, с. 185].

Здесь лирический герой открывает перед нами чудесные грани состояния, подобного путешествию души в иной мир. Уединение делает его более цельным и сосредоточенным, что позволяет, действительно, найти путь к вдохновению. Так монах в своей келье, закрывшись от всего того, что могло бы его потревожить, в молитвенном состоянии ожидает снисхождения откровения Божия. Используя мотив зерна в этом стихотворении, Ходасевич подчёркивает божественную природу поэтического творчества. Лирик намекает на то, что создание художественного произведения, как и прорастание зерна, – процесс в чём-то мучительный, но в то же время радостный: он также отличается таинственностью, сакральностью.

Важную смыслообразующую роль играет мотив «зерна» и в стихотворении «Стансы». Лирический герой здесь – это уставший от жизненных достижений и услад старик. Ничто его не оживляет, как в былые времена. У него отсутствует интерес к земным страстям и дерзкому «всепознанию» здешнего мира:

Уж тяжелы мне долгие труды,
И не таят очарованья
Ни знаний слишком пряные плоды,
Ни женщин душные лобзанья [6, с. 177].

Однако душа лирического героя не погублена отчаянием и разочарованием. Он предаётся успокоительному самосозерцанию и чуткому наблюдению за малейшими проявлениями ещё робкой, подающей первые признаки жизни:

Рассеянно я слушаю порой
Поэтов праздные бряцанья,
Но душу полнит сладкой полнотой
Зерна немое прорастанье [6, с. 177].

Свежие побеги вдохновляют лирического героя на продолжение жизни собственной, вселяют в него надежду.

Самовыражение поэта просто в плане восприятия, однако оно несёт в себе огромную содержательную наполненность и художественную ценность. Творческое освоение нередко придаёт христианским мотивам в сборнике вторую жизнь, которая непосредственно связана с окружающей поэта реальностью.

Так, во втором стихотворении сборника – «Слёзы Рахили» – от библейской истории не остаётся практически и следа; на неё намекает лишь строчка «И поёт нам дождь неуёмный // Про древние слёзы Рахили». Однако выражение «древние слёзы Рахили» отсылает нас к Евангелию от Матфея: «…глас в Раме слышен, плач и рыдание и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет» (Ев. от Матфея: 2, 18). Гибель людей оправдать невозможно:

В нашем сердце грехом и кровью
Каждый день отмечен и прожит.
Горе нам, что по воле Божьей
В страшный час сей мир посетили! [6, с. 138].

Поэт проецирует библейский сюжет на современность. Стихотворение написано в октябре 1916, в атмосфере мировой войны и предчувствии приближавшихся перемен революции. Горе Рахили ведомо любой солдатской матери, потерявшей сына: «Ей прислали клочок кровавый // Заскорузлой солдатской шинели». Здесь связь с христианскими ценностями выражена в мотиве сострадания, сопереживания. Ходасевич выражает надежду на то, что пройдёт время и дети будут свято хранить вечную память о своих предках:

Пусть потомки с гордой любовью
Про дедов легенды сложат … [6, с. 138].

Но в настоящем остаётся боль утраты. Уныние часто предшествует спасительному просветлению в христианской религиозной литературе. Такая смена душевного настроения лирического героя не единожды встречается в произведениях сборника.

Например, в стихотворении «Брента» мы наблюдаем перерождение одной формы любви, лишённой смысла и созерцания предмета чувства, в другую, прояснённую просветлением и смирением:

Брента, рыжая речонка,
Лживый образ красоты!

Я и сам спешил когда-то
Заглянуть в твои отливы,
Окрыленный и счастливый
Вдохновением любви.
Но горька была расплата.
Брента, я взглянул когда-то
В струи мутные твои.

С той поры люблю я, Брента,
Одинокие скитанья…[6, с. 151].

«Испорченная», обманутая любовь не может не претерпеть изменений, как и образ в сознании лирического героя, её вдохновляющий. Но разочарование не уничтожает в герое светлого чувства: оно лишь принимает новые форму и устремления. На место страсти, желанию приблизиться к символу красоты, многократно воспетому и растиражированному, приходит спокойная предрасположенность к уединению, предпочтение «прозы в жизни и в стихах».

Казалось бы, лирический герой теряет надежду и погружается в бесцельные странствия, как Онегин или Печорин (эпиграф к стихотворению из «Евгения Онегина» Пушкина показателен). Однако в судьбах названных литературных героев XIX века не было ответа на их духовные запросы, а религиозный подтекст деятельности – вовсе отсутствовал. В приведённом же стихотворении Ходасевича лирический герой по-христиански смиренно и спокойно отстраняется от фальшивых жизненных ориентиров, чтобы выйти к идеалу простоты и цельности бытия. Трудно не согласиться с мнением Л.А. Смирновой: «Ходасевич высказал свою приверженность к “прозе в жизни и в искусстве”. Но эта мысль не имеет ничего общего с тяготением к обыденности. Слово “проза” обозначает отстранение от вымышленных ценностей (“лживого образа красоты”), от экзальтированного воображения. В книге “Путём зерна” ещё резче, глубже проведено разделение

между прозаической действительностью и одухотворённой энергией личности» [5, с. 174].

Мотив обретения веры в Бога становится ключевым в стихотворении «Анюте»:

И я, в руке Господней,
Здесь, на Его земле, –
Точь-в-точь как тот матросик
На этом корабле.

Вот и сейчас, быть может,
В каюте кормовой
В окошечко глядит он
И видит – нас с тобой [6, с. 178].

Стремление «прозреть», то есть увидеть образ Творца, нисколько не выглядит дерзким. Это желание, наоборот, считается спасительным в христианской религии, потому что движение ввысь, стремление быть похожим на Христа (но не быть равным ему!) – это верные шаги на пути духовного самовоспитания. Вот что по этому поводу написано в святоотеческой литературе: «Первый тёмный страх человека есть боязнь увидеть Бога. Второй – увидеть человека» [3, с. 203].

Поэт точно выстраивает иерархию соположения Бог – человек. Уподобляя в рамках художественного текста вымышленного матроса на картинке спичечного коробка себе, а себя – Творцу, он приобщается к системе христианских ценностей, совершает нечто, подобное молитве. К лирическому герою стихотворения «Анюте» никак нельзя отнести слова святого отца о неверующем человеке: «Ужас несоответствия Богу и не позволяет ему признать существование Бога» [3, с. 213]. Человек же, осенённый божественным светом, благодарно обнаруживает в себе новую природу: отражение одной из ипостасей Святой Троицы.

Так или иначе, Ходасевич предчувствует присутствие иного мира, с которым человек соприкасается ещё при жизни на Земле. Поэт не ставит перед собой задачи называния всего своими либо общепринятыми именами, но выполняет одну из главных установок своего творчества – быть прямым, искренним и правдивым перед читателем. Если автор не чувствует, что может говорить о Боге, или у него недостаточно сил для описания соприкосновения с иной реальностью, он честно называет своё стихотворение «Без слов»:

Ты показала мне без слов,
Как вышел хорошо и чисто
Тобою проведенный шов
По краю белого батиста.
А я подумал: жизнь моя,
Как нить, за Божьими перстами
По легкой ткани бытия
Бежит такими же стежками [6, с. 180].

Бескорыстное действие, привлекающее отсутствием эгоцентричных намерений, не требует поэтического комментария, как не имеет лишних слов и данное стихотворение. Сравнение ценно само по себе: девушка дарит платок, на котором ровной каёмкой вышита его граница. Так и жизнь лирическому герою дарована Богом. И Бог, несомненно, позаботится о её целости и сохранности. Пусть иногда жизнь («ткань бытия») героя балансирует на грани:

То виден, то сокрыт стежок,
То в жизнь, то в смерть перебегая... [6, с. 180].

Однако это лишь подготовка к неминуемому воссоединению с миром, в который душа-странница ведёт человека. Взгляд потустороннему миру в лицо не вызывает у героя ужаса – он делает его мудрее и спокойнее. Точка отсчёта на жизненной оси координат – это смена жизни и смерти, и рано или поздно человек её достигает.

Итак, христианские мотивы пронизывают сборник «Путём зерна». Они во многом определяют смысловое пространство сборника и организуют его композицию. Ключевую роль в образно-тематической системе сборника «Путём зерна» играют мотивы сострадания, просветления, странничества, преодоления греха, двоемирия. Не все из них характеризуются исключительно христианским бытованием, но, тем не менее, их православные корни не подвергаются сомнению.

Функцию лейтмотива в лирической структуре сборника выполняет образ-мотив «зерна». Этот образ воспринимается как символ, меняющий свою семантику в разных поэтических контекстах. Для Ходасевича характерны разные формы освоения образов и мотивов Евангелия. Чаще всего поэт не пересказывает и не цитирует Новый Завет, а даёт на него своеобразную лирическую ссылку, как в стихотворении «Слёзы Рахили».

Христианские мотивы являются неотъемлемой частью не только духовной жизни Ходасевича, но и составным элементом, движущей силой литературного процесса. Поэтому через них осуществляется связь творчества В.Ф. Ходасевича с предшествующей ему литературной традицией (Ф.М. Достоевский, Н.А. Некрасов, А.Н. Плещеев, А.К. Толстой).

Библиографический список

1. *Быков Д.* Владислав Фелицианович Ходасевич // Русская литература. Ч. 2. XX век / Глав. ред. М.Д. Аксёнова. – М.: Аванта+, 2001. – С. 267–276.

2. *Дунаев М.М.* Владислав Фелицианович Ходасевич (1886–1939) // Дунаев М.М. Православие и русская литература: В 6 ч. Ч. 6. – М.: Изд-во Моск. Духов. Академии, 2000. – С. 112–116.

3. *Сан-Францисский (Шаховской) Иоанн.* Апокалипсис мелкого греха. – СПб.: Издание СПб. благотворительного общества во имя святого апостола Павла, 1997. – 144 с.

4. *Синельников М.* Хозяйство Ходасевича // Дружба народов. – 1997. – №12. – С. 193–198.

5. *Смирнова Л.А.* Разнообразие художественных индивидуальностей в поэзии Серебряного века. В.Ф. Ходасевич (1886–1939) // Русская литература XX века. 11 кл. Учебник для общеобразовательных учреждений. В 2 ч. Ч. 1 – М.: Просвещение, 2002. – С. 124–132.

6. *Ходасевич В.Ф.* Собрание соч.: В 4 тт. Т. 1. – М.: Согласие, 1996. – 592 с.

УДК 81'37

Темиршина Олеся Равильевна
кандидат филологических наук
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
side-way@yandex.ru

«ГЛОССОЛАЛИЯ» А. БЕЛОГО: «МИРОЗДАНИЕ РЕЧИ». ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Статья посвящена исследованию семантической структуры поэмы А. Белого «Глоссолалия». Автор описывает важные космологические мифологемы, к которым обращается Белый при моделировании своей «вселенной языка», и выявляет принципы их семантического взаимодействия.

Ключевые слова: *семантика, миф, символ, модель, язык, звук, символические соответствия, метафора, знак.*

«Глоссолалия» А. Белого имеет подзаголовок «Поэма о звуке». Однако звук, являясь ключевым понятием «теории смысла», разработанной в этой поэме, трактуется Белым отнюдь не в традиционном «фонетическом» ключе; звук для Белого – это сущность, имеющая онтологический статус. Данное философское утверждение на семиотическом уровне реализуется в символическом соответствии *языка* и *мира*, которое в этой поэме является базовым. Это значит, что практически вся сложнейшая символика и метафорика поэмы построена на основе этого символического соотнесения.

Звук, по Белому, является главным элементом реальности. И в самом деле, если язык и мир равны, то можно приравнять элементы мира к элементам языка. Это «семантическое равенство» лежит в основе целого ряда метафор, появляющихся в «Глоссолалии». Ср.: «…этот шар, этот мир, есть мой рот; звуки носятся в нем; нет еще: разделения вод, ни морей, ни земель, ни растений, — переливаются воздухожары, переливаются водовоздушности: нет внятных звуков»[1].

Все образы и мотивы, представленные в этом отрывке, можно отнести либо к онтологическим, либо к звуковым; следовательно, мотивно-образный ряд этого фрагмента оказывается реализацией базового символического соотнесения. Поскольку базовая символическая корреляция предполагает наличие связи между этими образами (язык равен миру), постольку происходит смысловое «переплетение» этих рядов, что обусловливает смысловые метафорические равенства: «рот = мир», следовательно, «звуки = Дух Божий». При этом очевидно, что сама синтаксическая конструкция уравнивает онтологический и звуковой планы.

Нельзя сказать, что эти два плана (звуковой и онтологический) соотносятся друг с другом по принципу «означающее и означаемое» – поскольку это означало бы необходимость выделения одного из них в качестве доминантного. Думается, что элементы этого смыслового равенства семантически «взаимообратимы». Означаемое и означающее все время меняются местами, и образы, принадлежащие к разным рядам, могут «пояснять» друг друга: мир может уподобиться ротовой полости, а ротовая полость – миру.

Семантическая однонаправленность предполагала бы, что мы имеет дело либо с аллегорией, либо с метафорой; семантическая же взаимообратимость означаемого и означающего указывает на то, что перед нами *символ*, структура подвижная и семантически гибкая.

Нетрудно заметить, что в основе этой метафорической цепочки лежит библейский сюжет

 © Темиршина О.Р., 2010

о сотворении мира (звуки носятся над водами так же, как над водой до сотворения мира носился Дух Божий). Таким образом, на эти семантические равенства накладывается традиционная мифологическая сюжетная схема, в результате чего возникает авторский вариант космогонического мифа. Возникший авторский миф является двойным: он объясняет *как* происхождение звуков, *так и* происхождение мира (одно не является аллегорией другого) – поскольку оба плана (звуковой и онтологический) семантически равны.

В дальнейшем при описании сотворения мира Белый действует по той же схеме. Он, во-первых, предлагает иные семантические «уравнения», где звуковой пласт символически связывается с онтологическим, во-вторых, на эти семантические тождества накладываются древнейшие мифологемы, в результате чего появляется синтетический авторский миф о сотворении мира. Попробуем это показать.

Первый день творения (фрагменты 19–29) включает в себя несколько таких мифологем, которые, в конечном счете, образуют авторский миф, восходящий к определенному архетипическому сюжету.

Первоначально возникает мир согласных, ибо согласные, по Белому, – это первоэлементы мира. Стихией, из которой рождаются согласные звуки, становится воздух – жар дыхания («Шум тепла выдыханий»). Место образования звука – глотка. В соответствии с базовым символическим соответствием «язык – мир» возникает метафора «ущелье глотки», «ущелье гортани». Образ «ущелья глотки» семантически сцепляется с образом «жаровой змеи», персонификацией воздушной струи, которая есть продукт той же символической модели: воздух (звук) – змея (мир).

Струя жара («змея») образует звуковую пару «u» и «h» (первые элементы). Дальнейшее образования звуков из этой исходной пары протекает по принципам оплотнения воздуха, его материализации, которая приводит к трансформации звуков (и в соответствии с символической моделью – трансформации мира). При этом установленные символической моделью корреляции сохраняются, все звуковые элементы соотносятся с элементами материального мира: h-h – зачатки минералов, w-w – зачатки тела жизни, g, k – материк суши, b, p – животное тело.

Так же, как и в случае, описанном выше, эти смысловые тождества включаются в сюжетную схему мифологического архетипа. Ключевым мифогенным образом здесь становится змей. В символической модели Белого образ змея соотносится со звуковым уровнем: змей – это жар дыхания и «старый» звук. Ср.: «Звук кричит страшным смыслом; и что накричит он нам там – не понимает никто; он кричит, старый звук, как он звук, там ползет из расселины горла». Будучи «старым», змей связывается с изначальными звуками («h» и «w») и становится символом звукового хаоса (шума). Белый «доказывает» это на звуковом уровне: ««Ha-hi» — пролетает оттуда; змея по-санскритски *ahih;* безобразие удушений и хрипов грозит».

Дальше же этот авторский миф разворачивается по традиционному «укоренному» сценарию. Образ «звукового» змея включается в традиционный мифологический (индоевропейский) сюжет «борьбы со змеем»[2], «скорректированный» в соответствии с логикой исходной символической модели. Так, «змееборцем», то есть героем, убивающим змея, становится – язык, орудием – звук. Ср. в «Глоссолалии»: «…но – поднявший кверху язык храбро встанет в безвещие; и собой прикрывает дыру; из дыры ползет змейность *ahih;* нас грозит удавить; но язык, как Зигфрид: мечом «r» – бьет по змею <…> Но его обвивая, хрипит змей, *ahih;* задрожав твердо борются: первое действо – борьба: ее меч – твердый «r». Прометеев огонь нашей речи похищен из шипа».

Семиотический «сценарий» рождения этого космогонического сюжета таков: архетипический сюжет о борьбе со змеем «проходит» через смысловой фильтр авторской символической модели, где элементы языка равны элементам мира, в результате чего появляется авторский миф о борьбе языка-змееборца со змеем, представляющим звуковой хаос.

В дальнейшем развитие этого авторского мифа выходит из сферы мифологического сюжета о змее (при сохранении исходной символической модели), и Белый обращается к иным мифологическим архетипам.

Борьба змея (ha) и змееборца (er) приводит к тому, что «h» «засыхает» в «к» и через ряд фонетических трансформаций Белый приходит к слову «крест». Ср.: «В звуке «hr» нам скрещение линии истечения жара с другой мощной линией: восставания «r» средь окружности полости: крест в окружности – «hr»; это – хрест: «crux, croix». Пред твореньем мира в космической среде (во

рту) – воздвигается крест». Здесь Белый предлагает графическое выражение этого символа и рисует крест в круге, по четырем сторонам которого в определенном порядке распределены звуки-первоэлементы.

Эта геометрическая фигура есть графически выраженный космологический миф, который Белый кратко излагает следующим образом: «День Сатурна во рту сознаваем графически: неопределенный звук «е» («е» опрокинутое) развивает звучания «i», «а», «е»; перед «r» разряжаются звуки в «i» в «u» есть «w», далее восстают «h» и «r» Собственно, до-согласная стадия звука есть «а-е-i»: – «Аеi» – вечно; оно есть ядро и его обегает окружность из звуков: «h-r-w-sch». Колесо: Крест и круг».

Этот иконический знак, типологически напоминающий мандалу[3], выражает космическую идею устроения мироздания: крест и круг – основные символы, моделирующие пространственную структуру мира[4]. Четырехчастная крестообразная основа этого символа изоморфна мифологическому расчленению мира по горизонтали и вертикали. Примечательно, что в эту геометрическую схему, выражающую порядок и структуру космоса, Белый включает звуки (что вполне соответствует логике исходной символической модели). Образно эта четырехчастная геометрическая структура в мифах часто выражается в мировом древе, и функционально крест в центре круга – это «схема» мирового древа, которое, как известно, могло воплощаться и в форме креста.

Мировое древо – образ космогонических мифов, выражающий идею оформления беспризнакового хаоса в космическое единство. Тот же ключевой космогонический мотив возникает и в «Глоссолалии», другое дело, что в символической модели Белого происхождение мира – это происхождение звука. Таким образом, хаос, предстающий в образе змея, выражает идею фонетического шума, космос же, структурированный как «крест в круге» (мандала, мировое древо) являет собой упорядоченное сочетание звуков.

Совпадения между древним архаическим и авторским мифами являются не случайными, но системными и обнаруживаются также на уровне семантической композиции. Так же, как Белый описывает *последовательное становление* мира через становление его звуковых элементов (см. выше: зачатки минералов, зачатки тела жизни, материк суши, животное тело), так и в некоторых космогонических мифах устанавливается четко определенная последовательность творимых элементов[5]. Так, «космогонические мифы, полагает А. Белый, – описывают становление мира как результат последовательного введения основных бинарных семантических оппозиций (небо – земля и т.п.) и градуальных серий типа растения → животные → люди и т.п. и создания космической опоры».

Таким образом, к мифу о борьбе змея и змееборца добавляется еще одна мифологическая составляющая – геометрические символы, выражающие структуру космоса. Возможно, что здесь на скрытом, подтекстовом уровне возникают осколки древнего сюжета, так называемого «основного индоевропейского мифа» о борьбе бога грозы со змеем, где, кроме всего прочего, обыгрывается вертикальная структура мироздания: «бог грозы, находящийся на вершине дерева (или горы), поражает змея у корней дерева»[6]. В целом же этот воссозданный Белым в своей метафорической системе миф можно обозначить как поединок со змеем-хаосом (шумом), в результате которого рождается мироздание (речь). Совпадение этих сюжетов (образование космоса и образование речи) в одном контексте диктуется исходной символической моделью (элементы мира равны элементам языка).

Итак, семиотический сценарий работы с традиционными космогоническими мифологемами обусловлен исходной символической моделью. Традиционный сюжет является «схемой» авторского мифа, костяком, а модель – дает материал для его означающих, то есть обусловливает появление конкретных мотивов и образов. Сама же схема-сюжет – это «подтекстовый» инвариант, который надо реконструировать. Именно он организует сюжетное движение смысла и задает правила комбинации мотивов и образов. Говоря иначе, символическая модель обусловливает расположение означивающих элементов и их комбинаторику. Мифологический сюжет же включает в эту схему «фактор времени» и порождает «цепной комплекс»: означивающие элементы начинают комбинироваться во временной синтагматической последовательности.

Примечания

1. *Белый А.* Глоссолалия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rvb.ru/belyi/01text/gloss.htm. (В дальнейшем текст Андрея Белого цитируется по указанному изданию.)

2. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. – М.: Наука, 1974.

3. Мандала – это соединение круга и квадрата, в данном случае вместо квадрата используется крест, который моделирует те же пространственно-семантические отношения.

4. *Топоров В.Н.* Геометрические символы // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – С. 272–273.

5. *Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н.* О ведийской загадке типа brahmodya // Паремиологические исследования. – М.: Наука, 1984. – С. 14–46.

6. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследования по фольклору. – М.: Наука, 1975. – С. 44–76.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 801.52

Бахмудова Анжелика Шамиловна
Дагестанский государственный университет (г. Махачкала)
angelika_74@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА В ДАРГИНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена исследованию функционирования плюсквамперфекта в двух разносистемных языках: даргинском и английском. Исследования такого рода имеют большое значение для лингводидактики и сравнительной типологии языков, они позволяют установить общие и отличительные свойства языков, привлекаемых к анализу с применением к ним одинакового подхода и метода.

Ключевые слова: *компаративистика, контрастивная лингвистика, плюсквамперфект, предельные / непредельные глаголы, аналитические и синтетические формы.*

В современной лингвистике наблюдается тенденция исследовать все направления языкознания, используя приемы сравнения языков под общим названием «лингвистическая компаративистика». Сравниваются не только родственные языки, но сопоставляются и языки независимо от их родства. Сопоставлением неродственных языков занимаются сравнительная типология и контрастивная лингвистика. Сравнительная типология занимается выяснением наиболее общих закономерностей различных языков, не связанных между собой общим происхождением или взаимным влиянием, и стремится выявить наиболее вероятные явления в этих языках. В контрастивной лингвистике чаще всего сопоставляется материал двух языков независимо от их родства, выявляются их сходства и различия.

При проведении исследования видовременных форм английского и даргинского языков, резко отличающихся друг от друга по своим социолингвистическим и грамматическим характеристикам, в данной статье была сделана попытка сопоставить формы плюсквамперфекта в данных языках, выявить сходства и различия.

Даргинский относится к кавказским языкам и является младописьменным, в типологическом плане – к языкам эргативного строя. Английский язык же относится к индоевропейским языкам и является языком номинативного строя, имеющим давно сложившуюся письменность. К тому же, даргинский – язык агглютинативного строя, а английский – аморфно-флективного.

Плюсквамперфектом (лат. «больше, чем перфект»), считают одну из форм прошедшего времени, которая обозначает действие, осуществившееся раньше другого прошедшего действия [11]. Плюсквамперфект характерен прежде всего для германских и романских (включая классическую латынь) языков, но встречается и во многих других языках мира – в частности, в иранских, индоарийских, тюркских и дравидийских.

В даргиноведении по поводу вопроса о плюсквамперфекте существуют некоторые разногласия. Но с мнением, что данная форма существует в даргинском языке, согласны многие исследователи даргинского языка.

Вместо плюсквамперфекта, дифференцированного в зависимости от вида на две формы – на форму совершенного вида и форму несовершенного вида, одни специалисты видят две разные временные формы, другие же не проводят такого разграничения, указывают лишь на форму совершенного вида. П.К. Услар формы плюсквамперфекта совершенного вида называет «прошедшим упреждающим», формы несовершенного вида определяет как «формы прошедшего времени» [10, с. 90]. Л.И. Жирков формы совершенного вида называет аористом, а плюсквамперфект несовершенного вида «давнопрошедшим временем» [5, с. 35]. С.Н. Абдуллаев плюсквамперфект совершенного вида считает «сложной деепричастной формой прошедшего времени», но ничего не упоминает о форме плюсквамперфекта несовершенного вида [2, с. 187]. А.А. Магометов форму совершенного вида называет преждепрошедшей, а несовершенного вида – прошедшим несовершенным определенным [7, с. 192]. Р.О. Муталов называет плюсквамперфект предперфектом и выделяет предперфект совершенного вида и предперфект несовершен-

 © Бахмудова А.Ш., 2010

ного вида [9, с. 99]. М.-С.М. Мусаев определяет плюсквамперфект как давнопрошедшее индикативное и различает две видовые формы (совершенного и несовершенного вида), ср.: *ХIу ацIибхIели тетрадуни нуни ученикунас дутIилри* – «в то время, когда ты вошел, ученикам тетради мною были розданы». – *ХIу ацIибхIели нуни ученикунас тетрадуни дуртIулри* – «в то время, когда ты вошел, я ученикам тетради раздавал». Таким образом, плюсквамперфект в даргинском языке существует и употребляется для обозначения действия, имевшего место до совершения другого действия или момента в прошлом, либо происходившего в определенный момент в прошлом [8, с. 28].

В английском языке плюсквамперфект принято называть прошедшим совершенным временем (The Past Perfect Tense). Некоторые исследователи (И.П. Иванова, В.Н. Жигадло) называют эту форму перфектом прошедшего времени. Основным значением перфекта прошедшего времени является завершенность действия в прошлом. Действие выступает как завершенное по отношению к временному центру прошедшего времени. Таким образом, создается значение предшествования, характерное для перфекта прошедшего времени, т.е. эта форма употребляется для выражения действия, которое совершилось к данному моменту в прошлом или раньше другого действия в прошлом. "*I had finished my work before she came*" – «я закончил работу прежде, чем она пришла» [4, с. 107].

Момент времени, которому предшествует действие, обозначаемое глаголом в форме перфекта, по мнению Л.С. Бархударова, может выявляться из контекста. Таким моментом может быть какое-либо другое действие, следующее за первым и обозначаемое неперфектной глагольной формой, или же временная точка отсчета, обозначаемая обстоятельственным словом или словосочетанием (напр.: *By 6 o'clock he had already finished his work*) или вся описываемая в речи ситуация [3, с. 117].

Видовое и временное значения – завершенность и предшествование – настолько переплетены в перфекте прошедшего времени, что трудно определить, которое из них преобладает; они взаимосвязаны. А значение завершенности, как правило, функция предельных глаголов [6, с. 64].

Если глагол непредельный, то перфект прошедшего времени от таких глаголов может означать процесс, доходящий в своем развертывании до временного центра, либо протекавший в сфере прошедшего времени и закончившийся в момент, предшествующий временному центру [4, с.107]. *The ride had lasted about ten minutes, when the truck suddenly swerved to a halt* – «Поездка продолжалась около десяти минут, как вдруг грузовик резко остановился».

Плюсквамперфекту совершенного вида даргинского языка в английском языке соответствует The Past Perfect Tense (прошедшее совершенное). Плюсквамперфекту несовершенного вида даргинского языка в английском языке соответствует The Past Continuous Tense (прошедшее продолженное).

В английском языке для выражения перфекта прошедшего времени используют аналитическую форму, которая образуется с помощью вспомогательного глагола *to have* в форме прошедшего неопределенного и причастия прошедшего времени смыслового глагола: *had done (had + Participle II).*

Плюсквамперфект современного даргинского языка возник в результате объединения двух самостоятельных форм, выражающих разные значения. Так, например, плюсквамперфект совершенного вида образовался путем соединения деепричастия прошедшего времени (совершенного вида) и связки прошедшего времени (сайри, сабри, сарри), например, *батурли сайри,* букв. «оставив был». Плюсквамперфект несовершенного вида образовался путем соединения деепричастия прошедшего времени (несовершенного вида) и связки прошедшего времени (сайри, сабри, сарри), например, *балтули сайри*, букв. «оставляя был» [8, с. 30].

Однако в современном даргинском языке плюсквамперфект функционирует в синтетической форме, которая возникла в результате стяжения; например, *батурли сайри – батурлири*, букв. «оставив был» и *балтули сайри – балтулри*, букв. «оставляя был».

Таким образом, при сопоставлении английского и даргинского языков мы выяснили структурные и функциональные сходства и различия между этими языками. В даргинском языке плюсквамперфект функционирует в двух видовых формах, ср.: *итхIели нуни жуз белчIири* «тогда (к тому времени) я книгу прочитал» и *итхIели ну жузли учIулри* «тогда (в то время) я книгу читал», в английском языке плюсквамперфект также имеет видовые различия, но в отличие от даргинского

языка, где плюсквамперфект несовершенного вида передает действие, происходящее в определенный момент в прошлом, в английском языке действие, обозначаемое плюсквамперфектом, разворачивается до момента или другого действия в прошлом.

В английском языке для образования прошедшего совершенного времени используют аналитическую форму, в то время как в даргинском языке плюсквамперфект выражается синтетической формой, которая является стяженной аналитической формой.

Библиографический список

1. *Абдуллаев З.Г.* Субъектно-объектные и предикативные категории в даргинском языке. – Махачкала, 1969. – С. 124.

2. *Абдуллаев С.Н.* Грамматика даргинского языка. – Махачкала, 1954. – С. 187–189.

3. *Бархударов Л.С., Штеллинг Д.Н.* Грамматика английского языка. – М.: Высшая школа, 1973. – С. 169.

4. *Жигадло В.Н., Иванова И.П., Иофик Л.Л.* Современный английский язык. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. – С. 106–108.

5. *Жирков Л.И.* Грамматика даргинского языка. – М., 1962. – С. 35–36.

6. *Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г.* Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1981. – С. 63–68.

7. *Магометов А.А.* Кубачинский язык. – Тбилиси, 1963. – С. 192–196.

8. *Мусаев М.-С.М.* Словоизменительные категории даргинского языка (время и наклонение). – Махачкала: Издательско-полиграфический центр ДГУ, 1983. – С. 9–16.

9. *Муталов Р.О.* Глагол даргинского языка. – Махачкала: Издательско-полиграфический центр ДГУ, 2002. – С. 99–101.

10. *Услар П.К.* Хюрклинский язык. – Тифлис, 1892. – С. 90.

11. http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/214719/Плюсквамперфект

УДК 801

Гусева Светлана Ивановна
доктор филологических наук, профессор
Амурский государственный университет (г. Благовещенск)
s_guseva@mail.ru,

Иванашко Юлия Петровна
Амурский государственный университет (г. Благовещенск)
polia-80@mail.ru,

Мусаева Елена Георгиевна
Амурский государственный университет (г. Благовещенск)
blagmeg@yandex.ru

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ КОДОВ В СИТУАЦИЯХ ФОРМАЛЬНОГО И НЕФОРМАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ (на материале речей британских политиков)

В данной статье рассматривается влияние некодифицированного произносительного варианта (Estuary English) на британский произносительный стандарт (Received Pronunciation). Особое внимание уделяется модификациям сегментных единиц английского языка. На примерах реализации гласных и согласных фонем в официальной и неофициальной речи британских политиков – носителей произносительного стандарта языка – авторы прослеживают влияние Estuary English на нормативную реализацию.

Ключевые слова: *некодифицированный произносительный вариант (Estuary English), произносительный стандарт британского варианта английского языка (Received Pronunciation), модификации гласных и согласных фонем, политический дискурс.*

Британский произносительный стандарт RP (Received Pronunciation), кодифицированный Д. Джоунзом и закрепленный им в 1917 году в первом издании орфоэпического словаря, за минувшее столетие подвергся значительным изменениям [2, с. 66]. Известно, что произносительная система языка постоянно изменяется. Вместе с тем фонетические изменения происходят крайне медленно, и их результат становится заметен лишь спустя десятилетия [10].

Сегодня стало очевидным, что статус произносительного варианта RP изменился, и он боль-

 © Гусева С.И., Иванашко Ю.П., Мусаева Е.Г., 2010

ше не является абсолютно предпочтительным в слоях образованных носителей британского варианта английского языка. В связи с тенденцией к демократизации общества на сегодняшний день данный произносительный вариант рассматривается как несколько аристократический, подчеркивающий социальный статус его носителя. В работах П. Традгилла, относящихся к 70–80 гг. XX в., говорится, что речь представителей среднего класса характеризуется наличием акцента, что свидетельствует об отклонениях от RP. Современные данные подтверждают факт распространения новых форм RP в национальных теле- и радиовещательных СМИ Британии [4, с. 9].

Согласно наблюдениям Д. Роузварна, большое количество молодых людей Лондона и его пригородов, чье социальное положение и образование традиционно предполагают использование RP, в настоящее время говорит на произносительном варианте, называемом Estuary English (EE) или новом лондонском акценте (New London Voice) [9]. Автор отмечает, что данный вариант появился в районе устья реки Темзы, к востоку от Лондона, и характеризуется сегодня как промежуточный вариант между RP и кокни. Д. Роузварн утверждает, что EE можно услышать повсеместно на юго-востоке Англии, а также на севере и западе страны, и не исключает возможности его становления в качестве нового RP [там же].

EE воспринимается как произносительный вариант, лишенный признаков классовой и региональной принадлежности, обладающий престижностью особенно среди молодых людей 20–30-летнего возраста. EE является примером упрощения RP в сторону местного просторечия – в данном случае кокни. Одновременное использование в речи британцев произносительных вариантов, присущих как RP, так и кокни, явилось основной причиной, побудившей исследователей говорить о некоем «срединном» варианте, получившем в дальнейшем название Estuary English (английский устья Темзы) в соответствии с изначальной территориальной отнесенностью.

Вслед за Т. Холдгрейвом, переход в речи одного и того же представителя лингвосоциума от одного произносительного варианта к другому мы будем называть переключением произносительных кодов, обусловленным ситуативным и прагматическим факторами [6, с. 67–68]. Смена произносительных кодов от RP к EE происходит в определенных ситуациях общения, в частности тогда, когда говорящие хотят казаться заслуживающими доверия, дружелюбными, щедрыми; в случаях, когда необходимо выразить расположение к собеседнику или общность интересов. Переход от стандартного произносительного варианта к местному просторечью подразумевает солидарность с собеседником и является средством ведения неформальной беседы [6, с. 75].

Как уже отмечалось, на фонетическом (сегментном) уровне EE обнаруживает некоторые черты варианта Cockney. Например, в реализации согласных происходят следующие изменения:

а) замена /l/ на /w/ в середине и конце таких слов как, «real» [ˈrɪəʊ], «milk» [ˈmɪʊk], «always» [ˈɔːweɪz];

б) так называемая «потеря /j/» в таких словах, как «tune» [tuːn], «news» [nuːz];

в) появление одноударного аллофона ([ɾ]) и глоттализация /t/ в таких словах, как «little» [lɪɾl], «affordable» [əˈfɔːɾəbl], «right» [raɪʔ], «gateway» [ˈgeɪʔweɪ], «Gatwick» [ˈgæʔwɪk], «seatbelt» [ˈsiːʔbelt].

Следует отметить, что в EE не используются такие характерные для Cockney черты, как гортанная смычка перед гласным, например: «water» [ˈwɔːʔə], или замена буквосочетания -th- губно-зубными /f/ или /v/ в таких словах, как «thing» [fɪŋ], «brother» [ˈbrʌfə] и т.п. [4, с. 9].

Что касается реализации гласных, то для них характерны более многочисленные и сложные модификации, значительно отличающие EE от RP. Так, для EE свойственны такие черты, как:

а) удлинение конечного гласного в двусложных словах типа “happy”, “valley” и др. и превращение его в более напряженный звук ([ɪ] – [iː]);

б) продвижение вперед долгого гласного /uː/, сопровождающееся меньшей огубленностью (food, loose и др.);

в) понижение формантных значений фонемы /æ/ и увеличение ее длительности, которая, в свою очередь, может привести к дифтонгизации указанного монофтонга (/xq/, /xɪ/);

г) переход /uː/ в /qu/, /iː/ в /qi/;

д) превращение конечного гласного /ə/ в более открытый (/ɐ/);

е) монофтонгизация дифтонгов /ʊə/, /ɔə/ с их переходом в /ɔː/;

ж) переход дифтонга /eɪ/ в /ɑɪ/, /ɑʊ/ в /eqʊ/, /qʊ/ в /ɑːʊ/, /ɑɪ/ в /ɑːɪ/ или /ɒːɪ/;

з) продвижение вперед дифтонга /oʊ/, т.е. его замена на дифтонг /əʊ/;

и) значительная редукция гласных и др. [9].

Таблица 1

Реализация одноударных аллофонов на месте /t/ и /d/ в официальной и неофициальной речи (в %)

Официальная речь				Неофициальная речь			
Позиция	Примеры	Кол-во (%)		Позиция	Примеры	Кол-во (%)	
		Диктор 1	Диктор 2			Диктор 1	Диктор 2
Интервокальная позиция на стыке слов	tha**t** our, i**t** all, ge**t** asked	45	53	Интервокальная позиция на стыке слов	di**d** I, ha**d** it, sor**t** of, abou**t** it	82	89

Таким образом, основной тенденцией в реализации гласных в ЕЕ является удлинение напряженных гласных и их дифтонгизация в ряде случаев.

Приведенные фонетические изменения не являются кодифицированными и имеют место только в узусе. Но так как критерием включения произносительного варианта в орфоэпический стандарт языка является отсутствие территориальной отнесенности и его употребление в речи образованных людей независимо от их социального происхождения и места жительства, он потенциально может быть включен в норму.

Настоящее исследование посвящено изучению реализации сегментных единиц в формальных и неформальных речах британских политиков с целью подтверждения (или опровержения) гипотезы о смене произносительных кодов при переходе от официального к неофициальному стилю речи.

Материалом для исследования послужили подготовленные и спонтанные речи 2-х политиков Великобритании, носителей стандартного произносительного варианта английского языка (RP). Выбор политических речей в качестве материала данного исследования неслучаен, так как они в наибольшей степени соответствуют произносительной норме. Продолжительность речей составила 1 час 25 минут. Материал монологических высказываний в ситуациях официального и неофициального общения был подвергнут слуховому и акустическому видам анализа. В ходе изучения реализаций фонем были выявлены следующие модификации согласных:

– реализация фонем /t/ и /d/ одноударными аллофонами в интервокальной позиции на границах слов;

– глоттализация /t/, /d/, /p/, /b/, /k/, /g/ на границе слов перед гласными, носовыми сонорными /m/, /n/ и гоморганными согласными /t/ и /d/, а также перед /w/ и /j/;

– эллиптирование сегментов в кластерах согласных на стыке слов и внутри слов под влиянием последующих гоморганных согласных (/d/ из -nd, /t/ из -nt, /t/ из -st);

– случаи вокализации /l/ в позиции перед согласным.

Говоря о первом из приведенных выше типе модификаций, хотелось бы отметить, что фонема /t/ особенно подвержена изменениям в интервокальном положении. Одноударная реализация, обычно звонкая, известна как американизм, нередко встречающийся и в Англии. Такие реализации, как [ˈbɪɾ əf] bit of, [gʊɾ aɪˈdɪə] good idea, характеризуют, как правило, неофициальный стиль речи. Появление одноударных аллофонов фонем /t/ и /d/ можно объяснить действием закона экономии речевых усилий. По акустическим параметрам одноударный аллофон – это один из самых кратких согласных английского языка. Он насчитывает всего 2–3 периода колебания основного тона и равен по длительности 16–50 мс. Следует отметить схожесть акустических параметров одноударных. Они характеризуются наличием краткой смычной фазы, сверхкраткого импульсного шума, присутствием основного тона (F0).

Процентное соотношение реализаций одноударных аллофонов на месте /t/ и /d/ представлено в таблице 1 (в процентном отношении от общего числа возможных реализаций).

Второй тип модификаций – глоттализация – часто используется носителями RP в ситуациях как формального, так и неформального общения. При проведении анализа нами было установлено, что глоттализации подвергаются взрывные /t/, /p/, /k/ в следующих условиях:

– в сочетаниях двух взрывных согласных на границе слов. При этом первый из двух глухих заменяется на имплозивный. Например: great day [greɪtˀ deɪ] и т.п.;

– в сочетаниях /t/ с /w/, /r/, /j/, /m/, /n/ на стыке слов /t/ заменяется гортанным взрывом (без со-

Таблица 2

Реализация глоттализованных согласных в официальной и неофициальной речи британских политиков (в %)

Разновидности глоттализации	Позиции	Примеры	Количество (%)			
			Официальная речь		Неофициальная речь	
			Диктор 1	Диктор 2	Диктор 1	Диктор 2
1. Имплозивный	взрывной+взрывной на границе слов	need to, great day, contribute towards, that Britain	67	72	86	88
2. Гортанный взрыв	/t/+ /w/, /r/, /j/, /m/, /n/ на границе слов	support regeneration, that would, built more, that you	64	69	83	87
3. Гортанная смычка	/t/ + /p/, /b/, /k/, /g/, /h/, /f/, /v/ на границе слов	great pleasure, target for, dormant bank, that he	42	47	54	56

хранения переднеязычной смычки). Например: what we [wɔʔ wiː], got you [gɔʔ juː], might make [maɪʔ meɪk], at nine [æʔ naɪn];

– в сочетаниях /t/ + /p/, /b/, /k/, /g/, /h/, /f/, /v/ на стыке слов /t/ сменяется гортанной смычкой при отсутствии переднеязычной смычки. Например: put pressure [pʊʔ ˈpreʃə], might be [maɪʔ bɪ], but for [bʌʔ fə].

Гортанный взрыв – фонетическое явление, характерное для ряда английских диалектов, которое обычно ассоциируется с Cockney (лондонским просторечием), но также нередко встречается и в стандартном произношении британского варианта современного английского языка. На слух глоттальный взрыв воспринимается как внезапное прекращение артикуляции предшествующего звука или как внезапное начало артикуляции последующего звука.

Среди акустических характеристик глоттализации можно отметить следующие:

– отсутствие формантных переходов между глоттализованным и предшествующим гласным;

– прекращение колебания голосовых связок при произнесении предшествующего гласного без отчетливого начала произнесения [t];

– наличие в начале реализации [t] акустической паузы при резком прекращении фонации предыдущего гласного;

– наличие слабого импульсного шума в низких частотах спектра.

Количественные данные о реализации глоттализованных согласных представлены в таблице 2.

Следующий тип модификаций, рассматриваемых в данной статье, – эллиптирование согласных. Хотелось бы отметить, что выпадение сегментов в речи обусловлено тремя причинами: экономией речевых усилий, дистрибутивными особенностями реализации фонемы, высокой частотностью фонемы в речевой цепи. Увеличение темпа речи, характерное для неофициального стиля общения, приводит к большей “размытости” звуков под влиянием коартикуляции [1]. Эллипсис согласных наблюдается в находящихся в безударной позиции служебных частях речи. Скопление гоморганных согласных внутри и на стыке слов также провоцирует выпадение звуков. Результаты анализа эллиптирования согласных иллюстрирует таблица 3.

Что касается вокализации согласных, в частности бокового сонанта /l/, то нередко данный вид модификации присущ веляризованному [ɫ] и наличествует в постпозиции к гласному. Фонетически он реализуется как довольно закрытый, отодвинутый назад огубленный гласный, транскрибируемый символом [ʊ]. Это, как правило, наблюдается в препозиции к согласному, например: si**l**k [sɪʊk], a**l**ways [ˈɔːʊweɪz], a**l**so [ˈɔːʊsəʊ], либо на конце слова, например: hi**ll** [hɪʊ]. Наши данные согласуются с данными английских авторов, которые считают характерную для некоди-

Таблица 3

Эллиптирование согласных в официальной и неофициальной речи британских политиков (в %)

Позиция	Примеры	Кол-во (%)			
		Официальная речь		Неофициальная речь	
		Диктор 1	Диктор 2	Диктор 1	Диктор 2
/d/ из -nd	conten**d** with, an**d** fundamentally, min**d**set, an**d** races	40	46	78	84
/t/ из -nt	spen**t** today, preven**t** contagion, wan**t** to, differen**t** they	51	53	82	85
/t/ из -st	ju**st** enormous, mo**st** difficu**lt**, ju**st** for, against poverty, mo**st**ly	38	43	86	94

фицированного варианта EE вокализацию /l/ маркером, отличающим его от произносительного стандарта RP [10; 11; 12]. Следует отметить, что использование вокализованного /l/ первоначально являлось характерной чертой произносительного варианта кокни. Столетие назад данное явление негативно воспринималось в обществе, заботящемся о своем произношении. Однако постепенно вокализация /l/ прочно вошла в рамки произносительного варианта RP. Существует предположение, что в последующее столетие вероятнее всего вокализованный /l/ станет частью стандартного произношения [4].

Некоторые британские ученые, такие как А. Гимсон, Дж. Уэллс и А. Круттенден, утверждают, что данное явление иногда появляется и в RP, особенно перед губными согласными [10; 11; 12]. Результаты, полученные Дж. Прзедлака, свидетельствуют о том, что более трети (34%) сегментов, произнесенных двумя молодыми носителями RP, были вокализованы. Данный факт подтверждает наличие тенденции к вокализации бокового сонанта в разговорной речи. Автор отмечает, что в EE количество вокализованных реализаций /l/ превосходит вышеупомянутое количество в RP. Совершенно очевидно, что вокализация бокового сонанта чрезвычайно распространена в областях, где используется произносительный вариант EE, и составляет 77,4% [7]. Следует отметить, что в силу низкой частотности бокового сонанта и позиционных ограничений вокализация этого согласного в нашем материале была зафиксирована относительно редко. Вместе с тем рассмотренные случаи позволяют согласиться с результатами других исследователей и считать вокализацию /l/ отличительной чертой неформального общения.

Переходя к рассмотрению гласных, остановимся прежде всего на реализации конечных безударных гласных /ɪ/ и /ə/. В ходе исследования официальных и неофициальных речей диктора 1 были изучены 200 слов с конечным -y, например: community, energy, reality, fairly, every и др. Количество слов с данным суффиксом в официальной речи составило 130, в неофициальной – 70 лексических единиц.

В результате анализа корпуса указанных слов в официальной речи диктора 1 были получены следующие данные. В 75 случаях (54%) реализовались аллофоны фонемы /i:/, акустические характеристики которых составили для форманты F1 в среднем 348 Гц, а F2 – 2155 Гц. В 56 словах (43%) реализовались аллофоны фонемы /ɪ/. Их средние формантные значения равняются 365 Гц для F1 и 1855 Гц для F2. Кроме того, в ходе

Таблица 4

Реализация конечного гласного /ɪ/ в многосложных словах (в абс. ед.)

	Диктор 1				Диктор 2			
	Официальная речь		Неофициальная речь		Официальная речь		Неофициальная речь	
	/i:/	/ɪ/	/i:/	/ɪ/	/i:/	/ɪ/	/i:/	/ɪ/
Кол-во реализаций	75	56	56	14	39	51	22	3
Общее кол-во слов	131		70		90		25	

исследования было обнаружено 2 (1,5%) е-образных аллофона со средним значением формант F1 – 415 Гц, F2 – 1550 Гц и 2 (1,5%) аллофона фонемы /ə/ (F1 – 500 Гц, F2 – 1565 Гц).

В неофициальной речи в 56 из 70 лексических единиц были зафиксированы аллофоны фонемы /i:/, что составило 80% от общего числа употреблений данной фонемы в рассматриваемом материале. В остальных случаях реализовались аллофоны фонемы /ɪ/ (20% соответственно). В традиционных описаниях RP отмечается, что на месте суффикса -y в многосложных словах наличествует реализация фонемы /ɪ/. Однако последние исследования свидетельствуют о замене в некоторых случаях данного гласного на напряженный /i:/, что можно объяснить влиянием на RP варианта кокни [8; 10; 11; 12].

Полученные нами результаты на материале речи диктора 1 нашли подтверждение и в ходе анализа речи диктора 2. В целом, можно говорить об увеличении в неофициальной речи политиков количества реализаций гласного /i:/ на месте /ɪ/ (см. табл. 4).

Что касается второго вида модификаций – реализации безударного конечного [ə], то полученные данные убедительно свидетельствуют об увеличении модифицированных реализаций гласного в EE по сравнению с RP.

Так, в неофициальной речи диктора 1 в 75% случаев реализации гласного [ə] наблюдалось значительное понижение F2 (до 950 Гц). Анализ неофициальной речи диктора 2 показал наличие понижения F2 в 25% случаев.

В официальной речи диктора 1 было выявлено 8 (24%) случаев (из возможных 28) понижения значений F2 конечного гласного [ə] перед паузой, что свидетельствует о большей его открытости (F2ср. = 1200 Гц). В речи диктора 2 понижение F2 указанного гласного было зафиксировано лишь в одном случае.

Следует подчеркнуть, что в большинстве случаев в препозиции к гласному [ə] находились переднеязычные согласные (minis**ter**, ma**tter**, twi**tter**, lea**der**, o**ther**), которые, как правило, не оказывают существенного влияния на подъем гласного. Тем не менее, как показано выше, гласный [ə] реализовывался как более открытый, что убедительно подтверждается акустическими параметрами.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в ситуациях формального и неформального общения речь британских политиков характеризуется переключением произносительных кодов, приводящим к появлению модификаций, присущих произносительному варианту EE.

Библиографический список

1. *Бондарко Л.В.* Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. – Л., 1981.

2. *Медведева Т. В.* Социолингвистический аспект в современном британском произношении // Филологические науки. – 2001. – №4. – С. 66.

3. *Altendorf U.* EE: Is English going Cockney? http://www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/altendorf.pdf

4. *Davies D.* Varieties of modern English. An introduction. – Pearson Education, 2005.

5. *Harrington J., Kleber F., Reubold U.* /U/-fronting in RP: a link between sound change and diminished perceptual compensation for coarticulation? http://www.icphs2007.de

6. *Holtgrave T.* Language as social action. Social psychology and language use. – Taylor & Francis, 2002.

7. *Mompean Josй Antonio*. Estuary English: revisiting the debate on its status as a new accent of English and potential EFL pronunciation model. http://www.publications.ub.es/revistes/bells16/documentos/articles_04.pdf

8. *Parsons G.* From RP to EE. http://www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/parsons_ma.pdf

9. *Rosewarne D.* Estuary English: tomorrow's RP // English today. – 1994. – №37.

10. *Wells J. C.* British English pronunciation preferences: a changing scene. http://www.phon.ucl.ac.uk/home/wells/changingscene.pdf

11. *Wells J. C.* The cockneyfication of RP. http://www.phon.ucl.ac.uk/home/wells/index.html

12. *Wells J. C.* Whatever happened to Received Pronunciation? http://www.phon.ucl.ac.uk/home/wells/index.html

УДК 81'373

Зубова Жанна Арнольдовна
кандидат филологических наук, доцент
Орловский государственный университет
kuhtov@orel.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ВНЕШНИЙ ВИД ЧЕЛОВЕКА, В ОРЛОВСКИХ ГОВОРАХ

Анализ фразеологических единиц, с помощью которых носители орловских говоров характеризуют внешний вид человека, позволяет выявить особенности мировосприятия диалектоносителя, его предпочтения и оценки. В статье представлены наиболее крупные семантические подгруппы фразеологизмов.

Ключевые слова: *фразеосемантическое поле, микрополе, орловские говоры, сема, внешний вид человека.*

Фразеосемантическое поле «Характеристика человека» в орловских говорах одно из наиболее объемных. Оно представлено более чем 700 единицами. И это вполне естественно: фразеологические единицы по самой своей сути призваны, прежде всего, характеризовать человека, давать оценку тому, как он воспринимает себя, себе подобных, свое место в окружающем мире, свои взаимоотношения с ним.

Внутри фразеосемантического поля можно выделить два микрополя, первое из которых – «характеристика внутренних, личностных качеств» – в три с половиной раза больше по числу входящих в него единиц второго – «характеристика внешнего вида». Фразеологизмы первого микрополя уже становились предметом специального описания (см., например, [1, с. 177–179; 2, с. 59–67]). В настоящей статье представим основные группы единиц, характеризующие внешний вид человека. Обратим внимание на аксиологическую и эмотивную составляющие значения, приводя иллюстративный материал в упрощенной транскрипции.

На что же обращают внимание носители орловских говоров, если речь идет о том, как человек выглядит?

При анализе фразеологизмов постоянно находишь подтверждение точности и емкости народных афоризмов – пословиц и поговорок. Среди всех групп и подгрупп микрополя «внешний вид» самая многочисленная характеризует то, что точнее всего выражено во всем известном «встречают по одежке»: 40 ФЕ информируют о небрежно, неаккуратно одетом, а 15 – о нарядно, красиво одетом человеке. Это такие единицы, как *варюха отрепьева*, *расхлебай копыта*, *как зюзя*, *в порядке*, *на разгляденье*, *как кампела* и др. Аксиологический компонент значения очевиден: позитивно оценивается опрятный, аккуратно, нарядно одетый человек, негативно – неряшливый, грязнуля. Что касается эмотивной составляющей, то кроме «неодобрительно / одобрительно» фиксируем «пренебрежительно», «презрительно» и «иронично», что находит подтверждение в контекстах:

«Па дароги *анюта никудышняя* идеть, усихта в грязнам платьи да ничосаная» (Хотынецкий р-н). «Ты пря *жук навозный*, усё грязный» (Дмитровский р-н). «Он сиводня пришол весь *при галстуке»* (Свердловский р-н).

Актуален для диалектоносителей ставший популярным в свое время рекламный слоган «размер имеет значение»: пятьдесят две ФЕ характеризуют человека именно по этому признаку. При этом, как и следовало ожидать, основное внимание концентрируется на оппозиции «толстый / худой»: *баба рязанская*, *как арпеха*, *пузо три арбуза*, *душа да тело*, *жвычка жвычкой*, *спину через живот чешет* и т.д. Известно, что фразеологизмы, в первую очередь, – реакция на отклонение от нормы. Для сельского жителя важно то, что чрезмерная полнота или худоба не позволяют человеку хорошо, качественно работать. Вот почему эмотивным компонентом значения у единиц с интегральным значением «толстый» чаще всего выступают «неодобрительно», «пренебрежительно», «иронично», что можно проиллюстрировать следующими контекстами:

«А Машкина нивеска пабабила, *брюха распустила*» (Новосильский район). «Ксюша хатела на барерину учица, да куды ей, ана ш *как акамёлак*» (Мценский р-н). «Ух и *ряшку*-та он *наел*» (Орловский р-н). «Нищаво ни делаить, линивый, во какой *хибот наел*» (Хотынецкий р-н). «Машка у нас пончик, *ни в апхват*» (Кромской р-н). «Светка так расталстела, *шкуры ни хватаит*» (Новосильский р-н).

© Зубова Ж.А., 2010

Иногда ядро значения формирует не одна сема. Так, у ФЕ *телепень телепнём* сема «полный, толстый» интегрирована с семами «неповоротливый», «неуклюжий»: «Рибёнак *телипинь тилипнём*, нипаваротливый ужысть» (Малоархангельский р-н).

Нужно отметить, что всего в двух единицах этой подгруппы находим положительную оценку, однако она связана не с полнотой, а с указанием на крупного, плотного, а значит, физически сильного и крепкого человека:

«Тётки Дунина девка *как биток*» (Орловский р-н). «Ета баба здаровая, *што рук, што нага*» (Новосильский р-н).

Единицы с обобщенным значением «худой» часто в качестве эмотивного компонента содержат не только «неодобрительно», но и «сочувственно», «с сожалением»:

«Есть надать большы, а то растёш *жвычка жвычкай*» (Верховский р-н). «Малай у Верки вчерась из армии пришол, *как скилетина* стал, да он и был-та худой» (Новосильский р-н). «*Душа да тела*, савсем высах, адни мощи астались, вон адёшка на нём как калыхаица» (Свердловский р-н). «Он такой щуплай, яво *саплёй пиришыбёш*» (Орловский р-н).

В последнем контексте фразеологизм информирует не только о худобе, но и о физической слабости, невзрачности. Приведем примеры таких единиц: *ветром качает* («Да он задрыга – иво ветрам качаить» – Шаблыкинский р-н), *москля москлёй* («Там глидеть не на кава, маскля масклёй» – Покровский р-н), *возгрёй убьёшь* («Ну и жыних, возгрёй убьёшь» – Хотынецкий р-н). В подобных случаях находим подтверждение тому, что многослойность фразеологического значения, позволяющая интегрировать сразу несколько характеристик, – одна из его специфических черт.

Заметим, что значение «худой» иногда связано с отдельными частями тела, чаще лицом или ногами:

«Гаварили: ох и *бурды развесил*, талстамордый, значить» (Верховский р-н). «Ой, вышыл у красных гультиках, ношки *как цевки*» (Новосильский р-н). «Ды ну, Иванавна, какая там харошая, у ней *ношки-патаношки*» (Мценский р-н).

Тринадцать единиц объединены семой «рост». Здесь наблюдаем оппозицию «высокий / низкий»: *в небо дыра, полтора Ивана (Иевана), аршин с шапкой, с неба не видать*. Эмотивными компонентами значения выступают «шутливо», реже «иронично». Несколько фразеологизмов совмещают разные семы: «низкий и толстый» – *как (что) павучок* («Валотька-та мужык рабатяшшый. Плоха, што с виду малинький да круглай, гаварят, *што павучок»* – Дмитровский р-н); «низкий и некрасивый» («Витька старшой у саседа статный, красавец, а Колька младшой – *карандух карандухам* – Мценский р-н. «А мужык-та у ниё *пистюльга пистюльгой»* – Верховский р-н), «высокий и крепкий, сильный» («Ды йиво *калом ни убьёш*, во здаровый вырас» – Хотынецкий р-н).

Сема «размер» содержится во фразеологизмах, характеризующих отдельные части тела: *голован голованом*, *конь-голова* – «человек с большой головой», *шлёп-губа* – «человек с большими, как будто вывернутыми губами», *кошачий череп* – «человек с крупными, выступающими зубами».

Единицы подгруппы «здоровый / больной» находятся на периферии всего микрополя, поскольку большинство из них информирует не только о внешнем виде, но и о физическом состоянии. В таких случаях можно говорить о зонах пересечения фразеосемантических полей. О доминировании семы «внешний вид» можно говорить лишь у таких единиц, как *в прыску* – ‘здоровый, крепкий человек’ («Я у моладасти была *у прыску*, харошая, кровь с малаком» – Новосильский р-н), *как кампела* – ‘человек со здоровым, хорошим цветом лица; кровь с молоком’ («Мая дощечка стала *как кампела*» – Хотынецкий р-н), *бледня бледнёй* – ‘бледный из-за плохого самочувствия, изможденный человек’ («Нелька-та савсем с ним извилась, *блидня блиднёй* стала, исхудала» – Мценский р-н).

Незначительным числом фразеологизмов представлены подгруппы «хромой» (*кидай-нога, шлёп-нога, рубль пять*), горбатый (*согнуться в лубок и в люльку*, *в хомут согнут*).

Среди структурных особенностей единиц микрополя «характеристика внешнего вида человека» отметим значительное количество ФЕ с тавтологией, т.е. таких, в которых минимум два компонента имеют один и тот же корень: *анчутка анчуткой, ведьма ведьмой, мазепа мазепой, ховра ховрой, бледня бледнёй, голован голованом, москля москлёй, пистюльга пистюльгой, жвычка жвычкой, телепень телепнём* (см. об этом [3, с. 31–35]).

Библиографический список

1. *Зубова Ж.А.* Фразеологические единицы как средство характеристики человека в орловских говорах // Информационный потенциал слова и фразеологизма. – Орел: ОГУ, 2005. – С. 177–179.

2. *Зубова Ж.А.* Об одной особенности фразеосемантических полей, связанных с человеком, в орловских говорах // Русское слово вчера и сегодня. – Архангельск: Поморский государственный университет, 2005. – С. 59–67.

3. *Зубова Ж.А.* Фразеологизмы и устойчивые сочетания с тавтологией в орловских говорах // Орловские говоры: проблемы изучения: Сб. научных трудов. – Вып. 3. – Орел: ОГУ, 2007. – С. 31–35.

4. Словарь орловских говоров / Под ред. Т.В. Бахваловой. – Вып. 1–4. – Ярославль, 1989–1991; Вып. 5–15. – Орел, 1989–2007.

5. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. – Вып. 1–41. – СПб.: Наука, 1965–2007.

УДК 81

Казбекова Фатима Зауровна

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ)
kazbekova.fatima@yandex.ru

АВТОРСКИЙ БИЛИНГВИЗМ ГАЙТО ГАЗДАНОВА КАК МЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ИНТЕРФЕРЕНЦИЙ В ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

В статье речь идет о лексико-семантических интерференциях как одной из лингвистических особенностей произведений Гайто Газданова – одного из выдающихся представителей литературы русского зарубежья. Индивидуальный билингвизм автора, квалифицируемый как ситуативный, накладывает отпечаток на язык и стиль его произведений. В статье приведены некоторые примеры французско-русских интерференций, которые можно наблюдать как в грамматике, так и в лексике.

Ключевые слова: *лингвистическая интерференция, писатель-билингв, индивидуальный билингвизм, синтаксические конструкции, синтаксическая калька, лексическая калька.*

Исследуя язык произведений Гайто Газданова, уровень владения языком которого очень высок, нельзя не обратить внимания на лингвистические интерференции, т.е. случаи отклонения от норм русского языка под влиянием языка французского. Речь идет не об отклонении от норм и нарушении правил, характерных для недостаточной лингвистической компетенции, а об интерференциях, которые переходят на более высокий уровень языка, допускающий вариативность и альтернативность решений в области структурной организации высказывания.

Гайто Газданов – «один из самых ярких писателей, выдвинувшихся в эмиграции» [3, с. 110], творчество которого сформировалось во Франции. Писатель, по свидетельству современников, прекрасно владел обоими языками – как русским, так и французским, результатом взаимодействия которых и являются случаи лингвистической интерференции. «Практика попеременного пользования двумя языками» [2, с. 29], т.е. свободное переключение с одного языка на другой и использование в различных областях деятельности разных языковых систем: в творчестве и в общении с эмигрантской средой, – в основном, родного языка (русского), а в университетской аудитории, на работе и в повседневной жизни – вторичной языковой системы (т.е. французского языка), позволяет нам считать Г. Газданова писателем-билингвом. Билингвизм Г. Газданова по характеру внутрисубъектной связи между языковыми системами в сознании языковой личности и соотнесенности этих двух речевых механизмов между собой можно отнести к *смешанному типу,* который было бы рациональнее квалифицировать как *ситуативный.*

Русский язык Г. Газданова не только не страдает в условиях эмиграции, но и приобретает новые оттенки, отражая всю палитру стилей от возвышенного до жаргонно-просторечного. Языковой опыт Г. Газданова, прекрасное знание русского и французского языков наложили особый отпечаток на язык и манеру письма. «Тексты писателя-билингва в восприятии носителя русской языковой культуры – это тексты своеобразные, имеющие свои особенности, в отличие от текстов писателя-монолингва» [1, с. 72]. Родной язык

 © Казбекова Ф.З., 2010

писателя-билингва, играющий огромную роль в осмыслении действительности, безусловно, подвергается влиянию приобретенной культуры. «Его язык, гибкий и богатый, ничего не потерял за эти десятилетия изгнания; и только диалоги, очевидно, являются отражением французского мышления писателя, т.к. на русском языке они звучат несколько искусственно и странно, так, что хочется вернуть им их оригинальную французскую форму», – считает Е. Бальзамо, переводчик его романов на французский язык.

Мы рассматриваем примеры французско-русских интерференций, обнаруженных в литературных произведениях Г. Газданова, в которых русскоязычный читатель, знающий французский язык, увидит лексические и грамматические структуры, более характерные для французского языка, нежели для русского.

Индивидуальный билингвизм автора определяет глубину французско-русской интерференции, отразившейся на самобытности языка его произведений. При этом отклонения от норм русского языка можно наблюдать и в лексике, и в грамматике. Грамматические различия между русским и французским языками прослеживаются у Г. Газданова в порядке расположения основных членов предложения по отношению друг к другу, в типах и формах грамматической связи слов в словосочетаниях и в предложениях, в основных морфологических категориях, реализующих эту связь.

Так, в произведениях Г. Газданова нередко можно встретить предложения, в которых под влиянием французского языка нарушен порядок слов, свойственный синтаксическим конструкциям русского языка. Речь идет о придаточных определительных предложениях, вводимых местоимением «*который*». В русском языке придаточное определительное предложение начинается с подлежащего, затем идет относительное местоимение, а потом – сказуемое. Если же в русском придаточном предложении имеется еще и прямое дополнение, то это придаточное предложение будет начинаться именно с дополнения, затем следует относительное местоимение, подлежащее и сказуемое. Во французском же сложноподчиненном предложении относительное местоимение *dont* всегда стоит перед подлежащим придаточного предложения, т.е. после *dont* употребляется прямой порядок слов – подлежащее, сказуемое, прямое дополнение, что не соответствует аналогичной фразе русского языка. В произведениях Г. Газданова мы часто встречаем именно этот тип придаточного предложения, в котором автор сохраняет французский порядок слов:

– «…я узнал то очередное и тягостное воплощение, *которого* я стал жертвой», вместо нормативного: «…*жертвой которого* я стал», что соответствует французскому: *dont j'étais le victime;*

– «Однако, в противоположность маньякам, *которых* внимание бывает, напряжено до крайности…», вместо «*внимание которых* бывает, напряжено»; что соответствует французскому: *dont l'attention est tendue à l'extrême;*

– «…в этом мире, *которого* она была живым и непреодолимым напоминанием…», вместо «живым и непреодолимым *напоминанием которого* она была», что соответствует французскому: *dont elle était le rappel vivant et invicible.*

Анализируя, таким образом, русские предложения Г. Газданова, можно отметить, что неправильный порядок слов придаточного определительного предложения воспроизводит порядок слов соответствующего французского предложения, вводимого относительным местоимением *dont*, т.е. в данном случае в построении фразы имеет место синтаксическая калька с французского языка. Французский вариант данных предложений взят из переводов романов Г. Газданова, сделанных Е. Бальзамо, Шанталем Лебреном Керисом.

Примером синтаксической кальки является и употребление прилагательного *«другой»,* выполняющего функцию указательного местоимения. Во французском языке местоимения играют большую роль в функциональном плане. Они являются не только семантическими заместителями и определителями имени существительного, но выполняют и функцию синтаксических заместителей, осуществляя тем самым важную роль в структурной организации предложения. Такое употребление указательного местоимения не имеет аналогов в русском языке. В русском предложении нужно повторить имя существительное, тогда как во французском оно может быть *заменено* местоимением. И в этих предложениях также естественнее было бы повторить имя существительное «*люди*» вместо прилагательного «*другие»*. В данном случае мы также имеем дело с синтаксической интерференцией,

и хотя структура предложения нарушена в части порядка слов, смысл его остается понятным.

– «Я почти не смотрел на них, так как знал наизусть их внешний облик, как знал *кварталы*, где они живут, и *другие,* где они никогда не бывают», что соответствует французскому: …*les quartiers* dont ils habitaient, et *ceux* où ils ne mettaient jamais les pieds.

В данной фразе вместо прилагательного *«другие»* нужно было бы употребить существительное *«кварталы».* У Г. Газданова же мы читаем:

– «Я… знал людей, которые, казалось, могли многое дать…», и скорее «французское» предложение:

– «…есть люди, у которых только одно лицо, и есть *другие,* у которых может быть две или три жизни»; «знал *других*, над невежественностью которых все смеялись…»;

– «…он видел то непередаваемое выражение лица у всех этих людей, которое так резко отличало их от *других*, более богатых…»;

– «он завидовал *другим*, которые могут спать спокойно».

Синтаксической калькой с французского языка можно считать и придаточные предложения с союзом «без того, чтобы», довольно редко встречающимся в русском языке. Во французском же языке придаточные предложения, вводимые соответствующим ему союзом *sans que*, употребляются чаще и имеют общее негативное значение. В аналогичных же им придаточных предложениях русского языка при глаголе должна употребляться отрицательная частица *не*, которая во французском языке инкорпорирована в самом союзе *sans que.* У Г. Газданова же отрицание перед глаголом в русском предложении отсутствует так, как если бы он употреблял ее французский эквивалент.

– «…сопровождал их всюду**,** *без того, чтобы* подходить к ним…», естественнее было бы: …*не подходя к ним;*

– «…мне случалось ехать довольно быстро,… и не глядя по сторонам; потом, *без того, чтобы* что-либо *произошло*, я сильно нажимал на тормоза…», вместо: …потом, *чтобы* что-либо *не произошло*…;

– «И потом, *без того, чтобы* этому *предшествовали* размолвка или охлаждение…», вместо: …*чтобы* этому *не предшествовали*….

Лексика относится к числу тех областей языка, в которых иноязычное влияние обнаруживается достаточно заметно и быстро. Нельзя не отметить, что в текстах литературных произведений Г. Газданова часто встречаются и лексические кальки. Так, например, в приведенном ниже предложении мы читаем прилагательное «скелетические»:

– «Я видел снимки голых пленных в немецких лагерях – *скелетические* тела…»

Слова «скелетические» в русском языке нет, хотя существуют однокоренные слова, которые дают возможность читателю понять смысл сказанного. БТС предлагает прилагательное «скелетоподобный» [4, с. 1194]; тогда как французский язык дает нам именно прилагательное «squelettique – qui évoque un squelette (par sa maigreur)» [5, с. 1019], что означает «тот, что напоминает скелет (своей худобой)». Г. Газданов употребляет в своем предложении «французский вариант» для выражения необходимого ему понятия. «Произведения, обусловленные взаимодействием двух языковых культур в одной личности, находятся и вне приобретенной культуры и внутри ее» [1, с. 72]. А потому писатель-билингв, добиваясь эстетического воздействия на читателя, пытается найти новые краски, новые значения слов в приобретенной языковой культуре.

В целом мы полагаем, что углубленное изучение интерферентных явлений в языке произведений Г. Газданова может дать нам ключ к пониманию и внутреннего мира этой незаурядной личности, несомненно, маргинальной не только по языку, но и по мироощущению.

Библиографический список

1. *Бахтикиреева У.М.* Творчество писателя-билингва в восприятии носителя русской языковой культуры // Вопросы филологии. – 2005. – №1. – С. 71–76.

2. *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып.VI. – М., 1972. – С. 25–59.

3. *Диенеш Л.* Гайто Газданов. Жизнь и творчество. – Владикавказ, 1995.

4. Большой толковый словарь русского языка / РАН, Институт лингвистических исследований / Сост. С.А. Кузнецов. – СПб., 2001. – 1535 с.

5. *Micro Robert.* Dictionnaire du français primordial. Tom II. – Paris, 1980. – 1208 c.

УДК 811.111'271.12

Лалетина Александра Олеговна
кандидат филологических наук, доцент
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
alaletina@yandex.ru

НОРМЫ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ

Статья посвящена исследованию языковых норм политической корректности. На материале английского языка рассматривается использование личных местоимений в метагендерном значении в таких дискурсивных практиках, как лексикографические источники, учебная литература, журналы об образе жизни.

Ключевые слова: *языковая норма, метагендерные местоимения, политическая корректность, лексикографический дискурс, учебная литература, журналы об образе жизни.*

Современное состояние науки о языке определяется рядом факторов, к основным из которых можно отнести теорию постмодернизма и антропоцентрический характер современных лингвистических исследований. Все направления постмодернистской мысли утверждают, что мир познаваем только через языковые формы, следовательно, наши представления о нем не могут отразить реальность, которая существует за пределами языка. Таким образом, указывается зависимость сознания индивида от стереотипов языка, другими словами, носитель языка в процессе его овладения усваивает определенное отношение к миру и видит его под углом зрения, «навязанным» структурами языка.

Исходя из положения о том, что объективная реальность создается посредством языка, следует признать обоснованными попытки сознательного регулирования и коррекции тех или иных языковых стереотипов. Тенденция к более точному, четкому обозначению уже существующих явлений, часто связанная со стремлением дать более вежливое, деликатное обозначение тому или иному предмету или явлению, получило наименование «политическая корректность» или «языковая корректность» [3]. Идеология политической корректности настаивает на необходимости переосмысления языковых норм, прежде всего норм речевого этикета. Так, одним из требований является употребление языковых единиц, которые эмоционально положительно восприняты представителями всех или большинства групп адресатов, и табуизиция целого ряда слов и выражений, которые могут привести к негативным ассоциациям. Стремление к политической корректности привело к целому ряду изменений в лексике, словоупотреблении и даже грамматике английского языка. Предлагается, например, параллельное употребление форм мужского и женского рода для обозначения лица или нейтральные словоформы, не вызывающие ассоциаций с полом лица, о котором идет речь, а также так называемые феминистские неологизмы. Для английского языка это явление более характерно, в связи с отсутствием грамматической категории рода. В настоящей работе детально рассматривается употребление личных местоимений в обобщенно-личной функции в различных дискурсивных практиках.

Отсутствие в английском языке местоимения третьего лица единственного числа, которое могло бы обозначать лицо, чей пол неизвестен или несущественен для говорящего, и использования в обобщенном значении местоимения he, является одним из центральных вопросов гендерно нейтрального словоупотребления, а выбор наиболее предпочтительной формы имеют довольно долгую историю. Как отмечают грамматисты, противопоставление местоимений he и they в обобщенном значении не является продуктом политической корректности. Так, в 1850 году был принят закон, в котором he официально было объявлено замещающим сочетание he or she: "in all acts words importing the masculine gender shall be deemed and taken to include females", а форма singular "they" была объявлена примером ненормативного синтаксиса [4, с. 130]. Впоследствии все прескриптивные грамматики настаивали на употреблении местоимения he в качестве метагендерного, отвергая singular "they" как неточное, т.е. нарушающее согласование в числе, а сочетание he or she – как громоздкое и излишне педантичное [4, с. 131].

Дескриптивный характер современных грамматических справочников не позволяет дать однозначный ответ на вопрос о том, какую форму

© Лалетина А.О., 2010

следует использовать в том или ином контексте. Отмечается, что в последние десятилетия наметилась тенденция сознательно избегать использования метагендерного he путем плюразации, использования двойного местоимения he or she, так называемого singular they, местоимения you в обобщенно-личной функции. При этом грамматисты отмечают, что выбор формы зависит от характера коммуникации (you чаще используют в неформальных ситуациях общения), территориального использования английского языка (в американском английском чаще используется метагендерное he как референт неопределенно-личного местоимения one) и социального статуса говорящего [6; 7; 10].

Динамика нормы метагендерных референций в лексикографии

Лексикографический дискурс в целом, и толковые словари в частности, являются показательным источником динамики языковой нормы, поскольку они неразрывно связаны с нормированием и кодификацией. Именно словари, наряду с учебно-справочными материалами, играют роль «полуофициальной» языковой власти [8], поэтому не случайно многие авторы обозначают подобные издания термином gatekeepers of language [5, с. 114; 11, с. 218]. Словари не только выполняют свою первоначальную функцию сохранения и фиксации знания, но и отражают те языковые практики, которые считаются приемлемым, нормальным в данном социуме. Диахронное изучение толковой лексикографии позволяет проследить не только динамику репрезентации социальной реальности, но и динамику языковой нормы. Показательно в данном отношении исследование М.В. Сергеевой, рассматривающее динамику гендерных репрезентации в британской толковой лексикографии [1]. Сравнительный анализ лексикографических статей первого издания словаря А.С. Хорнби The Advanced Learner's Dictionary of Current English (1942) и седьмого издания словаря Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (2005) выявил изменение языковой практики, свидетельствующее о бóльшей гендерной корректности последнего издания.

Так, в соответствии с нормами прескриптивных грамматик своего времени (1940-х годов), в первом издании словаря местоимение he регулярно коррелирует с лексемами person, one, someone, anyone и разнообразными метагендерными антропонимами во всех компонентах макро- и микроструктуры словаря. Как отмечает М.В. Сергеева, в седьмом издании словаря Хорнби употребление he в гендерно нейтральном значении объявляется неприемлемым, и, соответственно, данная форма не используется за исключением примеров к дефиниции самого метагендерного he [1, с. 76]. В качестве стратегий для замены гендерно нейтрального he авторы словаря используют либо уклонение от использования местоимений, либо замещение местоимений.

Уклонение от использования местоимения достигается путём плюрализации, повтора метагендерной лексемы или опущения местоимения: Customers are offered a 10% discount if they pay cash (вместо "A customer is offered…"). Иногда вместо распространённой в первом издании пометы of a person лексикографы предпочитают формулировку of people, что позволяет использовать they множественного числа в дефиниции.

К стратегиям замещения метагендерного he традиционно относят использование местоимения второго лица в обобщенно-личной функции, употребление двойного местоимения (he or she), или местоимения третьего лица множественного числа, так называемое singular "they" [9, с. 127–134, 162]. Составители последнего издания словаря Хорнби последовательно реализуют этот принцип. При этом singular "they" выступает в сочетании с местоимениями somebody / everybody / nobody, one и его дериватами, лексемой person и другими метагендерными антропонимами: cajole – to make sb do sth by talking to them and being very nice to them. Двойное местоимение используется значительно реже, чем singular "they", и только в потенциально двусмысленных контекстах: bastard – 4. A person whose parents were not married to each other when he or she was born (использование singular "they" поставило бы вопрос о том, относится ли эта форма к лексеме person или parents).

Таким образом, приемлемая в середине XX века практика использования метагендерного he стала аномальной в начале XXI века. Фиксация данной тенденции в справочной литературе свидетельствует не только о социальных процессах, происходящих в британском обществе, о стремлении к толерантности по отношению к различным социальным группам, но и о динамике корректного использования языка относительно этих социальных групп.

Учебная литература по английскому языку как отражение социальных и языковых норм

Учебная литература по английскому языку, наряду с лексикографическими источниками, призвана быть «законодателем» в области языковой нормы и корректного использования языка. Однако анализ учебников английского языка как иностранного, изданных как за рубежом, так и в России, свидетельствует об отсутствии однозначного отношения авторов к вопросу о гендерно корректном словоупотреблении.

Наиболее корректным в гендерном отношении являются учебные пособия, изданные в конце 1990-х – начале 2000-х годов за рубежом[1]. Несмотря на то что правило метагендерных референций не формулируется ни в одном из вышеперечисленных учебных пособий, авторы последовательно следуют нормам гендерной политкорректности: уклонение от использования местоимения путём плюрализации или повтора метагендерной лексемы и замещение местоимения местоимением второго лица (you), двойным местоимением (he or she) или так называемым местоимением singular “they”. Метагендерное he встречается в ограниченном количестве контекстов: известные цитаты, пословицы и идиоматические выражения. Число употреблений собственно метагендерного he авторами современных британских учебников так мало, что не влияет на общую тенденцию.

Отечественные учебники по английскому языку[2] представляют собой достаточно разнородную группу. Как и в зарубежных пособиях, правило метагендерных референций в вышеперечисленных учебниках не формулируется, однако вместе с этим не прослеживается и какая-либо система в употреблении гендерно нейтральных местоимений. Так, например, в учебнике «A Graded English Course. First Year», впервые изданном в 1997 и переизданном в 2007 году, параллельно с употреблением метагендерного he широко используется и метагендерное she. Все случаи замещения гендерно нейтрального he связаны с использованием форм двойного местоимения he (she), he / she, she / he, примеры же употребления singular “they”, метагендерного you, повторов или плюрализации отсутствуют. Использование метагендерного she может быть объяснено тем, что данное пособие создавалось специально для студентов факультета, на котором во время подготовки учебника к публикации (1990-е годы) учились и преподавали преимущественно представительницы женского пола, что и обусловило выбор данной формы. Примечательно, что все подобные примеры относятся к формулировкам заданий, а не учебным текстам. Противоречивость метагендерных референций и номинаций прослеживается в продолжении учебника «A Graded English Course», составленного для студентов пятого курса. Несмотря на то что переработанное и дополненное издание вышло в 2008 году, когда употребление политически корректных языковых форм воспринимается как необходимое требование толерантности в современном обществе, авторы учебника используют метагендерное man в наименовании разделов учебника: man and education, man and nature, man and war. Представляется, что среди причин политически некорректного стиля можно выделить две: либо авторы учебника не имеют четко выраженного отношения к проблеме метагендерного he и man, либо последовательно отрицают требование социальной терпимости и языковой корректности.

Итак, в отличие от лексикографических источников учебная литература по английскому языку отражает двойственную природу языковой нормы. С одной стороны, современные учебные пособия воссоздают социальную реальность, процессы, происходящие в языковом сообществе, являются источниками страноведческой информации и знакомят изучающих английский язык с языковыми практиками, признанными приемлемыми и нормальными (в данном случае с гендерно корректным использованием языка) на данном этапе развития языкового общества. С другой стороны, одной из функций учебной литературы является воспроизводство кодифицированной языковой нормы. В связи с этим фиксация языковой нормы может занимать довольно долгий период времени, учебные пособия продолжают воспроизводить зафиксированные ранее языковые практики (консервативное употребление метагендерного he), непроизвольно затягивая, таким образом, процесс повсеместного использования политкорректного языка.

Гендерно нейтральные референции в журналах об образе жизни

Обращение к дискурсу мужских и женских журналов об образе жизни (lifestyle magazines) целесообразно по нескольким причинам. Во-первых, в отличие от учебно-справочной литерату-

ры, журналы представляют собой живую дискурсивную практику, другими словами, они являются источниками «живого», изо дня в день повторяющегося речевого словоупотребления. Во-вторых, мужские и женские журналы, как образчики гендерно ориентированного дискурса, предоставляют широкие возможности для анализа норм гендерной политкорректности.

Как для мужских, так и для женских журналов[3] характерно широкое использование местоимения второго лица you во всех элементах структуру журнала: заголовках, подзаголовках, текстах статей, надписях, сопровождающих иллюстративный материал. При этом местоимения второго лица выполняют две основные функции: обращение к аудитории и использование в качестве неопределенно-личных местоимений, когда референтом местоимения является не конкретное лицо, а абстрактный индивид:

The younger you are, the more you worry about your own purely emotional affair.

Анализ использования местоимений третьего лица в метагендерных контекстах обнаруживает различный подход к реализации норм гендерной политкорректности. Так, в женских журналах в метагендерных контекстах используются формы he or she или местоимение they, their в значении единственного числа (singular they), что позволяет сделать вывод о том, что редакции журналов принимают положения феминистской критики языка и чувствительны к предлагаемым нововведениям.

The know-it-all will respond, "Don't you mean 'a rich person who wouldn't stop harping about his or her net worth'?"

Поскольку целевой аудиторией женских журналов являются женщины, в ряде случаев авторы используют местоимения женского рода. Например, обзор книг по похудению включает в себя рекомендации обозревателя о том, какой группе женщин какая книга подойдет. При этом метагендерные антропонимы и неопределенные местоимения соотносятся с местоимением женского рода, т.е. женщины становятся категорией по умолчанию.

Best suited for someone dedicated to transforming her eating habits steadily and permanently.

Мужские журналы, в отличие от женских, менее гендерно чувствительны (не столь строго следуют требованиям политкорректности), что находит подтверждение в использовании местоимений третьего лица мужского рода в метагендерном смысле:

“To be a good doctor a man must also have a good character, that is to say, whatever weaknesses and foibles he may have, he must live his fellow human beings in the concrete and desire their good beyond his own.” W.H. Auden

Несмотря на гендерно нейтральную номинацию, врач по умолчанию воспринимается как мужчина, а родовое использование man в значении «человек» переплетается с видовым «мужчина», что подтверждается использованием местоимения мужского рода he, his, таким образом исключается возможность существования женщин-врачей. В следующем примере понятие «человек» выражено гендерно нейтральным словом person, однако местоимения мужского рода he и his позволяют говорить, что, несмотря на замену родового man, мужчина в данном случае является категорией по умолчанию. Подобные примеры – это единичные случаи, не характеризующие дискурс мужских журналов в целом. Однако процесс создания коммуникативного сообщения (отбор материала и редакторская правка) говорят об осознанном включении подобных примеров в текст и, следовательно, об идеологической позиции редакции и читателей. Думается, что потенциальное неприятие читателями подобных форм послужило бы поводом для альтернативных способов выражения мысли.

В заключение необходимо отметить, что анализ способов реализации норм политической (языковой) корректности в отношении метагендерного словоупотребления в различных дискурсивных практиках свидетельствует не только о противоречивой природе языковой нормы (её динамизме и её консерватизме), но и двойственном отношении социума к различным нововведениям. Современные процессы интеграции и стремление к толерантности требуют политически корректного языка, что отражается в широком использовании гендерно нейтральных языковых форм в различных контекстах, вместе с этим игнорирование норм политической корректности позволяет говорить об осознанном неприятии новых социальных процессов и явлений.

Примечания

[1] Matters Elementary, 1999 г.; Upstream Intermediate, 2005 г.; Total English Pre-Intermediate, 2006.

[2] Материалом для исследования послужили учебники «A Graded English Course. First Year», «A Graded English Course. Fifth Year», и ряд учебно-методических материалов, составленных авторами НГЛУ им. Н.А. Добролюбова в 2005–2009 гг.

[3] Маретиалом для настоящего исследования послужили следующие журналы об образе жизни: Eve. May, 2007; Ladies' Home Journal. November, 2006; Men's Health. November, 2006; Redbook. November, 2006; The Oprah Magazine. November, 2006; Women's Health. December, 2006.

Библиографический список

1. *Гриценко Е.С., Лалетина А.О., Сергеева М.В.* Гендер в английской лингвокультуре. – Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2008. – 214 с.

2. *Кирилина А.В.* Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Изд-во ин-та социологии РАН, 1999. – 189 с.

3. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 261 с.

4. *Bodine A.* Androcentrism in Prescriptive Grammar: Singular They, Sex-Indefinite He and He or She // The Feminist Critique of Language. Ed. by D. Cameron. – London, New York, 1998. – P. 124–138.

5. *Cameron D.* Feminism and Linguistic Theory. 2nd edition. – Macmillan Press Ltd., 1992. – 247 p.

6. *Greenbaum S.* The Oxford English Grammar. – New York: Oxford University Press, 1996. – 652 p.

7. Longman Student Grammar of Spoken and Written English / D. Biber, S. Conrad, G. Leech. – Pearson Education, 2002. – 487 p.

8. *Nichols P.* Language policy and social power: gender and ethnic issues // Language spread and language policy: issues, implications and case studies. Ed. by P.H. Lowenberg. – Washington, D.C.: Georgetown University Press, 1988. – P. 187–206.

9. *Pauwels A.* Women Changing Language. – London, New York: Longman, 1998. – 267 p.

10. *Swan M.* Practical English Usage. Third Edition. – Oxford University Press, 2005. – 658 p.

11. *Talbot M.* Language and Gender: an Introduction. – Cambridge: Polity Press, 1998. – 257 p.

УДК 482

Полякова Светлана Витальевна
Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова
svetapoly@rambler.ru

СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В ЗЕРКАЛЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ

В статье анализируются результаты экспериментального исследования склонения имен числительных, а именно рассматривается вопрос о степени распространения форм Им.п. вместо форм косвенных падежей, а также производится социолингвистический анализ полученных результатов.

Ключевые слова: *морфология, имя числительное, склонение имен числительных, эксперимент в лингвистике.*

Современная лингвистика обладает обширным спектром методов лингвистического анализа. Эффективное применение различных методов в первую очередь определяется целями и задачами исследования. При изучении функционирования различных языковых единиц весьма успешно использовать экспериментальные методы. В отличие от пассивного наблюдения или метода сплошной выборки, в которых исследователю приходится иметь дело с большим объемом материала, часто далекого от предмета изучения, метод эксперимента позволяет активно оперировать изучаемым объектом, применяя всевозможные процедуры, управлять речевым поведением говорящего с целью получения необходимых исследователю фактов.

В данной работе осуществляется описание результатов лингвистического эксперимента по выявлению закономерностей словоизменения имен числительных в письменной речи. Словоизменительная парадигма числительных характеризуется наличием большого количества различных ненормативных форм, которые функционируют в русском языке на протяжении XX столетия и неоднократно отмечались отечественными лингвистами [1–6; 11–14] и даже признаны допустимыми в непринужденной устной речи.

Эксперимент представляет собой тест с выбором ответа. Испытуемым в группах или индивидуально предъявлялся тест со следующим заданием: «Выберите правильный/ые вариант/ы ответов». Такая формулировка не дает конкрет-

© Полякова С.В., 2010

ной установки на выбор единственного варианта ответа, что позволяет проверить не только правильность/неправильность выбора, но и допущение испытуемым вариантных употреблений одних и тех же форм.

При составлении теста экспериментатором учитывались следующие условия:

1) в каждом задании обязательно содержится правильный вариант;

2) в каждом задании представлена форма Им. п. данного числительного, что позволяет проверить и оценить влияние экспансии Им. п. [8, с. 12] в разговорной речи на письменную речь;

3) в каждом задании присутствуют ненормативные варианты склонения составных и сложных количественных числительных, отражающие наиболее типичные ошибки, допускаемые при склонении (например, неизменение начальных элементов составных числительных типа «четыреста шестидесяти пяти»), а также степень развития аналитизма в склонении числительных;

4) в каждом задании числительное представлено в правильной форме, но в другом падеже, что дает возможность оценить степень распространения процесса редукции падежной парадигмы числительных [2, с. 14].

В тесте представлены имена числительные, обозначающие двух- (4), трех- (10), четырёх- (4) и пятизначные (2) числа в Род., Дат., Тв. и П. падежах в различных позициях в предложениях. Согласуемые с числительными имена существительные уже были даны в соответствующих формах числа и падежа, что, безусловно, отчасти облегчало задачу испытуемых по выбору формы числительного. Предложения распределялись с учетом чередования разных падежей. Задания теста распределены в порядке увеличения уровня сложности. Числительные, обозначающие двухзначные числа, находятся в начале теста, числительные, обозначающие четырёх- и пятизначные числа, – в конце теста. Числительные, обозначающие трёхзначные числа, рассредоточены по всему тексту тестового задания.

По нашей гипотезе, в данном письменном эксперименте будет допущено наименьшее количество ошибок по сравнению с другими тестами, в которых испытуемые должны сами продуцировать формы имен числительных. Поскольку перед испытуемыми будут представлены правильные варианты, то им достаточно будет «узнавать» их. Таким образом, помимо механизмов теоретического понятийного мышления и логической памяти испытуемыми будут использованы механизмы наглядно-образного мышления и зрительной памяти.

Тестирование (от англ. test – испытание, проверка, анализ) в педагогике – это такая форма проверки знаний, умений и навыков, которая представляет собой выполнение испытуемыми стандартизированных заданий, в том числе и с выбором правильного ответа из ряда предлагаемых. При лингвистическом эксперименте создается довольно ограниченная ситуация, которую экспериментатор моделирует в соответствии с целями и задачами исследования. Используя такую форму исследования, мы заранее отсекаем ответы, которые не соответствуют цели исследования. В нашем случае, например, это разнообразные ошибки в области орфографии и словообразования, которые могут породить большое количество разнообразных вариантов и существенно затруднить анализ результатов.

В результате моделирования экспериментальной ситуации в тексте тестового задания представлены варианты склонения имён числительных, отражающие активные процессы, происходящие в склонении уже в течение нескольких десятилетий и отмеченные во многих исследованиях [1–6; 11–14]: «пятьсот тридцатью четырьмя, шестистами тридцатью пятью, шестиста восьмидесяти семи» и т.д. Все ненормативные ответы можно разделить на несколько групп: 1) экспансия Им. п.; 2) развитие аналитизма в склонении числительных; 3) редукция падежной парадигмы – унификация форм составных числительных; 4) использование ненормативных вариантов сложных числительных как отражение процесса аналогизации; 5) разрушение формы Тв. п. В настоящей работе описываются лингвистические и социолингвистические закономерности лишь одного явления – экспансии Им. п.

Анализ результатов эксперимента осуществлялся как качественно, так и количественно. Для социометрической обработки результатов все испытуемые были разделены на следующие категории.

Всего в эксперименте приняли участие 308 человек. Из них 134 мужчины и 174 женщины. Следовательно, соотношение испытуемых мужского и женского пола составляет 0,8. Неравномерность гендерного распределения испытуемых частично объясняется тем, что среди студентов-

филологов и учителей явно преобладают женщины, а также тем, что представители мужского пола возрастной группы от 1969 года рождения весьма неохотно соглашались выполнять экспериментальные задания, ссылаясь на их трудность или на отсутствие времени.

Экспансия Им. п. первоначально отмечалась некоторыми исследователями именно в разговорной речи и рассматривалась как специфическая особенность, свойственная только данной разновидности литературного языка [8, с. 12]. Вопрос об использовании Им. п. в различных функциях в высказывании в письменной речи остается ещё малоизученным. В нашем исследовании представляется возможность хотя бы фрагментарно оценить степень распространения данного явления в письменной речи.

Как уже упоминалось выше, в нашем тестовом задании в каждом вопросе содержался ответ с числительным в форме Им. п. Из этого следует, что максимальное количество выбора данного варианта составляет 20 вопросовЧ308 испытуемых = 6160. Анализ ответов испытуемых показал, что в целом выбор данного варианта весьма невелик – 159 ответов (0,26%). Распределение выбора вариантов в зависимости от гендерных, возрастных и профессиональных различий, а также от количества элементов, составляющих числительное, представлено следующим образом.

Распределение употребления числительных в - форме Им. п. происходит неравномерно в различных падежах. Так, суммируя употребление в различных падежах числительных, обозначающих двух-, трёх, четырёх- и пятизначные числа, мы получаем в Р. п. – 50 вариантов ответов, что составляет 30,5% от общего числа вариантов, в Д. п. – 47 вариантов (28,7%), в Тв. п. – 34 варианта (21,3%), в П. п. – 32 варианта (19,5%). Очевидно явное сближение форм Им. и Р.п. Традиционное противопоставление форм прямых-косвенных падежей в данном случае представляется таким образом: совпадение, обусловленное, видимо, частичным пересечением форм и значений Им., Р. и В. п. (что? – кого? – чего?), с одной стороны, и единая форма косвенного падежа в Д., Тв. и П. п., с другой.

В непосредственной близости по частоте выбора вариантов находятся формы Д. п. Отчасти такая ситуация может быть объяснима, возможно, тем, что из пяти предложений, в которых имена числительные должны употребляться в форме Д. п., в трёх числительное находится в начальной позиции в предложении, а в одном – следует сразу после ограничительной частицы «только», то есть тоже по сути является первой самостоятельной частью речи в предложении. В данном случае перед испытуемым нет каких-либо морфологических и семантических «сигналов», «ориентиров» для выбора падежной формы. Употребление формы Им. п. в начале предложения свойственно разговорной речи.

При рассмотрении испытуемых по различным социовозрастным параметрам доминирование выбора Им. п. вместо других падежей наблюдается различное. Так, мужчины чаще выбирают формы Им. п. вместо Д. п. (32,6% от общего количества ответов, данных мужчинами); женщины – вместо Р. п. (39,7%); школьники – Д. п. (39,1%); молодые люди до 1985 г.р. – вместо Р. п. (32,7%); взрослые до 1970 г.р. – Д. п. (30,2 %); взрослые до 1935 г.р. – вместо Р. и Тв. п.; студенты-математики – Р. п. (43,8%); студенты-нефилологи – Тв. п. (41,7%); люди с высшим образованием – вместо П. п. (36,4%); без высшего образования – вместо Р. п. (48%); люди, часто использующие в своей работе имена числительные, – вместо Р. п. (28,9%); люди, не использующие в своей работе имена числительные, – вместо Р. п. (32,4%).

Однако ситуация в различных профессиональных и возрастных группах может как отражать общую тенденцию, так и отличаться кардинально от общего распределения выбора форм Им. п. вместо других падежей. Как упоминалось выше, чаще всего формы Им. п. употребляются вместо Р. п. и Д. п. Исключения составляют лишь некоторые группы. Например, студенты-нефилологи и молодые люди до 1985 г.р. чаще используют Им. п. вместо Тв. п. (41,7% и 44,4% соответственно).

Формы П. п. также являются весьма нераспространенными, видимо, в силу того, что сочетание имени с предлогом у носителей языка все-таки предполагает выбор формы не Им. п. – 44,4% испытуемых до 1935 г.р. с в/о и 33,3% до 1935 г.р.; использующие в своей работе имена числительные выбирают именно формы П. п. Можно предположить, что, поскольку представители данных групп получали образование уже давно, они уже не так тщательно обращали внимание на выбор формы. Однако и в других возрастных группах мы имеем, например, в группе испытуемых до 1970 г.р., 40% вариантов форм Им.п. вместо П.п., что не дает нам право с уверенностью заявить, что возраст является определяющим фактором

в выборе форм падежей, семантически и формально наиболее отдаленных от форм Им.п., а именно форм Тв.п. и П.п.

Весьма неожиданными являются для нас и результаты выбора форм Им.п. в группах испытуемых с высшим образованием и без высшего образования. Испытуемых с в/о (анализ без учета возрастной дифференциации) – 36,4% вариантов ответов на месте П.п. и 27,3% – на месте Д.п. Весьма странно, что именно испытуемые с высшим образованием выбирают формы падежей, настолько непохожих по семантике на формы Им.п. В то время как в группе испытуемых без высшего образования содержатся совсем другие результаты: доминирующее преобладание форм Им.п. вместо Р.п. (48%) и Тв.п. (28%).

Профессиональная дифференциация, связанная с использованием в работе имен числительных, складывается следующим образом. Для людей, часто использующих в своей работе имена числительные, свойственен выбор форм вместо Им.п. Д.п. (33,3%) и Р.п. (28,9%). Для людей, не использующих в своей работе имена числительные, свойственен выбор форм вместо Им.п. Р.п. (32,4%) и П.п. (26,5%).

В результате анализа результатов в различных профессиональных и возрастных группах мы имеем весьма разнообразные результаты, которые, с одной стороны, являются схожими с общей тенденцией (например, выбор форм Им.п. чаще вместо Р.п.), а с другой стороны, результаты, совершенно противоположные общей тенденции. Ср.: общий выбор форм П.п. вместо Им.п. – 19,5%, а в группе испытуемых 1984–1935 г.р. – 36,4%. Опираясь на представленные данные, мы не можем выявить какой-то определяющий социальный фактор, влияющий на выбор форм Им.п. вместо форм других падежей. Хаотичность и непоследовательность выбора тех или иных форм обусловлена, как нам кажется, весьма заметным расшатыванием норм склонения числительных, непонимание, точнее даже неосознавание испытуемыми механизмов словоизменения имен числительных, что ещё раз свидетельствует об активных процессах разрушения системы склонения имён числительных.

Реже всего в форме Им.п. испытуемые выбирают числительные, обозначающие двухзначные числа. Во многих группах выбор таких вариантов вообще равен нулю. Числительные, обозначающие двухзначные числа, являются довольно понятными, в силу их «размера» словоизменение двух частей незатруднительно и очевидно для испытуемых. Здесь, по-видимому, можно выдвинуть предположение, что в числительных, обозначающих трёх-, четырёх- и пятизначные числа, количество выбора ненормативных вариантов в данном случае в форме Им.п. будет увеличиваться прямо пропорционально увеличению элементов составного числительного. Однако этого не происходит. Принимая во внимание, что числительных, обозначающих трёхзначные числа, в тесте объективно больше, мы все равно видим, что именно их, а не числительные, состоящие из большего количества элементов, выбирают в форме Им.п., за исключением «лидирующих» форм Р.п. Числительные, обозначающие четырёх- и пятизначные числа, состоят из двух подсистем элементов: слов, обозначающих класс тысяч, и слов, называющих класс сотен, десятков и единиц, или являются числительными «четвертого цикла», в основе образования которого лежит простое слово тысяча [14, с. 15]. Такая структура несколько облегчает процесс склонения числительного.

Гендерные различия в выборе формы Им.п., как мы видим, сложились следующим образом: 86 и 78 ответов, что составляет среди испытуемых мужского пола 64,2% от количества ответов мужчин и 52,4% от общего количества ответов, а среди испытуемых женского пола 44,8% и 47,6% соответственно. Такое различие позволяет говорить о том, что именно мужчины более стремятся к упрощению парадигмы склонения. Возможно, это также может быть связано со спецификой различия между мужчинами и женщинами в интеллекте. Многие ученые-психологи, занимающиеся вопросами дифференциальной психологии полов, отмечают, что склонность к абстрактному мышлению типична главным образом для юношей [7] и что среди мужчин больше лиц с высоким уровнем абстрактного мышления, чем среди женщин [10]. Использование составного числительного в контексте предложения в Им.п. демонстрирует максимально высокую степень абстрактности. Представленное число не является в сознании говорящего единицей языковой системы, состоящей, в свою очередь, из более мелких элементов, обладающих признаками определенного грамматического класса слов (в данном случае – склонением), оно является абстрактной, единой по своей структуре, «сросшейся» математической единицей, которой для

Таблица

	Школьники	до 1985 г.р.	до 1970 г.р.	до 1935 г.р.
Кол-во ответов	46	55	43	20
% от общего кол-ва ответов	28%	33%	26,2%	12,2%
% от кол-ва испытуемых в группе	3,6%	2,8%	2,6%	3,1%

выражения своей семантики не нужно менять свою форму в зависимости от лингвистического контекста.

В результатах исследования не наблюдается существенной возрастной дифференциации. Общее количество испытуемых в четырех возрастных группах неравномерно: 64 чел. – школьники, 99 чел. – до 1985 г.р., 83 чел. – до 1970 г.р. и 32 чел. – до 1935 г.р. Количество выбранных вариантов числительного в Им.п. в каждой возрастной группе представлены в таблице.

Из вышеприведенных результатов можно сделать вывод, что возраст не является определяющим параметром в ошибочном выборе имени числительного в контексте предложения в форме Им.п. Однако мы можем констатировать выбор форм Им.п., чаще осуществляемый в младших возрастных группах. Данный факт свидетельствует о том, что именно представители младших возрастных групп воспроизводят варианты, отражающие активные новые процессы употребления числительных.

Данный результат позволяет нам сделать вывод, что в письменной речи, в случае, когда перед испытуемыми есть возможность выбора различных вариантов склонения составных числительных, выбор варианта ответа, содержащего имя числительное в Им.п. весьма незначителен. Следовательно, в нашем исследовании неправомерно говорить о распространении форм Им.п. числительных вместо различных (даже и ненормативных) форм косвенных падежей. Однако важно отметить, что этот процесс характеризует данное явление только применительно к определенной форме эксперимента, а именно тестовому заданию с выбором ответа из ряда предложенных. В других экспериментальных исследованиях, где испытуемые, например, должны сами образовать необходимые падежные формы, параметры данного явления могут быть совершенно другими.

Библиографический список

1. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. Изд. 4-е. – М.: Русский язык, 2001. – 784 с.

2. *Гловинская М.Я.* Изменения в склонении числительных в русском языке на рубеже XX–XXI веков // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – С. 106–116.

3. Грамматика русского языка. – М.: Наука, 1952. – Т. 1. – 444 с.

4. *Граудина Л.К., Ицкович В.В., Катлинская Л.Н.* Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. – М.: Наука, 1976. – 555 с.

5. *Граудина Л.К.* Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. – М.: Наука, 1980. – 288 с.

6. *Дровникова Л.Н.* Развитие синкретизма форм числительных в современном русском языке // Филологические науки. – 1993. – №1. – С. 110–115.

7. *Кон И.С.* Психология ранней юности. – М.: Просвещение, 1989. – 254 с.

8. *Лаптева О.А.* Живая русская речь с телеэкрана. Изд. 5-е. – М.; УРСС, 2003. – 520 с.

9. *Лукин М.Ф.* К вопросу о лексико-грамматическом статусе числительных в современном русском языке // Вопросы языкознания. – 1988. – №6. – С. 45–51.

10. *Малинаускас Р.К.* Особенности характера студентов-легкоатлетов и баскетболистов // Теория и практика физической культуры. – 2001. – №5. – С. 23–25.

11. Русская грамматика. Т. I. – М.: Наука, 1982. – 784 с.

12. Русская разговорная речь. – М., 1973.

13. *Чернышев В.И.* Избранные труды. – М., 1970. – Т. 1.

14. *Чеснокова Л.Д.* Имя числительное в современном русском языке. Семантика. Грамматика. Функции. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1997. – 236 с.

УДК 811.111'34

Сейранян Маргарита Юрьевна
кандидат филологических наук, доцент
Московский педагогический государственный университет
Meggie76@rambler.ru

ИНТОНАЦИЯ КАК МАРКЕР ПРИЧИНЫ КОММУНИКАТИВНОГО КОНФЛИКТА

Цель данной статьи состоит в определении роли просодии в маркировании причин (экстралингвистических и лингвистических) конфликтного дискурса. Представляется, что просодия, осуществляя контекстуализацию высказывания, с одной стороны, номинирует причины конфликтного поведения говорящего, с другой – может провоцировать столкновение участников интеракции. В результате выявлены основные интонационные модели конфликтного поведения коммуникантов.

Ключевые слова: *конфликт, причина, просодический маркер, интеракция, контекстуализация.*

Конфликт как реальность жизни является объектом исследования многих наук: конфликтологии, юриспруденции, социологии, психологии, философии, лингвистики. Разнообразие трактовок и подходов к изучению данного феномена обусловлено тем, что является предметом анализа. Так, например, психологическая интерпретация конфликта подразумевает отсутствие согласия, расхождения во мнениях, столкновение разных взглядов и желаний, противоположных при данных обстоятельствах тенденций, потребностей, интересов, мотивов и стилей поведения [2, с. 36]. В рамках социологии конфликт характеризуется, прежде всего, как предельное обострение противоречий, столкновение и противоборство, вызываемые противоположностью, несовместимостью интересов и позиций личностей, социальных групп, слоев, классов, наций, государств. Для лингвиста конфликт представляет интерес с точки зрения его вербальной экспликации, когда язык конфликта характеризуется как система знаков, сигнализирующих об уровне конфликтности, как набор специфических лексических, грамматических, просодических единиц.

Суммируя вышеизложенное, отметим, что общим для большинства исследователей является понимание конфликта как столкновения сторон, мнений и сил, обусловленного несовместимостью и/или непониманием взглядов, позиций, и интересов, целым рядом внешних и внутренних факторов (личностных, прагматических, социальных), проявляющегося в сфере кода, контакта и контекста. Выбор в качестве предмета исследования вербальной экспликации конфликтного дискурса, в частности его просодической составляющей, не случаен и объясняется следующим. Во-первых, понимание природы конфликта невозможно без обращения к его коммуникативной составляющей, что, в свою очередь, подразумевает анализ целого комплекса лингвистических, когнитивных, социальных, культурных и прочих навыков и знаний участников – факторов, регулирующих их речевое поведение. Во-вторых, адекватность/неадекватность взаимного понимания в определенной степени обусловлена свойствами самого языка, т.е. нарушение кода, нормы (в том числе и ненамеренное) провоцирует сбои в общении и собственно конфронтацию. В-третьих, ключевую роль в реализации замысла, стратегии, тактики говорящего в звучащем тексте играет интонационный компонент дискурса. Иными словами, просодия осуществляет контекстуализацию высказывания, отражает специфику протекания дискурса. Изучая интонационный аспект звучащего сообщения мы, по сути дела, решаем две задачи: получаем представление о том, какие просодические средства отражают конфликтогенное состояние индивида, т.е. как человек осуществляет выбор просодических средств в состоянии конфликта, и о способности определенной интонационной реализации речи провоцировать конфликт.

Автором статьи было проведено перцептивно-фонетическое исследование образцов диалогов-дискуссий с целью установления роли просодии в маркировании причин конфликтного дискурса. В ходе анализа мы руководствовались следующими принципами:

– междисциплинарный подход с привлечением идей, методологии, понятийного аппарата дискурс-анализа, прагмафонетики, социолингвистики;

– помещение в центр внимания личности участников интеракции, рассматривая ее через призму «контекстуальной системы» в диаде язык и личность [1; 3];

 © Сейранян М.Ю., 2010

– изучение дискурса в динамике;

– контекстуальная обусловленность интонационных средств, которая подразумевает, что выбор говорящим средств и способов достижения коммуникативных целей, с одой стороны, ограничен рамками актуального контекста, с другой стороны, может варьироваться в зависимости от него [5; 6; 7].

Исследование предварялось общим контекстуальным анализом (ситуации общения и участников интеракции, причины конфликта), в ходе которого отбирались реплики дискурса, конфликтогенные по своему содержанию. Исследование было направлено на выявление того, как наличие той или иной причины или совокупности причин отражается на выборе просодических средств, какова роль просодии в придании дискурсу конфликтогенного характера, а также способность темпоральных, мелодических и частотных характеристик провоцировать конфликт между участниками коммуникации (выступать в качестве причины конфликта).

Отметим, что конфликты могут быть обусловлены как внешними, экстралингвистическими, так и собственно языковыми причинами. При этом среди основных параметров, характеризующих причины экстралингвистического порядка, называют непосредственных участников общения, различные факторы (социальные, психологические), регулирующие их речевое поведение. Например, Н.И. Формановская указывает на различия в картинах мира, сформированные разными национальными культурами (это так называемые «несовпадения речевого поведения свободно говорящих на одном языке представителей разных национальностей в силу специфики национально-культурных стереотипов…»), и разные ментальные модели фрагментов действительности и социальное «неравноправие» коммуникантов, и нарушения условий места и времени коммуникации [4, с. 232–234]. Немаловажную роль играет и такой параметр, как время, а именно фаза (докоммуникативная или коммуникативная) возникновения причины. Исходя из этого, мы выделяем:

1. Информационные – недостоверная информация, неточные факты, слухи, преждевременная информация, или информация для одной из сторон; информация, переданная с опозданием, ненадежность информации, барьеры коммуникации.

2. Поведенческие (грубость, неуместность, бестактность) – стремление к превосходству, проявление агрессии, непроизвольное нарушение гармоничного общения.

3. Отношения (неудовлетворенность от взаимодействия между сторонами – дисбаланс в отношениях, несовместимость по ценностям, интересам, манерам общения, поведения, различия в образовательном уровне; низкий уровень доверия и авторитетности.

4. Ценностные (противоположность принципов поведения) – верования и поведение (предпочтения, предрассудки), приверженность к традициям, нормам, ценностям; религиозные, политические и культурные и нравственные ценности.

5. Структурные, относительно стабильные обстоятельства, которые трудно поддаются изменениям, – власть, система управления, социальная принадлежность.

6. Неразрешимые противоречия в докоммуникативном пространстве. Одна из актуализаций постоянного противоборства сторон.

7. Напряжение и стресс. В данном случае подразумевается, что конфликт спровоцирован не отношением к личности собеседника, а неурядицами, неудачами в бытовой, личной, профессиональной сфере деятельности самого адресанта, которые неосознанно продуцируется в его стиле интеракции.

8. Проблема «я». Конфликт с собственным «эго». Неадекватное позиционирование «я» в реальном и глобальном коммуникативном пространстве и/или неадекватная экспликация вербальными и прагматическими средствами.

9. Расхождения участников в установках на тип контакта. Принято различать три типа установок: нейтральную, при которой отсутствует стремление к взаимодействию; одностороннюю, которая выражается в доминировании или подчинении, и двустороннюю, направленную на взаимодействие, диалог. Конфликт возможен и при совпадении установок, если выбор позиций ассиметричен, т.е. оба участника стремятся к доминированию.

Вторая группа причин (лингвистических) обусловлена проблемой соотнесения языка и речи как конвенциональности (кода) и индивидуальности (модификация кода). Язык рассматривается в данном случае как код, единый для говорящих на данном языке, как средство установления контакта. Речь – творческий процесс использования средств языка. Ситуативная обусловленность, вариативность речи, с одной стороны, и возможность осуществить выбор для выраже-

ния определенного содержания – с другой, делают речь своеобразной, непохожей на речь другого человека. Конфликт могут спровоцировать:

1) неадекватное вербальное поведение, не соотносимое с контекстом ситуации, не отвечающее ожиданиям собеседника;

2) несовпадение кода, знакового пространства коммуникантов, проблема декодирования информации;

3) нарушение (несоблюдение) постулатов хорошей речи, а именно ясности, правильности, целесообразности, красоты.

Однако конфликт также может быть спровоцирован совокупностью нескольких причин. В то же время представленные причины имеют двойственную природу (направленность), особенно в серии конфликтов, т.е. могут трансформироваться в последствия конфликта, спровоцировав тем самым новую конфронтацию. Конфликт порождает недоверие между участниками, и последующая интеракция изначально воспринимается как конфликтная.

В ходе исследования были получены следующие результаты.

Типичным маркером противоположности взглядов и убеждений является членение на короткие синтагмы, сопровождающееся повышением громкости и скорости высказывания.

I think this police officer, I feel really strongly about it, I mean for various thing.

There|are|vulnerable|adults или for that| at|all|times.

При этом отмечается пословное акцентирование, что, с одной стороны, способствует воздействию на оппонента, с другой стороны, выражая ярое несогласие, придает высказыванию конфликтогенный оттенок. Наблюдается регулярное употребление эмфатических пауз, сопровождающееся выделением каждого элемента высказывания низким нисходящим тоном с резким углом падение. Высокая степень речевой экспрессии является сигналом негодования, несогласия, причина которого может быть сугубо личностного плана.

Большой конфликтогенной силой обладает выделение дискурсивных маркеров «I think», «I mean» низким нисходящим терминальным тоном с резким углом падения.

We think there are reasons perhaps of national security, of military or terrorism reasons, not to put them…

Сигналом конфликта интересов являются интонационные повторы, усиливающие функционирование лексико-грамматических средств (повторов как маркера противоборства сторон) и приписывающие столкновению пресуппозитивный характер.

Hitting, hitting an unarmed civilian over the head.

Absolutely, absolutely.

I said it's her family wish, her family funeral.

При этом мы отметили, что просодическое оформление данных примеров зависит от места реплики в диалоге. В тех случаях, когда повтор является частью непрерываемого высказывания, наблюдается использование ровной шкалы высокого уровня. Если повтор маркирует возобновление хода при прерывании или наложение с высказыванием оппонента, частотным является высокий нисходящий тон с резким углом падения. Маркированность вышеуказанных реплик на фоне окружения также неоднородна. Так, при нейтральном окружении, нейтрально-окрашенном высказывании оппонента, захват роли или наложение отличается высокой степенью экспрессивности, достигаемое в том числе и повышением громкости и скорости высказывания. При эмоционально-окрашенном окружении – интересующие нас реплики нейтральны, реализуются тоном среднего уровня, умеренной громкостью.

К проявлениям грубости, нарушению норм поведения на просодическом уровне можно отнести резкое повышение частоты тона, громкости и скорости в начале нового предложения в рамках одного высказывания.

You know everyone in the house is looking at me… What do you expect me to do, fire the house down.

Отмечается также резкое выделение вспомогательных глаголов высоким или низким нисходящим тоном.

I don't wear lilac.

Особенно ярко проявляются при перебивах.

No, I don’t think so.

There is no excuse.

I do have to remind you.

And should behave reasonably.

Свойственное таким репликам усиление отрицания связано с тем, что говорящий отвергает предположения собеседника.

Следующий пример также иллюстрирует нарушение гармоничного взаимодействия, который просодически подчеркивается.

– I'm, I’m…

– …or the smear campaign…

– …I’m not suggesting…

– And he took action to make sure…

– Caroline…

– … this this guy was got rid of.

– I'm not suggesting that he knew about the individual emails.

– Thank you.

– But what I'm suggesting – I have no way of knowing.

При прерываниях со стороны собеседника в репликах говорящего отмечаются тон среднего уровня, умеренная скорость и громкость высказывания, контрастирующие с постепенным повышением уровня тона и громкости в репликах собеседника. Подобное просодическое оформление сигнализирует об игнорировании попыток собеседника захватить роль. Смена тактики ознаменована нисходящим тоном с резким углом падения. Интересно, что реплика-реакция на слова «Thank you» подана как оговорка и информация низкого ключа.

Игнорирование прямых вопросов собеседника сопровождается членением на короткие интонационные группы и повтором нисходящего тона с резким углом падения.

– Is that the best you can do?

– …that they have received information that actually is national...

– Is that really the best you can do?

– …security and terrorism and it's the party choosing…

– Oh for goodness sake.

– …not to put them in the public domain.

Намеренная грубость, насмешка над собеседником, провоцирующие конфликт, выражаются в полном имитировании (так называемом абсолютном совпадении голосовых регистров) при повторе чужих слов. Говорящий либо повторяет слова, произнесенные в докоммуникативной сфере, либо слова, обращенные к нему непосредственно во время коммуникации (эхоэффект).

How is Kim? Have you heard of Kim?

Nonsense. I heard something stronger than nonsense.

Crisis.

Абсолютное совпадение регистров снимает двойственность выбранной стратегии, т.е. разграничивает юмор и сарказм, поправку и упрек и т.д. и выступает, таким образом, в качестве доминирующего средства конфронтации. Помимо этого, просодическое выделение темы высказывания манифестирует желание говорящего вернуть собеседника на исходные позиции, включить данный факт в другую пропозицию, что в нашем контексте подразумевает усугубление конфликта. Расположение нисходяще-восходящего тона на рематическом компоненте высказывания используется говорящим для того, чтобы выразить недоверие к действиям адресата, сомнение в истинных намерениях и / или несогласие с возможными действиями адресата.

So what would you suggest, a statement?

Скрытые в докоммуникативной сфере противоречия, неразрешенные разногласия между собеседниками обусловливают высокую степень речевой экспрессии в репликах коммуникантов. А именно:

– акцентирование обращений независимо от их местоположения в речевом континууме;

You Rachel and you guys, too;

– расположение акцента на каждой составляющей обращения;

You Caroline.

You people…

– ядерная позиция дискурсивных маркеров I think, you know, you mean.

Типичные маркеры неразрешимых противоречий в докоммуникативной фазе – корректирующие реплики – отличаются выделением личных местоимений и вспомогательных глаголов низким нисходящим тоном с резким углом падения и контрастивным фокусом на рематическом компоненте.

This isn't the matter of state. This is a private matter.

Экспликация недовольства поведением собеседника, несогласие с его позицией осуществляется за счёт низкого нисходящего тона с резким углом падения.

Несвойственный для повествовательного предложения (утверждения) низкий восходящий тон в конфликтном дискурсе воспринимается как вызов, эскалирующий негодование второй стороны, выраженное резким повышением высоты тона и громкости. Частотной в таких случаях является ядерная позиция первого элемента реплики.

– You people. You mean people in this room.

– Yes. You people, you don't understand.

Таким образом, просодические параметры первой реплики одновременно придают высказыванию враждебный характер и провоцируют дальнейшее противостояние.

Конфронтация, вызванная ошибочной пресуппозицией собеседника, т.е. несовпадением ожиданий одной стороны и реальных действий

(как вербальных, так и невербальных) другой, маркируется традиционными и вполне оправданными в предлагаемых обстоятельствах параметрами. Например, постепенное посинтагменное увеличение скорости и громкости высказывания, использование крика и фальцета в последних двух синтагмах, обилие коротких синтаксических пауз, повторы с экспрессивным выделением ремы высказывания или акцентированием тематического компонента в финальной синтагме.

You get it wrong. You really get it wrong. She has given her whole life to service to her people. Doing a job she never wanted. Job, she watched kill her family. She's executed it with honour, dignity and without a single blame.

Анализ показал, что в основе большинства конфликтов лежит именно проблема «я» – личности, которая в ряде случаев маскируется причинами поведенческого, нормативного плана. Недовольство собой, своим окружением, переживаемый стресс и напряжение вносят дисбаланс в межличностное общение и находят отражение в просодическом оформлении высказывания. К ключевым параметрам следует отнести высокое начало каждого нового элемента высказывания (синтагмы или предложения), членение на короткие интонационные группы короткими синтаксическими паузами, наличие эмфатических пауз на стыках информации второстепенной значимости и экспрессивно окрашенного центра высказывания, а также одинаковый мелодических контур при повторах, оформленных низким или высоким нисходящим тоном (в нефинальных и финальных синтагмах).

В коротких репликах можно наблюдать упоминаемое выше нарушение обычного оформления за счет помещения служебных частей речи или вводных конструкций в ядерную позицию.

By the way. I'm not Susan. Подобное акцентирование выступает здесь в качестве специального оборота речи – услышь меня.

It's damaging, it's damaging, it strains relations. В совокупности с игнорированием реплик собеседника такое просодическое оформление высказывания сообщает о желании говорящего вернуться к основной теме разговора, перевести внимание на себя, свои проблемы.

Большим конфликтогенным потенциалом обладает тембральная окраска. В отсутствие других лексико-грамматических и просодических средств именно тембр приписывает высказываниям конфронтативный характер и, будучи воспринятым второй стороной как неадекватный в реальном контексте события, сам по себе становится поводом для негодования и разрушения гармоничного взаимодействия. В данном случае мы соотносим конфликт с выражением отрицательной эмоции, которая манифестируется, помимо прочего, сменой тембра – скрипучий, дрожащий, приглушенный и / или фальцет, крик.

Представленные выше примеры позволяют констатировать, что одним из коммуникативно-функциональных предназначений просодических единиц является маркирование конфликтного дискурса в целом и причин его возникновения в частности. При этом просодия, как средство материализации речи, как регулятор коммуникативного взаимодействия, не только номинирует причину как пресуппозитивного порядка, (докоммуникативную), так и возникающую в процессе коммуникации (актуальную – коммуникативную), но и сама по себе обладает конфликтогенной силой. В связи с этим дальнейшее изучение мелодических, темпоральных, динамических и тембральных характеристик интеракции отдельно или в комплексе (во взаимосвязи с другими вербальными и невербальными средствами), приводящих к эскалации конфронтации, их доминирующего или замещающего характера, позволит диагностировать такие фазы конфликта, как зарождение, развитие, пик и спад, а также предвосхитить вероятность его разрешения.

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Проблемы текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. – М., 1979. – С. 301.

2. *Гришина Н.В.* Психология межличностного конфликта: Автореф. дис. … д-ра психол. наук. – СПб.: изд-во СПбГУ, 1995. – С. 36.

3. *Караулов Ю.Н.* Язык и личность. – М., 1989. – С. 5.

4. *Формановская Н.И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения: Учеб. пособ. – М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1998.

5. *Couper-Kuhlen E., Selting M.* Studies in Interactional Linguistics. – Amsterdam; Philadelphia, 2001.

6. *Local J.* Variable domains and variable relevance: interpreting phonetic exponents // Journal of Phonetics. – 2003. – Vol. 31.

7. *Wichmann A.* Intonation in text and discourse. – Pearson Education Limited, 2000.

УДК 811

Толстолуцкая Евгения Владимировна
Белгородский государственный университет
tols-evgeniya@yandex.ru

СТРУКТУРНАЯ ТИПОЛОГИЯ ТЕКСТОВ МАЛОГО ФОРМАТА ФРАНЦУЗСКИХ ПИСЬМЕННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Статья посвящена исследованию отдельных языковых элементов в построении текстов малого формата (ТМФ) современной французской прессы. В статье предпринята попытка классификации ТМФ по их структуре. На основе анализа фактического материала выделяются три главных композиционных узла в составе каждого ТМФ французских письменных СМИ: зачин – основная часть – заключение.

Ключевые слова: *текст малого формата, структура текста, модель, композиционный узел, тематический блок.*

В современной лингвистике наблюдается повышенный интерес к тексту как самостоятельному объекту исследования. Текст включается в более широкий коммуникативный контекст, в котором большую роль играет человек, воспринимающий и порождающий текст. В последние десятилетия изучение текста осуществляется в различных направлениях. Это лингвистика текста, герменевтика, семиотика, грамматика и структура текста, теория дискурса; широко исследуются отдельные языковые элементы в построении текста.

Исследования структуры текстов малого формата отражаются в работах таких отечественных и зарубежных лингвистов, как И.Р. Гальперин, А.Н. Кудлаева, И.П. Лысакова, В.И. Селиванов, М.Н. Ким, Ю.М. Фаткабрарова, Ю.В. Крапива, М.В. Гусар, О.В. Багумян и др.

Изучаемые тексты малого формата (ТМФ) французской письменной прессы – это небольшие по объему тексты, содержащие от одного до семи предложений и включающие до 90 печатных знаков газетной полосы. Такие тексты обычно посвящены отдельному событию в жизни человека, страны, общества, имеют единственный хорошо определенный предмет повествования (событие или ряд событий) и, наконец, представляют собой нечто целостное. В силу своего ограниченного объема, ТМФ французских печатных СМИ составляются журналистом в строгой, лаконичной форме, что подчеркивает такое свойство ТМФ, как компрессивность содержащейся в них информации.

Тексты малого формата французской публицистики могут быть классифицированы на краткое газетное сообщение, заметку, комментарий, объявление, информационный отчет, анонс, информацию о различных происшествиях. Именно на этих разновидностях текстов была изучена в настоящей статье структура ТМФ французских печатных СМИ.

Тексты малого объема французских письменных СМИ могут быть классифицированы и по их структуре. Деление ТМФ на составные (структурные) части обусловлено композиционно-тематическим членением. Минимальной единицей композиции произведения является такой блок, который имеет самостоятельное значение, т.е. в значительной мере стандартизован, обладает определенной завершенностью, влияет на общий процесс изложения. Такой минимальной структурной единицей ТМФ можно считать сверхфразовое единство, или предложение. Как показало исследование, в силу своего ограниченного объема, предложение в ТМФ французской прессы может составлять абзац. С помощью абзаца автор сообщает читателю о переходе в тексте к новой микротеме. Такие абзацы называются композиционными узлами, определяющими новый тематический блок при переходе от одной мысли к другой.

Анализ структуры ТМФ французских письменных СМИ показывает, что все они имеют последовательную композиционную структуру. ТМФ начинается с наиболее важных фактов. Переход к фоновой информации осуществляется постепенно при помощи композиционных узлов. Таким текстам свойственны заголовок, где автор конденсирует главную тему статьи (заголовок может отсутствовать); начало, или вводная часть, где описываются место происходящего действия, главные участники события, даты; основная часть, где описывается главная тема сообщения, и заключительная часть, где сообщается итог и результат происшедшего либо высказывается точка зрения самого журналиста.

В настоящей работе под структурой ТМФ понимается такая форма текста, которой свой-

© Толстолуцкая Е.В., 2010

ственны определенность, упорядоченность, лаконичность, членимость и целостность.

Изучаемые нами ТМФ французских письменных СМИ обладают «замкнутой» структурой, так как они являются подготовленными (редактированными) вторичными текстами, имеющими определенную схему построения.

Композиционная структура ТМФ французских печатных СМИ может быть различной. Не существует единства терминологии в исследованиях по структуре текста. Выделяется несколько элементов структуры текста, которые исследователи определяют по-разному. Наиболее распространенными из них являются «зачин», или «завязка» текста, который понимается в работе как введение, вводная часть текста, затем следует основная часть, или «тело», раскрывающая главную тему статьи или несколько микротем, и заключение, которое понимается как концовка ТМФ.

Украинский исследователь Ю.В. Крапива предлагает свою типологию структуры краткой журнальной статьи, как типа текста малого формата, содержащего следующие обязательные составляющие структуры текста: Краткое содержание (выраженное в заголовке и выполняющее функцию резюме текста) – Главное событие (отраженное в первых предложениях статьи и описывающее ситуацию, заявленную в заголовке) – Подробности (следующие вместе или непосредственно после категории «главное событие» и сообщающие конкретные данные о времени, месте, участниках, причинах или последствиях главного события) [4, с. 4]. Количество обязательных элементов структуры ТМФ французской прессы совпадает со схемой, предложенной Ю.В. Крапива. Как показало исследование, эта схема может быть расширена при помощи таких дополнительных элементов, входящих в структуру ТМФ, как лид, экспозиция, конкретизация лида, подробности, постпозиция, кода.

Особое значение имеют композиционные узлы, выполняющие функции введения и заключения. Они объединяют весь текст в единое целое. Введение – зачин всякого произведения. Перед журналистом возникает ряд задач: нужно указать новизну и актуальность темы, заинтересовать читателя, привлечь его внимание. Для этого авторы ТМФ французских печатных СМИ прибегают к интимизации речи, обращению к реципиенту на «ты», использованию эмоционально-окрашенной лексики и фигур речи, междометий, терминологии, компрессии информации, элементов скрытой рекламы. Тем самым у потребителя информации создается определенная установка на чтение и восприятие содержания текста, вызывается целенаправленный интерес к теме. Заключение, или выводная часть ТМФ, является определяющей и исполняет роль концовки, умозаключения, окончания контакта с читателем.

Возможны различные варианты структуры текста. И.Р. Гальперин полагает, что структуру текста можно схематично представить в виде последовательности: Экспозиция – Основная часть – Заключение [2, с. 34]. Под экспозицией ТМФ понимается его начало, завязка. Экспозиция в тексте имеет две функции. Первая функция заключается в установлении контакта между автором и читателем, вторая функция является установкой на дальнейшее продолжение коммуникации.

А.Н. Кудлаева предлагает описание структуры текста следующими терминами: Экспозиция – Тело – Постпозиция [5, с. 24]. Под «телом» понимается основная информационная часть текста, под постпозицией – заключение, конец текста. Постпозиция в ТМФ французской прессы, являясь его формальным окончанием, служит для подведения итогов всего состоявшегося взаимодействия между коммуникантами.

Логично добавить к этим схемам название текста, которое не всегда присутствует в тексте, но несет повышенную смысловую нагрузку, так как в заголовке, как правило, в краткой форме отражена основная мысль нижеследующего ТМФ.

Итак, учитывая синонимичность терминов в предложенных исследователями И.Р. Гальпериным и А.Н. Кудлаевой схемах структуры ТМФ, они могут быть сведены к общей модели структуры ТМФ французской прессы, а именно: Заголовок – Экспозиция – Тело – Постпозиция. Рассмотрим данную модель на примере текста заметки, взятого из женского журнала Мари Клер (Marie Claire) менее официальной направленности:

1. Заголовок: *Nœud me quitte pas.* Экспозиция: *C'est parti pour les fêtes! Et que doit-on porter si on veut faire partie des filles les plus branchées du moment?* Тело: *Réponse: un maxi-nœud.* Постпозиция: *Et pour celles qui auraient peur de virer neuneu, on se limite à un unique accessoire* [Marie Claire, déc. 2008, p. 37]. В заголовке автор сообщает от первого лица, на что указывает местоимение *me*, о чем пойдет речь в данном ТМФ, ставя

себя на место читателя. В экспозиции содержится восклицание и авторский вопрос, с помощью которого автор входит в контакт с читателем, убеждая в том, что эта проблема также волнует и его. Тело является продолжением коммуникации и представляет собой в буквальном смысле ответ на поставленный автором в экспозиции вопрос, так как само слово «ответ» фигурирует в предложении. В постпозиции автор подводит итог, делает вывод о том, что можно ограничиться единственным аксессуаром – одним большим бантом вместо множества маленьких. Как уже было отмечено, специфической особенностью ТМФ французской прессы, отличающей их от обычных текстов статей, является компрессия содержащейся в них информации, о чем свидетельствует опущение глагола *être* и относительного местоимения *qui* в экспозиции приведенной заметки *(les filles qui sont les plus branches)*. В теле опущен определенный артикль, глагол-связка, конструкция *c'est* с союзом *que*, которая имеет усилительное значение. Также здесь наблюдается такой вид компрессии, как употребление эллиптической конструкции сложного слова *maxi-nœud* с опущенным элементом *qui est grandeur de*. При восстановлении опущенных элементов получаем предложение: *(La réponse est que c'est un nœud qui est grandeur de maxi)*. В постпозиции опущено существительное во множественном числе *filles*, о чем адресант может догадаться по форме указательного местоимения женского рода *celles* и, естественно, из контекста: *(Et pour celles filles qui…)*. Такие тексты легки, не требуют глубокого осмысления прочитанного и декодирования информации, в них прослеживается присутствие автора-женщины, диалогический контакт с читателем.

М.Н. Ким полагает, что в структуру газетного текста могут входить следующие элементы: Заголовок – Лид – Зачин – Подробности – Заключительная часть [3, с. 297], представляя вторую, дополненную такими композиционными узлами схему построения ТМФ французских печатных СМИ, как лид и подробности.

В данной схеме ТМФ основная мысль представлена в лиде. Термин «лид» использовали в своих работах такие исследователи, как И.П. Лысакова, М.Н. Ким, П.С. Бадальян, трактуя его как первое предложение текста, содержащее главную информацию статьи [6; 3; 1]. Для привлечения внимания читателей данная часть текста может оформляться с использованием иконических способов привлечения внимания, а именно, выделением шрифтом. Иногда в роли лида может выступать заголовок. Если в лиде автор стремится в свернутом виде обозначить событийную канву, то в зачине он, как правило, посредством различных подробностей разворачивает описание действия. Вынесение в начало сообщения информационно значимых сегментов, слов или словосочетаний с центром семантического «напряжения» в тексте способствует увеличению информативности текста, более быстрому и точному восприятию его смысла читателем. За зачином следуют подробности по указанной теме и заключительная часть обобщающего характера:

2. Заголовок: *Son vin*. Лид: *UN FINO DE MONTILLA, VIEILLI EN JARRE*. Зачин: *Les Fino sont des vins blancs très secs qui se caractérisent par un fort degré d'alcool (de 15 à 16 ºC) et une amertume noble*. Подробности: *Elaboré au sud de Cordoue, le Fino de Montilla ne vieillit pas en fûts mais dans des jarres de 15 000 litres semblables à des amphores romaines, et sa vinification ne nécessite aucun ajout supplémentaire d'alcool*. Заключительная часть: *A consommer dans l'année qui suit son achat et à servir bien frais (10 ºC)* [Paris Match, № 3129, 2009, p. 119]. В лиде приведенной заметки сообщается о главной теме сообщения – вине, которое выдерживается в глиняных кувшинах. В зачине автор описывает свойства и характеристики данного сорта вина, где центром семантического напряжения становится слово *Les Fino* с уже опущенным определением, указанным в лиде *Les Fino de Montilla*, что подтверждает присутствие компрессии информации в каждом ТМФ французских печатных СМИ. В данном тексте заметки автор прибегает к использованию таких способов синтаксической компрессии, как употребление предикативных конструкций с неличными формами глагола, замещающих полнопредикативные формы *(élaboré au sud de Cordoue; à consommer… à servir…)* и эллипсис указательного местоимения *qui* и сказуемого во множественном числе *sont (jarres de 15 000 litres qui sont semblables à des amphores)*. В данном тексте также встречается такой вид компрессии, как усечение конечной части слова *ajoutage – ajout*. В заключительной части наблюдается эллипсис членов предложения, легко восстановимых из контекста. Возможны варианты: *(Le vin est destiné à être consommé…, on*

recommande de consommer le vin l'année qui suit son achat, il est conseillé de; il faut servir le vin bien frais).

Этот тип структуры ТМФ французской прессы примечателен тем, что в тексте могут отсутствовать заголовок и заключительная часть, представляя следующую сокращенную модель второй схемы ТМФ французских письменных СМИ: Лид – Зачин – Подробности:

2.1. Лид: *Un nouvel hybride de 435 chevaux.* Зачин: *Lexus, marque de haut de gamme du constructeur japonais Toyota, a présenté fin avril au Salon auto de New-York une nouvelle berline à motorisation hybride, dénommée LS600h.* Подробности: *Doté d'un V8 essence de 5 litres de cylindrée associé à un moteur électrique à aimant permanent, ce modèle de grand luxe développe une puissance totale de 320 kw et reçoit une transmission intégrale* [Monde, № 19076, 2006, p. 22]. В приведенном примере текста французской газеты Le Monde лид выполняет функцию заголовка. В зачине сообщается главная тема – представление новой марки автомобиля «Лексус» на автосалоне в Нью-Йорке. Подробности сообщают о преимуществах представленного автомобиля, являясь скрытым элементом рекламы данной марки, что является законным в рамках ТМФ французской прессы, так как преподносится читателю в рамках информационного материала, в отличие от статей текстов большого формата, например, интервью, где упоминание марки торгового бренда расценивается как реклама и предполагает определенные финансовые поощрения. Компрессия информации в данном тексте представлена усечением лексемы *automobile – auto* и ее замещениями: *automobile – hybride, Lexus, berline.* Использование терминологической лексики характерно преимущественно для публицистических текстов статей большого формата, изучавшихся в работе С.В. Слепцовой [7]. Но, в зависимости от темы сообщения, если в ТМФ речь идет о технологических, медицинских и других новинках в жизни общества, терминологизации в тексте не избежать: *435 chevaux, berline à motorisation hybride, V8 essence de 5 litres de cylindrée, moteur électrique à aimant permanent, puissance, transmission intégrale.*

В ходе исследования был выявлен самый короткий вариант формы композиционной модели ТМФ французской прессы, состоящий из трех частей, две из которых вводятся впервые – Конкретизация лида и Кода. Данная модель может быть представлена следующим образом: Лид – Конкретизация лида – Кода. Термин П.С. Бадальян «Кода» употребляется для обозначения заключительного абзаца текста [1, с. 4–5]. Несмотря на расхождение в терминологии обозначаемых компонентов, они являются синонимичными и несут одинаковую смысловую нагрузку в соответствии со схемой, предложенной исследователем Ю.В. Крапива.

3. Лид: *Seul un naufrage pouvait les faire se retrouver sur une île de l'océan Indien.* Конкретизация Лида: *Gwendoline Hamon et Frédéric Diefenthal n'avaient aucune raison de se croiser. Il est rebelle, côté banlieue. Elle est parfaite, côté famille. Ils ont commencé par jouer ensemble, puis ils se sont aimés. Maintenant, ils font l'un et l'autre.* Êîàà: *Ils ont peut-être trouvé le secret des amours qui durent: déjà mariés, ils sont redevenus amants pour «Flics», la série de TF1* [PM, № 3129, 2009, p. 62]. В приведенном сообщении лид содержит информацию о случайной встрече французских актеров сериала канала TF1 на острове Индийского океана. Конкретизация лида состоит из пяти коротких простых распространенных предложений, повествующих о происхождении и характеристиках участников события, их совместной работе в кино и, наконец, о возникшей между ними любви. В данном ТМФ компрессия выражена в употреблении эллиптических конструкций словосочетаний *côté banlieue, côté famille* с опущенным элементом *qui est propre à*. *(Côté qui est propre à banlieue; côté qui est propre à famille).* В тексте сообщения употребляется устойчивое выражение *faire l'un et l'autre – "составлять одно целое, слиться воедино"*, что придает заметке более эмоциональную окраску и оказывает положительное воздействие на читателя. В заключительном предложении встречается такой вид компрессии, как аббревиация названия французского канала TF1.

На основе трех основных структурно-содержательных частей (ядерной, конвенциональной и комментирующей) можно выделить три основных композиционных узла в исследуемых ТМФ французских письменных СМИ: зачин – основная часть – заключение.

Композиционное построение ТМФ французской прессы предполагает последовательную структурную организацию. В ходе исследования были выявлены 3 основных модели структуры текстов малой формы французских печатных

СМИ: 1) Заголовок – Экспозиция – Тело – Постпозиция; 2) (Заголовок) – Лид – Зачин – Подробности – (Заключительная часть); 3) Лид – Конкретизация лида – Кода.

Как показал анализ, отличительной особенностью ТМФ французской публицистики является максимальная компрессия передаваемой информации. Ограничения, вызванные объемом изучаемых текстов, формируют распределение информации в тексте с использованием минимума лексических способов. В ходе исследования были выявлены такие способы компрессии в элементах структуры текстов малой формы, как замещение, опущение, аббревиация, усечение, использование эмоционально-окрашенной лексики, терминологии. Наиболее распространенным способом компрессии, встречающимся практически в каждом ТМФ французской прессы, является опущение частей предложения, или эллипсис. Исследование показало, что чаще всего опускаются такие элементы предложения, как глагол-связка, определение, относительное местоимение.

Таким образом, целостность, информативность и компрессивность являются необходимыми и достаточными признаками для определения ТМФ как самостоятельного речемыслительного образования.

Библиографический список

1. *Бадальян П.С.* Композиция и архитектоника произведений малого жанра // Вестник СНО. Сборник студенческих научных статей слушателей «Школы молодого исследователя» / Отв. ред. В.В. Гончарова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – С. 3–7.

2. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 137 с.

3. *Ким М.Н.* Жанры современной журналистики. – М.: Высшая школа, 2005. – 541 с.

4. *Крапива Ю.В.* Коротка журнальна стаття як тип тексту (на матеріалі української, англійскої та російської мов): Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.15 / Харьківський національний університет імені В.Н. Каразіна. – Харків, 2004. – 20 с.

5. *Кудлаева А.Н.* Типы текстов в структуре дискурса: Дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Пермский государственный университет. – Пермь, 2006. – 180 с.

6. *Лысакова И.П.* Язык газеты и типология прессы. Социолингвистическое исследование. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 256 с.

7. *Слепцова С.В.* Свободные и фразеологизированные конструкции в языке современной французской прессы: Дис. … канд. филол. наук: 10.02.05 / Белгородский государственный университет. – Воронеж, 2008. – 187 с.

УДК 808.2
Т 665

Третьякова Ирина Юрьевна
кандидат филологических наук, доцент
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru

СИСТЕМНОСТЬ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В статье рассматриваются процессы трансформации языковых фразеологических единиц в речи на предмет выявления их системности. В качестве факторов, влияющих на системность трансформаций, называются авторские интенции и система приёмов окказионального преобразования фразеологических единиц.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, окказиональный фразеологизм, приёмы окказионального преобразования фразеологизмов, трансформация.*

Фразеологическая единица (далее ФЕ) – особый знак, образующийся в результате метафорического переноса, обладающий значительным экспрессивным зарядом, образностью и представляющий собой в потенциале яркое выразительное средство, часто используемое авторами текстов (речи). Ещё более сильный экспрессивный эффект производят намеренно преобразованные языковые ФЕ. Такие окказиональные фразеологизмы (или окказиональные варианты языковых ФЕ) часто встречаются в устной и письменной речи различных стилей и жанров. Окказиональные трансформации фразеологизмов многочисленны и многообразны, и, казалось бы, нет возможности говорить о системном характере окказиональных преобра-

© Третьякова И.Ю., 2010

зований ФЕ. Однако, на наш взгляд, существуют два фактора, которые определяют, обусловливают системность в, на первый взгляд, непредсказуемых манипуляциях авторов с фразеологизмами.

Первый фактор – это наличие системы приёмов окказионального преобразования ФЕ. Приёмы окказионального преобразования ФЕ суть явление языковое. В отличие от отдельных окказиональных фразеологизмов, появляющихся в каком-либо контексте, фрагменте речи, характеризующихся одноразовостью функционирования, приёмы окказионального преобразования воспроизводятся и применяются для трансформаций ФЕ неоднократно. Механизмы окказионального преобразования фразеологизмов, используемые в рамках приёма, известны всем носителям языка – это знания говорящих о свойствах языка (значение языковых единиц, их структура, дистрибутивные связи и др.) и умение пользоваться языком как средством коммуникации. Так как в основе большей части ФЕ лежат сочетания слов, то они (сочетания слов) могут подвергаться элементарным трансформациям: может быть сокращён или увеличен компонентный состав словосочетания, может быть произведена инверсия или замена компонентов. Такие элементарные манипуляции со свободным сочетанием слов может исполнить при организации речи каждый носитель языка без особого затруднения. Механизмы преобразования словосочетаний универсальны, поэтому приёмы трансформации фразеологизированных словосочетаний используются аналогично, невзирая на специфику семантики и структуры несвободного сочетания слов.

Важнейшим проявлением системности является выделение двух основных типов окказиональных преобразования ФЕ – семантического и структурно-семантического. В основу такого выделения положен дифференциальный признак целостности / нецелостности структуры речевого фразеологизма, то есть сохранения / несохранения традиционного состава, количества и порядка следования компонентов. В каждом типе выделяются приёмы, противопоставленные друг другу по определённым признакам. Эти группы приёмов в терминологии, предложенной Л.И. Ройзензоном в [2, с. 100], носят название внешнего и внутреннего фразеологического варьирования. Под внешним фразеологическим варьированием понимаются различные изменения, происходящие во ФЕ только под влиянием контекстных связей, в зависимости от контекста. Под внутренним фразеологическим варьированием – структурные и семантические изменения собственно ФЕ.

Каждый из выделенных типов представляет собой совокупность приёмов – семантических или структурно-семантических соответственно. Внутри каждого типа эти приёмы проявляют системные отношения. Так, приёмы семантического преобразования ФЕ отличаются особенностями актуализации дистрибутивных связей с элементами окружающего фразеологизм контекста. Степень актуализации «старых» словных связей компонентов фразеологизма с элементами контекста обусловливает различие приёмов двойной актуализации и буквализации значения фразеологических единиц; качественное изменение дистрибутивных связей ФЕ в каком-либо данном контексте приводит к переосмыслению фразеологизма (точнее – к проявлению нового смысла ФЕ). Приёмы окказионального преобразования ФЕ, объединённые в группу структурно-семантических приёмов, оппозиционируются в плане различных изменений компонентного состава фразеологизмов. Противопоставлены по количественному составу фразеологических компонентов приёмы расширения и сужения компонентного состава. Приёмам количественного изменения компонентного состава ФЕ противопоставлены приёмы замены одного или нескольких компонентов ФЕ, контаминация языковых фразеологизмов. Приёму качественного изменения компонентного состава противопоставлен приём внутрикомпонентного изменения – приём семантической инверсии, то есть перестановки компонентов внутри фразеологизма относительно друг друга.

Вышеперечисленные оппозиции форм языкового фразеологизма и форм окказионального фразеологизма, несмотря на различные основания, тем не менее, составляют систему. О системности приёмов писал Н.Л. Шадрин [4, с. 83]: «Системность основывается на противопоставлении приёмов друг другу по принципу наличия или отсутствия в них какого-либо одного частного признака при общности всех остальных». Окказиональные трансформации фразеологизмов, производящиеся посредством приёмов окказионального преобразования ФЕ, характеризующихся системностью, становятся предсказуемыми; каждый фразеологизм (за редким исключением) может быть подвергнут системным изменениям.

См., к примеру, ФЕ *остаться у разбитого корыта*, преобразованную с помощью элементарных приёмов: расширения компонентного состава («Ничто не предвещало перемен в семейной жизни: не было ни ссор, ни недомолвок, ни выяснения отношений. Но однажды муж собрал вещи и ушёл к другой. Так она *внезапно осталась у совершенно разбитого корыта*» (Л. Нужина. Где тут любовь?); замены компонентов («Таково, по моему мнению, требование самой жизни, которая дышит, где хочет, и дыхание которой всегда свежо, когда это настоящая жизнь. Спутать жизнь ничего не стоит, она улетит безвозвратно, *оставив* нас *над разбитым корытом*» (А. Блок. О репертуаре коммунальных и государственных театров); эллипсиса («После разрыва и развода со второй женой и её отъезда со скрипачом отец остался, казалось бы, совершенно один. Не говоря уж, что – *у разбитого корыта*» (Ю. Эдлис. Жизнеописание); контаминации («Я не хочу *оставаться в дураках, да ещё у разбитого корыта*» (А. Авдеенко. По следам невидимок).

Вторым фактором, систематизирующим окказиональные преобразования ФЕ, являются авторские интенции.

Понятие авторских интенций наиболее полно определено в работах, связанных с изучением речевых коммуникаций. Разрабатывая теорию речевых актов, учёные исследовали различные составляющие речевого общения, в частности – адресата, адресанта, цели, задачи, средства языкового общения и др. Важнейшим для осуществления речевого общения является некий стимул адресанта (субъекта речи), или замысел, намерение – интенции говорящего. В теории речевых актов определены и описаны такие интенции: сообщить, спросить, попросить, пообещать, хвалить, хулить и др. [3, с. 58]. В аспекте речевой коммуникации исследована и фразеология. Разумеется, ФЕ, за исключением некоторых видов, в том числе паремий, не являются самостоятельными предикативными единицами и не обладают типичными для них признаками смысловой и грамматической завершённости, модальности, коммуникативной направленности, поэтому авторские интенции при использовании ФЕ отличаются от авторских интенций при построении предложения. Однако замысел автора диктует ему (автору) выбор тех или иных фразеологизмов как строевых элементов текста.

Е.А. Добрыднева [1] описала коммуникативно-прагматическую парадигму русской фразеологии. Большое внимание в работе уделено анализу ФЕ в реализации коммуникативных установок говорящего (назвать и охарактеризовать действия кого-либо, выразить негативную оценку, выразить эмоциональное состояние по отношению к кому- или чему-либо и др.) [1, с. 148–167]. Именно эти авторские интенции осуществляются при выборе авторами ФЕ как текстовых элементов.

Авторские же интенции становятся причиной преобразования языковых ФЕ. Очевидно, что автор, выбирая тот или иной фразеологизм для использования его в речи, анализирует речевую ситуацию и способность фразеологического знака быть адекватным в этой ситуации для выражения авторской мысли. Через фразеологизмы автор высказывает своё отношение к миру. В языковых («готовых») ФЕ закодирована оценка; элементы оценочности, экспрессии являются элементами фразеологической коннотации. Как особые, сложные знаки, в основе которых лежат образные ситуации (фреймы, сценарии), фразеологизмы позволяют посредством метафорического переноса сравнивать фразеологическую образно-виртуальную ситуацию и конкретную ситуацию, применительно к которой автор собирается использовать устойчивый знак. И если языковая ФЕ «подходит» по своей семантике, оценочности, экспрессивности, стилистической окраске, образности для выражения авторских интенций в конкретной речевой ситуации, то она будет реализована в речи. Однако если языковая ФЕ «не прошла контроль» на выполнение авторских интенций, не удовлетворила автора речи по каким-либо конкретным характеристикам, но вместе с тем остаётся более предпочтительным средством, нежели другие знаки, автор осуществляет преобразование ФЕ, трансформирует фразеологизм в соответствии со своими творческими замыслами. В намерения автора могут входить: изменение семантики ФЕ, экспликация либо конкретизация значения ФЕ, интенсификация эмоционально-экспрессивного плана, изменение оценочности либо стилистической окрашенности ФЕ, частичное или полное изменение фразеологического образа. Кроме того, автор может трансформировать ФЕ с целью лаконизации речи, языковой игры, «поэтизации» текста.

Намерения авторов обусловливают выбор приёмов преобразования ФЕ и появление в составе фразеологизмов новых окказиональных компонентов. Анализ окказиональных преобра-

зований позволил исчислить частотность различных видов трансформаций и описать появляющиеся в результате преобразований языковых ФЕ окказиональные компоненты фразеологизмов, выполняющие различные задачи. В зависимости от выполняемой функции окказиональные компоненты становятся экспликаторами, конкретизаторами, экспрессивами, интенсификаторами, буквализаторами.

Экспликаторы – это окказиональные слова-компоненты в составе ФЕ, которые эксплицируют элементы семантики ФЕ.

Конкретизаторы – это окказиональные слова-компоненты в составе ФЕ, которые конкретизируют значение фразеологизма относительно определённой, конкретной ситуации.

Экспрессивы – это окказиональные слова-компоненты в составе ФЕ, которые называют субъективно-модальные оценки, чувства говорящих по отношению к содержанию речи, ситуации общения.

Интенсификаторы – это окказиональные слова-компоненты в составе ФЕ, создающие усиление (или уменьшение) экспрессии, интенсификацию действий.

Буквализаторы – это окказиональные слова-компоненты в составе ФЕ, называющие лица, предметы, качества, состояния, действия, воспринимающиеся буквально, как элемент (фрагмент) наглядно-чувственной картины (образа), лежащей в основе ФЕ.

В приведённых ниже контекстах представлены окказиональные компоненты, использующиеся в соответствии с интенциями авторов текстов.

1. Окказиональные компоненты-экспликаторы.

Языковая ФЕ *выходить за рамки* ('нарушать какие-либо ограничения, нормы, традиции') подвергается замене компонента в контексте: «Андрей понял, что Травников отчаянно трусит. И уже не может отказаться от задуманного. Наверное, единственный раз в жизни он *нарушил рамки* своей осторожности и, лавируя, холодея от страха, пытается выплыть к заветной, так долго вынашиваемой им цели» (М. Щукин. Имя для сына). Окказиональный компонент-экспликатор *нарушить* прямо передаёт смысл значения ФЕ (см. в значении ФЕ сему 'нарушать'). Окказиональные компоненты-экспликаторы способствуют «прояснению» фразеологического смысла; цель их использования – упрощение понимания смысла фразеологизма.

2. Окказиональные компоненты-конкретизаторы.

Окказиональные компоненты-конкретизаторы используются при расширении компонентного состава ФЕ *залезть в карман* ('незаконно распоряжаться чужим имуществом, присваивать что-либо нагло, тайком') в контексте: «Потапов не настаивал на аудиенции у великого князя Николая Николаевича. Его не могла не помнить «черногорка» Стана – супруга великого князя. Она не забыла, что в Черногории Потапов не позволял её отцу … *залезать в государственный карман России*» (Л. Никулин. Мёртвая зыбь). В окказиональном варианте ФЕ *залезать в государственный карман России* за счёт окказиональных компонентов *государственный, России* происходит конкретизация фразеологического компонента *карман* по признаку принадлежности, а весь фразеологизм характеризует конкретную ситуацию, связанную с Россией.

3. Окказиональный компонент-экспрессив.

В окказиональный вариант ФЕ *смело гнуть свою линию* внесён окказиональный компонент-экспрессив *смело*, в окказиональный вариант ФЕ *гнуть свою линию глупейшей откровенности* включён окказиональный компонент *глупейшая*: «– Давай листок [листок от волшебной веточки]. – На, только не три его. *Смело гни свою линию*: листок работает» (В. Шукшин. Точка зрения); «Рита её высказала – по глупости, откровенно – некоторые свои сомнения, …что Раду Юльевну крайне раздражило. Она сказала, что не ожидала таких разговоров, что всё это её изумляет, и когда Рита, продолжая *гнуть свою линию глупейшей откровенности*, …сказала, что боится за себя, …Рада Юльевна грубо прервала её» (Ю. Трифонов. Предварительные итоги). Окказиональные компоненты-экспрессивы *смело, глупейшая* привносят в коннотацию языковой ФЕ новые экспрессивно-оценочные элементы. Компонент *смело* передаёт позитивную оценочность, экспрессию одобрения; компонент *глупейшая*, наоборот, формирует негативную оценочность языковой ФЕ *гнуть свою линию* ('настойчиво добиваться осуществления своих намерений, целей, поступать в соответствии со своим отношением к чему-либо'), добавляя в коннотативное значение эмотивно-экспрессивный элемент иронии, передавая чувство досады.

4. Окказиональный компонент-интенсификатор.

Окказиональный компонент-интенсификатор способен внести в значение ФЕ дополнительный

оттенок интенсификации признаков, действий. Подобная интенсификация экспрессии, элементов значения происходит при трансформации языковой ФЕ *совать нос* ('вмешиваться не в своё дело, стремиться принимать участие в чужих делах') в контексте стихотворения Н. Матвеевой: «Марфута, говорят, мне посвятила стих. … / Так почему ж ты злей чумы бубонной? / Чужих успехов блеск тебя слепит? А зря. / В дела чужие *нос вонзивши на три фута*, / Гляди: свои-то как запущены, Марфута!» Окказиональные компоненты-интенсификаторы *вонзивши* (от *вонзить*), *на три фута* интенсифицируют фразеологическое метафорическое действие (*совать – вонзить* + (очень глубоко) *на три фута*).

5. Окказиональные компоненты-буквализаторы.

Окказиональные компоненты-буквализаторы, включённые в компонентный состав языковых ФЕ, специфически действуют на собственные компоненты фразеологизма, заставляя их актуализировать свои лексемные свойства – проявлять лексическое значение. При этом образная картина или её фрагменты «видятся» буквально. Так, компонент-буквализатор *вверх ногами* используется для актуализации образной основы ФЕ *вылететь в трубу* в контексте: «У меня теперь такое настроение, что если я завтра не заплачу процентов, то должен буду *вылететь в трубу вверх ногами*» (А. Чехов. Медведь). Вместе с тем образ не теряет своей метафоричности. Возникает двойное восприятие фразеологического образа (при неизменяемости фразеологического значения).

В проанализированных контекстах функционируют окказиональные трансформы, образовавшиеся в результате расширения или замены компонентного состава – наиболее частотных трансформаций фразеологизмов в речи. Появление окказиональных компонентов в составе языковых фразеологизмов в таких трансформациях обусловлено исчисляемыми интенциями авторов. Окказиональные компоненты выполняют задаваемые им функции: эксплицировать, конкретизировать, буквализировать, интенсифицировать и др., – и в этом проявляется системность.

Таким образом, трансформации ФЕ обусловливаются вполне определёнными, исчислимыми интенциями авторов, происходят при применении системно организованных приёмов окказионального преобразования языковых фразеологизмов, вполне предсказуемы, а следовательно, приобретают системный характер.

Библиографический список

1. *Добрыднева Е.А.* Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии. – Волгоград: Перемена, 2000.

2. *Ройзензон Л.И., Малиновский Е.А.* Ещё раз о способах трансформации фразеологических единиц в языке художественной литературы // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, НГУ, 1974. – Вып. 3. – С. 109–113.

3. *Шадрин Н.Л.* Средства окказиональных преобразований фразеологических единиц как система элементарных приёмов // Лингвистические исследования: Сб. науч. тр. 1972, Ч. 2. – М., 1973. – С. 78–97.

4. *Формановская Н.И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – М.: Изд-во «Икар», 2007.

Словари

Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка. – М.: «Русский язык», 1986.

Мелерович А.М., *Мокиенко В.М.* Фразеологизмы русской речи. Словарь. – М.: Русские словари, 1997.

УДК 808.2

Цветкова Елена Вячеславовна
кандидат филологических наук, доцент
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru

МОТИВИРОВАННОСТЬ – НЕМОТИВИРОВАННОСТЬ В ТОПОНИМИИ (на материале костромской топонимии)

Мотивация – важный элемент семантизации слов. В топонимии, в том числе и в костромской, имеется несколько типов мотивированности, один и тот же топоним может соответствовать разным уровням мотивированности. Изменения, происходящие в жизни топонимов по причине передвижения мотивировочных уровней, являются своего рода свидетельством развития топосистемы, отражением ее особенностей.

Ключевые слова: *ономастика, топонимия, номинация, мотивированность.*

Номинация в топонимии, как и номинация вообще, может быть опосредованной (с опорой на какое-либо слово или эквивалент слова) или непосредственной (без опоры на слово или его эквивалент). Имена соответственно подразделяются на мотивированные и немотивированные.

Признак, по которому именуется предмет, в частности географические объекты, – это своеобразное обоснование названия, мотивировка топонима.

Мотивация является важным элементом семантизации слов, поскольку она способствует реализации свойства слова возбуждать минимум дифференциальных признаков, составляющих значение слова, и осознавать то, что скрывается за данным звуковым комплексом. Следовательно, общее направление мотивации можно семантически изобразить так: от звуковой оболочки данного слова к его значению и далее через словообразовательную структуру к значению производного слова.

Первоначально все топонимы бывают мотивированными. Значительная часть топонимов сохраняет свою мотивировку длительное время. Может исчезнуть реальный признак, послуживший основой наименования, а мотивировка в топонимии не утрачивается и после этого. Сохранению мотивировки помогают прежде всего те нарицательные слова, на основе которых топонимы возникли.

Однако многочисленные наименования с течением времени утрачивают свою мотивацию, что происходит как с апеллятивной, так и с проприальной лексикой. Они полноценно выполняют свою назывную функцию, но не отвечают на вопрос о том, как появилось наименование. Есть случаи, когда утратившие мотивировку наименования осмысливаются по-новому, приобретают как бы второй смысл, в результате чего возникают топонимические легенды.

Мотивированные имена характеризуются выводимостью значения звуковой оболочки и структуры из предшествующего слова, так как они имеют внутреннюю форму как средство выражения семантики и звукового облика слова через семантику и звуковой облик мотивата.

Внутренняя форма слова представляет собой выраженный мотивированный признак. Что касается внутренней формы слова как речевого явления, можно лишь предположить, что при выборе слова факт его мотивированности небезразличен. Внутренние формы являются лишь посредниками между лексическим значением и материальной языковой оболочкой. Иначе говоря, мотивированность является свойством внутренней формы, результатом ее соответствия значению, а внутренняя форма – основой мотивированности лексической единицы.

При семантической мотивированности топонимов (в данном случае мотивированность в целом, внутренняя форма как средство мотивированности могут создаваться всем мотиватом, а не только его основой – различие между словом и мотиватом выражено семантически) внутренняя форма входит в значение собственного имени целиком и определяет основной отличительный признак объекта как его суть. Лексическое значение в данном случае почти равно внутренней форме (с присоединением компонентов «этот данный, а не другой»). Одновременно с основным признаком объекта внутренняя форма содержит сведения и о его характере.

Географический объект при номинации приобретает связь с другими объектами, при этом определяются его место среди этих объектов, его специ-

 © Цветкова Е.В., 2010

фика. Л А. Климкова в работе «Региональная ономастика» пишет: «Присвоение мотивированного имени географическому объекту – это средство осознания и выражения места объекта, его отношений и связей, в то же время – средство осознания его специфики, отличия от других объектов путем установления собственных характерных, сопутствующих или ассоциативных признаков» [2, с. 52].

Уровень знаний об объекте, который можно почерпнуть из мотивированных слов, может быть различным, в связи с чем мы выделяем следующие типы мотивации:

1. Абсолютная, полная мотивация. В данном случае известны факты, которые были положены в основу названия (экстралингвистический фактор называния).

2. Традиционная мотивированность (полная мотивированность со значением неуверенности). Название и его объяснение передавались по традиции из поколения в поколение, поэтому причины названия известны говорящему понаслышке, в результате чего появляется определенное чувство неуверенности.

3. Относительная, частичная мотивированность, свойственная полумотивированным топонимам. В данном случае действует процесс неполной демотивации. Объяснения подобных наименований предположительны, так как их достоверная история со временем исчезла.

4. «Ложная» мотивированность (демотивация).

Абсолютно мотивированными можно считать, например, такие костромские топонимы, как **деревня Болото** (вокруг деревни было болото; *„Вокруг деремни-то болото всё было”*), **деревня Куломзино** (принадлежала помещикам Куломзиным), **хутор Уткина** (хозяином хутора был Порфирий Уткин; *„Хуторов-то много было, обычно по хозяину называли: хутор Уткина – это Порфирия Уткина…”*), **Петенхутор** (хутор принадлежал Петру; *„Петенхутор – это хутор Петра, Петин хутор, значит”*), **Дальний пруд** (пруд, расположенный за деревней отдаленнее других прудов), **Школьный колодец** (колодец, расположенный на территории школы), **Семёновский родник** (родник, расположенный в деревне Семёновское), **тропа Гать** (тропа через влажное место; диалектное слово *гать* – заболоченное место), **улица Зелёная** (на улице посажено много деревьев), **переулок Почтовый** (переулок ведет к отделению связи), **Семёновская горка** (горка напротив д. Семёновское), **Змеиная горка** (на этой горе много змей), **речка Берёзовка** (берет начало в березой роще), **поле Кочки** (названо по причине того, что все поле покрыто кочками), **речка Чёрная** (по цвету воды), **поле Гороховище** (на этом поле обычно сажали горох), **поле Обороты** (*„Имеет правильную округлую форму; когда пашут, трактор идёт строго по кругу”*), **поле На горелых** (*„Во время лесных пожаров в 1923 году выгорело дотла, затем было ещё шесть пожаров”*), **омут Бездонка** (*„Очень глубокий он, и дна не видать”*), **омут Оладьи** (*„В форме кругов, как оладьи”*), **Глинки** (*„Поле с тяжёлой глинистой почвой ”*), **дорога Каменка** (старая дорога, выложенная камнем), **лес Моховик** (*„Раньше здесь заготовляли мох”*) и т.д. (по материалам топонимии Судиславского, Костромского, Кадыйского, Октябрьского, Солигаличского, Чухломского районов). Чаще такие наименования не требуют особых комментариев, поскольку они сами говорят за себя.

Традиционно мотивированные топонимы в наших материалах также представлены достаточно широко. Например: **Палашкин омут** (достоверно известно, что в этом омуте потонула некая Палашка, но кто она такая была, когда именно жила, в памяти людей не сохранилось; *„Палашка там утопла. Не знаю, кто была. Не видала её, а бабка знала, рассказывала, но я уж не помню”*), **Яшкины переходы** (по имени одного из жителей деревни, который ходил по этим переходам; *„Говорят, Яшка тама ходил, упал пьяный-то там, я его не знала”*), **Стёпкино** (*„Гора между деревней Кошкино и селом Ильинским, где мужики казнили вора Стёпку из деревни Кошкино”*), **Могила москвича** (*„Место в семи километрах от посёлка Никольское, где захоронен репрессированный житель Москвы, который замёрз по дороге”*), **Изотин крестик** (место в лесу, расположенное за деревней Кокуй; *„Называется так потому, что жил там старец Изот. То ли его убили, то ли он сам помер – этого никто не помнит. На этом месте была могилка и крест. С тех пор это место так и зовут. В тот лес ходили за лыками для лаптей”*), **Дормидон** (*„Место глубокое на реке Солда, здесь утонул мужчина Дормидон”*), **дорога Кучерявые рёбра** (*„Лесная дорога, которая находится недалеко от посёлка Дубки, по ней вывозится лес из делянок, она выстлана деревянным настилом. Строила её, говорят, бригада Баранова Алексея Макаровича, который был кудрявым, отсюда и на-*

звание") и т.д. (по материалам топонимии Макарьевского, Судиславского, Красносельского, Парфеньевского, Солигаличского районов).

Костромская топонимическая система содержит и достаточно значительное количество относительно мотивированных топонимов. Например: **Дарьин угол** (*„Можо Дарья какая тама жила, не знаю…"*), **Аксиньин хутор** (*„Оксиньи, наверно…"*), **Агашкин хутор** (*„В чесь Агашки, наверно…"*), **яма Полоха** (*„Всполошена…"*) – Судиславский район; **Покаляйка** (*„Ручей, а раньше была река; названа так потому, что была не очень глубокая, по колено вода"*) – Макарьевский район; **Шорохов бор** (предполагается, что лес был посажен управляющим Шороховым) – Чухломский район; **покос Сенькин плетень** (*„Говорят, Сеньке какому-то принадлежал"*); **дорога Карачуха** (*„Говорят, раньше на ней бесчинствовали разбойники, нападали на прохожих и грабили их – карали"*) – Галичский район; **Медвежий омут** (*„Место на реке, там, говорят, купались медведи"*) – Красносельский район; **озеро Зинино** (*„В нём когда-то давно утопилась женщина по имени Зина"*) – Солигаличский район и т.д.

Примерами «ложной» мотивированности могут являться следующие топонимы: **деревня Жары** (*„Пожаров тама много было"*; пожары, о которых говорят жители, действительно были, однако название деревни возникло раньше известных жителям пожаров), **деревня Калинки** (*„Калина росла"*; в настоящее время в деревне и вокруг нее калины растет совсем немного, название могло возникнуть и на основе антропонима – как имени, так и фамилии, прозвища) – по материалам топонимии Судиславского района; **поляна Таборы** (неофициальное название одной из полян «Старого города»; *„Здесь когда-то стоял отряд рязанцев"*), **Бахматка** (самый дальний район Унжи; по легенде здесь жил хан Бахмат, который женился на русской), **Офонино** (место на реке Белый лух, недалеко от деревни Нестерово; существует легенда о том, что когда-то на этом месте зажиточный мужик Афоня пас лошадей, одна из которых утонула) – Макарьевский район; **деревня Грибово** (*„Раньше плотному человеку иногда давали прозвище Гриб, а угрюмому, недовольному – Грибан"*), **деревня Думалово** (*„В старину глупо умничавшему человеку давали прозвище Думала"*) – Нейский район, **река Ветлуга** (*„Пастух Вета и девушка Луга полюбили друг друга, они бросились в реку, так как отец Луги не разрешил им встречаться"*) – Октябрьский район, **Громоватик** (*„Родник, образовался после грозы"*) – Чухломский район. Очень много в костромской топонимической системе легенд, связанных с различными историческими личностями. Особенно многочисленны наименования, созданные, как гласят легенды, в честь Екатерины II. Многие рассказывают о ее проезде через то или иное селение. Например, в Кадыйском районе: **деревня Екатеринкино** (варианты: Катеринкино, Екатеринки, Катеринки), **Екатеринина аллея** (варианты: Катеринина аллея, аллея Екатерины) – аллея при въезде в деревню Екатеринкино, **деревня Истопки** (*„Аллею в чесь Екатерины Второй назвали"*, *„Аллею посадили где Екатерина Вторая ехала, в чесь ее"*, *„Екатерина Вторая здесь проезжала, вот и назвали деревню Катеринки, а в Истопках велела она баню истопить, вот Истопкам и прозвали"*).

В костромской топонимии преобладают мотивированные топонимы. Большая часть топонимов – абсолютно мотивированные и традиционно мотивированные названия.

Как показывают исследования топонимического материала, одна и та же топонимическая единица может быть рассмотрена как абсолютно мотивированная, так и традиционно мотивированная или вовсе не мотивированная в зависимости от того, в каком коллективе людей употребляется. Например, то, что является полностью мотивированным для людей пожилого возраста, для молодого поколения становится традиционным или немотивированным. Значительная часть названий, мотивированных для старшей и средней возрастных групп, является немотивированной для младшей группы. И, наоборот, не все «современные» названия объясняемы старожилами, а чаще они им и вовсе не известны. Подобную ситуацию можно наблюдать, обратившись к топонимам, употребляемым людьми разных профессий. Кроме «возрастного» и «профессионального», имеют место и другие факторы: «территориальный», «семейный», «внутрисистемный», «внешний», «ситуативный» и т.д. Приведем примеры из топонимической системы Судиславского района. Название места встречи молодежи **Беседка** неизвестно пожилым людям, называющим данное место, как и всю территорию, **Лесничеством**. Зато названия исчезнувших деревень **Болото**, **Погорелово**, **Панюково**, **Починок**, поля **Гороховище**, ручья **Антоновка**, тропы

Белый камень, места в лесу **Банния горушка** и т.д., звучащие в речи старожилов, молодежь не знает. Мало кому известны школьные дринонимы **Ёлочки**, **Наши берёзки**, **Берёза**, **Кленки**.

Следует обратить внимание также на то, что не всегда можно провести четкую границу между указанными уровнями мотивированности.

Потеря топонимами мотивированности (или ее затемнение) является естественным процессом, происходящим по разным причинам: изменение характера объекта, исчезновение объекта, уход из речевого оборота нарицательных имен, послуживших основой наименования, и т.д. При этом наименование объекта может поменяться в соответствии с произошедшими с ним изменениями, но может и несмотря ни на что сохраниться. В последнем случае микротопоним становится собственно топонимом, поскольку семантика апеллятива, ставшего основой топонима, не соответствует новой роли объекта. Например, название **Горелая яма** долгое время сохранялось за возвышенностью, сооруженной на месте этой ямы (Судиславский район). Очень часто наименование исчезнувшего объекта переходит на смежные объекты. Например, название исчезнувшей деревни **Болото** сохранилось за расположенной поблизости местностью, наименование хутора **Сермуса** – за лесом и ягодником, деревни **Высоково** – за горкой и лесом (Судиславский район).

Изучение мотивированности топонимов помогает не только выявить их семантическую характеристику, но и раскрыть особенности развития топонимической системы в целом. В то же время оно таит в себе много сложных проблем, одна из которых – этимология.

Географические названия передаются из поколения в поколение. Их первоначальное значение затемняется, постепенно отрываясь от давших им жизнь слов, обрастая ложными словесными ассоциациями, выдаваемыми за происхождение названия. Это явление народной (наивной, ложной) этимологии, основным признаком которой является субъективность в восприятии и переосмыслении первоначального значения топонима. Об одном и том же названии подчас существует несколько легенд, что обусловлено звуковым совпадением нескольких разных по происхождению слов (омонимией).

При выявлении истории возникновения отдельных наименований на вопрос «почему так названо?» информанты могут дать ответ «не знаем». В данном случае мы имеем дело с немотивированными топонимами. Процесс утраты мотивированности является вполне естественным. Причины возникновения демотивации могут быть разными: изменение характера объекта; отъезд или уход из жизни людей, с которыми было связано наименование; появление по разным причинам других наименований объекта (прежние названия не выдерживают «конкуренции»); исчезновение из активного употребления в речи представителей говора апеллятивов (диалектной, народно-разговорной лексики), на основе которых были созданы топонимы, и т.д. В костромской топонимической системе немотивированными являются, например, многие названия поселений (ойконимы), наименования рек и других крупных водных объектов (**деревни Нетечкино**, **Порга**, **Хрипово**, **Рогозки**, **Клеопино**, **Сынково**, **Туровское**, **Вига**, **Бурдуки**, **Беберино**, **хутора Статёнка**, **Требубиха**, **Льгово**, **Сурское**, **Маромица**, **реки Базаниха**, **Колдвыш**, **Доровица**, **Язовичка**, **Сойег** и т.д.). Значительно количество и немотивированных микротопонимов (**горки Магазея**, **Мундор**, **яма Гагара**, **низина Мершина**, **болото Бажино**, **колодец Меркурий**, **Итное болото**, **заводь Аганиха**, **горы Петрушка**, **Кукушка**, **брод Шаламайка**, **болото Турлыки**, **лес Тошма** и т.д.).

Особый интерес представляют образно мотивированные наименования, например: красивое возвышенное место **Шишка**, места в болотах **Глаз**, **Карман** (Судиславский район), повороты в реке **Носа** (**Первый нос** и **Второй нос**), ельник **Гробы**, место в лесу **Грибовский нос**, место пересечения двух оврагов **Ножницы**, пригорки **Пупки** (Антроповский район), поле между двумя оврагами, впадающими в речку (в настоящее время – покос) **Вилы,** покос **Грива** (Галичский район), место купания **Пьяный криуль**, лесная дорога **Кучерявые рёбра**, возвышенность **Осиновая грива** (Кадыйский район), место в лесу **Яичный горб,** рыбное место **Подкова** – *„По форме похоже на подкову”* (Красносельский район); покос **Конфетка**, возвышенность **Сухая грива**, пастбище **Копейка** – *„Небольшого размера, как копейка”* (Нейский район); поле **Лопаты**, покос **Кости**, возвышенность **Пупыш** (Октябрьский район); место купания **Бутылка** (Островский район), луг **Ковш** – *„Огромный заливной луг в виде ковша, из которого вытекает узкий ручей”*, **Ванькины штаны** – *„Поле разделено на две части перелеском”*, луг **Лопатка**, **Пьяный карьер** (Солигаличс-

кий район), поле **Штаны** – *„Имеет форму штанов”* (Вохомский район) и т.д.

Многие наименования отражают особенности традиционной народной духовной культуры: **Чёртов овраг** – Антроповский район; **Чёртов мост** (*„Узкий и шаткий мостик через глубокий овраг из Толтуново к ферме”*) – Галичский район; **Чёртов мост**, **Родник Святой Елены / Колдовской** (*„Родник от деревни Малое Девушкино. Жила там женщина по имени Елена, лечила водой из родника, знала заговоры”*) – Островский район; **Святой ручей**, **Чёртова тропа**, **Чёртова яма** (Солигаличский район); **Ведьмина горка** (Буйский район) и т.д. (с преобладанием наименований, включающих в свой состав лексему „чёрт”).

Изменения, происходящие в жизни топонимов по причине передвижения уровней их мотивированности, являются своего рода свидетельством развития топонимической системы, отражением ее особенностей, характеристикой связи ее прошлого, настоящего и будущего.

Библиографический список

1. *Климкова Л.А.* Изучение топонимии южных районов Горьковской области и проблемы составления микротопонимического словаря // Диалекты и топонимия Поволжья. – Чебоксары, 1990.

2. *Климкова Л.А.* Региональная ономастика. – Горький, 1985.

3. *Мурзаев Э.М.* Местные географические термины и их роль в топонимии // Вопросы географии. – 1970. – №81. – С. 53–89.

4. *Пахомова В.Д.* О метафорических названиях в топонимике // Вопросы топономастики. – Вып. 4. – Свердловск, 1970. – С. 30–34.

5. *Попов А.С.* Номинация и ее типы // Проблемы ономасиологии. Вып. 4. – Курск, 1977.

6. Психолингвистические проблемы семантики. – М., 1983.

7. *Рут Р.М.* Образная номинация в русском языке. – Екатеринбург, 1980.

8. *Серебренников Б.А.* Номинация и проблема выбора // Языковая номинация: Общие вопросы. – М., 1977.

9. *Сетаров Д.С.* Типология номинации, мотивации и лексико-семантических преобразований. – Вильнюс, 1988.

10. Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982.

УДК 801.52

Шахэмирова Светлана Вагидовна
Дагестанский государственный университет
vagidovas@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЗАКОНАХ УДАРЕНИЯ В НЕКОТОРЫХ РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассматриваются правила словесного ударения в таких языках, как лезгинский и английский. А также сопоставляются такие категории, как смыслоразличительная функция ударения и ударение в заимствованных словах.

Ключевые слова: *словесное ударение, свободное ударение, связанное ударение, перенос ударения.*

Словесное ударение объединяет звуки, образующие облик слова, а если слово состоит более чем из одного слога, то ударный слог связывает его в единое целое; ударный слог как бы подчиняет себе безударные. С фонологической точки зрения существенным является вопрос о месте ударения и о количестве градаций ударности. По месту словесного ударения различают языки со свободным (или разноместным) ударением и языки со связанным (или одноместным) ударением [5, с. 259]. Примером свободного ударения может служить ударение в русском языке, где оно может падать на любой слог, например: *«кра́сный», «красноарме́ец», «го́род», «дере́вня», «благода́рность», «долгота́»*. Примером связанного ударения может служить ударение в польском языке, где оно падает на предпоследний слог, или в латышском языке, где оно падает на первый слог. Например, *“Sìgulda”, “’Dáugava”*[3, с. 89–90].

Ударение в дагестанских языках является достаточно рассмотренным для сопоставления данной языковой категории с соответствующей категорией в других неродственных языках. Однако не во всех дагестанских языках законы ударения едины. Например, в лакском языке ударение не-

 © Шахэмирова С.В., 2010

постоянное, т.е. не фиксированное на определенном слоге, а зависящее, в основном, от закрытости слогов и долготы гласного. В агульском языке ударение в двусложных словах обычно падает на последний слог, а в многосложных словах – на третий слог с конца. В различных языках даргинской группы место ударения в слове может варьироваться от первого слога, второго слога от начала до передвигающегося ударения с одного слога на другой в зависимости от формы и значения слова [1, с. 132]. В аварском языке оно фиксировано на первом слоге или на втором слоге слова [7]. В интересующем нас лезгинском языке ударение является заметно выраженным, фиксированным на определенном слоге слова (на втором слоге от начала слова как вне контекста, так и в связной речи).

Ударение в современном английском языке свободное, в том смысле, что в разных словах оно может падать на разные слоги. Однако же наблюдаются следующие характерные явления: в большом количестве слов сохраняется древнеанглийский принцип ударения на первом слоге. Так, например, *“ˈwoman” «женщина», “ˈboatman” «лодочник», “ˈwedlock” «супружество», “ˈchildren” «дети»*. При наличии же слабого префикса в двухсложных словах ударение переносится на второй слог*: “be`gin” «начинать», “be`come” «становиться», “a`way” «прочь», “bel`ong” «принадлежать»* [3, с. 89–90].

Естественно, что вопрос о лезгинском ударении рассматривался учеными уже давно и можно сослаться по данному вопросу на статьи таких ученых, как П.К. Услар, Л.И. Жирков, Гигинейшвили и Р.И. Гайдаров. П.К. Услар, например, считает, что ударение в кюринском языке падает на различные слоги и вообще не имеет большой резкости, а в иных случаях с трудом может быть подслушано [8, с. 19]. Л.И. Жирков опроверг данное описание правил лезгинского ударения. У.А. Мейланова пишет, что важным в правилах Л.И. Жиркова является утверждение, что лезгинское ударение фиксированное и падает на второй от начала слог в слове, как мы уже отмечали выше. У.А. Мейланова отмечает, что ударение никогда не может падать на аффиксы словообразования, такие как: *-ди, -бур, -тIа, -вал, -ни, -лай* и др. Ударение может падать на аффикс словоизменения, если он на втором слоге в слове и не может переходить за него. По ударению (но не переходу на них) можно узнать слова, которые по происхождению являются с ним формами двойственного числа: *«пIузáр» – губа”, «ракIáр» –“дверь”, «мехъéр» –“свадьба”, «дакIáр» – «окно», «кhар» – “двор”* и др. С ударением связано и такое явление лезгинской фонетики, как редукция гласных, и некоторые другие процессы. Ударение помогает постичь первоначальный облик некоторых слов, получивших ныне в литературном языке иную форму: *«хтун > хутýмн» – “возвращаться”; «ксун» < «кусýн» – “спать”; «закIáм» – “щиколотка ноги”(литер. скIам); «гзаф» – “много” (усл. гизаф); «шéхьун», «шел» – “плакать, плач”; (литер. Ишехьун, ишел); «еси́» – “хозяин, владелец” (литер. Иеси и т.д.).*

По характеру ударения можно определить исторический путь развития некоторых форм имен и глаголов. Односложные слова при переходе в форму множественного числа обычно меняют место ударения на второй слог согласно закону лезгинского ударения: *«гъил»-“рука” > “гъилéр”; «хаьл» – “рукав” > «хилéр»; «кIвал» – “комната” > «кI велéр»* и т.д. Целый ряд слов как бы не подчиняется этой закономерности и сохраняет ударение на основе: *«къал» –“шум, скандал” > «къáлар»; «сар» – “шерсть, снятая с животных” (не ткань) > «сáрар»; «нер» – “нос” > “нéрар”*. Слово *«кьар» – “годовалый баран»* во множественном числе сохраняет ударение на основе: *«кьáрар»*. Это говорит о том, что слово это в прошлом было многосложным или двухсложным [6, с. 60]. Впоследствии правила ударения в лезгинском языке были сформулированы Р.И. Гайдаровым следующим образом [2]:

1. Ударение обычно падает на второй слог от начала: *«бая́тh» – “несвежий”, «тугýн» – “поливать”*.

2. Однако ударение не падает на следующий аффикс словоизменения и словообразования: *-ди, -да, -бур, -на, -ра* (показатель прошедшего времени глагола и кратных наречий, образуемых от числительных*), -я, -ни, -ла, -ахъ, -хьун (вспомогат. гл.), -ун*. Перед всеми этими показателями ударение остается на основе.

3. Ударение может падать на формативы множественного числа – *-ар, -эр*, но не может переходить [4].

4. Ударение может падать также на разновидности показателя эргатива – *-ци, -цIи, -чи, -чIи, -жи (джи*), которые возникли в результате аффрикатизации аффикса эргативного падежа *-ди* под ударением.

Ударение в лезгинском литературном языке и в гюнейском диалекте может носить и смыслоразличительную функцию. Фонематическое значение имеет ударение в таких парах слов, как: *«áбур» – “они”(указат. мест.) – «абýр» – “приличие, благоприятная внешность”; «éри» – “окрик на собаку”, «ерú» – “место, качество”*. Ударение в английском языке также носит смыслоразличительную функцию, однако несколько иначе, чем в лезгинском. О.И. Дикушина называет такое ударение подвижным. Подвижное ударение определяет грамматическую категорию слова; в следующих примерах существительное имеет ударение на первом слоге, глагол же на последнем. Наряду с переносом ударения здесь наблюдаются также чередования гласных. Например,

«abst`ract» – “абстрагировать” « `abstract» – “конспект”;

« `accent» – “акцент” «ac`cent» – “подчеркивать”;

« `conduct» – “поведение” «con`duct» – “управлять”;

« `desert» – “пустыня «de`sert» – “покидать”.

Любопытно наблюдать за ударением в лезгинском и английском языках в заимствованных словах. О.И. Дикушина отмечает: «явление переноса ударения на первый и второй (от начала)» слоги можно наблюдать на заимствованиях из французского; причем, не всегда это происходит одинаково: некоторые слова довольно долго сохраняют ударение на последнем слоге, в других оно вскоре переносится на начала слова. Например, *«tech`nique» – “техника”, «ma`chine» – “машина”* имеют ударение на последнем слоге; в словах: *« `garage» – “гараж”, « `ballet» – “балет”* и др. ударение перешло на первый слог» [3, с. 90]. «Любопытно, что лезгинское ударение подчиняет своим закономерностям целый ряд заимствованных слов. Так, во всем гюнейском диалекте употребляется русское слово «вишня» в форме *«вишнúяр»* с ударением на втором слоге. В одних говорах (магармкентский) это единственное слово для выражения данного понятия, в других (касумкенткий, стальский) наряду с *«вишнúяр»* функционирует свое *«ширван пIинийар»* – букв. *«ширванская черешня»*». Сюда же относятся и такие русские слова, как *«памáдур» – “помидор”, «ищúкI» – “ящик”, «пурáхут» – “пароход”, «истúкIан» – “стакан”, «самáлет» – “самолет”, «лехкáваа» – “легковая машина”, «йарáваа» – “яровой ячмень”, «ланпá» – “лампа”*. Однако этого нельзя сказать обо всех заимствованных из русского языка словах; отдельные слова произносятся здесь с сохранением русского ударения. Это происходит как в русских словах с ударением на втором от начала слоге (т.е. совпадающих с лезгинским ударением), так в словах с ударением на ином слоге» [6, с. 61–62].

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что правила ударения в английском и лезгинском языках в целом не пересекаются: лишь можно назвать некоторые общие моменты:

1. Английское словесное ударение свободное, а лезгинское – связанное.

2. Как английское, так и лезгинское ударение может носить смыслоразличительную функцию.

3. Данные языки способны «подчинить правилам ударения слова, заимствованные из других языков. Хотя, на наш взгляд, в лезгинском языке такое «подчинение больше распространено, чем в английском (здесь, предположительно, наиболее употребимые слова быстрее ассимилируются)».

Библиографический список

1. *Абдуллаев С.Н.* Грамматика даргинского языка. – Махачкала, 1954. – С. 132.

2. *Гайдаров Р.И.* Лезги чIалан фонетика (Фонетика лезгинского языка). – Махачкала: Дагучпедгиз, 1982.

3. *Дикушина О.И.* Фонетика английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1952. – С. 89–90.

4. *Жирков Л.И.* Законы лезгинского ударения // Язык и мышление. Т. X. – М.; Л., 1940. – С. 107–117.

5. *Зиндер Л.Р.* Общая фонетика. – М.: Высшая школа, 1979. – С. 258–259.

6. *Мейланова У.А.* Гюнейский диалект – основа лезгинского литературного языка. – Махачкала, 1970. – С. 61–62.

7. *Микаилов Ш.И.* Сранительно-историческая фонетика аварских диалектов. – Махачкала, 1958. – С. 58.

8. *Услар П.К.* Кюринский язык // Хрестоматия фонетической литературы по лезгинскому языку. – Махачкала, 2002. – С. 6–22.

УДК 811.512.142

Эбзеева Фатимат Пахаратовна
кандидат филологических наук
Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований
Ebzeeva-f@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ НАЗВАНИЯ ПТИЦ СО ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫМИ КОРНЯМИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена изучению названий птиц, производных от звукоподражаний. В ней отмечается, что такие названия в карачаево-балкарском языке в основном образуются без аффиксов и бывают простыми, тогда как сложных и образованных от аффиксов – единицы.

Ключевые слова: *фоносемантика, звукоподражание, орнитоним, этимологизация, звукоподражательная основа, аффиксация.*

В последние годы тюркская лексикология достигла значительных успехов в области изучения различных лексических пластов, в том числе и лексики, относящейся к названиям животных и птиц.

Настоящая статья посвящена лишь части этого обширного материала – некоторым названиям домашних и диких птиц со звукоподражательными корнями.

Фоносемантика, или звукоподражание, и логически, и лингвистически уже утвердилась как самостоятельная отрасль языкознания (Авронин, 2006: 6–21). Но она выросла не на пустом месте, а опирается на взгляды ученых с древнейших времен до настоящего времени (там же).

В связи с этим следует отметить, что птичьи голоса, воспринимаемые слуховым аппаратом человека, не поддаются абсолютно точному воспроизводству в потоке речи и вследствие этого зачастую трансформируются в языке при помощи ассоциаций [1, с. 96].

Л.А. Булаховский, подчеркивая значение народной этимологии при обозначении названий птиц со звукоподражательными корнями, отмечает возможность появления позднейших подновлений названий и связывает это с народно-этимологическим осмысливанием. Так, названия *синица* и *сплюшка* в русском языке, исторически восходящие к звукоподражательным словам, по созвучию рано подверглись народно-этимологическому осмыслению, связывающими их с понятиями «синий» и «спать» [2, с. 97–125].

В связи с адаптацией птичьих голосов к человеческой речи М. Мягер отмечает: «Народная этимология часто идет» путем золотой середины между звуками природы и человеческой речью, она как бы приспосабливает птичий крик к слову, сходному по звучанию» [8, с. 22].

Историко-этимологический анализ орнитонимов в тюркских языках показывает, что в основе значительного количества наименований древнейшего состава лежит звукоподражательность [1, с. 11].

Она предполагает несколько приемов, с помощью которых можно определить отнесенность данного орнитонима к звукоподражательным словам.

Рассмотрим несколько примеров из карачаево-балкарского языка с корнем, имеющим звукоподражательный характер.

Къуу в карачаево-балкарском языке обозначает «лебедь». В кумыкском языке встречается в форме *къув* в том же значении. В ДТС встречается в форме *guγu* (464). В кирг. и алт. языках *куу,* ккалп. *аққуў,* в хак. *хуу,* в тур. *kuğu* название это происходит от подражания звуку, который издают лебеди при полете. Древнетюркское *guγu,* как отмечает Д.Х. Базарова, восходит к звукоподражанию *қу-қу,* сохранившемуся в узбекском языке в значении подражания клохтанию курицы и воркованию горлинки: *қуқула* – «клохтать, ворковать». Следует отметить, что крик лебедя передается подобным образом и в неродственных языках: в удэйском языке передается звукоподражанием *ку-ку* [4, с. 184], а в нанайском *ку* обозначает «курлыхание лебедя» [6, с. 14], эстонское название лебедя также этимологизируется как звукоподражательное kuigas [8, с. 7], греческое *kuklos* с тем же значением.

Тартар в карачаево-балкарском языке обозначает «коростель, дергач». В кумыкском языке тоже «дергач, коростель», переносно: *тартарка*. В кир-

© Эбзеева Ф.П., 2010

гизском языке то же значение: ср. посл. *тартар тилене тартар* «коростель пропадет за свой язык». Широко распространено в татарском – *тартар* «коростель». Ср. киргизскую звукоподражательную глагольную форму *тарк-ыл-дак* «издавать неприятный, скрипучий звук», образовавшую некоторые названия птиц: *боз тарк-ыл-дак* «рябинник», *чаар тарк-ыл-дак* «деряба» (КРС[1]: 209).

В пользу звукоподражательного характера этого слова говорит и татарская поговорка: *тартар теленнэн табар* «коростеля находят по голосу, дергача язык подводит» (досл. *У коростеля все беды от языка*). На звукоподражательную основу данного орнитонима указывает и Э.И. Сафина [11, с. 11].

Кукук в карачаево-балкарском языке обозначает «кукушка» (ТСКБЯ II: 390). В кумыкском языке употребляется другое слово – *ат чёк* (КРС[2]: 52). Слово встречается в турецком языке в форме *kuku, kukusu* «кукушка», в татарском имеет форму *кўке, кэккўк* (РТС 1985: 230), в гагаузском языке встречается в форме *куку* «кукушка» (ГРМС 1973: 239). В киргизском языке есть слово *кук*, звукоподражание крику ворона (КРС[1]: 439). Во всех этих языках, в том числе и в карачаево-балкарском языке, это название носит звукоподражательный характер – птице дано название по его специфическому крику – *кукук* или *куккук*.

На звукоподражательный характер данного орнитонима указывает Э.В. Севортян *kuku, guguk* «кукушка» [12, с. 41].

Булбул в карачаево-балкарском языке обозначает «соловей» (ТСКБЯ I: 512). В кумыкском языке встречается в форме *бюлбюл* (ШКРС: 455), в кирг. *булбул* «соловей» (КРС[1]: 158). Относительно слова *булбул* К. Ибрагимов отмечает: «В большинстве тюркских языков в значении “соловей” наиболее часто встречается слово *былбыл,* существующее в различных фонетических вариантах: узб., кирг., уйгурск., карач.-балк., казах. *булбул,* тур. *bülbül,* азерб. *бўлбўл,* туркм., ног. *билбил,* ккалп. *булбул,* кум. *бюлбюл.* В древнетюркских памятниках и в словаре М. Кашгарского отмечается наиболее древняя форма обозначения соловья – *sanduvač* (ДТС: 484).

В восточно-тюркских языках это же значение передается совершенно другими основами – тув. *айлаң кумкаш,* алт. *тоорчык.* В якутском и хакасском языках в этом значении употребляется русское заимствование. В русском языке соловей обозначается словом *шăнчăк* (там же).

Бакъбакъ в карачаево-балкарском языке обозначает «кряква». Это слово ни в одном словаре карачаево-балкарского языка не отмечено. Единственное слово, встречающееся в ТСКБЯ – это *бакъ-бакъ* – обозначает звукоподражание кряканью утки» (321). А звукоподражание перешло в название кряквы – *бакъбакъ*. В киргизском языке *бак-бак* обозначает звукоподражание крику козла (КРС[1]: 99). Само русское слово *кряква* тоже образовано из звукоподражания.

Дауурбасчы в карачаево-балкарских словарях не отмечен в значении «дятел», а есть значение «барабанщик» (ТСКБЯ I: 656). Видимо имя образовано метафорически: барабанщик бьет в барабан, и в лесу дятел тоже бьет по дереву клювом. Слово это зафиксировано в кандидатской диссертации Ш. Шаваевой «Зоонимическая лексика в карачаево-балкарском языке» [13, с. 163].

Донгкъулдакъ в карачаево-балкарском обозначает «дятел бурый». Это слово также не зафиксировано в словарях. Оно зафиксировано у Ш. Шаваевой (там же). В карачаево-балкарском языке *донг* тоже обозначает звукоподражание (ТСКБЯ I: 681).

В названиях домашних птиц тоже есть звукоподражательные слова. В карачаево-балкарском языке понятие «домашняя птица» передается словосочетанием *юй къанатлыла,* т.е. «домашние птицы», а дикие птицы соответственно – *кийик къанатлыла* «дикие птицы». В кумыкском языке эти же понятия передаются соответственно, как отмечает Р.Н. Ольмесов: «По отношению к диким птицам обычно употребляется слово *къыр къушлар,* к домашним – *юй жанлар*» [9, с. 109].

Рассмотрим ряд названий птиц и детенышей, которые имеют в основе названия звукоподражательные элементы.

Гура / гогуш – индюк домашний (ТСКБЯ I: 621). В карачаевском варианте карачаево-балкарского языка употребляется *гогуш* «индюк, индюшка» (КБРС: 187), в балкарском варианте – *гура* «индюк, индейка».

В кумыкском языке употребляется слово *гюргюр* (ШКРС: 171), в татарском *кюрке* «индейка» (ТРС: 340), в башкирском языке *куьркэ* «индюк» (БРС: 47), в ногайском языке *атаман коькис* «индюк», *ургаши коькис* «индюшка», третий вариант карач.-балк. *гогуш,* видимо, восходит к ногайскому источнику. Все они являются звукоподражательными именами [9, с. 110]. В карачаево-балкарском языке дифференциация птиц по

полу лексически, кроме курицы «*тауукъ*» и петуха «*къыттай, гугурукку*», не проводится.

В отношении индюков тоже. Индюка называют *«эркек гогуш / гура»,* а индюшку *«тиши гура / гогуш».*

Гурт тауукъ в карачаево-балкарском языке обозначает курицу-наседку. *Гурт* может употребляться и без слова *тауукъ* (ТСКБЯ I: 622). *Гурт* образовался по звукоподражательному типу от звука, издаваемого наседкой во время сидения на яйцах.

Джюджек/жюжек в карачаево-балкарском языке обозначает «цыпленок» (ТСКБЯ I: 999). В кумыкском языке тоже *джюужек* «цыпленок» [9, с. 115]. В других тюркских языках употребляются близкие названия, ср.: тат. *чеби, чебеш, чипи бала* [10, с. 44]; башк. *себеш* [7, с. 323]. В.Г. Егоров возводит данное слово к звукоподражательному (писку птенцов) слову «чип-чип» [5, с. 323], с чем можно согласиться.

Таким образом, в названиях диких и домашних птиц большое место занимает звукоподражательная основа. Звукоподражание имеет прямое отношение и может иметь опосредованное отношение (*дауурбасчы*), образовать имя без аффикса (*кукук*) и с помощью аффиксации (*дауурбасчы*). По структуре звукоподражательные имена птиц могут быть простыми, в основном – двусложными (*кукук, гургур, джюджек и т.д.*).

Библиографический список

1. *Базарова Д.Х.* К этимологии некоторых древнетюркских названий птиц. – М., 1975.

2. *Булаховский Л.А.* Общеславянские названия птиц // ИАН ОЯЛ. – 1948. – Вып. 2.

3. *Воронин С.В.* Основы фоносемантики. – М., 2006.

4. *Горцевская Б.А.* Изобразительные слова в эвенкийском и маньчжурском языках // Тюркологические исследования. – М.; Л., 1963.

5. *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары, 1964.

6. *Киле И.Б.* Образование слова нанайского языка. – М., 1973.

7. *Миржанова С.Ф.* Северо-западный диалект башкирского языка (Формирование и современное состояние). – Уфа, 1991.

8. *Мягер М.* Эстонские названия птиц: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Таллин, 1963.

9. *Ольмесов Р.Н.* Сравнительно-историческое исследование хозяйственной лексики кумыкского языка. – Махачкала, 2004.

10. *Садыкова З.Р.* Зоонимическая лексика татарского языка. – Казань, 1994.

11. *Сафина Э.И.* Названия птиц в татарском языке и их лексикографирование: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Казань, 2005.

12. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков в 4-х томах. – М., 1978–1989.

13. *Шаваева Ш.А.* Зоонимичевкая лексика карачаево-балкарского языка. – Нальчик, 2009.

Сокращения

БРС – Башкирско-русский словарь. – М., 1966.

ГРМС – Гагаузско-русско-молдавский словарь. – М., 1973.

КБРС – Карачаево-балкарско-русский словарь. – М., 1989.

КРС[1] – Киргизскоо-русский словарь. – М., 1965.

КРС[2] – Кумыкско-русский словарь. – М., 1969.

ТРС – Татарско-русский словарь. – М., 1966.

ТСКБЯ – Толковый словарь карачаево-балкаркого языка. – Нальчик, 1996, 2002, 2005.

ШКРС – Школьный кумыкско-русский словарь. – Махачкала, 2008.

ИСТОРИЯ

Щербаков Виталий Леонидович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
kostroma-vsh@yandex.ru

КУЗНЕЧНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ПЬЯНКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

В результате работы с коллекцией Пьянковского могильника XII–XIII вв., памятника новгородской колонизации Костромского Поволжья, и применения метода металлографии выявлена определенная специфика в распределении технологических схем изготовления металлических предметов, отражающая особенности местного сельского кузнечного ремесла.

***Ключевые слова**: новгородская колонизация, металлография, северо-западные технологические традиции, металлургическое производство, квалификация ремесленника.*

Пьянковский курганный могильник XII–XIII вв. располагается в полутора километрах к юго-востоку от одноименной деревни на правом берегу реки Кубань. Сохранилось 47 насыпей. Из них 40 нарушены старыми ямами – следами раскопок «колодцем» [2, с. 107]. Памятник исследовался в 1882 г. Г.М. Девочкиным. Коллекция хранится в КОИАМЗ, часть предметов депаспортизована. Своеобразие облика Пьянковского могильника отметил в своей работе Е.А. Рябинин: «…Указанный могильник резко выделяется … по ярко выраженному военизированному характеру мужских захоронений… На материалах Пьянковского могильника, по-видимому, получил археологическое отражение процесс формирования погостов на пути новгородского освоения Костромского Поволжья» [10, с. 107].

В случае с Пьянковским могильником, как и со многими другими курганными могильниками Костромского Поволжья, раскопки которых производились в конце XIX – начале XX вв., особую значимость приобретает получение любых дополнительных сведений, касающихся памятников и артефактов, так как несовершенство методики полевых работ в тот период обусловило утрату части ценных сведений о населении, оставившем костромские курганы. В отношении предметов из железа и стали именно метод металлографии помогает решить проблему получения дополнительной информации: с его помощью возможно выявить технологию изготовления предметов, определить характер сырья, уровень мастерства ремесленника, а также преобладающие технологические традиции в изготовлении древних орудий и оружия. В свете вышесказанного металлографическое изучение коллекции Пьянковского могильника представляет значительный интерес.

Всего нами было рассмотрено 52 предмета из раскопок 1882 г., в том числе 10 ножей, 10 серпов, 3 косы, 5 кресал, 1 скоба, 1 пробой, 6 наконечников стрел, 1 наконечник сулицы, 10 наконечников копий, 1 булава, 1 кусок железа, 3 неопознанных предмета. Топоры предполагается изучать отдельно. Для проведения металлографического анализа было отобрано 17 предметов: 6 ножей, 2 наконечника стрел, 2 наконечника копий, 4 серпа, 1 коса, 1 кресало, обломок железного предмета. В выборке, таким образом, представлены разные категории предметов:

1. Бытовые и хозяйственные – ножи и кресала (всего 15 экз.). Из 10 **ножей** достаточно сохранными для определения особенностей формы оказались 8 экземпляров. Три ножа имеют уступы при переходе от черешка к клинку со стороны спинки и со стороны лезвия; 5 ножей – только со стороны спинки. Пять из 6 ножей, исследованных металлографически, относятся ко второй разновидности. У ножей №13 (здесь и далее номер анализа) и №17 длина черешка равна длине клинка, у ножей №16, 18, 21 черешок сохранился лишь частично. Нож №24 относится к первой разновидности, имеет черешок меньшей, нежели клинок, длины. Было выявлено 4 технологические схемы, использовавшиеся при изготовлении ножей (рис. 1, №13, 16–18, 21, 24): трехслойный пакет (№16), косая боковая наварка (№13, 18), целиком из стали (№24), целиком из железа с последующей цементацией (№17, 21). Сварка на ножах №13, 16, 18 выполнена качественно, швы тонкие и чистые. Обращает на себя внимание наличие двух цементованных ножей в столь небольшой выборке. Цементация имела локальный характер (науглерожено лезвие). Все рассмотренные ножи могли воспринять закалку (для этого содержание

 © Щербаков В.Л., 2010

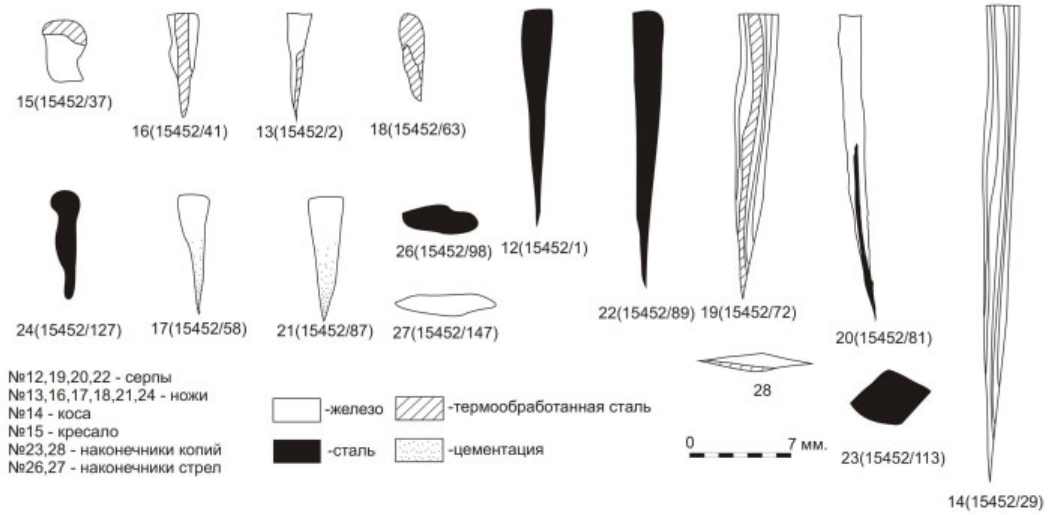


Рис. 1. Технологические схемы изготовления предметов

углерода должно превышать 0,2%), но термообработка была обнаружена лишь на 3 из 6 образцов (№13, 16 и 18). Что касается **кресал**, то 4 из 5 аналогичны типу II новгородских огнив и датируются первой половиной XII – серединой XIII вв. [5, с. 99–102]. Одно кресало схоже с третьим типом новгородских кресал, бытовавших с начала XIII столетия до XVI в. [5, с. 101]. Исследованное металлографически огниво (№15) соотносится со вторым типом кресал Новгорода. Основа изготовлена из кричного железа. На нее наварена полоса высокоуглеродистой стали. Ударная стальная грань была подвергнута закалке (рис. 1, №15). Сварной шов чистый, но достаточно широкий. Данная технологическая схема была распространена на Руси в силу своей рациональности (на изготовление огнива тратилось меньше ценного материала – высокоуглеродистой стали).

2. Предметы, связанные со строительством (скоба, пробой) и полуфабрикаты производства (кусок железа) (3).

3. Земледельческие орудия – косы и серпы (13): «По большинству показателей костромские серпы аналогичны новгородским» [10, с. 90], которые, в свою очередь, датируются XI–XII вв. [5, с. 71]. Металлографически исследовано 4 экземпляра. Было выявлено 3 технологические схемы, использовавшиеся при изготовлении **серпов** из Пьянково (рис. 1, №12, 19, 20, 22): целиком из стали (№12, 22), пакетированный, но с центральной стальной полосой (№19), вварка стального лезвия в железную основу (№20). Выход стали на лезвие серпа №19 рассматривается нами как результат сознательного отбора сырья мастером. О неслучайном характере подобного решения говорит и значительная толщина высокоуглеродистой стальной полосы по центру по сравнению с другими стальными полосками в составе пакета. Это технологическое решение можно рассматривать как вариант трехслойного пакета. Из четырех серпов 3 (№19, 20, 22) могли воспринять термообработку, но закален лишь №19. **Косы**, аналогичные по форме костромским, использовались на Руси с X до XV в. включительно [5, с. 72]. Исследованная металлографически коса (№14) изготовлена из пакетированной заготовки (рис. 1, №14).

4. Предметы вооружения – наконечники стрел, копий и сулиц, булава (всего 12). Все **наконечники стрел** из коллекции схожи с VII типом черешковых плоских наконечников стрел Новгорода Великого, вид 1 датируется X–XI вв., а вид 2 – серединой XIII–XVI вв. [7, с. 165]. Исследованные металлографически экземпляры по форме близки наконечникам вида 2 новгородских наконечников стрел. Наконечник №26 откован из неравномерно науглероженной стали (рис. 1, №26). Второй наконечник (№27) изготовлен из кричного железа (рис. 1, №27). **Наконечники копий** представлены тремя разновидностями. Два наконечника по внешнему виду соотносятся с типом I

наконечников копий Новгорода (пики), где подобные предметы встречены в слоях X–XI вв., хотя на Руси наконечники копий этого типа были широко распространены в XIII–XV вв. и были предназначены для пробивания доспехов [7, с. 128–130]. К пикам относится и наконечник больших размеров (40 см. длиной) с утолщениями (шаровидным и кубическим) около втулки. Пять наконечников соотносятся с типом II наконечников копий Новгорода, датируемых серединой XIII в. [7, с. 130]. Еще один наконечник крупного размера (более 45 см. длиной) находит аналогии в коллекции Новгородских древностей. А.Ф. Медведев определил подобные предметы как наконечники рогатин. Наиболее похожий на костромской наконечник датируется концом XIII – началом XIV вв. [7, с. 128]. Обращает на себя внимание втульчатый наконечник, который интерпретирован как наконечник копья: по конфигурации схож с пиками, но стержень имеет круглое сечение, что, на наш взгляд, сближает его с пешнями, рассмотрение его вместе с копьями условно. Металлографически исследовано 2 экз. – №23 и происходящий из коллекции экземпляр, номер которого по описи неизвестен, рабочий номер этого предмета 28. Первый из наконечников по внешнему виду соотносится с типом I наконечников копий Новгорода Великого, второй – с типом II. Наконечник №23 откован целиком из сырцовой стали (рис. 1, №23). Наконечник копья №28 был отнесен нами к сварным: на месте шва образовалась трещина, разделяющая железную и стальную области (рис. 1, №28). Для **наконечника сулицы** в качестве аналогии мы рассматриваем новгородские наконечники сулиц типа III XIII в. [7, с. 128]. Представленное в коллекции **навершие булавы** аналогично экземпляру, найденному в Новгороде Великом и датированному А.Ф. Медведевым XIII в. [7, с. 137].

Металлический предмет (№25), отобранный нами для проведения анализа, оказался практически на 100% уничтоженным коррозией, вследствие чего получить какую-либо информацию не удалось.

16 исследованных предметов представляют те категории вещей, при изготовлении которых применение операций по улучшению рабочих свойств кажется вполне рациональным и даже необходимым. Характер этих операций, а также сама технология изготовления предметов должны быть обусловлены достаточно весомыми причинами, такими как ремесленные традиции, профессионализм мастера.

Как уже отмечалось, Пьянковский могильник представляет собой памятник новгородской колонизации Костромского Поволжья. В этой связи небезосновательно предположение, что северо-западные технологические традиции, характерные для новгородской земли, могли найти отражение и в материалах указанного памятника. При анализе результатов металлографического исследования мы учитывали ставшее традиционным деление предметов на две технологические группы [см.: 4; 8 и др.]. В группу I входят технологические схемы, «связанные с изготовлением цельнометаллических изделий из железа и стали, а также с использованием пакетированного металла в процессе формовки заготовки» [8, с. 35]. Группу II составляют «технологические схемы, основанные на сварке железной основы изделия и стального лезвия» [8, с. 35]. Для XIII века и более раннего времени ряд исследователей отмечают значительное преобладание в Новгородских материалах технологических схем II группы [см.: 4 и др.]. Материал исследуемого памятника демонстрирует иную картину. Немногочисленность выборки ограничивает возможности статистической обработки материала и его отдельных категорий, но соотношение технологических схем – в пользу группы I. Металлографический анализ показал, что по технологическим схемам первой группы изготовлены 9 предметов из 16, второй группы – 7 предметов (таблица 1).

Возможно, объясняется это происхождением предметов. Часть из них могла быть произведена местными кузнецами. Для подобных предположений имеются некоторые, к сожалению довольно скудные, археологические свидетельства. Недалеко от могильника в 1981 г. К.И. Комаровым была обследована железоделательная мастерская. Остатков сооружений обнаружено не было, но были собраны «железные шлаки и крица», слой был насыщен угольками [2, с. 106–107]. Не ясно, однако, относится ли мастерская к поселению, оставившему могильник, или же к более позднему селищу (XIV–XVII вв.), расположенному менее чем в километре от могильника и мастерской [2, с. 106–107]. В первом случае наличие металлургического производства, по крайней мере, было бы достаточно аргументированным; согласно же точке зрения Б.А. Рыбакова, «где варили железо, там его и ковали» [9, с. 483].

Таблица 1

Результаты металлографического анализа образцов

№ ан.	Назв. предм.	Технол. изг.	Содерж. углерода (%)	Спос-ть к термообр. /наличие термообр.	Балл зерна металла	Твердость (кг/мм^2)
15	кресало	Схема 6	О. <0,1 Р.ч.>0,6	+/+	3–4	О. – 96–176 Р.ч. – 484
16	нож	Схема 5	О. <0,24% Р.ч.>0,6	+/+	5	О. – 252 Р.ч. – 269–531
13	нож	Схема 7	О. <0,02 Р.ч.>0,6	+/+	4–5	О. – 130 Р.ч. – 407
18	нож	Схема 7	О. <0,4 Р.ч.>0,6	+/+	7–8	390
24	нож	Схема 2	0,3-0,5%	+/-	4	
17	нож	Схема 3	0,1-спинка; 0,36-лезвие	+/-	4	171–288
21	нож	Схема 3	0,02-спинка, 0,36-лезвие	+/-	5–6	143–176
12	серп	Схема 2	0,24	-/-	6	229
22	серп	Схема 2	0,48	+/-	5	215–222
19	серп	Схема 5	Р.ч.>0,5	+/+	4	О. – 167, 244 Шов – 269 Р.ч. – 347
20	серп	Схема 8	О. <0,2 Р.ч.>0,5	+/-	4,5	О. – 146 Р.ч. – 229
14	Коса-горбуша	Схема 4	<0,48	+/-	4, 7–8	Железо – 158, Сталь – 215–269
23	Нак-к копья	Схема 2	0,32	+/-	3	162
28	Нак-к копья	Схема 6	0,32	+/+	3	176, 310
26	Нак-к стрелы	Схема 2	0,16-0,4	+/-	4–5	203
27	Нак-к стрелы	Схема 1	<0,24	-/-	2–3	158, 229

Пояснения к таблице: схема 1 – целиком из железа; схема 2 – целиком из стали; схема 3 – с применением цементации; схема 4 – из пакетированной заготовки; схема 5 – трехслойный пакет; схема 6 – сварка из 2 полос (железо и сталь); схема 7 – косая боковая наварка; схема 8 – вварка стального лезвия.

О. – основа, Р.ч. – рабочая часть.

В данной работе мы уже обращали внимание на качество исследованных предметов и сложность их исполнения. К этим данным имеет смысл обратиться снова. Результаты металлографического анализа приведены выше (см. таблицу 1). Рассмотрим общий итог. Из 16 предметов 14 могли воспринять термообработку, которая была бы вполне уместна в силу функционального назначения. Из 14 предметов 6 термообработаны. Интересно, что закалены 6 из 7 предметов II группы (наиболее характерной для Новгорода) и ни одного предмета I группы. Применение технологических схем II группы требует от кузнеца высокой квалификации: необходимо соблюдать температурный режим и сварки, и ковки, чтобы избежать дефектов в изделии, важно правильно подобрать сырье, чтобы именно сталь выходила на рабочую часть. Также требовался определенный навык и при термообработке. В целом изделия II группы из Пьянковского могильника характеризует более крупный размер зерна металла, нежели у изделий I группы, что, впрочем, может быть объяснено применением термообработки, повлекшей некоторое укрупнение размеров зерен, рекристаллизацию. Сварочные же работы выполнены качественно, в большинстве случаев

мастер применил и закалку. Изделия первой группы в плане технологических решений проще: при их изготовлении использовано меньше операций, но они не отличаются более высоким качеством. Это позволяет нам говорить о том, что при их производстве важную роль сыграла не только технологическая традиция, но и квалификация мастера.

Полученные сведения дают основание предполагать, что качественные изделия второй технологической группы изготовлены высококвалифицированным (городским?) ремесленником, тогда как изделия группы I изготовлены сельским мастером-универсалом, владевшим основными кузнечными операциями. На наш взгляд, в материалах памятника достаточно ярко проявились северо-западные технологические традиции металлообработки, а также значительное влияние на технологическое своеобразие кузнечной продукции такого фактора, как квалификация ремесленника.

Библиографический список

1. КОИАМЗ, КОК № 15452.

2. Археологическая карта России. Костромская область / Под ред. Ю.А. Краснова, сост. К.И. Комаров. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – С. 106–107.

3. Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село. / Отв. ред. тома Б.А. Колчин – М.: Наука, 1985. – С. 244–253.

4. *Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. – М.: Знак, 2007. – С. 5–33.

5. *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. – 1959. – №65. – С. 8–119.

6. *Кузьмин Б.А., Самохоцкий А.И, Кузнецова Т.Н.* Металлургия, металловедение и конструкционные материалы. – М.: Высш. школа, 1977. – С. 94–105.

7. *Медведев А.Ф.* Оружие Новгорода Великого // МИА. – 1959. – №65. – С. 122–191.

8. *Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* Кузнечное ремесло на сельских поселениях Подмосковья // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 3. – М.: Институт археологии РАН, 2007. – С. 31–44.

9. *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. – М.; Л., 1948. – С. 122–141, 205–237, 482–520.

10. *Рябинин Е.А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. – Л., 1986. – С. 87–126.

ПЕДАГОГИКА. ПСИХОЛОГИЯ

УДК 373.21

Антонов Андрей Александрович
кандидат педагогических наук, доцент
Шуйский государственный педагогический университет
sgpu@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье анализируются основные образовательные программы, использующиеся в учебно-воспитательном процессе дошкольного образовательного учреждения как в России, так и в зарубежных странах. Автором подчеркивается исключительное значение физического воспитания детей и необходимость поиска путей его дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: *дошкольная психология, дошкольные образовательные учреждения, дошкольное образование.*

Российская образовательная политика направлена на обеспечение современного качества образования на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства, что нашло свое воплощение в «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г.». Первоочередным направлением образовательной политики первого этапа модернизации является реализация программ дошкольного образования, принятие мер, направленных на укрепление здоровья подрастающего поколения.

Говоря о современном состоянии дошкольного образования, необходимо отметить, что, несмотря на трудности, которые оно испытывает, дошкольному образованию удалось сохранить лучшие российские традиции. Педагогический процесс охватывает все основные направления развития ребенка (физическое, ознакомление с окружающим миром, развитие речи, художественно-эстетическое и др.), предусматривается система мер по охране и укреплению здоровья детей, соблюдается принцип комплексности, используются парциальные программы, сочетающиеся с работой по другим направлениям педагогического процесса. Развиваются также и новые, нетрадиционные направления содержания работы дошкольного образовательного учреждения: хореография и ритмика, обучение иностранному языку, новым технологиям изобразительного творчества, компьютерное обучение, приобщение к национальной культуре, делается больший акцент на создание условий для самостоятельного экспериментирования и поисковой активности самих детей. Происходит переход на новый стиль общения и игры с ребенком – с учетом личностно-ориентированного взаимодействия.

В сегодняшнем образовательном пространстве предлагается широкий спектр отечественных программ, предусматривающих разные подходы к организации педагогического процесса в ДОУ. Каждая из них выдвигает тот или иной приоритет образования: одна направлена на познавательное развитие, другая – на эстетическое, третья – на экологическое. Важно учитывать, что активизация одних направлений развития ребенка за счет других приводит к обеднению личностного развития и к ухудшению физического и психического состояния дошкольника. Несмотря на это, одной из тенденций образовательного процесса в ДОУ на современном этапе является возрастание объема и интенсивности познавательной деятельности. Вводятся дополнительные направления подготовки ребенка, например, иностранные языки, компьютерное обучение, экология, ОБЖ и др. При этом нет четкого контроля и дозирования учебной нагрузки, во многих дошкольных учреждениях не созданы адекватные педагогические условия и не разработаны организационно-методические подходы, которые позволили бы компенсировать негативное влияние повышенных интеллектуальных нагрузок. Нововведения подобного рода приводят к снижению и без того недостаточного, по оценке специалистов, уровня двигательной активности и оказывают отрицательное воздействие на состояние здоровья детей. Известно, что потребность детей в двигательной активности удовлетворяется во время их пребывания в ДОУ лишь на 45–50% даже при трехра-

© Антонов А.А., 2010

зовом проведении физкультурных занятий [1]. При этом сегодня во многих ДОУ их количество снизилось до двух, а иногда и одного раза в неделю.

В современных программах для ДОУ физическое воспитание не является приоритетным разделом. Однако в проведенных ранее многочисленных исследованиях отмечена тесная зависимость между уровнем заболеваемости и уровнем двигательной активности человека на различных этапах онтогенеза [2]. Установлено, что наибольшая результативность процесса дошкольного образования достигается в том случае, если суточный объем организованной двигательной деятельности ребенка составляет от 30 до 40% времени бодрствования. Ориентация содержания программ преимущественно на умственное развитие детей снижает интерес педагогов к физическому воспитанию дошкольников.

С.О. Филиппова [3], проанализировав содержание отечественных программ по физической культуре дошкольников, пришла к выводу, что данные программы ориентированы, главным образом, на формирование у детей основных двигательных навыков и в меньшей степени способствуют целенаправленному развитию двигательных качеств, не оказывают непосредственного воздействия на системы и функции организма детей и их здоровье. Во многих программах не оказывается должного внимания развитию физических качеств детей дошкольного возраста, тогда как значительное количество дошкольников (28–40%) имеет низкий и ниже среднего уровень физической подготовленности, и, как следствие, показатели функций сердечно-сосудистой и дыхательной систем свидетельствуют о снижении резервных возможностей организма детей [4].

Реализация концепции сохранения здоровья ребенка представлена в отечественных образовательных программах «Здоровье», «Основы безопасности детей дошкольного возраста». В программах «Радуга» «Детский сад – дом радости», «Дружные ребята», «Наследие» и «Золотой ключик» в большей степени реализуется социальное развитие ребенка. Эстетическое развитие воплощается в программах «Развитие», «Истоки», «Детство». Идеи о необходимости развития творчества содержит в себе программа «ТРИЗ».

Некоторые программы носят узкоспециализированный характер, например: «Юный эколог», «Дошкольник и экономика», «Кроха», «Планета детства», «Синтез», «Гармония», «Малыш», «Детская одаренность», программа развития речи в детском саду, «Старт» и др.

Наряду с отечественными программами в нашей стране используются и зарубежные системы воспитания: Монтессори-педагогика, Вальдорфский детский сад, «Пилотная школа», «Шаг за шагом», центр ранней социализации детей «Зеленая дверца».

Несомненно, что в зарубежных системах воспитания, в том числе физического, накоплен положительный опыт работы, однако его внедрение у нас в стране требует предварительного, глубокого изучения и проведения сравнительной оценки эффективности программ. Как показывает практика, включение программ зарубежных авторов в образовательно-воспитательный процесс ДОУ не всегда обоснованно. Материал в таких программах представлен специфично: в некоторых из них имеется достаточно выраженная структура, другие – в большей степени представляют собой некую философию, третьи – педагогическую технологию [5]. Программа «Шаг за шагом» (Джорджтаунский университет, Вашингтон, США) вообще отрицает занятия как особую форму обучения детей дошкольного возраста, а все образование рекомендует строить через игру и самостоятельную деятельность детей. Занятия физической культурой по этой программе не предусмотрены. Организованная двигательная деятельность детей исключена из режима дня в пользу самостоятельной. Поэтому процесс развития ребенка в определенной мере носит спонтанно-беспорядочный и хаотичный характер [6].

Следует отметить, что, несмотря на своеобразие путей развития педагогической науки и практики, системы дошкольного образования различных стран мира стремятся к разрешению общих проблем. Речь идет об определении содержания, форм, средств и методов, наиболее подходящих для гармоничного психофизического и социального развития детей.

Как показал анализ литературы, зарубежные программы дошкольного образования в большинстве своем ориентированы на интегрированный характер учебного курса. Дошкольные программы Великобритании, признавая самоценность детства, рассматривают его как часть жизни, а не как подготовку к обучению на следующей ступени жизни, ребенок воспринимается как целостное существо, все стороны развития которого взаимосвязаны [7]. Поэтому обучение не разделяется на отдельные предметы.

Требования американской Национальной ассоциации образования маленьких детей США также ориентируют дошкольные учреждения на развитие и образование «ребенка в целом»: «Практика должна соответствовать уровню развития детей» (т.е. учебный курс не должен расчленяться на отдельные дисциплины).

Продолжая разговор о проблемах образовательных программ для ДОУ, нельзя не отметить, что все они предназначены, главным образом, для здоровых детей, количество которых, согласно данным НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков Научного центра здоровья РАМН, составляет лишь около 10%. При планировании педагогического процесса в ДОУ практически не учитывается и состояние психического здоровья, а также адаптационные ресурсы и возможности детей. Тенденция ухудшения здоровья детей дошкольного возраста обусловливает необходимость физкультурно-оздоровительной работы непосредственно в условиях ДОУ, где ребенок находится практически ежедневно и где, следовательно, имеется возможность обеспечить своевременность и регулярность воздействий.

В современной системе общественного дошкольного образования произошли качественные изменения, связанные с появлением многообразных типов и видов ДОУ, отнесенных к разным категориям. В связи с этим детям, воспитывающимся в ДОУ различных категорий, предоставляются неодинаковые образовательные условия. К третьей (низшей) категории отнесен детский сад, реализующий государственный образовательный стандарт (ГОС); ко второй – детский сад с превышением ГОС по одному или нескольким направлениям развития (интеллектуальному, физическому, эстетическому и др.); к первой (высшей) категории – детский сад, с превышением ГОС по всем направлениям (Центр развития ребенка). Дети, посещающие различные по категорийности ДОУ, имеют различные возможности образования, в том числе и в сфере физического [8]. Несомненно, что эффективность реализации задач и содержания физического воспитания во многом зависит от количества и качества физкультурно-спортивного оборудования и инвентаря, от адекватной предметно-пространственной развивающей среды, обеспечивающей разностороннее физическое развитие. Сегодня целый ряд ДОУ (главным образом, третьей категории) имеют ограниченные возможности для улучшения материально-технического оснащения физического воспитания, обновления физкультурно-игрового оборудования и инвентаря, приобретения методического обеспечения, расширения штатного расписания. ДОУ первой категории имеют большие возможности. Они гораздо лучше оснащены физкультурно-спортивными залами и площадками, бассейнами, оборудованием и инвентарем. Занятия проводят специалисты по физическому воспитанию.

Необходимо отметить, что ДОУ с превышением стандарта по физическому воспитанию, тоже не всегда может дать положительные результаты. Согласно теории амплификации, обоснованной А.В. Запорожцем, отдельные функции ребенка развиваются не самостоятельно и автономно, а во взаимосвязи, как свойства целостной личности. Работа, построенная с опорой на те или иные линии развития (интеллектуальную, физическую), может вызвать серьезные перекосы в личностном развитии дошкольника. Выходом может служить разумная интеграция двигательной и познавательной деятельности ребенка на всех этапах его развития.

В настоящее время в системе дошкольного образования существует проблема больших умственных перегрузок, которые испытывают дети, и ухудшающегося состояния здоровья. Это связано с большим количеством разнообразных программных направлений и дополнительным внепрограммным образованием, снижением двигательной активности. В программах ДОУ по различным учебным дисциплинам не уделяется должного внимания применению здоровьесберегающих технологий, интеграции двигательной и познавательной деятельности детей [9]. Несмотря на предлагаемое сегодня для ДОУ большое количество образовательных программ, отсутствуют программы, отвечающие высокой потребности детей в двигательной деятельности, организованной в соответствии с особенностями детского организма.

Многочисленные исследования, проведенные в нашей стране и за рубежом, свидетельствуют о незаменимом вкладе целенаправленного физического воспитания в процесс психомоторного, умственного и эмоционального развития детей дошкольного возраста. Дошкольный возраст является решающим периодом жизни человека в формировании отношения к физической активности как существенному элементу здорового

стиля жизни. Вышеизложенное подчеркивает исключительное значение физического воспитания детей и необходимость поиска путей его дальнейшего совершенствования с учетом основных тенденций развития дошкольного образования в России. Совершенствование системы физического воспитания детей дошкольного возраста представляет собой сложную комплексную проблему, успешное решение которой зависит от ее ресурсного обеспечения: организационного, научно-методического, кадрового, финансового и материально-технического.

Библиографический список

1. Программа воспитания и обучения в детском саду / Отв. ред. М.А. Васильева. – М.: Просвещение, 1985. – 174 с.

2. *Комков А.Г., Кириллова Е.Г.* Организационно-педагогическая технология формирования физической активности школьников // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2002. – №1. – С. 2–4.

3. *Филиппова С.О.* К вопросу о программах физкультурно-оздоровительной работы в ДОУ // Дошкольное воспитание. – 1999. – №12. – С. 36–38.

4. *Солодков А.С., Есина Е.М.* Физическое и функциональное развитие детей дошкольного возраста Санкт-Петербурга // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 1999. – №1–2. – С. 12–15.

5. *Ерофеева Т.И.* Изучение подходов к организации вариативного обучения детей дошкольного возраста (на материале обучения математике) // Проблемы дошкольного образования: Материалы научной конференции. – М., 1994. – С. 34–37.

6. *Головина О.В., Айзмана Р.И.* Влияние нормированной физической нагрузки на психофизическое развитие дошкольника // Валеология. – 1999. – №1. – С. 47–52.

7. *Парамонова Л.А., Протасова Е.Ю.* Дошкольное и начальное образование за рубежом: История и современность: Учебное пособие. – М.: Академия, 2001. – 240 с.

8. *Филиппова С.О.* Региональный компонент государственного стандарта образования дошкольников в области физической культуры // Современные образовательные направления в физической культуре: Сб. науч. трудов междунар. науч.-практ. конф. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. – С. 217.

9. *Козлов И.М., Правдов М.А., Никифоров Ю.Б.* Физическая культура и здоровье дошкольников // Матер. Междунар. конгресса «Физическая культура, спорт и здоровье нации». – СПб.: СПбГАФК им. П.Ф. Лесгафта, 1996. – С. 257.

УДК 37

Гавриш Екатерина Михайловна
Московский гуманитарный педагогический институт
aakatova@list.ru

ПРАВОВАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАМОТНОСТЬ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ШКОЛЬНИКА: КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Инновационные подходы к проблеме содержания образования детерминируют обращение к феноменам «функциональная грамотность», «правовая функциональная грамотность» и «правовая культура». Автор статьи предлагает теоретико-методическую модель правовой культуры учащегося общеобразовательной школы, содержащую пять логически взаимообусловленных компонентов, отражающих структуру и содержание рассматриваемого концепта.

Ключевые слова: *содержание образования, функциональная грамотность, правовая функциональная грамотность, правовая культура, правовое воспитание школьников.*

Развитие отечественного образования требует обоснования новых подходов к формированию его содержательной базы. С разработкой соответствующего содержания образования связана и проблема формирования функциональной грамотности учащихся.

Человек, прошедший через определенный этап образования, приобретает необходимую функциональную грамотность, которая может рассматриваться как мера развития человека, готовящегося войти в мир образованности.

Сам термин «функциональная грамотность» был предложен на Всемирном конгрессе по ликвидации неграмотности, проходившем в Тегеране в сентябре 1965 года [7, с. 15].

Многоплановость феномена «функциональная грамотность» обусловливает наличие большого числа объясняющих его дефиниций. В кон-

 © Гавриш Е.М., 2010

тексте нашего рассмотрения целесообразно представить некоторые из них. Функциональная грамотность – это:

– способность человека вступать в отношения с внешней средой и максимально быстро адаптироваться и функционировать в ней [5];

– индекс грамотности, делающий возможной полноценную деятельность индивида в социальном окружении [6].

Б.С. Гершунский акцентирует внимание на личностной ориентированности категории «функциональная грамотность», показывая ее место в процессе становления личности. По его мнению, в структуру образованности, которая воспроизводит структуру функциональной грамотности, входят такие компоненты, как компьютерная грамотность, информационная грамотность, экологическая грамотность, психолого-педагогическая грамотность, медико-гигиеническая грамотность, художественно-эстетическая грамотность и т.д. [2, с. 90].

Функциональная грамотность становится актуальной тогда, когда приходится сталкиваться с её отсутствием, поэтому необходимо говорить не столько о функциональной грамотности, сколько о функциональной неграмотности. Это очень важный аспект, поскольку, как считают многие эксперты, функциональная неграмотность относится к числу факторов риска современной цивилизации, она способна обернуться и, к сожалению, оборачивается большими потерями и убытками для общества.

Основу формирования функциональной грамотности составляют соответствующие образовательные программы, при разработке которых необходимо учесть:

– многокомпонентную структуру функциональной грамотности;

– минимизацию содержания функциональной грамотности;

– инвариантность функциональной грамотности по отношению к подсистемам образования (общего, профессионального, дополнительного);

– личностную ориентированность образования [4, с. 44].

Подчеркивая интегративный характер категории «функциональная грамотность», В.А. Ермоленко, Р.Л. Перченок и С.Ю. Черноглазкин выделяют ее правовую составляющую. По их мнению, правовая грамотность характеризуется знакомством с нормами реализации избирательного права, трудового права, семейного права, экологического права, уголовного права, правового регулирования гражданских отношений, а также с видами ответственности за правонарушения, с основами судебного гражданского процесса, с деятельностью арбитражного суда, нотариата, адвокатуры РФ и т.д. [4, с. 45].

Правовая грамотность является базой для формирования у молодого человека гражданской позиции как точки зрения, влияющей на выбор жизненного пути, на построение стратегий взаимодействия с другими людьми, с обществом в целом.

В условиях общеобразовательного учебного заведения решение задачи становления правовой грамотности учащихся связано с процессами воспитания и образования, предопределяющими роль и значение функциональной грамотности как базового иерархического уровня последовательности «грамотность – образованность – культура».

Следует различать понятия «правовая функциональная грамотность» и «правовая культура» как две степени усвоения правовых знаний и формирования правовой деятельности.

В современной научной литературе выделяется несколько подходов к определению понятия «правовая культура». Так, ряд авторов (К.А. Моралева, Р.С. Могилевский, В.В. Орехов и др.) в правовую культуру включают весь комплекс осуществленных и идеальных элементов, относящихся к сфере действия права. А.Ф. Гранин, В.Д. Шишкин, Л.С. Явич и др. трактуют правовую культуру как совокупность ценностей правовой сферы, имманентных определенному историческому периоду. Е.В. Аграновский, Е.А. Зорченко, А.Л. Липас, С.Н. Кожевникова рассматривают правовую культуру как способ деятельности, как комплекс приемов, способов, процедур, характеризующих уровень правовой работы, достигнутый обществом.

Как представляется, органичным по отношению к нашему исследованию является определение, данное В.Н. Гуляихиным, который понимает под правовой культурой правовую сферу жизни социума, детерминируемую общественно-экономическим строем и выражающуюся в достигнутом уровне правовой деятельности, правосознания личности и в целом в правовом развитии граждан [3, с. 76].

Круг субъектов правовой культуры достаточно обширен. Необходимо различать правовую

культуру всего населения, больших и малых социальных групп, отдельных индивидов. На основании тех или иных социальных ролей, выполняемых личностью, правовая культура предстает как правовая культура родителей, покупателей, пассажиров, руководителей, педагогов и т.д. «Перечень субъектов правовой культуры, по-видимому, бесконечен», – считает С.С. Алексеев [1, с. 139].

Нами разработана теоретико-методическая модель правовой культуры учащихся общеобразовательной школы, которая включает в себя следующие компоненты:

– идентификация уровня собственного правосознания;

– правопсихологическая направленность личности;

– усвоение основ правовой ювенологии, девиантологии, виктимологии;

– интериоризация норм права;

– реализация паттернов правового поведения.

Существенное значение для повышения уровня правовой культуры школьников имеет правовое воспитание, которое выступает в виде систематического воздействия на сознание и поведение субъекта с целью создания у него чувства уважения к праву и формирования навыков соблюдения нормативных правовых актов на основе развитого мировоззрения.

Говоря о правовом воспитании школьников, чаще всего имеют в виду нравственно-правовое воспитание, гражданско-правовое воспитание, этико-правовое воспитание, патриотическое воспитание. Правовая воспитанность ведет к процветанию государства, поскольку правовые знания и правовые навыки являются основой и эффективной экономической деятельности граждан.

Важнейшей задачей правового воспитания является его ориентация на борьбу с правонарушениями и, прежде всего, на профилактику противозаконных деяний. Поэтому большое внимание должно уделяться устранению дефектов правосознания у лиц, склонных к правонарушениям.

Однако в основной своей части правовоспитательные мероприятия направлены на законопослушных граждан, педагогическое воздействие на которых осуществляется с целью формирования определенного уровня правовой функциональной грамотности и правовой культуры.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* // Государство и право. – 1999. – №8. – С. 136–140.

2. *Гершунский Б.С.* Грамотность для XXI века // Советская педагогика. – 1990. – №1. – С. 89–94.

3. *Гуляихин В.Н.* Правовая культура: понятие и структура / Сб. науч. ст. ВГПУ. Вып. 7, 8. – Волгоград: Перемена, 2000. – 128 с.

4. *Ермоленко В.А., Перченок Р.Л., Черноглазкин С.Ю.* Дидактические основы функциональной грамотности в современных условиях: Пособие для работников системы образования / Рос. акад. образования, теории образования и педагогики. – М., 1999. – 228 с.

5. *Мацкевич В., Крупник С.* Всемирная энциклопедия: философия. – Режим доступа: http://worvik.narod.ru

6. *Сметанникова Н.Н.* Грамотность, единственное или множественное число? – Режим доступа: http://www.Library.ru

7. *Тангян С.А.* Новая грамотность в развитых странах // Советская педагогика. – 1990. – №1. – С. 14–19.

УДК 37

Гудина Татьяна Викторовна
кандидат педагогических наук, доцент
Вологодский государственный технический университет
GTV1968@mail.ru

РЕАБИЛИТАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНФОРМАЦИОННО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Автор статьи считает, что, как бы ни раздвигались границы познания, не обновлялась материально-техническая база информации и просвещения, есть социальные институты, которые в отношении детей-инвалидов берут на себя основные содержательные функции интеграции и реабилитации, – это библиотека, музей, выставочные залы, учреждения клубного типа и др.

Ключевые слова: *интеграция, реабилитация, информационно-просветительной деятельности библиотеки, самообразование детей-инвалидов, фестивали творчества инвалидов, музеи, общественные организации инвалидов.*

Демократизация общественно-политических отношений, освобождение социально-культурной сферы от идеологического и административного пресса, восстановление исторически сложившихся национально-культурных традиций, широкое развитие международных связей и ряд других объективных факторов создали благоприятные условия для превращения учреждений культуры в общественно-государственные центры удовлетворения и дальнейшего обогащения духовно-эстетических потребностей людей.

XXI век открывает перед человечеством самые широкие возможности получения информации и удовлетворения своих познавательных интересов. Однако, как бы ни раздвигались границы познания, не обновлялась материально-техническая база информации и просвещения, есть социальные институты, которые веками сохраняют и будут сохранять свое особое, неповторимое место в духовной жизни общества, а в отношении детей-инвалидов берут на себя основные содержательные функции интеграции и реабилитации – это библиотека, музей, выставочные залы, учреждения клубного типа и др.

Обеспечивая преемственность поколений, превращая документы истории и образцы культурной деятельности в средства информационно-логического и эмоционально-образного воздействия, эти культурно-просветительные институты помогают детям постигать непреходящие ценности человечества, осваивать новую информацию, включаться в социально-культурное творчество.

Значительная роль принадлежит *библиотекам*, которые, участвуя в реализации различных реабилитационных программ, могут взять на себя посредническую функцию, координируя усилия и ресурсы различных организаций, занимающихся проблемами инвалидов, предоставляя условия для взаимодействия педагогов, родителей, медиков, социальных работников, работников культуры, ученых, представителей власти, СМИ.

Как образовательный центр, библиотека призвана обеспечить доступ к новейшим образовательным технологиям, организовать процесс самообразования инвалидов, и особенно детей-инвалидов, обучающихся по индивидуальной программе, помочь войти в мир культуры социально наименее защищенным лицам. Для этого библиотеки должны быть оснащены компьютерными диагностическими и обучающими методиками, в том числе специально созданными для лиц с нарушениями в развитии. Современная библиотека становится местом хранения кино-, фоно- и фотоматериалов: фонотекой, видеотекой, игротекой, выставочным залом и даже музеем. Интеграция различных видов искусств позволяет библиотеке наиболее полно осуществить посредничество между культурой и личностью, оптимизировать терапевтические и рекреационные процессы.

На базе библиотеки осуществляется, как правило, такое направление психотерапевтической работы, как библиотерапия, разрабатываются программы креативной педагогики, формирующей способность к продуктивной деятельности, самостоятельному творчеству детей, обеспечивающие интеллектуальное, эмоциональное и духовное развитие личности. Систематические занятия детей-инвалидов художественным творчеством позволяют достичь высоких результатов в развитии их литературно-художественных способностей, образного мышления, воображения,

© Гудина Т.В., 2010

речи, гармонизировать личность, научить терпимости и доброжелательности, повысить самооценку, приобрести более оптимистический взгляд на жизнь.

Увеличение общего объема информации и усиление ее разнообразия обусловили необходимость значительно расширить рамки информационно-просветительной деятельности библиотеки, детерминировали укрепление ее связей с образовательными учреждениями и институтами культуры и досуга в решении единых социально-культурных задач. Сохраняя принцип добровольности и свободы выбора, библиотеки позволяют создавать благоприятную культурную среду, изучать, удовлетворять и возвышать реально проявляемые духовные интересы и потребности детей-инвалидов, вовлекать их в различные виды познавательного творчества, а через него в широкий мир культуры.

Массовые детские библиотеки могут организовывать совместную деятельность детей с ограниченными возможностями и здоровых сверстников, обеспечивая органичное и плавное включение в процесс социально-психологической интеграции. В частности, на первом этапе такая совместная деятельность осуществляется в форме присутствия детей-инвалидов на общих для всех детей мероприятиях. Или наоборот – последние могут выступать в качестве авторов творческих работ, а здоровые дети – как зрители и участники выставки. Для детей с ограниченными возможностями такие формы станут способом не только интеграции, но и психологической реабилитации – они позволят ощутить себя в социально значимой, возвышающей роли. Далее можно практиковать опосредованное общение детей-инвалидов и их здоровых сверстников (например, ознакомление с продуктами творчества), а также последующие встречи на базе библиотеки. Этап непосредственного общения предполагает организацию любительских объединений и клубов по интересам.

Современная библиотека привлекает читателей-инвалидов не только как образовательный и информационный центр. Она воспринимается и как место межличностного общения, отдыха, интересного проведения досуга. В наибольшей степени это относится к детям-инвалидам. Инвалидность ведет к изоляции ребенка от общества, затрудняя его физическое, психическое, личностное развитие. И библиотека должна стать местом, где юному человеку помогут справиться со своей бедой, сделают все возможное, чтобы ребенок чувствовал себя полноценным членом общества.

Формы и методы работы с детьми-инвалидами возможны самые разнообразные Основная цель библиотекарей – развитие способностей детей-инвалидов, приобщение их к чтению с помощью литературно-творческих, познавательных игр, конкурсов, участие в праздниках. Во многих библиотеках успешно работают клубы по интересам и кружки любителей музыки, поэзии, изобразительного искусства; приобретение видеофильмов позволяет использовать их в работе киноклубов; проводятся экскурсии, разнообразные по форме и содержанию: экскурсия-диспут, экскурсия-диалог, экскурсия-путешествие и др.; развивающие игры, интеллектуальные игры, смотры, конкурсы и другие виды культурно-досуговой деятельности.

Принципиальная особенность библиотечной деятельности в современных условиях связана с широким внедрением электронной техники. Появление в библиотеках персональных компьютеров позволило обучать детей-инвалидов навыкам работы на компьютере и вспомогательной технике, им предлагаются курсы английского языка и информатики.

Как подчеркивает И.Е. Баренбаум, электронная книга теснит на библиотечных полках традиционные формы печатных изданий [2]. Фонды библиотек все более пополняются различными аудиовизуальными средствами, компьютерами, компакт-дисками, видеокассетами. Возникают артотеки, диатеки, фильмотеки. Привычные книгохранилища, библиотеки превращаются в «медиатеки», появляются и утверждают себя новые средства и способы хранения и передачи информации.

Работа с ребенком-инвалидом в библиотеке невозможна без контакта с его семьей. Традицией многих библиотек стало объединение родителей детей-инвалидов в советы, семейные клубы, «родительские классы». Это своеобразные группы взаимопомощи с общей жизненной проблемой, где люди могут обмениваться опытом, информацией, эмоциональной поддержкой и ресурсами. В группе возникает огромный потенциал взаимопонимания и доверия, помогающий родителям чувствовать, что они не одиноки, и осознавать свою силу.

Стараясь оказать помощь матерям детей-инвалидов, в некоторых библиотеках организуются «клубы мам», в которых женщины могут реализовать себя, свои возможности и таланты. В ре-

зультате совместно проводимого досуга они выходят из социальной изоляции, обретают уверенность, начинают «новую» жизнь. На встречах в семейных клубах мамы говорят и обсуждают свои проблемы, делятся опытом. Наличие одинакового запаса знаний о предмете обсуждений (проблемный ребенок), доброжелательное, заинтересованное отношение собеседников друг к другу делают такое общение желанным и продуктивным.

Современная библиотека утвердилась как неотъемлемое звено системы образования и воспитания, приняв на себя существенную роль:

– в реализации внешкольных форм социализации, инкультурации и индивидуализации детей-инвалидов;

– в обеспечении самореализации творческих потенций личности, выходящих за пределы учебной деятельности;

– в оказании помощи учреждениям, занимающимся проблемами инвалидов (образовательным, реабилитационным, коррекционным, воспитательным), координируя усилия и ресурсы этих организаций;

– в содействии семье и школе в общекультурном и профессиональном воспитании детей с проблемами в развитии;

– в информационно-методической деятельности (выпуск газеты, проведение семинаров, помощь в создании теле- и радиопередач о творчестве детей, имеющих инвалидность);

– в организации интеллектуально насыщенного досуга, формированию новых культурно-досуговых потребностей детей-инвалидов.

В последние годы заметно растет интерес к реабилитации детей-инвалидов средствами культуры и искусства. В этом немалая заслуга *фестивалей творчества* инвалидов, их очевидная эффективность не только в реабилитации, но и в информационно-просветительной направленности. Фестивали художественного творчества инвалидов – это культурное мероприятие, позволяющее обратить внимание общественности и государственных органов на проблемы людей с ограниченными возможностями, создать условия для их творческого потенциала, привлечь специалистов к оказанию творческой, методической помощи всем инвалидам, проявляющим интерес к художественному творчеству. Велико значение фестивалей и с точки зрения социализации личности инвалида, его интеграции в общество. Фестивали как бы высвечивают процессы продвижения инвалида от пассивного состояния к активному, трансформируют пассивные виды досуга в деятельные, созидательные формы.

Проанализировав задачи и цели фестивалей творчества инвалидов, уместно подчеркнуть, что в мировой и российской практике сложились два основных типа фестивалей, два взгляда в оценке их сущности. С одной стороны, творческая деятельность детей-инвалидов рассматривается как средство обогащения культуры, создание ощутимого художественного результата наиболее талантливыми, т.е. немногими из инвалидов. Эта цель реализуется путем содействия развитию творческого потенциала наиболее одаренных и талантливых инвалидов, оказания им адресной материальной поддержки.

С другой стороны, ставится задача «привлечения широких кругов инвалидов к активному участию в культурной жизни общества», т.е. творческая деятельность рассматривается как средство максимально широкого включения детей-инвалидов в культуру, как средство их социальной реабилитации и адаптации в обществе.

Однако наряду с этим решаются не менее значимые задачи развития социальной рефлексии и привлечения внимания широкой общественности к сфере художественного творчества детей-инвалидов, организации помощи на местах, создание целевых программ комплексной медико-психолого-педагогико-социальной защищенности одаренных детей, имеющих инвалидность.

Культуросозидающая, воспитательная, информационно-просветительная функция присуща любому *музею,* независимо от его профиля. Музей выступает как посредник, необходимое звено между индивидом и культурной средой. Он доносит своими средствами комплекс духовных ценностей, идей, эмоций. Тем самым музей включает детей с ограниченными возможностями в культурно-исторический процесс. В экспозиции музеев, отражающих лучшие образцы архитектуры, живописи, скульптуры, мозаики, литературы, музыки, хореографии, фольклора, прикладного творчества и иных компонентов народно-традиционной культуры, проявляется концентрированное отражение культурной памяти, культурного наследия. Для детей-инвалидов принципиально важным представляется одновременное воздействие экспозиции музея на сознание и эмоциональную сферу, проявляющееся в активизации его физических и духовных сил, способностей.

Эффективность социально-педагогического воздействия строится с учетом единства информационно-логического и эмоционально-образного мышления, достигаемого в условиях активного освоения музейных ценностей. Основой этого эффекта выступают:

– экспозиция, наглядно отражающая непреходящие ценности истории и культуры;

– информационно-коммуникативный потенциал экскурсии и мастерство экскурсовода; деятельность экскурсовода строится не на перекладывании объема знаний, а, прежде всего, на возбуждении сознания, памяти, представлений, ассоциаций и опыта детей;

– расширение и углубление гуманитарных знаний (познание отечественной истории, усвоение ценностей мировой и национальной культуры), ассоциативное восприятие экспозиции музея;

– широкое использование издательской, информационно-просветительной и рекламно-иллюстративной деятельности для расширения информационного поля музея и включения в него средств массовой информации, клубных учреждений, учебных заведений и иных социальных институтов, подготовка информационных страниц в Интернете;

– создание условий для постижения ценностей музейной экспозиции в сфере семейного и индивидуального досуга.

Музеи осуществляют широкую информационно-образовательную деятельность в детских садах, школах-интернатах, детских домах, коррекционных учреждениях. Организуют выставки, цель которых выявлять и поддерживать творческий рост детей с ограниченными возможностями. Работы представляются по номинациям: живопись, графика; декоративно-прикладное искусство; компьютерная графика, фотография. Во время экспозиции проводится конкурс.

Проблемы, с которыми сталкиваются инвалиды в современном обществе, имеют не только материальную направленность, но это и трудности в передвижении. Для детей с ограниченными возможностями часто недоступны обычные школы, театры, музеи, где нет пандусов, лифтов и прочих приспособлений, недоступен городской транспорт. Только в последние годы петербургские музеи начинают разрабатывать программы, с помощью которых музейное пространство становится досягаемо для людей в инвалидных колясках. Государственный Русский музей стал одним из первых в России и первым в Санкт-Петербурге музеем, полностью приспособленным для посещения людьми с ограниченными возможностями [4].

Повседневную работу по нравственно-эстетическому воспитанию ведут музеи учебных заведений, которые создают на своей базе школы общественных экскурсоводов и клубы друзей музея, проводят встречи с интересными людьми, вовлекают детей в различные формы социально-культурного творчества.

Важным направлением совершенствования деятельности музея стало приведение его информационно-методического обеспечения в соответствие с требованиями и техническими возможностями начала XXI века. В первую очередь это было связано с подключением к Интернету и иным мировым информационным структурам, установлением системы обмена научно-методической информацией с ведущими музеями мира. Дети с ограничениями по состоянию здоровья, получив доступ в Интернет, имеют возможность побывать в музеях России и мира. «Музейный Интернет-клуб» предлагает инновационные методики специализированного музейного обслуживания детей-инвалидов [3].

В создании условий, оптимизирующих процесс социально-культурной реабилитации инвалидов, особая роль принадлежит *общественным организациям,* создаваемым по инициативе самих инвалидов и с их участием. Эти общества имеют целью привлечь к решению жизненно важных проблем людей с ограниченными возможностями государственные структуры, общественность. Практические задачи обществ состоят в помощи инвалидам в области трудоустройства, образования, рекреации, досуга и т.п. За счет собственных средств они развивают производство, ведут жилищное строительство, содержат клубы и дома культуры, самодеятельные и профессиональные творческие коллективы, санатории и базы отдыха, занимаются просветительской и издательской деятельностью, организуют спортивно-оздоровительную и досуговую деятельность как своих членов, так и всех категорий инвалидов.

В число основных социальных функций информационно-просветительной деятельности досуговых центров входят компенсаторная функция (восполнение недостатков базового образования), адаптирующая (оказание помощи в приспособлении к изменяющейся действительности), креативная функция (развитие творческих спо-

собностей человека, включение инвалида в культурное пространство) [1].

Наиболее ценным в информационно-просветительной деятельности культурно-досуговых учреждений является то, что они принимают на себя стимулирование, ориентирование и опосредованное руководство процессом культурного самосовершенствования лиц с ограниченными возможностями.

Общественные организации, созданные по инициативе инвалидов, в том числе и досуговые центры, призваны удовлетворять широкую гамму рекреативных и духовных потребностей детей-инвалидов. Однако эти потребности нельзя представить усредненными, они должны отражать реальную дифференциацию способностей, возможностей, наклонностей, дарований, интересов конкретных людей.

Проблема социокультурной реабилитации инвалидов требует комплексного подхода. При этом основными объектами социально-культурной политики следует рассматривать условия и образ жизни инвалида, основные социокультурные формы жизнедеятельности (жизнеобеспечение, социализация, инкультурация, социальная коммуникация, рекреация). Такой подход позволяет: найти конкретные виды деятельности, способные компенсировать имеющийся дефект; определить, какие организационные структуры и социокультурные технологии следует использовать для социокультурной адаптации и реабилитации детей-инвалидов с целью их максимально эффективной интеграции в социокультурную жизнь микрорайона, города, страны, мира. Проблемное поле детей-инвалидов задает основные направления и содержание социально-реабилитационной и коррекционной деятельности. Необходимо отметить, что помимо традиционных направлений (таких, как художественно-творческая реабилитация, психологическая реабилитация, физическая реабилитация, трудовая терапия инвалидов, социально-психологическая адаптация и социальная поддержка) особое место отводится духовной реабилитации детей-инвалидов средствами информационно-просветительской деятельности, проявлению социальной активности, самореализации индивидуально-творческих потенций во всех сферах жизнедеятельности.

Библиографический список

1. *Ариарский М.А.* Прикладная культурология. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. унив-т культуры и искусств, 2001. – 326 с.

2. *Баренбаум И.Е.* Книговедение и электронная книга // Культура на пороге III тысячелетия. Материалы IV международного семинара в Санкт-Петербурге 30 мая – 3 июня 1997 г. – СПб., 1998. – С. 49–53.

3. http://www.museum.ru/N34631.

4. http://www.regnum.ru/news/554207.html.

УДК 378

Дорохина Надежда Николаевна

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

licei5@rambler.ru

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ШКОЛЬНИКОВ ИЗ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ СЕМЕЙ

В данной статье раскрывается комплексный подход к процессу формирования ценностных ориентаций младших школьников из неблагополучных семей.

Ключевые слова: *процесс формирования, ценностные ориентации, неблагополучная семья, младшие школьники, педагогика, психология.*

Коренные социально-экономические изменения в стране, переход к рыночной экономике, ослабление социальных институтов, призванных заниматься воспитанием детей, прежде всего института семьи, привели к значительному росту неблагополучных семей.

Актуальность исследования данной проблемы обусловлена следующими статистическими данными: в органах внутренних дел на социально-профилактическом учёте состоит свыше 200 тысяч неблагополучных семей; в размерах страны наблюдается увеличение числа несовершеннолетних с девиантным поведением. Ежегодно несовершеннолетними совершается 100 тысяч правонарушений [3, с. 3].

Семья – важнейший институт социализации подрастающих поколений. Она являет собой персональную среду жизни и развития детей; самый

© Дорохина Н.Н., 2010

первый институт социализации ребёнка. «В семье… дети овладевают азбукой человеческого общения, через которую постигают алгебру взаимоотношений» [7, с. 28]. Именно в семье формируются первичные представления ребёнка, ценностные ориентации и социальные установки. Известно, что влияние семьи на ребёнка носит системный характер и является объектом изучения различных областей знаний – психологии, педагогики, теории ценностей, этнографии, демографии, экономики, медицины, социологии, психиатрии, криминологии, социальной работы и т.д.

Мы в своей работе рассматриваем аспект формирования ценностных ориентаций школьников из неблагополучных семей и обращаемся к анализу теоретико-методологических исследований неблагополучной семьи и отклоняющегося поведения педагогами и психологами, исследований теории ценностей, исследований семьи психиатрами и социологами. Так, теоретико-методологические исследования педагогов и психологов неблагополучной семьи и отклоняющегося поведения приведены в работах Б.Г. Ананьева, А.С. Алемаскина, В.Г. Афанасьева, Е.А. Ануфриева, И.П. Бошкатого, Л.И. Божович, С.А. Беличевой, Л.П. Буевой, В.А. Сухомлинского, И.С. Кона, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, М.Г. Ярошевского, А.С. Макаренко и др.

При этом психология изучает нарушения закономерностей поведения и деятельности в неблагополучной семье, психологические особенности людей в условиях семьи (Б.Н. Буянов, С.В. Ковалёв); педагогика рассматривает семью как субъект воспитательной работы (А.Г. Харчев, В.В. Бойко, И.Ф. Бестужев-Лада); социальная педагогика при изучении неблагополучной семьи концентрируется на искажении процесса адаптации ребёнка, затрудняющем его социализацию (М.А. Галагузова, А.В. Мудрик, Л.В. Мердыхаев и др.).

Исследования семьи психиатрами касаются влияния неблагополучной семьи на психику ребёнка (А.Е. Личко, Ю.В. Попов, В.В. Ковалёв, А.И. Захаров, В.А. Гиляровский, П.Б Ганнушкин, П.И. Балинский, И.А. Сикорский и др.).

Социология рассматривает семью с точки зрения невыполнения ею своих социальных функций, искажения в ней социальных процессов. Это направление представлено работами Э. Дюркгейма, Р.К. Мертона, Т. Парсонса, А.Г. Здравомыслова, А.Г. Вишневского, В.Н. Кудрявцева, М.И. Стельмаховича, Г.Г. Заваржина, М.П. Староверовой, И.Ф Дементьевой и др.

Исследователи теории ценностей раскрывают механизм формирования и развития ценностного сознания подростков и молодёжи в семье и в том числе в образовательном учреждении.

О роли семьи в процессе формирования личности говорили ещё Я.А. Каменский, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Г. Песталоцци, Б. Рассел, К.Д. Ушинский, П.П. Блонский и др. Они указывали, что семье наряду с воспитанием принадлежит существенная роль в становлении личности ребёнка.

Но в чём же суть воспитания? Существует много ответов на данный вопрос. Мы разделяем мнение В.А. Петровского, который указывает, что «суть воспитания – приобщение к миру общечеловеческих ценностей и норм взаимоотношений с миром и сознательное, свободное самоопределение человека в этом мире» [6, с. 19].

В последние годы всё чаще исследователи, изучающие проблемы современной семьи, говорят о том, что происходит падение педагогического потенциала семьи, престижа семейных ценностей, увеличение числа разводов, рост преступности в сфере семейно-бытовых отношений, повышение риска подверженности детей отклонениям в развитии из-за неблагополучного психологического климата в семье. Можно констатировать, что налицо признаки дезорганизации семьи, кризисности современного этапа её развития, увеличение количества неблагополучных семей. Происходят существенные изменения в структуре семьи, её ценностных ориентациях. Во-первых, семья как ценность по результатам опроса учащихся находится далеко не на первом месте. Этому способствуют и сами семьи детей, и в том числе средства массовой информации, которые не нацелены на популяризацию семьи как ценности. Исключением, пожалуй, составляют информационно-публицистические государственные программы, а во-вторых, в семье родители зачастую не имеют не только глубоких, но и элементарных психолого-педагогических знаний, а недостаток таких знаний сказывается на результатах воспитания детей.

К слову, воспитание в семье в большинстве случаев сводится к физическим наказаниям. Подтверждением тому служат результаты, опубликованные на сайте Центра социальной политики и гендерных исследований кандидатом социологических наук Екатериной Антоновой. В экспресс-

опросе участвовали жители Ижевска, Самары и Саратова. Всего было опрошено 1783 человека, в том числе 842 опрошенных – это родители детей возрастом до 18 лет. По данным диагностики, лишь каждый пятый ребёнок из тех, кто проживает в семьях, воспитывается добротой и лаской, а к остальным применяются разнообразные виды наказаний. В целом почти половине родителей (45%) случалось наказывать своих детей. По данным опроса, свыше 30% применяют телесные наказания, причём большинство из них используют достаточно жесткие меры: порка ремнём, избиение. Каждый пятый родитель наряду с телесными наказаниями пытается изменить поведение ребёнка, прибегая к моральному воздействию, обсуждению правил и норм. А вот таких людей, кто воздействует на ребёнка только спокойным словом, беседой, оказалось лишь 14%. Иными словами, в каждом седьмом случае последующее поколение имеет шанс жить в миролюбивой домашней обстановке. По данным исследований НИО РБ в 2002–2004 гг. от 35% до 50% школьников подвергались психическому и физическому насилию со стороны близких людей, к 20% школьников и детей младшего школьного возраста применялись физические наказания, брань [10].

Согласно исследованиям Л.Т. Смолиной, 37,2% отцов физически наказывали своих детей, из них 31,2% имеют высшее образование [4, с. 14]. А физические наказания, как показывает практика, развивают в ребёнке не самые лучшие черты характера, такие как скрытность, различные виды страха и т.п.

В-третьих, семейное воспитание отягощено проблемами самой семьи.

В чём же суть проблем современной российской семьи? Где, в каких её звеньях кризис? Следует отметить, что проявления кризиса наблюдаются в самых различных её сферах. Кризисом затронуты основы, на которых базируется современная семья: экономическая, её социальный статус, осуществляемые многообразные функции.

Процесс формирования ценностных ориентаций у детей из неблагополучных семей испытывает затруднения, которые заключаются не только в проблемах семьи. Родительская аудитория, во-первых, гораздо более закомплексована и инертна, а значит, трудно поддаётся воздействию, во-вторых, считает себя достаточно просвещённой и компетентной, чтобы принимать чужие советы относительно воспитания собственного ребёнка. Данная точка зрения совпадает с мнением Н.П. Майорова, Е.Е. Чепурных, С.М. Шурухт, О.Б. Сёмина – авторов программы «Обучение жизненно важным навыкам в школе. Программа профилактики злоупотребления психоактивными веществами», занимающихся более сложной, профилактической и коррекционной работой с родителями [5, с. 58]. Да и будет ли результат, если править то, что уже не поддаётся педагогическому воздействию со стороны, и корректировать взрослых людей (родителей) с уже сформированными ценностями и взглядами?!

Именно поэтому необходимо начинать формирование ценностных ориентаций как можно раньше. Подтверждением тому является практическая деятельность учёного, одного из первых, начавших разработку теории и практики семейного воспитания, педагога, врача Ефима Ароновича Аркина: «Быстрота роста человеческой личности в разные периоды далеко не одинакова... один год раннего детства вносит в жизнь ребёнка несравненно больше нового, чем в другую пору жизни пять или десять лет» [2, с. 50].

Учёный доказал: в первые годы жизни ребёнка закладываются основы нравственности, что создаёт условия для формирования ценностных ориентаций у детей. «Любая воспитательная мера – будь это слово, действие, ласка, помощь, упрёк, терпеливое выжидание – должна быть не только своевременна для настоящего, но должна также иметь в виду будущего человека, которого мы хотим создать» [1, с. 88].

В условиях усложнения общественной жизни, возникновения конфликтов, деформирующих её различные сферы, влияющих зачастую негативно на духовно-нравственное здоровье человечества и каждой личности в отдельности, претерпевают сущностные основания современного воспитания. Безусловно, содержание изменений неоднозначно. Но, несомненно, «главной задачей становится построение современного воспитательного процесса как целостного духовно-нравственного дискурса, обеспечивающего единство государства, общества и личности благодаря сознательному выбору мотивации нравственно и созидательно обусловленных, объективно оправданных действий» [9, с. 13].

Мы вслед за В.А. Сысенко, проанализировав множество факторов, влияющих на ребёнка, выделили следующие наиболее важные факторы

формирования личности несовершеннолетних в семье [8, с. 23]:

1) образ жизни, поведение, нравственный и культурный уровень матери и отца;

2) взаимоотношения между отцом и матерью;

3) отношение их к своему ребёнку;

4) осознание и понимание целей, задач и средств семейного воспитания, способов их достижения зависит от того, какими станут будущие мать и отец, во многом от образовательного учреждения и от реализуемых им программ, направленных на формирование ценностных ориентаций у детей.

Безусловно, такого рода программы должны иметь две цели: первая – обучающая – отвечает требованиям и критериям оценки интеллектуального и познавательного компонентов, воспитывающая отвечает требованиям эмоционально-ценностного компонента. Несомненно, предопределит содержание программы и условия культурно-образовательной среды, в которой находится ребёнок. В свою очередь дидактическая цель предполагает, на наш взгляд, постепенную реализацию: первый уровень – формирование у учащихся знаний философской и психолого-педагогической основы ценностей, ценностных ориентаций, их классификации, сущности социально-значимых ценностей как феномена цивилизованного общества, в том числе знаний национальных ценностей, определяемых условиями культурно-образовательной среды региона, и их роли в формировании личности. Для второго уровня необходимо развитие у учащихся ассоциативной основы для целостного восприятия знаний о национальных, характерных для региона, общероссийских и общечеловеческих ценностях, умения выделять главное и второстепенное, характерные признаки. Формирование эмоционально-ценностного отношения к духовному наследию края осуществляется на третьем уровне. Об этом можно ещё долго рассуждать, но ясно одно – время требует единой программы, и вводить её необходимо с первого класса.

Таким образом, для успешной реализации теоретических положений по формированию ценностных ориентаций у детей из неблагополучных семей, необходима организация школьной жизни в оптимально созданных условиях. Одно из обязательных условий – функционирование образовательного учреждения как социально-психолого-педагогического центра сопровождения семьи и личности ребёнка, базирующееся на принципах интеграции педагогики и психологии.

Библиографический список

1. *Аркин Е.А.* Биологические особенности дошкольного возраста // Педагогическая энциклопедия. Т. 2. – М., 1930.

2. *Аркин Е.А.* Родителям о воспитании. – М., 1957.

3. *Ганишина И.С.*, *Ушатиков А.И.* Неблагополучная семья и девиантное поведение несовершеннолетних: Учеб. пособие. – М.: Издательство психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2006. – 288 с.

4. *Запотылюк О.А.* Неблагополучные семьи. – Минск: Красико-Принт, 2008. – 128 с.

5. *Пелипас В.Е., Рыбакова Л.Н.* Вовлечение семьи в профилактику злоупотребления психоактивными веществами // Педагогика. – 2008. – №4. – С. 58.

6. *Петровский В.А.* Воспитание и дети: источники роста. – М.: Педагогика, 1994. – С. 19.

7. *Соловников Т.И.* Социально-психическая реабилитация. – М.: Прогресс. 1991. – С. 50.

8. *Сысенко В.А.* Супружеские конфликты. – 2-е изд. – М.: Мысль, 1989.

9. *Филонов Г.Н.* Деятельностная сущность воспитания // Педагогика. – 2008. – №2. – С. 13.

10. www.socpolicy.ru

УДК 159.928.22

Дубровина Светлана Валериевна
Ангарский филиал Сибирской академии экономики, права и управления
sibdub@rambler.ru

ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ И ИХ ОСОБЕННОСТИ У ПОДРОСТКОВ С ЯВНОЙ И СКРЫТОЙ ФОРМОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ОДАРЕННОСТИ

В статье на основе концепции А.О. Прохорова рассматриваются результаты изучения особенностей психических состояний у одаренных подростков. Констатируются различия в переживаниях неравновесных психических состояний у учащихся с явной и скрытой формой интеллектуальной одаренности и обычных подростков.

Ключевые слова: *неравновесные психические состояния, одаренные подростки, скрытая одаренность, явная одаренность, потенциал.*

Проблема одаренности в настоящее время становится одной из наиболее актуальных в психологической науке и практике, поскольку развитие и реализация интеллектуального и творческого потенциала детей имеет не только личностный, но и социальный смысл. В настоящее время можно выделить ряд направлений в изучении умственной одаренности: проведение лонгитюдных исследований, разработка многофакторных моделей одаренности, изучение возрастных особенностей развития одаренности, разработка принципов и методов идентификации одаренных детей, исследование аффективного развития одаренного ребенка. Вместе с тем анализ основополагающих исследований психологических особенностей одаренной личности показывает, что особенности психических состояний у одаренных подростков не выступали предметом научного анализа.

Цель данного исследования – выявить особенности психических состояний у подростков с явной и скрытой формами одаренности.

В процессе исследования нами были сформированы три выборки испытуемых. Опираясь на «Рабочую концепцию одаренности» [3], в первую группу мы включили интеллектуально одаренных детей, имеющих явную форму одаренности, психологический статус интеллектуально одаренных, являющихся призерами олимпиад различного уровня, смотров-конкурсов творческих работ и т.д. Во вторую группу были включены подростки, имеющие скрытую форму одаренности, т.е. те, кто по результатам психологической диагностики имел идентичный первой группе интеллектуальный потенциал, но не имел достижений в деятельности. Третью группу испытуемых составили обычные дети, не имеющие академической успешности и достижений в интеллектуальной деятельности.

Для изучения основных сторон психического состояния: психических процессов, физиологических реакций, переживаний и поведения – использовалась методика «Рельеф психического состояния» А.О. Прохорова А также исследовалась частота встречаемости различных неравновесных психических состояний высокой, средней и низкой степени активности [1; 2].

Статистический анализ частоты встречаемости неравновесных психических состояний высокой степени активности, с применением критерия X^2 Пирсона, показал статистически достоверные различия ($X^2 = 140{,}473$, $P = 0{,}000$). При этом в группе подростков с явной формой одаренности наиболее частым переживаемым состоянием является состояние счастья, которое выбирают 38% подростков с явной формой одаренности, 27% со скрытой и 45% обычных детей. Переживание радости также в большей степени характерно для детей с обычными возможностями (45%), в то время как число подростков, имеющих успехи в интеллектуальной деятельности, составляет 36% и 26% не реализующих свой потенциал испытуемых. В третьей группе состояние воодушевления встречается чаще (32%), чем в группе одаренных подростков с явной (21%) и скрытой (5%) формами одаренности. Среди отрицательно окрашенных состояний высокой степени активности доминирует состояние возмущения: у испытуемых второй группы (30%), у подростков с явной формой интеллектуальной одаренности – 21% и у обычных детей – 23%, что свидетельствует о большей выраженности у подростков со скрытой формой одаренности неуравновешенности и беспокойства.

Показательными являются результаты распределения испытуемых выделенных групп по переживанию психических состояний низкой энергетической активности ($X^2 = 181{,}618$, $P = 0{,}000$), кото-

© Дубровина С.В., 2010

рые являются самыми длительными по течению и в большей степени отрицательно окрашены. Так, состояние усталости переживают 30% подростков из группы интеллектуально одаренных, 27% из числа детей со скрытой формой одаренности и 27% обычных подростков. Это может объясняться тем, что реализующиеся подростки в большей степени вовлечены в образовательный процесс, больше времени и сил тратят на подготовку, что приводит к переживанию усталости. Однако, принимая во внимание представленные выше результаты, можно говорить, что состояние усталости сменяется переживанием состояний радости и счастья от успехов и купирует усталость.

Наиболее ярко представлено распределение испытуемых по частоте переживания состояния одиночества. В группе интеллектуально одаренных детей со скрытой формой одаренности 30% испытуемых ощущают внутреннюю изоляцию от мира и других людей, чувствуют себя непонятыми другими, в то время как в выборке интеллектуально одаренных с явной формой одаренности одиночество переживают только 12%, а из числа обычных детей 14%. Переживание чувства пустоты также наиболее выражено в выборке детей со скрытой формой одаренности и составляет 17%. Состояние нерешительности доминирует у подростков из первой группы (17%) (подростки с явной одаренностью – 8%), в то время как обычные подростки не выбрали данное состояние. В связи с этим можно предположить, что переживание данных состояний является фактором, препятствующим реализации потенциала подростками со скрытой формой одаренности.

Подтверждением этому может служить выбор подростками из первой и второй групп (36% и 38% соответственно) состояния лени (обычные дети – 41%). Анализируя частоту переживаемых состояний, можно утверждать, что если в выборке интеллектуально одаренных детей с явной формой одаренности лень в большей степени сопряжена с переживанием усталости и имеет природу восстановления после нагрузок, то во второй группе одаренных подростков лень сопряжена с негативными психическими состояниями переживания одиночества, пустоты, бессилия. Таким образом, лень имеет в первой группе естественный восстановительный характер, а во второй обусловливает проявление состояния безнадежности, отрешенности, подавленности и, как следствие, нежелания включаться в какую-либо деятельность.

Подводя итог исследования частоты встречаемости неравновесных психических состояний у одаренных подростков и детей со средним уровнем интеллекта, можно констатировать, что подростки с явной формой одаренности в большей степени выбирают положительные состояния высокой энергетической активности. Это свидетельствует о том, что реализация потенциала у подростков с явной формой одаренности приводит к актуализации положительно окрашенных психических состояний, которые являются активаторами поведения, повышают уверенность в себе, делают сознание более открытым для восприятия новой информации, способствуют подвижности психических процессов и повышения эффективности интеллектуальной деятельности. У обычных подростков также доминируют положительные психические состояния, свидетельствующие об удовлетворенности собственными реальными достижениями и ходом жизни в целом. Испытуемых со скрытой формой одаренности характеризует склонность испытывать отрицательные неравновесные психические состояния низкой степени активности, являющиеся внутренними мотиваторами препятствующего поведения, которые включают в себя интеллектуально-поведенческий комплекс пассивности и низкую энергетику, что негативно сказывается на реализации способностей.

Обратимся к анализу основных сторон психических состояний. Испытуемыми описывалось типичное для них психическое состояние, оценивались поведенческие особенности, характеристики психических процессов, физиологические реакции и переживания. В результате исследования были выявлены следующие отличительные черты.

При переживании неравновесных психических состояний у 32% подростков из второй группы отмечается ухудшение процессов памяти, у 50% детей из этой же выборки снижается способность к волевым действиям, а у 38% ухудшаются показатели внимания, что выражается в снижении сосредоточенности и направленности психической деятельности. В целом можно констатировать, что наиболее негативно выражено влияние на протекание психических процессов в группе подростков со скрытой формой интеллектуальной одаренности, что в свою очередь не позволяет им включиться в образовательный процесс.

Анализ влияния психических состояний на физиологические реакции также показывает, что

наиболее негативно переживание неравновесных состояний выражено в группе испытуемых со скрытой формой одаренности. При этом у 25% наблюдаются изменения со стороны мышечного тонуса, у 27% снижается двигательная активность, у 45% наблюдаются изменения со стороны органов дыхания, отдышка, затруднения на вдохе или выдохе, у 42% наблюдается учащение сердцебиения, изменения со стороны кожных покровов (побледнение или покраснение кожи лица, рук, шеи) наблюдается у 27% испытуемых данной группы, у 17% наблюдаются выраженные неприятные и болевые ощущения в области живота, появление сухости во рту.

Со стороны переживаний также выявлены значительные отличия у подростков второй группы по сравнению с другими выборками: 37% испытуемых отмечают негативную интенциональность (направленность) переживаний, т.е. наличие внутренних конфликтов, внешнее пассивное поведение, сопровождающиеся отрицательными эмоциональными процессами, сонливостью, недостаточной активностью, напряженностью и тревогой.

В выборке испытуемых со скрытой формой одаренности наиболее негативно психические состояния влияют на поведение. Так, у 33% испытуемых переживание сопровождается напряжением, у 43% вызывает сомнения в правильности своего поведения и поступков, 27% отмечает в своем поведении наличие непоследовательности действий и неуправляемости поведения.

Представленные результаты демонстрируют, что у подростков со скрытой формой интеллектуальной одаренности типичные психические состояния характеризуются более низким энергетическим уровнем психической активности, являются более длительными по течению и сопровождаются ухудшением протекания психических процессов, отрицательным влиянием на физиологические реакции, пассивностью и негативной направленностью переживаний. В соответствии с этим можно утверждать, что у подростков со скрытой формой интеллектуальной одаренности проявляются отрицательные характеристики психических состояний, характеризующиеся возбуждением, беспокойством и, как следствие, избыточной затратой физических и интеллектуальных сил, что приводит к неуспеху в деятельности.

Проведенное исследование выявило особенности переживания психических состояний у одаренных подростков, а также позволило выделить их основные проблемы. Все вышесказанное определило необходимость организации целенаправленной психологической работы с подростками со скрытой формой интеллектуальной одаренности, в основу которой должно быть положено обучение саморегуляции неравновесных психических состояний.

Библиографический список

1. *Прохоров А.О.* Психология неравновесных психических состояний. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. – 149 с.

2. *Прохоров А.О.* Семантические пространства психических состояний. – М.: «Феникс +», 2002. – С. 142–160.

3. Рабочая концепция одаренности. – М.: ИЧП Изд-во Магистр, 1998. – 68 с.

УДК 316.776.22

Зайцева Надежда Игоревна
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
nadezda_83@bk.ru

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье раскрывается социально-психологическое противоречие ожиданий от рекламы и отношения к ней между субъектами экономического взаимодействия, а также влияние обозначенного противоречия на психологическую эффективность рекламы. Представлены результаты исследования и дан их анализ.

Ключевые слова: *коммуникация, информация, обратная связь, субъекты рекламной коммуникации, ожидания от рекламы, эффективность рекламы.*

Многие исследователи рекламы, представляющие различные отрасли научного знания, а также практикующие специалисты сходятся во мнении, что реклама – особый вид коммуникации [3; 4; 10; 11; 12; 13; 16].

В широком смысле термин «коммуникация» обозначает процесс передачи информации от одного субъекта к другому. В отечественной социальной психологии коммуникация трактуется как одна из сторон процесса общения [1; 2; 5; 8].

Специфика отечественного подхода заключается в том, что содержание коммуникации и общения могут быть рассмотрены только в понятийном аппарате теории деятельности, разработанной А.Н. Леонтьевым [6]. Согласно данной теории, корни общения лежат в самой материальной жизнедеятельности индивидов, а суть коммуникативного процесса не просто во взаимном информировании, но и в совместном постижении предмета общения, способствующего налаживанию совместной деятельности. Такой совместной деятельностью для рекламной коммуникации является движение товарооборота: его производство, продажа и потребление.

Вместе с тем в теории [4; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15] и на практике рекламной коммуникации приписывается односторонне-направленный характер, поскольку она рассматривается лишь как комплекс мер и способов воздействия на аудиторию с целью повлиять на ее поведение, а внимание механизмам получения обратной связи от потребителей не уделяется.

Это свидетельствует о противоречии в теоретическом знании, заключающемся в том, что, с одной стороны, реклама рассматривается как коммуникация, а с другой стороны, она не отвечает основополагающему требованию к коммуникации в отечественной психологи – наличию обратной связи.

Существует также и практическое противоречие. Вступая в экономическое взаимодействие, каждый из его субъектов движим своими целями, потребностями и интересами. Так, рекламодатель и рекламопроизводитель стремятся получить от рекламы максимальную прибыль, увеличивая объемы продаж собственного продукта, а потребитель желает получить из рекламы необходимую ему информацию. Таким образом, намерения субъектов рекламной коммуникации не только противоречат друг другу, но и не согласованы между собой.

С целью разрешения обозначенных противоречий нами было проведено исследование, теоретическая актуальность которого обусловливалась ответами на вопросы о психологическом содержании латентного социально-психологического конфликта ожиданий от рекламы между субъектами рекламной коммуникации, а практическая актуальность предопределялась возможностью выявления социально-психологических причин большей или меньшей эффективности рекламы. Социально-психологические ожидания от рекламы впервые исследовались в психологической науке, что определило новизну проведенного исследования.

Целью исследования было выявление противоречия в социально-психологических ожиданиях от рекламы между субъектами рекламной коммуникации; **предметом** – социально-психологические противоречия ожиданий от рекламы; **объектом** – ожидания от рекламы и отношение к ней, которые рассматривались нами с позиции теории социально-психологической установки [7, 17, 18].

Нами были предложены следующие **гипотезы:**

1. Социально-психологические ожидания субъектов рекламного взаимодействия находятся в противоречиях. Ценностно-смысловая сфера субъектов взаимодействия предопределяет

© Зайцева Н.И., 2010

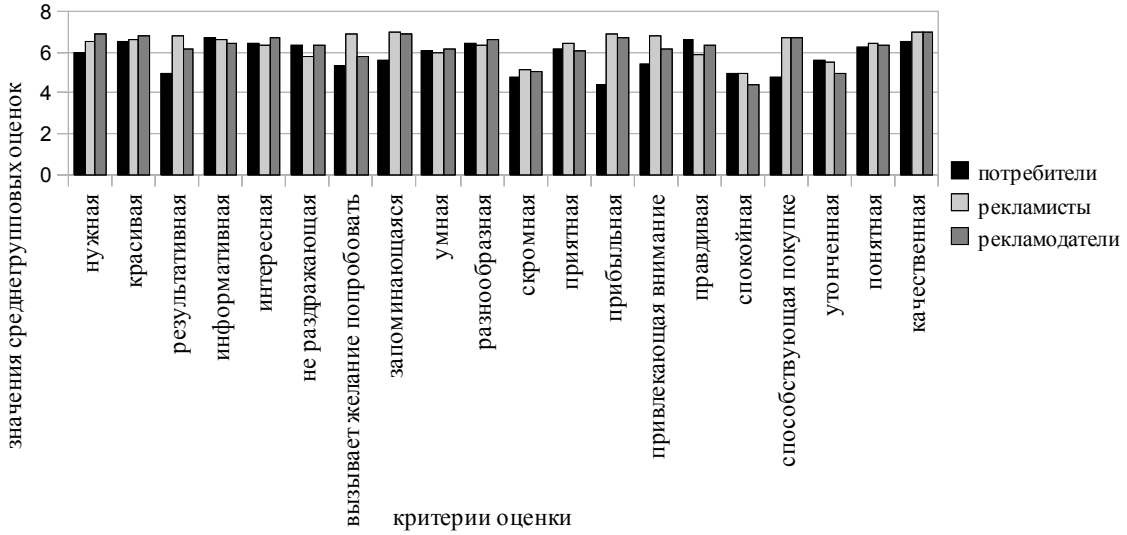


Рис. 1. Ожидания от рекламы участников рекламного процесса

запрос на рекламный продукт и является источником противоречивых социально-психологических ожиданий от рекламы.

2. Рассогласованность социально-психологических ожиданий от рекламного продукта влияет на его эффективность.

3. Неоправданные ожидания от рекламы связаны с формированием отрицательного отношения к другим субъектам рекламной коммуникации.

В исследовании использовался следующий методический инструментарий: 1) анкета «Ожидания от рекламы»; 2) оценка феномена рекламы по биполярным понятиям; 3) оценка своих ожиданий от рекламы и ожиданий других субъектов рекламной коммуникации; 4) исследование самооценки и отношения к другим участникам рекламного процесса.

В основу всех критериев оценки, предложенных в методиках, легли понятия выявленного в ходе пилотажного исследования тезауруса. Полученные данные были первично обработаны с помощью различных статистических методов и контент-анализа. В эмпирической логике анализа нами была выбрана причинная и структурная интерпретация.

В исследовании приняло участие 99 респондентов, которые равномерно распределились по трем исследуемым нами группам: рекламодатели, рекламисты и потребители. Позиция рекламодателей в исследовании была представлена директорами различных коммерческих организаций. Позиция рекламистов представлена сотрудниками рекламных агентств. В выборку потребителей вошли представители обоих полов, различных профессий, разного социального статуса в возрасте от 20 до 63 лет.

Анализ полученных данных подтвердил выдвинутые нами гипотезы. В ходе исследования были получены следующие важные результаты.

Во-первых, нами было эмпирически доказано наличие противоречий в ожиданиях от рекламы у субъектов рекламной коммуникации. Результаты анкетирования показали, что 100% рекламодателей и 93% рекламопроизводителей ждут от рекламы увеличения своего дохода, выражающегося в количественных данных, а ожидания потребителей носят качественный характер. 98% респондентов потребителей ждут от рекламы необходимой для них информации об интересующих их товарах и услугах.

Как видно из рисунка 1, ожидания потребителей от рекламы превысили ожидания других субъектов рекламного взаимодействия по следующим критериям: информативность и правдивость рекламного материала, утонченность и спокойный характер рекламы, а также ее способность не вызывать раздражение. Все перечисленные характеристики рекламы относятся к когнитивным или аффективным ожиданиям от нее.

Рекламисты больше других участников рекламного процесса ждут, что произведенный ими продукт будет результативным и прибыльным, привлечет внимание и запомнится, вызовет желание попробовать рекламируемый товар и поспособ-

ствует покупке, а также будет приятным, понятным и качественным. Часть обозначенных ожиданий связана с тем результатом, которого от рекламы ждет рекламодатель, что указывает на ориентацию рекламистов удовлетворять в своей профессиональной деятельности желания заказчиков.

Рекламодатели ожидают, что реклама поспособствует приобретению их продукта, не вызовет у аудитории раздражения, а также будет качественной, нужной, красивой, умной, интересной и разнообразной, так как считают, что отношение к рекламе переносится потребителями на сам рекламируемый продукт.

Во-вторых, рекламный процесс не предполагает возможность получения обратной связи от потребителей, что с позиции отечественной социальной психологии не позволяет рассматривать его как коммуникацию.

Реклама сегодня является лишь цепочкой передачи информации от рекламодателей к потребителям. Наше исследование выявило не только отсутствие обратный связи между участниками процесса, но и отсутствие у них понимания причин необходимости ее получения. Так, большинство потребителей и рекламистов в предложенной им анкете обозначили одинаковую важность и значимость рекламы как для производителей продукции, так и для ее покупателей. По их мнению, смысл рекламы заключен в предоставлении информации об определенном продукте и, как следствие, в получении от этого прибыли. Однако 83% респондентов-рекламодателей отметили важность рекламы только для бизнеса, для тех, кто производит и продает товар, а цели связывают исключительно с ростом объемов продаж и получением прибыли. Таким образом, рекламодатели в рекламном процессе ориентированы лишь на себя, они не учитывают позицию потребителей, являющихся наиболее пассивным субъектом в цепочке рекламного взаимодействия, и не заинтересованы в получении от них обратной связи.

Такая схема одностороннего влияния на потребителей довольно примитивна и не раскрывает системного характера явления рекламы. Более того, она этически и психологически уязвима, так как потребители не желают, чтобы на них воздействовали в одностороннем порядке, и противятся такому влиянию, а рекламный процесс, выстроенный по такой схеме, вызывает у них отрицательные эмоции и даже агрессию.

Замкнутость позиции рекламодателя, концентрация внимания большинства рекламистов на собственных интересах и интересах заказчиков и, как следствие, недостаток информации о продукте у потенциальных покупателей снижают психологическую и экономическую эффективность рекламы.

В-третьих, нами была выявлена неудовлетворенность предметом рекламного процесса его участниками. Неудовлетворенность потребителей связана в первую очередь с информационным характером рекламы. Информация, транс-

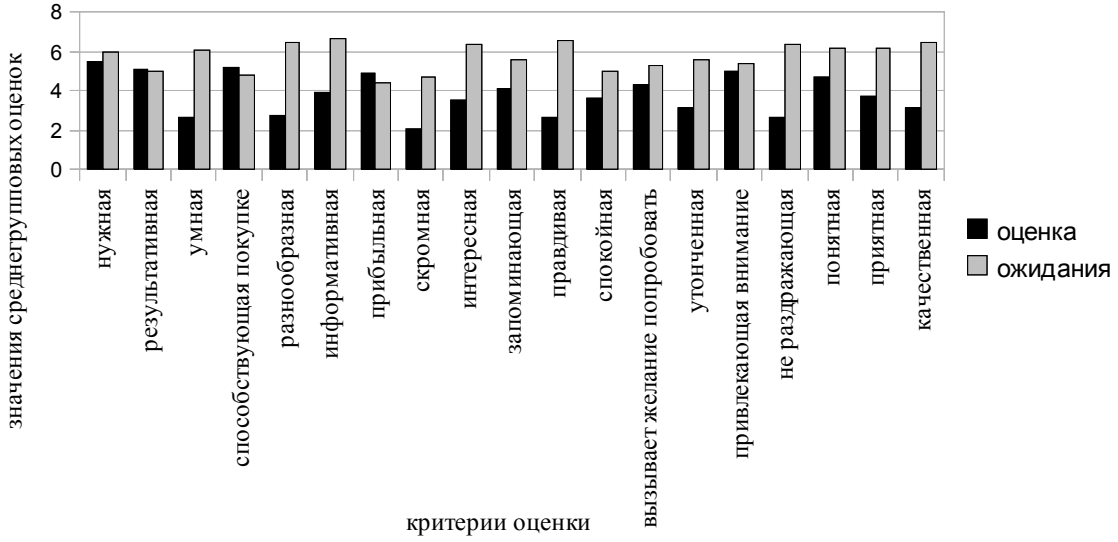


Рис. 2. Соотношение оценки рекламы с ожиданиями от нее у потребителей

лируемая с помощью рекламы, адресована потребителям и должна в первую очередь отвечать именно их запросам. Анкетирование выявило, что потребители выдвигают к рекламе четкие требования, желают получить из нее объективную, понятную и полную информацию о рекламируемых продуктах, об их цене, качестве и производителе (а именно, стране изготовления). Оправдывающая ожидания потребителей реклама не только облегчит процесс принятия решения в пользу того или иного товара, но и будет более эффективной, вследствие более взвешенного, а следовательно, и менее ошибочного покупательского решения.

Сравнение оценки рекламы с ожидаемым от нее результатом также указывает на неудовлетворенность потребителей информативным и эмоциональным характером современной рекламы. Ожидания потребителей значительно превышают реально получаемый ими результат, который отражается в их оценке явления рекламы (рис. 2).

Таким образом, одной стороны, потребители хотят и надеются получить из рекламы нужную им информацию, а с другой стороны, настроены на то, что реклама не оправдает имеющихся у них ожиданий.

Данные полученные при анкетировании свидетельствуют, что неудовлетворенность рекламопроизводителей связана с невозможностью проявить творческую инициативу под влиянием заказчиков, поскольку рекламодатели часто не прислушиваются к их профессиональному мнению о том, какой реклама должны быть и какие методы воздействия использовать и требует от них производство рекламы, строго соответствующей предъявляемым в заявке требованиям.

Неудовлетворенность рекламодателей связана с дороговизной рекламы и услуг участников рекламного процесса, а также с недостаточным, по их мнению, откликом потребителей.

В-четвертых, отношение субъектов рекламного процесса к рекламе и другим участникам процесса предопределено их ролевой позицией и прошлым опытом обращения к рекламе. Потребители оценили современную рекламу (рис. 3) и участников рекламного процесса критичнее других респондентов. По нашему мнению, отрицательное эмоциональное отношение к рекламе у потребителей связано с наличием у них неоправданных ожиданий от рекламы. Недостаток и необъективность получаемой из рекламы информации влекут за собой наличие устойчивой отрицательной оценки рекламы потребителями на уровне их когнитивного отношения к ней. Однообразие, навязчивость, глупость и пошлость современной рекламы вызывают у потребителей негативные эмоции и даже раздражение, характеризующие аффективный компонент отношения

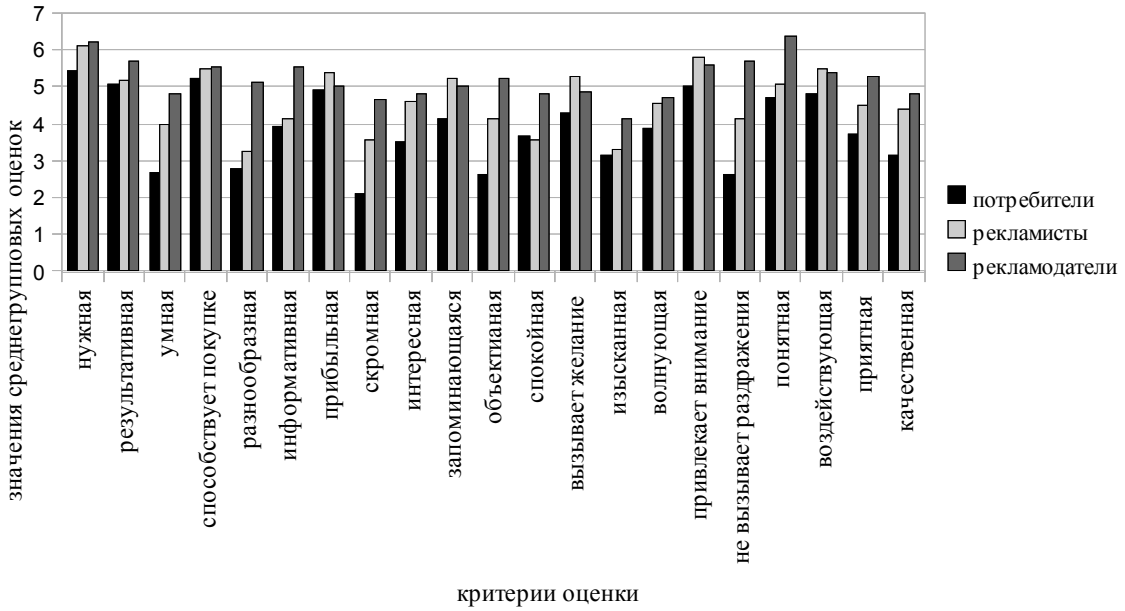


Рис. 3. Отношение субъектов рекламной коммуникации к феномену рекламы

к рекламе. Общее негативное отношение к рекламе потребители переносят на свое отношение к рекламодателям и рекламистам, так как возлагают на них ответственность за качество предлагаемого ими рекламного продукта.

Оценки рекламопроизводителей оказались положительными, однако несколько ниже, чем у рекламодателей (рис. 3). Позитивные оценки рекламы рекламистами обусловлены их творческой деятельностью, возможностью реализовать свой творческий потенциал, удовлетворить свои потребности в самоактуализации. Однако, являясь исполнителями воли заказчиков, рекламопроизводители вынуждены создавать именно такую рекламу, какую от них требуют, не давая воли собственным новаторским идеям и подходам, что также влияет на формирование у них критичного по нескольким критериям отношения к рекламодателям, а также иногда и к самой рекламе.

Наиболее позитивное отношение к явлению рекламы (рис. 3) и субъектам рекламного процесса было выявлено у рекламодателей. Это объясняется характером их наиболее активной и свободной в обозначенном процессе роли. Рекламодатели принимают свои решения в отсутствие давления на них со стороны других субъектов, так как именно они инициируют рекламу и платят за нее, а следовательно, и в большей мере, чем остальные субъекты, удовлетворены ее результатами.

Подводя итоги, отметим, что система рекламных коммуникаций формируется и оказывается устойчивой и эффективной только при условии, что субъекты, являющиеся ее элементами, психологически значимы друг для друга. Отсутствие взаимной ориентации субъектов на оценки друг друга свидетельствует о психологической неэффективности рекламы.

Библиографический список

1. *Андреева Г.М., Яноушек Я.* Взаимосвязь общения и деятельности. – М.: Юрайт, 2003. – 276 с.

2. *Богомолова Н.Н.* Социальная психология печати, радио и телевидения. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 125 с.

3. *Котлер Ф.* Основы маркетинга. – М.: Вильямс, 2003. – 656 с.

4. *Лебедев-Любимов А.Н.* Психология рекламы. – СПб.: Питер, 2003. – 368 с.

5. *Леонтьев А.А.* Психология общения. – Тарту. Из-во Тарт. ун-та, 1974. – 220 с.

6. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Академия, 2004. – 352 с.

7. *Надирашвили Ш.А.* Понятие установки в общей и социальной психологии. – Тбилиси: Мецниереба, 1974. – 171 с.

8. *Панферов В.Н.* Психология общения // Вопросы психологии. – 1971. – №7. – С. 126–131.

9. *Рожков И.Я.* Реклама: планка для «профи». – М.: Страница, 1999. – 200 с.

10. *Ромат Е.* Реклама. – СПб.: Питер, 2001. – 496 с.

11. *Росситер Д., Перси Л.* Реклама и продвижение товаров / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2001. – 656 с.

12. *Савальева О.О.* Социология рекламы. – М.: Прометей, 2004. – 294 с.

13. *Сэндидж Ч., Фрайбургер В., Ротцолл К.* Реклама: теория и практика. – М.: Прогресс, 1989. – 630 с.

14. *Уэллс У., Бернет Дж., Мориарти С.* Реклама: принципы и практика. – СПб.: Питер, 1999. – 736 с.

15. *Феофанов О.А.* США: реклама и общество. – М.: Мысль, 1974. – 262 с.

16. *Харрис Р.* Психология массовых коммуникаций. – СПб.: Прайм – Еврознак, 2001. – 448 с.

17. *Шихирев П.Н.* Исследования социальной установки в США // Вопросы философии. – 1973. – №2. – С. 159–166.

18. *Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. – М.: Наука, 1975. – С. 89–106.

УДК 373

Квасникова Наталья Михайловна
Череповецкий государственный университет
kvasnikova@chsu.ru

РЕСУРСНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ*

Ресурсное обеспечение образовательного учреждения, являясь одной из ключевых задач стратегического характера, играет значительную роль в обеспечении устойчивого развития организации. В статье рассматриваются внутренние уникальные ресурсы и организационные способности образовательного учреждения как источники его конкурентных преимуществ.

Ключевые слова: *ресурсное обеспечение образовательного учреждения, уникальные ресурсы, организационные способности, преимущества, развитие образовательного учреждения.*

Сегодня время экономической нестабильности, социальной напряженности и возрастающей конкуренции вынуждает образовательные учреждения вырабатывать собственные стратегии поведения. В системе образования на фоне преобразований и трансформаций формируется конкурентная среда: при ограниченном финансировании образовательные учреждения научились сначала выживать, а затем и вступать в конкурентную борьбу на рынке образовательных услуг. Все большее число руководителей учреждений сферы образования обращается к поиску новых идей, способных вывести вверенные им организации на новый качественный виток развития.

Руководители образовательных учреждений изучают лучший отечественный и зарубежный опыт и пытаются адаптировать образцы успешной деятельности в своих организациях. Но, при всей тщательности копирования опыта успешной организации, это не дает аналогичного эффекта в другом образовательном учреждении. Директоров все больше волнует вопрос: почему при наличии схожих условий внешней среды и относительно равных материально-технических, финансовых, кадровых ресурсах образовательные учреждения имеют совершенно разные результаты – одни становятся успешными, преуспевающими (в городе, регионе), а деятельность других определяется в категории «функционирует»? Почему лучшие образцы и хорошо зарекомендовавшая себя практика одних образовательных учреждений не может быть перенесена на деятельность других?

Ответ на эти вопросы дает ресурсная концепция теории стратегического управления. Данное направление активно развивается и поддерживается управленцами-практиками отечественных и зарубежных организаций последние 15 лет. Главный постулат ресурсной концепции определяется так: успехи организации – это, главным образом, заслуги ее внутренних уникальных ресурсов и организационных способностей.

Иными словами, уникальные ресурсы и организационные способности определяют такие преимущества организации, которые не могут быть скопированы, перенесены или адаптированы другими, а значит, являются ценными для организации и определяют ее конкурентное преимущество в сравнении с другими. Это во многом объясняет сложность «клонирования» лучшего опыта на почву других образовательных учреждений.

Ресурсная уникальность образовательного учреждения во многом определяет неповторимость процесса и результата нововведения вне зависимости от общности вводимого новшества, множества альтернатив развития процесса его освоения.

Планирование нововведения, как «элемента управляемого развития и целенаправленных изменений» [5, с. 77], основывается на подборе таких ресурсов, которые, во-первых, являются необходимыми и достаточными для достижения цели нововведения, во-вторых, способны образовывать такую комбинацию, которая давала бы организации преимущества перед другими образовательными учреждениями, реализующими аналогичное новшество. Применение таких ресурсов дает возможность образовательному учреждению получить более высокие результаты от реализации новшества и создать конкурентное преимущество.

* Научно-исследовательская работа осуществляется при поддержке Федерального агентства по образованию в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

© Квасникова Н.М., 2010

Ресурсная концепция исходит из того, что источниками преимуществ являются:

– внутренние уникальные ресурсы;

– организационные способности.

При этом под способностью понимается потенциальная пригодность интегрированного набора ресурсов для выполнения какой-либо деятельности или задачи, а под ресурсами понимаются «исходные данные» для деятельности организации: финансы, оборудование, умения индивидуальных сотрудников организации и талантливые менеджеры [3, с. 31].

Р. Грант устанавливает более четкую связь между понятиями «ресурсы → способности → преимущества» и утверждает, что «ресурсы представляют собой источник способностей, а способности являются основным источником конкурентного преимущества» [1, с. 52].

Сами по себе ресурсы и организационные способности не являются преимуществами, а становятся их источниками, когда применяются для целей образовательного учреждения.

Несмотря на приоритет внутренних ресурсов и организационных способностей, ресурсный подход не отрицает значения их внешних аспектов. Так, уникальность ресурсов определяется их способностью соответствовать требованиям быстроизменяющейся внешней среды, быть адекватными ситуации, а значит, быть ценными для достижения образовательным учреждением своих целей. Поэтому уникальность одних ресурсов в определенных условиях не обеспечивает их неповторимость в других. Кроме этого, значимость внешней среды в формировании ресурсного портфеля образовательного учреждения определяется ее ролью быть транслятором информации в установлении и отборе значимых для учебного заведения ресурсов.

В свою очередь источники ресурсов могут находиться как внутри учебного заведения, так и вне его. Например, программное обеспечение или учебно-методические разработки образовательным учреждением могут закупаться. При этом сами по себе ресурсы не являются источником преимущества, а только их определенное сочетание, уникальная комбинация, достигаемая путем непрерывного развития как существующих ресурсов, так и создания новых, может определяться как источник конкурентного преимущества.

Уникальность ресурсов определяется исключительно внутренним происхождением. Неповторимые ресурсы появляются именно и только в результате деятельности конкретного образовательного учреждения, т.е. преимущество организации создается на основе ее способности собирать и использовать нужную комбинацию ресурсов. При этом значительную роль в формировании организационных способностей ресурсная концепция стратегического управления отводит руководителю организации.

Управленческие решения и используемые ресурсы должны быть адекватны требованиям внешней среды, а значит, директора образовательных учреждений должны постоянно обновлять свои представления о ней. Руководители при осуществлении управленческой деятельности должны анализировать такую информацию, поступающую из внешней среды, которая может определять в явном или неявном виде эффективность использования определенных внутренних ресурсов для достижения целей организации.

Иными словами, от образовательного учреждения требуется создание и развитие собственных труднокопируемых другими ресурсов и способностей, составляющих основу его конкурентного преимущества.

Среди ресурсов образовательного учреждения чаще всего выделяют кадровые, материально-технические, финансовые и другие. В традиционном понимании, анализ ресурсного обеспечения со стороны руководства образовательным учреждением предполагает оперирование количественными показателями (например, количество учителей высшей квалификационной категории, количество единиц компьютерной техники и т.д.), а также используется хорошо известный в управленческой практике SWOT-анализ (аббревиатура слов: Strength – сила, Weakness – слабость, Opportunities – возможности, Threats – угрозы). При анализе сильных сторон деятельности образовательного учреждения посредством методики SWOT приводятся наиболее значимые аспекты деятельности, которые в наибольшей степени выделяют образовательное учреждение на фоне других (высокая квалификация педагогов, хорошее материально-техническое обеспечение, благоприятный микроклимат в коллективе и т.д.). При подобном анализе вопрос уникальности представленных ресурсов, аспектов успешной деятельности не рассматривается.

В управленческой практике руководителя образовательного учреждения применяется и оцен-

ка потенциала организации, однако, по утверждению ряда исследователей, нельзя отождествлять потенциальные возможности организации и ее действительные преимущества [2, с. 341].

Безусловно, для успеха на рынке образовательных услуг учебному заведению необходимы такие ресурсы, как высококвалифицированный персонал и хорошо развитая инфраструктура. Однако сами по себе эти ресурсы имеют недостаточное значение для формирования конкурентных преимуществ образовательного учреждения по сравнению с его отличительными способностями: инфраструктура может быть создана, а высококвалифицированные специалисты могут быть приглашены на работу. Уникальность образовательного учреждения определяется его организационными способностями, например, механизмами развития персонала, системой взаимодействия с родителями учащихся, партнерами, организацией деятельности различных объединений организации (методических, объединений учащихся и др.) и т.д. Высокий рейтинг учебного заведения в городе, регионе определяется высоким качеством результатов от эксплуатации таких способностей, а не только ресурсной составляющей. Подобная уникальность может быть оценена образовательным учреждением с позиций: ценности, уникальности (редкости), невозможности копирования, незамещаемости (незаменимости) ресурсов и способностей. В качестве инструмента для анализа ресурсов и способностей может быть использована схема, разработанная Дж. Барни, в англоязычном варианте известная как VRIO (value, rarity, imitability, organization).

В последнее время в ресурсной теории все больше отдается предпочтение ее ответвлениям – концепции динамических способностей и концепции интеллектуального потенциала организации. Эти подходы, акцентируя внимание на нематериальных ресурсах и способностях организации, тем самым созвучны современной тенденции построения экономики, основанной на знаниях. (Заметим, что и современная модель образования строится в соответствии с потребностями знаньевой экономики.) В этой связи все большее внимание ученых и менеджеров-практиков уделяется анализу организации с точки зрения имеющихся у нее нематериальных активов (знания, организационная культура, репутация и др.).

Ресурсная концепция, построенная на позиционировании отличительных способностей организации, определяет роль руководителей и сотрудников образовательного учреждения в формировании конкурентных преимуществ и их поддержании в качестве уникальных активов, недоступных для других.

Собственно, развитие образовательного учреждения обеспечивают люди. Освоение новшеств в образовательном учреждении осуществляется с опорой на человеческий (кадровый) потенциал участников нововведений как основной ресурс организации. Такая характеристика ресурса определяет приоритет профессиональной компетентности, инициативности и целеустремленности как главного фактора успеха нововведений. Его смысловая нагрузка заключается, с одной стороны, в максимизации результатов и минимизации рисков нововведения за счет использования интеллектуального потенциала и креативности педагогического коллектива при проведении изменений, а с другой – в снижении сопротивления персонала на вводимое новшество.

В условиях нововведения вопрос подбора и расстановки кадров, осуществляющих поиск идей, планирование изменений и собственно нововведение является одним из приоритетных. Попытки найти заменитель функциональному подходу при реализации новшества предпринимаются большинством руководителей: создаются группы единомышленников (команды), где каждый выполняет в группе определенную роль. Групповой (командный) ресурс, по утверждению исследователей, является одним из самых сильных, действенных и мощных ресурсов в деятельности организации [4, с. 160].

Как правило, руководитель школы собирает группу людей, наиболее близких к предмету нововведения. Однако нововведение, как средство развития образовательного учреждения, основное предназначение и целевая ориентация которого – получение качественно новых результатов, и как процесс, несущий в себе новое, требует интеграции не только знаний, относящихся к разным областям инновации, но и просто разных личных точек зрения. Разный уровень мышления, воображения членов команды в совокупности с коллективной креативностью и целеустремленностью способны привнести в процесс разработки и реализации стратегии нововведения гораздо больше жизнеспособных идей, чем индивидуальные усилия.

Таким образом, ресурсное обеспечение образовательного учреждения является одной из

ключевых задач стратегического характера. Правильно подобранные для решения задач образовательного учреждения ресурсы играют значительную роль в обеспечении устойчивого развития организации.

Складывающиеся стратегические разрывы между имеющимися и необходимыми ресурсами можно преодолеть, придерживаясь принципа разумной целесообразности, который предполагает, что введение в практику образовательного учреждения новшества имеет смысл только при постановке реально достижимой цели. Реальность целей, их сопоставимость с имеющимися ресурсами и возможностями, позволит избежать искусственности в постановке целей, их оторванности от понимания состояния образовательного учреждения.

На формирование ресурсного портфеля образовательного учреждения существенное влияние имеет тот факт, что, как правило, образовательное учреждение финансируется из внешних источников и его самостоятельность в составлении бюджета и распределении бюджетных средств очень ограничена. Именно поэтому в настоящее время при формировании стратегии развития образовательные учреждения отдают предпочтение разработке стратегии на основе ресурсной модели, согласно которой внутренняя среда в виде ресурсов и способностей организации является более важной для определения стратегических действий, чем внешняя среда. Согласно данной модели акцент в деятельности образовательного учреждения делается не на сборе ресурсов, необходимых для реализации стратегии, а на построении стратегии с опорой на имеющиеся уникальные ресурсы и организационные способности. Преимущество образовательного учреждения создается на основе его способности собирать и использовать нужную комбинацию ресурсов, а выбранная стратегия – это выражение того, как образовательное учреждение должно наилучшим образом эксплуатировать свои основные способности и преимущества для использования возможностей, возникающих во внешней среде с целью достижения устойчивого развития.

Возможно, именно ресурсная концепция стратегического управления, принятая на вооружение руководителями образовательных учреждений, поможет вывести вверенные им учебные заведения на новый уровень развития, а опора на уникальные ресурсы и организационные способности обеспечит образовательному учреждению устойчивое развитие и конкурентное преимущество в условиях новой экономики, основанной на знаниях.

Библиографический список

1. *Грант Р.М.* Ресурсная теория конкурентных преимуществ: практические выводы для формулирования стратегии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Менеджмент». – 2003. – №3. – С. 47–75.

2. *Катькало В.С.* Эволюция теории стратегического управления. – СПб.: Высшая школа менеджмента, 2008. – 548 с.

3. *Котельников В.Ю.* Стратегическое управление. Принципиально новые подходы для эпохи быстрых перемен. – М.: Эксмо, 2007. – 96 с.

4. *Ушаков К.М.* Развитие организации: в поисках адекватных теорий. – М.: Сентябрь, 2004. – 192 с.

5. *Хуторской А.В.* Педагогическая инноватика: Учеб. пособие для студ. высших учеб. заведений. – М.: Академия, 2008. – 256 с.

УДК 37

Кизим Светлана Юрьевна
Шуйский государственный педагогический университет
kizim.svetlana@yandex.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА САМОРЕАЛИЗАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ В ТВОРЧЕСКОМ ОБЪЕДИНЕНИИ УЧРЕЖДЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ

В статье предложена модель процесса самореализации школьников и раскрыта её сущность на примере вокальной студии «Гармония», дана характеристика целей, задач, содержания деятельности педагога и воспитанников, условия, критерии и показатели, ожидаемые результаты.

Ключевые слова: *дополнительное образование, самореализация, педагогическая поддержка, уровневая реализация, критерии.*

Изменившиеся в последние годы социальные и экономические условия в стране вызвали потребность в деятельных, творческих личностях, способных реагировать на изменение ситуации, осуществлять выбор, принимать решения, – в личностях, способных реализоваться в выбранной сфере деятельности. В настоящее время создание таких условий является важным направлением деятельности системы дополнительного образования детей.

Сфера дополнительного образования обладает уникальными возможностями в плане социально-педагогической деятельности. Исследуя проблемы и перспективы системы дополнительного образования детей, В.А. Горский, А.Я. Журкина, Н.А. Соколова отмечали, что учреждения дополнительного образования детей являются важным фактором формирования ребёнка, его возможности раскрыть, реализовать свой творческий потенциал.

Государственные документы ориентируют всю образовательную систему на обеспечение самоопределения личности, создание условий для её самореализации, которые заключаются в обеспечении современного качества, доступности и эффективности дополнительного образования детей на основе сохранения лучших традиций внешкольного воспитания и дополнительного образования по различным направлениям деятельности. Система дополнительного образования сегодня – это достаточно разветвлённая сеть образовательных учреждений, призванных создавать условия для творческой самореализации всех детей. При этом существует возможность концентрировать внимание на индивидуальности каждого ребёнка.

Личностно-ориентированный подход к ребёнку создаёт условия для самореализации, самопознания, самоопределения личности, позволяя пережить «ситуацию успеха».

Теоретическое осмысление исследуемой проблемы, анализ опыта самореализации школьников в творческом объединении учреждений дополнительного образования детей позволили разработать модель процесса педагогической поддержки самореализации школьников в творческом объединении вокальной направленности.

Модель включает цель и задачи, содержание деятельности педагога, самостоятельной деятельности воспитанников, условия развития творческого потенциала, критерии и показатели эффективности образовательной деятельности, ожидаемый результат.

Целью педагогической поддержки является самореализация школьников в вокальной деятельности студии УДОД.

В задачи деятельности педагога входят: расширение кругозора воспитанников, развитие и совершенствование вокальных навыков, эстетическое развитие, привитие коммуникативных навыков, вовлечение обучающихся в концертную и конкурсную деятельность.

Самостоятельная деятельность воспитанников заключается в освоении знаний, умений и навыков в вокально-исполнительской деятельности; самостоятельной работе с дополнительной и справочной литературой, Интернетом; участие в коллективной деятельности; помощь педагогу в работе с малышами.

Условиями самореализации школьников являются программное обеспечение учебно-воспитательного процесса, сотворчество и сотрудничество педагога и воспитанников, дифференциация и индивидуализация образовательного процесса.

Критериями и показателями самореализации являются ценностно-смысловые отношения вос-

© Кизим С.Ю., 2010

Таблица 1

Модель процесса педагогической поддержки самореализации школьников в творческом объединении вокальной направленности

Цель: самореализация школьников в вокальной деятельности студии УДОД.	
Задачи: – совершенствование содержания, форм и методов деятельности вокальной студии; – овладение педагогом технологией мониторинга и диагностики качества образовательной деятельности; – дифференциация и индивидуализация образовательной деятельности педагога.	
Содержание, формы, методы образовательной деятельности	
Задачи деятельности педагога	Самостоятельная деятельность воспитанников
1. Познавательная деятельность: - расширение кругозора воспитанников	- освоение знаний, умений и навыков; - работа с дополнительной литературой, справочными материалами, Интернетом.
2. Вокальная деятельность: - развитие и совершенствование вокальных навыков (теория и практическое освоение вокальной деятельности)	- выполнение упражнений для развития голоса; - освоение песенного репертуара; - подготовка концертных номеров; - помощь малышам.
3. Художественно-эстетическая деятельность: - расширение культурного кругозора воспитанников	- посещение концертов, театров, выставок; - чтение художественной литературы.
4. Коммуникативная деятельность: - способность строить отношения в коллективе и за его пределами; - доброжелательность по отношению не только к товарищам своего коллектива, но и других коллективов	- построение взаимоотношений с товарищами, педагогом; - участие в коллективной деятельности ансамбля, студии; - участие в организации и проведении мероприятий в младших группах; - участие в акциях Центра.
5. Конкурсная и концертная деятельность: - подготовка конкурсных и концертных номеров, программ	- участие в концертах студии, акциях и благотворительных концертах Центра; - участие в конкурсах и фестивалях разных уровней.
Условия	
- программное обеспечение учебно-воспитательного процесса; - сотворчество и сотрудничество педагога и воспитанников; - дифференциация и индивидуализация образовательного процесса.	
Критерии и показатели	
- ценностно-смысловое отношение воспитанников к вокально-исполнительской деятельности; - самостоятельность; - удовлетворённость самореализацией.	
Ожидаемые результаты	
- самоутверждение и самореализация в вокально-эстрадной деятельности.	

питанников к вокальной деятельности самостоятельность и удовлетворённость самореализацией.

В результате ожидается самоутверждение и самореализация обучающихся в вокальной деятельности.

Остановимся подробнее на реализации содержания образовательного процесса в вокальной студии «Гармония».

Организация коллективной деятельности, в которой решались конкретные задачи (освоения программы, расширения кругозора, подготовки к концерту и т.д.), способствовала развитию творческих способностей воспитанников, позволяя ощутить сопричастность к общему делу, пережить радость успеха.

Однако в процессе деятельности стало очевидным, что развитие способностей разных воспитанников происходило в разном темпе и в разном объёме. Одни воспитанники быстрее осваивали программу, их вокальные данные развивались более динамично. Другим детям для этого нужно было больше времени. Третьи, несмотря на старание, испытывали большие трудности в силу своих природных данных.

Поэтому в соответствии с программой конкретного года обучения были разработаны крите-

рии оценки развития знаний, умений и навыков и осуществлена уровневая реализация содержания деятельности студии. Знания и умения воспитанников дошкольного возраста оценивались по пятибалльной шкале, воспитанников школьного возраста – по десятибалльной шкале. При этом каждый балл был наполнен определённым содержанием. Это позволяло увидеть, как дети осваивали программу, какие трудности у них встречались, как формировалась и развивалась личность ребенка. Таким образом, результаты диагностики потребовали уровневого подхода к реализации и освоению воспитанниками образовательной программы, коррекции учебного плана, темпа освоения содержания программы.

Усвоение знаний, умений и навыков по пяти уровням способствовало более адекватному восприятию способностей каждого воспитанника. Дети высокого, 5-го уровня, стали солистами студии, получили выход на международный уровень – участвовали в международных фестивалях и конкурсах. Средне-высокий и высокий (4–5) уровень – участники коллективов с малым числом исполнителей: дуэтов, трио, квартетов, также участники международных конкурсов. Воспитанники 3–5-го уровня – состав концертных групп ансамблей, участники районных вокальных конкурсов, концертных программ Центра. Причём во время выступлений воспитанники среднего уровня прикреплялись к более сильным исполнителям, находясь чуть дальше от микрофона. Очень низкий и низкий, 1–2 уровень, – подготовительные группы ансамблей, участники отчётных концертов студии для родителей в составе ансамблей.

Для творческого развития воспитанников были разработаны индивидуальные маршруты, предполагающие создание таких условий и ситуаций, в которых средствами музыкально-художественной образовательной деятельности самореализация ребёнка была бы осуществлена.

В процессе деятельности на групповых занятиях контролировалось развитие вокальных данных каждого ребёнка. Воспитанники прослушивались индивидуально, каждому ребёнку делались замечания и давались рекомендации с целью исправления ошибок, коррекции и развития голоса. Выявлялись дети с более высоким уровнем вокальных способностей, которые в дальнейшем стали солистами и участниками коллективов с малым числом исполнителей. С солистами проводились индивидуальные занятия.

Естественно, что воспитанники высокого уровня вокального развития востребованы больше других. Они активно концертировали, не давая возможности проявить себя менее одарённым детям. Если ребёнок находился на среднем или средне-высоком уровне, он не мог участвовать в вокальных конкурсах в качестве солиста в связи с недостаточным развитием вокальных данных и, соответственно, отсутствием опыта. Таким воспитанникам предлагалось участвовать в студийных отчётных концертах и классных концертах в школе. Концертные номера с ними подготавливались на занятиях. Эти выступления были необходимы детям, так как уже после первого сольного выступления ребёнок начинал чувствовать себя более уверенно, ощущал себя значимым, получал признание одноклассников и учителя. В коллективе ансамбля такие дети выглядели середнячками, но среди одноклассников, как правило, становились «звёздочками». Если выступление в классе проходило удачно, то далее ребёнка приглашали выступать на школьных праздниках. Таким образом, некоторые воспитанники студии становились участниками районных вокальных конкурсов, представляя свою школу. В ансамбле они тоже чувствовали себя увереннее, что придавало им силы, и их способности развивались более активно. В результате дети могли перейти на более высокий уровень, стать участниками дуэтов, трио и даже солистами. Почувствовав ответственность, эти дети меняли своё отношение к труду. Они становились более старательными и добросовестными, стремились преодолевать возникающие трудности и совершенствовали свои знания и умения для того, чтобы работать ещё лучше.

Распределение воспитанников по уровням освоения знаний, умений и навыков и проводимая в соответствии с уровнями работа помогали не сдерживать развитие одних детей, обладающих более высокими способностями. С другой стороны, создавали более комфортные условия для других детей, которым не предъявлялись непосильные требования.

Однако самореализация воспитанников в студии осуществлялась не только в вокальной деятельности. Если ребёнок не имел достаточных вокальных данных, чтобы участвовать в конкурсах, он мог быть помощником в подготовке и проведении концертов, конкурсов, мероприятий студии: быть ответственным за диски на конкур-

се, ведущим на концерте, помогать подготовить костюмы выступающим и переодеваться, быть в группе поддержки, болеть за своих товарищей.

Таким образом, самореализация школьников в учреждениях дополнительного образования детей происходит более успешно, если практический опыт осмысливается и соединяется с теоретическими знаниями, если в объединении, студии поддерживается творческий поиск, осуществляется педагогическая поддержка воспитанников.

Пережив успех в работе в студии, учащиеся приобретают опыт самореализации и в других видах деятельности, в разных жизненных ситуациях.

Библиографический список

1. *Горский В.А., Соколова Н.А.* Проблемы и перспективы системы дополнительного образования детей: социально-педагогический аспект // Дополнительное образование. – 2004. – №8. – С. 58–62.

2. *Дедюхина О.В.* Обеспечение творческой самореализации воспитанников в учреждении дополнительного образования // Дополнительное образование. – 2005. – №9. – С. 17–19.

3. *Журкина А.Я.* Мониторинг качества образовательной деятельности в учреждениях дополнительного образования детей // Приложение к журналу «Внешкольник. Воспитание и дополнительное образование детей и молодёжи». – 2005. – №11. – 71 с.

4. Концепция модернизации дополнительного образования детей Российской Федерации до 2010 года // Внешкольник. – 2004. – №12.

5. *Куприянов Б.В.* Детская студия в УДОД: попытка целостного взгляда // Дополнительное образование и воспитание. – 2007. – №2. – С. 3–8.

УДК 15 + 37(082)

Кирина Ольга Алексеевна
Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского
prof_sochranov@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПЕДАГОГА С УЧАЩИМИСЯ, ИМЕЮЩИМИ ОТКЛОНЕНИЯ В РАЗВИТИИ

В статье рассматриваются особенности взаимодействия педагога с учащимися, имеющими отклонения в развитии.

Ключевые слова: *взаимодействие, отклонение в развитии, мобильность.*

Необходимость изучения процесса формирования готовности будущих специалистов к обучению детей с отклонениями в развитии взаимосвязана с инновационными аспектами развития всех сфер жизни общества, структурными и содержательными изменениями в социальных и педагогических отношениях. Изменяются сложившиеся представления о мире и человеке, о системе его ценностных ориентаций, характере личностной самореализации, которая объективно основывается на проявлении человеком готовности к мобильному самоутверждению.

Поступательное развитие общества во всех сферах постоянно требует активного включения личности в систему общественных отношений, определяющих интеллектуальную, творческую деятельность каждого человека.

Становление социально-мобильной личности, имеющей отклонения в развитии, – двойственный процесс: с одной стороны, требующий гуманной педагогической коррекции, с другой – субъективной внешней и внутренней активности самого человека.

Социальное самоопределение, осознание человеком своей социальной природы, своего места в обществе включают в себя осознание социальных позиций, занимаемых в различных социальных структурах, путей и возможностей своего дальнейшего социального продвижения.

В связи с этим одной из наиболее актуальных проблем современного образования является проблема организации такого учебно-воспитательного процесса, в котором бы успешно решались следующие задачи: определение условий, содержания и методов работы педагогов по активизации творческого потенциала учащихся с отклонениями в развитии; развитие познавательной активности личности в учебной деятельности, удовлетворяющей познавательным интересам учащихся, способствующей становлению их мобильности.

 © Кирина О.А., 2010

К проблеме мобильности личности прежде всего обращались философы и социологи – П. Сорокин, Б. Барбер, Э. Гидденс, И.В. Василенко; в психологии личности глубоко изучалась проблема позиции личности – Б.Г. Ананьев, Л.И. Божович, А.Д. Глоточкин, А.Н. Леонтьев, В.Н. Мясищев, была разработана диспозиционная теория – В.А. Ядов. В педагогике воспитательную мобильность изучал Н.М. Таланчук; мобильность в обучении упоминается в работах Г.И. Щукиной.

Основы подготовки учителя к реализации личностно-ориентированного и индивидуально-дифференцированного обучения определили такие исследователи, как Ю.К. Бабанский, О.С. Газман, В.В. Давыдов, К.М. Дурай-Новакова, В.А. Кан-Калик, А.А. Кирсанов, Х.И. Лийметс, Л.М. Митина, А.В. Мудрик, К.К. Платонов, И.С. Якиманская.

Современное общество побуждает личность к социально-мобильному и профессиональному самоутверждению, что предполагает у нее наличие активной жизненной позиции. Однако в современной системе образования мы часто сталкиваемся с обучением, которое не всегда обеспечивает формирование активности и мобильности у учащихся, имеющих отклонения в развитии. У такого человека, постоянно воспитывающегося в условиях репродуктивной деятельности, формируется инертный тип мышления, он лишен любознательности и творческой активности, у него не формируется умение мыслить самостоятельно, творчески. Он не способен выйти за пределы ситуации, найти нестандартные решения и взять на себя ответственность за их принятие. Инертность мышления, стандартность, шаблонность рождает человека пассивного, равнодушного, безучастного к окружающему, человека, теряющего активную жизненную позицию.

Решить возникающие проблемы необходимо уже в начальных классах, так как в младшем школьном возрасте возникают благоприятные возможности для формирования таких качеств, как самостоятельность, активность, инициативность, способность к академической и социальной мобильности.

Ведущей деятельностью в младшем школьном возрасте является учебная. Именно в процессе учебной деятельности происходит развитие и становление таких личностных свойств младшего школьника с отклонениями в развитии, как активное отношение к процессу познания, умение ставить перед собой познавательные задачи, находить пути их решения, творческое отношение к любому виду деятельности, способность контролировать и оценивать результаты своей работы и работы своих товарищей, а также способность находить ошибки и определять способы их исправления.

«Движение» человека с отклонениями в развитии жизнедеятельности связано с самоопределением и разрешением целого ряда противоречий, в которые он при этом вступает с окружающим миром, собственной жизнью, другими людьми. Как известно, жизнедеятельность личности можно представить как соотнесение самобытности и социальной нормы и меры. Этот процесс вначале определяют события, обстоятельства, другие люди. Постепенно человек начинает самоопределяться: от самокоррекции, проявляющей его отношение к отдельным событиям, к формированию эмоционально ценностного отношения к жизнедеятельности в целом. Все в большей степени он начинает «организовывать», выстраивать события в соответствии с логикой своей жизни, реализуя при этом предоставленные ему потенциальные возможности. Другими словами, он все в большей степени становится субъектом своей жизнедеятельности.

Субъектность проявляется в способности человека с отклонениями в развитии к индивидуально возможному мобильному действию, которое можно считать критерием его психической и социальной зрелости, проявляющимся при наличии у человека умений осуществить личностное прочтение совокупности внешних условий и обстоятельств жизнедеятельности и готовности преодолевать возможные внешние и внутренние трудности.

В словарях чаще всего приводится определение **мобильности** как подвижности, способности к быстрому передвижению, действию.

В современной педагогике понятие «мобильность» встречается редко. Однако среди трудов ученых-педагогов, психологов, социологов мы можем найти исследования, посвященные социальной мобильности (П.А. Сорокин, Б. Барбер, М.С. Комаров, и др.), социокультурной мобильности (И.В. Василенко), воспитательной мобильности (Н.М. Таланчук), а в дидактике – мобильности обобщенных умений (Г.И. Щукина).

П.А. Сорокин под социальной мобильностью понимает «любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того,

что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую». П.А. Сорокин выделяет и условия, необходимые для передвижения индивида по социальному пространству: «Два условия, по крайней мере, всегда были основополагающими: 1) важность занятия (профессии) для выживания и функционирования группы в целом; 2) уровень интеллекта, необходимый для успешного выполнения профессиональных обязанностей».

И.В. Василенко рассматривает социокультурную мобильность, под структурой которой понимает «совокупность элементов внутренней жизни социальных субъектов, объединенных в целостную систему, которая обеспечивает ту степень субъективной подвижности, которая нужна для адаптации к окружающей среде или для активного воздействия на нее».

Определяется социокультурная мобильность такими факторами, как биологические, когнитивные, личностные и социальные.

Биологические факторы включают в себя хорошо развитые мозг и нервную систему.

Когнитивные факторы представляют собой совокупные знания человека и нажитый опыт. Когнитивные факторы как способствуют, так и тормозят социокультурную мобильность личности.

В группу личностных качеств относят чувства, волевые устремления, идеи и желания человека.

В группу социальных факторов включают состояние экономики, политики, образования и других социальных институтов общества.

Социокультурная мобильность представляет собой внутреннюю подвижность личности. Однако свойство подвижности включает в себя активную и пассивную составляющие.

Становление и развитие человека с отклонениями в развитии как личности является сложным процессом, включающим в себя множество различных явлений и факторов природного и социального, субъективного и объективного, управляемого и стихийного характера. А развитие личности неизбежно влечет за собой развитие познания, а значит, и сознания, и самопознания, следовательно, развиваются активность и мобильность.

В нашем исследовании мы будем придерживаться следующего определения мобильности личности с отклонениями в развитии обучении: готовность активно изменять свою позицию в учебной деятельности (под воздействием педагога или самостоятельно).

Позицию в обучении мы рассматриваем как представления, установки, диспозиции (осознанная готовность личности к оценкам ситуации и поведению в процессе обучения, обусловленная ее предшествующим опытом) учащихся относительно их учебной деятельности, реализуемые в референтных группах, проявляющиеся в соответствующем поведении и поступках. То есть позиция ребенка реализуется на основе его опыта.

Естественная активность ребенка должна быть направлена в социальное русло, усвоение норм и ценностей должно быть личностно значимо для него и реализовываться как способность к социальному действию, социальному поступку. И только благодаря такой ориентации самодеятельности ребенка возможно формирование мобильности в процессе обучения.

Это проявляется в уровнях готовности личности к самовыражению, а именно: уровень социальной установки, уровень убеждения и уровень социально значимого поступка.

Активность же «выступает в соотнесении с деятельностью, обнаруживаясь как динамическое условие ее становления, реализации и видоизменения, как свойство ее собственного движения» (А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский).

Уровни формирования мобильности в обучении школьников с отклонениями в развитии следующие:

1 уровень – мобильность формируется на базе рефлексов, человек взаимодействует с окружающей действительностью на подсознательном уровне. Ребенок в данном случае стремится к образцу неосознанно. В обучении он пассивен, слабо реагирует на требования учителя, не проявляет желания к самостоятельной работе, предпочитает режим давления со стороны педагога (взрослого).

2 уровень характеризуется осознанным алгоритмизированным действием: «действую, как научили». Если опыт и пути решения задач, определяемых ситуацией, совпадают, личность комфортно ощущает себя в процессе определения способов действий. Если же возможные способы решения задачи не соответствуют приобретенному личностью опыту, возникает внутри личностный конфликт, разрешение которого требует приобретения новых знаний, умений, навыков либо умения применять имеющиеся знания в новых условиях. В обучении ребенок проявляет активность лишь в определенных учебных ситуа-

циях, в зависимости от интересного содержания урока, необычных приемов преподавания, т.е. его активность определяется в основном эмоциональным восприятием. Опыт в учебной деятельности накапливается через усвоение образцов; собственная активность личности недостаточна или относительна.

3 уровень – умение социально адаптироваться, анализировать существующую проблему, выбирать наиболее эффективные пути решения задач. Позиция учащегося обусловлена не только эмоциональной готовностью, но и выработанными привычными приемами учебных действий, что обеспечивает быстрое восприятие учебной задачи и самостоятельность в ходе ее решения. Ребенок способен выявить смысл, проникнуть в сущность явления; стремится познать связи между явлениями, овладеть способом применения знаний в новых условиях. Познавательная активность ребенка на достаточно высоком уровне, носит поисковый характер.

4 уровень характеризуется способностью личности к вариативному действию, умением и возможностью определения условий изменения ситуации, изменения источника проблемы. Позиция учащегося характеризуется готовностью включиться в нестандартную учебную ситуацию, поиском новых средств для ее решения. Познавательная активность на очень высоком уровне, творческая.

Результатом обучения является образованность, а также способность к мобильному действию в обучении. Характеризуются эти качества и способности наличием у выпускников начальных классов следующих умений:

– осуществлять предлагаемые задачи учебно-познавательной деятельности;

– общаться со сверстниками и педагогами;

– вступать в определенные контакты с окружающей средой;

– реализовывать свою роль ученика. На основе овладения:

– адаптированными источниками информации, принадлежащими к одной культуре;

– сведениями из разных областей знания, человеческого опыта.

В нашем исследовании мы применяли систему взаимодействия педагога с учащимися, имеющими отклонения в развитии: «социальный опыт – дидактическое знание – дидактические навыки – социально-дидактические навыки – социально-дидактические умения – творческий способ самореализации личности», – предполагающую следующий алгоритм педагогического действия:

– диагностика уровня развития, социального опыта ученика и специальных знаний, что предполагает целенаправленное овладение методами диагностики уровня развития познавательной активности и мобильности учащихся и опытом творческой деятельности, профессиональный интерес к методам диагностики;

– выбор технологии коррекции дидактического самодвижения ученика, целенаправленное овладение теоретическими основами развития познавательной активности и мобильности, наличие умений изучать и анализировать проблему развития познавательной активности и мобильности;

– открытое соотнесение достигаемых учеником результатов с общепринятыми стандартами;

– обеспечение осознанной реализации учеником дидактического опыта, целенаправленное применение знаний о сущности познавательной активности, наличие умений применять способы и приемы развития познавательной активности и мобильности.

Библиографический список

1. *Дубовый Л.М., Ручкова Н.А.* Зачем психолог нужен в школе? – Пенза: ПГПУ им. Белинского, 2007.

2. *Дубовый Л.М., Ручкова Н.А.* Введение в психолого-педагогическую деятельность. – Пенза: ПГПУ им. Белинского, 2007.

УДК 159.928.22

Климонтова Татьяна Анатольевна
кандидат психологических наук, доцент
Иркутский государственный педагогический университет
klim75@bk.ru

ПОЗИТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ОТКРЫТОСТИ СИСТЕМЫ ВНУТРЕННЕГО МИРА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО ОДАРЕННЫХ ПОДРОСТКОВ*

Статья посвящена исследованию восприятия другого человека интеллектуально одаренными подростками. Анализируются данные, полученные в результате применения авторской методики, предназначенной для исследования восприятия человека человеком. На основе сравнительного анализа, констатируется более позитивное восприятие других интеллектуально одаренными подростками, обеспечивающее открытость информационному воздействию.

Ключевые слова: *внутренний мир, восприятие человека человеком, открытость информационному воздействию.*

В настоящее время, в условиях происходящих методологических изменений, возникает необходимость уточнения предмета психологической науки с позиции системного подхода, внимание ученых обращается к внутреннему миру человека [2; 8].

Изменение методологии вызвано, прежде всего, увеличением дистанции между психологической наукой и практикой, обусловленной отсутствием в науке целостного представления о человеке, в то время как в психологической практике работа осуществляется именно с человеком как психологической системой. Особенно остро сложившиеся противоречия ощущается в области психологии одаренности, в которой хотя и существуют попытки построения психологического портрета одаренного человека, между тем одаренность рассматривается как некая оторванная от целостного человека реальность. Предложенные модели одаренности не указывают на ее место во внутреннем мире, однако реальных достижений продолжают ожидать не от смоделированной одаренности, а от конкретного человека.

Общество, на современном этапе развития, осознало, что одаренные люди являются резервом человеческой цивилизации, направляющим и инициирующим развитие многих общественных, политических, культурных процессов. Вместе с тем, наряду со сформировавшимся запросом общества, очевидно, что не все интеллектуально одаренные индивиды реализуют себя. В таких случаях говорят о скрытой одаренности и обращаются к раскрытию мотивационных, средовых и иных факторов, фрустрирующих одаренность, однако, с нашей точки зрения, проблема была бы решена с большим успехом при целостном взгляде на одаренного человека и обращении к особенностям и психологическим механизмам становления его внутреннего мира.

Внутренний мир человека развивается при общении и взаимодействии с другими людьми. Еще С.Л. Рубинштейн [5] отмечал, что сердце человека все соткано из человеческих отношений с другими людьми, то, из чего оно стоит, целиком определяется тем, к каким человеческим отношениям человек стремится, какие отношения к людям, к другому человеку он способен устанавливать.

Отношение к другому человеку возникает на основе его восприятия. Восприятие человеком другого человека является особым видом восприятия [1] и представляет собой процесс, в котором происходит отражение его внешних признаков, соотнесение их с личностными свойствами воспринимающего индивида и осуществление на этой основе понимания его внутреннего мира и поведения. Однако реконструкция внутреннего мира другого человека для субъекта весьма сложна, ведь ему непосредственно дан лишь внешний облик других людей, их поведение и поступки, с опорой на эти данные он должен сделать заключение о способностях, мыслях, намерениях людей, с которыми он вступил в общение. В продолжение данной мысли представляется возможной цитата Е. Мелебруда: «Я воспринимаю его так же, как субъекта, воспринимающего меня, думающего обо мне, оценивающего, понимающего меня. Я не только сам вижу кого-то,

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант №08-06-00343а.

 © Климонтова Т.А., 2010

но и являюсь объектом чьего-то восприятия. А поскольку я воспринимаю другую личность как кого-то, кто со своей стороны воспринимает меня, я не только ввожу его в свой внутренний мир, в мир моих мыслей, образов, чувств, но делаю эту личность как бы присутствующей во мне в качестве кого-то, кто в свою очередь вводит меня в свой внутренний мир» [4, с.102].

Основываясь на положении Д.В. Шадрикова [8] о том, что другой человек является одним из факторов, нарушающих равновесие внутреннего мира, мы рассматриваем позитивное восприятие другого человека как показатель открытости системы внутреннего мира к информационному воздействию. При этом полагаем, что чем более позитивно человек воспринимает другого, тем он более открыт информационному воздействию с его стороны.

Обратимся к анализу результатов изучения восприятия другого человека в группах интеллектуально одаренных и обычных испытуемых. Совместно с И.А. Шишкиной, нами была разработана методика для изучения эмоционально-оценочной стороны процесса восприятия человека человеком. Были отобраны фотографии подростков мужского и женского пола (20 фотографий, их них 50% с изображением лиц мужского и 50% – женского пола). При отборе стимульного материала исключалось влияние установки. Наряду с фотографиями испытуемым предлагалась анкета, содержащая 17 вопросов, направленных на определение эмоционально-оценочных параметров восприятия другого человека.

Мы проанализировали среднегрупповые значения по параметрам анкеты, имеющим, с нашей точки зрения, наибольшую связь с открытостью воздействия со стороны другого человека. К числу таковых были отнесены: выраженность симпатии, доверия, физическая привлекательность, уважение и ожидание отказа в общении.

Результаты показали, что интеллектуально одаренные испытуемые склонны воспринимать другого человека как более симпатичного ($t=2,55$, $p<0,01$), в меньшей степени склонны не доверять ($t=2,34$, $p<0,02$), чем обычные подростки.

Мы ввели в анкету вопросы, предполагающие отраженное восприятие другого человека, когда испытуемый дает не только собственную оценку, а еще и предполагает, как человека, изображенного на фото, будут воспринимать другие люди. Это позволяет, с одной стороны, получить информацию о системе отношений к «этим другим людям», которые интроецированы во внутренний мир испытуемого, с другой – проанализировать сопряженность оценок испытуемого с позиции «Я» и позиции «Другие».

Как свидетельствуют данные, представленные в таблице 1, испытуемые обеих выделенных групп при оценке с позиции «другие» более позитивно воспринимают людей, изображенных на фото, о чем свидетельствуют среднестатистические значения, в частности, возрастают показатели симпатии, доверия, физической привлекательности, снижается вероятность отказа в общении.

Интересно, что одаренные подростки демонстрируют явные различия в восприятии другого

Таблица 1

Различия в восприятии другого человека интеллектуально одаренными и обычными испытуемыми с позиции «Я» и «Другие»

№	Параметр	Ср. знач. Одаренные		t	p	Ср. знач. Обычные		t	p
		«Я»	«Другие»			«Я»	«Другие»		
1	Вызывает симпатию	6,9	10,7	**3,96**	0,0001	5,5	8,6	**2,93**	0,005
2	Не вызывает симпатии	12,8	9,2	**4,04**	0,0001	14,5	11,3	**2,95**	0,005
3	Вызывает доверие	8,2	11,0	**3,46**	0,001	7,7	8,6	0,76	0,43
4	Не вызывает доверия	11,6	8,9	**2,92**	0,005	12,3	11,3	0,75	0,45
5	Вызывает недоверие	8,1	5,7	**2,23**	0,03	11,0	9	1,66	0,113
6	Физически непривлекателен	11,2	9,2	1,60	0,07	11,2	10,8	0,40	0,69
7	Физически привлекателен	5,4	9,6	**3,64**	0,0001	6,6	7,9	1,10	0,13
8	Вызывает уважение	4,75	8	**2,63**	0,01	8,1	9,3	1,75	1,75
9	Откажет в общении	6	4,5	1,49	0,14	5,8	6,2	0,33	0,73
10	Не откажет в общении	11,5	12,3	0,76	0,44	10,5	10,5	0,021	0,96

Таблица 2

Различия в параметрах восприятия, по которым изображенный на фото превосходит испытуемого

№	Параметр	Среднее значения		t	p
		I	III		
1	Здоровье	3,3	1,4	**2,69**	0,009
2	Умственные способности	1,6	3,1	1,5	0,13
3	Физическая привлекательность	2,5	2	0,68	0,49
4	Физические возможности	4,7	2,4	**2,32**	0,02
5	Другое	7,1	11	**2,15**	0,03

человека с позиции «Я» и «Другие», при этом качественный анализ позволяет говорить, что с личностной позиции одаренные воспринимают других более критично, особенно это относится к параметрам физической привлекательности и уважения. Другие люди, как представляется одаренным, менее требовательны к внешности других, склонны уважать, относиться с симпатией и доверием. То есть мы вновь констатируем, что, по мнению одаренных, другие люди более позитивно относятся к окружающим, чем они сами.

Однако статистический анализ показал, что если в группе обычных испытуемых эти изменения не имеют статистической достоверности (исключение составляет параметр симпатии), то в группе интеллектуально одаренных детей по большинству исследуемых параметров различия статистически значимы. Так, с не личностной позиции одаренные испытуемые склонны воспринимать других как вызывающих симпатию, доверие, физически привлекательных, вызывающих уважение. С нашей точки зрения, данные свидетельствует о том, что интеллектуально одаренные подростки считают, что другие люди склонны более позитивно воспринимать изображенных на фото подростков, чем они сами. При этом очевидно, что если другие, с чьей позиции судит испытуемый, оценивают изображенных на фото позитивно, это характеризует и их самих, то есть другие в глазах одаренных доверяют, симпатизируют, вызывают уважение. С другой стороны, представленные различия показывают, что сами подростки с личностной позиции более критично воспринимают изображенных на фото людей, более взвешенно подходят к их оценке, при имеющейся базовой тенденции к позитивизму по отношению к другим людям. В отличие от одаренных, испытуемые из группы обычных подростков не демонстрируют сколько-нибудь значимых различий между собственной оценкой людей на фотографиях и предполагаемым восприятием их со стороны других людей.

Таким образом, результаты изучения восприятия других людей интеллектуально одаренными и обычными испытуемыми показало, что одаренные склонны более позитивно воспринимать других людей, относиться к ним с симпатией, уважением и доверием. Это демонстрирует, что при такой позитивной окраске восприятия одаренные более открыты в целом по отношению к другим и информационному воздействию с их стороны, как следствию.

Обратимся к таблице 2, в содержании которой представлены различия в оценках испытуемыми превосходства над ними воспринимаемых людей по ряду параметров, таких как «здоровье», «умственные способности», «физическая привлекательность», «физические возможности», а также другим параметрам, которые представляются самому испытуемому, но не указаны в анкете.

Сопоставление групп одаренных и обычных подростков показало, что достоверно отличаются восприятие превосходства другого человека по параметру «здоровье» ($t= 2,69$, $p<0,009$), что свидетельствует о том, что одаренные испытуемые воспринимают других как имеющих более крепкое здоровье, чем они сами. Испытуемые из группы обычных подростков в меньшей степени склонны оценивать других людей как более здоровых, чем они сами.

Представленные данные полностью согласуются с мнением многочисленных авторов [7, 3, 6], отмечающих физическую и соматическую ослабленность, болезненность одаренных детей. В этой связи обсуждаемые результаты позволяют говорить, с одной стороны, о более позитивном восприятии других людей, с другой – о реалистичном восприятии одаренными подростками своих физических возможностей и состояния здоровья.

Сходная картина наблюдается в отношении оценки превосходства над ними других людей по

параметру «физические возможности» (t= 2,32, p<0,03), при этом одаренные воспринимают изображенных на фото сверстников как имеющих большие физические возможности. Интересно, что одаренные и обычные подростки не различаются по восприятию других как превосходящих их по физической привлекательности и умственным способностям, подростки обеих выделенных групп склонны воспринимать других как имеющих сходные с ними умственные способности и в равной степени физически привлекательных.

Обобщая вышеизложенное, хотелось бы особо отметить, что восприятие человека человеком как процесс зависит и от опыта человека. В зависимости от того, как складывались у него отношения с людьми раньше, он проявляет доверчивость или боязливость, ласковость или грубость, исполнительность или упрямство, драчливость или уступчивость по отношению к новым для него людям [1]. Опыт взаимодействия и общения одаренного ребенка нельзя считать однозначным: это и сложности межличностных отношений со сверстниками и учителями, в силу отличающихся от большинства познавательных способностей и особенностей личности, вызывающих сложности в межличностном взаимодействии [3]. Указанные особенности констатируются многочисленными исследователями.

Итак, мы видим, что обе группы одаренных детей характеризует позитивное восприятие другого человека. Здесь уместно процитировать А.А. Бодалева, который указывал, что «восприятие человека человеком всегда опосредованно особенностями, которые характеризуют этого человека как личность, а, выступая в качестве объекта познания, другой человек отражается в сознании людей, “преломляясь” через их внутренний мир» [1, с. 56]. Результаты показывают, что именно интеллектуальная одаренность выступает той особенностью, которая опосредует позитивное восприятие другого человека, минуя не всегда позитивный опыт отношений с другими людьми, и обеспечивает открытость внутреннего мира к воздействию со стороны другого человека через его позитивное восприятие.

Библиографический список

1. *Бодалёв А.А.* Восприятие и понимание человека человеком. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 200 с.

2. *Зинченко В.П.* Общество на пути к человеку психологическому // Вопросы психологии. – 2009. – №3. – С. 3–11.

3. *Ларионова Л.И.* Особенности развития одаренных детей в условиях современной семьи и коллектива. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. пед. ун-та, 2000. – 141 с.

4. *Мелибруда Е.* Я-ТЫ-МЫ: Психология возможности улучшения общения: Пер. с польск. / Вступ. ст. и общ. ред. А.А. Бодалёва и А.Б. Добровича. – М.: Прогресс, 1986. – 256 с.

5. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. – М.: Наука, 1997. – 498 с.

6. *Фримен Д.* Ваш умный ребенок. – М.: Семья и школа, 1996. – 192 с.

7. *Хеллер К.А.* Диагностика и развитие одаренных детей и подростков // Иностранная психология. – 1999. – №11. – С. 30–40.

8. *Шадриков В.Н.* Мир внутренней жизни человека. – М.: Университетская книга, Логос, 2006. – 392 с.

УДК 37.0

Колос Лариса Николаевна
Вологодский государственный педагогический университет
vera-kolos@mail.ru

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В СОДЕРЖАНИИ ОБРАЗОВАНИЯ ЖЕНЩИН В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Разработка национальной системы женского образования в середине XIX века осуществлялась на основе западного опыта, но с учетом российского менталитета. Целями образования русской женщины в обозначенном историческом периоде признавались формирование физически, нравственно и интеллектуально здоровой личности на таких базисных гуманистических ценностях, как самоактуализация, самоопределение и самореализация.

Ключевые слова: *цели, содержание, образование, ценностно-смысловой, гуманистический, семейный, трудовой, социально-политический, духовно-нравственный аспекты женского образования.*

«Женский вопрос», сформировавшийся в дебатах о тенденциях обновления российского общества в середине XIX века, изначально касался проблемы улучшения женского образования. Дискуссия о том, стоит ли улучшать женское образование, сменилась вопросом, насколько стоит его менять и с каких позиций подходить к организации образования женщин. Начался поиск путей воспитания активной, инициативной женской личности, способной к длительной самостоятельной деятельности без постоянного внешнего принуждения.

Идеи содержания женского образования были почерпнуты из европейской научной мысли середины XIX в. и сформированы под воздействием развития философской мысли во Франции, Англии и Германии. «Пусть Сириус больше, чем наше Солнце, но не он согревает нашу Землю, не на нем созревают наши лозы» [3, с. 222]. Осознание того, что российское педагогическое пространство не тождественно западному, обусловило необходимость разработки национальной системы женского образования на основе западного опыта, но с учетом российского менталитета. Отечественное образование женщин «должно быть в тесной связи с характером и духом народа, условиями его жизни», – писал В.Я. Стоюнин [12, с. 17].

Первым, кто в России комплексно рассмотрел различные аспекты «женского вопроса», был радикальный поэт и публицист М.Л. Михайлов. С антропологических позиций он опровергал мнение Ж. Мишле и Г.-Ж. Прудона об интеллектуальном несовершенстве женщины, которые в своих трудах развивали идею о том, что главное назначение женщины – производить род человеческий и женщина не должна отвлекаться от этой миссии. М.Л. Михайлов обосновал, что для развития интеллекта и творческих способностей необходимы наблюдение и жизненный опыт, а изоляция женщины от общества была равносильна отказу в возможности ее интеллектуального совершенствования [14].

Целями образования русской женщины признавалось формирование физически, нравственно и интеллектуально здоровой личности, способной к самоактуализации, самоопределению и самореализации. Сущностно значимые положения содержания женского образования, выражавшие кредо тогдашнего российского педагогического сообщества, имели следующую направленность:

Образовательно-гуманистическое направление

1. *Ценностно-смысловой аспект* нацелен на признание целью образования женщины развитие физических, умственных и нравственных способностей, «развитие мышления и воли для женщины столько же нужны, как и для мужчины …нужно знать искусство понимать, …нужна самостоятельная воля, чтобы жертвовать, мышление, чтобы избирать и чтобы иметь ясную и светлую идею о цели воспитания детей» [9, с.82].

2. *Гуманистический аспект*, в рамках которого приоритетным направлением признавалось литературное образование и эстетическое воспитание женщины. Исходя из принципа воспитания «человека и гражданина», В.Я. Стоюнин особо подчеркивал значение литературы как одного из важнейших школьных предметов. Высокая оценка литературы в системе школьного женского образования мотивировалась тем, что, во-первых, добиваясь глубокого и органического ее усвое-

 © Колос Л.Н., 2010

ния, школа тем самым воспитывает в ученицах характер, убеждения и нормы поведения, какие должны быть свойственны передовому человеку, «гражданину». Во-вторых, литература, как искусство слова, обладает специфическими средствами воспитательного воздействия, так как развивает чувство прекрасного и вызывает отвращение ко всему ненормальному, несправедливому, ложному. «Развейте в человеке искусством эстетические стремления, научите его понимать все прекрасное и наслаждаться им, и вам не нужно будет читать им мораль» [13, с. 26].

3. *Гендерный аспект* направлял разработку содержания и форм женского образования с учетом специфики женского восприятия жизни, переживаний, отношения к миру, к детям; обеспечивал равноправие между женщиной и мужчиной во всех сферах жизни, в том числе в образовании. Н.И. Пирогов писал, что при организации системы женского образования необходимо учитывать, что «человек есть коллективность, состоящая из мужчины и женщины, и с ним следует обращаться по его различным, но обоим полам свойственным дарованиям. Что наши предки у женщин отняли, то мы должны возвратить с лихвой …мы не должны забывать, что цель и путь к цели – одни и те же для мужчин и для женщин, но способы, употребляемые для совершения этого трудного пути, должны быть различные…» [9, с. 554)]. П.Ф. Каптерев обратил особое внимание на характер и специфику восприятия жизни и мира женщиной. В ее сознании, подчеркивал он, окружающая среда и человеческая личность занимают столь большое место, что получаемое ими образование должно быть сориентировано на эту особенность. Основой женского образования должны быть не грамматика и математика, а антропология, естествознание, словесность, история, Закон Божий. Именно в этих областях женщина может добиться больших успехов, поэтому в учебный курс необходимо включать больше материалов, стимулирующих наблюдение, зовущих к серьезным размышлениям о фактах окружающей жизни [5].

При этом совместное образование девочек и мальчиков является необходимым условием реального представления о представителях противоположного пола и формирования духовной близости (М.Л. Михайлов, В.Я. Стоюнин, Н.К. Крупская) [14; 13]. Одно из направлений гендерного аспекта образования – это физическое развитие женщины, разработанное в трудах П.Ф. Лесгафта, которое он предлагал осуществлять с учетом ее биологических особенностей, прививать санитарно-гигиенические навыки и сформировать потребность в здоровом образе жизни [7].

4. *Этнопедагогический аспект* призван обеспечить всесословность обучения в целях приобщения девочек к отечественной культуре, национальным традициям, родной литературе для более осознанного выполнения своих гражданских ролей. С позиций народности обеспечить в общественном воспитании обязательное первоначальное обучение девочек на родном языке (В.И. Водовозов, В.Я. Стоюнин, К.Д. Ушинский). Так, В.Я. Стоюнин, изучая историю русской школы, подчеркивал необходимость национального воспитания для женщины: «Явилось сознание, что русскую женщину нужно воспитывать на русских началах, чтобы, гордо называясь женщиною и гражданкою, она прониклась лучшим смыслом того и другого слова» [13, с. 22]. Принцип народности образования женщин не вызывал разногласия среди педагогов, как теоретиков, так и практиков.

5. *Исторический аспект* предполагал осуществлять воспитание на основе принципа историзма в соответствии с определенной конкретной исторической средой, в которой живет женщина и которую она должна хорошо знать, с тем чтобы активно включаться в реальную деятельность. [1].

Социально-гуманистическое направление

1. *Трудовой аспект* обеспечивал обоснование связи женского образования с трудом. Одной из острейших проблем, связанных с правом женщины на труд, оставалась дискриминация женщин в области образования. По мнению Д.И. Писарева, в основе брака лежат экономические отношения и «для прочной связи между мужчиной и женщиной необходим общий труд» [10, с. 18]. Очень большое значение придавал Н.А. Добролюбов воспитанию трудолюбия. Это объясняет высокую роль труда в жизни человеческого общества. Кроме того, отмена крепостного права обосновала расширение сферы женского труда, что требовало создания системы профессионального образования для женщин, а также существенных изменений в учебных планах и программах.

2. *Социально-политический аспект*, в рамках которого предполагалось обеспечение связи общественной деятельности женщины с семейной

жизнью, вооружение женщины знаниями, расширяющими ее кругозор и обеспечивающими ее включенность в общественную деятельность. Школа должна готовить девушку к самостоятельному труду в обществе, к полноценной общественной деятельности [13, с. 200].

В печати того времени стали появляться статьи, в которых отмечалась полезность и необходимость образования женщины трудящихся сословий, так как трудящаяся женщина была лишена всякого, самого элементарного образования. Признавая очевидность пользы образования для женщин из низших сословий, Н.А. Добролюбов отмечал: «Чтобы самое образование могло успешно производить свое влияние, для этого нужно, чтобы …во многом изменились их [ремесленных классов] гражданские права и общественные отношения» [2, с. 32]. Н.А. Добролюбов выставлял требование уничтожить веками закрепленное бесправие женщины, покончить раз и навсегда с варварским отношением к ней [2]. В конце XIX – начале XX века идеи политической образованности, правовой защищенности женщин отстаивали Н.К. Крупская, А.М. Коллонтай и другие марксисты и социалисты.

3. *Семейный аспект.* Нравственное, физическое и умственное совершенство общества во многом зависит от совершенства института семьи, поэтому разработке проблем правильного семейного воспитания, проблеме формирования ответственности за воспитание детей родителями, проблеме разграничения сферы образования и воспитания между семьей и школой педагоги придавали первостепенное значение. Воспитательная роль женщины-матери признавалась приоритетной всем российским обществом, поэтому особая значимость придавалась формированию у женщины адекватного, ответственного отношения к выполнению этой миссии. Женщина должна иметь возможность, как будущая мать, независимо от своего социального положения получить не только общее образование, но и основы элементарного педагогического образования. Главная причина общественного зла в любом его проявлении, по мнению многих педагогов, заключается в необразованности, грубости и безнравственности матерей семейства. Д.И. Писарев отмечал, что «для достойного выполнения обязанностей …необходимо …предварительное теоретическое приготовление, необходимо умственное развитие, которое внушило бы матери-воспитательнице правильный взгляд на ее задачу …в деле воспитания» [10, с. 26.].

К.Д. Ушинский имел совершенно определенный, твердый и ясный взгляд на задачи и потребности образования и воспитания русских женщин. «Женщина – чересчур видный член общества», – писал К.Д. Ушинский. Она многими невидимыми нитями, в качестве матери, дочери, жены, воспитательницы, просто гражданки, действует на все стороны жизни. Воспитание женщины, кроме индивидуального и семейного значения, имеет еще огромное значение в народной жизни, через женщину только успехи науки и цивилизации могут войти в народную жизнь [15, с. 149–157].

Духовно-гуманистическое направление

1. *Религиозно-нравственный аспект* содержания образования женщин, сторонники которого исходили из того, что в рамках религиозного воспитания ребенок переживает самые высокие и скорбные события человеческой жизни, дополняя ими житейский опыт. В этом заключается великая общественная функция религии. При этом важно не удалять религиозный элемент из воспитания, а устранить догматические положения (Н.В. Гоголь, К.Д. Победоносцев) [3].

В отношении религиозного воспитания женщины в российской общественности прослеживалась противоречивая позиция. Значение религии не отрицалось в воспитании детей, но признавалось, что патриархальная мораль не выдерживает столкновения с современной цивилизацией. В перспективе виделось утверждение морали гражданской, в основе которой должно быть совпадение личного и общественного интереса. Проблема соотношения научного образования и религиозного воспитания, поставленная в начале XX века, получила оригинальное решение у П.Ф. Каптерева, считавшего, что можно искать и находить в рамках научного познания ответы на вопросы практики и вместе с тем это не должно мешать вере в Бога.

К.Д. Ушинский считал, что воспитание совершенного человека включает в себя кроме прочего и религиозное воспитание [16]. Свой взгляд на проблему взаимоотношения человека и Бога имел Л.Н. Толстой, который он изложил в своем религиозно-нравственном учении. Религия – это общее понимание, ответ на вопросы о предназначении человека в его жизни, «главная и единственная забота людей, занятых вопросами обра-

зования, может и должна состоять, прежде всего, в том, чтобы выработать соответственное нашему времени религиозное или нравственное учение и, выработав такое, поставить его во главе образования. В этом состоит первое …единственное дело не только образования. Но и всей науки нашего времени…» [6, с. 85].

Н.А. Добролюбову, напротив, новое воспитание представлялось абсолютно светским, совершенно свободным от какого бы то ни было религиозного влияния. Критически резко оценивал В.Я. Стоюнин взаимоотношения школы и церкви [13].

2. *Личностный аспект*. Центральной проблемой образования женщины признавалось ее нравственное совершенствование, формирование у женщины ответственного отношения к собственной личности с опорой на ее эмоциональную сферу в своем интеллектуальном развитии [2].

3. *Духовно-нравственный аспект*. Ввведение в содержание образования женщины идей духовного становления личности, смысла человеческой жизни, семейного благополучия, женского счастья необходимо для того, чтобы женщина, наравне с мужчиной, обрела нравственный смысл жизни, занимаясь самовоспитанием, могла воспитывать своего ребенка как личность в соответствии с разумом и совестью (Н.И. Пирогов, Н.А. Добролюбов, В.Я. Стоюнин, Л.Н. Толстой).

Таким образом, педагоги-просветители второй половины XIX века обосновали и создали теоретические основы системы женского образования, изучение и критическое использование которых в современных условиях формирования российского общества имеет прогностическое значение для совершенствования современного отечественного образования, принесет несомненную пользу педагогической науке и школьной практике.

Библиографический список

1. *Герцен А.И., Огарев Н.П.* О воспитании и образовании / Сост. В.И. Ширяев. – М.: Педагогика, 1990. – 368 с. (Педагогическая б-ка).

2. *Добролюбов Н.А.* Избранные педагогические произведения / Вводная статья В.З. Смирнова. – М.: б. и., 1952. – 734 с.

3. *Золотарев С.А.* Очерки по истории педагогики на Западе и в России. – СПб.: Издание бр. Башмаковых, 1910. – 261 с.

4. Я.А. Каменский, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци. Педагогическое наследие / Сост. В.М. Кларин, А.Н. Джуринский. – М.: Педагогика, 1989. – 416 с. – (Б-ка учителя).

5. *Каптерев П.Ф.* Душевные свойства женщин: лекции и статьи / Сост., вступ. статья, послесловие, комментарии, именной указатель Л.Э. Заварзиной. – Воронеж: Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2007. – 396 с.

6. *Кудрявая Н.В.* Аксиология педагогики Л.Н. Толстого // Педагогика. – 1999. – №7. – С. 85.

7. *Лесгафт П.Ф.* Избранные педагогические сочинения: В 2-х т. Т. 1. – М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1951. – 334 с.

8. *Огурцов А.П., Панов Е.М., Лисеев И.К. и др.* Биология в познании человека. – М.: Наука, 1989. – 256 с.

9. *Пирогов Н.И.* Избранные педагогические сочинения / Вводная статья проф. В.З. Смирнова. – М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1952. – 702 с.

10. *Писарев Д.И.* Избранные педагогические сочинения / Сост. В.В. Большакова. – М.: Педагогика, 1984. – 368 с. – (Педагогическая библиотека).

11. *Рачинский С.А.* Сельская школа: Сб. статей / Сост. Л.Ю. Стрелкова. – М.: Педагогика, 1991. – 176 с. – (Б-ка учителя и воспитателя: Страницы истории педагогической мысли).

12. *Стоюнин В.Я.* Избранные педагогические сочинения. – М.: Педагогика, 1991. – 368 с. – (Педагогическая библиотека).

13. *Стоюнин В.Я.* Избранные педагогические сочинения / Под ред. Н.А. Константинова; вступ. ст. Я.А. Ротковича. – М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1954. – 400 с.

14. *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 616 с.

15. Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвящённой теории и истории женского движения / Сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 149–157. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.portalus.ru/.

16. Хрестоматия по истории педагогики / Сост. И.Е. Лакин, М.В. Макаревич, А.Х. Рычагов. – Минск: Вышэйшая школа, 1971. – 610 с.

УДК 37(09)

Копейкина Татьяна Евгеньевна
Архангельский государственный технологический университет
tanyakop@atnet.ru

ИДЕЯ ЕДИНСТВА СЕМЕЙНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ П.Ф. ЛЕСГАФТА

Статья рассказывает о значении соединения умственного и физического образования, о взаимодействии естественнонаучных и педагогических знаний, применении их в семейной и общественной среде, где главная роль отводится женщине-матери.

Ключевые слова: *нравственное совершенствование, природа человека, окружающая среда, семейное воспитание, роль женщины-матери.*

Среди отечественных педагогов, которые теоретической и практической деятельностью внесли свой вклад в развитие российского образования, особое положение отведено П.Ф. Лесгафту (1837–1909). Выдающийся ученый жил и творил в эпоху социально значимых преобразований. Вторая половина XIX в. в России характеризовалась изменением отношения общества к проблемам образования, формированию нового человека, осмыслению воспитательно-образовательного идеала. Центральное место в педагогическом наследии П.Ф. Лесгафта занимает идея совершенствования личности. По мнению ученого, идея совершенствования личности заключается в стремлении отдельной личности к идеалу через интеграцию физического, нравственного, умственного образования. Одной из проблем дореволюционной России была высокая смертность детей. Рассматривая вопросы медицинского характера, П.Ф. Лесгафт провел статистические исследования смертности детей разного возраста. Ученый выяснил, что «смертность новорожденных была приблизительно в 4 раза больше на первом году жизни, чем на втором, в 50 раз больше, чем на 7 году, и в 132 раза больше, чем в 14-летнем возрасте. Вообще, до 15-летнего возраста смертность средним числом равняется 51,37%, а без мертворожденных – 48,96%» [2, с. 122]. «Из ста умерших моложе одного года умирает: от болезней органов пищеварения – 50%; дыхательных органов – 25%; заразных болезней – 7,5%; нервной системы – 7,5 %; других болезней, пороков развития, несчастных случаев – 10%» [2, с. 317].

П.Ф. Лесгафт основную причину смертности видел в отсутствии знаний о человеке у большинства женщин, в нарушении гигиенических условий, недостаточности внимания к воспитанию детей, в телесных наказаниях. Большое внимание ученый уделил семейному воспитанию ребенка. Он связывал проблемы отдельной семьи с нравственностью членов семьи, с их образованностью. Ученый считал, что «первоначальное воспитание в младенческом возрасте, при котором ни один промах в обращении с ребенком не остается без дурных последствий, иногда кладет печать на целую жизнь человека – это первое воспитание мы получаем в семье: оно в руках женщины» [3, с. 23]. Степень наблюдательности и научного развития матери имеет важное значение [3, с. 330]. Оставаясь сторонником женского медицинского образования, П.Ф. Лесгафт выступал активным борцом за равноправие женщин в этой области. Он считал, что, кроме общепринятого развития в женщине сердца и чувств, необходимо возбуждать умственную деятельность, а именно – стимулировать познание естественных наук [3, с. 23].

Ученый был уверен в том, что необходимо совершенствовать психологические качества личности, изучать индивидуальные особенности ребенка в семейной среде. Уклад жизни семьи педагог рассматривал как объективное условие формирования личности. Он считал, что наследственным является лишь темперамент, тип поведения зависит от влияния среды, а характер – от активности и волевых проявлений самого ребенка, от его наблюдений, рассуждений и опытности. Ребенок является зеркалом среды, и к 7 годам он формирует свои нравственные основания, в нем отражаются все следствия воспитания семейной среды. По мнению П.Ф. Лесгафта, члены семьи должны заботиться о своей нравственности при появлении ребенка. Особое значение имеет мать – как естественная воспитательница. П.Ф. Лесгафт отмечал, что «женщина любящая, разумная и высокообразованная не допустит произвола, лжи и оскорбления ребенка, будет содействовать развитию сознательной деятельности.

 © Копейкина Т.Е., 2010

Уровень развития общества находится всегда в прямой связи и прямой пропорциональности с уровнем развития женщины» [2, с. 221]. Именно от женщины-матери зависит развитие ее будущего ребенка, психическое, физическое и духовное здоровье. Ученый данную проблему относил к государственным делам, в статьях отражал свое отношение к воспитанию молодого поколения. Он писал: «Степень совершенствования общества всего вернее определяется степенью сознательного участия в заботах о детях и их благе, а это достигается только образованием и связанным с ним нравственным развитием женщины» [2, с. 33]. По его мнению, чем больше женщина знает сама, тем больше она в состоянии поделиться знаниями со своими детьми, тем меньше произвола в семье, тем больше взаимного уважения между ее членами, выше идеалы подрастающего поколения [1].

П.Ф. Лесгафт на основе наблюдений и жизненного опыта выяснил, что женщина, действительно образованная, может проявлять такую же энергию, самостоятельность и силу воли, как и мужчина, твердо оставаясь на высоте своего нравственного положения. В пример П.Ф. Лесгафт привел умную крестьянскую вдову, которая справляется со всем своим делом и хозяйством, оставленным ей после смерти мужа, не забывая своих детей. «Женщина способна руководить житейским делом и в случае надобности постоять за себя. Если о женщинах говорят, что у них меньше инициативы и самостоятельности, что они более веруют в какую-нибудь книжку или в какой-нибудь живой авторитет, более увлекаются и менее серьезны, чем мужчины, то при этом, без сомнения, смешивают различие воспитания с полом. Необходимо, чтобы в обществе укоренилось убеждение, что цель воспитания как мужчины, так и женщины всегда одна и та же: развитие сознательного человека. Поэтому науки должны содействовать образованию и совершенствованию человека» [1, с. 341–353].

Совершенствование нравственной стороны родителей при рождении ребенка имеет большое значение, указывал П.Ф. Лесгафт: «На самом деле ребенок должен являться серьезной причиной совершенствования представителей семьи, в особенности относительно их правдивости, искренности и правоты – это и есть нравственность» [2, с. 32]. По мнению педагога, нравственность родителей заключается в их отношение к наказаниям. П.Ф. Лесгафт писал: «Всякие меры наказания угнетают молодого человека и понижают его энергию, делают человека суровым и злым, ограничивают человека» [5]. Целью семейного и общественного воспитания ребенка должно быть гармоничное развитие способностей. В его знаменитой книге «Семейное воспитание и его значение» он отразил проблемы взаимоотношения детей и родителей, осветил медицинские вопросы. По словам В.А. Стоюнина, книга П.Ф. Лесгафта явилась «лучом света в педагогических потемках». Рассматривая человека как субъекта и объекта воспитания, ученый предложил посредством образования совершенствовать интеллектуальную сторону, пополнить пробел в знаниях о человеке, начиная с анатомии и естественного развития человека.

П.Ф. Лесгафт выступал как идеолог общественного воспитания и считал, что «каждая школа должна быть гуманистической, и в период пребывания в школе молодой человек должен воспитывать в себе человека и усвоить понятие о человеческой личности и ее неприкосновенности – ни пальцем, ни словом, ни мыслью, это и есть умственное образование». Кроме того, «необходимо научиться владеть своим телом и уметь по слову подходить к каждой требуемой работе, это физическое образование. Нравственное (этическое) и эстетическое развитие молодого человека является само собой, как последствие строго проведенного умственного и физического образования, соответственно задачам образования» [4, с. 301].

Таким образом, общественному образованию и воспитанию ученый отдал решающую роль в формировании и совершенствовании личности. Он считал, что «задача образования состоит в том, чтобы выработать в человеке сознательное отношение к своим действиям, ограничить произвол и развить в человеке стремление к совершенствованию путем постепенного приближения к идеалу» [4, с. 55].

Подобная трактовка позволила П.Ф. Лесгафту создать собственную образовательную модель, сущность которой заключалась в интеграции умственного, нравственного и физического образования в семейной и общественной среде. Идеалом образования выступала всесторонняя гармоническая личность.

Библиографический список

1. *Лесгафт П.Ф.* Избранные педагогические сочинения / Сост. И.Н. Решетень. – М.: Педагогика, 1988. – 400 с.

2. *Лесгафт П.Ф.* Собрание педагогических сочинений. Т. 3: Семейное воспитание ребенка и его значение. – М.: Физкультура и спорт, 1956. – 439 с.

3. *Лесгафт П.Ф.* Собрание педагогических сочинений. Т. 4: Основы естественной гимнастики. Отношение анатомии к физическому воспитанию. Приготовление учителей гимнастики. Статьи и выступления 1874–1890. – М.: Физкультура и спорт, 1953. – 369 с.

4. *Лесгафт П.Ф.* Собрание педагогических сочинений. Т. 5: Статьи. Извлечения из «Основ теоретической анатомии». Отчеты. 1891–1909. – М.: Физкультура и спорт, 1954. – 391 с.

5. ГИАСПб, ф. 2165, оп. 1, ед. хр. 65.

6. О концепции модернизации российского образования на период до 2010 года.

УДК 159.9

Крюкова Татьяна Борисовна

Ивановский государственный энергетический университета им. В.И. Ленина

admin@pr.ispu.ru; tanya183@yandex.ru

АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ И ДИНАМИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ПОНЯТИЯ СИТУАЦИИ

В настоящей статье представлены результаты теоретической рефлексии различных школ и направлений психологической науки, оперирующих понятием «ситуация».

***Ключевые слова**: ситуация, понятие ситуации в различных психологических школах, структура ситуации, компоненты ситуации, динамика развития ситуации.*

В настоящее время особую актуальность приобретают исследования ситуационных факторов поведения человека. Сейчас уже с уверенностью можно сказать о том, что поведение человека тесно связано с особенностями ситуации. Изучению ситуационных факторов большое внимание уделяли как отечественные, так и зарубежные авторы. В США Куртом Левином и его учениками были заложены методологические требования к целостному изучению ситуации и ее психологическому пониманию. В Германии проблему ситуации разрабатывают такие авторы как Х. Томэ (H. Thomae), К. Грауман (K. Graumann), Т. Герман (T. Herrmann), Д. Дернер (D. Domer), Г. Фиссени (H. Fisseni). В Голландии ситуативный подход представляет Утрехтская школа, в Швеции – Д. Магнуссон (D. Magnusson). В отечественной психологии изучению ситуационных факторов уделяли внимания Л.С. Выготский, Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Л.И. Божович, К.С. Альбуханова-Славская, Л.Ф. Бурлачук, Е.Ю. Коржова Ю.Н. Емельянов, А.В. Филиппов и С.В. Ковалев, В.Н. Воронин и В.Н. Князев, Н.В. Гришина и др. Такое большое количество исследователей, занимающихся данной проблематикой, говорит о большой значимости проблемы взаимодействия человека и ситуации. Многими авторами подчеркивался тот факт, что в рассматриваемой проблеме открываются вопросы соотношения объективного и субъективного, вскрываются проблемы детерминизма внешнего и внутреннего мира личности на протяжении жизни.

Однако, несмотря на большой интерес к проблеме ситуации, у многих исследователей все чаще возникают вопросы о структуре ситуации, ее компонентах и динамике. В рассмотрении данного вопроса многие исследователи ограничиваются лишь интуитивными высказываниями. Так, при разработке системного подхода к изучению психики Б.Ф. Ломов указывал, что современная психологическая наука в настоящее время не обладает достаточными средствами и способами для описания ситуации как системы.

Цель настоящей статьи заключается в необходимости обобщения данных различных школ и направлений психологической науки, анализа разрозненных исследований о ситуации. Одной из основных проблем, на решение которой направлена данная работа, состоит в том, что понятие «ситуация» как научная категория является междисциплинарной и используется в различных областях гуманитарного и естественнонаучного знания. Какие именно причины побудили рассматривать ситуацию именно в контексте психологической науки? Какие трактовки понятия ситуации приняты основными школами как в зарубежной, так в и отечественной психологии? Именно получив ответы на эти вопросы, мы сможем сконцентрировать свое внимание на структурных компонентах ситуации,

 © Крюкова Т.Б., 2010

выделить основные элементы ситуации и показать их взаимосвязи. Кроме этого, четкое определение понятия ситуации дает нам представление о динамических особенностях ситуации.

Этимологическое понятие «ситуация» имеет в качестве исходного, базового момента латинское «situs», которое включает в себя следующие значения: 1) положение, расположение; 2) поставленный, положенный, лежащий, находящийся; 3) обитающий, живущий [9]. Два последних значения позволяют увидеть, что базовое понятие помимо наличия внешней среды подразумевает и присутствие субъекта, помещенного в нее. В русском языке слово «ситуация» было первоначально геодезическим термином, и в словаре В.И. Даля определяется как «местность, видоположенье, местоположенье» [10]. Как видно из приведенного определения, понятие «ситуация» имеет пространственно смысловой оттенок. В дальнейшем оно вошло в науки и стало употребляться для обозначения совокупности обстоятельств, в частности, для описания любого сочетания условий, в которых может оказаться человек. Поэтому во многих областях отечественной науки, будь то философия, теология, юриспруденция, психология или социология, ситуация трактуется как обстановка, совокупность условий и обстоятельств, детерминирующих тот или иной характер протекания деятельности.

Современные условия ускоренного социального развития, условия, когда порождаются все новые и новые локальные и глобальные проблемы, выдвигают задачи по активизации «человеческого фактора». В свете этого психология выступает на первый ряд наук о человеке. Тенденция развития современной психологической науки ориентирована в первую очередь на разработку таких психологических теорий и практик, которые могут обеспечить решение глобальных проблем. В связи с этим крайне актуальными становятся задачи изучения субъектов в новых ситуациях. Причины изучения ситуации в контексте именно психологической науки выделил известный шведский исследователь Д. Магнуссон [15]. Во-первых, индивидуальное развитие любого человека, по его мнению, протекает в актуальных ситуациях, через которые мы встречаемся с миром. Тем самым формируется наша концепция мира и развиваются собственные специфические способы поведения. Во-вторых, Д. Магнуссон подчеркивает, что поведение человека не может существовать иначе, как в связи с определенными ситуационными событиями и не может быть понято и объяснено изолированно от ситуации. В-третьих, основываясь на экспериментальных исследованиях, ученый указывает на тот факт, что ситуация, в которой осуществляется измерение, влияет на достоверность. Кроме этого, отмечается возможность изменения индивидуального поведения посредством изменения аспектов окружения и сред, то есть посредством так называемых преобразующих экспериментов.

В настоящее время в психологической науке не существует четкого и общепринятого значения понятия «ситуация». В различных психологических школах и направлениях имеет место большая вариативность в определении ситуации – от рассмотрения ее в качестве детерминанты поведения до интерпретации ее субъектом. Впервые рассмотрение роли ситуационных факторов в детерминации поведения человека было рассмотрено в рамках *бихевиоризма*. Суть данной позиции сводилась к тому, что «человек» представляет собой попросту сумму ситуативных превратностей, испытанных в прошлом, которые могут быть описаны объективно, что создает основу для точного предсказания и контроля поведения. Ситуационизм бихевиористов связан с их убежденностью в том, что внутренние процессы человеческой психики не могут быть объектом исследования научной психологии [цит. по: 1, с. 6]. Ситуация рассматривалась лишь как первичный детерминант поведения.

Особый подход в понимании ситуации сформирован в рамках *гештальтпсихологии*. Первоначально, когда исследования были направлены на изучение целостности психических процессов, ситуацию определяли на основании «хорошей формы». В дальнейшем, когда внимание стали уделять вопросам творческого мышления, встал вопрос о возникновении потребности в изменение видения ситуации. Так, К. Левин отмечает, что «описание ситуации должно быть скорее субъективным, чем объективным, т.е. ситуация скорее должна описываться через индивида, поведение которого исследуется, нежели с позиции наблюдателя» [5]. Таким образом, представители гештальтпсихологии ввели в ситуацию субъекта, который является той призмой, через которую преломляется видение ситуации.

Большое внимание вопросам ситуационных факторов уделялось в рамках таких отраслей пси-

хологии, как социальная психология, экологическая психология, психология управления и др. Так, американский социолог и социальный психолог У. Томас (W. Tomas) рассматривает социальное поведение с точки зрения ситуативного подхода. По его мнению, ситуация не только детерминирует действия индивида, но и определяет весь образ жизни [цит. по: 7, с. 30]. Л. Росс (L. Ross) и Р. Нисбетт (R. Nisbett) при формулировке основных идей социальной психологии опираются на три основных принципа [8]. Это *принцип ситуационизма,* согласно которому жизненное пространство с его социальным контекстом может оказывать сильнейшее детерминирующее влияние на поведение человека. В соответствии с *принципом субъективной интерпретации,* существуют сложные взаимодействия между человеком и ситуацией. В-третьих, это *представление о напряженных системах.* Данный принцип заключается в выдвинутом авторами положении о том, что индивидуальная психика, а также коллективные образования должны рассматриваться как системы, пребывающие в состоянии динамического напряжения. Согласно этому, поведение человека в любой ситуации должно «выводиться» из всего количества одновременно сосуществующих факторов. Более того, эти факторы имеют характер силового поля постольку, поскольку состояние каждой части данного поля зависит от любой его части. При этом крайне важным является учет так называемых «канальных факторов» – незначительных, но вместе с тем критически важных фасилитирующих влияний или сдерживающих барьеров.

Таким образом, анализ принципов, выдвинутых Л. Россом и Р. Нисбеттом, позволяет исследовать некоторые внутренние механизмы личностно-ситуативного взаимодействия, а также важны для понимания факторов, определяющих направление изменений личности в ситуации, ситуации под воздействием личности.

В рамках экологической психологии исследователи большое внимание уделяли лишь объективным характеристикам ситуации, физическому пространственному или социальному окружению, но при этом не уделяли должного внимания субъективной стороне ситуационных факторов. Кроме этого, необходимо отметить, что сторонники экологической психологии тесно соприкасаются с позицией теории социального научения, которая придерживается того взгляда, что индивидуальные различия являются функцией среды, а средовые последовательности формируют относительно стабильные психологические структуры. Они принижали роль субъекта как в отборе, избегании, преодолении или определении социальной ситуации, так и в осознании социально-психологических аспектов любой ситуации.

Ситуационизм нашел свое прикладное значение в психологии управления, где эффективным считается управление по обстоятельствам, т.е. «ситуационное». Сущность такого управления и администрирования заключается в применении знаний к существующим реальностям для достижения желаемых результатов [4, с. 61]. Также Фидлер разрабатывает ситуационный подход к лидерству, обнаруживая при этом критические величины ситуаций, которые влияют на эффективный стиль лидерства: влияние должности, структура задач, взаимоотношение между лидером и членом группы [4, с. 311].

Таким образом, можно выделить три основные точки зрения на понятие «ситуация».

Согласно первой точке зрения ситуацию можно рассматривать в качестве некоторой объективной совокупности элементов среды (событий, условий, обстоятельств и т.д.), оказывающей стимулирующее, обуславливающее и корректирующее воздействие на субъект, т.е. она обуславливает его активность и одновременно задает пространственно-временные границы ее реализации.

Понимание ситуации как системы внешних условий протекания деятельности человека перекликается с такими понятиями, как «социальный случай» [12], «социальный эпизод» [14], «случай» [16]. Необходимо отметить, что именно применение понятия «ситуация» в значении «обстановки» стало использоваться в различных психологических исследованиях, где делался в основном акцент на средовые характеристики диады «личность-среда», а само понятие «ситуация» ограничивалось полем внешних, объективно представленных условий.

Согласно этой точке зрения ситуация и среда являются синонимами, так как в данной трактовке понятие ситуации совпадает с понятием среды, которая понимается как «комплекс некий внешних условий, внешних сил и стимулов, воздействующих на индивида» [цит. по: 1].

Психологическая сущность данного подхода оказалась весьма ограниченной, поскольку допускалось только воздействие на человека эле-

ментов, организованных в ситуацию, и таким образом исключалось то, что собственно составляет сущность субъекта – его активность.

Взгляды представителей другой точки зрения сводятся к тому, что предпочтение отдается личностным особенностям человека, отводя ситуации лишь роль опосредующего активность фактора. Так, некоторые представители теории черт личности Р. Кэттелл, Айзенк и др. подчеркивают, что некоторые особенности ситуации могут быть представлены в качестве побудительных условий, которые способны запустить механизм актуализации той или иной личностной диспозиции.

Таким образом, если представители первой точки зрения ощутимо склоняются в сторону среды, то представители второй констатируют приоритет личности, отводя среде роль опосредующего активность фактора.

Существует и третья точка зрения, представители которой придерживаются понимания ситуации не как совокупности элементов объективной и субъективной реальности, а как продукта и результата активного взаимодействия личности и среды. Ситуация – это момент диалектического процесса взаимодействия субъекта и его окружения. К. Левин (1980) считал, что поведение субъекта в каждый данный момент времени детерминируется той конкретной целостностью, которая включает в себя как личность, так и её актуальное окружение. Субъект и его окружение рассматриваются как взаимозависимые переменные: окружение определенным образом воздействует на личность, а актуальное состояние личности, ее предшествующий опыт модифицируют понимание и способ отношения субъекта к соответствующим воздействиям среды. Неслучайно основоположником теории ситуации справедливо считается К. Левин, которому принадлежит знаменитая формула определения поведения человека как функции от личности и ситуации (B=f(PE)). Анализируя взаимодействие ситуации и личности, N. Endler и D. Magnusson выдвигают ряд принципиальных положений Так, по их мнению, поведение выступает функцией непрерывного процесса взаимодействия между ситуациями и включенным в них индивидом. В этом процессе интеракции индивид выступает активным целенаправленным деятелем. Когнитивные и мотивационные факторы субъекта являются одними из существенных причин его поведения. В качестве решающей ситуационной детерминантой выступает психологическое значение ситуации для индивида [13].

Последняя точка зрения получила наибольшее распространение и в настоящее время признана ведущей. На основании этой позиции ситуация воспринимается как нечто целое, которое обладает определенной структурой. Анализ литературы показывает, что не существует какого-то определенного набора характеристик, которые можно было бы использовать для целей при анализе ситуации. Однако С.А. Трифонова, анализируя различные сведения, относящиеся к структуре ситуации в самом общем виде, выделяет следующие компоненты: 1) объективная среда жизнедеятельности; 2) субъект, действующий в данном ситуационном контексте; 3) взаимодействие между ними, результатом которого является ситуация, как она понимается индивидом [11].

Представляется необходимым остановиться более подробно на каждом выделенном компоненте ситуации. *Объективная среда жизнедеятельности* характеризуется определенной иерархичностью. Так, Д. Магнуссон при анализе детерминант ситуации выделяет факторы среды микро-, мезо- и макроуровня [6]. В качестве микроуровня исследователь предлагает рассматривать различные стимулы внешней среды – отдельные объекты и действия. Сюда же, на наш взгляд, можно отнести и различные физические, биологические свойства среды. Так, например, звук, температура, свет и др. параметры среды могут выступать в качестве стимулов поведения и функционируют в качестве сигналов сами по себе, например, загорающаяся лампочка в опытах И.П. Павлова. К мезоуроню относятся эпизоды – особые значимые события, имеющие причину и следствия, а также ситуации – физические, временные и психологические параметры, определяемые внешними условиями. Здесь необходимо более подробно остановиться на событии, т.к. событие определяет способ вхождения в ситуацию. Событие – то, что имеет место, происходит, наступает в произвольной точке пространства-времени; значительное происшествие, явление или иная деятельность как факт общественной или личной жизни. Е.И. Головаха и А.А. Кроник [2] под событием понимают любое объективное изменение в жизни, поведении и внутреннем мире человека. События могут быть как внешние, так и внутренние, происходить по воле субъекта или без его инициативы, проявляться в поступках и от-

крывать новые жизненные перспективы. В качестве внешних событий можно представить условия жизни, события окружающего мира, имеющие общественно-историческую природу. Эти события могут восприниматься как яркие, эмоционально окрашенные, интересные, значимые, трагичные. Действительно, в жизни человек сталкивается с некоторыми обстоятельствами, которые способны жестко диктовать поведенческие сценарии и паттерны. В психологической литературе накоплен богатый материал по изучению воздействия на человека различных внешних событий, носящих как экстремальный характер (боевые действия, промышленные или природные катастрофы), так и критический характер, в результате которых происходит возможность утраты человеком определенных ценностей (расставание с любимым человеком, смерть любимого животного, уход на пенсию, смена места жительства и др.). В макроуровень можно включить окружение – обобщающее понятие, характеризующее типы ситуаций и среду как совокупность физических и социальных переменных внешнего мира.

Факторы среды, безусловно, определяются пространственно-временными границами. Пространственные параметры объективной среды жизнедеятельности могут быть самыми различными: это и пространство разнообразных социально-институциональных организаций (образования, здравоохранения, культуры, быта, спорта, религии, Вооруженных Сил, МВД и т.д.), пространство семьи и семейных отношений и др. Специфика этих пространств обусловливает конкретность и разнообразие ситуаций, в которые попадает человек на пути своего развития, учитывая также, что события являются одной из ведущих детерминант ситуации, которая носит в основном объективный характер. Поэтому при определении временных границ объективной среды жизнедеятельности дадим характеристику временным аспектам события. Так, на основании причинно-целевой концепции психологического времени, которую разработали Е.И. Головаха и А.А. Кроник, отметим, что событие имеет свою протяженность во времени; каждое событие, входящее в состав ситуации, состоит из двух «частных» событий – события «начала» и события «окончания». Они являются «элементарными событиями», образующими «составное событие» [2].

Кроме этого, в состав компонентов объективной среды жизнедеятельности необходимо отнести социальные факторы. Социальная жизнь личности не ограничивается рамками отдельной социальной группы, в которую она включена, а создается условиями определенной среды и воспроизводит уже созданные модели социального поведения. Таким образом, социальные факторы могут включать в себя ряд этических и моральных норм, ценностей, принятых в культуре данного общества и конкретной микросреды. Эти правила создают определенные модели поведения людей, сценарии действия субъекта. Поэтому у людей, относящихся к одной и той же социальной группе, алгоритм поведения является схожим.

Следующим компонентом структуры ситуации является *субъект*, действующий в ситуации. Субъект характеризуется своей активностью. Выше мы перечисляли, что объективная составляющая ситуации может включать в себя различные факторы среды. Но какие именно компоненты внешней среды могут быть организованы в ситуацию, зависит, в первую очередь, от целей и потребностей личности, а также от тех личностных свойств, которые актуализированы в данный момент времени. Также необходимо указать, что способ, с помощью которого индивиды воспринимают и интерпретируют ситуации, складывается в основном в процессе научения, взросления и приобретения индивидуального опыта. Таким образом, личность, являясь субъектом труда и собственной жизни, определяет конфигурацию многих ситуаций, накладывая свою уникальную рамку и используя свой собственный формат.

Третьим компонентом структуры ситуации является *активное взаимодействие субъекта и среды*. Связь между человеком и окружающей действительностью (субъектом и объектом) имеет два вектора развития. Так, вектор «субъект-объект» определяет отношение субъекта к объекту, человека к окружающей действительности. Вектор «объект-субъект» характеризует процесс отражения (отображения), в результате которого формируется чувственный образ объекта и адекватное ему состояние субъекта. Также внешние условия среды способны к актуализации определенного комплекса внутренних побуждений человека.

Итак, необходимо повторить, что поведение человека является результатом активного взаимодействия личностных характеристик и меняю-

щимися параметрами социальной и физической ситуации. Однако, прежде чем ситуация становится руководством к действию, она должна преломиться через внутренние, субъективные условия.

Следующим важным качеством ситуации, помимо структурности, является динамичность. Ситуация постоянно меняется, она имеет определенный ход своего развития (начало, кульминацию и конец). Известно, что параметры ситуации часто изменяются под влиянием как внешних причин, так и самого действующего субъекта. С одной стороны, ситуации сменяют друг друга, переходя одна в другую, в связи с изменением способа организации слагающих ее элементов. С другой стороны, ситуации сменяют друг друга вслед за изменением организующего их начала – потребностей, мотивов, целей.

В каждый момент времени среда оказывается для индивида не только значимой, но и чужой (неизвестной), неожиданно открывающейся уникальной гранью или стороной. В силу непрерывной изменчивости, текучести ситуации, то, что раньше было случайным и несущественным, может оказаться значимым и важным. Эту сторону рассматриваемого вопроса мы можем увидеть, обратившись к теории установки Д.Н. Узнадзе. В данной теории установкой называется специфическое состояние, которое возникает у субъекта под воздействием объективной ситуации, удовлетворяющей его потребность. В связи с этим наиболее ценным является положение о том, что ситуация – это часть объективного мира, которая удовлетворяет потребность субъекта. Также необходимо отметить, что потребность определенным образом организует взаимодействие субъекта с окружающим миром. Поэтому появление психической готовности субъекта к перестройке объективных характеристик среды возникает, если у него появляется актуальная потребность. В этом случае можно говорить о возникновении активного взаимодействия между средой и субъектом, т.е. возникновением актуальной ситуации. Однако стремление к «конструированию» среды можно наблюдать и в случае отсутствия актуальной потребности. Продуктом этого относительно пассивного взаимодействия личности и среды является потенциальная ситуация. Сущность потенциальной ситуации, по словам Д.Н. Узнадзе, заключается в «подпсихическом» целостном отражении, на почве которого может возникнуть или созерцательное, или действенное отражение. Оно заключается в своеобразной настройке субъекта, происходит формирование готовности субъекта к тому, чтобы в нем проявились именно те психологические или моторные акты, которые обеспечат адекватное созерцательное или действенное отражение. В случае если отдельные из таких взаимодействий достигают порогового уровня, то потенциальная ситуация переходит в разряд актуальных, значимых для субъекта, и начинает детерминировать его конструктивную активность. Это происходит, когда отраженная психикой совокупность условий и обстоятельств – потенциальная ситуация – становится значимой для субъекта, приобретая для него вполне определенный личностный смысл. Только после акта личностного смыслообразования сформировавшаяся актуальная психологическая ситуация начинает в полной мере детерминировать конструктивную активность субъекта. Итак, каждая ситуация развивается, проходя различные фазы, от неясного состояния до осознаваемой деятельности.

Таким образом, мы можем констатировать, что динамическая составляющая ситуации представляет собой уникальную систему обстоятельств, сконцентрированных и увязанных на человеке в некоторый момент времени. Здесь сфокусировано действие сил, интересов, напряжений, позиций, ролей и т.п. Разнообразие подобных обстоятельств и создает полноту человеческого существования, множественность её измерений и линий развития.

Итак, в заключение подчеркнем, что мы соглашаемся с той структурой ситуации, которую предложила С.А. Трифонова. Причем акцент делаем на событии, как на одном из ведущих детерминант ситуации. Внешняя (объективная) сторона ситуации выступает как совокупность событий, происходящих в относительно короткий промежуток времени. Это положение можно найти у Б.Ф. Ломова, который отмечал, что в качестве причин того или иного поведенческого акта выступает, как правило, не отдельное событие, а система событий, или ситуация. Также заметим, что динамика, развитие ситуации может осуществляться под влиянием внешних причин.

Кроме этого, при характеристике структуры ситуации не умаляем значения и роли субъекта, который действует в данном ситуационном контексте, согласуясь со своей системой знаний, способностей, интересов, мотивов, целей и т.д. Ди-

намичная составляющая ситуации может изменяться по причине перемены смыслообразующих факторов, а именно от целей и потребностей личности, которые актуализированы в данный момент времени.

Таким образом, при активном взаимодействии объективных характеристик среды жизнедеятельности и субъективных характеристик личности происходит формирование ситуации.

Библиографический список

1. *Бурлачук Л.Ф., Михайлова Н.Б.* К психологической теории ситуации // Психологический журнал. – 2002.– Т. 23 – №1.– С. 5–18.

2. *Головаха Е.И., Кроник А.А.* Психологическое время личности. – Киев: Наукова Думка, 1984. – 207 с.

3. *Гришина Н.В.* Психология социальных ситуаций // Вопросы психологии. – 1997. – №1.– С. 121–132.

4. *Кунц Г., 'Доннел С.О.* Управление: системный и ситуационный анализ управленческих функций / Пер. с англ.; общ. ред. и предисл. Д.М. Гвишиани. – М.: Прогресс, 1981. – Т. 1. – 495 с.

5. *Левин К.* Теория поля в социальных науках / Пер. с англ. Е. Сурпина. – СПб.: Речь; Сенсор, 2000. – 364 с.

6. *Магнуссон Д.* Ситуационный анализ: Эмпирические исследования соотношений выходов и ситуаций // Психологический журнал. – 1983. – №2. – С. 29–54.

7. Психология социальных ситуаций / Сост. и общ. ред. Н.В. Гришиной – СПб. и др.: Питер, 2001. – 403 с.

8. *Росс Ли, Нисбетт Р.* Человек и ситуация: Уроки социал. психологии / Пер. с англ. В.В. Румынского; науч. ред. пер. Е.Н. Емельянов, В.С. Магун. – М.: Аспект-пресс, 1999. – 429 с.

9. Ситуация // Словарь иностранных слов и выражений. – М., 2000. – С. 425.

10. Ситуация // Толковый словарь живого великорусского языка (современное написание слов). – М., 200. – С. 526.

11. *Трифонова С.А.* Некоторые вопросы психологии ситуации. – Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2000. – 91 с.

12. *Argyle M.A., Furnham A., Graham Y.* Social situations. – Cambridge, 1981.

13. *Endler N., Magnusson D.* Interactional Psychology and Personality. – New York, 1976.

14. *Forgas J.P.* Perception of social Episodes: categorial and Diminsional Representations in Two Differens social miliens. – on.: Psychology in social situations: self readings. (Ed.by Furnham A. and Argyle M.) – Oxford, 1981.

15. *Magnusson D.* Wanted: A Psychology of Situations // Towapd a Psychology of Situations – N.Y., 1981. – P. 9–32.

16. *Warr P.B., Knapper C.* The percerptions if peaple and events. – London, 1968.

УДК 37.013.46

Белова Татьяна Владимировна
лицей «Исток» (г. Иваново)
nataliylm@mail.ru,
Майорова Наталья Сергеевна
Ивановский государственный университет
nataliylm@mail.ru,
Ситнова Елена Владимировна
кандидат педагогических наук, доцент
Ивановский государственный университет
sitnova66@mail.ru

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА УЧАЩИХСЯ КАК СРЕДСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена вопросу профессионального самоопределения выпускников средних школ. Естественнонаучная картина мира школьников рассматривается как вариант решения проблемы выбора будущей профессии учащимися профильных классов.

Ключевые слова: *профессиональное самоопределение, естественнонаучная картина мира, профильное обучение.*

Спрос на рынке труда меняется постоянно, так если несколько лет назад престижными считались профессии в области экономики и юриспруденции, то сегодня можно говорить о повышении востребованности технических специальностей. В условиях нестабильного социально-экономического состояния современного общества наиболее уязвимыми оказываются выпускники средних школ.

Решением вопроса о профессиональном самоопределении школьников должно служить введение профильного обучения. Однако существует ряд факторов, препятствующих реализации выбора будущей профессии каждым выпускником средней школы.

Выбор школьниками профиля класса определяет их возможности продолжения обучения в вузах и ссузах. По окончании средней полной школы выпускники сдают экзамены в форме ЕГЭ по дисциплинам, являющимися профильными, которые, в свою очередь, являются также и вступительными на основании положения о проведении единого государственного экзамена. Стандарт базового уровня школьного предмета не ориентирован на продолжение, например, физического образования в высшей школе. ЕГЭ по физике опирается на профильный уровень изучения предмета. «Базовый уровень изучения предмета не позволяет продолжить образование в вузе, т.к. после “двухчасовой” физики будущие абитуриенты просто не смогут освоить программу первого курса любого технического вуза» [1, с. 30].

Сложилась парадоксальная ситуация, так как, с одной стороны, выпускники школ имеют право на профессиональное самоопределение, а, с другой стороны, при обучении в классах того или иного профиля школьникам не рекомендовано сдавать выпускные (вступительные) экзамены по предметам, изучаемым ими на базовом уровне. Таким образом, школьники должны определиться с выбором своей будущей профессии еще в 9 классе. Однако, согласно исследованиям И.С. Кона [2, с. 199], в середине 1980-х годов на выбор будущей профессии московских школьников, к моменту окончания 8-го класса, оказали влияние друзья. «Существуют факторы профессионального самоопределения – *возраст*, в котором осуществляется выбор профессии, *уровень информированности* молодого человека и *уровень его притязаний*» [2, с. 199]. Подобная ситуация характерна и в настоящий момент. Так, 23% опрошенных нами школьников выпускных классов планирует сдавать ЕГЭ по одному или более предметам естественнонаучного цикла, не являющимся профильными, а изучаемым на базовом уровне. Изменение своих планов относительно будущей профессии школьники поясняют изменением социального запроса общества на ту или иную профессию (престижность, заработная плата, спрос на рынке труда и т.д.). Следует отметить, что возможность осуществить переход от одного профиля к другому (например, от гуманитарного к естественнонаучному) существует, если ученик не просто обладает определенный уровнем соответствующих знаний, но эти знания четко структурированы и имеют ценностно-смысловой компонент, который заключается в проявлении познавательной активности, позна-

© Белова Т.В., Майорова Н.С., Ситнова Е.В., 2010

вательно-творческого интереса к изучению нового материала; в учебной деятельности доминируют внутренние стимулы, учащиеся осознают потребность в изучении нового, имеет место процесс самообразования посредством изучения дополнительной научной литературы.

Анализ сложившейся ситуации позволяет нам утверждать, что возможность выбора будущей профессии есть только у тех учащихся средних школ, которые имеют высокий уровень сформированности естественнонаучной картины мира (ЕНКМ). Основанием данного суждения служили исследования соотношения уровня сформированности ЕНКМ у выпускников средних школ и мотивации выбора будущей профессии учащимися.

Понятие «естественнонаучная картина мира» позволяет раскрыть суть процесса отражения многообразной системы знаний, накопленных человечеством, в сознании отдельного человека, его мировосприятии и мировоззрении. Человек только тогда обладает настоящим и действенным знанием, когда в его мозгу отражается четкая картина внешнего мира, представляющая систему взаимосвязанных понятий [4, с. 15]. А для этого знания, полученные в рамках предметов естественнонаучного профиля, должны быть четко структурированы.

Точно так же, как развивалось представление человечества об окружающем мире, проходя все этапы от созерцания и мифов к современной естественнонаучной картине мира, такая же динамика прослеживается и в развитии знания каждого человека в процессе его образования. В дошкольном образовании дети познают окружающий мир через художественные образы, создаваемые литературными произведениями, и непосредственное наблюдение природных явлений. В курсе школьной физики учащиеся приобретают научные знания, отражающие объективный мир, не только в процессе «живого созерцания», но и в процессе абстрактного мышления, в аналитической деятельности. Однако мышление учащихся само находится в процессе формирования. Поэтому формирование ЕНКМ нельзя рассматривать как стихийно совершающийся процесс, поскольку его характер зависит от характера мышления детей и уровня его развития. И только для учащихся старших классов, на второй ступени обучения, становится доступным их пониманию материал естествознания в целом, так что учащиеся могут осознавать и смену исторических картин мира: механистическая, электромагнитная, вероятностная (формирование синергетической картины мира в школьном физическом образовании не предусмотрено).

Конкретизируя понятие ЕНКМ применительно к школьникам, мы предлагаем его следующую формулировку: *естественнонаучная картина мира учащихся – это образ действительности, формирующийся на основе единства когнитивных и чувственно-образных компонентов индивидуального опыта и естественнонаучного знания о материальном мире, интегрированных в процессе образования.*

Формирование ЕНКМ учащихся – процесс сложный и противоречивый. С одной стороны, в рамках школьного образования знания, полученные в разных учебных предметах, связываются, образуя целое естественнонаучное знание. С другой стороны, оно перестраивается, упорядочивается, приобретает определенную структуру, образуя следующие уровни: *фундаментальное ядро*; *метапредметное знание*, основанное на межпредметных связях, общих принципах познавательной деятельности; *системы частных картин мира* – физическая, химическая и биологическая картины мира и *предметное знание* внутри каждой области естествознания.

Формирование ЕНКМ учащихся – педагогический процесс, направленный на образование в сознании каждого обучаемого целостного образа материального мира как особой формы систематизации естественнонаучных знаний на основе межпредметных связей и методологии научного познания.

Увеличение объема материала предметов естественнонаучного цикла, необходимого школьникам для изучения основных направлений развития научной мысли и тенденций развития интересов человечества в целом, требует увеличения времени обучения. Изменение сроков школьного образования невозможно, поэтому необходимо изменить принцип обучения – показать учащимся пути и возможности самообразования. В настоящее время развитие информационных технологий позволяет каждому человеку получать необходимую информацию быстро и в удобном формате. Важно отметить, что требуется критично подходить к этому информационному потоку. Для этого у каждого человека должно быть четко сформировано базовое представление о структуре научной теории, методологии

научного познания и современных направлениях интересов естествознания, что позволит не только ориентироваться в мощном информационном потоке, но и приобрести академическую мобильность, т.е. иметь возможность свободного выбора направления дальнейшего образования.

Продолжение образования школьников в вузах предполагает наличие у них сформированной современной ЕНКМ. Так, в учебной литературе для студентов вузов, обучающихся по гуманитарным направлениям, естественнонаучная картина мира рассматривается в курсе «Концепция современного естествознания». Учебные программы данной дисциплины предъявляют серьезные требования к первоначальному уровню подготовки студентов. Курс «Концепция современного естествознания» возник по решению международного симпозиума ЮНЕСКО «Фундаментальное (естественнонаучное и гуманитарное) университетское образование», проходившего 17–19 октября 1994 г. в Москве. В «Меморандуме», принятом этим симпозиумом, читаем: «Одной из важнейших задач нового этапа развития образования является создание предпосылок для изложения исторически возникшего разобщения естественнонаучной и гуманитарной компонент культуры, их взаимообогащения и поиска целостной культуры» [3]. Главной целью введения курса «Концепция современного естествознания» является «демонстрация закономерного перехода из мира неживой природы в мир живой, а из мира живой природы в мир разумной и социальной и объяснение, почему и в этой последней области методы естествознания позволяют объяснить и понять то, перед чем бессильны методы гуманитарных наук» [5, с. 353]. Если же выпускник средней школы продолжает свое обучение в вузах технического или естественнонаучного профиля, то материал большинства учебных предметов направлен на развитие у студентов ЕНКМ, сформированной в процессе школьного образования.

Из вышесказанного следует, что процесс формирования ЕНКМ у учащихся средних школ не только способствует решению проблемы выбора выпускниками будущей профессии, но и способствует успешному обучению в вузах и ссузах.

Библиографический список

1. *Демидова М.Ю.* Выбор модели школьного физического образования: новый БУП, стандарты и ЕГЭ // Физика. – 2007. – №16. – С. 29–32.

2. *Кон И.С.* Психология ранней юности: кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1989. – 255 с.

3. Меморандум международного симпозиума ЮНЕКСО // Высшее образование в России. – 1994. – №4. – С. 4–6.

4. *Морозова Е.Г.* Системный подход в развитии мировоззрения // Химия в школе. – 2007. – №3. – С. 14–19.

5. *Толстопятов А.А.* О принципах построения курса «Концепция современного естествознания» // Традиции ИвГУ и вызовы Болонского процесса: проблемы, противоречия, пути решения. Сб. науч.-метод. ст. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007. – С. 352–357.

УДК 378

Орлова Ольга Владимировна
Таганрогский государственный педагогический институт
olesia_tag@mail.ru

УЧЕБНЫЙ ПРОЕКТ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СТРЕМЛЕНИЙ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Автор делится опытом использования метода учебных проектов на занятиях в учреждении дополнительного образования.

Ключевые слова: *метод учебных проектов, развитие творческих способностей, дополнительное образование.*

В человеке заложены безграничные источники творчества, иначе бы он не стал человеком. Нужно их освободить и вскрыть. И сделать это, не заламывая рук с мольбою к справедливости, а ставя человека в подходящие общественные и материальные условия.

А.Н. Толстой

Современная жизнь предъявляет высокие требования к специалистам: это и понимание происходящих процессов, и умение адаптироваться, общаться, работать в команде, и критическое мышление, принятие решений, достижение результата. Таким должен быть выпускник высшего учебного заведения. Педагоги, работающие в общеобразовательных учреждениях и учреждениях дополнительного образования, должны, в свою очередь, готовить детей к получению таких умений.

Уверена: работать нужно так, чтобы детям было интересно. Попытаюсь сейчас показать и рассказать, как учусь вместе с моими учениками.

Ни для кого не секрет, что современные дети – уже не чистый лист, на который наносятся знания. К ним поступает информация отовсюду. Но дети часто не умеют превращать информацию в знания. Нужно научить их делать это: не просто запоминать и воспроизводить все подряд, а выбирать именно ту информацию, которая необходима, и применять ее на практике.

И здесь мы вспоминаем о методе учебных проектов. Основоположник его, американский философ-идеалист Джон Дьюи, считал условиями успешности обучения проблематизацию учебного материала, активность ребенка, связь обучения с его жизнью, игрой, трудом; необходимость «критического мышления» [4].

Метод проектов – это метод проблем; по мнению Н.Ю. Пахомовой, он применяется не вместо систематического предметного обучения, а вместе с ним как компонент системы образования.

Что же такое учебный проект, что собой представляет метод учебных проектов?

«Проект» (в переводе с латинского) – «брошенный вперед», – совместная деятельность учащихся, имеющая общую цель, согласованные методы, способы, направленная на достижение общего результата [3].

Проект может быть рассчитан на один урок – и на весь учебный год; возможен мини-проект для изучения одной какой-либо темы – межпредметный, внепредметный, внешкольный; курсовое проектирование в предпрофессиональной подготовке; по составу участников проектирование может быть индивидуальное, групповое, разновозрастное, общешкольное, межшкольное, международное.

Педагог предлагает тему проекта. При этом тот из учеников, кто быстро «вошел в ситуацию», лидирует, организуя общее обсуждение; затем включаются в работу остальные. В результате обсуждения проблемы достигается понимание, как ее решать [2]. Для такой работы характерна самостоятельность, при этом включается личностная мотивация, начинается процесс творчества. А «творчество, – считает Г.С. Абрамова, – это такая деятельность человека, которая порождает качественно новое, никогда ранее не бывшее. Это преобразование природного и социального мира в соответствии с целями и потребностями человека на основе объективных законов действительности» [1].

© Орлова О.В., 2010

На учебный проект можно смотреть с разных сторон. С точки зрения учащегося, учебный проект – это возможность сделать что-то интересное самостоятельно или в группе; это деятельность, позволяющая проявить себя; это деятельность, направленная на решение проблемы, сформулированной самими учащимися.

С точки зрения педагога, учебный проект – это и задание для учащихся, и их целенаправленная деятельность, и форма организации взаимодействия учащихся с педагогом и между собой, и результат деятельности как найденный способ решения поставленной проблемы [3].

Попытки структурировать работу над учебным проектом приводят нас к формулированию пяти основных вопросов, не ответив на которые – проект не разработать. В основе каждого проекта обязательно должна быть проблема, от которой мы как бы отталкиваемся. Нет проблемы – нет деятельности, нет активности, нет творчества – и, соответственно, нет и интереса.

Так как с помощью проекта мы создаем условия для самостоятельной познавательной и творческой работы учащихся, то в проекте нам нужна не просто какая-нибудь проблема, а такая, которая актуальна и важна с точки зрения ученика.

Таким образом, первый вопрос, который могут задать себе ученики и который определяет актуальность проблемы (отсюда – мотивацию) – «почему?» (эта работа важна для меня лично).

Проблема обусловливает постановку целей – второй вопрос – «зачем?» (мы делаем проект).

Затем выдвигаются задачи – и третий вопрос – «что?» (мы делаем для достижения целей). По словам знаменитого физика Альберта Эйнштейна, «сформулировать задачу проще часто бывает намного существеннее, чем найти само решение. Постановка новых вопросов, выявление новых возможностей, взгляд на старые проблемы под иным углом зрения – все это требует творческого воображения и дает огромные преимущества в науке».

Для получения ожидаемых результатов нужно реализовать функцию планирования, выбрать методы и способы решения выдвинутых задач. Отсюда четвертый вопрос – «как?» (мы можем это делать).

И наконец, последний вопрос – «что получится?» (к каким результатам мы придем?).

Решив основную задачу проекта (замыслив способ решения проблемы), учащиеся много времени и сил тратят на подготовку некоего продукта, который собираются показывать – нечто вещественное и наглядное (в отличие от умозрительного решения проблемы). Это и есть продукт работы над проектом – фактически один из результатов осуществления учебного проекта.

Логика деятельности в проекте – в последовательности этапов:

– Предъявление проекта учителем (название, тема, проблема).

– Самостоятельное формулирование цели и задач.

– Организация групп.

– Распределение ролей в группах.

– Выбор методов.

– Планирование работы.

– Собственно ее осуществление.

– Презентация результатов.

Результатом, прежде всего, является сама деятельность, о которой важно рассказать во время презентации. Продуктом может быть чертеж, эскиз, альбом, эссе на тему проекта – на бумажном или электронном носителе, газета, спектакль, концерт.

Презентуя продукт своей деятельности, дети должны рассказать о своих идеях, их обсуждении, какие идеи были отвергнуты, какие приняты и почему, каким был ход работы, какие трудности преодолевались и как – это так называемая «рефлексия деятельности». Интересно, если дети могут показать этапы и результат своей работы на мониторе компьютера или большом экране.

Важно то, что педагог не рассказывает ребятам ничего лишнего. У них есть право выбора первого шага, хода, даже цели проекта. Идя к этой цели, они «добывают» знания, черпают их из разных предметных областей, используют их в той деятельности, которая им интересна. Задача педагога – тактично помочь своим ученикам это сделать.

Учебный проект с точки зрения учителя – это интегративное дидактическое средство развития, обучения, воспитания, которое позволяет вырабатывать и развивать специфические умения и навыки проектирования, а именно учить:

– проблематизации (рассмотрению проблемного поля и выделению подпроблем, формулированию ведущей проблемы, постановке задачи);

– целеполаганию и планированию деятельности;

– самоанализу и рефлексии;

– презентации хода своей деятельности и результатов;

– умению готовить материал для проведения презентации наглядно;

– поиску нужной информации;

– практическому применению знаний, умений, навыков в различных ситуациях;

– проведению исследования (анализу, синтезу, выдвижению гипотезы, детализации и обобщению).

Учебный проект очень полезен и тем, что в нем есть две стороны, две плоскости описания, два плана. Ученикам видна интрига, проблема, ситуация, которую они рассматривают вместе с педагогом, чтобы осознать важность, актуальность, необходимость решения проблемы. Однако педагог всегда помнит об учебном, воспитательном, развивающем эффекте. Он понимает, как и с каким материалом предстоит ученикам работать, какие умения потребуются, какие личностные качества они смогут проявить, развить, приобрести. Перед ним стоят конкретные педагогические цели и задачи. Для детей же главная цель работы – решение проблемы проекта, а не просто практическое применение полученных ранее теоретических знаний.

Невозможно заставить детей работать над проектом, если они не знают, о чем идет речь, как приступить к работе. А имеющиеся знания можно дополнить, «вбрасывая» новое в процессе работы над проектом, но в очень ограниченном количестве (семь плюс-минус два понятия). Это новое подается детям так быстро и коротко, чтобы не «остыла» проектная работа, пока они будут с ним знакомиться.

Ситуацию введения нового знания нужно закладывать в учебный проект заранее, так как в процессе работы дети подойдут к такому моменту, когда им будет не хватать именно этой информации и определенного умения. И в такой проблемной ситуации, когда нужно сделать конкретный шаг, а дети не знают как и не умеют, на помощь приходит педагог – то есть новое знание «подается» в минуту наивысшей востребованности его со стороны детей. Оно моментально усваивается, применяется, не нужно повторять несколько раз. Значит, мотивация в проблемной ситуации максимальна, потому что полученное знание нужно для проекта.

Невидимый для учеников второй план дает возможность описать учебный проект как педагогический инструмент – в виде методического паспорта, в котором описываются адресация проекта, его обеспечение, предполагаемые приращения.

Видимый план учебного проекта: его тема, название, проблема, цели, задачи, планирование, презентация.

Невидимый: тема учебного курса, урока; новое содержание; обобщение; цели и задачи учебно-воспитательной работы; обеспечение; необходимый уровень знаний, умений и навыков; организационные формы осуществления проекта; необходимые специфические навыки и умения.

Таким образом, метод учебного проекта можно охарактеризовать как:– деятельностный;

– обучающий групповой деятельности;

– личностно-ориентированный;

– построенный на принципах проблемного обучения;

– развивающий умение самовыражения, самопроявления, самопрезентации, рефлексии;

– воспитывающий целеустремленность, толерантность, индивидуализм, коллективизм, ответственность, инициативность, творческое отношение к делу;

– формирующий навыки самостоятельности в мыслительной, практической, волевой сферах;

– здоровьесберегающий.

Учебный проект – одна из личностно ориентированных технологий, способ организации самостоятельной деятельности учащихся, направленный на решение задачи проекта, интегрирующий в себе проблемный подход, групповые методы, рефлексивные, презентативные, исследовательские, поисковые методики.

Также метод учебного проекта – дидактическое средство обучения проектированию, умению находить решения различных проблем, постоянно возникающих в жизни человека, – позволяет воспитывать самостоятельную и ответственную личность, развивает творчески начала и умственные способности – необходимые качества развитого интеллекта.

Учебный проект может быть осуществлен по этапам [3].

1 этап – погружение в проект. Самый короткий, но крайне важный. Педагог пробуждает интерес к теме проекта, очерчивает проблемное поле, расставляя акценты значимости, предлагая тот или иной ракурс рассмотрения темы, формулирует проблему. Из проблемы в общем виде

выделяется ряд подпроблем, в результате чего определяют цель и задачи проекта.

2 этап – организация деятельности, когда нужно обеспечить разделение на группы, определить цели и задачи каждой группы и каждого члена группы. В этом же этапе планируется работа по решению задачи проекта.

3 этап – осуществление деятельности. Педагог – «маленький наблюдатель». Необходимо заранее научить детей тому, что им понадобится: например, составлять вопросы для интервью, проводить опрос, обрабатывать результаты опроса, осуществлять химическое, биологическое и др. исследования. Когда детям не хватает знаний, наступает момент для подачи нового материала. «Рука должна быть на пульсе» – нельзя пускать деятельность на самотек!

4 этап – презентация. Он необходим для завершения работы, анализа, самооценки и оценки, демонстрации результатов. Незаконченность работы разрушительно действует на личность. Ощущение законченности появляется на презентации. То, что в ходе подготовки презентации готовят дети, называется продуктом проектной деятельности (рисунки, плакаты, слайд-шоу, видеосюжеты, web-сайт, газета, альманах, костюмы, макеты, сценарий и так далее). Все это готовится как наглядное предъявление решения проблемы. Главное – показать главный результат работы над проектом – анализ деятельности и предъявление способа решения проблемы проекта. Например, показать концерт – недостаточно, нужно пояснить, как дети пришли к этому, почему выбрали именно эти номера [3]. Для успешной презентации нужно научить детей сжато излагать свои мысли, логически связно выстраивать сообщение, готовить наглядность, вырабатывать структурированную манеру изложения материала.

Педагог в конце работы обобщает, резюмирует; можно предложить ребятам самим подвести итог их деятельности, попросить рассказать о своих впечатлениях от совместной работы [6].

Степень активности педагога на разных этапах – разная. От того, как учитель выполнит свою роль на этапе погружения в проект, зависит судьба проекта в целом. Во время организации и осуществления деятельности педагог может «отойти в тень». А вот на последнем этапе роль его велика, так как ребятам не под силу сделать обобщение всего того, что они узнали или исследовали, протянуть мостик к следующей теме.

Таким образом, работа над учебным проектом обеспечивает заинтересованность учащихся в деятельности; их адекватную самооценку, открывающую возможности дальнейшего самосовершенствования; толерантность; ситуацию успеха; проявление личностной, поведенческой рефлексии. Эти показатели, по мнению О.Г. Холодковой, определяют стремление ребят к самосовершенствованию, творческой самореализации, что крайне важно для их успешной социализации и определения своего места в жизни [5].

Библиографический список

1. *Абрамова Г.С.* Возрастная психология: Учеб. пособие для студ. вузов. – 4-е изд., стереотип. – М.: Академия, 1999. – 672 с.

2. *Кульневич С.В., Лакоценина Т.П.* Совсем необычный урок. Практическое пособие. – Воронеж: Изд-во «Учитель», 2001. – 160 с.

3. *Пахомова Н.Ю.* Методология учебного проекта // Учитель. – 2000. – №1.

4. *Сиденко А.С.* Метод проектов: история и практика применения // Завуч. – 2003. – №6.

5. *Холодкова О.Г.* Предпосылки и генезис стремления к самосовершенствованию как компонента психологической культуры младших школьников: Дис. ... канд. психол. наук. – Барнаул, 2000. – 164 с.

6. *Чечель И.Д.* Метод проектов, или Попытка избавить учителя от обязанностей всезнающего оракула // Директор. – 1998. – №3.

УДК 157

Рагозинская Валерия Германовна
Челябинский государственный университет
sunny_song@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ

С целью изучения особенностей эмоциональных состояний психосоматических пациентов были исследованы показатели эмоционального состояния у 195 психосоматических пациентов и 182 здоровых лиц в возрасте 20–50 лет. Представлены результаты сравнительного и факторного анализов показателей эмоционального состояния различных групп психосоматических больных и здоровых индивидов.

Ключевые слова: *психосоматические расстройства, эмоциональное состояние, депрессия, тревога, враждебность, алекситимия.*

Актуальность настоящего исследования определяется широкой распространенностью психосоматических расстройств в общей популяции и их резким возрастанием в последние десятилетия [1]. Под психосоматическими расстройствами понимают нарушения функций органов и систем организма, в происхождении и течении которых ведущая роль принадлежит психологическим, психосоциальным и культурным факторам [2].

По современным представлениям, одним из важнейших факторов возникновения и развития различных психосоматических расстройств являются эмоционально-негативные состояния (для обзора см.: [6]). Показано, что усиленное функционирование нейроэндокринной системы при интенсивных и/или длительных эмоционально-негативных состояниях приводит к дезинтеграции физиологических механизмов, лежащих в основе координированной приспособительной деятельности и при наличии органа-мишени, адаптивные возможности которого резко снижены, способствует возникновению психосоматических расстройств. Соматическое заболевание, в свою очередь, усиливает эмоциональные расстройства, что вызывает усугубление психопатологической картины (ипохондрия, фобии и пр.) и возникновение полисистемных психосоматических циклов [2].

По данным современных исследований, наиболее часто в основе различных заболеваний лежат депрессия, тревога, агрессивность и враждебность, оказывающие неблагоприятное влияние на течение и прогноз заболеваний и снижающие приверженность к лечению [2; 4; 6; 7]. Также в литературе имеются указания на то, что в возникновении психосоматических расстройств решающее значение имеет не только интенсивность и длительность эмоционального напряжения, но также склонность к подавлению эмоций, отсутствие их эффекторного отреагирования [3; 5] и нарушение их когнитивной переработки (алекситимия) [8].

Влияние, которое психологические факторы оказывают на соматические процессы, является многосторонним. Как было указано выше, затяжные эмоционально-негативные состояния вызывают напряжение нейроэндокринной системы, дисфункциям которой отводится ведущая роль в развитии соматической патологии. Наряду с этим сопутствующие эмоционально-негативным состояниям увеличение частоты психотравмирующих событий и снижение социальной поддержки приводят к повышению психосоциальной уязвимости в отношении соматических заболеваний. Кроме того, враждебные, тревожные и депрессивные люди посредством специфических систем убеждений и соответствующих им форм поведения (например, свойственного им хронического состояния бдительности, поиска и регистрации источников опасности) провоцируют и создают стрессовые ситуации, вызывающие у субъекта соответствующие психофизиологические сдвиги. Также физическое здоровье ухудшают вредные привычки, сопутствующие эмоционально-негативным состояниям (например, курение, злоупотребление алкоголем, антидепрессантами, нарушения режима сна и питания). Пессимизм и негативизм препятствуют своевременному обращению за медицинской помощью, сотрудничеству больного и врача в лечебном процессе, оказывают дезорганизующее влияние на лечебную деятельность, что приводит к отягощению течения заболевания.

Несмотря на значительное количество исследований, подтверждающих важную роль эмоционально-негативных состояний в патогенезе пси-

 © Рагозинская В.Г., 2010

Таблица 1

Сравнительный анализ психологических показателей психосоматических больных и здоровых испытуемых

Показатели	Средние значения			
	Контроль	ГБ	ДТЗ	ЯБ
Реактивная тревожность	38,96±8,23	46,00±9,03**	45,48±10,31**	46,28±8,76**
Личностная тревожность	41,03±7,88	50,26±9,17**	49,62±9,21**	48,75±10,82**
Тревожность / шкала SCL-90-R	0,50±0,40	1,20±0,72**	1,03±0,70**	1,07±0,77**
Алекситимия	59,05±9,16	69,40±8,82**	67,75±10,51**	68,79±11,13**
Депрессия / шкала Зунга	36,59±5,95	42,69±7,24**	41,92±7,32**	43,15±8,73**
Депрессия / шкала SCL-90-R	0,61±0,41	1,24±0,68**	1,20±0,67**	1,2±0,72**
Агрессивность как состояние	10,59±1,76	11,82±3,63**	11,35±2,77**	11,82±3,95*
Агрессивность как свойство	18,09±4,56	21,37±5,28**	19,02±6,18	19,28±6,49
Агрессия как проявление темперамента	7,27±2,34	8,32±3,00*	7,52±3,12	7,96±3,39
Агрессия как реакция	8,14±2,36	9,24±2,59*	8,57±2,55	8,63±2,80
Аутоагрессия	13,45±3,83	16,18±4,91**	15,23±3,89**	16,06±4,88**
Гетероагрессия	14,69±3,45	15,95±3,92*	15,14±4,22	16,06±4,65*
Контроль агрессии	21,65±4,01	21,00±4,73	20,86±4,70	20,97±5,86
Соматизация	0,52±0,40	1,32±0,56**	1,26±0,66**	1,28±0,74**
Обсессивность-компульсивность	0,64±0,44	1,37±0,62**	1,20±0,70**	1,27±0,74**
Межличностная сензитивность	0,66±0,49	1,27±0,65**	1,12±0,70**	1,20±0,74**
Враждебность	0,48±0,38	1,22±0,71**	0,98±0,69**	1,00±0,78**
Фобическая тревожность	0,21±0,24	0,59±0,55**	0,49±0,43**	0,59±0,70**
Паранойяльность	0,46±0,40	1,22±0,65**	0,97±0,66**	1,09±0,68**
Психотизм	0,27±0,30	0,72±0,56**	0,72±0,62**	0,75±0,77**
Индекс стресса	0,50±0,29	1,13±0,48**	1,02±0,50**	1,07±0,59**
Индекс тяжести психопатологической симптоматики	32,6±16,2	57,8±17,5**	52,5±17,7**	50,9±21,4**
Общее число психопатологических симптомов	1,29±0,33	1,73±0,41**	1,70±0,47**	1,83±0,51**

** – статистически значимые различия с группой контроля при $p \leq 0,001$

* – статистически значимые различия с группой контроля при $p \leq 0,005$

хосоматических расстройств, вопрос специфического вклада эмоций в патогенез психосоматических расстройств до конца не изучен. В связи с этим нами было предпринято исследование, цель которого – выявление особенностей эмоциональных состояний при психосоматических заболеваниях.

В настоящем исследовании приняли участие 195 больных «классическими» психосоматозами (в том числе 68 больных с язвенной болезнью желудка и 12-перстной кишки (ЯБ), 62 больных гипертонической болезнью (ГБ), 65 больных с диффузным токсическим зобом (ДТЗ)) в возрасте 20–50 лет (средний возраст 31,17±11,09 лет),

а также 182 здоровых испытуемых, подобранных с учетом соответствия половозрастным показателям испытуемых клинической группы (средний возраст 30,96±10,78 лет).

В исследовании были использованы Шкала самооценки тревожности и Шкала агрессивности Ч. Спилбергера; Опросник психопатологической симптоматики SCL-90-R; Шкала депрессии Зунге; Торонтская шкала алекситимии. Все опросники валидизированы. Статистический анализ осуществлялся с помощью пакета прикладных программ SPSS Statistics 17.0.

Сравнительный анализ психологических показателей осуществлялся с помощью критерия Манна-Уитни. Среднегрупповые значения показателей по каждой из шкал, а также результаты их сравнения представлены в таблице 1.

Как свидетельствуют данные таблицы 1, средние значения эмоциональных и психопатологических показателей у больных ГБ достоверно выше, чем у здоровых испытуемых. Исключение составляют показатели по шкале «Контроль агрессии», по которой значимых межгрупповых различий не выявлено. Сравнение эмоциональных и психопатологических показателей больных ДТЗ и здоровых испытуемых выявило значимое повышение всех показателей у психосоматических больных по всем шкалам, за исключением агрессивности как свойства личности (в том числе, агрессивности как проявления темперамента и как реакции на события), гетероагрессии и контроля агрессии, по которой значимых различий не выявлено. Сравнение эмоциональных и психопатологических показателей больных ЯБ и здоровых испытуемых выявило значимое повышение всех показателей у психосоматических больных по всем шкалам, за исключением агрессивности как свойства личности (в том числе, агрессивности как проявления темперамента и как реакции на события) и контроля агрессии, по которым значимых различий не выявлено.

Далее психологические показатели были подвергнуты факторному анализу методом максимального правдоподобия с варимакс-вращением, что позволило выделить группировки взаимосвязанных переменных и объединяющие их факторы, не доступные непосредственному измерению, но определяющие согласованные изменения отдельных эмоциональных проявлений испытуемых в каждой из исследуемых групп.

В результате факторизации в группе контроля выделено два фактора с общей дисперсией 64%: фактор I (информативность 35%) объединил агрессивность как свойство личности (факторная нагрузка 0,931), агрессивность как реакцию (0,863) и гетероагрессию (0,698); фактор II (29%) – депрессию (0,872), реактивную тревожность (0,708) и личностную тревожность (0,686).

В группе больных ГБ выделено два фактора с общей дисперсией 79%: фактор I (информативность 44,3%) объединил депрессию (0,879), межличностную сензитивность (0,832) и обсессивно-компульсивные реакции (0,829); фактор II (информативность 34,7%) – агрессивность как свойство личности (0,967) и агрессивность как проявление темперамента (0,853).

В группе больных ДТЗ выделено два фактора с общей дисперсией 77%: фактор I (информативность 43,3%) объединил межличностную сензитивность (0,934), депрессию (0,810) и психотизм (0,807); фактор II (информативность 33,8%) – агрессивность как проявление темперамента (0,934) и агрессивность как свойство личности (0,871).

В группе больных ЯБ выделено два фактора с общей дисперсией 77,5%: фактор I (информативность 40,1%) объединил депрессию (0,844), межличностную сензитивность (0,834) и обсессивно-компульсивные реакции (0,807); фактор II (информативность 37,4%) – агрессивность как свойство личности (0,997), агрессивность как проявление темперамента (0,838) и агрессивность как реакцию (0,724).

Полученные данные свидетельствуют о том, что основу комплекса различных клинико-психологических проявлений у здоровых испытуемых и у психосоматических больных составляют два общих фактора, определяющих общие тенденции в формировании тех или иных значений по ряду многочисленных показателей эмоционального состояния испытуемых, – фактор агрессивности и фактор депрессивных реакций. Это согласуется с современными представлениями о депрессии и агрессивности как наиболее часто встречающихся эмоциональных состояниях как в психосоматической практике, так и в общей популяции [2].

Вместе с тем выявлены принципиальные различия между психосоматическими больными и здоровыми испытуемыми, которые состояли в следующем. Прежде всего, это проявляется в том, что во всех трех группах больных психосоматическими расстройствами наибольшую информативность выявил фактор депрессивных реакций, тогда как у здоровых испытуемых наи-

более информативным оказался фактор агрессивности. Кроме того, в структуре эмоциональных состояний психосоматических больных депрессивные реакции образуют наиболее устойчивые констелляции с межличностной сензитивностью (или психосоциальной уязвимость, о которой упоминалось выше), что свидетельствует, с одной стороны, об их центральном положении в структуре эмоционального состояния у данных групп больных, а с другой – о вероятной общности их патогенетических механизмов. У здоровых испытуемых депрессивные реакции объединены в устойчивую констелляцию с тревожностью (реактивной и личностной). Агрессивность как свойство личности у больных всех психосоматических групп образует устойчивую констелляцию с агрессивностью как проявлением темперамента, у здоровых испытуемых – с агрессивностью как реакцией на события и гетероагрессией. Можно предположить, что агрессивность психосоматических больных в большей мере определяется особенностями темперамента, тогда как у здоровых лиц она закреплена как привычная реакция на внешние воздействия.

Наряду с этим также выявлены особенности эмоциональных состояний у отдельных групп психосоматических больных. Так, у больных ГБ и ЯБ депрессия и межличностная сензитивность объединены в отдельный симптомокомплекс с обсессивно-компульсивными реакциями, тогда как у больных ДТЗ – с психотическими, что согласуются с современными представлениями о психосоматических соотношениях при данных заболеваниях [1; 2]. Кроме того, в основе личностной агрессивности больных ЯБ наряду с конституциональными факторами, как у больных ГБ и ДТЗ, также лежит агрессивность как закрепленный поведенческий навык, не играющая ведущей роли в структуре эмоциональных состояний больных ГБ и ДТЗ. Это может свидетельствовать о склонности последних к подавлению агрессивных импульсов, что согласуется с данными литературы [3; 5].

Таким образом, эмоциональные состояния при психосоматических расстройствах имеют как общие, инвариантные характеристики, объединяющие их с эмоциональными состояниями здоровых индивидов, так и специфические особенности эмоционального ответа, отличающие их от эмоциональных состояний здоровых испытуемых. Общим для обеих групп является согласованный характер изменений многочисленных дискретных проявлений в структуре эмоциональных состояний испытуемых, который определяется двумя общими факторами – фактором агрессивности и фактором депрессивных реакций. Значимые отличия эмоциональных состояний при психосоматических расстройствах от эмоциональных состояний здоровых индивидов проявляются как в количественном отношении (более высокими, чем у здоровых индивидов, показателями большинства исследуемых параметров), так и в качественном (иные, чем у здоровых индивидов, соотношения компонентов в структуре эмоционального состояния). Полученные данные свидетельствуют о том, что пациенты с психосоматическими заболеваниями отличаются большей чувствительностью к психотравмирующим факторам и склонны реагировать на психотравмирующие ситуации (в том числе – на ситуацию болезни) пассивно-оборонительными реакциями. У них более выражены показатели тревоги, депрессии, астении и психопатологической симптоматики.

Библиографический список

1. *Бройтигам В., Кристиан П., Рад М.* Психосоматическая медицина. – М.: Медицина, 1999. – 380 с.

2. *Менделевич В.Д., Соловьева С.Л.* Неврозология и психосоматическая медицина. – М.: Медпресс-информ, 2002. – 608 с.

3. *Berry D.S., Pennebaker J.W.* Nonverbal and verbal emotion expression and health // Psychotherapy and Psychosomatics. – 1993. – V. 59(1). – P. 11–19.

4. *Fava M., Abraham M., Pava J. et al.* Cardiovascular risk factors in depression. The role of anxiety and anger // Psychosomatics. – 1996. – V. 37(1). – P. 31–37.

5. *Grossman P., Watkins L.L., Ristuccia L., Wilhelm F.H.* Blood pressure responses to mental stress in emotionally defensive patients with stable coronary artery disease // The American Journal of Cardiology. – 1997. – V. 80(3). – P. 343–346.

6. *Henningsen P., Zimmermann T., Sattel H.* Medically unexplained physical symptoms, anxiety, and depression: a meta-analytic review // Psychosom. Med. – 2003. – V. 65. – P. 528–533.

7. *Jonas B., Lando J.* Negative Affect as a Prospective Risk Factor for Hypertension // Psychosomatic. Med. – 2000. – V. 62. – P. 188–196.

8. *Taylor G.J.* Recent developments in alexilhymia theory and research // Can. J. Psychiatry. – 2000. – V. 45. – P. 134–142.

УДК 370(082)

Сайфетдинов Рафаэль Саитович
Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского
prof_sochranov@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОБУЖДЕНИЯ СТУДЕНТОВ К ПРОБЛЕМНО-ПОИСКОВОЙ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье представлен анализ возможностей источников дидактической социализации студентов в побуждении их к проблемно-поисковой деятельности.

Ключевые слова: *предпосылки, деятельность, проблемно-поисковая деятельность.*

Поиск современной системой образования обновленного облика своей деятельности проявляет совокупность условий, факторов и предпосылок, тем или иным образом влияющих на становление новой позиции участников целостного и системного педагогического процесса. Ее инновационность заключается в организационно-содержательной вариативности деятельности современного специалиста. Вариативность, как ключевое понятие проведенного исследования, позволяет раскрыть две основных грани исследуемого процесса: личностную и социальную.

В качестве социальных предпосылок необходимости перевода образования с вербально образного, алгоритмизированного характера проявления на творческое саморазвитие могут выступать следующие предпосылки:

– усиление значимости образованности отдельного человека в общем процессе становления экономической модели развития государства и общества;

– кардинальное изменение содержания нормативных основ и базовых моральных критериев деятельности человека в различных сферах его проявления;

– введение в структуру и содержание жизнедеятельности человека нетрадиционных для отечественной ментальности основ личностной и профессиональной самореализации;

– изменение статуса системы образования в системе общественных социальных институтов;

– введение экономических показателей в систему базисных критериальных ценностей, определяющих эффективность образования на индивидуальном, групповом, коллективном и массовом уровнях жизнедеятельности человека;

– переход общества на новый уровень организации профессиональной, социально-бытовой и личностной деятельности человека;

– вариативность организации и реализации межличностных и предметно-деятельностных отношений в личностном и профессиональном аспектах;

– изменение характера и направленности соотнесения, воспитания, обучения и социализации личности с процессом ее развития;

– появление новой роли социальных факторов при определении уровневых и содержательных характеристик обучения, воспитания и социализации учащейся молодежи;

– вариативность и индивидуализация развития личности во всех уровнях его проявления (постановка цели, определение структуры и содержания, осуществление оценочно-корректирующих действий, прогностика соотнесения возможного и реально получаемого результата).

Названные социальные предпосылки влияют на процесс социализации отдельной личности через ее деятельность, отношения, в которые она вступает, и общение, позволяющее ей соотнести субъективное ощущение самодостаточности с объективным уровнем признания полезности тех или иных усилий человека в личностном и профессиональном самовыражении.

Деятельность, отношения и общение являются интегративными характеристиками и для педагогического процесса. Они раскрывают его структуру, содержание и регулятивные основы, определяющие деятельность современной школы. Можно отметить, что современные трактовки сущности основных характеристик педагогического процесса (системность, целостность, личностная ориентированность и технологичность) раскрывают педагогические предпосылки формирования у учащихся готовности к творческой дидактической самореализации. К ним можно отнести:

– социализацию современной школы;

– динамичность и нестабильность изменений стандартов, определяющих эффективность деятельности образовательного комплекса России;

© Сайфетдинов Р.С., 2010

– введение новых критериев оценивания деятельности учителей и воспитателей современной школы;

– изменение функций и роли педагогической деятельности в обучении, воспитании и социализации учащихся;

– введение новой совокупности интегративных характеристик действий ученика и учителя, подтверждающих продуктивность их дидактических усилий;

– изменение облика учителя и ученика не только по содержанию их дидактического проявления, но и по характеру складывающихся отношений;

– введение экономических параметров в оценку эффективности деятельности и проявления участников целостного педагогического процесса.

Совокупность перечисленных социальных и педагогических предпосылок необходимости формирования у студентов готовности к творческой дидактической самореализации проявляется в педагогическом процессе на основе взаимосвязи, взаимной детерминации и с различной направленностью. Можно лишь с уверенностью обозначить социальное как внешнее, а педагогическое как внутреннее состояние вуза, педагогический коллектив которого стремится к обновлению по сути, что проявляется, прежде всего, в становлении самодеятельностных основ его работы.

С точки зрения индивидуального проявления рассматриваемой готовности и социальные, и педагогические предпосылки являются внешними параметрами, влияющими на развитие личности. Внутренним основанием для возможности (невозможности) креативного дидактического самовыражения являются природная сущность человека, его мотивация и направленность деятельности. Те характеристики его проявления, которые наследуются им и формируются в процессе социализации, это, прежде всего, темперамент, особенности рефлексирования, соматика личности, характер, способности, система ценностей.

Поэтому в ходе исследования взаимосвязь социальных и педагогических предпосылок возможного креативного действия участников педагогического процесса соотносилась с природной готовностью студентов к творческому самопроявлению.

Одной из существенных предпосылок творческого проявления человека является значимость этого процесса в структуре нормативно-моральных положений, определяющих направленность и содержание деятельности личности. Форма отражения себя в современном динамичном мире все более проявляет стремление социума к формированию у человека целесообразных, рациональных, логических и прагматических действий, способствующих оптимальной личностной самореализации. Сенсорность, некомпетентность, недостаточная информационная насыщенность – факторы, которые в значительной степени осложняют процесс адаптации «Я» в системе социально-профессиональных отношений. Тем более становится проблематичным мобильное включение сенсорика и иррационалиста в экономически обусловленный процесс жизнедеятельности.

Ловкость (Н. Бернштейн), расчетливость, постоянное логическое обоснование своих действий реализуется человеком на основе его образованности, которая в ходе исследования принималась за завершенную характеристику, проявляющую наличие определенной личностной позиции совокупности убеждений человека. В целом, образованность – определенная уровневая характеристика развития, свидетельствующая о завершенности самостроительства и возможности соотнесения его с множеством других позиций, не всегда совпадающих (со-направленных) с индивидуальной трактовкой смысла и содержания тех процессов, которые тем или иным образом определяют развитие человека.

Значимость указанного соотнесения обостряется в последние годы появлением альтернативной традиционному менталитету россиян системы правил, положений и стандартов, оценивающих направленность, структуру и мотивы формирования личностной самодостаточности. Резкое смещение морали от духовности к экономической целесообразности привело к изменению позиции практически каждого человека. Один получил подтверждение скрываемых ранее взглядов. Другой ощутил бесперспективность прежней модели жизни. Третий, имея необходимый психо-физиологический резерв жизнедеятельности, адаптировался в новой системе отношений и проявил социально-личностную креативность.

В обществе и системе педагогического развития личности на этапе коренных преобразований нормативных основ его деятельности происходит смещение и переоценка ценностей, формируются «новая» моральная обозначенность того или иного действия человека. Это приводит к необходимости каждое привычное (стереотипизированное) действие соотносить с новой системой па-

раметров, определяющих продуктивность и мобильность личности. Так, например, в России исполнительность, преданность и единообразие мышления сменились на самостоятельность, самодостаточность и плюрализм мнений. Это естественно привело каждого человека к осознанному (подсознательному) самоанализу эффективности привычного способа действия, мысли и чувствования. Тем самым кардинальное изменение содержания нормативных основ и базовых моральных критериев деятельности человека в различных сферах его проявления способствует формированию вариативной основы самореализации человека в личностном и профессиональном аспектах.

Отметим, что в ходе исследования термины «вариативность» и «творчество» рассматривались не как рядоположенные понятия, а как взаимосвязанные категории, тем или иным образом влияющие на процесс развития личности. Реализация вариативности невозможна без элементов творчества. С другой стороны, творческое действие (мысль, чувство) фактически всегда вариативно (нестандартно). Но это не означает, что вариативный и творческий являются синонимами. В проведенном исследовании они выступали как гиперболизированные характеристики нестандартного проявления человека.

Актуальность обозначенной взаимосвязи обоснована введением в структуру и содержание жизнедеятельности человека нетрадиционных для отечественной ментальности основ личностной и профессиональной самореализации. Традиционно вариативность трактовалась как ситуативно нетрадиционный подход к осуществлению какого-либо процесса (действия). Вариативность соотносилась с возможностью выбора способов, путей, форм и методов достижения конкретной цели. Творческий характер действия имел, как правило, содержательную характеристику. Он заключался не в выборе пути достижения цели, а в наиболее продуктивном прохождении человеком признанного референтной социальной группой пути достижения цели.

Смена нормативно-моральных ценностей привела к смещению обозначенных позиций. Сейчас не существует четкого разграничения вариативных и творческих начал в том или ином оценочном суждении о направленности и содержании проявления отдельной личности. Это имеет как положительное, так и негативное значение.

Библиографический список

1. *Румянцев С.А., Сохранов В.В.* Самоконтроль как условие профессионального саморазвития студентов в процессе профессиональной подготовки // Известия ТулГУ. Серия «Педагогика». – Вып. 4. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2006. – 286 с. – С. 89–92.

УДК 37

Смирнова Юлия Владимировна
Вологодский института права и экономики ФСИН России
julianna1805@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВОСПИТАНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКА КАК СУБЪЕКТА МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА

В статье раскрываются структурные компоненты содержания воспитания старшеклассника как субъекта многонационального социума. На основе компонентов определены критерии воспитанности и представлены результаты экспериментальной работы.

Ключевые слова: *компоненты содержания воспитания, субъект многонационального социума, целостный педагогический процесс, социально значимые ценности.*

Одной из закономерностей воспитательного процесса является единство обучения и воспитания. Вслед за отечественными исследователями, занимающимися разработкой содержания образования (В.В. Краевский, И.Я. Лернер, М.Н. Скаткин), которые, наряду со знаниями, умениями и навыками, неотъемлемым компонентом считают опыт творческой деятельности и эмоционально-ценностного отношения к миру, мы рассматриваем целостный педагогический процесс, где воедино слиты обучение и воспитание. Любая деятельность, вызывающая положительные переживания и стимулирующая мотивационно-ценностное отношение к явлениям окружающей действительности, отвечает требованиям целостного педагогического процесса [8, с. 169].

 © Смирнова Ю.В., 2010

Существенной стороной единства обучения и воспитания, по мнению И.Ф. Харламова, является значительный воспитательный потенциал, заключающийся в обучении, в частности, мировоззренческие и нравственные идеи, примеры высокого служения родине представителей различных национальностей, высоконравственных отношений между людьми [9, с. 296].

Основой современной стратегии образования является личностно-ориентированный подход, суть которого заключается в признании ценности человека (независимо от его национальной, расовой, религиозной принадлежности), приоритета его прав на свободное развитие и реализацию способностей. Поскольку в общеобразовательных школах России обучаются представители различных национальностей, то целью в рамках нашего исследования становится воспитание гуманистической личности, способной к самоопределению и самореализации в современном многонациональном социуме. При этом под социумом понимается ближайшая среда, в которой развивается школьник: семья, образовательные учреждения, группы сверстников и т.д. [1, с. 74].

Реализация данной цели осуществляется на основе стремления личности к самоизменению, а также потребности в самоанализе, самокритике и саморазвитии [3], которые являются отличительными особенностями старшеклассника и одновременно лежат в основе его субъектной позиции. Опираясь на определение субъекта как носителя предметно-практической активности, осуществляющего изменения в других людях и себе самом [2, с. 144], мы даем следующее определение: *старшеклассник как субъект многонационального социума – это познающий и преобразующий национальную действительность на благо развития нации и национальных отношений человек.*

Старшеклассник как субъект многонационального социума имеет особую субъектную позицию, основными характеристиками которой являются: высокий уровень национального самосознания, толерантность, культура межнационального общения и рефлексия.

Таким образом, основываясь на принципах личностно-ориентированного подхода и целостного педагогического процесса, под содержанием воспитания у старшеклассников, являющихся субъектами многонационального социума, мы понимаем знания, суждения, умозаключения о национальных явлениях и национальной действительности, опыт творческой деятельности в общении с представителями различных национальностей и опыт эмоционально-волевого взаимодействия, усвоение которого призвано обеспечить субъект-субъектные отношения в многонациональной среде.

Структурными компонентами содержания воспитания старшеклассника как субъекта многонационального социума, реализующимися через систему учебной и внеучебной деятельности, являются: потребностно-мотивационный, интеллектуально-эмоциональный, коммуникативно-поведенческий и рефлексивный.

Потребностно-мотивационный компонент выступает основой, на которой выстраиваются последующие компоненты воспитания.

Для формирования социально значимых потребностей необходимо сообщать учащимся определенные нравственные знания и пробуждать к ним ценностное отношение. Ценностные ориентации представляют собой идеалы, обращенные в нравственные ориентиры воспитания и обучения. Они определяют жизненное кредо человека и позволяют видеть истинное содержание событий и явлений национальной жизни народов, а также способствуют формированию у старшеклассников чувства внутреннего достоинства и уважения к другим. Таким образом, социально значимые ценности старшеклассника как субъекта многонационального социума – это потребности, выступающие в качестве важнейших личных ценностей и целей жизни. По мере утверждения нравственных ценностей в сознании личности, они преобразуются в мотивы и становятся регулятором жизни и деятельности старшеклассника.

Социально значимые ценности многонационального социума определяются сущностью понятия «нация» и включают в себя: территориально-экономическое единство, единство Отечества, общенациональный русский язык, а также общее историческое и культурное наследие народов. Важно, чтобы старшеклассники получали представление обо всей системе национальных ценностей российского общества в его социокультурном многообразии и единстве. Необходимо научить школьников выбирать те ценности, которые несут в себе пользу для человека и окружающего мира.

Осознание Родины как ценности и истории нации являются основой формирования нацио-

нального самосознания субъекта многонационального социума. Если личное самосознание есть осознание себя в связи с окружающей действительностью, то национальное самосознание старшеклассника как субъекта многонационального социума означает осознание себя одновременно субъектом своей национальности и субъектом единой нации.

Таким образом, основной целью реализации потребностно-мотивационного компонента содержания воспитания является формирование у учащихся нравственных потребностей, являющихся социально значимыми ценностями, которые выступают основой жизнедеятельности старшеклассника как субъекта многонационального социума и могут рассматриваться в качестве источника и побудительных мотивов деятельности человека.

Интеллектуально-эмоциональный компонент представляет совокупность знаний, правил, понятий, востребованных в жизни многонационального социума, и предполагает выработку взглядов, убеждений, отношений к происходящим событиям национальной жизни.

Старшеклассник, по мнению Н.Н. Седовой, находясь в национально неоднородной среде, обладает недостаточным количеством знаний о культуре окружающих его людей. Неверные мировоззренческие установки могут формироваться и тогда, когда человек, правильно оценивая действительность, не обладает достаточными знаниями о ней [7, с. 14]. Поэтому в содержание данного компонента важно включать знания как о культуре, жизни, обычаях, традициях своей национальности, так и знания о представителях соседствующих народов. Нельзя игнорировать межнациональные проблемы в социуме или замалчивать их. Необходимо помочь старшекласснику оценить личность человека в целом, понять мотивы и цели его поведения. При этом важно вырабатывать эмоционально-ценностное отношение к родному краю, его культуре и истории, а также к особенностям культуры людей иных национальностей.

Осознав ценности родной культуры и получив знания о разнообразии и значении культур других национальностей своего региона, старшеклассник вырабатывает целостное представление о единой национальной культуре, как культуре отечественной, культуре нации, состоящей из множества уникальных культур: то есть национальное трансформируется в многонациональное, что является неотъемлемой исторической характеристикой России.

Постоянное углубление знаний о многонациональном Отечестве, его истории, этносах, изучение трудов отечественных мыслителей, деятелей искусства, литературы, народных талантов способствует пониманию роли и места всей нации с учетом ее своеобразия и уникальности в мировой цивилизации, воспитанию любви к своей Родине. Происходит проникновение национальных идей в мир чувств, их интериоризация.

Знания, эмоционально воспринятые, связанные с действенным проявлением уважения к своему и чужим народам, закрепляются в совместной деятельности и общении с людьми разных национальностей. Единство этих факторов обеспечивает целостность процесса воспитания старшеклассника как субъекта многонационального социума.

Коммуникативно-поведенческий компонент. Важным в условиях многонационального социума является способность устанавливать взаимоотношения с окружающими, а также соблюдать нормы межнационального общения.

Формирование опыта отношений и деятельности предполагает включение воспитанников в работу, смысл которой соответствует намеченным педагогически целям. Так, воспитание толерантности связано с созданием ситуаций, в которых можно выразить уважение к другим людям. Воспитывающая ситуация, в частности, дает возможность увидеть сложившиеся между школьниками отношения и целенаправленно влиять на процесс рождения, развития, корректировки этих отношений [6, с. 156], проводить воспитанника через однозначные обстоятельства, формируя и закрепляя определенный социальный опыт. Таким образом, опыт совершения поступков является важной частью коммуникативно-поведенческого компонента содержания воспитания.

В процессе межнационального общения старшеклассник приобретает знания об особенностях своей и других этнических групп, что способствует развитию межнационального понимания и формирования коммуникативных навыков. Отсутствие опыта межнационального общения обусловливает меньшую предрасположенность к подобным контактам и меньший интерес к собственной идентичности [4, с. 232].

Межнациональное взаимодействие старшеклассников предполагает взаимную толерантность, психологическую готовность и способ-

ность понять друг друга, признание «внутренней и необходимой связи» между национальными интересами, учет их при проектировании своей деятельности, а следовательно, компромисс между ними. Этот компромисс не предполагает отказа от собственных национальных интересов, он означает осознание «первенствующего значения того, что представляет собой наиболее обоснованное, приемлемое и целесообразное» [5, с. 150] для большинства старшеклассников; он предоставляет обучающимся право и свободу не только для реализации интересов своей национальности, но и для приобщения к ним учащихся других национальностей.

Коммуникативно-поведенческий компонент понимается нами как искусство толерантного взаимодействия представителей различных национальностей, опосредованного педагогической деятельностью и личностью самого педагога. Таким образом, реализация данного компонента предполагает способность старшеклассника строить коммуникацию вне зависимости от национальности собеседника, а также владение культурой общения, включающей в себя умение слушать и понимать.

Рефлексивно-волевой компонент предполагает развитие способностей к проявлению волевых усилий, позволяющих преодолевать трудности, связанные с соблюдением норм поведения в многонациональном социуме. Данный компонент выражается через тенденцию проявления рефлексивной позиции личности, ее активности, готовности к самоопределению в различных жизненных ситуациях, поскольку выбор нравственной позиции только тогда является полноценным выбором, когда он осмыслен.

Поскольку рефлексия побуждает человека задуматься над вопросами: «Какой я, как живу?», «Чего хочу от жизни?», «С кем я и кто со мной?», то содержание воспитания в этом случае составляет опыт творческого отношения к смыслу собственной жизни в соотнесении с жизнью других людей и окружающим миром. Для того чтобы разбираться в сложных национальных явлениях, старшекласснику необходимо самостоятельно вырабатывать новые знания, обобщать их, рефлексировать, проявляя качества субъекта многонационального социума.

Вышеназванные компоненты содержания воспитания и сущностные характеристики старшек-

Когнитивный критерий

Констатирующий эксперимент — % к числу респондентов; Формирующий эксперимент — % к числу респондентов

НУ	СУ	ВУ	НУ	СУ	ВУ
17,96	20,19	61,84	7,81	17,71	74,48

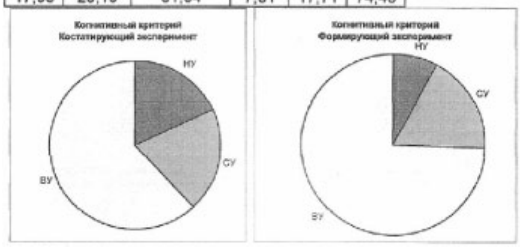


Рис. 1.

Эмоциональный критерий

Констатирующий эксперимент — % к числу респондентов; Формирующий эксперимент — % к числу респондентов

НУ	СУ	ВУ	НУ	СУ	ВУ
7,77	27,74	64.49	2,95	21,01	76,04

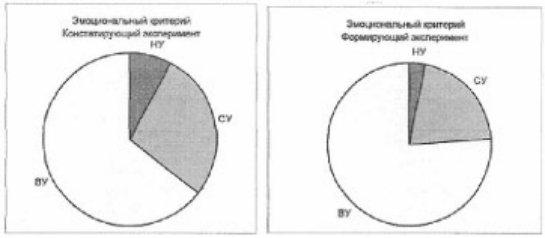


Рис. 2.

Деятельностный критерий

Констатирующий эксперимент — % к числу респондентов; Формирующий эксперимент — % к числу респондентов

НУ	СУ	ВУ	НУ	СУ	ВУ
23,46	28,64	47,90	16,75	27,78	55,47

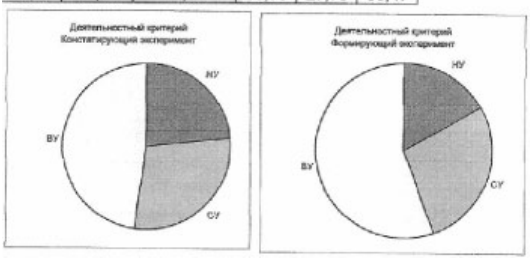


Рис. 3.

Рефлексивный критерий

Констатирующий эксперимент — % к числу респондентов; Формирующий эксперимент — % к числу респондентов

НУ	СУ	ВУ	НУ	СУ	ВУ
23,50	35,92	40,58	17,92	34,38	47,71

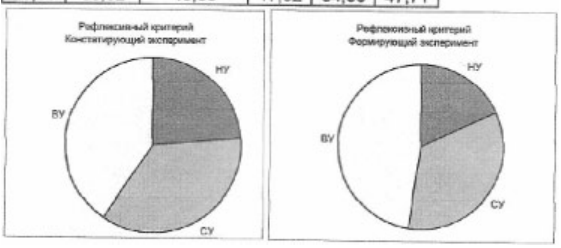


Рис. 4.

лассника как субъекта многонационального социума положены в основу критериев воспитанности: когнитивного, эмоционального, деятельностного и рефлексивного, уровни которых определены в ходе исследования (НУ – низкий уровень, СУ – средний уровень, ВУ – высокий уровень). Результаты констатирующего (массив – 103 человека) и формирующего (массив – 96 человек) этапов эксперимента по экспериментальной школе представлены в виде диаграмм (рис. 1, 2, 3, 4).

Итак, количество респондентов с высоким уровнем воспитанности после формирующего эксперимента увеличилось по всем критериям (на 12,6% – когнитивный, 11,5% – эмоциональный, 7,6% – деятельностный и 7% – рефлексивный критерии). Соответственно, снизилось количество респондентов с низким уровнем воспитанности (на 10% – когнитивный, 4,8% – эмоциональный, 6,7% – деятельностный и 5,6% – рефлексивный критерии).

Таким образом, результаты формирующего двухлетнего эксперимента показывают, что содержание воспитания влияет на готовность старшеклассника к реализации себя субъектом многонационального социума и является одним из воспитательных направлений в формировании национального самосознания, толерантности, культуры межнационального общения и рефлексии, составляющих основу взаимоотношений человека в современном обществе.

Библиографический список

1. *Галагузова М.А.* Социальная педагогика. Курс лекций. – М.: Владос, 2006. – 416 с.

2. *Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю.* Педагогический словарь: Для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 176 с.

3. *Колесникова И.А., Борытко Н.М., Поляков С.Д., Селиванова Н.Л.* Воспитательная деятельность педагога: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под общ. ред. В.А. Сластенина и И.А. Колесниковой. – М.: Академия, 2005. – 336 с.

4. *Кукушин В.С.* Этнопедагогика: Учебное пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2002. – 304 с.

5. *Михневич О.А.* Психолого-педагогические проблемы формирования национального самосознания будущих учителей. – Минск: Харвест, 2007. – 368 с.

6. *Рожков М.И., Байбородова Л.В.* Организация воспитательного процесса в школе: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Владос, 2001. – 256 с.

7. *Седова Н.Н.* Интернационализм. Патриотизм. Личность. – Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1989. – 129 с.

8. *Сластенин В.А, Исаев И.Ф, Мищенко А.И., Шиянов Е.Н.* Педагогика. – 4-е изд. – М.: Школьная пресса. – 512 с.

9. *Харламов И.Ф.* Педагогика: Учеб. пособие. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Гардарики, 2002. – 519 с.

УДК 378

Черная Ирина Геннадьевна

Костромской областной институт развития образования

РЕЗУЛЬТАТЫ ДИАГНОСТИКИ РЕЧЕВОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ-ДОШКОЛЬНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 2008–2009 ГОДАХ

В статье представлены результаты диагностики речевого развития детей-дошкольников, проведенной лабораторией проблем школьной дизадаптации и коррекционно-развивающего обучения Костромского областного института развития образования в районах Костромской области. Приводятся данные о наличии речевых расстройств, степени их распространенности среди детей старшего дошкольного возраста.

Ключевые слова: *речевое развитие дошкольников, речевая патология, логопедическое обследование.*

Известно, что наша страна переживает сейчас один из самых сложных, болезненных периодов своей истории, вторгшийся в нашу жизнь кризис еще больше усугубляет сложившуюся ситуацию. Увеличилось количество семей, имеющих официальные доходы ниже прожиточного минимума. Положение детей в современной России вызывает обоснованную тревогу всех, кто причастен к сохранению здоровья детей, к их воспитанию и обучению.

Раннее выявление речевой патологии, точность диагностики, своевременная и качественная коррекция, с учетом компенсаторных возможностей ребенка, позволяют надеяться на бла-

© Черная И.Г., 2010

гоприятный прогноз в преодолении недостатков речи у детей.

В специальной научно-методической литературе указываются основные направления логопедического обследования, намечаются его разделы, предлагается речевой материал для проверки состояния речевых навыков детей.

Система логопедического обследования достаточно полно описана в литературе по логопедии и разработана в различных инструктивно-директивных и методических документах, в «Справочнике логопеда» М.А. Поваляевой, в сборнике В.М. Акименко «Речевые нарушения у детей»; выпущены дидактические материалы непосредственно по обследованию речи детей. Как отмечается в тексте комплекта рабочих материалов по психолого-медико-педагогическому обследованию ребенка под общей редакцией М.М. Семаго, в разделе «Логопедическое обследование», никакая схема логопедического обследования не может предусмотреть всех встречающихся случаев нарушения речи у детей. Действительно, эта схема никогда не бывает самодостаточной и широко варьируется в зависимости от цели, которую ставит перед собой исследователь; нельзя предусмотреть всех вопросов, которые могут возникнуть при обследовании ребенка. Можно выделить лишь основные направления обследования и те его этапы, без которых представление о речевом развитии ребенка будет недостаточным для его описания.

С сентября 2006 года при Костромском областном институте повышения квалификации работников образования существует лаборатория проблем школьной дизадаптации. Основная цель деятельности лаборатории – обеспечение департамента образования и науки Костромской области достоверной информацией об уровне распространенности в регионе детей с признаками школьной дизадаптации, а также детей группы риска, для принятия соответствующих управленческих решений, направленных на сокращение школьной дизадаптации и ее социально-негативных последствий.

Коллектив лаборатории состоит из трех человек: заведующего – кандидата психологических наук, врача-педиатра – кандидата медицинских наук по детской психиатрии и логопеда.

Основная цель проведенного мною в 2008–2009 гг. логопедического исследования была направлена на выявление особенностей речевого развития старших дошкольников и учащихся начальных классов общеобразовательных учреждений, проживающих в районах Костромской области, а также на выявление нарушений различных компонентов речевой системы, их характера, глубины и степени распространенности.

Задачами исследования являлись:

– определение степени овладения детьми всеми компонентами речевой системы: уровнем речевой коммуникации, звукопроизношением, достаточным словарным запасом, грамматическим строем речи и связной речью;

– выявление особенностей психического и соматоневрологического развития детей,

– изучение условий развития и воспитания детей на основе анализа медицинской документации и педагогических характеристик, представленных педагогами ДОУ и школ, на основе наблюдений за детьми, бесед с родителями детей, педагогами и администрацией.

При логопедическом обследовании использовался системный подход к анализу речевых нарушений: выявлялось не только то, какой компонент речевой деятельности является нарушенным, но и какова его взаимосвязь с другими нарушениями (или же с сохранными компонентами речи), к каким возможным последствиям такие взаимоотношения могут привести.

В качестве инструментария диагностики речевого развития детей-дошкольников использовались:

– изучение уровня речевой коммуникации и связной речи детей по материалам «Справочника логопеда» М.А. Поваляевой;

– обследование состояния артикуляционного аппарата по общепринятым в логопедии критериям;

– методики обследования детей дошкольного возраста с фонетико-фонематическим и общим недоразвитием речи Т.Б. Филичевой, Г.В. Чиркиной, рекомендованные Министерством образования РФ;

– «Дидактический материал по обследованию речи детей» Т.П. Бессоновой и О.Е. Грибовой 2-х частях.

В результате наблюдений за детьми исследовались и так называемые неречевые психические функции: особенности внимания; характер игровой деятельности; состояние зрительно-пространственного гнозиса и праксиса (ориентировка в пространстве, складывание разрезных картинок, фигур из палочек).

Для обследования состояния моторики старших дошкольников подбирались пробы по шкале Н.И. Озерецкого с учетом возраста. Особенностью методики является игровая форма приемов, что отвечает требованиям данного возраста.

Каждый ребенок обследовался индивидуально, в зависимости от характера и тяжести речевого нарушения, с выборочным использованием указанных выше стандартных логопедических методик.

Полученная во время обследования информация фиксировалась в протоколах обследования.

За 2008–2009 гг. в районах Костромской области было обследовано 333 ребенка-дошкольника. Нормальное речевое развитие было выявлено у 115 детей. Речевая патология выявлена у 218 человек, что составляет 65,5%. Данные обследования представлены в таблице.

Данные таблицы наглядно иллюстрируют, что у детей старшего дошкольного возраста среди всех видов речевых расстройств доминирует фонетико-фонематическое недоразвитие (ФФН) – 35,8% от общего числа детей с речевыми нарушениями.

В логопедии ФФН рассматривается как нарушение процессов формирования произносительной системы родного языка вследствие дефектов восприятия и произношения фонем. К основным проявлениям данного нарушения относятся: недифференцированное произношение пар или групп звуков (например, один и тот же звук является для ребенка заменителем одного и более звуков); замена одних звуков другими, более простыми по артикуляции; а также смешение звуков, то есть «неустойчивое» употребление звуков в различных словах (дети в одних словах употребляют звук правильно, а в других заменяют близкими по артикуляционному укладу или акустическим признакам). ФФН свидетельствует о недоразвитии фонематического слуха.

Большинству детей с ФФН звуковой анализ недоступен даже в его элементарной форме, так как у них не сформирована база фонематичского анализа – фонематический слух.

В процессе проводимого нами обследования многие дошкольники затруднялись в выделении 1-го звука в слове, называя или 1-й слог, или же все слово, а также в подборе картинок на заданный звук, в придумывании и назывании слов с заданным звуком.

Нарушение фонематического восприятия приводит к тому, что словарный запас ребенка не пополняется теми словами, в состав которых входят трудноразличимые звуки (ребенок не воспринимает на слух близкие по звучанию или сходные по артикуляции звуки речи, не дифференцирует их). В дальнейшем объем словарного запаса начинает существенно отставать от возрастной нормы. Также нарушение фонематического восприятия затрудняет формирование на должном уровне и грамматического строя речи (при недостаточности фонематического восприятия многие предлоги или безударные окончания слов для ребенка оказываются «неуловимыми»). Таким образом, у ребенка возникает целый комплекс нарушений: фонетико-фонематические и лексико-грамматические, которые впоследствии могут привести к общему недоразвитию речи.

Второе место по частоте распространения занимают дефекты звукопроизношения в виде изолированного фонетического дефекта (чаще всего в группе сонорных звуков) или же в нескольких видах различных фонетических групп, называемые фонетическим недоразвитием.

Нарушения звукопроизношения проявлялись в отсутствии некоторых звуков, в искажениях и заменах.

По данным проведенного обследования дети с изолированным фонетическим дефектом и дети

Таблица

Структура речевых нарушений, выявленных в ходе логопедического обследования

№ п/п	Виды речевых расстройств	Количество детей	%
1	Фонетико-фонематическое недоразвитие	78	35,8
2	Фонематическое недоразвитие	5	2,3
3	Общее недоразвитие речи III уровня	37	17
4	Нарушение звукопроизношения: - изолированный фонетический дефект; - фонетическое недоразвитие	 32 31	28,9
5	Нерезко выраженное общее недоразвитие речи	32	14,7
6	Общее недоразвитие речи II уровня	3	1,3

с фонетическим недоразвитием составляют 28,9% от общего числа детей-логопатов.

На третье место по частоте распространенности выходит общее недоразвитие речи (ОНР) – 18,3% от общего числа детей с речевыми расстройствами. В логопедии понятие ОНР применимо к такой форме патологии речи у детей с нормальным слухом и первично сохранным интеллектом, когда нарушается формирование всех компонентов речевой системы: фонетики, лексики, грамматики. Обусловливается недоразвитие речи нарушением деятельности речеслухового и речедвигательного анализаторов. В результате воздействия различных патогенных факторов запаздывает созревание нервных клеток зон коры головного мозга и развитие речи происходит на дефектной основе. Это нарушение впервые было установлено Р.Е. Левиной, оно выражается в различной степени, и условно выделяют три уровня речевого недоразвития:

I уровень – отсутствие речи (так называемые «безречевые дети»), они пользуются лепетными словами, звукоподражаниями, отдельными словами бытовой тематики, сопровождая это мимикой и жестами. В ходе нашего исследования таких детей не выявлено.

II уровень – это уже начатки общеупотребительной речи, имеется фразовая речь, но высказывания детей бедны, ребенок ограничивается перечислением непосредственно воспринимаемых им предметов, действий, явлений. Было выявлено двое детей с данной речевой патологией.

III уровень характеризуется наличием относительно развернутой фразовой речи, но с элементами фонетико-фонематического и лексико-грамматического недоразвития.

В процессе проведенного исследования из общего числа детей с недостатками речи у 17% выявлено ОНР III уровня. У детей со стороны звукопроизношения выделяются лишь дефекты отдельных звуков, речевое развитие позволяет активно общаться со сверстниками, но им в полной мере еще не доступно словообразование и словоизменение. В устном речевом общении обследуемые дети «обходили» трудные для них слова и выражения, испытывали трудности при самостоятельном составлении предложений, мало пользовались прилагательными и наречиями, допускали ошибки в словообразовании, а это обедняет возможности накопления словарного запаса, не позволяет различать морфологические элементы слов. У детей всегда были нарушения в грамматическом строе речи: неправильное согласование прилагательных и числительных с существительными, ошибки в использовании предлогов (их пропуски, замены), недоговаривание окончаний.

У 14,7% из общего числа детей-логопатов выявлено не резко выраженное общее недоразвитие речи (НВОНР).

У детей имеются нарушения фонетико-фонематического компонента речевой системы; дефектное произношение 2–5 звуков, распространяющееся на 1–2 группы звуков, у некоторых детей звукопроизношение было в пределах нормы.

Кроме этого выявлены и нарушения лексико-грамматического компонента речевой системы: лексический запас детей ограничен рамками обиходно-бытовой тематики; качественно неполноценен (неправомерно сужено или расширено значение слов), ошибки в употреблении слов, смешения их по смыслу и акустическим свойствам. Грамматический строй речи у дошкольников недостаточно сформирован, отсутствуют сложные синтаксические конструкции, недостаточно развита связная речь.

В процессе проводимого логопедического обследования выявлено, что моторика детей старшего дошкольного возраста, имеющих ФФН и ОНР, а также и у детей с ЗПР, развита неравномерно: около 2/3 этих детей имеют незначительное моторное отставание от возрастной нормы и около 1/3 – задержку моторного развития, причем степень этой задержки колеблется от несущественных погрешностей при выполнении моторных проб до средней моторной неловкости.

На основании представленных данных (это был анализ амбулаторных карт детей, в некоторых случаях приносимых родителями на обследование; сбор анамнеза; беседы с педагогами и медработниками ДОУ о ходе психического и речевого развития детей; знакомство с медицинской документацией ДОУ) делалось общее заключение о сложности и полиморфизме этиологических факторов, вызывающих речевые расстройства у детей-дошкольников.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о своеобразной триаде этиологических факторов нарушений речи:

– наследственная предрасположенность;

– неблагоприятное окружение ребенка;

– повреждения или же нарушения созревания головного мозга под влиянием различных небла-

гоприятных воздействий в период внутриутробного развития, в момент родов или в первые три года жизни ребенка.

У детей с тяжелыми нарушениями речи «лидируют» два последних причинных фактора.

Выявленные речевые расстройства у детей отражают феменологический подход к нарушениям речевого развития, данный подход не претендует на патогенетический анализ структуры дефектов, это является прерогативой врача-специалиста.

У многих детей-логопатов с фонетико-фонематическим недоразвитием имеется неполная сформированность психических функций, тесно связанных с речью (внимание, память, словесно-логическое мышление и др.).

Таким образом, в ходе проведенного исследования была предпринята попытка выявить степень распространенности речевых расстройств у детей старшего дошкольного возраста, посещающих районные и сельские ДОУ Костромской области, а также проанализировать структуру речевых нарушений, выявить особенности психического и речевого развития детей-логопатов. Анализ контингента обследованных детей наглядно показал, что речевое развитие соответствует возврасту у 34,5% старших дошкольников. Дети с недостатками речи, находящиеся в ДОУ, представляют собой сложную и разнородную группу как по тяжести проявления дефекта, так и по природе его возникновения.

Дети, недостатки речи которых не будут своевременно выявлены и устранены, составят значительную часть неуспевающих учащихся в начальных классах школы. Дошкольный возраст – период наиболее благоприятный для развития и формирования речи у детей, ранняя квалифицированная диагностика нарушений речи в этом возрасте позволяет предотвратить многие осложнения речевого развития и будущую школьную дизадаптацию детей-логопатов.

Жизненные реалии наших дней выдвигают необходимость изменения организационно-содержательных аспектов логопедической помощи детям с речевыми расстройствами. Сравнительно недавно при анализе состояния логопедической помощи дошкольникам в качестве основных негативных тенденций отмечались отсутствие квалифицированных специалистов-логопедов и недостаточное количество логопедических групп. Затем ситуация изменилась в связи с увеличением дефектологических факультетов в вузах, возможностей переподготовки специалистов в области логопедии, появлением новых видов коррекционных учреждений. А в настоящее время, в условиях разразившегося кризиса, ситуация может кардинально измениться. Недостаточное финансирование не позволит органам управления образованием повсеместно расширять сеть логопедических групп. Как найти резервы эффективной помощи детям с речевой патологией? Необходим поиск новых, вариативных форм организации логопедической помощи детям-дошкольникам, оптимизация методов и содержания коррекционно-речевой работы. По мнению автора, в связи с переходом ДОУ к финансово-управленческой самостоятельности, возможно широкое создание логопедических кабинетов на территории ДОУ в рамках услуг дополнительного образования. По нашему мнению, такие кабинеты целесообразней создавать в районных центрах, так как финансовые возможности родителей детей-дошкольников по понятным причинам там больше, чем в сельской местности. В свое время приоритет в коррекции речевых нарушений детей отдавался логопедическим группам, а открытие логопунктов при ДОУ «не приветствовалось» некоторыми чиновниками в сфере образования. Но знакомство с опытом работы дошкольных логопедических пунктов свидетельствует о том, что они смогли заявить о себе как эффективная модель коррекционно-речевой работы с детьми и могут органично вписаться в систему любого дошкольного образовательного учреждения. Они экономичны, что очень важно в современных условиях. Возможно, на наш взгляд, и создание мобильных «передвижных» логопунктов, когда логопед (или несколько, это уже зависит от численности детей и количества ДОУ в районе) последовательно перемещается в закрепленные за ним учреждения, в зависимости от особенностей речевой патологии у детей и от этапов коррекционной работы с ними.

Необходимо увеличивать количество детских объединений в учреждениях дополнительного образования («Школа Буквоешки», «Говорим правильно» и др.).

Реализация модели коррекционно-речевой работы педагогов ДОУ и качественное овладение ими широким спектром профессионально значимых знаний и умений, их применение в условиях ДОУ общеразвивающего вида выдвигает необходимость курсовой подготовки воспитате-

лей по данной проблематике. Сегодня остро нужны специалисты нового поколения, знакомые с основами коррекционной педагогики и психологии, с основами логопедии, восстановительного обучения. Автором данной статьи разработан тематический план и программа занятий для воспитателей ДОУ «Состояние проблемы речевого развития детей-дошкольников на современном этапе». Социальная и психолого-педагогическая острота данной проблемы требует активного развертывания курсовой подготовки воспитателей ДОУ в этом направлении, соответствует реалиям современной жизни.

УДК 37.01:001.51:519.8

Ядровская Марина Владимировна
кандидат физико-математических наук, доцент
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)
marinayadrovskaia@rambler.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Качество образования связано с эффективными технологиями обучения. В работе предложен один из способов проектирования таких технологий, состоящий в комплексном применении элементов моделирования для реализации информационной, кибернетической и деятельностной сторон процесса обучения. Создаваемые на основе предложенного подхода технологии обучения с элементами моделирования (ТОЭМ) позволяют преодолевать недостатки технологизации обучения и осуществлять личностно ориентированное, деятельностное, творческое обучение.

Ключевые слова: *педагогическая технология, технология обучения, элементы моделирования, технология обучения с элементами моделирования.*

Технологичность становится характерной чертой любой деятельности. В связи с этим формируемые системы образования и особенности их проектирования связывают с *педагогическими технологиями*, составляющими «предмет исследования дидактической инженерии» [12]. Аккумулируя различные представления, под *педагогической технологией* будем понимать образовательную деятельность, реализуемую посредством единой системы процессов обучения, воспитания, развития, которая строится на основе научных методов и системного подхода, предполагает организацию управления и контроля при четком проектировании и характеризуется свойством воспроизводимости.

Можно согласиться с мнением И.Н. Быстровой о том, что качество современного образования связано с внедрением в учебный процесс *технологий обучения,* которые «обеспечили бы качественные изменения в подготовке будущих специалистов» [2] и позволили бы осуществить переход от «экстенсивно-информационного обучения к интенсивно-фундаментальному» [4].

Отметим, что «технология обучения – совокупность форм, методов, приемов и средств передачи социального опыта, а также техническое оснащение этого процесса» [5, с. 592]. Целесообразное использование *моделирования* в учебном процессе, на наш взгляд, является одним из способов формирования эффективных технологий обучения. *Моделирование* – познание объекта (процесса, явления), связанное с построением и исследованием его модели. Применение моделирования в познании прошло ряд этапов: из формы отражения действительности и приема познания моделирование превратилось сначала в метод, а затем в объективную и универсальную технологию познания. Учёт гносеологических функций применяемых в обучении модельных средств и технологического аспекта моделирования позволяет формировать технологичный способ обучения, который можно назвать *технологией обучения с элементами моделирования* (ТОЭМ). Элементами моделирования назовем:

– *приемы моделирования*: приемы (*наблюдение, анализ, синтез,* построение *гипотез, формализация*), логические процедуры (*идеализация, абстрагирование, сравнение, аналогия, конкретизация, обобщение, классификация, систематизация,* построение умозаключений: *индуктивные* или *дедуктивные* рассуждения) познания и практические действия моделирования (интерпретация, верификация, экспериментирова-

© Ядровская М.В., 2010

ние и др.), из которых складывается метод моделирования как универсальный метод познания;

– *дидактическое моделирование* – моделирование обучения и моделирование содержания обучения (систематизация и структуризация учебной информации; выбор стратегии представления учебного материала; формирование информационно-логической модели учебного материала; формирование понятий и представлений посредством обобщений; формализация; использование дидактических матриц; деятельная наглядность моделей и моделирования и др.);

– *модельные средства обучения*: натурные модели; информационные модели (образные; образно-знаковые; вербальные, математические (аналитические, численные, имитационные)), компьютерные модели, учебные модели;

– *метод моделирования* как метод познания и обучения;

– *средства моделирования*.

К ТОЭМ можно отнести: обучение младших школьников по методике С.Н. Лысенковой с использованием опорных схем, «которые становятся алгоритмом рассуждения и доказательства, а все внимание направлено… на суть, размышление, осознание причинно-следственных связей» [5, с. 594–595]; обучение на основе схемных и знаковых моделей учебного материала [5, с. 588–590]; обучение с использованием деловых игр [13, с. 28–31]; обучение с применением имитационного моделирования, «при использовании которого происходит формирование профессиональных качеств специалистов через погружение в конкретную ситуацию, смоделированную в учебных целях» [2]; обучение, реализуемое с использованием кейс-метода [8, с. 69–71]. Таким образом, речь идет не о формировании абсолютно новых технологий обучения, а об обобщении положительного опыта применения моделирования в научной организации учебного процесса.

Построение ТОЭМ требует определения общих и конкретных целей обучения, согласно которым формируются критерии результатов обучения, воспитания, развития. *Общие цели* таких технологий состоят:

– в формировании и развитии теоретического, практического, творческого и других видов мышления;

– в вовлечении обучаемых в активную учебную деятельность, позволяющую формировать стратегии индивидуальной познавательной деятельности и накапливать опыт творческой деятельности;

– в переводе на междисциплинарную основу изучение отдельных учебных предметов, что позволяет приобретать знания системно и формировать, соответственно, системный взгляд на окружающий мир;

– в подготовке навыков самостоятельного приобретения знаний, постепенно преобразующихся в свойство личности.

Подчеркнем, что технология обучения – «системная категория, структурными составляющими которой являются: цели обучения; содержание обучения; средства педагогического взаимодействия (средства преподавания и мотивация), организация учебного процесса; студент, преподаватель; результат деятельности…» [7, с. 5]. На основе конкретных целей обучения могут быть спроектированы компоненты *технологии обучения.* Для ТОЭМ их проектирование и реализация основываются на применении моделирования. ТОЭМ предполагает расширить использование в обучении исследовательской деятельности, приближая процесс обучения к научному процессу познания, основанному на методе и технологиях моделирования. Более широко включать в обучение компьютер как инструмент учебной деятельности, неразрывно связанный с технологиями компьютерного моделирования, способствующий интенсификации обучения. Важной особенностью ТОЭМ является оптимизация учебно-педагогического взаимодействия. В ТОЭМ применяется моделирование как средство представления учебной информации; как способ управления учебно-педагогической деятельностью; как средство осуществления учебно-педагогической коммуникации. Проанализируем эти аспекты ТОЭМ.

Технология обучения как «совокупность методов и средств обработки, представления, изменения и предъявления учебной информации» является *информационной технологией* [6, с. 133]. Поэтому важнейшая из ее задач состоит в определении способов работы с *активной информацией*. Одной из сторон *активной информации* является такое ее представление, при котором учащиеся легко могут включать в работу мышление для выполнения операций анализа, синтеза, обобщения, способствующих осмысленному и прочному усвоению знаний. Такая учебная информация позволяет получить динамические

знания, «когда система дисциплины прочувствована, когда взаимосвязи и взаимовлияния установлены» [1]. Другая сторона *активной информации* состоит в возможности «оперативно работать» с ней и извлекать «строго применительно к проблеме», что облегчает ее запоминание и актуализацию [3, с. 21].

ТОЭМ широко используют разнообразные модели «при изложении теории и при проведении лабораторных и практических работ» [3, с. 49] и моделирование как метод обучения, состоящий в использовании приемов моделирования для освоения необходимых знаний. Такое интегральное применение моделирования оптимально справляется с задачей представления активной учебной информации. С помощью моделирования формируется наглядное представление как самого объекта, так и способа и алгоритма его изучения, повышающих мотивацию обучения и активность обучаемых, так как с моделированием связывают не простую, а действенную наглядность [9]. Таким образом, ТОЭМ применяют оптимальные средства для предъявления обучаемым учебной информации.

Использование моделей для представления учебной информации может быть связано с реализацией в обучении предлагаемой О.К. Филатовым концепции поэтапного формирования у обучаемых моделей предметного содержания [11]. Согласно этой концепции «обучение можно рассматривать как процесс поэтапного формирования у студентов определенной модели изучаемого объекта, процесса, явления», состоящий в трансформации «субъективной модели» в «научную». Подчеркнем объективную природу модельного подхода к обучению, обусловленную научным пониманием познания как способности человека строить и изучать различного рода модели познающей действительности. Отметим также, что его реализация требует от субъектов учебного процесса определенных знаний и умений моделирования.

Управление – одна из основных черт технологии. М. Марков определяет управление как «организацию или процесс целенаправленных воздействий» ([цит. по: 14, с. 17]). В.А. Якунин связывает управление с «переводом учащихся из одного психологического состояния в другое, предопределяя постоянный и поступательный процесс их психического развития» [14, с. 10]. Отметим, что модель не только представляет, замещает или интерпретирует объект изучения. В процессе моделирования модель становится объектом действия. Благодаря наглядности модели и осуществлению приемов моделирования учащиеся формируют последовательность учебных действий с моделью. Согласно теории поэтапного формирования умственных действий эти действия преобразуются в умственные – интериоризируются, способствуя формированию теоретического мышления, являющегося «главным результатом учебной деятельности». «Именно от сформированности теоретического мышления, приходящего на смену мышлению эмпирическому, зависит характер всех приобретаемых в ходе дальнейшего обучения знаний» [10, с. 356]. Таким образом, моделирование можно рассматривать в качестве важнейшего средства осуществления учебной деятельности, а значит, и средства управления познанием. Во-первых, моделирование позволяет решать задачу мотивации учебной деятельности. Во-вторых, благодаря моделированию можно строить учебные задачи. В-третьих, решая задачу в рамках метода моделирования, можно осуществлять ряд учебных действий, позволяющих управлять формированием образа изучаемого объекта и определенной совокупности знаний, связанных с изучаемым объектом. В-четвертых, наличие этапов моделирования позволяет организовать контроль и самоконтроль за выполняемыми действиями и приобретаемыми знаниями. В процесс обучения с помощью элементов моделирования вводят четкую целевую направленность, наглядность, управление учением и контроль усвоенного. Кроме того, «знаково-символические средства, используемые в обучении, позволяют формировать качественно иную умственную деятельность, способствуют интенсивному развитию способов мышления» [7, с. 10].

Моделирование как способ замещения объекта исследования его подходящей копией можно рассматривать либо как способ представления информации об объекте изучения, либо как способ перевода информации в форму, делающую процесс учебной коммуникации более конструктивным и результативным. «Модель создает язык общения, который, опредмечивая содержание объекта исследования, позволяет выявить его сущность» [9]. Использование моделирования в качестве метода обучения позволяет организовать учебный процесс в форме диалога. С одной стороны учебного взаимодействия находятся

Таблица

Основные характеристики ТОЭМ

Характеристика	Технология обучения с элементами моделирования
Системность и целостность	ТОЭМ предполагает моделирование и организацию целостной системы обучения, содержащей: цели обучения; содержание обучения; средства педагогического взаимодействия; организацию учебного процесса; компоненты ученик, учитель; результат деятельности.
Концептуальность	Концепция ТОЭМ складывается из концепций ряда перспективных направлений обучения. ТОЭМ можно охарактеризовать как развивающую технологию деятельностного, личностно ориентированного обучения с поэтапным формированием умственных действий.
Научность, точность	ТОЭМ основана на использовании для проектирования и организации обучения объективного, универсального, общенаучного метода познания – метода моделирования и его методологических функций.
Интегративность	Изучение объекта исследования посредством модели требует разнообразных знаний: логики, теории подобия, системного анализа, планирования эксперимента, информационных технологий и различных средств моделирования. Для ТОЭМ характерно установление внутрипредметных и межпредметных связей при изучении содержания.
Управляемость Алгоритмичность Оптимальность	Учебные действия заложены в структуру модели, представляющей учебный материал, определяются этапами метода моделирования и легко формируются в алгоритмы, обеспечивающие оптимальное приобретение знаний посредством целесообразного расходования учебного времени.
Диагностичность Мотивированность Качество обучения	Готовность обучаться по ТОЭМ определяется: объективностью модельного способа познания, его активной и деятельной природой; наглядностью, вводимой моделями, этапами и приемами моделирования, т.е. осмысленным и продуктивным подходом к обучению, что способствует повышению мотивации и качества обучения.
Эффективность	ТОЭМ ориентирована не только на получение конкретных знаний или формирование некоторых частных умений и навыков, но также направлена на развитие познавательного потенциала и творческих способностей личности; «воздействует на внутреннюю структуру личности, мотивацию, ценностные установки» [8, с.31].
Гарантированность результата	Определяется реализацией деятельностного подхода к обучению, чётко поставленными целями, рациональным управлением и возможностью простой организации контроля и самоконтроля.
Воспроизводимость	Легко воспроизводима, допускает коррективы и творческий подход к реализации.

обучающий, модель, определенные этапы моделирования. С другой стороны находится обучаемый, выполняющий учебные действия, связанные с этими этапами. Реализация этапов допускает индивидуальный и творческий подход. «Процесс обучения при этом превращается в поиск, решение проблемной ситуации, требующих применения новых знаний, что стимулирует развитие мыслительных способностей, способствует появлению мотивации к учению, творчеству» [2].

Так как моделирование находит применение в обучении как элемент содержания, средство обучения, учебное действие, то можно говорить о ТОЭМ как о *проникающей технологии*. Отличие ТОЭМ от других технологий состоит в интегрированном привлечении элементов моделирования к реализации одновременно информационной, кибернетической и деятельностной сторон процесса обучения, а также для проектирования самой технологии обучения, основывающейся на принципе «моделирования мышления» [5, с. 593], состоящем в прогнозировании психологического взаимодействия, в просчитывании восприятия, затруднений и их дидактической коррекции.

В процессе обучения, как правило, используют «полидидактическую» технологию, которая «объединяет, интегрирует ряд элементов различных монотехнологий на основе какой-либо приоритетной оригинальной авторской идеи» [7, с. 36]. ТОЭМ может являться примером развивающей *полидидактической* технологии, предполагающей построение процесса обучения на деятельностной, диалоговой и алгоритмической основе. Обладая технологическими преимущества-

ми, ТОЭМ в отличие от других технологий обучения преодолевает такие недостатки технологизации обучения, как ориентация на обучение репродуктивного типа, слабая мотивация учебной деятельности, игнорирование личности и представляет эффективную педагогическую систему обучения (табл.).

На наш взгляд, любые педагогические технологии должны ориентироваться на широкое использование моделирования в проектировании и организации процесса обучения, которое будет способствовать формированию и развитию мышления, интеллектуальных, творческих способностей, освоению методов познания, формированию самоорганизации и самоактуализации личности.

Библиографический список

1. *Бутаков С.А.* Структурирование учебного материала в соответствии с принципом восхождения от абстрактного к конкретному. URL: http://www/disser.h10.ru/dis/butakov.html, (дата обращения: 22.11.2009).

2. *Быстрова И.Н.* Имитационное моделирование как современная технология обучения будущих специалистов в вузе. URL: http://www.t21.rgups.ru/doc2007/4/05.doc (дата обращения: 22.11.2009).

3. *Габдреев Р.В.* Моделирование в познавательной деятельности студентов. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1983. – 104 с.

4. *Лаврентьев Г.В., Лаврентьева Н.Б.* Инновационные обучающие технологии в профессиональной подготовке специалистов. URL: http://www.asu.ru/cppkp/index.files/ucheb.files/innov/Part1/chapter4/4_1.html, (дата обращения: 22.11.2009).

5. Педагогика. Большая современная энциклопедия / Под ред. Е.С. Рапацевича. – Минск: ИООО «Современное слово», 2005. – 720 с.

6. Педагогика и психология высшей школы / Под ред. С.И. Самыгина. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 544 с.

7. Педагогические технологии. Учебное пособие для студентов педагогических специальностей / Под ред. В.С. Кукушина. – М.: «МарТ»; Ростов-на-Дону: «МарТ», 2004. – 336 с.

8. Ситуационный анализ, или Анатомия кейс-метода / Под ред. Ю.П. Сурмина. – Киев: Центр инноваций и развития, 2002. – 286 с.

9. *Стуканов А.И., Айдерова В.В.* Применение моделирования при исследовании орфографии в начальной школе. URL: http://dlyachebi.ru/14/dok.php?id=0012, (дата обращения: 6.08.2009).

10. *Столяренко Л.Д.* Педагогика. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 448 с.

11. *Филатов О.К.* Основные подходы к построению информационной модели процесса обучения // Информатика и образование. – 2007. – №6. – С. 3–7.

12. *Чошанов А.М.* Дидактическая инженерия: история, современность и перспективы развития. URL: http://ifets.ieee.org/russian/depository/dis_23.txt, (дата обращения: 17.11.2009).

13. *Ядровская М.В., Поркшеян В.М.* Моделирование в игровых технологиях // Сборник материалов педагогов МОУСОШ «Финист» «Играем-Учимся-Живем…». – Ростов-на-Дону: Булат, 2009. – 156 с.

14. *Якунин В.А.* Педагогическая психология. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2000. – 349 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 37

Бабанов Сергей Анатольевич
доктор медицинских наук, доцент
Самарский государственный медицинский университет
s.a.babanov@mail.ru

СИНДРОМ «ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ»

Статья посвящена проблеме преодоления профессионального стресса; представлены результаты изучения синдрома «эмоционального выгорания» среди различных профессиональных групп, в том числе врачей, среднего медицинского персонала и студентов-медиков.

Ключевые слова: *стресс, факторы профессионального стресса, психосоматические расстройства, «синдром выгорания».*

Проблема профессионального стресса особенно остро заявила о себе в настоящее время. Несомненно, что в современном постиндустриальном обществе меняется отношение людей к работе: теряется уверенность в стабильности своего социального и материального положения, в гарантированности рабочего места, материального благополучия, обостряется конкуренция за престижную и высокооплачиваемую работу. Параллельно идут процессы узкой специализации в профессии и, одновременно, глобализации со смежными отраслями, быстро меняются запросы рынка труда.

Человек, встречаясь с какой-то сложностью, не может полноценно реализовать накопившуюся энергию (вызванную физиологическим механизмом стресса), и тогда эта энергия начинает разрушать самого человека. В итоге, вместо вполне нормальных стрессовых реакций, человека начинают разрывать на части механизмы дистресса, когда энергия не может реализоваться в каких-то конструктивных действиях [1, с. 4–11].

Как следствие, растет психическое, эмоциональное напряжение, связанное со стрессом на рабочем месте. Выявляются тревога, депрессия, синдром «эмоционального выгорания», психосоматические расстройства, зависимость от психоактивных веществ (включая алкоголь, транквилизаторы и прочие психактивные вещества.). Так, по нашим данным, на употребление алкоголя указывают 81,39% опрошенных врачей, 85,89% средних медицинских работников, 79,75% студентов-медиков (при этом 33,27% студентов употребляют слабоалкогольные напитки (пиво, алкогольные коктейли) более 1 раза в неделю) [2].

На Европейской конференции ВОЗ (2005 г.) отмечено, что стресс, связанный с работой, является важной проблемой примерно для одной трети трудящихся стран Европейского Союза и стоимость решения проблем с психическим здоровьем в связи с этим составляет в среднем 3–4% валового национального дохода.

Синдром «эмоционального выгорания» («синдром психического выгорания», «информационный невроз», «синдром менеджера») представляет собой состояние эмоционального, умственного истощения, физического утомления, возникающее в результате хронического стресса на работе, при этом его развитие характерно в первую очередь для профессий, где доминирует оказание помощи людям (медицинские работники, учителя, психологи, социальные работники, работники правоохранительных органов, сотрудники МЧС (спасатели, пожарные)). В большой степени это характерно и для медиков-управленцев (Мальцев В.Н., 1992; Амиров Н.Х., 2005).

Первые работы по этой проблеме появились в 70-е годы в США. Американский психолог и психиатр Х. Френденбергер (H. Frendenberger), работавший в альтернативной службе медицинской помощи, в 1974 году описал феномен, который наблюдал у себя и своих коллег (истощение, потеря мотиваций и ответственности) и назвал его запоминающейся метафорой —«burnout» (выгорание).

Социальный психолог Кристина Маслач (Maslac K., 1976 г.) определила синдром эмоционального выгорания как синдром физического и эмоционального истощения, включая развитие отрицательной самооценки, отрицательного отношения к работе, утрату понимания и сочувствия

© Бабанов С.А., 2010

по отношению к клиентам или пациентам. Позднее К. Кондо (Condo C.) определяет «burnout» как «состояние дезадаптированности к рабочему месту из-за чрезмерной рабочей нагрузки и неадекватных межличностных отношений». Р. Кочюнас дает определение «синдрому сгорания» как «сложному психофизиологическому феномену, сопровождающемуся эмоциональным, умственным и физическим истощением из-за продолжительной эмоциональной нагрузки».

По В.В. Бойко (1999), «эмоциональное выгорание» – «выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций (понижения их энергетики) в ответ на их избранные психотравмирующие воздействия». Профессиональное выгорание он отличает от различных форм эмоциональной ригидности, которая определяется органическими причинами – свойствами нервной системы, степенью подвижности эмоций, психосоматическими нарушениями. По Т.В. Форманюк, «синдром эмоционального выгорания» – «специфический вид профессионального заболевания лиц, работающих с людьми» (учителей, психологов, психиатров и т.п.). При этом для уточнения списка людей, подверженных профессиональному выгоранию, автор использует исследования А.С. Шафрановой (1924) по классификации профессий на основе «преобладания присутствия творческого начала». В Международной классификации болезней (МКБ-X) синдром эмоционального выгорания отнесен к рубрике Z73 – «стресс, связанный с трудностями поддержания нормального образа жизни».

Согласно «Списку профессиональных заболеваний», утвержденному приказом №90 МЗ и МП РФ от 14.03.1996 г. «О порядке проведения предварительных и периодических медицинских осмотров работников и медицинских регламентах допуска к профессии», в отечественной профпатологии рассматриваются профессиональные неврозы медицинских работников, определяющиеся как психогенные функциональные расстройства психических (преимущественно эмоционально-волевых) и нейровегетативных функций при сохранении у больного достаточно правильного понимания и критической оценки симптоматики, себя и окружающего с негрубым нарушением социальной адаптации (Михалев С.В., 2007; Бунькова К.М., 2008), что, по нашему мнению, идентично синдрому «профессионального выгорания».

Эпидемиология и факторы риска. Основной причиной синдрома «эмоционального выгорания» считается психологическое, душевное переутомление. К профессиональным факторам риска относят прежде всего «помогающие», альтруистические профессии: врачей, особенно оказывающих психиатрическую, ургентную или паллиативную помощь (онкологи, врачи хосписов), работающих с тяжелыми, агрессивными или суицидальными больными, пациентами с наркотической или алкогольной зависимостью, а также учителей, психологов, священнослужителей, социальных работников, пожарных и спасателей, сотрудников правоохранительных органов и уголовно-исполнительной системы. Среди медицинских работников наиболее подвержены синдрому «эмоционального выгорания» те специалисты, которых в наибольшей степени отличают такие личностные качества, как повышенное чувство ответственности, готовность всегда прийти на помощь больному, стремление быть нужным, желание оказать психологическую поддержку, высокая степень нравственного долга перед пациентом и желание соответствовать определенным этико-деонтологическим требованиям, переживания по поводу своей профессиональной компетентности и др. [2; 3].

По данным английских исследователей, среди врачей общей практики обнаруживается высокий уровень тревоги в 41% случаев, клинически выраженная депрессия – в 26% случаев. Треть врачей использует медикаментозные средства для коррекции эмоционального напряжения, количество употребляемого алкоголя превышает средний уровень.

Выделяют три основных фактора, играющие существенную роль в синдроме эмоционального выгорания – личностный, ролевой и организационный.

Личностный фактор. Психолог Х. Френденбергер описывает «сгорающих» как сочувствующих, гуманных, мягких, увлекающихся, идеалистов, ориентированных на людей, и одновременно неустойчивых, интровертированных, одержимых навязчивыми идеями (фанатичные), «пламенных» и легко солидаризирующихся.

Ролевой фактор. Установлена связь между ролевой конфликтностью, ролевой неопределенностью и эмоциональным выгоранием. Работа в ситуации распределенной ответственности ограничивает развитие синдрома «эмоционального выгора-

ния», а при нечеткой или неравномерно распределенной ответственности за свои профессиональные действия этот фактор резко возрастает даже при существенно низкой рабочей нагрузке. Способствуют развитию эмоционального выгорания те профессиональные ситуации, при которых совместные усилия не согласованы, нет интеграции действий, имеется конкуренция, в то время как успешный результат зависит от слаженных действий.

Организационный фактор. К основным организационным факторам, способствующим «выгоранию», относятся: высокая рабочая нагрузка; отсутствие или недостаток социальной поддержки со стороны коллег и руководства; недостаточное вознаграждение за работу; высокая степень неопределенности в оценке выполняемой работы; невозможность влияния на принятие решений; двусмысленные, неоднозначные требования к работе; постоянный риск штрафных санкций; однообразная, монотонная и бесперспективная деятельность; необходимость внешне проявлять эмоции, не соответствующие реалиям; отсутствие выходных, отпусков и интересов вне работы. Другой фактор развития эмоционального выгорания – дестабилизирующая организация деятельности и неблагополучная психологическая атмосфера в коллективе.

Купер и Маршалл исследовали источники стресса работников интеллектуального труда и выявили следующие их группы:

1. Факторы профессионального стресса, связанные с трудовой деятельностью:

1.1. перегрузи или недогрузки работой. Перегрузка работой ставит человека перед проблемой, может ли он справиться с заданием. В этом случае обычно возникает беспокойство, фрустрация (чувство крушения), а также чувство безнадежности и материальных потерь. Однако недогрузка может вызвать точно такие же чувства. Работник, не получающий работы, соответствующей его возможностям, обычно чувствует фрустрацию, беспокойство относительно своей ценности и положения в социальной структуре организации и ощущает себя явно невознагражденным;

1.2. плохие физические условия труда, например, отклонение в температуре помещения, плохое освещение или чрезмерный шум;

1.3. дефицит времени (когда все время что-то не успеваешь сделать);

1.4. необходимость самостоятельного принятия решения.

2. Факторы стресса, связанные с ролью работника в организации:

2.1. ролевая неопределенность, например недостаточная информированность о профессиональных обязанностях и соответствующих ожиданиях со стороны коллег и начальства. Люди должны иметь правильное представление об ожиданиях руководства – что они должны делать, как они должны делать и как их после этого будут оценивать;

2.2. ролевой конфликт, когда субъект считает, что он делает то, чего не должен или чего не желает делать. Конфликт ролей может также произойти в результате нарушения принципа единоначалия. Два руководителя в иерархии могут дать работнику противоречивые указания;

2.3. ответственность за других людей и за какие-то вещи (за оборудование, за бюджет и т.п.). Заметим, что ответственность за людей более стрессогенна;

2.4. слишком низкая ответственность, больно бьющая по самолюбию и очень расхолаживающая в работе;

2.5. малая степень участия в принятии решений в организации.

3. Факторы стресса, связанные с взаимоотношениями на работе:

3.1. взаимоотношения с руководством, подчиненными, коллегами. Интересно, что для руководителей с научной и технической ориентацией отношения с другими людьми менее значимы, чем для руководителей, ориентированных на человеческие контакты;

3.2. трудности в делегировании полномочий (например, отказ подчиненных выполнять распоряжения руководителя).

4. Факторы, связанные с деловой карьерой:

4.1. два основных стрессогенных фактора – профессиональная «неуспешность» и боязнь ранней отставки;

4.2. статус несоответствия, медленное или слишком быстрое продвижение, фрустрация из-за достижения «предела» своей карьеры;

4.3. отсутствие гарантированной работы (постоянное ожидание каких-то изменений, нестабильность);

4.4. несоответствие уровня притязаний данному профессиональному статусу.

5. Факторы, связанные с организационной структурой и психологическим климатом:

5.1. неэффективное консультирование (невозможность получить своевременную квалифицированную помощь по ряду важных вопросов);

5.2. ограничение свободы поведения, интриги и т.п.

6. Внеорганизационные источники стрессов:

6.1. основные проблемы работника, возникающие в семейной жизни: распределение времени (работник мечется между семьей и работой; таким образом, сам он «нуждается в социальной поддержке для борьбы с "подводными камнями" семейной жизни»); перенесение кризисов из одной ситуации в другую;

6.2. мобильность работника ведет к обострению конфликтов в семье, когда необходимо менять место жительства и т.п.;

6.3. различия по психометрическим данным: экстерналы более адаптивны к различным ситуациям, чем интерналы; «ригидные» больше реагируют на неожиданности, идущие «сверху», от начальства; «подвижные» чаще оказываются перегруженными работой, ориентированные на достижение показывают большую независимость и включенность в работу, чем ориентированные на безопасность и спокойствие.

Обращает на себя внимание тот факт, что в последнее время «синдром выгорания» выявляется и у специалистов, для которых контакт с людьми вообще не характерен (компьютерные специалисты: программисты, системные администраторы).

Психосоматический статус и диагностика. В настоящее время выделяют около более ста психосоматических симптомов и феноменов, так или иначе связанных с синдромом «эмоционального выгорания». Прежде всего, следует отметить, что условия профессиональной деятельности порой могут явиться и причиной синдрома хронической усталости, который, кстати, довольно часто сопутствует синдрому «эмоционального выгорания». При синдроме хронической усталости пациентов беспокоит прогрессирующая усталость, снижение работоспособности; плохая переносимость ранее привычных нагрузок; мышечная слабость; боль в мышцах; расстройства сна; головные боли; забывчивость; раздражительность; снижение мыслительной активности и способности к концентрации внимания, может регистрироваться длительный субфебрилитет, боли в горле.

Известно, что развитию синдрома «эмоционального выгорания», **предшествует период повышенной активности,** когда человек полностью поглощен работой, забывает о собственных потребностях, нуждах, с ней не связанных, затем наступает первый признак – истощение, определяющееся как чувство перенапряжения и исчерпания эмоциональных и физических ресурсов, чувство усталости, не проходящее после ночного сна.

Вторым признаком синдрома эмоционального выгорания является – личностная отстраненность, которую профессионалы, испытывающие «выгорание», используют как попытку справиться с эмоциональными стрессовыми агентами на работе. В крайних проявлениях работающего человека почти ничего не волнует из профессиональной деятельности, почти ничто не вызывает эмоционального отклика – ни положительные обстоятельства, ни отрицательные. Утрачивается интерес к профессиональным контактам, к больным, студентам, ученикам, они воспринимаются как неодушевленные предметы, само присутствие которых порой неприятно.

Третьим признаком синдрома выгорания является ощущение утраты собственной эффективности или падение самооценки в рамках «выгорания». Люди не видят дальнейших перспектив для своей профессиональной деятельности, снижается удовлетворение работой, утрачивается вера в свои профессиональные возможности.

Выделяют пять ключевых групп симптомов, характерных для синдрома выгорания:

Физические симптомы: усталость, физическое утомление, истощение, недостаточный сон, бессонница, затрудненное дыхание, одышка, тошнота, головокружение, чрезмерная потливость, дрожание, артериальная гипертензия, ишемическая болезнь сердца, аритмии.

Эмоциональные симптомы: недостаток эмоций, пессимизм, цинизм и черствость в работе и личной жизни, безразличие, усталость, ощущения фрустрации, беспомощности, безнадежности, раздражительность, агрессивность, тревожность, неспособность сосредоточиться, депрессия, чувство вины, потеря идеалов, надежд или профессиональных перспектив, увеличение деперсонализации своей или других (люди становятся безликими, как манекены), преобладание чувства одиночества.

Поведенческие симптомы: рабочее время больше 45 часов в неделю, во время рабочего дня появляются усталость и желание прерваться, отдохнуть, безразличие к еде; малая физическая нагрузка, употребление табака, алкоголя, лекарств, импульсивное эмоциональное поведение.

*Интеллектуальное состояние: у*меньшение интереса к новым теориям и идеям в работе, уве-

личение скуки, тоски, апатии или недостаток куража, вкуса и интереса к жизни, увеличение предпочтения шаблонам, рутине, безразличие к новшествам, нововведениям, отказ от участия в развивающих экспериментах (тренингах, образовании), формальное выполнение работы.

Социальные симптомы: отсутствие времени или энергии для социальной активности, уменьшение активности и интереса к досугу, ограничение социальных контактов работой, скудные взаимоотношения с другими как дома, так и на работе, ощущение изоляции, непонимания других и другими, ощущение недостатка поддержки со стороны семьи, друзей, коллег.

Особо выделяется группа самых разнообразных психосоматических расстройств – от возникновения развития артериальной гипертензии до инфарктов и инсультов. E. Maher в своем перечне указывает на различные симптомы, способные быть объединенными в одну группу: аддиктивное поведение (злоупотребление чаем, кофе, табаком, алкоголем, наркотиками, а также переедание или голодание). А.Р. Назмутдинов расширяет список вариантов аддикции – прежде всего среди нефармакологических – при синдроме «эмоционального сгорания»: азартное поведение, работоголизм, реже – другие формы аддикций (например, уход в религию).

Особенности «синдрома выгорания» у представителей некоторых профессий. Согласно концепции возникновения и развития стресса, разработанной канадским физиологом Гансом Селье, работа в стрессовой обстановке приводит к мобилизации внутренних ресурсов и может вызвать как острые нарушения, так и отсроченные последствия. На протяжении первых трех лет воздействия стресс-факторов возрастает число острых состояний и реакций (психозы, инфаркты), а затем начинают преобладать хронические болезни (ишемическая болезнь сердца, депрессия, болезни почек, иммунологические заболевания и др.). Количество стресс-реакций возрастает по «принципу ускорения», когда уже развившаяся стресс-реакция приводит к изменениям в жизни и новым стрессам, и «принципу заразительности», весьма выраженному в производственных коллективах.

В связи с этим синдром эмоционального выгорания характерен для представителей коммуникативных профессий: врачи, медицинский персонал, учителя, психологи, представители различных сервисных профессий, руководители-менеджеры. В контексте профессиональной деятельности негативные последствия межличностных коммуникаций обозначаются понятием «профессиональное выгорание», имеющим прямое отношение к сохранению здоровья, психической устойчивости, надежности и профессиональному долголетию указанных специалистов.

Среди производственных стресс-факторов можно выделить: физические (вибрация, шум, загрязненная атмосфера); физиологические (сменный график, отсутствие режима питания) (оригинальные исследования саратовского профпатолога А.Д Трубецкова, 1999); социально-психологические (конфликт ролей и ролевая неопределенность, перегрузка или недогрузка работников, неотлаженность информационных потоков, межличностные конфликты, высокая ответственность, дефицит времени); структурно-организационные («организационный стресс»).

Существует тесная взаимосвязь между профессиональным «выгоранием» и мотивацией деятельности. «Выгорание» может приводить к снижению профессиональной мотивации: напряженная работа постепенно превращается в бессодержательное занятие, появляется апатия и даже негативизм по отношению к своим обязанностям, которые сводятся к минимуму. Психическому «выгоранию» в большей степени подвержены трудоголики – те, кто работает с высокой самоотдачей, ответственностью, установкой на постоянный рабочий процесс.

Возникновению синдрома «эмоционального выгорания» способствует молодой возраст, отсутствие жизненного и практического опыта. Провоцировать «синдром выгорания» могут болезни, ослабленность после болезни, переживание тяжелого стресса, психологические травмы (развод, смерть близкого или пациента).

Более всего риску возникновения профессионального выгорания подвержены **медицинские работники**, предъявляющие непомерно высокие требования к себе. Так, настоящий медик в их представлении – это образец профессиональной неуязвимости и совершенства. Входящие в эту категорию личности ассоциируют свой труд с предназначением, миссией, поэтому у них стирается грань между работой и частной жизнью. Сложный морально-психологический климат в коллективе, несоблюдение этических и деонтологических норм, особенно со стороны администрации, а также ревность коллег и даже вполне

законные и справедливые нарекания руководства заставляют специалиста слишком много сил тратить на сдерживание негативных эмоций.

Выделяют три типа медицинских работников, которым угрожает развитие профессионального выгорания: 1-й – «педантичный», характеризующийся добросовестностью, возведенной в абсолют, чрезмерной, болезненной аккуратностью, стремлением в любом деле добиться образцового порядка (даже в ущерб себе); 2-й – «демонстративный», стремящийся первенствовать во всем, всегда быть на виду. Этому типу свойственна высокая степень истощаемости при выполнении даже незаметной рутинной работы; 3-й – «эмоциональный», состоящий из впечатлительных и чувствительный людей. Их отзывчивость, склонность воспринимать чужую боль как собственную граничит с саморазрушением. Так, согласно исследованиям русского физиолога И. П. Павлова, неврозы возникают на основе преимущественно слабого и отчасти сильного безудержного типа высшей нервной деятельности.

Профессиональная деятельность работников сферы психического здоровья несет в себе потенциальную угрозу развития синдрома «эмоционального выгорания», так как является публичной, подразумевает необходимость работы с большим количеством людей и предполагает оказание медицинских услуг пациентам. Причем последние отличаются от лиц основной массы населения психической неуравновешенностью и девиантным поведением в той или иной форме. Личностные черты эмоциональной неустойчивости, робости, подозрительности, склонности к чувству вины, консерватизма, импульсивности, напряженности, интраверсии имеют определенное значение в формировании профессионального «выгорания». В картине синдрома у работников этой сферы преобладают симптомы фазы «резистенции». Это проявляется неадекватным эмоциональным реагированием на пациентов, отсутствием эмоциональной вовлеченности и контакта с клиентами, утратой способности к сопереживанию пациентам, усталостью, ведущей к редукции профессиональных обязанностей и негативному влиянию работы на личную жизнь. Подвержены формированию профессионального выгорания и **другие категории медицинских работников,** прежде всего те, кто осуществляет уход за тяжелыми больными с онкологическими заболеваниями, СПИДом, в ожоговых и реанимационных отделениях.

Сотрудники «тяжелых» отделений постоянно испытывают состояние хронического стресса в связи с негативными психическими переживаниями, интенсивными межличностными взаимодействиями, напряженностью и сложностью труда и пр. А в результате постепенно формирующегося профессионального «выгорания» возникают психическая и физическая усталость, безразличие к работе, снижается качество оказания медицинской помощи, порождается негативное и даже циничное отношение к пациентам.

Профессиональная деятельность работника социальной сферы, вне зависимости от вида исполняемой работы, относится к группе профессий с повышенной моральной ответственностью за здоровье и жизнь отдельных людей, групп населения и общества в целом. Она требует большой эмоциональной нагрузки, ответственности и имеет весьма неопределенные критерии успеха. Негативное влияние на здоровье оказывают постоянные стрессовые ситуации, в которые попадает этот работник в процессе социального взаимодействия с клиентом, постоянного проникновения в суть его проблем, а также по причине личной незащищенности и других морально-психологических факторов.

В значительной степени подвержены развитию профессионального выгорания **педагоги** (в том числе и преподаватели медицинских вузов). Объясняется это тем, что профессиональный труд педагогов отличается очень высокой эмоциональной напряженностью. Известно большое количество объективных и субъективных эмоциогенных факторов, которые оказывают негативное воздействие на труд педагога, вызывая сильное эмоциональное напряжение и стресс. Следует также учитывать, что это одна из профессий альтруистического типа, где вероятность возникновения психического «выгорания» достаточно высока.

Эмоциогенные факторы вызывают нарастающее чувство неудовлетворенности, накопление усталости, что ведет к кризам в работе, истощению и «выгоранию». Сопутствуют этому физические симптомы: астенизация, частые головные боли и бессонница. Кроме этого, возникают психологические и поведенческие симптомы: чувства скуки и обиды, снижение энтузиазма, неуверенность, раздражительность, неспособность принимать решения. В результате всего этого снижается эффективность профессиональной деятельности педагога и преподавателя. Нарастающее чувство

неудовлетворенности профессией ведет к снижению уровня квалификации и обусловливает развитие процесса психического «выгорания».

К категории работников, подверженных риску развития профессиональной деформации, относятся и **сотрудники уголовно-исполнительной системы.** Этому способствует множество физиологических, психологических, экономических и социальных факторов. Так, решение профессиональных задач требует от служащих пенитенциарных учреждений интенсивного общения и умения строить свои взаимоотношения с осужденными и коллегами. К факторам, способствующим развитию профессионального «выгорания», помимо трех основных (личностные, ролевые и организационные) относятся дополнительные, характерные для пенитенциарной службы, такие как неудовлетворенность материальных потребностей, низкий статус в профессиональной группе, снижение смысложизненных представлений и др.

Синдрому профессионального выгорания подвержены и **сотрудники правоохранительных органов**, особенно те, кто постоянно находится на передовой линии борьбы с преступностью. Развитие состояния невротизации обусловлено в этой группе постоянным психологическим и физиологическим напряжением и даже перенапряжением. Существуют работы по профессиональному стрессу среди работников налоговой системы, доказано, что по мере развития стресса повышается риск развития сердечно-сосудистых заболеваний (ишемической болезни сердца и артериальной гипертензии).

Одной из причин развития профессионального «выгорания» является то, что во время обучения будущие специалисты имеют дело, во-первых, с красивыми лозунгами («светя другим – сгораю сам» – у медиков, «сеять разумное, доброе, вечное» – у педагогов, и т. п.). Студенты, осваивая азы и приобретая «книжные» знания, придя на рабочее место, сталкиваются с суровой, реальной клинической практикой.

Лечение и профилактика синдрома эмоционального выгорания. Профилактические, лечебные и реабилитационные мероприятия должны направляться на снятие действия стрессового агента: снятие производственного напряжения, повышение профессиональной мотивации, установление баланса между затраченными усилиями и получаемым результатом. При развитии признаков синдрома «эмоционального выгорания» у пациента необходимо обратить внимание на улучшение условий его труда (организационные мероприятия), характер межличностных взаимоотношений в коллективе, личностные реакции и заболеваемость.

Существенная роль в борьбе с синдромом «эмоционального выгорания» отводится, прежде всего, самому пациенту. Представляется целесообразным для профилактики профессионального выгорания необходимость

– определения краткосрочных и долгосрочных целей (это не только обеспечивает обратную связь, свидетельствующую о том, что пациент находится на верном пути, но и повышает долгосрочную мотивацию);

– достижения краткосрочных целей – успех, который повышает степень самомотивации);

– использования «технических перерывов», что необходимо для обеспечения психического и физического благополучия (отдых от работы);

– освоения путей управления стрессом – изменения социального, психологического и организационного окружения на рабочем месте; обеспечения большей автономии работника; построения «мостов» между работой и домом; повышения квалификации; создания в организации благоприятного социально-психологического климата; организации спецтренингов, обучения работников приемам релаксации, ауторегуляции, самопрограммирования;

– профессионального развития и самосовершенствования (одним из способов предохранения от профессионального «выгорания» является обмен профессиональной информацией с представителями других служб, что дает человеку более широкое ощущение и понимание мира, нежели тому, кто существует внутри отдельного коллектива; для этого существуют различные способы – циклы повышения квалификации, конференции, симпозиумы, конгрессы);

– ухода от ненужной конкуренции (бывают ситуации, когда ее нельзя избежать, но чрезмерное стремление к выигрышу порождает тревогу, делает человека агрессивным, что способствует возникновению профессионального выгорания);

– поддержания хорошей физической формы (сбалансированное питание, ограничение употребления алкоголя, отказ от табака, коррекция веса).

Кроме этого, в целях направленной профилактики профессионального «выгорания» следует стараться рассчитывать и обдуманно распреде-

лять свои нагрузки; учиться переключаться с одного вида деятельности на другой; проще относиться к конфликтам на работе; не пытаться быть лучшим всегда и во всем. **Помните: работа – всего лишь часть жизни.**

Библиографический список

1. *Бойко В.В.* Правила эмоционального поведения. – СПб., 1998.

2. *Бабанов С.А.* Образ жизни медицинских работников // Врач. – 2007. – Май (спец. выпуск).

3. *Косарев В.В., Бабанов С.А.* Профессиональные заболевания медицинских работников. – Самара: Офорт, 2009. – 232 с.

4. *Орел В.Е.* Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22. – №1. – С. 90–101.

5. *Селье Г.* Очерки об адаптационном синдроме. – М., 1960.

6. *Скугаревская М.М.* Синдром эмоционального выгорания // Медицинские новости. – 2002. – №7. – С. 3–9.

7. *Crane M.* Why burn-out doctors get suet more often // Medical Economics. – 1988. – Vol. 75(10). – P. 210–212.

8. *Felton J.S.* Burnout as a clinical entity – its importance in health care workers // Occupational medicine. – 1998. – Vol. 48. – P. 237–250.

9. *Holloway F., Szmukler G., Carson J.* Support systems. 1. Introduction // Advances in Psychiatric Treatment. – 2000. – Vol. 6. – P. 226–235.

10. *Von Oncuil J.* ABC of work related disorders: stress at work // British Medical Journal. – 1996. – Vol. 313. – P. 745–748.

11. World Health Organization. The ICD-10 Classification of Mental and Behavioral Disorders: clinical descriptions and diagnostic guidelines. – Geneva: WHO, 1992.

УДК 378

Баранская Светлана Сергеевна
Санкт-Петербургский государственный университет
phatima@mail.ru

ПРОБЛЕМА ЭТИМОЛОГИИ ПОНЯТИЯ «ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ»

Существует большое разнообразие в подходах, определении и трактовке лояльности различными авторами, что делает создание её единой описательной модели невозможным. Вместе с тем исследование лояльности имеет большую практическую значимость для построения эффективной системы управления персоналом и представлений о развитии организации в целом.

Ключевые слова: *организационная лояльность, законопослушность, преданность, верность, organizational commitment, вовлечённость в работу, вовлечённость в профессию, гражданское поведение, демонстрируемая лояльность.*

Термин «лояльность» происходит от старофранцузского прилагательного «loyal» – «преданный, верный». На сегодняшний день прилагательное loyal считается устаревшим и не используется в современном французском языке.

Достоверно известно, что источником терминов для многих романских языков явился латинский язык. Во многих европейских государствах именно латынь была основным языком литературы, науки, официальных бумаг и даже религии. На латинском языке защищались диссертации, создавались научные тексты и велась переписка с иностранными специалистами. Всё это способствовало созданию международной базы научной терминологии.

Французское прилагательное «loyal» также имеет латинский корень, относящийся к юридическому термину «legalis» – «законный» (от lex – закон) [9, с. 572]. Это во многом объясняет один из подтекстов современного перевода данного термина на русский язык, где «лояльный» определяется как [4, с. 333]:

1. Держащийся формально в пределах законности, благожелательного нейтрально-корректного отношения к кому-чему-либо.

2. Верный, преданный, приверженный кому-чему-либо.

Таким образом, понятие «лояльность» в переводе на русский язык получает несколько вариантов трактовки с разными акцентами. С одной стороны, лояльность связывается с поняти-

© Баранская С.С., 2010

ем законопослушности, соблюдением правил, формальностей, принятых в данном месте и на данный момент. При этом важно подчеркнуть, что принятие и разделение существующих правил и норм могут быть как искренними, так и демонстративными, создающими лишь видимость принятия. Главное – формальное законопослушное поведение.

С другой стороны, лояльность рассматривается как синоним прилагательных «верный», «преданный». В этом случае необходимо более глубоко понять смысл данных синонимов. Так, наример, «верность» также может пониматься неоднозначно:

1. «Верность» как соответствие истине, правильность, несомненность.

2. «Верность» как надёжность, непоколебимость. В этом случае слово «верный» происходит от понятия «веры», которая имеет смысл надёжности, прочности (от еврейского «emun» – «подтвердить», «утвердить», «укрепить»). «Вера», в свою очередь, имеет смысл некритичного, несомненного, полного принятия кого/чего-либо без обязательной явной рациональной основы и требований фактических и формально-логических доказательств [1, с. 80–82].

Обе трактовки верности подразумевают безоговорочное принятие, признание истинным определённого реального или абстрактного объекта. Это указывает на преобладание эмоционального, иррационального компонента в основе феномена верности.

Слово «преданность», которое также употребляется в качестве синонима лояльности, подразумевает передачу себя в чьи-либо руки, готовность пожертвовать собой во имя кого/чего-либо, служение кому/чему-либо. Однако в слове «преданность» не содержится глубинного смысла, указывающего на такие чувства, как любовь, вера. Поэтому сохраняется возможность того, что предпосылками преданности могут стать, например, некоторое материальное вознаграждение, признание или ситуация взаимовыгодного обмена услугами. В отличие от иррациональной верности, преданность может являться следствием рационального, продуманного решения.

Таким образом, хотя верность и преданность достаточно близки друг другу и в повседневной жизни считаются взаимозаменяемыми, они, тем не менее, не являются одинаковыми в полном смысле чувствами.

Благодаря этимологическому анализу слова «лояльность» становится возможным более глубокое обоснование споров относительно её сути и происхождения среди современных исследователей. Понятия «законопослушности» и «верности» стали предпосылкой для формирования двух разных взглядов на лояльность и лояльного человека:

– лояльность как основа организационной безопасности и благонадёжности, базирующаяся на соблюдении норм и правил и проявляющаяся в корректном, нейтральном отношении к своей организации (И.Г. Чумарин, К.В. Харский, А. Ковров);

– лояльность как верность, эмоциональная привязанность сотрудника к организации, желание быть её частью и служить на благо её процветания (М.И. Магура, Л. Портер, Я. Браун).

Кроме русскоязычных синонимов организационной лояльности, дополнительную трудность в изучении её природы составляют европейские термины. Так, Д. Орган [12] описывает феномен «гражданского поведения» (organizational citizenship behavior), состоящий, согласно его модели, из таких компонентов, как альтруизм, сознательность, вежливость, стойкость и гражданственность. При более подробном изучении данных компонентов становится очевидным, что они совпадают с критериями, используемыми как российскими, так и зарубежными авторами для описания проявлений организационной лояльности. М. Болино и Ч. Хьюи [5, с. 82–98; 8, с. 822–828] отмечают ценность сотрудников, демонстрирующих подобное поведение, однако используют при этом термин «просоциальное поведение». Таким образом, появляется ещё один смысловой аналог термина «лояльность».

Достаточно часто в западных исследованиях употребляют термин «organizational commitment», имеющий при переводе на русский язык смысл соглашения, залога или обязательства по отношению к организации. Однако Р. Браун [6, с. 230–251] рассматривает данный термин гораздо шире, включая в него как вышеперечисленные смыслы, так и дополнительные: вовлечённости и преданности сотрудника. Наличие подобных подтекстов внутри одного термина – «organizational commitment» – не способствует возможности формирования единого понимания лояльности разными авторами даже в пределах англоязычной научной литературы.

Несмотря на наличие многочисленных синонимов, организационная лояльность рассматривается рядом авторов с позиции её доминирующей внутренней составляющей. Это может быть исключительно личный, эгоистичный интерес сотрудника, реализующийся им в данной организации, или же искренняя привязанность к организации и забота, прежде всего, о её интересах. В обоих случаях речь идёт о внешней демонстрации сотрудником лояльного, просоциального поведения. Однако исходные мотивы такой лояльности являются прямо противоположенными. Это приводит к необходимости разграничения теоретических смыслов лояльности и особого внимания при употреблении данного термина. На наличие подобной проблемы также указывают сложности и с практическими исследованиями организационной лояльности: полученные результаты чаще всего отражают лишь поведенческую составляющую, сильное влияние на которую оказывает стремление сотрудников демонстрировать социально одобряемое поведение. Так, М. Болино [3, с. 352] отмечает, что сотрудники, чьё поведение расценивается как просоциальное, могут быть как «хорошими солдатами», так и «хорошими актёрами».

Эта проблема затрагивается и в концепции Д. Руссо [7, с. 112–136], который рассматривает отношения сотрудника с организацией как психологический контракт, включающий в себя представления о взаимных обязательствах. Данный контракт расположен на конитууме от транзактного до реляционного контракта. Транзактный контракт, основанный на корыстном взаимовыгодном финансовом обмене, соответствует, согласно концепции автора, индифферентному или даже асоциальному поведению. То есть представляет собой «нулевую» лояльность, максимум которой – законопослушное корректное поведение сотрудника в обмен на личные «блага» от организации. Просоциальное поведение соответствует лишь реляционному контракту, когда одна из сторон может поставить интересы второй выше собственных. В этом случае можно не просто наблюдать демонстрацию лояльности, но и говорить о возникновении эмоциональной связи, преданного отношения сотрудника к своей организации. Это ещё раз указывает на необходимость уточнения смысла, в котором большинство авторов употребляется термин «лояльность».

Несмотря на совмещение в современном определении лояльности двух рассмотренных подтекстов (законопослушности и преданности/верности), важно понимать их принципиальное различие не только в этимологическом, но и в философско-психологическом смысле. В этом случае речь идёт о нравственном и правовом аспектах лояльности. И. Кант [2] предлагает рассматривать право и мораль как понятия, имеющие общий источник и единую цель. Различие между ними заключается в способах принуждения к поступкам. Для области права, юридического закона, это внешние принуждения со стороны других индивидов либо государства; для морального закона – внутренние побуждения человека, основанные на чувстве долга. Правовой закон служит лишь первой ступенью нравственности, но не более того. В связи с этим, лояльность как законопослушность можно назвать безличной основой, являющейся низшим уровнем лояльности более высокого порядка – преданности и верности.

Это указывает на необходимость разграничения смыслов употребления как самого понятия «лояльность», так и представлений о сути организационной лояльности. Часто под этим термином рассматривается отношение сотрудника не только к своей организации, но и к своей профессиональной деятельности, а также к процессу труда в целом. Акцент на этом немаловажном аспекте делается преимущественно зарубежными авторами. Так, П. Морроу [11, с. 163–164], например, говорит о преданности (в данном случае это синоним лояльности) работе в целом и отдельным её компонентам в частности. К таким компонентам относятся: профессия сотрудника и связанные с ней карьера, специальность, труд как процесс выполнения некоторой деятельности за деньги, а также организация, включающая в себя место работы, коллектив и работодателя. При этом преданность профессии (как и преданность процессу труда) может сопровождаться отсутствием лояльности к организации, то есть организация будет выбираться человеком на основе карьерных ожиданий и предпочтений. В таком случае, если аспекты лояльности в ходе её измерения не будут разделены, возрастает риск ошибки получить данные о лояльности сотрудника своей профессии, а не организации. «Организационная лояльность» скорее будет демонстративной, побочной и иметь источник в удовлетворённости сотрудника карьерными возможностями. Из этого следует, что организации могут часто сменяться человеком в рамках одной и той же профессии.

Соответственно, в данном случае речь об организационной лояльности идти не может.

Лояльность труду и профессии, тем не менее, уже длительное время рассматривается в зарубежных исследованиях в качестве факторов организационной лояльности, отделённых от неё. Р. Канунго [10, с. 33–41] употребляет при этом термины «вовлечённость в профессию» (job involvement) как положительное отношение, приверженность работе по определённой специальности, и «вовлечённость в работу» (work involvement) – отношение к труду как к ценности, играющей важную роль в жизни человека.

Таким образом, подводя итог анализа определений лояльности и её синонимов, можно сделать следующие выводы:

1. Лояльность подразумевает наличие объекта, на который она направлена, и субъекта, проявляющего свою лояльность определённым образом.

2. Объект лояльности задаёт правила, нормы, ценности, с которыми должен считаться субъект лояльности; это одно из важнейших условий и первая ступень, позволяющая говорить о лояльности.

3. Формы проявления лояльности могут быть как исключительно формальными, держащимися в пределах законности, так и личностными, включающими искренние отношения преданности, верности. Переход от простого законопослушания к преданности знаменует собой переход от правового уровня к нравственному.

4. Наличие истоков лояльности в законопослушности позволяет говорить о необходимой справедливости и доверии в отношениях между объектом и субъектом лояльности, обоюдные правах и обязанностях сторон.

5. Многочисленные русскоязычные и англоязычные синонимы лояльности имеют одинаковые смыслы употребления и сводятся к представлениям о законопослушности, преданности и верности как основных формах или же компонентах организационной лояльности.

6. При практическом исследовании организационной лояльности следует учитывать и различать её демонстрируемую и реальную формы, что является, по мнению многих авторов, одной из основных актуальных методологических проблем.

7. Организационную лояльность следует отделять от лояльности профессии и труду, что особенно важно при разработке и выборе методики исследования лояльности. Данный аспект широко представлен в зарубежной научной литературе, однако практически не учитывается российскими исследователями.

Библиографический список

1. *Головин С.Ю.* Словарь психолога-практика. – Минск: Харвест, 2003. – С. 80–82.

2. *Кант И.* Основы метафизики нравственности. – М.: Мысль, 1999. – 1472 с.

3. *Мучински Пол.* Психология, профессия, карьера. – СПб.: Питер, 2004. – 544 с.

4. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М., 2002. – С. 333.

5. *Bolino M.C.* Citizenship and impression management: Good soldiers or good actors? // Academy of Management Review. – 1999. – №24. – С. 82–98.

6. *Brown R.B.* Organizational Commitment: Clarifying the Concept and Simplifying the Existing Construct Typology // Journal of Vocational Behavior. – 1996. – №49. – С. 230–251.

7. *Cooper C.L. & Rousseau D.M.* Changing work relationships in the 1990s // Trends in Organizational Behavior. – New York: Wiley, 1994. – С. 112–136.

8. *Hui Ch., Lam S.K. & Law K.S.* Instrumental Values of Organizational Citizenship Behavior for Promotion: A Field Quasi-Experiment // Journal of Applied Psychology. – 2000. – №85. – С. 822–828.

9. *Jean-François Féraud.* Dictionaire critique de la langue française. – Marseille: Mossy, 1787–1788. – 572 с.

10. *Kanungo R.N.* Work Alienation. – New York: Prager Publisher, 1982. – С. 33–41.

11. *Morrow P.C.* The Theory and Measurement of Work Commitment. – Greenwich: JAI Press, 1993. – С. 163–164.

12. *Organ D.W.* Organizational citizenship behavior: The good soldier syndrome. – Lexington, MA: Lexington Books, 1988. – 132 с.

УДК 74:200.52

Беспятова Людмила Алексеевна
Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского
prof_sochranov@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ ТРЕНЕРОВ К СПОРТИВНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ

В статье раскрываются особенности формирования готовности будущих тренеров в педагогическом процессе факультетов физической культуры и спорта к профессиональной деятельности.

***Ключевые слова**: формирование, готовность, тренер, спортивно-педагогическая работа.*

В обыденном сознании педагогическая деятельность предстает как рядовая, обычная, лишенная каких-либо тайн, ибо каждый человек учился и видел десятки учителей и тысячи уроков, многие из которых уже давно забыты. Многим на основе школьного опыта педагогическая деятельность представляется монотонной, она может отпугивать кажущейся рутиной, повторяемостью уроков, действий, отдаленностью и неочевидностью результатов.

Сегодня, когда образование воспринимается большинством людей как один из высших приоритетов жизни, резко возрастает значимость педагогической деятельности и растет потребность в людях, которые сознательно выбирают педагогическое поприще. Но выбрать профессию и получить образование еще недостаточно, чтобы действительно стать настоящим мастером своего дела.

Педагогическая деятельность – это вид профессиональной деятельности, содержанием которой является обучение, воспитание, образование, развитие обучающихся. Одна из важнейших характеристик педагогической деятельности – ее совместный характер, она обязательно предполагает педагога и того, кого он учит, воспитывает, развивает.

Профессиональная педагогическая деятельность требует специального образования, т.е. овладения системой специальных знаний, умений, навыков, необходимых для выполнения функций, связанных с этой профессией (Л.Ю. Милицкова).

Возникновение трудностей и всевозможных последствий в профориентационной работе со школьниками-спортсменами и студентами физической культуры обусловлено незнанием и игнорированием психических механизмов, лежащих в основе возникновения и формирования у субъекта профессиональной спортивно-педагогической деятельности. В соответствии со структурой профессиональной готовности ее составными компонентами являются эмоциональный, мотивационный, интеллектуальный и волевой.

Студенты факультета физической культуры и спорта являются непроизвольными наблюдателями деятельности, выполняемой их тренером. Положительные эмоции в формировании готовности студентов к спортивно-педагогической деятельности служат источником возникновения мотивов выбора (мотивационный компонент), основанием профессионального выбора и дальнейшего совершенствования этой профессии. В структуре мотивационного компонента проявляется широкий спектр мотивов.

Важной особенностью в формировании профессиональной готовности студентов факультета физической культуры и спорта как будущих тренеров к спортивно педагогической деятельности является организация свободного времени, которая становится социально значимой характеристикой общественного поведения студента и его отношения к будущей педагогической деятельности.

Свободное от учебных занятий время, организованное на факультете физической культуры и спорта, должно представлять собой одну из подсистем образовательного процесса вуза, формирующую профессиональную педагогическую культуру и саморазвитие будущего тренера на основе индивидуально творческого подхода, избирательного отношения к действительности, свободного выбора субъективной позиции, добровольного снятия жизненных ценностей и приоритетов.

Таким образом, многие качества личности студента, приобретаемые в процессе организации свободного времени в вузе, становятся социально и профессионально ориентированными. При этом обязательно необходимо понимание будущим тренером специфики своей деятельности и своего переживания личных временных режимов, которые позволяют ему более целесообразно организовать свое свободное время

© Беспятова Л.А., 2010

и свою деятельность, избегая трудных, личностно неприемлемых режимов.

Так, для деятельности студентов факультета физической культуры и спорта в свободное от учебных занятий время характерны эмоциональная вовлеченность, относительное равновесие объективных и субъективных факторов деятельности при меняющемся их соотношении; ритмическое чередование или гармоническое совмещение интеллектуальной и эмоциональной, творческой и репродуктивной, коллективной и индивидуальной активности при сохранении основного смысла формирования профессионально-педагогической культуры.

В силу личностного осмысления, такая своевременность, становясь способом жизни будущего тренера, определяет его жизненную стратегию. В результате формирования профессионально-педагогической деятельности личности мы получаем стратегию активного преобразования, активного созидания и информационного умножения свободного времени студента. Это отличает целеустремленную личность от личности, предполагающей пассивное перераспределение времени, не способствующее успешной профессиональной самореализации.

Процесс формирования профессиональной готовности у будущих тренеров представляет собой «накопление» структурных компонентов. В эмоциональном компоненте это положительное отношение к профессии, уверенность в правильном ее выборе, удовлетворенность этой профессией и готовность к ней.

Мотивационный компонент включает обоснование выбора профессии, обоснование факторов, обусловливающих этот выбор.

Интеллектуальный компонент наполняется представлением о выбранной профессии, знанием ее ценностей.

Волевой компонент включает активность субъекта при познании и выборе профессии.

В формировании профессиональной готовности у будущих тренеров вскрыт механизм «подкрепления», пусковой кнопкой которого являются положительные результаты выполняемой ими деятельности. Благодаря им осуществляется перестройка в структуре интеллектуального и волевого компонентов профессиональной готовности.

Формирование профессиональной готовности у студентов, вовлеченных в педагогическую деятельность по профилю своей профессии, и у молодых специалистов-тренеров осуществляется через механизм «разрешения противоречий» (Д.М. Лакатош).

К таким противоречиям относятся:

1) противоречие между профессиональными планами и притязаниями субъекта на конкретный результат и фактическим результатом, достигнутым в результате;

2) между стремлением субъекта выразить себя, самоутвердиться и престижностью труда;

3) между возможностями субъекта и требованиями, предъявляемыми к выполняемой деятельности;

4) между сформировавшейся у субъекта профессиональной готовностью и недостаточно выраженной склонностью к педагогической деятельности.

Следует отметить, что не всегда эти противоречия и способы их разрешения ведут к развитию и совершенствованию профессиональной готовности, возможно и ее ослабление, вплоть до смены профессии. Это уже во многом зависит от конкретной личности, ее устремлений, способностей, воли и профессионального окружения.

На вузовском этапе формирования профессиональной готовности студентов факультета физической культуры и спорта к спортивно-педагогической и тренерской деятельности происходит накопление мотивационного компонента: на мотивы выбора профессии наслаиваются мотивы овладения ею. В результате уже на первом году обучения происходит интенсивное развитие интеллектуального компонента и побуждение будущих тренеров к самовоспитанию.

Выявление роли физической культуры в формировании готовности будущих тренеров к профессионально значимому самовоспитанию предполагает выявление сущности процесса самовоспитания (С.Б. Елканов, А.И. Кочетов, Л.И. Рувинский, Д.М. Гришин, Л.Ф. Спирин, В.В. Сохранов и др.). Поиск своего образа (К.К. Платонов, И.С. Кон) в личностном и профессиональном действии является движущей силой самосовершенствования человека в любом возрастном периоде его самореализации. Это положение основано на том, что, во-первых, действуя в постоянно изменяющихся условиях, человек не может оставаться неизменным. Он взаимодействует с окружающей его средой, обществом, социальными группами и самим собой. Он изменяет их и вместе с этим изменяет свою личность.

Во-вторых, человек, как существо сознательное и активное, делает объектом своего сознания и своей воли свою же личность, с учетом внешних требований и собственной мотивации он способен осуществлять саморегуляцию.

Человек – не пассивный объект, а создатель собственного «Я» (И.С. Кон). В профессиональной деятельности изменение самого себя совпадает с процессом изменения условий труда и требований, которые предъявляются к специалистам.

Для теории и практики профессионального самовоспитания важная методологическая позиция – понимание возникновения потребности в самосовершенствовании, которая появляется и развивается в случае толерантного отношения социума к стремлению человека к самостоятельному и вариативному решению возникающих профессиональных проблем.

В процессе профессиональной подготовки у будущих тренеров появляются качества личности (трудолюбие, самостоятельность мышления и поступка) и умения (постановки цели, структурирования своего действия, регулятивные, прогностические и содержательные), благодаря которым он готов к решению профессиональных задач на основе сложившейся социальной ситуации и природных возможностей. Эти качества не только возникают, но и проявляются в учебной деятельности. Да и существуют не иначе, как готовность человека к определенному уровню активности в действии. Будучи усвоенными, профессионально значимые качества и отношения приобретают форму человеческих потребностей, стимулирующих деятельность человека.

К роли потребностей в жизнедеятельности человека следует отнестись с точки зрения диалектики о движущих силах, о причинах развития (К.К. Платонов, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев). Любая потребность отражает взаимосвязь субъекта с совокупностью внутренних и внешних противоречий, являющихся движущими силами его развития. Всегда потребно нечто, чего нет или есть в недостаточном количестве или качестве. Противоречие между тем, что желанно, и тем, чего нет, – вот источник активного поиска, борьбы, преодоления. На примере активной самовоспитательной деятельности это означает, что в личности недостает такого-то жизненно необходимого положительного качества или наличествует такое-то отрицательное, нежелательное качество. Именно в этом смысле развитие личности есть саморазвитие.

Отношения и потребности человека формируются под воздействием объективных и субъективных условий и пронизывают психику человека, его разум, чувства и волю. Одним из таких противоречий является осознание студентом несоответствия своего состояния здоровья требованиям, вытекающим из профессиограммы того вида трудовой деятельности, который составит в будущем основу его профессиональной и личностной самореализации.

Смена неопределенного отношения к профессии на положительное, а также возникновение устойчивого стремления к качественной подготовке себя как профессионала вызывают перестройку в интеллектуальном и волевом компонентах. Ситуативное обращение к специальной литературе сменяется постоянным, происходит повышение волевой активности субъекта в овладении профессией.

Процесс перестройки эмоционального и мотивационного компонентов имеет индивидуальный характер: у одних студентов этот процесс завершается на втором курсе, у других – на третьем, у остальных – еще позже.

Наряду с мотивами выбора профессии формируются мотивы совершенствования своего профессионального мастерства и достижения высоких показателей в работе.

Если к началу профессиональной деятельности молодой специалист руководствовался одними мотивами в своей работе (например, любовью к людям, интересом к спорту), то в процессе приобщения к коллективу и принятия установившихся в нем традиций, требований у него формируется дополнительная мотивация (общественного плана), наполняющая исходную мотивацию новым содержанием. Такая перестройка в структуре профессиональной готовности к спортивно-педагогической деятельности стала возможной посредством воздействия референтной группы на молодого специалиста при условии его полной адаптации к коллективу и профессиональной деятельности.

Организация профориентационной работы со школьниками-спортсменами и студентами физкультурных учебных заведений, молодыми специалистами (тренерами, педагогами) позволит обеспечить правильный выбор профессии школьниками и сформировать устойчивую профессиональную готовность к спортивно-педагогической деятельности у студентов и специалистов.

Библиографический список

1. *Сохранов В.В.* Социально-педагогические основы становления опыта саморегулирования. – Пенза, 1996.
2. *Сохранов В.В. и др.* Формирование у студентов профессиональных умений. – Пенза, 1999.
3. *Сохранов В.В. и др.* Общепедагогические умения и их роль в профессиональной самореализации современного специалиста. – Пенза, 1999.
4. *Сохранов В.В., Лупанова Н.А., Груздова О.Г.* Игра в процессе профессиональной подготовки будущего специалиста. – Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2007.
5. *Сохранов В.В., Лупанова Н.А., Стенякова Н.Е.* Особенности подготовки студентов к профессиональной деятельности в процессе изучения дисциплин педагогического цикла. – Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2007.

УДК 37

Бочманов Александр Валентинович
Курский филиал Орловского юридического института МВД России
klikova-elena@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ БУДУЩИХ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

В статье рассматриваются вопросы формирования профессионального самосознания будущих сотрудников правоохранительных органов и некоторые общие и специфические особенности юридической деятельности.

Ключевые слова: *профессиональное самосознание, правовое сознание, профессиональная деятельность, общие и специфические особенности юридической деятельности.*

Процесс формирования профессионального самосознания исследуется как развитие представлений личности о своих профессиональных качествах, которые необходимы ей для профессиональной деятельности. Развиваясь в ходе деятельности, психические процессы, свойства личности, в том числе и самосознание субъекта, оказывают влияние на успешность осуществления субъектом профессиональной деятельности.

Опираясь на категорию деятельности как непременное условие, детерминирующее личностные характеристики, их конкретные проявления в профессиональной сфере, продуктивность достижений и осознание причинно-следственных отношений на субъективном и объективном уровнях, учеными Л.В. Андреевой, С.Л. Безносовым, В.Л. Васильевым, В.Н. Волковым, М.И. Еникеевым, А.Э. Жалинским, А.Т. Иваницким, М.В. Пряхиной, В.А. Полянской, В.В. Романовым, М.А. Смирновым, К.В. Чуфаровским, Ю.А. Шарановым, Г.Г. Шиханцовым, С.И. Янаевым и другими дано наиболее полное описание юридической деятельности, в основном, под углом зрения задач, которые возложены на правоохранительные органы, а также с формированием в этой связи профессионального самосознания. В исследованиях обозначенных выше авторов отмечается, что юридические специальности весьма разнообразны и по характеру работы, и по ее условиям.

Ученые отмечают необходимость психолого-педагогического анализа деятельности работников правоохранительных органов, так как она является не только обязанностью, но и естественной потребностью, средством реализации потенций личности, протекающей в специфических условиях. Какие же требования предъявляет эта деятельность к будущему специалисту? Прежде всего, эти требования обусловлены спецификой предмета труда юриста, основными особенностями средств юридического труда и специфическими особенностями деятельности.

Как отмечает В.Л. Васильев, «юридический труд весьма разнообразен и сложен и имеет в себе ряд черт, которые отличают его от труда большинства других профессий. Правоохранительная деятельность большинства юридических профессий протекает в области общественных отношений и отличается чрезвычайным разнообразием решаемых задач. Каждое новое дело для следователя, судьи, прокурора, адвоката представляет собой новую задачу, и чем меньше шаблонности будет применяться в их деятельности, тем более правильным будет исход в поисках истины» [1].

© Бочманов А.В., 2010

В.В. Романов выделяет основные особенности профессиональной деятельности юриста, связанные, прежде всего, с правовой регламентацией или нормативностью профессионального поведения, властным, обязательным характером профессиональных полномочий, экстремальным, нестандартным, творческим характером труда юриста, а также с процессуальной самостоятельностью [4, с. 307].

Мы согласны с мнением ученых, относящим к специфическим особенностям данной профессии высокий уровень правосознания, соблюдение нравственных и этических норм, ценностно-правовую ориентацию, высокую степень усвоения принципов и требований права, убежденность в их необходимости и справедливости, высокий уровень когнитивных, организаторских, коммуникативных способностей, развитую речь, творческое воображение, интуицию, оперативность, динамичность, острую наблюдательность, сообразительность.

Рассмотрим подробнее некоторые из этих особенностей.

Правосознание – основной аспект профессиональной направленности личности. Правосознание рассматривается исследователями не просто как общественное, но и как профессиональное правосознание, определяющееся содержанием юридической деятельности.

«Правосознание, – отмечает М.И. Еникеев, – нельзя рассматривать как некое обособленное психическое образование. Правосознание человека определяется его общей ценностной ориентацией в отношении общества, ее способностью к соционормативной саморегуляции» [2, с. 26].

Специфической чертой профессионального сознания юристов является «юридическое мышление», отражающее с помощью «языка закона» содержание правовых явлений и процессов. Юристам присущи умение выражать потребности правового развития общества в юридических понятиях и категориях, оценках тех или иных фактов общественной жизни, поведения людей с точки зрения действующего законодательства. Мировоззрение юриста опосредствуется в правосознании и представляет собой единство правовой идеологии и правовой психологии, и как система правовых знаний, представлений, взглядов и идей, и как совокупность социальных чувств, переживаний, привычек, возникающих в процессе действия правовых норм.

В.Л. Васильев более подробно рассматривает качества творческого мышления, необходимые в юридической деятельности, такие как проблемный характер подхода к изучаемым явлениям, оперативность, динамичность, широта, глубина мышления, а также смелость, оригинальность, обоснованность в выдвижении версий по расследуемому делу [1].

Г.Г. Шиханцов умственную работу юриста сравнивает с работой ученого, поскольку для успешного осуществления процесса расследования требуется целый ряд высокоразвитых интеллектуальных качеств, таких как высокоразвитое творческое воображение, острая наблюдательность, отличная память, умение логически мыслить, быстрая ориентировка, сообразительность, четкость мышления, гибкость, критичность ума [6].

Следует также отметить, что правовое регулирование всей профессиональной деятельности отличает юридический труд от других профессий и постепенно накладывает отпечаток на личность каждого юриста. Вся деятельность работников правоохранительных органов при всей ее сложности и разнообразии всегда протекает в рамках правового регулирования. Уже при планировании своей деятельности каждый юрист мысленно производит сопоставление своих будущих действий с нормами действующего законодательства, регламентирующими эти действия.

Практически для всех юридических профессий одной из главных сторон деятельности является коммуникативная деятельность, которая заключается в общении в условиях правового регулирования (Васильев, 1997; Радутная, 1986; Ротанов, 1973; Столяренко, 2001).

Также труд многих юристов связан с осуществлением особых властных полномочий, с правом и обязанностью применить власть от имени закона.

Еще одной характерной особенностью труда работников правоохранительных органов является организационная сторона деятельности, которая имеет два аспекта: а) организация собственной работы; б) организация совместной работы с другими должностными лицами, правоохранительными органами, другими сторонами в уголовном процессе (Еникеев, 1996; Романов, 1998 и др.).

Основой организаторской деятельности В.Л. Васильев определяет способность точно ориентироваться в действительности, в частности, в начальной ситуации, качествах людей и их

возможностях. «Один из важных аспектов деятельности следователя, – отмечает автор, – быстрое укомплектование группы людей, с которыми ему необходимо организовать взаимодействие или от которых ему нужно получить дополнительную информацию» [1, с. 218–219].

Специфика деятельности будущего сотрудника правоохранительных органов обусловлена тем, что она в подавляющем большинстве случаев создается не физическими факторами среды, не сугубо внешними условиями работы, а постоянно действующими эмоциональными факторами. Это не только частый дефицит времени, противодействия заинтересованных лиц, интеллектуальные перегрузки, связанные с избытком или дефицитом информации, но и постоянная повышенная служебная и моральная ответственность за принимаемые решения, а также то обстоятельство, что при расследовании преступлений юрист сталкивается с человеческими пороками, антиобщественными, аморальными поступками. Поэтому работнику необходимо уметь управлять своими эмоциями и чувствами в целях сохранения работоспособности в любых условиях.

Таким образом, формирование профессионального самосознания будущих сотрудников правоохранительных органов в юридической деятельности сложна и многообразна, так как объединяет в себе большое разнообразие решаемых задач и правовое регулирование всех производимых действий, высокую эмоциональную напряженность и осуществление особых властных полномочий, организацию собственной работы и коммуникативную деятельность.

Библиографический список

1. *Васильев В.Л.* Юридическая психология. – СПб.: Питер, 1997. – 656 с.

2. *Еникеев М.И.* Юридическая психология. Учебник для вузов. – М.: Норма – Инфа, 1999. – 517 с.

3. *Жалинский А.Э.* Основы профессиональной деятельности юриста. – Смоленск, 1995.

4. *Романов В.В.* Юридическая психология. – М.: Юристъ, 2006. – 588 с.

5. *Чуфаровский Ю.В.* Юридическая психология. – М.: ТК Велби; Проспект, 2005. – 472 с.

6. *Шиханцов Г.Г.* Юридическая психология. – М., 1998.

УДК 378:800

Власов Аркадий Михайлович
Курский государственный университет
vlasoff.a@gmail.com

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Статья затрагивает проблему профессиональной подготовки переводчиков на факультете иностранных языков. Автор обращается к характеристике переводческой деятельности и рассматривает возможность применения проблемно-деятельностного подхода в профессиональной подготовке переводчиков.

Ключевые слова: *проблемно-деятельностный подход, сфера перевода, профессиональная подготовка переводчиков, решение проблем, профессиональная деятельность.*

Сейчас существует знаниевая парадигма в профессиональной подготовке переводчиков, но предпочтение должно отдаваться такому подходу, в соответствии с которым студент сам добывает знания на основе решения проблем, характерных его профессиональной деятельности.

Основная цель статьи – расширить теоретико-методологические основы реализации проблемно-деятельностного подхода в профессиональной подготовке специалистов для сферы перевода и переводоведения.

Поставленная цель выявила следующие задачи: определить сущность и содержание понятия проблемно-деятельностный подход применительно к профессиональной подготовке переводчиков, обосновать приоритетность данного подхода по сравнению с другими (коммуникативный, личностно-деятельностный), описать наиболее характерные его признаки.

На протяжении многих лет традиционной целью высшего образования было овладение системой знаний, составляющих основу наук. Сознание студентов загружалась многочисленными фактами и понятиями. Студенты в России, как правило, выполняют задания репродуктивной направленности, отражающие овладение знаниями предметов и умений. Но результаты

 © Власов А.М., 2010

профессиональной деятельности оставляют желать большего, если речь идёт о гибкости применения умений, которые формируются в университете. Качество образования на современном этапе понимается как уровень специфических умений, связанных с самоопределением и самореализацией личности, когда знания приобретаются в контексте модели будущей деятельности, жизненной ситуации [4, с. 128–142]. Главными становятся не сами знания, а знания о том, как и где их применять. Но ещё важнее знание о том, как информацию добывать, интерпретировать или создавать новую. И то, и другое, и третье – результаты деятельности, а деятельность – это решение задач. Таким образом, если мы желаем сместить акцент в современном образовании с усвоения фактов (результат – знания) на овладение способами взаимодействия с окружающим миром (результат – умения), нам необходимо осознать необходимость изменения характера учебного процесса и способов учебной деятельности учащихся.

Нельзя не согласиться с мнением Д. Дьюи о том, что при данном подходе к обучению основным элементом работы учащихся будет решение задач, т.е., освоение деятельности, особенно новых видов деятельности: учебно-исследовательской, поисково-конструкторской, творческой и др. В этом случае фактические знания станут следствием работы над задачами, организованными в целесообразную и эффективную систему. Вместе с освоением деятельности студент сможет сформировать свою систему ценностей, поддерживаемую социумом. Из пассивного потребителя знаний учащийся становится активным субъектом образовательной деятельности. Категория деятельности при таком подходе к обучению является фундаментальной и смыслообразующей всего процесса обучения.

Концепцию «учения через деятельность» предложил американский ученый Д. Дьюи. Основные принципы его системы:

1) учет интересов учащихся;

2) учение через обучение мысли и действию;

3) познание и знание – следствие преодоления трудностей;

4) свободная творческая работа и сотрудничество.

Для обеспечения всестороннего развития студентов, необходимо организовать их участие в разнообразных видах деятельности и постепенно расширяющихся отношений – от отношений в группе и до включения в общественную жизнь.

Проблемно-деятельностный аспект содержания обучения выражается в том, что содержание обучения есть деятельность в связи с решением проблемы и деятельность коммуникации как овладение социальной нормой, вербальная деятельность и виды невербального самовыражения. Учебный процесс представляет собой: взаимодействие, решение коммуникативных (проблемных) задач.

Во взаимодействии «педагог – студент», «студент – педагог» главная роль отводится принятию другого человека, группы, себя, другого мнения. Понимание и принятие нацеливает на деятельность. Решение коммуникативной задачи требует сначала сформировать потребность (например, в виде вопросов), потом – как эту потребность реализовать. Субъект может реализовать ее сам, может обратиться к другому. И в этом и в другом случае он вступает в общение: с самим собой или с другим. Ответы на вопросы решают задачу или выводят на новую задачу. Для организации учебной деятельности наибольший интерес представляют задачи интеллектуально-познавательного плана, которые осознаются самим учащимся как жажда знаний, необходимость в усвоении этих знаний, как стремление к расширению кругозора, углублению, систематизации знаний. Это такая деятельность, которая, соотносясь со специфически человеческой познавательной, интеллектуальной потребностью, характеризуется положительным эмоциональным фоном, способствующим мотивации учащегося настойчиво и увлеченно работать над учебной задачей, противостоя другим побудителям и отвлекающим факторам. Понятие учебной задачи является при этом одним из центральных, в учебной деятельности такая задача выступает как единица процесса обучения. Высшая степень проблемности присуща такой учебной задаче, в которой студент:

1) сам формулирует проблему,

2) сам находит ее решение,

3) решает,

4) сам контролирует правильность этого решения.

Таким образом, постоянное решение таких учебных задач выливается в систематическую самостоятельную поисковую деятельность, а само обучение превращается в проблемно-развивающее [6, с. 217–229], в котором проблемно-де-

ятельностное начало соотносится с направленностью этой деятельности на личность, которая и должна каким-то образом развиться в результате осуществления ею этой деятельности.

Категория «подход» традиционно рассматривается с позиции преподавателя при анализе процесса обучения. Исходя из этого, личностно-деятельностный подход, который был сформулирован в середине 80-х годов прошлого века, был разработан преимущественно в качестве субъектно-ориентированной организации управления преподавателем учебной деятельностью студента при решении им специально поставленных учебных задач различной сложности и проблематики. Данные задачи развивают как предметную, так и коммуникативную компетентность студента, а также его самого как личность.

Проблемно-деятельностный подход близок личностно-деятельностному. Основополагающие принципы личностно-деятельностного подхода были сформулированы Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, С.Л. Рубинштейном (личность рассматривалась как субъект деятельности, она формируется как в деятельности, так и в общении с другими людьми, а также является основным компонентом этой деятельности).

Личностно-деятельностный подход в своем личностной составляющей подразумевает, что центром обучения является студент – его намерения, цели, его уникальный психологический портрет, иными словами – студент как часть социума. Интересы студента, уровень его знаний и умений позволяют преподавателю определить учебную цель занятия и сформировать, направить и корригировать образовательный процесс с целью развития личности обучающегося. С другой стороны, проблемно-деятельностный подход предполагает обязательное решение профессиональных задач.

Коммуникативный подход к обучению иностранным языкам является преподаванием, организованным на основе применения различных коммуникативных упражнений. Обучение с применением коммуникативного подхода имеет своей основной задачей обучить иноязычной коммуникации, полагаясь не только на задания коммуникативного характера и соответствующие приемы [6, с. 101]. Проблемно-деятельностный подход имеет много общего с коммуникативным подходом, но в проблемно-деятельностном подходе выполнение поставленной задачи является приоритетной целью.

В процессе реализации проблемно-деятельностного подхода происходит вовлечение студентов в проектировочную деятельность. Во-первых, в проектировании студент принимает участие как основополагающий субъект процесса образования, в его задачи входит выбор необходимой информации, определение её необходимости, в соответствии со смыслом проекта. Во-вторых, проектировочный процесс не включает в себя определённые готовые систематизированные знания. Систематизация этих знаний, приведение их в порядок, поиск истины – задача, которая должна быть решена самим студентом. Он сам строит свой проект исходя из множества впечатлений, знаний, понятий, представлений о мире. Проектирование является комплексной деятельностью, средством интеллектуального творческого саморазвития субъекта образовательной деятельности, а в более узком смысле – средством развития его проектировочных способностей. Проблемно-деятельностный подход строится на проблемно-деятельностной ситуации. Технология проектирования применительно к образовательному процессу представляет собой развитие идей проблемного обучения. Поскольку при решении проблемных задач используются метод поисково-познавательной деятельности, методы индукции и дедукции, когда ученики идут от собственного опыта к познанию нового и назад к своему опыту, но уже обогащённому новой информацией (синтез-анализ-синтез), приёмы коллективной творческой деятельности, моделирования различных ситуаций, в основе которых лежит принцип ориентировочной основы действий, а содержание подразумевает под собой интегративность предметов не только друг с другом, но и с другими областями ученической и общечеловеческой деятельности, а в качестве контролирующего фактора предусматривается рефлексия и личное продвижение каждого ученика при решении данной проблемы, то легко заметить, что обучение через проблему – суть составляющая развивающего обучения, поскольку все вышеперечисленные методы и приёмы работы являются характерными именно для развивающего обучения. И, таким образом, становится несомненным, что обучение через проектирование своей деятельности – квинтэссенция развивающего, личностно-ориентированного обучения, вносящего свою существенную лепту в общее развитие ученика, сам же метод проектов, который

первоначально назывался проблемным, предполагается, в соответствии с документами по модернизации общего образования, положить в основу организации деятельности студентов факультета «Перевод и переводоведение».

Итак, с точки зрения модернизации образования, проектная деятельность учащихся как технология, базирующаяся на процессах проектирования, выступает важным компонентом системы продуктивного образования и является нетрадиционным способом организации образовательного процесса посредством активных способов действий – планирование, прогнозирование, анализ, синтез.

Можно сделать следующие выводы: проблемно-деятельностный подход представляется наиболее адекватным в профессиональном образовании переводчиков, он создаёт интегративную обучающую среду, которая направлена на овладение знаниями, умениями, навыками, а также на формирование профессионально значимых качеств переводчиков.

Библиографический список

1. *Алексеев Н.Г.* Проектирование и рефлексивное мышление // Развитие личности. – 2002. – №2.

2. *Дьюи Дж.* Школа будущего. – М.: Госиздат, 1926.

3. *Дьюи Дж.* Демократия и образование / Пер. с англ. – М.: Педагогика, 2000.

4. *Ковалёва Г.С.* Состояние российского образования. – М.: Педагогика, 2001.

5. *Леонтьев А.А.* Психологические аспекты личности и деятельности // ИЯШ. – 1978. – №5.

6. *Махмутов М.И.* Теория и практика проблемного обучения. – Казань, 1972. – 365 с.

7. *Пассов Е.И.* Сорок лет спустя или сто одна методическая идея. – М.: ГЛОССА-ПРЕСС, 2006. – 240 с.

УДК 378:800

Воробьев Антон Александрович
Курский государственный университет
sust87@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО МЕТОДА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ ДЛЯ СФЕРЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Статья раскрывает основные особенности использования коммуникативного метода в профессиональной подготовке переводчиков для сферы юриспруденции.

Ключевые слова: *коммуникативный метод, сфера юриспруденции, подготовка переводчиков, судебный переводчик, коммуникативность, профессиональное общение.*

В настоящее время в связи с процессами интеграции и глобализации, расширением международного сотрудничества, миграцией населения с каждым годом возрастает спрос на услуги переводчиков. Данная профессия становится все более массовой, выделяются новые сферы переводческой деятельности, формируются новые переводческие специальности, одной из которых является судебный перевод. Судебный перевод, как разновидность перевода юридического, является весьма актуальным сегодня, ввиду того что в Российской Федерации на законодательном уровне закреплено право участников судебного процесса, не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство, пользоваться услугами переводчика. Государство тем самым дает заказ учреждениям высшего профессионального образования на подготовку специалистов в области судебного перевода, однако при этом государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования 2000 года [1], в рамках образовательной программы специальности «перевод и переводоведение», не предусмотрено дисциплин специализации, связанных с судебным переводом. Таким образом, в судебных разбирательствах зачастую участвуют «случайные переводчики», незнакомые со спецификой данного вида переводческой деятельности, что недопустимо, поскольку низкий уровень профессиональной компетенции переводчика может привести к судебным ошибкам и другим неблагоприятным последствиям.

Наиболее частотным в рамках судебного заседания является устный перевод, в ходе выполнения которого переводчик обслуживает процесс коммуникации между участниками процесса,

© Воробьев А.А., 2010

являясь одновременно и коммуникантом и субъектом профессионального общения в рамках судебного процесса. В связи с этим при подготовке устных переводчиков для судебной сферы должен отдаваться приоритет формированию коммуникативной компетенции будущих специалистов, обучению их профессиональному переводческому общению в суде. Представляется, что эффективно обучить профессиональному переводческому общению возможно на основе коммуникативного метода. В связи с этим целью данной статьи является обоснование возможности применения коммуникативного метода в подготовке переводчиков для сферы юриспруденции (на примере подготовки судебных переводчиков). Обучить общению возможно только посредством общения, то есть в процессе обучения подлежат моделированию именно общение и ситуации общения, как основные его единицы. В процессе обучения на основе коммуникативного метода происходит обмен опытом, умениями, знаниями и навыками в системе «преподаватель – студент», формируется коммуникативная компетенция обучающихся. «Если мы хотим, чтобы ученик научился общаться в реальных (а не учебных) условиях, если мы хотим, чтобы общение стало действенным механизмом образовательного процесса, то придется согласиться с тем, что ситуации, организуемые на уроках, должны быть единицами общения, т.е. обладать всеми основными характеристиками, и тем самым воссоздавать (моделировать) сущностную природу общения» [3, с. 75]. Профессиональное переводческое общение, как самостоятельный вид деятельности судебного переводчика, включает в себя следующие составляющие:

1. Предмет профессионального общения судебного переводчика. Действие общения ориентировано на взаимоотношения участников судебного процесса (в данном случае профессиональное общение сводится к официальным моделям «судья – переводчик – подсудимый, не владеющий языком судопроизводства» (далее ЯС), «прокурор – переводчик – свидетель, не владеющий ЯС», «подсудимый – переводчик – адвокат» и т.д. Совместная коммуникативная деятельность вышеуказанных речевых партнеров должна влиять на их взаимоотношения и видоизменять их в соответствии с действующим законодательством.

2. Цель и результат профессионального общения судебного переводчика. Цель профессионального переводческого общения в суде – адекватная передача высказываний участников судебного процесса, помощь суду в установлении истины по делу, результат профессионального общения представляется как новые, измененные взаимоотношения между коммуникантами (государством и гражданином, гражданами, юридическими лицами и т.д.).

3. Продукт профессионального общения судебного переводчика. Каждый из коммуникантов (участников судебного процесса) в ходе общения получает и определенным образом интерпретирует информацию, она и является основным продуктом общения и в целом определяет его продуктивность, ведь, по сути, информация всегда носит субъективный характер, может быть воспринята каждым из коммуникантов по-разному. Задача судебного переводчика в данном случае – достоверная передача информации, сообщаемой суду участником процесса, не владеющим ЯС.

4. Способы профессионального общения судебного переводчика. Перцептивный. Данный способ предполагает восприятие коммуникантами друг друга посредством органов чувств. Интерактивный – общение посредством совместного выполнения коммуникантами какой-либо деятельности. Информационный – общение посредством высказываний, несущих определенную смысловую нагрузку. Все вышеперечисленные способы профессионального общения имеют место в ходе судебного заседания.

5. Единицы профессионального общения судебного переводчика. Основополагающими единицами общения являются ситуации, отражающие те или иные взаимоотношения участников коммуникациии, основными ситуации профессионального общения судебного переводчика, подлежащие моделированию в рамках коммуникативного обучения. – это перевод речи судьи, государственного обвинителя, защитника, подсудимого, потерпевшего, свидетеля, эксперта.

При обучении судебному переводу обучающее общение должно обладать всеми характеристиками профессионального общения судебного переводчика, только в этом случае можно говорить о том, что оно может выполнять свою обучающую функцию. В рамках учебного процесса должны моделироваться реальные ситуации профессионального общения судебного переводчика, также видится необходимость интеграции в обучении деловым играм. «Деловые

игры позволяют обучить технике принятия решения и умениям на практике применять теоретические знания. Кроме того, их использование имеет большое воспитательное значение: обучаемые убеждаются в необходимости теоретической подготовки, в результате чего повышается мотивация к изучению предмета» [4, с. 278]. Однако во многих случаях взаимоотношения обучающихся строятся по упрощенной модели «преподаватель – студент», тогда обучающее общение между коммуникантами носит сугубо официальный характер, у обеих сторон нет заинтересованности в общении, ситуации обучающего общения дистанцируются от ситуаций реальной профессиональной деятельности.

Все вышеизложенные факты свидетельствуют в пользу того, что в обучении судебному переводу должен использоваться коммуникативный метод, ведь перевод обслуживает профессиональное общение, коммуникативность в данном случае понимается как «технология или стратегия образования, в процессе которой постоянно соблюдаются основные параметры (характеристики, качества, свойства) общения» [3, с. 98–99].

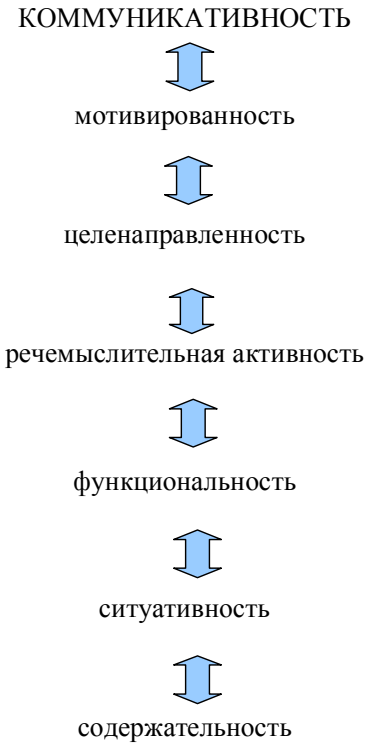


Рис. 1. Характеристики коммуникативности профессиональной переводческой деятельности

Коммуникативность профессиональной переводческой деятельности обладает следующими характеристиками (см. рис. 1).

1. Мотивированность предполагает совершение учащимся действий по собственной воле, в данном случае исключается внешнее воздействие. Студенты должны осознавать, что в настоящий момент профессия судебного переводчика востребована, и в случае успешного овладения данной переводческой специальностью существует реальная возможность трудоустройства.

2. Целенаправленность предполагает совершение обучающимся определенных действий, направленных на достижение поставленной цели.

3. Речемыслительная активность подразумевает постоянное участие в решении коммуникативных задач.

4. Функциональность, по мнению Е.И. Пассова, означает, что «процесс овладения речевым материалом всегда происходит при наличии речевых функций, имеющих приоритет перед формой речевых единиц» [3, с. 99].

5. Ситуативность выражается в наличии определенных ситуативных позиций, занимаемых коммуникантами в ходе общения.

6. Содержательность выражается в информативной насыщенности учебных материалов, информативность, в свою очередь, является субъективным явлением, ввиду того, что для каждого из участников коммуникации одно и то же информативное сообщение может нести различную смысловую нагрузку.

Кроме того, вся учебная деятельность учащегося, взаимодействие в рамках модели «преподаватель – студент» должна носить личностный смысл и характеризоваться личностной заинтересованностью, которая подразумевает свободное выражение личного отношения к предмету профессиональной переводческой деятельности.

В ходе коммуникативного образовательного процесса для достижения поставленных задач используются технологии, представляющие собой совокупность приемов. Сущность приема заключается в том, что он является основной единицей коммуникативного подхода в подготовке переводчиков для сферы юриспруденции. По мнению Е.И. Пассова, прием включает в себя четыре составляющие:

1) деятельность и конкретные действия, совершаемые обучающимся;

2) материальные средства, которыми оперирует обучающийся;

3) способы, которыми производятся учебные действия;

4) условия, при которых протекает деятельность обучающегося [3, с. 101].

Итак, в основе коммуникативного метода лежит прием, возникает очередной вопрос: каким образом должны быть выстроены упражнения, для того чтобы в полной мере удовлетворять всем характеристикам профессиональной переводческой деятельности? Как должна быть построена подготовка переводчиков для сферы юриспруденции в рамках коммуникативного метода? Для достижения данных целей был разработан технологический квадрат, в нем посредством буквенных обозначений по горизонтали обозначены виды речевой деятельности: чтение (ч), аудирование (а), говорение (г), письмо (п), а по вертикали аспекты иноязычной культуры: познавательный (п), воспитательный (в), развивающий (р) и учебный (у), однако он рассчитан на формирование упражнений, направленных на обучение собственно иностранному языку, но не юридическому переводу. Из вышесказанного следует, что при подготовке переводчиков для сферы юриспруденции в технологический квадрат по горизонтали следует включить такой вид речевой деятельности, как перевод (пер), а по вертикали необходимо добавить правовой аспект иноязычной культуры (пр). Модифицированный технологический квадрат, который может быть использован в разработке упражнений для подготовки переводчиков юридической сферы в рамках коммуникативного метода, выглядит следующим образом (см. рис. 2).

Каким же образом должны строиться упражнения в рамках коммуникативного метода подготовки судебных переводчиков? Коммуникативный метод предполагает, что в каждом из упражнений будут задействованы все аспекты иноязычной культуры и будут использованы все виды речевой деятельности, указанные в модифицированном технологическом квадрате. По мнению Е.И. Пассова, если в упражнении задействованы все аспекты иноязычной культуры, то такое упражнение следует называть полиаспектным, если же упражнение включает в себя все, обозначенные в технологическом квадрате виды речевой деятельности, то такое упражнение является полимодальным. В случае если упражнение является и полиаспектным, и полимодальным, можно говорить о том, что оно полифункционально, что и необходимо для реализации коммуникативного метода. «Технологический квадрат служит умозрительной моделью деятельности учителя, призванной реализовать в процессе общения стратегическую формулу “культура через язык, язык через культуру” в содержательном и организационном планах» [3, с. 106–107].

	П	Р	В	У	ПР
Ч А					
Г					
П					
ПЕР					

Рис. 2. Модифицированный технологический квадрат

Таким образом, при подготовке переводчиков для сферы юриспруденции (на примере подготовки судебных переводчиков) использование коммуникативного метода является обоснованным, на что указывают следующие причины:

1. Профессиональная деятельность переводчика для сферы юриспруденции осуществляется в рамках профессионального переводческого общения.

2. Судебный переводчик является субъектом профессионального переводческого общения, полноправным участником коммуникации.

3. Профессиональное переводческое общение включает в себя все составляющие собственно общения:

– предмет профессионального общения;
– цель и результат профессионального общения;
– продукт профессионального общения;
– способы профессионального общения;
– средства профессионального общения;
– единицы профессионального общения.

4. Профессиональное переводческое общение обладает всеми характеристиками коммуникативности:

– мотивированность;
– целенаправленность;
– речемыслительная активность;
– функциональность;
– ситуативность;
– содержательность.

Ввиду обоснованности использования коммуникативного метода в подготовке переводчиков для сферы юриспруденции (судебных переводчиков), видится необходимость моделирования учебных упражнений с опорой на модифицированный технологический квадрат, дополненный таким видом речевой деятельности, как перевод, и включающий в себя правовой аспект иноязычной культуры.

Библиографический список

1. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Направление подготовки дипломированного специалиста 022900 «Перевод и переводоведение». – М.: Министерство образования Российской Федерации, 2000.

2. *Пассов Е.И.* Сорок лет спустя или сто и одна методическая идея. – М.: ГЛОССА-ПРЕСС, 2006. – 240 с.

3. *Пассов Е.И.* Коммуникативное иноязычное образование: готовим к диалогу культур. – Мн.: Лексис, 2003. – С. 75–107.

4. *Сластенин В.А.* Педагогика профессионального образования. – М.: Академия, 2006. – С. 278.

УДК 78

Горбунова Ирина Евгеньевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО И ЕГО РОЛЬ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ-МУЗЫКАНТОВ

В данной статье раскрывается сущность понятия «социальное партнерство», сложившегося в области социально-экономической науки. Освещается роль социального партнерства в профессиональном образовании. Исследуется его специфика в профессиональной деятельности педагога-музыканта.

Ключевые слова: *партнерство, социальное партнерство, творческое партнерство, концепция модернизации российского образования, социальное взаимодействие, общение, совместная деятельность.*

В современной науке достаточно широкое употребление получило понятие «социальное партнёрство». Это относится к таким областям наук, социальная экономика, юриспруденция, психология и др. В сфере музыкального образования анализ сущности понятия «социальное партнёрство» предполагает обращение к истокам его возникновения.

Понятие «социальное партнёрство» появилось после Первой мировой войны. Оно означает учёт эффективных особенностей регулирования отношений между большими группами людей и слоями населения с целью достижения их позитивности. Ещё в прошлом веке работодатель, чтобы избежать забастовок и не снижать массу прибыли, шел на договорённость с рабочими и создание привилегий для них. Высокая образованность и профессионализм, возможность участия в прибылях предприятия, хорошая заработная плата, развитость социальной защиты привели к тому, что формой разрешения проблем стали не стачки и забастовки, а переговорный процесс.

На активизацию разработок теории и практики социального партнёрства в России оказала влияние Октябрьская революция 1917 года. «Остальной мир», чтобы исключить то, что произошло в России, вынужден был перенять стратегию отношений между трудом и капиталом. Для разрешения противоречий пришлось создать специальные организации – профсоюзы и их объединения. Одним из таких объединений стала в 1919 году Международная организация труда. Но это внешний фактор.

Главным фактором возникновения социального партнёрства является внутренний фактор, отражающий реальные изменения в сфере производства. На Западе этим фактором стала научно-техническая революция (НТР). В результате общество получило новые возможности для удовлетворения жизненных потребностей. Одновременно НТР предъявила высокие требования к качеству рабочей силы, что определило потребность в подготовке высокообразованных профессионалов. Появилась необходимость в гуманизации отношений между ними в социальном диалоге. Как отмечают исследователи, социальное партнёрство – специфический тип отношений, присущих цивилизованному обществу с рыноч-

© Горбунова И.Е., 2010

ной экономикой. Это метод цивилизованного решения социально-трудовых конфликтов, который содержит в себе механизм достижения социальной стабильности общества, гарантирует его мирную эволюцию [4, с. 3].

Следует отметить, что последовательно и целенаправленно система социального партнёрства в России начала формироваться с 1992 года. Основные принципы социального партнёрства и механизма его реализации определены Законом РФ «О коллективных договорах и соглашениях». Создана Российская трёхсторонняя комиссия (РТК) по урегулированию социально-трудовых отношений. Она призвана устанавливать общие принципы согласованного проведения социально-экономической политики с учётом интересов трёх действующих в производственно-экономической, трудовой и общественной сфере сторон: государства, наёмных рабочих и работодателей. В современном обществе социальное партнёрство – это необходимый элемент становления правового государства без конфронтации [4, с. 4].

Проблема социального партнёрства значима не только для области социально-экономических отношений в государстве, но актуальна и для решения проблем в области *образования*. Возникновение новой социально-экономической ситуации в России вызывало необходимость качественной перестройки всех институтов общества, в том числе и сферы образования. Одной из основных задач модернизации российского образования является формирование новой системы отношений сферы образования с социумом. Как указывает Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года, стратегические цели модернизации образования могут быть достигнуты в процессе постоянного взаимодействия образовательной системы с представителями национальной экономики, науки, культуры, здравоохранения, всех заинтересованных ведомств и общественных организаций, с родителями и работодателями [1, с. 60].

Тема «Социальное партнёрство» входит в учебные программы по специальности «Социальный менеджмент». В силу того, что профессиональное обучение и подготовка работников включается в предмет соглашений социальных партнёров о взаимодействии на рынке труда, в отношения социального партнёрства стала втягиваться и система профессионального образования.

Социальное партнёрство – новое понятие для профессиональной педагогики. В традиционном подходе к разработке теории и практики педагогической науки явление социального партнёрства как взаимодействие трёх сил общества – государства, объединений работодателей и профсоюзов (трипартизм) не находит отражения.

Принято систему профессионального образования рассматривать как государственную структуру, и поэтому она не признаётся полноправным социальным партнёром. Однако в современном отечественном профессиональном образовании проблема социального партнёрства вызывает интерес в практической реализации и научных исследованиях.

Понятие «социальное партнёрство» получило своё обоснование в сфере профессионального образования в странах Европейского союза. К началу 90-х годов сформировались основные модели социального партнёрства в сфере профессионального образования и обучения.

В построении моделей были выделены и учтены четыре основных направления:

– непрерывное обучение – начальное и дальнейшее обучение;

– профессиональная ориентация молодёжи и взрослого населения;

– профессиональные квалификации, включая прогнозирование и анализ спроса;

– ресурсы и финансирование [3, с. 46].

В 1992 году был создан Комитет по социальному диалогу, который играет очень важную роль в политических процессах Европейского союза. Реализация социального диалога в сфере профессионального образования и обучения (ПОО) в большей степени зависит от реализуемых в рамках национальных государств моделей производственных отношений. Ключевая роль в развитии социального партнёрства в сфере ПОО принадлежит работодателям и их организациям. По степени распределения ролей государства, компаний и профсоюзов в развитии профессионального образования особо выделяются три *основные модели социального партнёрства*.

В частности, *в Великобритании* действует *либеральная модель*, когда доминирует роль предприятий (работодателей). Они устанавливают объём и качество начального и непрерывного профессионального обучения, а государство только определяет уровни квалифицированных стандартов для выпускников и предоставляет средства обучения.

В Дании, Нидерландах, Германии действует *некооперативная модель,* в рамках которой активны ассоциации работодателей и профсоюзы, а государство лишь придаёт законность решениям, принятым на основе группового консенсуса.

Во Франции реализуется *модель государственного вмешательства,* в рамках которой государство регулирует систему профессионального образования в сотрудничестве с социальными партнёрами.

В последние десятилетия в Европе наблюдается рост как формального, так и неформального участия социальных партнёров в профессиональном образовании, что является важнейшим условием обеспечения устойчивого и качественного ПОО.

В России, согласно точке зрения ряда исследователей (О. Олейникова, А. Муравьёва) для развития социального партнёрства в сфере профессионального образования было бы целесообразным разработать и принять Положение о региональных консультативных отраслевых советах по социальному партнёрству с участием представителей органов управления образованием, организаций работодателей, профсоюзов, отраслевых министерств и предприятий, департаментов Федеральной службы занятости [3, с. 71]. Социальное партнёрство в сфере профессионального образования предполагает реализацию следующих направлений: разработка политики в области профессионального образования на профессиональном и региональном уровнях; разработка стандартов профессионального образования; анализ рынка труда; прогноз спроса и предложения на рынке образовательных услуг; определение вектора развития профессиональных квалификаций и базовых умений, разработки требований к оценке компетенций выпускников; развитие системы переподготовки или повышения квалификации работников предприятий; развитие обучения на предприятиях, включая производственную практику студентов.

Важно отметить, что социальное партнёрство – составляющая часть любого вида профессиональной деятельности, как индивидуальной, так и совместной. Обращаясь к исследуемому вопросу с позиции анализа профессиональной педагогической деятельности педагога-музыканта, следует подчеркнуть, что его социальное партнёрство имеет специфические аспекты проявления. В частности, как педагог и музыкант-профессионал, он включён в полной мере в реализацию социальных отношений, имеющих место в профессионально-педагогической деятельности: взаимодействие с коллегами, администрацией, учениками.

Следует иметь в виду, что в формировании социального партнёрства у будущих педагогов-музыкантов партнёрство как социальное взаимодействие личности будущего специалиста и преподавателя вуза осуществляется в процессе совместной деятельности. Передача опыта деятельности и информации от поколения к поколению способствует взаимодействию людей. В образовательном учреждении идет освоение социального наследия, созданного предыдущими поколениями. Социальное взаимодействие включает и педагогическое взаимодействие. Ведущая цель взаимодействия всех участников образовательного процесса – развитие их взаимоотношений. Чем лучше партнёры знают и понимают друг друга, тем больше у них возможности для формирования положительных личных и деловых отношений для того, чтобы прийти к согласию, договориться о совместных действиях, в результате чего усиливается их влияние друг на друга.

Взаимное сотрудничество студента (будущего педагога-музыканта) и преподавателя, являющихся участниками образовательного процесса, – это определение целей деятельности, совместное планирование предстоящей работы, совместное распределение сил, средств, предмета деятельности во времени в соответствии с возможностями каждого участника. Это совместный контроль и оценка результатов работы, а затем прогнозирование новых целей и задач. При сотрудничестве возможны конфликты, противоречия, но они должны решаться на основе общего стремления к достижению цели, без ущемления интересов взаимодействующих сторон. В данных ситуациях у студентов формируется позитивное отношение к себе и другим людям – участникам образовательного процесса как творцам общего дела.

Большим воспитательным потенциалом обладает диалогическое взаимодействие. Оно предполагает равенство позиций партнёров, уважительные, положительные отношения участников партнерского взаимодействия. Такое взаимодействие помогает лучше узнать, понять партнёра, прийти к согласию. Принятие партнёра таким, каков он есть, уважение и доверие к нему, искренний обмен мнениями позволяют выработать в резуль-

тате сходные взгляды, убеждения на ту или иную ситуацию. В данной ипостаси педагог-музыкант – социальный партнёр.

В области освоения музыкального искусства социальное партнёрство опосредовано процессом освоения художественного содержания музыкальной деятельности, и поэтому сфера социальных отношений в данном случае носит скрытый характер, приобретая новое своё качество – творческую устремлённость. Творческое содержание деятельности педагога-музыканта определяет и специфический вид партнёрства – творческого. Так, в индивидуальном характере деятельности будущего педагога-музыканта творческое партнёрство присутствует как определяющая черта по отношению к процессу интерпретации творческих намерений композитора и его художественного замысла. В совместной деятельности, направленной на решение музыкально-профессиональных и педагогических задач, творческое партнёрство является целью и непременным условием реализации процесса совместной деятельности, включая и общение в ней.

В деятельности педагога-музыканта можно определить две содержательные стороны творческого партнёрства:

– во-первых, партнёрство как общение, имеющее вербальную основу;

– во-вторых, партнёрство как деятельность, в совместной ансамблевой деятельности – это процесс совместной интерпретации художественно-образного содержания музыкального произведения.

Рассмотрим партнёрство, как общение, характеризующее возникающие профессиональные отношения между будущим учителем, его коллегами и школьниками. Общение есть необходимое условие любой деятельности человека, имеющей общественную природу, это, прежде всего, взаимодействие людей как членов общества [2, с. 10]. В этой связи позитивность общения выступает непременным условием подлинно партнёрских отношений, поскольку партнёрство – особый тип общения, направленный на решение одной общей задачи партнёров. Общение играет огромную роль в жизни и деятельности будущих специалистов. Сам процесс социализации личности, процесс становления отдельного человека, как представителя социума, невозможен без общения.

Общение – сложный многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятия и понимания другого человека. Благоприятному развитию общения способствует совместимость установок партнёров. В ходе общения формируются цели, мотивы и программы поведения включённых в него индивидов. В этом процессе происходит постоянное согласование мыслей, чувств, отношений партнёров [6, с. 23]. В освоении художественного содержания музыкального произведения вербальное общение в совместной работе музыкантов над поиском средств его музыкальной выразительности тоже приобретает творческие черты, становится творческим.

Важным является распределение функций в совместной творческой деятельности как в творческом партнёрстве, которое выступает характеристикой и общения, и деятельностной реализации совместных целей в направлении получения оптимальных результатов совместного творчества. Музыкальная и педагогическая деятельность в профессии педагога-музыканта выступают в единстве, поэтому творческое партнёрство – необходимый компонент решения профессиональных задач. В условиях овладения педагогом-музыкантом содержанием профессионально-педагогической деятельности стремление к достижению её творческой направленности и результативности является непременным условием получения успешных результатов как в решении поставленных целей, так и в личностном саморазвитии, и в самореализации в профессии. В этой связи постижение творческой природы процесса освоения музыкального искусства и педагогической деятельности выступает неотъемлемой стороной реализации творческого партнёрства в различных ситуациях решения музыкально-исполнительских и педагогических задач.

Библиографический список

1. *Выборнов В.Ю.* Становление социального партнёрства в начальном профессиональном образовании региона: Дис. … канд. пед. наук. – Ярославль, 2003. – 178 с.

2. *Леонтьев А.А.* Психология общения. – Изд. 3-е. – М.: Смысл, 1999. – 368 с.

3. *Олейникова О.Н., Муравьёва А.А.* Социальное партнёрство в сфере профессионального образования в странах Европейского союза // Офи-

циальные документы в образовании. Информационный бюллетень. – 2006. – №17. – Июнь. – 96 с.

4. Социальное партнёрство. Реферат по социальному менеджменту. Казанский государственный технологический университет, кафедра Государственного управления, истории и социологии. – Казань, 2000. – 9 с.

5. Социальное партнёрство. – М.: Экономика, 1999. – 236 с.

УДК 304.3

Жиляева Марианна Сергеевна
Читинский государственный университет
m.jiliaewa@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ

В статье актуализированы вопросы подготовки специалистов социальной сферы к социально-психологическому консультированию в многонациональном регионе, представлены результаты пилотажного исследования по проблеме развития этнокультурной компетентности. Основное внимание автор уделяет необходимости развития этнокультурной компетентности будущего специалиста социальной сферы.

Ключевые слова: *специалист социальной сферы, социально-психологическое консультирование, этнокультурная компетентность, культурная эмпатия, социальная среда, этносреда, клиент.*

Социально-экономические реформы конца двадцатого века, политика государства, направленная на повышение уровня жизни населения Российской Федерации, в том числе путем реализации национальных проектов в области образования и здравоохранения, в начале двадцать первого века привели к формированию спроса на специалистов социальной сферы: в образовании, здравоохранении, политике, социальной защите и поддержке населения. Возросло число социально-психологических консультаций, социально-психологических служб в системе социального обеспечения населения, фирм, занимающихся отбором и аттестацией кадров. В школах Российской Федерации введены штатные должности психологов и социальных педагогов, а на многих предприятиях и в организациях работают другие специалисты социальной сферы, для которых подготовка, в частности, в области психологии остается сущностью квалификационного уровня. Рынок платных образовательных, психологических и медицинских услуг также потребовал привлечения специалистов социальной сферы. Сегодня большинство студентов специальности «Социальная работа» в институте социально-политических систем Читинского государственного университета связывает свою карьеру с практической работой, а специализация приобретает конкретно-прикладную направленность: социальная работа с разными группами населения, консультативная работа (по данным опроса студентов ИСПС ЧитГУ, проводившегося в октябре 2004 – мае 2006 гг. – первый этап, октябре 2007 – апреле 2009 гг. – второй этап исследования, Независимой научно-аналитической социальной службой (ННАСС).

Основная тенденция современного развития как социальной политики, так и практической социальной психологии состоит в развитии сферы её компетенции, в появлении всё новых специальностей, в расширении сферы деятельности профессионалов, в том числе социальных работников, социальных педагогов, в расширении круга клиентов служб социально-психологической помощи.

Квалифицированный специалист социальной сферы, социальный работник должны знать, как построить плодотворную, творческую беседу, как использовать знание техник и приемов социально-психологической помощи, применять методы позитивного роста и развития. Общая компетентность специалиста социальной сферы, социального работника проявляется, в частности, в осознании своего собственного мировоззрения, личностных особенностей, а также индивидуальной и культурной эмпатии. Культурная эмпатия понимается как способность вырабатывать различные варианты общения с разными культурными группами, готовность к работе с людьми, кардинально отличающимися от психолога по национальности, религии, культурному уровню (Б.Д. Карвасарский, Р. Кочюнас, Н. Пезешкиан, А.В. Сухарев).

© Жиляева М.С., 2010

Специалистам социальной сферы, социальным работникам, социальным педагогам часто приходится работать с клиентами, происходящими из другой этнокультурной среды [3; 6], часто радикально отличающейся от их собственной. Это иногда становится источником проблем как для клиента, которому может показаться, что специалист, социальный работник, его не понимает, так и для специалиста, который может применять методы работы, не принимая во внимание культурную идентичность и культурные перцепции клиента. В подобной ситуации специалист должен стремиться к культурной эмпатии, к пониманию культурных основ клиента и должен быть способен применить стратегии решения проблем клиента к его индивидуальным потребностям. В идеале стратегия оказания психологической помощи должна находиться в культурном соответствии с этносредой (термин А.В. Сухарева, 1996) клиента.

Анализ отечественных и зарубежных исследований (Сухарев А.В., 2002–2003; Тимохин В.В., 2002; Лопухова О.Г.; Пайгунова Ю.В., 2003; Прохазка Дж., Норкрос Дж., 2005; Сандберг Н., Уайнбергер А., Таплин Дж., 2005), а также исследования, проводившегося среди студентов ИСПС ЧитГУ в октябре 2007 – апреле 2009 гг., позволили сделать следующие выводы:

1. Представители этнических меньшинств редко прибегают к услугам различных социально-психологических, консультативных служб (Breaux & Ryujin, 1999; Sue, Zane & Young, 1994). По данным исследования ННАСС за период 2007 – начало 2009 гг., в подобные службы г. Читы обратились два человека – представителя бурятской национальности, остальные идентифицировали себя как принадлежащих к русскому народу.

2. Представители этнических меньшинств предпочитают этнически близких специалистов-консультантов (Coleman, Wampold & Casali, 1995). По данным исследования, проводившегося ННАСС в 2004–2009 гг., потенциальные клиенты, принадлежащие к этническим меньшинствам, интересуются национальной принадлежностью консультанта – 100% реципиентов.

3. Исследования не выявили постоянных различий в результатах социально-психологической помощи как функции этнического соответствия между консультантом и клиентом (Sue & Lam, 2002; данные исследований ННАСС, 2004–2008 гг.).

Исследования по проблемам межкультурного взаимодействия и повышения межэтнической толерантности в реалиях современной отечественной науки ведутся, в основном, в теоретическом плане. По данным Т.Г. Стефаненко, отечественные психологи в работе по созданию обучающих программ подготовки к межкультурному взаимодействию значительно отстали от зарубежных коллег (Bochner S., 1982; Brislin R.W., 1989; Triandis H.C., 1970). Создание программ поликультурного образования (понятие Т.Г. Стефаненко, А. Купавской, 2008–2009), повышающих конгруэнтность в общении с представителями другой культуры, является насущной задачей подготовки специалистов социальной сферы, социальных работников в вузе. Обучающие и развивающие программы, разработанные за рубежом (Айви А., Алеманн И., 1998), ориентированные на разные социальные, этнические, социокультурные группы, не всегда могут выступать образцами для создания программ, предназначенных для российских студентов (Пайгунова Ю.В., Лопухова О.Г., Гулова Ф.Ф., 2003; Стефаненко Т., 2008; Купавская А., 2009).

При отсутствии этнокультурной компетентности специалист социальной сферы, социальный работник может оказаться ирревалентным или профессионально непригодным. Особое внимание при подготовке специалистов такого рода следует уделять в многонациональных регионах, в частности, в Забайкальском крае. Россия – крупнейшее многонациональное государство, в котором проживает более ста народов. Многонациональность Забайкалья сложилась в результате длительного исторического процесса, который не завершен и сегодня. На территории Забайкальского края сосуществуют и взаимодействуют представители нескольких культур, крупнейшими из которых являются русские, буряты и китайцы. Однако активизация глобализационных процессов в мире сегодня приводит к ускорению внутренних трансформаций в многонациональных регионах, актуализируя проблему формирования и развития как общей этнической идентичности граждан, так и этнокультурной компетентности.

Таким образом, важными задачами подготовки специалистов социальной сферы, социальных работников в вузе можно считать:

1. Создание программ обучения в вузе, которые будут уделять достаточное внимание расовому, этническому, культурному многообразию потенциальных клиентов, которые направлены на развитие этнокультурной компетентности будущих специалистов социальной сферы.

Таблица 1

Исследование уровня эмпатийности студентов 1–5 курса специальности «Социальная работа» (сравнительный анализ)

Уровень эмпатийности	Первая группа (1 курс 17–18 лет)		Вторая группа (5 курс 21–23 года)	
	Средний балл	%	Средний балл	%
Высокий (63 – 81 балл)	70,6	15,7	68	98
Средний (37 – 62 балла)	50,1	84,3	56,5	2
Низкий (менее 36 баллов)	–	–	–	–

2. Привлечение к практической работе в службах социально-психологической помощи представителей различных этнических групп, проживающих на территории данного многонационального региона.

3. Создание и внедрение таких моделей социально-психологической помощи, которые учитывали бы следующие особенности потенциальных клиентов:

– возраст и влияние поколений;

– религиозные убеждения;

– этническую принадлежность;

– социальный статус;

– наличие смешанных браков и детей, рожденных в них;

– влияние этносреды.

Пилотажное исследование уровня эмпатийных тенденций у студентов специальности «Социальная работа» ИСПС ЧитГУ проводилось в октябре 2004 – мае 2006 гг. – первый этап, октябре 2007 – апреле 2009 гг. – второй этап исследования по методике «Уровень эмпатийных тенденций» (автор – И.М. Юсупов). Методика используется для исследования эмпатии как ключевого фактора в тех видах деятельности, которые требуют вчувствования в мир партнера по общению, сопереживания, способности к произвольной эмоциональной отзывчивости на переживания других людей, таких как врачебная, воспитательная, обучающая деятельность и, безусловно, деятельность специалиста, осуществляющего психологическое консультирование. Сравнительный анализ показал, что большинство студентов первого курса (84,3%) обладает средним уровнем эмпатийности, однако к пятому курсу уровень эмпатийности становится высоким – 98% (табл. 1).

Исследование уровня социальной дистанции по шкалам Э. Бодгаруса, О.Л. Романовой, В.Н. Павленко и С.А. Талгина, Л.Г. Почебут проводилось среди студентов 1 и 5 курса специальности «Социальная работа», из которых русские – 40 чел. (45,6%), буряты – 24 чел. (27,2%), другие этносы – 24 (27,2%); 1 курс – 41 чел.; 5 курс – 47 чел.

Реальная социальная приемлемость отражает стремление к интеграции и даже ассимиляции с представителями других этнических групп. Положительная социальная приемлемость более 50% – свидетельствует о стремлении к интеграции одного этноса с другим; положительная, но менее 50% – говорит об автономности данного этноса; отрицательная – о наличии явного или скрытого конфликта.

Социальная экспансивность отражает выраженность и направленность социальных чувств представителей одного этноса по отношению к другому. Социальная экспансивность положительная, равна или более 50% свидетельствует о глубоких позитивных чувствах, интерес представителей одного этноса по отношению к другому; положительная, но менее 50% – речь может идти об определенной напряженности в отношениях; отрицательная социальная экспансивность свидетельствует о сильной эмоциональной неприязни к другому этносу в целом.

Таблица 2

Шкала социальной дистанции (студенты 1–5 курса специальности «Социальная работа»)

Курс (возраст)	Реальная социальная приемлемость %	Социальная экспансивность %	Коэффициент этнической толерантности %
Первая группа (1 курс 17–18 лет)	39,2	36,4	55
Вторая группа (5 курс 21–23 года)	34	60	18

Коэффициент этнической толерантности отражает устойчивость и терпимость в отношении к представителям другого этноса.

Студенты не только должны обладать знаниями о конкретных культурах, этнических и этнопсихологических особенностях потенциальных клиентов, но и должны иметь представление о межэтнических отношениях, расизме, а также об историческом, политическом, социальном и психологическом контексте, в котором функционируют этнокультурные группы. Это обуславливает как необходимость всесторонней междисциплинарной подготовки к социально-психологическому консультированию будущих специалистов социальной сферы, так и направленной практической подготовки в ходе прохождения различных видов практик в службах социальной и социально-психологической помощи населению, в ходе учебно-тренинговых занятий.

Библиографический список

1. *Нельсон-Джоунс Р.* Теория и практика консультирования. – СПб.: Питер, 2001. – 231 с.

2. *Новохатько Е.Н.* Психологическая помощь мигрантам. – Ростов-на-Дону, 2005.

3. *Прохазка Дж., Норкросс Дж.* Системы психотерапии. Пособие для специалистов в области психотерапии и психологии. – СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2005.

4. Проблемы профориентации и психологической поддержки населения. Материалы научно-практической конференции (1999–2000). – Томск, 2000.

5. *Стефанеко Т.* Этнопсихология. – М.: Институт психологии РАН «Академический проект», 1999.

6. *Сухарев А.В.* Этнофункциональный подход к проблеме психического развития человека // Вопросы психологии. – 2002. – №2. – С. 40–57.

7. *Super D.E.* Adult career concerns inventory: manual for research and exploratory use in counseling. – Palo Alto, CA; consulting Psychologists press, 1988.

8. *Willson J.R.* Scintific advances societal trends and the edication and practice of obstetrician-gynecoloists // American Jornal of Obsterics and Gynecology. – 1990. – May.

УДК 15 + 37(082)

Кривулина Татьяна Валерьевна

Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского

prof_sochranov@mail.ru

ГОТОВНОСТЬ БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ К СОПРОВОЖДЕНИЮ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

В статье раскрываются технологии формирования готовности будущих психологов к психолого-педагогическому сопровождению процесса развития детей с ограниченными возможностями.

***Ключевые понятия**: готовность, сопровождение, ограниченные возможности.*

Социально-экономические условия развития современного общества предъявляют к будущему специалисту высокие требования в плане его профессиональной компетентности и квалификации. Как следствие, ответом вузовского образования на эти требования должно стать формирование готовности студентов к осуществлению творческого, критически осмысленного, активного и продуктивного профессионального действия.

В работах Л.И. Божович, М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, Л.Л. Рубинштейна и др. по формированию готовности личности к профессиональной деятельности отмечается, что специальная подготовка создает условия для успешного выполнения любого вида деятельности.

В современном психолого-педагогическом знании выделяют психологическую и практическую готовность (Ю.К. Васильев), социальную (Б.Г. Ананьев), психическую (Б.Ф. Ломов, Д.Н. Узнадзе), готовность к умственной и физической деятельности (Ю.К. Бабанский), готовность, связанную с формированием коммуникативных умений (А.А. Дергач, А.А. Реан).

Как отмечает Б.Г. Ананьев, слагаемые готовности к деятельности разделяются на две группы: неспецифические (общие) и специфические (узкоспециальные).

Неспецифические слагаемые готовности характеризуются активным применением средств и способов, общих для решения таких задач, как поддержание внутреннего равновесия, мобили-

© Кривулина Т.В., 2010

зация человеком своего опыта, чувств, воли. В этом проявляется важное условие общей активности и целостности личности.

Специфические слагаемые готовности выражаются в особо профессиональном развитии качеств и свойств личности, таких, как направленность, способность, характер, уровень притязаний и т.п., и их актуализации, связанной с условиями и требованиями времени.

На первый план выдвигается формирование у студентов-психологов коммуникативных навыков, развитие социальной компетенции в работе с детьми с ограниченными возможностями. Это сложная социальная и психологическая проблема, решение которой служит целям подготовки этих детей в соответствии с их возможностями к самостоятельной, полноценной общественно полезной жизни.

Дети с ограниченными возможностями – это особая группа, характеризующаяся незрелостью эмоционально-волевой сферы, слабо развитыми коммуникативными навыками, несформированностью регуляторных функций поведения и деятельности. У таких детей часто ограничен круг общения и, как следствие, социальный опыт. Дети только тогда получат необходимое для успешной в меру их возможностей деятельности социальное развитие, когда будут созданы условия для их становления как личности и как активных участников социализации.

Самая большая сложность заключается в готовности будущих психологов обеспечить социальное развитие таких учащихся. Для этого от психолога требуется использование различных технологий интеллектуального, социального и личностного развития учащихся, формирования у них соответствующих компетентностей для интеграции в общество.

Понятие «педагогическая поддержка» в отечественную науку было введено О.С. Газманом. Он рассматривал ее с точки зрения процесса индивидуального развития и саморазвития ребенка, а предметом педагогической поддержки считал процесс совместного с ребенком определения его собственных интересов, целей, возможностей и путей преодоления препятствий или проблем обучения, самовоспитания, общения, образа жизни.

Сегодня феномен педагогической поддержки активно разрабатывается в отечественной педагогике. Различные аспекты педагогической поддержки рассматриваются в работах Л.И. Аксеновой, М.В. Алешиной, Т.В. Анохиной, В.П. Бедерхановой, С.В. Бойковой, Т.В. Егоровой, М.В. Жигоревой, Ю.В. Замятиной, Е.Н. Кононовой, И.А. Малашихиной, Е.М. Мастюковой, С.М. Нечаевой, С.И. Поповой, Т.А. Ревягиной, Г.И. Рогалевой, Г.Ю. Ульяновой, Н.В. Шеламовой, И.Ю. Шустовой, С.М. Юсфина и др.

Современное определение педагогической поддержки предполагает, по мнению С.И. Поповой (2005), «воздействие, направленное на сохранение и укрепление физических и духовных сил ребенка в жизненно важных ситуациях его развития. Это действия педагога в системе отношений, направленных на оказание помощи в ситуации “здесь и сейчас” во имя личностного развития».

В значительной степени педагогическая поддержка детей с ограниченными возможностями и есть помощь, обеспечиваемая совместными педагогическими усилиями с привлечением широкого круга специалистов (врачей, психологов, социальных педагогов, дефектологов, логопедов и других), оказываемая ребенку в образовательном пространстве школы. Ее характеризуют, прежде всего, целенаправленность, организованность, многоаспектность, мобильность, профессиональность (компетентность).

Педагогическая помощь исходит из насущных проблем ребенка, имеющего проблемы здоровья, и реализуется в значительной степени с позиций социально-педагогической деятельности, которая определяется Л.И. Аксеновой (2001) как «непрерывный педагогически целесообразный организованный процесс социального воспитания с учетом специфики развития личности человека с особыми потребностями на разных возрастных этапах, в различных слоях общества и при участии всех социальных институтов и всех субъектов воспитания и социальной помощи». Сущность педагогической поддержки детей с ограниченными возможностями здоровья состоит в целенаправленной социально-педагогической деятельности по оказанию помощи детям разного уровня здоровья и возраста средствами образовательно-воспитательной системы школы.

Исходя из приведенных выше определений, педагогическая помощь детям с ограниченными возможностями есть продуманная во всех деталях модель совместной учебной и педагогической деятельности по проектированию, организации и проведению учебного процесса с безус-

ловным обеспечением комфортных условий для учащихся и учителя. Готовность к ее реализации формируется у будущих психологов в педагогическом процессе вуза.

Выделяют следующие признаки технологии обучения студентов, способствующие их подготовке к работе с детьми, имеющими ограничения:

– акмеологический и аксиологический двухсторонний характер взаимосвязанной деятельности преподавателя и студентов;

– совокупность приемов, способствующих формированию специальных умений;

– проектирование и организация процесса обучения;

– наличие комфортных условий для раскрытия, реализации и развития личностного потенциала преподавателей и студентов.

Целью обучения студентов в условиях перехода к гуманитарной парадигме образования являются их личностные достижения, под которыми понимаются:

– степень прогресса личности по отношению к ее предшествующим проявлениям в образовательной деятельности (Л.С. Илюшин);

– личностное продвижение студента по лестнице достижений в процессе освоения знаний, умений, развития психических процессов, личностных качеств (А.Н. Майоров).

Личностные достижения сегодня связываются с уровнем компетентности студентов в образовательном процессе.

Методическими особенностями такой технологии являются:

– переопределение общей учебной проблемы любого студента;

– смысл в постоянном воспроизведении ситуации «ученого незнания»;

– выполнение мысленных экспериментов в пространстве образа, выстроенного студентом;

– функции «открытия» ребенка на общение; «соучастие» ребенку и «возвышение» ребенка в педагогическом общении.

Подготовка психологов представляет собой устойчивую систему, которая предполагает интегративную целостность, включает единство и взаимосвязь различных структурных элементов, объединенных общей целью, единым функционированием.

В подготовке психолога к профессиональной деятельности требуется одновременно учитывать как практическую, так и академическую парадигмы их готовности к взаимодействию с детьми, имеющими те или иные ограничения.

Формирование готовности к сопровождению детей с ограниченными возможностями включает в себя три компонента: мотивационный, содержательно-деятельностный, рефлексивно-оценочный.

Мотивационный компонент готовности предполагает наличие у студентов мотивов, интересов и потребностей в осуществлении сопровождения таких детей, формирование гуманистической направленности личности, направленность на взаимодействие и сотрудничество, эмпатийность и способность к рефлексии.

Содержательно-деятельностный компонент предусматривает овладение студентами системой знаний (общепедагогических, психологических, специальных) и умений (аналитико-диагностических, проективных, конструктивных, коммуникативных, контрольно-коррекционных), необходимых для осуществления сопровождения детей с ограниченными возможностями социализации. Последний компонент включает рефлексию профессиональной деятельности и общения.

Процесс подготовки будущих психологов к профессиональной деятельности по осуществлению сопровождения детей представляет собой педагогическую систему, которая успешно функционирует и развивается при определенных условиях: осмысление будущими психологами аксиологии сопровождения и профессиональной деятельности по его осуществлению; создание образовательных ситуаций, обусловливающих активизацию собственной субъектной позиции будущих психологов и стимулирующих принятие субъектной позиции всех участников педагогического процесса в вузе; реализация через внедрение активных и проблемных форм и методов обучения, стимулирование развития способности к рефлексии в процессе профессиональной подготовки.

Таким образом, подготовка психолога требует инновационных форм и методов профессиональной подготовки специалистов. Специфика и сложность этой подготовки состоят в том, что будущие специалисты должны не только иметь глубокие знания по психологии и педагогике и смежным с ними научным дисциплинам, но и грамотно ориентироваться в реальной жизни особых детей. Студенты должны освоить не только теоретические научные знания, но и способы

применения этих знаний в конкретной ситуации, с конкретной группой детей.

Такая сложная системная связь между содержанием профессионального образования и содержанием деятельности специалиста осознается современными участниками педагогического процесса вуза, и именно она определяет логику современных подходов и решений к поиску путей повышения качества профессиональной подготовки будущих психологов.

Библиографический список

1. *Бордовский Г.А., Извозчиков В.А.* Новые технологии обучения: вопросы терминологии // Педагогика. – 1994. – №5.

2. *Гузеев В.В.* Лекции по педтехнологии. – М.: Знание, 1992.

3. *Зуборева Н.С.* Педагогическая технология: путь в дидактику и практику обучения // Психолого-педагогические проблемы повышения квалификации работников образования. Межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 3. – В 2 ч. – Ч. 1. – М., 1994.

4. *Кларин М.В.* Развитие педагогической технологии и проблемы теории обучения // Советская психология. – 1984.

5. *Дубовый Л.М., Ручкова Н.А.* Зачем психолог нужен в школе? – Пенза: ПГПУ им. Белинского, 2007.

6. *Дубовый Л.М., Ручкова Н.А.* Введение в психолого-педагогическую деятельность. – Пенза: ПГПУ им. Белинского, 2007.

УДК 593.1

Лупанова Наталья Александровна

Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского

prof_sochranov@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ ЛИЧНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ САМООПРЕДЕЛЕНИЮ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПОЛЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье представлено концептуальное обоснование программы формирования готовности старшеклассников и студентов к профессиональному самоопределению в информационном поле деятельности.

Ключевые слова: *готовность, самоопределение, информационное поле деятельности.*

Теоретический анализ проблемы формирования готовности личности к профессиональному самоопределению в информационном поле деятельности позволил построить программу опытно-экспериментальной работы, включавшую в себя три этапа.

На первом этапе (2000–2003 гг.) проводился теоретический анализ отечественных и зарубежных исследований по проблеме выявления условий и особенностей профессионального самоопределения личности в информационном поле деятельности на различных возрастных этапах ее развития и готовности к реализации проектной деятельности по самопознанию и готовности к становлению основ информационно насыщенного, самодостаточного и социально значимого самоопределения.

Анализировалась эффективность применения проектной деятельности по самопознанию и формированию основ готовности личности к профессиональному самоопределению в информационном поле деятельности.

На втором этапе (2003–2005 гг.) проводилась диагностика отношения к трудовой деятельности в условиях информатизации развития личности, выявлялась взаимосвязь между отношением к труду, социально-психологическим и профессиональным типом и ценностной структурой личности, включающей профессиональные склонности. Разрабатывалась и апробировалась программа готовности личности к профессиональному самоопределению в информационном поле деятельности, проводились консультации с родителями и педагогами.

На третьем этапе (2005–2009 гг.) осуществлялся сравнительный анализ входной и итоговой диагностики для определения результативности работы по формированию готовности личности к профессиональному самоопределению в информационном поле деятельности. Осуществлялись интерпретация и обобщение полученных в исследовании результатов, формулировались выводы.

Готовность личности к профессиональному самоопределению в информационном поле деятельности проявляется в деятельности, в процессе которой реализуются интересы, потребности, самооценка, эмоции личности по отношению

© Лупанова Н.А., 2010

к профессиональному самоопределению в условиях информатизации социальной среды.

Реализация программы формирования готовности личности к профессиональному самоопределению в информационном поле деятельности осуществлялась на основе нескольких принципов.

Принцип *толерантности* – определяющая основа взаимодействия процесса информатизации социальной среды и саморазвития личности, позволяющая максимально реализовать информационно насыщенную деятельность человека, а также обеспечить самодостаточное самоопределение личности в информационном поле деятельности.

Принцип *гуманности* – самоопределение личности, в том числе и профессиональное, способствует достижению нескольких целей. Главной среди них можно назвать социальную значимость информационно насыщенного приобщения личности к определенному виду труда, которое осуществляется во имя единственно значимой задачи – максимального раскрытия способностей и потребностей человека в виде труда, соответствующего его задаткам.

Принцип *открытости* – эффективное самоопределение личности в информационно насыщенной социальной среде возможно в случае осознания человеком возможного результата своих действий и технологии самодвижения к этому результату.

Принцип *уровневой и профильной дифференциации* – любое действие человека, тем более в вариативных условиях – условиях информатизации его жизнедеятельности, основывается на различиях в задатках человека, условиях его жизнедеятельности, определенной направленности развития каждого человека и предельности этого процесса. Поэтому самоопределение личности в информационно насыщенной среде основано на естественном разделении качества самореализации личности по уровню и профилю.

Принцип *рефлексии* предполагает осмысление личностью всех параметров процесса и своих действий по его организации.

Принцип *сочетания различных видов технологий* заключается в использовании как словесных, так и деятельностных побуждений личности к формированию эмоционально-ценностного отношения к определенной позиции, которую человек занимает в процессе освоения информационного поля деятельности.

Принцип *алгоритмизованного усвоения и воспроизведения дидактических единиц*. Информатизация деятельности человека способствует формированию инновационного типа мышления и действия, основой которых является «теория меры и нормы» восприятия информации (И. Новикова, И.В. Роберт и др.) из всего многообразия информации: смыслообразующие понятия, символы, знаки, структурирование которых рождает алгоритмы упрощенного восприятия и воспроизведения дидактических единиц как во временном, так и содержательном аспектах.

Принцип *характер рефлексии личности в процессе самореализации в информационном поле деятельности* – алгоритмизация поведения и деятельности человека в процессе информатизации социума предполагает изменение его мотивационного и эмоционально-ценностного отношения к направленности и смыслу жизнедеятельности. Оно все более становится прагматичным, нацеленным на результат, проявляющийся в виде волевого самоутверждения личности.

Целью экспериментальной программы являлось формирование готовности личности к профессиональному самоопределению в информационном поле деятельности.

Программа формирования готовности личности к профессиональному самоопределению в информационном поле деятельности разработана с учетом ее возрастных особенностей.

Содержание программы предполагает проектную деятельность личности по осознанию и формированию основ готовности к профессиональному самоопределению в информационном поле деятельности и направлено на профессиональное самоопределение в информационном поле деятельности.

Данная программа содержит следующие разделы: информационный, моделирования, реализации, корректирующий. Разделы программы формирования готовности личности к профессиональному самоопределению в информационном поле деятельности включают в себя теоретический блок (способствует обретению или актуализации теоретического знания о технологии самопознания и особенностях самоопределения личности в личностном и профессиональном аспектах под влиянием информатизации среды социализации человека), практический блок (способствует приобретению положительного опыта проектной деятельности по самопознанию

и формированию основ готовности к профессиональному самоопределению в информационном поле деятельности), диагностический блок (способствует выявлению возможностей личности в самопознании и самоопределении, а также готовности к собственному осознанию, осмыслению собственного опыта).

Программу формирования готовности личности к профессиональному самоопределению в информационном поле деятельности можно использовать в процессе коррекции подготовки личности к самоопределению в условиях семейно-бытовой, педагогической и социально-профессиональной социализации.

Процесс формирования готовности личности к профессиональному самоопределению в информационном поле деятельности является многогранным процессом. Наиболее оптимальным средством реализации программы представляется, на наш взгляд, использование проектной деятельности.

Данная проектная деятельность рассматривалась нами как специально организованная совокупность действий личности, находящейся во взаимодействии с источниками социализации. Эта совокупность действий позволяла личности приобрести положительный опыт создания специальных ситуаций в процессе решения возникающих при этом задач, с целью формирования основ ее готовности к самоопределению в личностном и профессиональном аспектах.

При этом особое внимание уделялось перераспределению роли участников – личность получает большую активность, самостоятельность, становится полноправным участником образовательного процесса, что позволяет эффективнее формировать готовность личности к профессиональному самоопределению в информационном поле деятельности. Это свойственно личности, участвующей в разработке и реализации социально и профессионально востребованных действий, позволяющих ей сформировать основы готовности к самодостаточному и профессионально-значимому самоопределению в условиях информатизации среды социализации личности.

Модель рассматриваемой программы можно представить в виде следующей схемы.

1. Каждый раздел программы реализуется на каждой стадии социализации в личностном и профессиональном аспектах. Так, информационный блок реализуется на этапах целеполагания и профессионального адаптирования; блок моделирования – на этапе становления личностной методики и технологии представления, усвоения и воспроизведения опыта самоопределения; блок реализации – на этапе профессионального моделирования; корректирующий блок – на этапе вариативного профессионального действия.

Рассмотрим более подробно реализацию содержания программы формирования готовности личности к профессиональному самоопределению в информационном поле деятельности.

Первый раздел программы – ***информационный,*** который реализуется на этапах целеполагания и профессионального адаптирования, направлен на решение следующих задач: восприятие и переработка личностью личностно-возможного объема информации о содержании и результатах профессионального самоопределения личности в информационном поле деятельности.

Теоретический блок этого раздела программы предполагает овладение или конкретизацию знаний личностью о возможностях и способах самоопределения в личностном и профессиональном аспектах в условиях информатизации среды социализации.

Практический блок этого раздела способствует приобретению знания о необходимых умениях, свойствах и качествах личности, реализация которых позволяет обеспечить эффективность самоопределения человека, а ***рефлексивный блок*** – осмыслению и осознанию необходимости и меры возможности собственного участия в проектной деятельности.

Основными методами и приемами формирования информационной насыщенности о готовности личности к профессиональному самоопределению в информационном поле деятельности в данном разделе программы являются разъяснение, убеждение, беседа, метод *«мозгового штурма»,* дискуссия, метод ранжирования проблем, технология ТРИЗ, которая предполагает моделирование конечного результата проекта и применение метода контрольных вопросов. Данные методы и приемы знакомят личность с конкретным опытом ее участия в моделировании личностной технологии проектирования.

На этапе целеполагания информационное обеспечение личности было направлено на формирование внутренней положительной мотивации к процессу, выявлению своих возможностей в самоопределении.

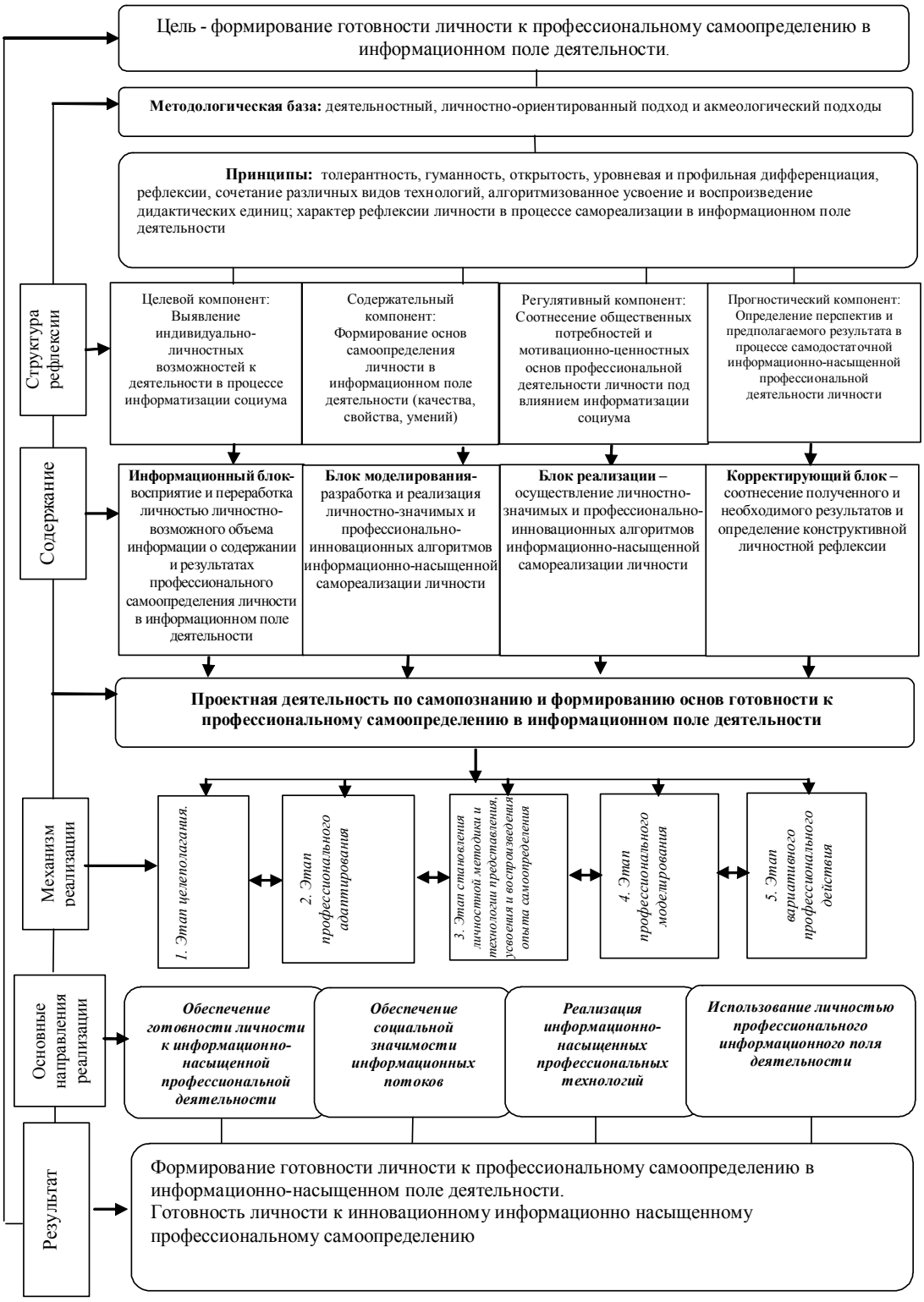


Рис. 1. Модель формирования готовности личности к профессиональному самоопределению в информационном поле деятельности

На этапе профессионального адаптирования информационное насыщение личности обеспечивало ее знанием о профессиограммах различных видов трудовой деятельности и технологии возможной личностной самокоррекции.

На вводном занятии с личностью в подростковом и юношеском возрасте обсуждали их представления об идеальном способе самореализации в конкретной ситуации осуществления проектных действий. Учащимся и студентам предлагалось выявить возможные способы организации своих действий, которые позволят им реализовать личностные основы самоопределения. Далее старшеклассники в процессе изучения математики и юноши в процессе изучения курса «Педагогические технологии», психолого-педагогических спецкурсов участвовали в упражнении *«Общее и уникальное»*. Ценность данного упражнения заключалась в том, что при сравнении себя с человеком и его действиями, выступающими в качестве образца, старшеклассник и студент находил как общие черты, так и отличия с собой.

Старшеклассникам и студентам, которые заявили, что у них отсутствует такой образец, было предложено как можно подробнее описать образ самого себя через 10 лет. Также им было необходимо обсудить названные на занятии и найденные в литературе характеристики с друзьями, родителями, знакомыми и выделить те сведения, которые по значимости ставятся старшеклассниками и студентами на первое место.

На последующих занятиях этапа целеполагания старшеклассники и студенты рассматривали различные ситуации и пытались реализовать проективный метод построения совокупности действий, направленных на выработку личностной технологии самоопределения в процессе социализации. Среди них были такие, как *«Нормативный водоворот» и «Оценочная таблица»*. По форме проведения эти задания предусматривали как индивидуальную аналитическую работу с привлечением литературных источников и экспертных оценок (родители, учителя, сверстники и т.д.), так и групповую дискуссию. В ходе данной поисковой деятельности старшеклассниками и студентами были обозначены представления о возможных действиях по самопознанию и формированию готовности к самоопределению.

Таким образом, были определены конкретные направления и формы работы со старшеклассниками и студентами, которые позволили реализовать обеспечение индивидуально-группового подхода к организации проектной деятельности в рассматриваемом аспекте.

Каждый старшеклассник и студент под руководством преподавателя наметил совокупность действий и разработал ситуации, реализация которых позволяли им сформировать в дальнейшем умения, качества и свойства личности, составляющие основу их готовности к самоопределению.

В качестве основных направлений проектирования своего будущего образа действия старшеклассники и студенты выбирали следующие алгоритмы саморазвития: «Я и профессия», «Обучение и профессионализм», «Информация в моей жизни», «Символизм и образ мышления» и т.д.

Благодаря выполнению такого задания, как *«Зеркало прогрессивных преобразований»*, старшеклассники и студенты определили основные проблемные моменты самопознания и анализа своей готовности к самоопределению и начали построение примерного алгоритма деятельности по решению обозначенной проблемы. Таким образом, выполнение задания «Зеркало прогрессивных преобразований» являлось переходом от этапа целеполагания *к этапу профессионального адаптирования* проектной деятельности старшеклассников и студентов.

Большинство проблем, заявленных в процессе анализа предстоящих действий, направленных на выработку личностной технологии самоопределения в процессе социализации, отражало желание старшеклассников и студентов сформировать у себя те личностно-профессиональные характеристики, которые бы приближали их к личностно-возможному результату. В ходе профессионального адаптирования, основанного на собственном опыте и выявленных знаниях, старшеклассники и студенты столкнулись с дефицитом средств, способных обеспечить желаемый результат. Это определило необходимость привлечения дополнительных информационных источников.

Кроме литературы и мнений экспертов старшеклассники и студенты получали информацию из Интернета, телевизионных передач, художественных фильмов. Список привлекаемых экспертов также был расширен: наряду с выяснением мнения родственников и знакомых, осуществлялось интервьюирование специалистов в различных сферах деятельности.

На примере алгоритма саморазвития «Я и профессия» мы познакомили старшеклассников

и студентов с технологией *мозгового штурма*. Темой для мозгового штурма был поиск тех умений, свойств и качеств личности, который обеспечат продуктивность самопознания и профессионально-значимого самоопределения. В ходе мозгового штурма старшеклассники и студенты генерировали большое количество идей, касающихся технологии личностного самопознания и воспроизведения в своем поведении и деятельности идеального варианта профессионального самоопределения человека.

При разработке ряда алгоритмов саморазвития, в частности, «Информация в моей жизни», старшеклассники и студенты столкнулись с затруднениями при определении логики построения алгоритма, то есть определенной структуры развертывания повествования. Когда учащиеся обратились к преподавателю, им была предложена *технология ТРИЗ*, которая предполагала моделирование конечного результата проекта и применение метода контрольных вопросов.

Реализация любого алгоритма саморазвития, как было отмечено выше, должна заканчиваться созданием продукта, который обязательно должен планироваться. Поэтому мы в течение первых занятий по проектной деятельности по самопознанию и формированию основ готовности к профессиональному самоопределению в информационном поле деятельности постарались нацелить старшеклассников и студентов к обозначению того результата профессионально-значимого самопознания, который они могут достичь сами.

В соответствии с этим многими старшеклассниками и студентами разрабатывались индивидуальные программы самопознания, направленные на выявление их возможностей в будущем профессиональном самоопределении.

Библиографический список

1. *Сохранов В.В., Лупанова Н.А., Груздова О.Г.* Игра в процессе профессиональной подготовки будущего специалиста. – Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2007.

2. *Сохранов В.В., Лупанова Н.А., Стенякова Н.Е.* Особенности подготовки студентов к профессиональной деятельности в процессе изучения дисциплин педагогического цикла. – Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2007.

УДК 378

Морозов Николай Георгиевич
кандидат филологических наук, профессор
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru

ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XI–XVII ВЕКОВ

Основываясь на собственном опыте преподавания истории древнерусской литературы и руководства деятельностью научно-исследовательской группы «Купель», автор статьи подчеркивает важность духовной основы в изучении светской культуры, в светском образовании.

Ключевые слова: *древнерусская литература, научно-исследовательская работа студентов, духовное просвещение, духовно-нравственное воспитание.*

Ю.В. Лебедев в статье «О современных задачах изучения русской литературы в вузе и школе» справедливо заметил: «Все как будто забыли, что любовь к великой литературе даром никому не дается, что её нужно заслужить через духовный и трудный путь приобщения к тем ценностям и святыням, которые в ней заключены и которые она утверждает. Эти ценности никак не зависят от наших мнений о них и от нашего к ним отношения, потому что они абсолютны, как земля, небо и солнце. Классика – не развлечение. Приобщение к ней – не забава, а напряженный труд»[1].

Первые семь веков отечественной литературы предлагаются вчерашним учащимся школ, в которых даются программные материалы по средневековой истории, культуре и литературе, далеко не в том объёме, который будет предъявлен студентам первого курса филологического факультета. И самым трудным в этих учебных занятиях станет для юных филологов постижение тех ценностей и святынь, которые заключены в памятниках нашей древней литературы. А ценности эти – христианские, потому что с крещением Руси Владимиром I Великим началось приобщение сла-

 © Морозов Н.Г., 2010

вян к чтению книг, открылся путь к летописному труду, «стала есть» и древняя литература.

Полагаю необходимым на первой же лекции не отпугнуть студенческую молодежь трудностями, без которых не обойтись в деле изучения этой дисциплины, но пригласить их в путешествие в то великое и благородное прошлое нашей Родины, чтобы стать полновластными наследниками доставшихся им от предков наших духовных культурных сокровищ. Мужественный оптимизм, уверенность в успешном исходе обучения чудесной, интереснейшей дисциплине – с такими настроениями уходят студенты после первой, вводной, лекции. И уносят они с собой начальные знания о предмете. Преподавательская задача состоит в том, чтобы студент перенёсся мысленно во времена зарождения отечественной словесности, сопереживал с чувством сыновней, дочерней любви первым успехам нашей литературы, гордился её достижениями, неповторимым отличием художественного мастерства, удивлялся глубоким и до наших дней актуальным мыслям книжников, летописцев.

Студенты всё более проникаются мыслью о важности, серьезности учебного дела, коему посвятили они себя, не зря избрали профессию филолога, преподавателя отечественного языка и литературы. Они убеждаются, что знать в совершенстве древности отечественной культуры – первостепенная и насущная задача образованной молодежи XXI века.

На протяжении ряда лет кафедра литературы КГУ им. Н.А. Некрасова стремится к углублению сотрудничества с Костромской епархией в сфере образования. Преподаватели кафедры осознают необходимость восстановления в обществе, в том числе и в научной среде, традиционных духовных ориентиров. Вне этих ориентиров невозможно глубокое изучение русской классической литературы. Современная практика её исследования убеждает преподавателей кафедры в справедливости мысли о духовной основе светской культуры и светского образования. Свобода совести и вероисповедания, гарантированные законами государства, недостижимы в условиях религиозного невежества и ценностной дезориентации, в которых воспитывается сегодня большинство молодых людей, в том числе и получающих высшее образование.

Духовное просвещение и духовно-нравственное воспитание – необходимые условия осмысленного нравственного выбора и действительной свободы личности. Без них невозможно обеспечить целостное воспитание и развитие подрастающего поколения. Поэтому педагоги кафедры литературы и кафедры русского языка КГУ имени Н.А. Некрасова и преподаватели Костромской духовной семинарии в феврале 2005 года создали совместными усилиями исследовательскую группу «Купель». Целью этого научно-исследовательского сообщества является проведение научных исследований, удовлетворяющих как требованиям современной гуманитарной науки, так и мировоззренческим основам православной культуры, призванных обеспечить молодым исследователям русской и славянской филологии доступ к духовному наследию Русской Православной церкви.

Настало время подвести итоги этой работы. Оказалось, что деятельность исследовательской группы «Купель» способствует приобщению учащихся Костромской духовной семинарии к опыту исследовательской работы, накопленному гуманитарными кафедрами университета, что весьма положительно сказывается на их учебных занятиях. Студенты филологического факультета, участвующие в исследованиях, осуществляемых по планам «Купели», не только добились впечатляющих научных результатов, но и сами выросли в нравственном и духовном отношении. Дело в том, что христианские ценности и святыни, лежащие в основе не только древнерусской литературы, но и русской классики XIX века, сами по себе оказали и оказывают сильнейшее воздействие на ум и душу молодого поколения филологов, формируют в студентах чувства Добра, Красоты и Правды, учат любви и милосердию в мыслях и поступках.

«Купель» принципиально вовлекает в научно-исследовательскую работу студентов-первокурсников, сразу открывает им перспективы их научного, творческого роста. Студентам первого курса объясняют, что в процессе учебных занятий они смогут пробудить в себе дополнительные, творческие силы, о которых не подозревают, что сама дисциплина даст им интеллектуальную энергию. Они станут видеть и постигать в изучаемых художественных текстах скрытые пока эстетические и нравственные сокровища. Наиболее впечатляющие результаты успешного освоения первокурсниками произведений древнерусской литературы достигаются в случаях

применения инновационных методов обучения. В результате у студентов формируются достаточно устойчивые навыки самостоятельной исследовательской работы. В рамках статьи не представляется возможным обозреть весь комплекс инноваций, поэтому ограничимся примерами, касающимися «Слова о полку Игореве».

Итак, по дисциплине «История русской литературы XI–XVIII вв.» по специальности 021700 (031001.65) «Филология» рекомендуется использовать следующие инновационные методы: **ситуационный и проблемный**.

1. Применение **ситуационного метода** наиболее эффективно при изучении темы «"Слово о полку Игореве" – выдающийся памятник русской литературы XII века».

Перед группой первокурсников ставится задача: представить себя в роли учителя-словесника, который должен разбудить в учениках живой интерес к шедевру отечественной литературы древнейших времен. Для этого используется ситуационный метод с элементами ролевой игры. Цель – максимально приблизить сознание учащихся к историко-культурной обстановке 80-х годов XII столетия, сделать их свидетелями, участниками, «болельщиками», переживающими злободневные, судьбоносные для Киевской Руси события ее культурной жизни.

«Слово о полку Игореве», как известно, открывается диспутом двух поэтов – безымянного певца школы столичного (Киевского) поэта Бояна (к тому времени ушедшему из жизни) и автора «Слова о полку Игореве», представляющего творческую корпорацию региональных поэтов, относящихся к сословию походных певцов-историографов при князе. Однако подлинная суть диспута о том, каким стилем (старым или новым) следует начать «повесть сию» о трудно, с болью выговариваемых событиях военного похода князя Игоря Новгород-Северского против половцев, выходит за рамки сугубо литературной проблемы. Речь идет о переломном для Руси и ее культуры времени: старая держава, нравственным, идейным и эстетическим ядром которой была военно-феодальная, языческая традиция, восходящая к героическим временам легендарного князя Святослава Игоревича, уходила в прошлое. Поэзия теремного, придворного поэта Бояна, выражавшего настроения, интересы дружинной и княжеской знати эпохи Олега, побед Владимира, прославлявшего военную славу Киева, его бескрайние просторы и государственную силу, могущество, – тоже прошла.

Киевская Русь 80-х годов XII века утратила былое единство, ее сотрясали внутренние распри между князьями-вотчинниками, а границы подвергались частым и опустошительным набегам половцев. Великая и грозная держава на глазах современников таяла, теряла военную и государственную силу, становилась заманчивой добычей в глазах иноземных агрессоров, жаждущих победоносных, захватнических войн и скорых побед, сулящих невиданные богатства и множество рабов.

В этих обстоятельствах гражданская, патриотическая инициатива безымянного автора «Слова о полку Игореве», обратившегося со своим «Словом...» не только к литературной и властной элите, но и к народу, к пахарям, кузнецам, ремесленникам, воинам, русским людям, русским женам, заслуживает самой высокой оценки. «Слово» правды о трагической ситуации, в которой оказалась Русь, тонкий, деликатный, исполненный сыновней любви и уважения к традиции культурной, вековому опыту поколений автор обращает ко всем сословиям без исключения.

Элитарная, узкосословная поэзия Бояна для такого разговора не годилась. Вот почему столь важной, насущной становилась дискуссия о том, какие слова подобрать для такого разговора и какому «замышлению» следовать, выстраивая «трудную» повесть о поражении страны и путях спасения любимого Отечества.

2. Все эти предварительные указания преподаватель делает с тем, чтобы студенты интеллектуально и эмоционально настроились на подготовку к воссозданию ситуации исторического диспута о старом и новом стиле (о «старых словесах» или новых – «по былинам сего времени, а не по наущению Бояна»).

3. Студентам группы предлагается разделиться на три подгруппы: одна – во главе с представляющим старого певца, ученика школы Бояна, спорящего с автором «Слова».

Вторая – автор «Слова о полку Игореве» и безымянные региональные поэты, разделяющие эстетику нового поэтического направления.

Третья подгруппа будет представлять в реконструируемой дискуссии поэтов массу зрителей и одновременно – судей из народа, простую «братию» горожан и жителей сельских мест, к которым постоянно обращается автор «Слова». В этой

подгруппе находится и народный певец Ходына, которому и поручается в финале сделать заключение о том, кто одержал победу в споре поэтов старого и нового времени, почему необходимо вести повествование «по былям сего времени», а не подражать манере Бояна.

От подгруппы №1 можно выделить двух учеников старого певца эпохи Бояна, которые вступятся за своего наставника после торжественных похвал Бояну: «Боян бо вещии...» и т.д.

Они могут обратиться к автору «Слова» с упреками такого рода: «Понимаешь ли ты, с каким великим поэтом (Бояном) собираешься померяться силой»? Не лучше ли сейчас признать свое поражение и согласиться с нашим поэтом, учеником великого Бояна?

Старый поэт, видя такую поддержку, произносит вдохновенную похвалу поэтическому мастерству Бояна, воспевавшему «первых лет усобицы» не хуже, а во много раз совершеннее, чем дерзкий спорщик, молодой региональный поэт: Вспомните, как говорил он о временах первых усобиц: «Тогда напускал десять соколов на стадо лебедей: Какую лебедь настигали, та первой и пела песнь – старому Ярославу, храброму Мстиславу, что зарезал Редею пред полками касожскими, Красному Роману Святославичу».

Из группы зрителей-слушателей выходят двое и начинают вопрошать старого поэта:

– Как же старый певец Боян смог купить десять охотничьих соколов, дорогих птиц для княжеской охоты?

– Кто дал певцу деньги для покупки соколов?

– Кто снабдил Бояна слугами, обученными уходу за соколами во время соколиной охоты? Уж не князь ли Киевский за его заслуги?

– Каким образом находил Боян места, над которыми пролетали лебеди, как смог настроить себя на создание песни в тот момент, когда первый сокол сбивал лебедь?

– Кто записывал или запоминал вдохновенные слова Бояна в тот момент? Может быть, его ученики?

Все эти вопросы резонны с точки зрения простых слушателей-горожан, не искушенных в тонкостях этикетного, теремного, стиля Бояновой поэзии.

4. И вот тут автор «Слова» выступает вперед и произносит ответную речь, показывая при этом руки с раскрытыми пальцами (для пущей наглядности), чтобы «братия» поняла смысл «старых словес»: «Боян же, братья, не десять соколов на стадо лебедей напускал, но свои вещие персты на живые струны воскладал; они же сами князьям славу рокотали».

Выходит вперед представитель слушателей (Ходына) и говорит: «Так вот что означали слова Бояна о десяти соколах и стае лебедей! Это пальцы певца и струны его гуслей!»

Выступает второй слушатель из группы простой «братии» и говорит: «Нет, лучше и понятнее нам слова молодого певца, пусть он и ведет повествование «по былям этого времени», нашего времени, а Бояновы «наущения» пусть останутся достоянием прошлых, славных, времен».

Автор «Слова» выходит вперед и возглашает: «Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря...» и т.д.

5. Преподаватель подводит итог учебной ситуации, в ходе которой студенты пытались реконструировать вариант исполнения «Слова о полку Игореве» и объяснить историко-культурное значение диспута старого и молодого поэтов о преимуществах нового поэтического стиля перед стилем Бояна. Одновременно подготавливается материал для проблемного изучения композиции «Слова», в основе которого – диалог.

В ходе таких небольших исследований практикуются индивидуальные и микрогрупповые (до 2-х – 3-х человек) консультации, (на первом курсе до 2-х – 3-х раз в неделю). Студенты осознают себя первопроходцами, результаты их первых опытов научно-исследовательской работы шлифуются около полугода (бывает, и год). Наконец, когда текст выступления подготовлен и отредактирован научным руководителем «Купели», наступает время его научной апробации. Как правило, перед выступлением на студенческой апрельской конференции, разделы исследования зачитываются на семинарских занятиях, в соответствии с пунктами плана этих занятий. И лишь после первого участия в традиционной апрельской студенческой конференции, положительной реакции аудитории, доклад рекомендуется на Кирилло-Мефодиевские чтения и далее – в сборник научных трудов исследовательской группы «Купель».

С 2007 по 2009 годы исследовательская группа «Купель» вошла в состав Международного научного центра славянских языков и культур. В этом качестве она получила новые дополнительные возможности для расширения и углубления своих исследований в сфере изучения об-

щеславянских духовных культурных ценностей, содержащихся в каждой из братских славянских литератур. Усилия исследовательской группы «Купель» и всех участников Международного научного центра славянских языков и культур направлены на расширение научных и культурных контактов с учёными-славистами ближнего и дальнего Зарубежья, на укрепление и развитие научного сотрудничества в духе творческого содружества и взаимовыгодного обмена педагогическими и культурными достижениями. Эти взгляды на творческое сотрудничество народов, их совместное процветание на основе уважения к духовным ценностям и сердечного добрососедства отражены в научных трудах исследовательской группы «Купель». Эти взгляды отражают и уровень духовно-нравственного воспитания её участников.

Примечание

[1] *Лебедев Ю.В.* Православная традиция в русской литературе XIX века: сб. науч. ст. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – С. 12–13.

УДК 378

Мурашко Светлана Владимировна
Читинский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ НА ОСНОВЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

В статье раскрывается проблема формирования содержания технологической культуры будущих инженеров на основе компетентностного подхода. Выявлен педагогический потенциал учебных дисциплин для формирования технологической культуры инженеров, определены методы, формы и средства ее формирования.

Ключевые слова: *технологическая культура, компетентностный подход, методы, формы и средства обучения, будущий инженер.*

Происходящая в стране модернизация системы профессионального образования активизировала деятельность ученых и практиков по поиску наиболее оптимальных путей осуществления профессиональной подготовки будущих специалистов в условиях современных образовательных учреждений. Одним из них, по мнению целого ряда ученых (А.А. Вербицкий, И.А. Зимняя, Э.Ф. Зеер, Н.В. Комиссарова, Т.И. Липатова, А.К. Маркова, А.М. Павлова, А.В. Пашкевич, Ю.Г. Татур, А.В. Хуторский, В.М. Шепель и др.) является построение педагогического процесса учебного заведения, готовящего будущих специалистов для той или иной сферы народного хозяйства, с позиций компетентностного подхода.

В соответствии с основными компонентами технологической культуры специалиста (когнитивный, деятельностный, мотивационно-ценностный и конативный) мы выделяем следующие основные направления работы вуза по ее формированию у будущих инженеров:

1) теоретическая подготовка (вооружение студентов теоретическими и технологическим знаниями, являющимися главным условием успешной профессиональной деятельности и фундаментом технологической культуры);

2) практическая подготовка (выработка у студентов общепрофессиональных и технологических умений и навыков самого широкого диапазона и устойчивости);

3) личностная подготовка (формирование у будущих инженеров мотивационно-ценностной, познавательной, эмоционально-чувственной и нравственно-волевой сфер личности).

Определяя содержание деятельности вуза по формированию технологической культуры будущих инженеров, мы исходили из требований Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 656300 «Технология лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств» (специальность 250403 «Технология деревообработки»). Анализ учебного плана и программ дисциплин всех его блоков показал, что все предметы так или иначе вносят свою лепту в процесс формирования технологической культуры студентов (табл. 1).

Важным средством совершенствования теоретической и практической подготовки будущих инженеров к осуществлению профессиональной деятельности и формированию у них технологической культуры является спецкурс «Технологическая культура инженера».

 © Мурашко С.В., 2010

Таблица 1

Потенциал учебных дисциплин для формирования технологической культуры будущих инженеров (специальность 250403 «Технология деревообработки»)

Блоки	Содержание (цели)
1. Цикл ГСЭ дисциплин (физическая культура, русский язык и культура речи, иностранный язык, отечественная история, культурология, политология, правоведение, философия, социология, экономика и др.)	– формирование собственного научно-гуманистического мировоззрения, культуры мышления; – овладение культурой речи, функциональными стилями русского языка; – вооружение знаниями правовых норм и экономической политики государства; – формирование картины мира и взглядов на природу, общество и человека; – приобретение опыта использования физкультурно-спортивной деятельности для достижения жизненных и профессиональных целей; – знакомство студентов с основными закономерностями и формами регуляции социального поведения, с правовыми и нравственно-этическими нормами в сфере будущей профессиональной деятельности, с правами и свободами человека и гражданина; – формирование умений составлять и использовать нормативные и правовые документы, относящиеся к будущей профессиональной деятельности, принимать необходимые меры к восстановлению нарушенных прав; – овладение основами экономической теории: блага, потребности, ресурсы, экономические системы и отношения, микроэкономика, выручка и прибыль, монополия, рынок труда и др.
2. Цикл математических и естественнонаучных дисциплин (математика, информатика, физика, химия, теоретическая механика, экология, химия древесины и полимеров и др.)	– знакомство студентов с приемами математических рассуждений и математических доказательств, с методами хранения, обработки и передачи информации; – формирование практических навыков работы с информационными технологиями; – изучение технологии сбора, анализа, научно-технической обработки информации; – изучение основ экологии, экономики, организации труда и производства; – знакомство с методами анализа технического уровня, техникой и технологиями в области лесного хозяйства и деревообработки; – изучение информационных технологий в лесопромышленном комплексе; – овладение физическими основами механики и знаниями в области физики и химии древесины; – выработка умений и навыков проведения (химического, физико-химического и физического) анализа; – овладение основами теоретической механики и экологии (биосфера, экосфера, экосистема, рациональное использование природных ресурсов и охрана природы, основы экономики природопользования, экозащитная техника и технологии и т.д.) и др.
3. Цикл общепрофессиональных дисциплин (начертательная геометрия, инженерная графика, механика, теория механизмов и машин, сопротивление материалов, гидравлика, теплотехника, материаловедение, электротехника и электроника, безопасность жизнедеятельности, древесина и лесное производство, экономика производства и др.)	– изучение научных основ всех дисциплин цикла; – формирование различного рода прикладных умений и навыков (графических, чертежных, конструкторских, вычислительных, расчетных, проектных и т.п.); – формирование представлений в области теории механизмов и машин и методов оптимизации в синтезе механизмов с применением ЭВМ; – знакомство с основными понятиями в области гидравлики, теплотехники и термодинамики, технологии конструкционных материалов, а также технологией обработки различных материалов; – изучение древесных растений (их жизнь, рост и развитие); макро- и микроскопическое строение древесины; химические и физические свойства древесины; технологии переработки древесины и использование ее в народном хозяйстве; – знакомство с экономикой производства и основами его организации и др.

Продолжение таблицы 1

Блоки	Содержание (цели)
4. Цикл специальных дисциплин и дисциплин специализации (технология и оборудование лесопромышленного и деревообрабатывающего производства, комплексное использование древесины, транспорт леса, дорожно-строительные материалы и машины, лесное хозяйство; технология деревообработки, гидротермическая обработка и консервирование древесины, технология клееных материалов и древесных плит, технология изделий из древесины, технология и оборудование защитно-декоративных покрытий древесины и древесных материалов, оборудование отрасли, основы автоматизированного проектирования изделий и технологических процессов и др.)	– изучение теоретических основ всех учебных дисциплин, относящихся к данному циклу, являющихся главной составляющей фундамента технологической культуры будущих инженеров; – знакомство с основными современными технологиями, широко используемыми в лесозаготовительных и деревообрабатывающих производствах; – формирование соответствующих технологических умений и навыков, связанных с лесозаготовкой и обработкой древесины; – формирование познавательной, эмоционально-чувственной и нравственно-волевой сфер личности будущего инженера; – овладение знаниями: • нормативных и методических материалов по технологической подготовке производства; • технологии лесозаготовительного, лесохозяйственного и деревообрабатывающего производства; • о перспективах технического развития предприятия; • о системах и методах проектирования технологических процессов и режимов производства; • о применяемых технологических машинах и оборудовании и принципах их работы; • технических характеристик и экономических показателей лучших отраслевых и мировых технологий и изделий в области лесного дела; • нормативов расхода энергии, топлива, сырья, материалов; • основ изобретательства, порядке и методах проведения патентных исследований; • о методах анализа технического уровня и технологии в области лесного дела; • основных требований организации труда при проектировании технологических процессов; • о методах исследовательского проектирования и проведения работ; • об основах экологии, экономики, организации труда и производства; • о правилах и нормах охраны труда, основах трудового законодательства, в том числе и в области лесозаготовки и обработки древесины, и др.; создание благоприятных условий для подготовки студентов к выполнению следующих видов деятельности: • составление планов размещения лесозаготовительных или деревообрабатывающих машин и оборудования, технического оснащения и организации рабочих мест, расчету производственных мощностей и загрузки машин и оборудования; • разработка технически обоснованных норм выработки, норм обслуживания машин и оборудования; • расчет нормативов материальных затрат технологических процессов; • расчет экономической эффективности технологических процессов заготовки леса и деревообработки; • контроль выполнения технологической дисциплины предприятия или отдельных участков и эксплуатации технологического оборудования; • разработка и реализация мероприятий по повышению эффективности производства, направленных на сокращение расхода материалов, снижение трудоемкости, повышение производительности труда; • анализ причины брака и выпуска продукции низкого качества, участие в разработке мероприятий по их предупреждению;

Окончание таблицы 1

Блоки	Содержание (цели)
	• составление патентных и лицензионных паспортов заявок на изобретения и промышленные образцы; • рассмотрение рационализаторских предложений по совершенствованию технологии производства и выдача соответствующих заключений; • проведение научных исследований и технических разработок; • участие в промышленных испытаниях проектируемых лесозаготовительных, транспортных и деревообрабатывающих машин и оборудования; • подготовка исходных данных для составления планов, смет, заявок на машины и оборудование и другие материалы; • разработка проектной и рабочей технической документации; • участие во внедрении разработанных технических решений и проектов, в оказании технической помощи и надзоре при изготовлении, испытаниях и сдаче в эксплуатацию проектируемых машин, оборудования, изделий, объектов; • изучение специальной и научно-технической литературы, достижений науки и техники в области техники и технологии лесопромышленного производства; • консультирование по вопросам разработки, проектирования и реализации прогрессивных технологических процессов и др.

Задачами данного курса являются:

– формирование у будущих инженеров положительной мотивации к профессиональной деятельности;

– вооружение студентов знаниями о сущности и содержании профессиональной компетентности и технологической культуры инженера;

– раскрытие творческого потенциала личности будущего инженера;

– систематизация знания студентов о современных технологиях лесозаготовки и обработки древесины;

– формирование у студентов понимания о путях выбора из многочисленных технологий, используемых сегодня на лесозаготовительных и деревообрабатывающих предприятиях, наиболее эффективных, обеспечивающих более успешное выполнение профессиональных задач и функций;

– интеграция имеющихся у студентов знаний в области профессиональной деятельности и технологической культуре инженера и др.

Программа курса рассчитана на 36 часов. В лекционных материалах курса раскрывается сущность, содержание и структура технологической культуры инженера; определяются роль и место технологической культуры в профессиональной деятельности инженера.

Семинарские занятия ориентированы не только на закрепление теоретических знаний, полученных на лекциях, но и на выполнение целого ряда практических заданий, ответы на задания, предусматривающие осуществление самоконтроля за качеством усвоения знаний.

Спецкурс позволяет пополнить знания студентов в области будущей профессиональной деятельности вообще, в том числе и технической культуры, полученные в процессе изучения дисциплин всех четырех циклов, определенных Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования.

В целом же в ходе изучения учебных дисциплин и активного участия во внеучебной работе студент должен быть готов к решению целого ряда задач, связанных:

– с производственно-технологической деятельностью (организация и эффективное осуществление технологии лесозаготовок и деревообработки и контроля качества древесного сырья, производственного контроля полуфабрикатов и параметров технологических процессов, качества конечной продукции; эффективное использование древесных материалов, оборудования, соответствующих программ расчетов параметров технологического процесса; проведение стандартных и сертификационных испытаний древесных материалов и изделий);

– с организационно-управленческой деятельностью (организация работы лесозаготовительных, деревообрабатывающих предприятий, принятие управленческих решений; определение

оптимального решения для различных периодов планирования; оценка производственных и других затрат на обеспечение качества лесозаготовительной и деревообрабатывающей продукции; осуществление технического контроля и управления качеством лесоматериалов и изделий из древесины);

– с научно-исследовательской деятельностью (анализ состояния и динамики показателей качества объектов деятельности (леса, древесины, изделий, технологических процессов) с применением определенных методов и средств исследований; создание теоретических основ и моделей для прогнозирования лесозаготовок, транспорта, процессов обработки древесины);

– с проектно-конструкторской деятельностью (формирование целей программы (проектов) решения задач, основных показателей и критериев достижения целей, построение структуры их взаимосвязи; разработка вариантов решения проблем, нахождение оптимальных путей их решения в условиях неопределенности, планирование реализации проекта; разработка проектов лесозаготовок, изделий из древесины с учетом технологических, экономических, технических, эстетических и экологических параметров; разработка проектов технических условий, стандартов, технических описаний новых лесозаготовительных процессов и процессов изготовления изделий из древесины).

Как показали результаты исследований ученых и практиков, в успешности выполнения важную роль играет уровень сформированности у будущих инженеров технологической культуры.

Формирование технологической культуры будущих инженеров напрямую зависит от правильного выбора форм, методов и средств организации учебного процесса.

Из всего спектра форм организации аудиторной и внеаудиторной работы студентов, имеющихся в арсенале педагогической науки, нами выбраны формы обучения, максимально подходящие для осуществления педагогической деятельности в рамках компетентностного подхода. К ним мы относим:

– формы обучения: лекции (лекция проблемного характера, лекция-визуализация, лекция вдвоем, лекция – пресс-конференция и др.), практические и семинарские занятия (семинар репродуктивного характера, семинар-дискуссия, семинар-исследование и др.), учебные конференции, экскурсии, лабораторные занятия, практика, курсовые и дипломные проекты, самостоятельная работа студентов и т.д.;

– формы контроля, учёта и оценки знаний, умений и навыков: зачеты, экзамены, защита курсовых и дипломных работ и др.;

– формы организации научно-исследовательской работы: студенческое научное общество, научные конференции, олимпиады, конкурсы и др.;

– формы организации внеаудиторной работы: тематические вечера, встречи, конкурсы профессионального мастерства и различного рода проектов, олимпиады, лекции, беседы, круглые столы, устные журналы, диспуты и др.

Как видим, компетентностный подход предполагает использование всех вышеперечисленных организационных форм обучения на традиционных для высшей школы лекциях, практических занятиях, учебных конференциях, экскурсиях, различных видов практиках, при написании курсовых работ и подготовке дипломных проектов, в процессе самостоятельной работы студентов.

Организуя учебный процесс с позиции требований компетентностного подхода, в ходе обучения, на наш взгляд, целесообразно использовать и дидактические игры, которые таят в себе большое количество резервных возможностей, позволяющих:

– активизировать и интенсифицировать процесс обучения, так как они достаточно сильно стимулируют мотивы учебной деятельности студентов;

– воссоздать межличностные отношения, ситуации принятия коллективных решений, смоделировать реальные условия профессиональной деятельности, в том числе и преобразовательной;

– в широких пределах варьировать проблемность, трудность и сложность учебного материала, включенного в ситуацию игровой деятельности;

– гибко сочетать разнообразные приемы и методы обучения и учения: от репродуктивных до проблемных;

– моделировать практически любой вид профессиональной деятельности.

Важной организационной формой обучения является практика. Подразделяясь на ознакомительную, учебно-производственную и преддипломную, практика предполагает формирование профессиональных умений и навыков вообще, в том числе технологических, в производственных условиях в процессе профессиональной деятельности.

Среди основных организационных форм, широко используемых в вузе, большое значение для эффективности процесса обучения, формирования у будущих инженеров технологической культуры имеет самостоятельная работа студентов. Исследования различных аспектов самостоятельной работы в свое время осуществляли В.И. Андреев, Б.П. Есипов, М.А. Данилов, С.Н. Скаткин, И.Я. Лернер, П.И. Пидкасистый, Н.А. Половникова, А.В. Усова и др. Осуществляясь под «прямым или косвенным руководством преподавателя, она способствует созданию благоприятных условий для самостоятельного выполнения студентами различного вида заданий с целью развития у себя знаний, умений, навыков и личностных качеств» [2].

Другими организационными формами обучения являются формы контроля, учета и оценки знаний. При их умелом использовании преподавателям дается возможность вовремя реагировать на неуспеваемость студентов, корректировать учебный процесс для достижения лучшего результата.

К данным формам мы относим зачеты, экзамены, защиту курсовых работ и дипломных проектов. Так, зачет выступает в качестве формы итогового контроля знаний по результатам изучения учебной дисциплины. Экзамен, выступая в форме итогового контроля знаний, проводится по результатам изучения раздела или всего курса и, как правило, в устной или письменной формах.

Курсовое и дипломное проектирование, направленное на самостоятельное решение студентами целого комплекса учебно-методических, научных, творческих и других, объединенных общей тематикой, задач, также помогает выработке технологической культуры будущих инженеров.

Следующими организационными формами обучения будущих инженеров являются формы организации научно-исследовательской работы. К ним необходимо отнести участие студентов в работе студенческого научного общества, научных конференциях, предметных олимпиадах, конкурсах проектов и др.

В основу процесса формирования технологической культуры будущих инженеров в высшем учебном заведении мы положили следующие методы обучения: информационно-рецептивный, репродуктивный, проблемного изложения, эвристический, исследовательский [3]. В профессиональной педагогике методы воспитания классифицируются как методы организации коллектива, методы убеждения и методы стимулирования.

Методы организации коллектива учеными подразделяются на ряд методов. Среди них – дисциплина, самообслуживание, соревнование, самоуправление. Данные методы во взаимодействии позволяют сформировать коллектив студентов, привить им умения коллективного сотворчества.

Методы убеждения (информация, поиск, дискуссия, взаимное просвещение) способствуют выработке у будущих специалистов гуманистических взглядов и личных убеждений путем взаимного просвещения, участия в дискуссиях, конференциях и др. Убеждаясь в правоте сказанного, студенты формируют свою систему взглядов на мир (природу, общество и человека), представления о техносфере, технике и технологии как результате интеллектуальной, эмоционально-психической и трудовой деятельности человека и др. Убеждение как метод находит свою реализацию в процессе образовательной деятельности будущих инженеров на занятиях по всем предметам учебного плана.

Методы стимулирования (требование, перспектива, поощрение, наказание, общественное мнение) предполагают воздействие на мотивационную сферу, в основе которого лежит формирование у обучающихся осознанных побуждений их жизнедеятельности.

Данные методы мы выбрали в качестве одного из компонентов модели процесса формирования технологической культуры будущих инженеров на основе компетентностного подхода.

К компонентам процесса формирования технологической культуры будущих инженеров на основе компетентностного подхода относятся и дидактические средства обучения.

Учеными выделяются средства обучения для преподавателя и для обучающихся. К первым относят предметы, используемые преподавателем в качестве средства реализации целей образования, ко вторым – индивидуальные средства обучающихся.

Все средства обучения ученые делят на две категории: статические и динамические. К статическим относятся:

– печатные текстовые средства – учебники, учебные пособия;

– простые визуальные средства – оригинальные предметы, модели, картины, таблицы, диаграммы, графики, муляжи, карты.

К динамическим средствам обучения ученые относят:

– механические визуальные средства – диски, эпидиаскоп и др.;

– аудиальные средства – проигрыватели, магнитофоны, радиоприемники;

– аудиовизуальные средства – телевизоры, кино- и видеокамеры, видеомагнитофоны, компьютеры;

– средства, автоматизирующие процесс обучения, – тренажеры, компьютеры и др. [1; 4].

Перечисленные средства обучения в своей совокупности (статические и динамические) образуют единую целостность – учебно-методический комплекс, успешно работающий в условиях умелого использования новых информационных технологий.

Все компоненты содержания процесса формирования технологической культуры будущих инженеров на основе компетентностного подхода взаимосвязаны и взаимообусловлены Их внедрение в учебный процесс вуза позволит сформировать у студентов достаточно высокий уровень технологической культуры.

Библиографический список

1. *Андреев В.И.* Педагогика творческого саморазвития. – Казань: Центр инновационных технологий, 2000. – 608 с.

2. Дидактика технологического образования : книга для учителя: в 2 ч. / Под ред. П.Р. Атутова. – Ч. 1. – М.: ИОСО РАО, 1997. – 230 с.

3. *Лернер И.Я.* Дидактическая система методов обучения. – М.: Знание, 1976. – 64 с.

4. *Плотникова Е.К.* Профессионально ориентированные технологии в системе высшего педагогического образования как педагогическая проблема // Alma mater. – 2002. – №7. – С. 55–56.

УДК 37.0

Прокофьев Дмитрий Викторович

Детская школа искусств «Вдохновение» (г. Москва)

РОЛЬ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ В ФОРМИРОВАНИИ МУЗЫКАЛЬНОГО ВКУСА ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ОБУЧЕНИЯ ИГРЕ НА СОВРЕМЕННЫХ ЭЛЕКТРОННО-КЛАВИШНЫХ ИНСТРУМЕНТАХ

Затронутая в статье проблема отношения к произведениям музыкального искусства, с точки зрения теории ценности и формирования музыкального вкуса, стала в наше время одной из ведущих задач в области музыкальной педагогики, психологии и культурологи. Автор считает, что формирование этих социально-значимых качеств возможно через использование в обучении музыкально-компьютерным технологиям.

Ключевые слова: *музыкально-эстетический вкус, эстетическое воспитание, ценностные ориентации, массовая культура, электронное музыкальное творчество.*

Одна из насущных проблем современной педагогики является проблема музыкально-эстетического воспитания и образования. Способность музыкального искусства воздействовать на человека, участвовать в формировании его духовного мира, взглядов, вкусов, установок, постигать сущность таких понятий как красота, благо, добро, – т.е. все то, что было объединено одним понятием «ценность», то воспитание подрастающего поколения средствами музыкального искусства, становится проблемой огромной важности. И она требует постоянного осмысления все новых и новых его граней. Ведь на протяжении всей истории человечества музыкальное искусство, было, есть и будет источником ярких и сильных впечатлений и переживаний, частью жизни, составляющей бесценную сокровищницу культуры, социальной памяти человечества.

Социализация личности невозможна вне активного процесса приобщения к культурным ценностям, усвоения их, присвоения, т.е. накопления духовного багажа, активного использования его.

Вместе с тем исторический опыт показывает, что далеко не все в музыкальном искусстве сохраняется в веках и имеет непреходящую ценность. Современное состояние и развитие музыкального искусства определяются новыми условиями её бытования. В массах распространяется самое низкопробное искусство, для которого создана мощная «индустрия развлечений», имею-

© Прокофьев Д.В., 2010

щая колоссальное влияние на мировоззрение и образ жизни, мыслей подрастающего поколения. (Уже появился музыкальный наркотик, при слушании которого нарушается биоритмическая работа человеческого мозга). Нужен отбор наиболее ценного материала среди бесконечного потока жизненных впечатлений. Формирование социально полезных качеств человека достигается не только количеством информации, но, прежде всего, их действенностью. От того как трактуется эстетическая ценность зависит направленность эстетического отношения в процессе воспитания.

«Ценность – то, что чувства людей диктуют признать стоящим над всем и к чему можно стремиться, созерцать, относиться с уважением, признанием, почтением (П. Мецнер). Ценность является не свойством какой-либо вещи, а сущностью и одновременно условием полноценного бытия объекта. Наличие множества человеческих потребностей и способов чувствования объясняет существование разнообразных оценок…» [3, с. 507]

Эстетическое отношение человека к миру является одним из видов ценностного отношения, а ценностное отношение мы воспринимаем, прежде всего, через оценку. Ценностное отношение формируется в процессе эстетического образования и воспитания. Ценности непосредственно осваиваются через оценки. Оценки и ценность по сути своей не однозначное явление. «Если ценность дана объективно, то оценка, тем более в сфере эстетической и художественной, всегда определённо субъективна. Оценка – конкретное выражение нашего отношения к воспринимаемому предмету или явлению» [2, с. 47].

О ценностях мы знаем через оценки. Оценки по значению связаны с такими понятиями как суждение, умозаключение, выражаются в художественны эмоциях, личностных смыслах. «Художественные эмоции – это умные эмоции» (по выражению П.С. Выготского).

Что бы человек ни делал, в каких бы условиях не действовал, он всегда дает оценку, он всегда выражает свое отношение к предмету, к процессу деятельности. Эта оценка противоречива по своему характеру: она и эмоциональна, и интуитивна, и рациональна. Она всегда отражает особенности и уровень развития эстетической культуры личности.

Образование и воспитание эстетически развитой личности предполагает единство двух сторон эстетического восприятия и познания – эмоционального и интеллектуального и соответствующие оценки. Музыкально-эстетическая оценка, связанная с понятием «ценности», может служить компонентом более сложного психолого-педагогического образования: ценностные ориентации, которые непосредственно связаны с эстетическим музыкальным вкусом.

Говоря о современном музыкальном мире, перед нами встает новая система ценностных и мировоззренческих ориентаций подрастающего поколения, на базе уже накопленного культурно-художественного потенциала. Человек XXI века живет в медиатизированном пространстве и черпает свои эстетические представления именно из медиасреды.

Бурное развитие средств массовой коммуникации, технических средств тиражирования и распространения культуры преобразило и обновило культурную ситуацию в мире. Художественные ценности начали массово тиражироваться и в этом своем качестве стали всеобщим достоянием. Демократические преобразования в механизме распространения культуры способствовали активному развитию таких феноменов, как массовая, повседневная культура, поп-индустрия.

Однако наблюдается диспропорция, разрыв между музыкальными представлениями подрастающего поколения об истинных ценностях прошлого и современного музыкального искусства.

«…Новый тип музыки забрал в свои руки все то, что расположено между самой передовой музыкой и музыкой развлекательной… Вот её характерные черты – драматически ловко выбранные места, доступность, пестрота красок, чувство иронии и разумное воздержание от всего того, что может оказаться слишком сложным в духовном или в чисто музыкальном отношении…» [1, с. 168].

Имеющийся уровень музыкальной культуры, на основе измерения интенсивности, направленности, оценочных представлений, предпочтений музыкальных жанров, направлений мы проводили в анкетировании не только учащихся, но и преподавателей музыкальных дисциплин.

На вопрос анкеты: «Знаете ли Вы социальные функции искусства?» – 92% педагогов ответили – «да», однако, при проведении «круглого стола» по теме «Социальные функции искусства» на этот вопрос смогли ответить только 25% педагогов.

Уверенность в умении дать правильную эстетическую оценку музыкальному произведению,

в которой содержится и эмоциональный и интеллектуальный компоненты смогли 85%. Этот процент подтвердился при проведении бесед по теме «Музыкальная оценка и её компоненты».

Для проверки заданий на выявление направленности музыкального вкуса учащихся, умения ориентироваться в произведениях искусства были следующие результаты: только 11% учащихся проявляет интерес к истинным ценностям музыкальной сокровищнице, но произведения, практически, называют только те, которые изучали на уроках музыкальной литературы, фортепиано, синтезатора. Дать оценку музыкальному произведению на основе приобретенных во время обучения теоретических знаний (мы говорим об учащихся школ искусств, домов детского и юношеского творчества, центров образования, где есть музыкальные классы), учащиеся не могут. Только очень маленький процент смог правильно оценить музыкальное произведение (7%).

Однако в области современной развлекательной музыки у детей поистине широкие знания, они очень легко ориентируются в стиле, направлении, хорошо знают современных исполнителей инструментального и вокального жанров – 75%.

Данные вопросы были направлены не только на выявление знаний в области музыкальной культуры, но и на выявление музыкальных вкусов учащихся. Формирование взглядов, вкусов, творческого воображения и критического суждения на те, или иные процессы, прежде всего, связаны с расширением опыта, кругозора, с определенным объемом знаний, формированием у детей основ музыкального теоретического мышления, которое лежит в основе творческого отношения к произведениям музыкального искусства.

Немаловажную роль в формировании музыкального вкуса учащихся играет их отношение к новым электронным музыкальным инструментам, в данном случае мы говорим о синтезаторе. Музыкальный компьютер – синтезатор это ведь не только проявление поп-культуры, как большинство учащихся представляет, он может и должен использоваться и в русле академического жанра.

Вопрос о месте электронного музыкального инструмента – синтезатора в музыкально-эстетическом воспитании учащихся, в формировании музыкального вкуса, эстетических представлений и умения ориентироваться в произведениях искусства не вызывает сомнений. Он создает возможность овладевать более глубокими навыками в освоении теоретического материала, изучении звучания различных музыкальных инструментов, развития ассоциативного мышления, чувствительности к интонации, остроте ритма, наконец, заниматься музыкальной композицией.

«Между тем в музыкальном быту все большее распространение приобретает новый класс музыкальных инструментов, куда входят клавишные синтезаторы… Массу чисто технических проблем берет на себя электроника, и, чтобы ярко озвучить музыкальную композицию, здесь совсем не обязательно обладать виртуозной беглостью пальцев и массой других узкопрофессиональных навыков…» [4, с. 6–7].

В последние годы в связи с внедрением в учебный процесс электронно-клавишных инструментов появились новые аспекты в изучении формирования музыкально-эстетического вкуса, ценностных ориентаций в произведениях музыкального искусства. Оценка выступает необходимым компонентом обучения. Она выступает и показателем усвоенных знаний, развивает умение ориентироваться в широком объеме информации, анализировать её, выделяя существенное и, наконец, использовать эти знания для самостоятельного изучения сокровищницы музыкальной культуры.

«…Опираясь на содержание и логику науки о художественной культуре, можно выдвинуть положение о специфической группе функций знаний в содержании общехудожественной подготовки. К этим функциям относятся следующие:...

– *оценочная* (обусловлена тем, что общехудожественные знания выступают как одна из основ аксиологической деятельности, позволяющей оценивать произведения искусств по их роли и месту в целостном континууме художественной культуры)» [5, с. 15–16].

Немаловажным фактором является возможность формирования у учащихся новой композиторской техники. В этом значительную помощь оказывают методы открытые в электроакустической музыки (изучение метода управления отдельными параметрами звуков, моделированием резонансов, созданием фактурных пластов, редактированием записанного материала).

«Работа над музыкальным произведением на основе электронных инструментов, как отмечено выше, состоит из аранжировки и исполнения… Среди них наиболее значимой является композиторская деятельность» [4, с. 286].

При этом принципиальной особенностью, определяющей познавательную, оценочную деятельность, которая является, на наш взгляд, фундаментом развитого музыкального вкуса, является то, что при обучении игре на синтезаторе необходимо управление, осознание сразу множества новых, разнообразных объектов и явлений, связанных между собой в области музыки (элементарная теория, гармония, инструментоведение, инструментовке, аккомпанемента, транспозиции и т.д.)

Как мы видим, учащийся получает возможность познакомиться с широким кругом подходов к существующей проблеме, и при внимательном, целенаправленном обучении составить более ясное представление о готовности учащихся к самостоятельной познавательно-аналитической деятельности, к формированию собственного музыкального вкуса.

В заключение хотелось бы отметить важность поднятой проблемы. Её актуальность продиктована значимостью эстетического воспитания, способствующему формированию духовных, гуманистических ценностей учащихся. Человек может оценивать произведения искусства, если у него сложились определённые взгляды и убеждения, что непосредственно связано с формированием музыкально-эстетического вкуса.

Анализ взаимосвязи особенностей музыкально-теоретического мышления, опора на достижения в области музыкально-компьютерных технологий являются той движущей силой, которая способствует личности не только активно воспринимать, но и понимать, а также оценивать произведения музыкального искусства.

Библиографический список

1. *Адорно Т.* Избранное: Социология музыки. – М.: РОССПЭН, 2008.

2. *Апресян Г.З.* Вопросы теории эстетического воспитания. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1970.

3. *Губский Е.Ф., Кораблева Г.В., Лутченко В.А.* Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2001.

4. *Красильников И.М.* Электронное музыкальное творчество в системе художественного образования. – Дубна: Феникс+, 2006.

5. *Рапацкая Л.А., Шевчук Л.Э.* Системность общехудожественных знаний как проблема музыкальной педагогики // Профессионально-педагогическая направленность подготовки учителя музыки: Сборник научных трудов. – М.: МГОПИ, 1993.

УДК 74:200.52

Сальникова Елена Витальевна

Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского

prof_sochranov@mail.ru

ИНОЯЗЫЧНЫЙ ФОЛЬКЛОР КАК ИННОВАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

В статье рассматриваются возможности использования иноязычного фольклора в процессе профессиональной подготовки будущих специалистов на основе технологического подхода к взаимодействию участников педагогического процесса вуза.

***Ключевые слова**: фольклор, технология, профессиональная подготовка.*

В современном мире процесс формирования единого межкультурного пространства протекает особенно активно. Как следствие, возникает проблема осуществления диалога культур, продуктивность которого во многом зависит от наличия у его участников умений и навыков межкультурного общения, т.е. от их коммуникативной компетенции, формирование которой является на сегодняшний день актуальной проблемой профессиональной подготовки студентов в вузе.

Термин «коммуникативная компетенция» был введен в научный обиход М.Н. Вятютневым. Он предложил рассматривать это понятие «как выбор и реализацию программ речевого поведения в зависимости от способности человека ориентироваться в той или иной обстановке общения; умение классифицировать ситуации в зависимости от темы, задач, коммуникативных установок, возникающих у учеников до беседы, а также во время беседы в процессе взаимной адаптации» [2].

Под коммуникативной компетенцией понимается «феноменальная категория, отражающая нормативные знания семантики языковых единиц разных уровней, овладение механизмами пост-

© Сальникова Е.В., 2010

роения и перефразирования высказывания, умение порождать дискурс любой протяженности, сообразуясь с культурно-речевой ситуацией, включающей параметры адресата, места, времени и условий общения, умение реализовать в иноязычной речи различия между родным и иностранным языком, осуществлять сознательный и автоматический перенос языковых средств из одного вида речевой деятельности в другой, из одной ситуации в другую» [1].

Формирование коммуникативной компетенции есть непрерывный процесс решения средствами изучаемого языка невербальных, поведенческих, актуальных для общества и самих студентов задач, ведущих к расширению границ коммуникации, готовности к гибкому взаимодействию с партнером по речевому общению.

Основой коммуникативной компетенции являются **социокультурные знания**, которые могут охватывать следующие сферы функционирования определенного языкового сообщества: «повседневная жизнь (праздники, рабочий день, досуг, быт), условия жизни (уровень жизни, условия проживания, система социальной помощи), межличностные отношения (классовая структура общества, семейные отношения, отношения между представителями разных поколений, отношения на работе, отношения между политическим и религиозными группами и др.), система ценностей, убеждений применительно к следующим явлениям и понятиям (государственная служба, сфера образования, управление, безопасность, традиции, искусство, религия, юмор), язык жестов (традиции данного аспекта поведения нации), правила этикета (подарки, одежда, этикет знакомства, прощания и др.), выполнение ритуалов (фестивали, праздники, поведение в общественных местах во время представлений и церемоний и др.).

Выделяются также **межкультурные знания**, под которыми понимаются «умения устанавливать сходства и различия между культурами родной страны и страны изучаемого языка. Межкультурные знания предполагают сформированность ряда навыков и умений, например: умение гибко использовать разнообразные стратегии для установления контактов с представителями иных культур, умение выступать в роли посредника между представителями своей и иноязычной культуры и эффективно устранять недопонимание и проблемные ситуации, вызванные различиями между ними, умение преодолевать сформировавшиеся стереотипы».

Успешное формирование навыков межкультурного общения неизбежно сопряжено с изучением специфики коммуникативного поведения в разных социальных сферах представителей иноязычного общества. В связи с этим в процессе обучения речевому поведению следует сформировать в сознании студентов концепты общения, принятые в иноязычной культуре.

Изучение фольклора является важным средством формирования коммуникативной компетенции. Поскольку у каждого народа своя философия, своя концептосфера, то в процессе изучения фольклорных текстов выявляются и различия, и то общее, что характерно для разных этносов, что способствует сближению национальных культур и, в конечном счете, взаимопониманию.

Знание определенных моделей речевого поведения, стратегий и тактик иноязычного необходимо для прогнозирования поведенческих реакций собеседника и хода развития событий общения, для выбора необходимых коммуникативных стратегий. Все это способствует приобщению к концептуальной системе мировидения носителей различных языков, развитию умения адекватно интерпретировать и принимать национальное своеобразие партнеров по коммуникации, что в целом способствует формированию готовности вступать в межкультурное общение.

Термин **«фольклор»** (в переводе «народная мудрость») впервые ввел в научный обиход английский ученый У.Дж. Томс в 1846 году. Поначалу это понятие охватывало всю духовную (верования, танцы, музыка, резьба по дереву и пр.), а иногда и материальную (жилье, одежда) культуру народа. В современной науке нет единства в трактовке понятия «фольклор». Иногда оно употребляется в первоначальном значении: составная часть народного быта, тесно переплетающаяся с другими его элементами. С начала XX в. термин используется и в более узком, более конкретном значении: устное народное творчество.

Фольклор был словесным искусством, органически присущим народному быту. Различное назначение произведений породило жанры, с их разнообразными темами, образами, стилем. В древнейший период у большинства народов бытовали родовые предания, трудовые и обрядовые песни, мифологические рассказы, заговоры. Решающим событием, проложившим рубеж

между мифологией и собственно фольклором, стало появление сказки, сюжеты которой осознавались как вымысел.

В фольклоре существуют жанры продуктивные, в недрах которых могут появляться новые произведения (частушки, поговорки, городские песни, анекдоты, многие виды детского фольклора), и непродуктивные, но продолжающие свое существование. Поют и многие народные песни. А вот былины и исторические песни в живом исполнении уже практически не звучат.

Фольклор каждого этноса неповторим, так же, как его история, обычаи, культура. Так, былины, частушки присущи только русскому фольклору, думы – украинскому и т.д. Баллада у шотландцев приобрела четкие жанровые отличия, в то время как у русских она близка к лирической или исторической песне. У каждого народа свой арсенал метафор, эпитетов, сравнений. Так, русской пословице «Молчание – золото» соответствует японская «Молчание – цветы».

Итак, к основным фольклорным жанрам относятся миф, ода, сага, скороговорка, легенда, пословица, поговорка, сказка, былина, песня, баллада, эпос.

Наиболее эффективными для применения с точки зрения повышения продуктивности процесса обучения являются такие фольклорные формы, как пословицы, поговорки, скороговорки, сказки, песни.

Пословицы справедливо считают отражением народной мудрости, то есть тем самым этническим культурным опытом, который хранится в языке и передается из поколения в поколение.

«**Пословица** – краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; имеет форму законченного предложения» [3]. «**Поговорка** – краткое изречение, нередко назидательного характера, имеющее, в отличие от пословицы, только буквальный план и в грамматическом отношении представляющее собой законченное предложение» [3].

Пословицы и поговорки позволяют проникнуть в концептосферу народа, понять его ментальность, выявить сходные и различные черты в мировосприятии разных этнических групп, т.к. в паремиях нашли отражение веками складывающиеся модели речевого поведения, свойственные представителям данных культур и обладающие определенным набором характеристик.

Следует подробнее остановиться на пословицах и поговорках, характеризующих модели успешного речевого поведения: требования к речи, этические нормы общения, отношение к красноречию, особенности речевого поведения в различных коммуникативных ситуациях и т.д.

Так, в пословицах и поговорках русского и английского фольклора отражены стратегии, зависящие от достоинств партнера по общению: «С умным разговориться – что меду напиться». «С глупой речью сиди за печью». В английском языке: “A word to the wise is enough”. “Speaking without thinking is shooting without aim”.

Одно из требований к речи как в русской, так и в английской коммуникативной культуре – краткость, четкость изложения мыслей: «Коротко да ясно – оттого и прекрасно». Паремиям «Хороша веревка длинная, а речь короткая», «Слово – серебро, молчание – золото», соответствуют английские эквиваленты: “The less people think, the more they talk”. “Who knows most says least”. “Speech is silver, silence is golden”.

Как и другие коммуникативные категории, пословицы и поговорки можно рассматривать и в качестве концептуальных знаний о речевом поведении. Русские предписания – «Говори подумав, садись осмотревшись», «Говори, да не спорь, а хоть спорь, да не вздорь» – эквивалентны английским “First think, then speak”. “Be slow to promise and quick to perform”.

Не менее продуктивным средством повышения эффективности профессиональной подготовки студентов и обогащения их сознания знаниями об иноязычной картине мира и концептосфере других культур является сказка как один из основных жанров устного народно-поэтического творчества. **Сказка** – эпическое, преимущественно прозаическое художественное произведение волшебного, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел. Сказкой называют различные виды устной прозы, что приводит к разногласиям в определении её жанровых особенностей и образовательного потенциала. Чаще всего этот жанр устного народного творчества путают с мифом: «Сказка и миф иногда настолько полно могут совпадать между собой, что в этнографии и фольклористике такие мифы часто называются сказками» [5]. Дидактический потенциал сказки не вызывает сомнений. «Возникновение волшебной сказки относят к временам архаическим и связывают с верой в тотем. В сказке

четко разграничиваются добро и зло, причем финал непременно оптимистичен. Помимо этого, сказка – добрым молодцам урок, отсюда усматривается еще одно отличие от новеллы, где откровенная дидактика необязательна» [4].

Кроме того, данный фольклорный жанр может рассматриваться как наиболее надежный источник сведений о национальном характере. Так, женскому русскому характеру в народном творчестве свойственны те же черты, что и мужскому: обычно внутренняя красота и таланты спрятаны глубоко и хитроумно, нужно видеть сердцем, а не глазами, чтобы из лягушки получить жену-красавицу, а из чудовища – мужа-царевича. О героине русских сказок хорошо сказал Иван Игоревич Соловьев (1944–1984), московский учитель-словесник, ни одно из сочинений которого не было напечатано при жизни.

В жанровом своеобразии иноязычного фольклора следует выделить и песни, которые являются эффективным средством обогащения сознания студентов социо- и межкультурными знаниями, адекватным аутентичным материалом для создания интеркоммуникативной компетенции. Песня – прекрасное методическое средство для формирования первичных знаний о другой культуре.

Неоценимую помощь в формировании социокультурной компетенции студентов способны оказать народные песни. Их мудрость, мелодика и заразительность прививают высокий эстетический вкус, учат толерантности, помогают познавать историю и культуру иноязычных стран.

Приведем конкретные примеры. “Billy Boy” – традиционная песня первых английских иммигрантов в Америке, прибывших туда в начале 1600-х годов. Авторы слов и музыки неизвестны. Переселенцы жили натуральным хозяйством, т.е. все, чем они питались и что носили, создавалось ими самими. Мужчины были пахарями, лесорубами и строителями, а женщины готовили еду и шили одежду. Высоко ценилась девушка, умевшая все делать по дому и хозяйству. В этой песне мать задает сыну Билли вопросы о его избраннице, ее манерах и мастерстве. В ответ сын рассказывает о девушке в шутливой гротескной форме: вишневый пирог она может приготовить так быстро, что не успеешь и глазом моргнуть, перину может взбить, даже стоя на голове, рост у нее не ниже сосны.

Процесс формирования культурной компетенции включает в себя обучение не только знаниям, но также умению правильно проживать ситуацию в иностранном окружении. Тогда коммуникативная компетенция обязательно принимает форму обогащенного взаимодействия между двумя культурами, цель которого – падение барьеров, возникновение взаимопонимания и единения. Это очень важно, так как даже внутри одного общества чаще возникает не взаимодействие культур, а их противопоставление. Для создания коммуникативной компетенции в процессе профессиональной подготовки студентов можно выделить среди других целей те, на которые обращает внимание большинство дидактов:

1. Осознание того, что всякая система ценностей, являясь относительной, составляет часть изучаемой культуры.

2. Умение выразить это осознание через адекватное поведение как в языковой, так и в неязыковой форме.

3. Умение идентифицировать и интерпретировать разнообразие и сложность проявления чужой культуры в разных социальных, экономических и исторических контекстах. При этом участники диалога должны осознавать, что этническая принадлежность не является основным признаком собеседника, характеризующим его как личность.

Реализация этих целей в процессе профессиональной подготовки студентов определяет их коммуникативное поведение в соответствии с тем, насколько правильно они умеют выделять, определять и анализировать лингвоповедение как своего собеседника, так и свое собственное. В конечном итоге формируется способность моделировать свое собственное поведение, что и будет являться результатом интерактивной компетенции.

Достижению этих целей во многом способствуют антивоенные песни, которые занимают особое место в американской фольклористике и имеют важное значение в современном мире.

Успешное формирование коммуникативной компетенции неизбежно сопряжено с изучением специфики речевого поведения в разных социальных сферах представителей другого культурного общества. В связи с этим в процессе профессиональной подготовки следует сформировать в сознании студентов концепты коммуникативной культуры, необходимые для осуществления продуктивного взаимодействия с иноязычными собеседниками.

Таким образом, иноязычный фольклор как инновационная технология профессиональной подготовки студентов во многом способствует формированию межкультурной компетенции, что является одной из ключевых задач современного образования.

Библиографический список

1. *Бастрикова Е.М.* Коммуникативная компетенция как лингводидактический феномен // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. – С. 43–48.

2. *Вятютнев М.Н.* Коммуникативная направленность обучения русскому языку в зарубежных школах // Русский язык за рубежом. – 1977. – №6. – С. 38–45.

3. Жуков В.П. // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

4. Размышления Ивана Соловьева об Эросе // Человек. – 1991. – №1. – С. 208.

5. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово/Slovo, 2000. – С. 146.

УДК 593.1

Румянцев Сергей Александрович
Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского,
Сохранов Владимир Васильевич
доктор педагогических наук, профессор
Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского
prof_sochranov@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ САМОРАЗВИТИЮ

В статье представлены результаты исследования, проведенного в Пензенском государственном педагогическом университете им. В.Г. Белинского, которые раскрывают концептуальные основы педагогического сопровождения формирования готовности студентов педагогического вуза к саморазвитию.

***Ключевые слова**: готовность; саморазвитие; формирование готовности к саморазвитию.*

Динамичны изменения содержания социально-экономических отношений в обществе и деятельности образовательных учреждений на основе модели развития российского образования до 2020 г. – составной части Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. С одной стороны, процесс реформирования системы образования предполагает введение новых требований к качеству подготовки студентов в отношении профессиональной деятельности. С другой стороны, используются традиционные способы их профессиональной подготовки.

Преподаватель вуза ощущает необходимость творческого подхода к профессиональной подготовке педагога, сущность которой заключается в формировании профессионально значимых компетенций, основанных на готовности будущего педагога к саморазвитию.

Проблема научного обоснования целей, содержания, технологии и модели профессиональной подготовки будущего педагога актуальна, отвечает потребностям школьной практики и высшего профессионального педагогического образования, в котором наметилась тенденция поиска новых подходов к формированию готовности студентов педагогического вуза к профессиональному саморазвитию.

В отечественной и зарубежной научной литературе, содержащей анализ концепции и моделей обучения студентов, подготовки их к саморазвитию, основное внимание уделяется описанию когнитивных процессов и отдельных факторов, влияющих на качество обучения и развития студентов; методам, способам и технологиям обучения будущих специалистов, в частности, изучению принципов работы памяти (И.А. Зимняя, Н.В. Клюева, А.А. Реан, Я.Л. Коломенский, Р.Л. Хон, Н.В. Бордовская, А. Бэддели, В.Н. Дружинин, Ю.Б. Гиппенрейтер, П.Е. Решетников, С.Л. Рубинштейн, Р. Солсо, И.Ф. Харламов).

Проблема саморазвития личности и ее готовности к профессиональному саморазвитию является одной из важнейших проблем современного научного знания. Саморазвитие исследователи понимают как процесс становления самосознания (Б.Г. Ананьев, В.А. Петровский, Л.И. Рувинский

© Румянцев С.А., Сохранов В.В., 2010

и др.); способность личности самостоятельно ставить и решать задачи на самоизменение (В.М. Дуболелова, Г.А. Цукерман и др.); самодвижение, приводящее к качественным изменениям системы (А.А. Ухтомский, Э. Эриксон и др.); жизнедеятельность и активность личности (В.М. Маралов и др.).

Идея саморазвития рассматривается и в некоторых областях философской антропологии. В.Н. Слободчиков отмечает, что идея самосозидающего, трансцендирующего, открытого ко всяким возможностям человека – центральная для философской антропологии.

В современной психологии активно исследуются идеи саморазвития. Процесс саморазвития рассматривается и в практической психологии.

И.В. Вачков отмечает, что целью многих тренингов личностного роста является активизация, создание благоприятных условий и определение направления саморазвития человека.

Л.Д. Столяренко утверждает, что саморазвитие является одной из целей учебной деятельности, человек во время обучения должен не столько получить знания, сколько научиться самостоятельно их добывать и при необходимости использовать в процессе решения профессиональных и бытовых вопросов.

Педагогическое толкование сущности процесса саморазвития связано в современной педагогике с решением образовательных проблем. А.И. Кочетов отмечает, что среди основных функций образования в XXI веке главной функцией будет обеспечение психологической и практической подготовки личности к дальнейшему самообразованию и самовоспитанию. Н.В. Бордовская считает, что саморазвитие необходимо рассматривать как цель воспитания.

В соответствии с современными тенденциями развития образования саморазвитие также становится целью обучения. (Е.П. Белозерцев, В.А. Сластенин, А.Д. Гонеев, А.Г. Пашков и др.).

Важное место проблемы саморазвития личности занимают в педагогике профессионального образования, где саморазвитие рассматривается как фактор реализации творческой индивидуальности (В.А. Сластенин).

Анализ выводов и результатов вышеназванных исследований позволил в процессе исследования использовать следующую трактовку основных понятий.

Саморазвитие личности рассматривалось нами как процесс возникновения и реализации готовности личности к проявлению способности самостоятельно ставить и решать задачи по ее самоизменению.

Профессиональное саморазвитие определено нами как возникновение и реализация готовности личности к проявлению способности самостоятельно ставить и решать задачи по ее самоизменению в процессе профессиональной деятельности и с целью профессионального самосовершенствования.

В психолого-педагогических исследованиях категория «профессиональная готовность» имеет различную трактовку. Так, одни авторы определяют её как некое функциональное состояние (Н.Д. Денисов – «предстартовое состояние», Д.Н. Узнадзе – «психическая установка»). Другие исследователи считают, что профессиональная готовность раскрывает наличие у личности определенной совокупности умений и навыков.

В нашем исследовании под готовностью студентов педагогического вуза к профессиональному саморазвитию мы понимали интегративное качество личности, которое характеризуется ее позитивным отношением к педагогической деятельности; наличием стремления к реализации саморазвития в процессе учебной деятельности с целью более глубокого понимания своих педагогических возможностей и способности к постоянному самоизменению в процессе обучения дисциплинам педагогического цикла на основе совокупности специальных умений и самостоятельной активной деятельности в аспекте самообразования.

Готовность личности к профессиональному саморазвитию формируется в процессе непосредственного профессионального образования, которое побуждает студентов к развитию основ профессиональной мотивации, направленности и профессионально необходимых качеств и свойств личности с помощью специально разработанных моделей и алгоритмов взаимодействия преподавателя и студентов.

Формирование готовности студентов к профессиональному саморазвитию является одной из целей учебной деятельности. В частности, студенты во время обучения дисциплинам педагогического цикла должны научиться самостоятельно добывать знания, формировать опыт самообразования и готовность к саморазвитию. Огромное значение в этом процессе имеет активность самой личности, ее творческо-преобразующей деятельность (И.Ф. Харламов).

Время обучения студентов в вузе обусловлено становлением умений и навыков готовности студентов к профессиональному саморазвитию. Это совпадает с первым периодом зрелости и характеризуется становлением личностных свойств, определяющих готовность будущих педагогов к профессиональному саморазвитию. Заметно укрепляются такие качества, как целеустремленность, решительность, настойчивость, самостоятельность, инициатива, умение владеть собой, наблюдается усиление социально-нравственных мотивов поведения, повышается интерес к моральным проблемам – образу и смыслу жизни, долгу и ответственности, любви и верности и др. (Н.В. Бордовская), что составляет основу их готовности к профессиональному саморазвитию в процессе обучения дисциплинам педагогического цикла.

Студенты в большинстве своем, по мнению И.А. Зимней, не умеют рационально организовать свое саморазвитие и самообучение, следовательно, одной из важных задач является формирование готовности студента к профессиональному саморазвитию, которая проходит три стадии: от адаптации первокурсников и становления умений рационально организовывать учебную деятельность до активного профессионального самовоспитания на старших курсах.

Как показывают исследования В.П. Беспалько, В.П. Линькова, А.Г. Молибог, для подготовки студентов к формированию готовности к профессиональному саморазвитию необходимо иметь модель и четкий алгоритм эффективного профессионального саморазвития, который бы позволил эффективно осуществить исследуемый процесс на основе имеющихся знаний и сформированной у них совокупности умений.

С целью подготовки студентов к саморазвитию в педагогическом процессе вуза необходимо преподавателям проводить специальную работу со студентами на основе разработанной модели. Для повышения эффективности такой работы необходимо выделить условия эффективной подготовки студентов к профессиональному саморазвитию с помощью модели в процессе обучения дисциплинам педагогического цикла.

Анализ педагогической литературы и наши наблюдения позволили выделить следующие педагогические условия формирования готовности студентов к профессиональному саморазвитию в процессе обучения дисциплинам педагогического цикла:

– организационно-педагогические (формирование готовности студентов к реализации алгоритма саморазвития; разработка критериев и уровней степени сформированности готовности студентов педагогического вуза к профессиональному самоопределению в процессе обучения дисциплинам педагогического цикла и др.);

– дидактические (выявление содержания и компонентного состава готовности студентов педагогического вуза к профессиональному саморазвитию; определение оснований для готовности различных групп студентов к самостоятельной познавательной деятельности на основе разработанной модели с использованием алгоритма саморазвития в процессе проектирования и выполнения учебных заданий и др.);

– психолого-педагогические (воспитание позитивного отношения студентов к самостоятельной познавательной деятельности как основы их готовности к профессиональному саморазвитию; формирование потребности студентов в самообразовании; обеспечение студентов знаниевым компонентом и умениями использовать психологические свойства своей личности в процессе формирования готовности к профессиональному саморазвитию и др.).

Повышению эффективности формирования готовности студентов педагогического вуза к профессиональному саморазвитию в процессе обучения дисциплинам педагогического цикла способствуют теоретические занятия и специальные упражнения по использованию алгоритма саморазвития личности, являющегося средством реализации модели формирования готовности студентов к профессиональному саморазвитию.

Констатирующий этап эксперимента позволил выявить недостатки в подготовке, руководстве и побуждении студентов к саморазвитию; выявил проблемы педагогического и методического сопровождения формирования готовности студентов к профессиональному саморазвитию в процессе обучения дисциплинам педагогического цикла, что позволило определиться с направлениями и содержанием дальнейшего исследования.

В процессе констатирующего этапа исследования мы пришли к выводу о том, что эффективную подготовку студентов к профессиональному саморазвитию можно обеспечить реализацией содержательной части модели формирования готовности студентов к профессиональному саморазвитию в процессе обучения дисциплинам педагогического цикла.

С целью формирования позитивного отношения студентов к профессиональному саморазвитию проводились беседы об особенностях профессионального саморазвития, о необходимости развивать готовность к нему. Кроме того, применялись задания, выполнение которых способствовало формированию мотивационного и личностного компонентов готовности студентов к профессиональному саморазвитию.

Содержательные основы взаимодействия преподавателей и студентов основывались на совокупности следующих принципов: субъективности, адекватности, индивидуальности, рефлексивности, гуманизма и культуросообразности.

В процессе формирования готовности студентов к профессиональному саморазвитию, в ходе использования различных форм работы с будущими педагогами проводилась диагностика и самодиагностика их личности, выполнялись специальные задания. Особое внимание уделялось развитию рефлексии.

Вариативность содержания формирования готовности студентов педагогического вуза к профессиональному саморазвитию поддерживалась тем, что студенты во время аудиторной и самостоятельной работы выполняли на основе разработанного нами алгоритма систему разноуровневых заданий, направленных на развитие основных компонентов готовности – мотивационного, когнитивного, личностного и поведенческого.

Оценка качества деятельности студентов основывалась на индивидуально-дифференцированном подходе. Была разработана специальная система упражнений, которая внедрена в содержание семинарских занятий дисциплин педагогического блока, в самостоятельную работу студентов и их педагогическую практику. Система упражнений способствовала развитию таких необходимых для профессионального саморазвития свойств личности, как внутренняя познавательная мотивация, метапамять, самоконтроль, скорочтение.

Получаемые данные анализировались с применением аппарата математической статистики.

В процессе статистической обработки данных экспериментальной работы применялся U-критерий Манна и Уитни. Для математических подсчетов в рамках этой методики помимо обычного способа, применялся программный пакет статистической обработки данных SPSS.

В рамках контрольно-оценочного этапа эксперимента были подведены итоги проделанной работы.

Анализ структуры и содержания опытно-экспериментальной работы, проведенный в рамках контрольно-оценочного этапа, позволяет утверждать наличие положительной динамики по всем критериям исследуемого процесса. Наибольший прирост показателей обеспечивает критерий – качество подготовки студентов к занятиям по предметам педагогического цикла. Наименьший прирост показателей мы получаем по критерию – динамика показателей готовности студентов к саморазвитию по компонентам.

Проделанная теоретико-экспериментальная работа позволила сделать следующие выводы:

1. Формирование готовности студентов педагогического вуза к профессиональному саморазвитию может рассматриваться как один из способов решения актуальных проблем образования, в частности, проблемы реализации компетентностного подхода в условиях перехода к двухуровневой модели профессиональной подготовки личности, требующей формирования способностей к решению вариативных профессиональных задач.

2. Реализация на практике модели формирования готовности студентов педагогического вуза к профессиональному саморазвитию (цель, принципы, задачи, компоненты, содержание, формы, методы, критерии и условия) привела к положительным результатам.

3. Формирование готовности студентов к профессиональному саморазвитию основана на реализации алгоритма, включающего в себя следующие этапы: самодиагностика мотивов, умений, свойств, качеств и способностей, способствующих саморазвитию личности; соотнесение имеющихся у личности свойств и особенностей со структурой и содержанием предстоящей деятельности; реализация программы саморазвития; коррекция достигнутого качества саморазвития; анализ результатов и последствий саморазвития личности.

4. Процесс формирования готовности студентов педагогического вуза к профессиональному саморазвитию в ходе обучения дисциплинам педагогического цикла включает в себя следующие компоненты: мотивационный, когнитивный, личностный и поведенческий.

5. Готовность студентов педагогического вуза к профессиональному саморазвитию основывается на реализации модели, включающей в себя цель, задачи, принципы, компоненты, содержание, формы, методы и критерии готовности студентов к саморазвитию.

6. Формирование готовности студентов к профессиональному саморазвитию в процессе обучения дисциплинам педагогического цикла эффективно, если преподаватель в процессе взаимодействия со студентами реализует совокупность организационно-педагогических, дидактических и психолого-педагогических условий.

Библиографический список

1. *Румянцев С.А., Сохранов В.В.* Самоконтроль как условие профессионального саморазвития студентов в процессе профессиональной подготовки // Известия ТулГУ. Серия «Педагогика». – 2006. – Вып. 4. – 286 с. – С. 89–92.

2. *Румянцев С.А.* Технологии использования законов эффективного запоминания в высших и средних учебных заведениях // Психолого-педагогические и социальные аспекты развития системы регионального профессионального образования: Сборник статей Международной научно-практической конференции. – Пенза; Тула, 2004. – С. 78–83.

УДК 378

Теплоухов Алексей Петрович
Шадринский государственный педагогический институт
DekFKSB@yandex.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ПЕДВУЗА

В статье обоснован комплекс педагогических условий, которые способствуют воспитанию конфликтологической компетентности студентов педвуза на основе ситуативных задач.

Ключевые слова: *конфликтологическая компетентность, ситуативная задача.*

Интенсивное развитие политических, социально-экономических, культурных процессов в современном обществе обусловливает выдвижение ряда новых требований к профессиональной подготовке будущего учителя. Современный учитель должен обладать не только системой знаний, но и уметь реализовать личностный потенциал в достаточно высокой степени, т.е. иметь навыки работы в стрессовых ситуациях, ситуациях личностного и делового прессинга, уметь руководить и организовать учебный процесс и разрешать конфликтные ситуации, легко адаптироваться к новым обстоятельствам, он активный и инициативный, способный к дальнейшему развитию и стремящийся к самосовершенствованию [1].

Особое внимание в данном контексте уделяется тому, что будущий учитель должен уметь продуктивно регулировать любую конфликтную ситуацию, т.е. обладать *конфликтологической компетентностью.*

Конфликтологическая компетентностья нам представляется как интегративное качество личности, выраженное в способности регулировать взаимоотношения между участниками образовательного процесса.

Формирование конфликтологической компетентности студентов педвуза не может осуществляться стихийно, необходимо создание педагогических условий, способствующих данному процессу.

Применительно к нашему исследованию под педагогическими условиями мы будем понимать совокупность необходимых мер, способствующих успешности формирования конфликтологической компетентности студентов педвуза [3].

При выявлении комплекса педагогических условий мы учитывали следующее:

– методологические подходы (системный, личностно-деятельностный, компетентностный), составляющие базу нашего исследования;

– предмет, задачи и гипотезу нашего исследования;

– социальный заказ государства и общества, отраженный в нормативно-правовых документах;

– особенности и специфику формирования конфликтологической компетентности на основе комплекса ситуативных задач;

– перспективы развития модели в реальном образовательном процессе подготовки будущего учителя.

Таким образом, на основании вышеизложенного, мы считаем, что комплекс педагогических условий формирования конфликтологической компетентности будущего учителя включает следующие условия.

© Теплоухов А.П., 2010

Первое педагогическое условие обусловлено утверждением, что процесс формирования конфликтологической компетентности требует обучения студентов педвуза разрешению педагогических конфликтов как целенаправленному процессу, и это требует необходимости *содержательного сопровождения его (процесса) специальной дисциплиной «Педагогическая конфликтология».*

Структурирование дисциплины «Педагогическая конфликтология» включает в себя четыре раздела, в которых размещены темы для изучения в последовательности, позволяющей уяснить логику и сущность педагогической конфликтологии и сосредоточить внимание на педагогических конфликтах и технологии их разрешения.

Содержание дисциплины «педагогическая конфликтология»

Тема 1. Проблема педагогических конфликтов в профессиональной деятельности. Сущность профессиональной деятельности. Педагог как субъект разрешения педагогических конфликтов. Требования к личности учителя в процессе разрешения педагогических конфликтов. Требования к личности учителя в контексте педагогической конфликтологии.

Задания: сочинение на тему «Обоснование конфликтологической компетентности для учителя»; кодирование информации в структурно-логическую схему с анализом и комментариями; решение ситуативных задач.

Тема 2. Конфликтологическая компетентность учителя. Структура конфликтологической компетентности учителя. Базовые конфликтологические компетенции учителя.

Задания: составьте интеллектуальную карту, отражающую структуру и компоненты конфликтологической компетентности учителя; сделайте пиктографическую зарисовку целостной структуры конфликтологической компетентности; решение ситуативных задач

Тема 3. Педагогическая конфликтология как отрасль психолого-педагогических знаний.

Педагогическая конфликтология как наука. Цель, объект, предмет, задачи педагогической конфликтологии. Междисциплинарная многомерность педагогической конфликтологии.

Задания: составьте схему, в которой отражены внешние и внутренние связи педагогической конфликтологии с другими науками; решение ситуативных задач.

Тема 4. Методология педагогической конфликтологии. Уровни методологии педагогической конфликтологии. Методы психолого-педагогических исследований в педагогической конфликтологии. Логика педагогического исследования в педагогической конфликтологии.

Задания: составьте программу проведения исследования педагогических конфликтов; решение ситуативных задач.

Тема 5. Содержание и особенности педагогических конфликтов. Сущность и содержание педагогического конфликта. Виды педагогических конфликтов. Причины возникновения педагогических конфликтов. Специфика конфликта на различных стадиях детства.

Задания: составить тезаурус по теме «содержание и особенности педагогических конфликтов»; составьте таблицу и заполните ее по внутренним и внешним причинам возникновения педагогических конфликтов; составьте банк конфликтных ситуаций и подразделите их по видам педагогических конфликтов; решение ситуативных задач.

Тема 6. Предупреждение педагогических конфликтов. Объективные факторы и причины возникновения конфликта. Организационно-управленческие причины конфликтов. Виды педагогических конфликтов. Сложные педагогические ситуации.

Задания: разработать структурную схему разрешения педагогических конфликтов; сочинение на тему «Педагогическое позиционирование в конфликте и мое Я в педагогическом позиционировании»; составьте банк конфликтов по наблюдениям за школьниками и сокурсниками; решение ситуативных задач.

Тема 7. Общие технологические основы разрешения педагогических конфликтов.

Понятие о технологии разрешения конфликта**.** Этапы овладения процессом разрешения педагогического конфликта. Анализ конфликтных ситуаций.

Задания: составьте программу индивидуального образовательного маршрута овладения вами этапов разрешения конфликтов; разработайте схему анализа конфликта; решение ситуативных задач.

Тема 8. **Методы разрешения педагогических конфликтов.** Метод эвристических вопросов в разрешении конфликта. Метод семи шагов. Метод активных консультаций. Метод моделирования разрешения конфликта. Метод перехода от конфликтной ситуации к сотрудничеству и со-

творчеству. Метод посредника, приглашения третьего. Метод резкого обострения и энергетического разрешения конфликта – метод взрыва. Метод интроспекции. Метод эмпатии. Технологический алгоритм разрешения и анализа конфликтной ситуации.

Задание: создайте банк данных по методам разрешения конфликтов; обоснуйте основные критерии конструктивного разрешения педагогических конфликтов; решение ситуативных задач.

Тема 9. **Педагогическая техника разрешения педагогических конфликтов**.

Разрешение педагогических ситуаций и конфликтов. Содержание и особенности педагогической техники. Сложные педагогические ситуации и конфликты и техника их разрешения.

Задания: создайте банк данных о педагогических техниках управления поведением учителя в конфликтной ситуации и педагогическом конфликте; выполните упражнения по культуре речи, культуре педагогического взаимодействия (по книге «Основы педагогического мастерства»); составьте конфликтные карточки по конфликтам с обязательным определением его вида, причин возникновения, направленности конфликта, стратегии разрешения, формы и методов разрешения, прогнозируемого результата; решение ситуативных задач.

Второе педагогическое условие связано с необходимостью *создания банка ситуативных задач конфликтологического содержания*. В данном условии предусматривается, что комплекс ситуативных задач ранжируется по видам педагогических конфликтов (конфликты отношений, конфликты дисциплины, конфликты личностных взаимодействий и пр.), проецируется на овладение теоретическими знаниями в области разрешения педагогических конфликтов (определение методов разрешения конфликта, стратегии и тактики поведения в конфликтной ситуации и пр.), на отработку алгоритма разрешения педагогических конфликтов, на осмысление конфликтной ситуации и рефлексирование себя в ситуации, на умение прогнозировать последствия конфликта и его разрешения, на формирование готовности к конструированию (анализ – прогноз – проект), осуществлению (план-стратегия – тактика), оценке (анализ – обобщение – заключение) конфликтной ситуации и педагогического конфликта.

Мы выделяем следующие виды ситуативных задач:

1. Вероятностные ситуативные задачи конфликтологического характера. Цель таких задач – обеспечить адекватное восприятие педагогического конфликта, конфликтной ситуации, предупреждение искажения образа и ситуации как конфликтной. Такие задачи выполняют функцию ориентировки и оценки конфликтной ситуации с позиции оценки взаимодействия между учителем и учениками – то есть диагностическая функция по отношению к оценке педагогического конфликта. При решении данной группы ситуативных задач у студентов педвуза формируются умения наблюдать проявление конфликтогенов, определять по прямым и косвенным признакам природу конфликта, объект конфликта и участников, которые являются сторонами конфликта, определять тип конфликтующих и разрешителей конфликта, составлять картографию, то есть целостный образ педагогического конфликта.

2. Прогностические ситуативные задачи конфликтологического характера имеют цель оптимального выбора последующей конфликтной стратегии или обстановки/последствий конфликта для учащихся и педагогов, родителей. При решении прогностических ситуативных задач формируются конфликтологические умения: наблюдать проявление факторов, имеющих влияние на развитие возникшей конфликтной ситуации, проводить самонаблюдание и рефлексию с целью выявления собственного состояния в данной конфликтной ситуации, соотносить объект конфликта с системой профессионально-педагогических и собственных ценностных ориентаций, формулировать цель последующей деятельности, произвести адекватный выбор стиля поведения в данной конфликтной ситуации.

3. Корректировочно-образные ситуативные задачи конфликтологического характера имеют целью формирование снятия остроты взаимоотношений и конфликтных противоречий. В данных задачах студенту педвуза необходимо продемонстрировать умение предупредить инцидент в собственном конфликтном поведении, предупредить инцидент со стороны другого, откорректировать «образ противоречивого» оппонента, корректировать его и свое поведение, нейтрализовать конфликтующего и развести конфликтующие стороны. При решении данного вида задач у студента педвуза формируются умения: применять приемы профилактической блокировки действий оппонента, снимать психическое

и эмоциональное напряжение, изменять обстановку на восприятие конфликтоносителя, устанавливать контакт и вести диалог, находить способы разрешения конфликтной ситуации с позиции третьего лица.

4. Конструктивно-стимулирующие ситуативные задачи конфликтологического характера имеют целью возбуждение мотивационной тенденции к обострению объективных конфликтов с профессионально-педагогическим ценностным объектом конфликта и достижение целей без нанесения вреда участникам конфликта. В указанных задачах будущий учитель реализует активную стратегию, проявляет позитивную инициативу, ищет способы прямого действия на конфликтоносителя. При решении данного вида ситуативных задач у студентов педвуза формируется умение актуализировать конфликтные мотивы, вести конструктивный спор, владеть техникой открытого разговора, использовать мягкие и прямые способы изоляции конфликтоносителя.

5. Разрешительно-технологические ситуативные задачи конфликтологического характера имеют целью достижение профессионально-педагогических умений в области разрешения конфликта: реализация конфликтных стратегий (сотрудничество, компромисс), определение правил и норм, ведущих к взаимовыгодным результатам разрешения конфликта, признание правил бесконфликтного поведения, организация общения, нейтрализация отрицательных эмоциональных проявлений. При решении этих задач у студентов педвуза формируются умения: изменять характеристики элементов конфликтной ситуации, оказывать убеждающее воздействие, владение технологией ведения убеждающей беседы.

6. Рефлексивно-творческие ситуативные задачи конфликтологического характера имеют целью востребование конфликтологических знаний в конкретных ситуациях и их творческая интерпретация, с одной стороны, и формирование творческой рефлексии по отношению к конфликтной ситуации – с другой. В данного вида задачах студенты решают ситуации по созданным ими банкам конфликтных ситуаций, предлагают собственные пути и способы их решения, рефлексируют себя по отношению к конфликтам и обосновывают свое поведение в них. Реализация данных задач позитивно сказывается на студентов в мероприятиях внеучебного творческого характера: конкурсы, олимпиады, разработка творческих проектов, кодирование информации, пиктографические зарисовки и пр.

Третье педагогическое условие связано *с созданием мотивационно-ценностного и эмоционально-стимулирующего фона процесса формирования конфликтологической компетентности будущего учителя*. Суть данного условия в том, что при организации процесса формирования конфликтологической компетентности студентов педвуза осуществляется стимулирующее воздействие на мотивацию учебной деятельности в области разрешения педагогических конфликтов, и при этом важное значение имеет осознание конфликта, его оценка и на этой основе активизация учебной деятельности, образовательной самостоятельности студентов. То есть речь идет о педагогическом стимулировании, способствующем созданию мотивационно-ценностного и эмоционально-стимулирующего фона с помощью средств, оказывающих побуждающее воздействие на включение в активную учебную деятельность в области разрешения педагогических конфликтов [5].

Данное обстоятельство позволило нам выделить следующие направления деятельности преподавателя и студентов, стимулирующие к познанию педагогического конфликта как объекта усвоения, стимулирующие к активной деятельности студентов:

– создание равных возможностей для всех студентов независимо от их реальных учебных возможностей для демонстрации своей точки зрения, создание возможностей;

– доступность информации, подлежащей усвоению;

– сотрудничество и равнопартнерство в обсуждении проблематики педагогических конфликтов;

– создание условий для продуктивного общения;

– привлечение будущих учителей к принятию решения в области разрешения педагогических конфликтов по принципу заинтересованности и значимости проблемы для студентов;

– развитие у будущих учителей мотивов сопричастности, сотрудничества.

Таким образом, можно предположить, что эффективная конфликтологическая подготовка будущего учителя возможна посредством создания и внедрения комплекса педагогических условий. Комплекс выявленных нами педагогических

условий отражает целостность процесса формирования конфликтологической компетентности будущего учителя, а отдельно взятые условия находятся во взаимосвязи и предстают как необходимые и достаточные.

Библиографический список

1. *Базелюк В.В.* Конфликтологическая подготовка будущего учителя в педагогическом вузе (методология, теория, практика): Дис. … канд. наук. – Челябинск, 2005. – 402 с.

2. *Белкин А.С., Жаворонков В.Д., Зимина И.С.* Педагогическая конфликтология. – Екатеринбург: ГЛАГОЛЪ, 1995. – 96 с.

3. *Качалова Л.П.* Теория и технология интеграции психолого-педагогических знаний в образовательном процессе педвуза: Дис. … д-ра пед. наук. – Екатеринбург, 2002. – С. 89.

4. *Никитина Е.Ю.* Теория и практика подготовки будущего учителя к управлению дифференциацией образования. – Челябинск: ЧГПУ, 2000. – С. 209.

5. *Яковлева Н.М.* Теория и практика подготовки будущего учителя к творческому решению воспитательных задач: Дис. … д-ра пед. наук. – Челябинск, 1992. – 403 с.

УДК 37.091.212:378.14

Филиппова Наталья Александровна
Уральский государственный педагогический университет
kpn12@e1.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО РЕКЛАМЕ В ВУЗЕ

В статье приводится анализ сущности предпринимательской культуры будущих специалистов по рекламе в вузе и необходимость ее формирования на уровне профессионального образования. Автор рассматривает структуру предпринимательской культуры будущих специалистов по рекламе в вузе и определяет ее как единство трех компонентов: когнитивного, ценностно-мотивационного и конативного. Исследование осуществлено на базе Уральского государственного педагогического университета.

Ключевые слова: *высшее профессиональное образование, предпринимательская культура, специалист по рекламе, основы предпринимательской культуры.*

Предпринимательская культура оказывает влияние на все стороны жизни человека и общества. Она формирует предпринимательское мировоззрение, в основе которого лежит система взглядов на общество и человека. Составными частями ее являются предпринимательское мышление и сформированная система ценностей, связанных с обобщенным отражением индивидом современной экономической среды и мыслительной способностью к предпринимательской деятельности. Специальная подготовка будущего предпринимателя, то есть компетентного, квалифицированного профессионала, предполагает овладение им основным комплексом специальных знаний по анализу, планированию, организации, эффективному ведению предпринимательского дела. Система профессионального образования не должна стоять в стороне от этого процесса.

Теоретическая подготовка будущих специалистов по рекламе в вузе на спецкурсе «Основы предпринимательской культуры» позволяет глубже понимать экономические явления, основные закономерности предпринимательского дела, взаимосвязи и взаимообусловленности явлений, возникающих в процессе формирования у них предпринимательской культуры, с тем, чтобы использовать полученные знания в своей дальнейшей профессиональной деятельности.

Мы считаем, что предпринимательская культура представляет собой систему ценностей, знаний, способностей, обеспечивающих мотивацию и регуляцию предпринимательской деятельности, определяющих форму ее осуществления, а также восприятие ее обществом. В педагогическом контексте предпринимательскую культуру следует рассматривать, в первую очередь, как средство приобщения к ценностям, имеющим общечеловеческую значимость.

Несмотря на все изменения, произошедшие в последние годы в российском обществе, предпринимательские ценности, равно как и сама фигура предпринимателя, еще не стали положительно оцениваемыми. Поменять что-то в сложившихся на нашем предпринимательском рынке ценностях и перейти к цивилизованной этике не

© Филиппова Н.А., 2010

так просто. Это сложный и длительный процесс, развивающийся под воздействием самих предпринимателей, различных государственных институтов, средств массовой информации и общества в целом. Обществу не может быть безразлично, какие нравственные принципы будут лежать в основе ведения бизнеса, поскольку именно это, в конечном счете, определяет качество его жизни [7, с. 178]. В период современной трансформации российского общества и формирования рыночных отношений идет динамичное смещение нравственных ориентаций и выработка новых ценностей.

Формирование у студентов предпринимательских ценностных ориентаций является важной составной частью образования и воспитания. Ценностные ориентации характеризуются отечественными учеными В.А. Сластениным и Г.И. Чижаковой как система устойчивых отношений личности к окружающему миру и самому себе в форме фиксированных установок на те или иные ценности материальной и духовной культуры общества [5, с. 128].

Рассматривая структуру предпринимательской культуры будущих специалистов по рекламе в вузе, мы опираемся на исследования Ф. Хайека, Ю.С. Гурова, Ж.В. Масликовой, Ю.Н. Беспаловой и определяем ее как единство когнитивного, ценностно-мотивационного и конативного (поведенческого) компонентов.

Формирование когнитивного компонента предпринимательской культуры будущих специалистов по рекламе в ВУЗе в рамках нашей опытно-поисковой работы предполагало формирование знаний об организации, предпринимательской деятельности, умений ставить и решать познавательные задачи, принимать нестандартные решения в процессе обучения на спецкурсе «Основы предпринимателськой культуры».

На занятиях студентам предлагалось самим выделить существующие связи рекламы с настоящим социально-экономическим пространством и описать механизм конкретного воздействия рекламы на отдельно взятую коммерческую деятельность на примере выбранного в начале курса собственного дела, то есть при изложении данного материала ученики как бы «примеряют» полученные знания на искусственно смоделированной собственной фирме. В результате изучения данной темы студенты должны научиться характеризовать связь психологии и рекламы, познакомиться с основными теоретическими концепциями рекламной деятельности и отражать ключевые понятия.

Спецкурс «Основы предпринимательской культуры» предполагает глубокое погружение в конкретную профессиональную область – рекламу, через изучение которой и накопление первого опыта создания рекламного продукта студенты знакомились с азами предпринимательской деятельности и предпринимательской культуры. Не имея соответствующей материальной базы для создания реально действующих студенческих предприятий, которые мы считаем обязательной составной частью подготовки к предпринимательской деятельности, мы пошли по пути создания проектов и их презентации в ходе деловой игры на заключительном занятии.

Формирование ценностно-мотивационного компонента предпринимательской культуры будущих специалистов по рекламе в вузе в рамках нашей опытно-поисковой работы предполагало формирование общих целевых ориентаций: четкость целей, контроль над событиями, достижение успеха, избегание неудач; и ценностных ориентаций: собственный престиж, высокое материальное положение, креативность, активные социальные контакты, развитие себя, достижения, духовное удовлетворение, сохранение собственной индивидуальности.

Специфику сочетания целей, ценностей, мотивов и способов их реализации определяет целостная жизненная стратегия человека, выбравшего путь предпринимателя. Как считает С.Ю. Петрякова, стратегическая организация поведения, базирующаяся на специфической структуре, системе ценностей, определяет успешность человека в данном виде деятельности [3, с. 12].

Изучение ценностных ориентиров современной молодежи – одно из наиболее актуальных направлений в формировании предпринимательской культуры. От того, каковы ценности сегодняшней молодёжи, зависит её будущее и будущее общества в целом. Повышенное внимание к потребностям, запросам, ценностным ориентациям и социальным ожиданиям студентов отчасти вызвано и тем, что современное поколение проходит свое становление в очень сложных условиях ломки старых ценностей и формирования новых. При этом нужно учитывать, что нормы и ценности высокой культуры подменяются усредненными образцами массовой культуры [2, с. 26].

Формирование конативного компонента предпринимательской культуры будущих специалистов по рекламе в вузе предполагает формирование предпринимательского поведения у студентов. По мнению О.В. Варфоломеевой, именно поведение человека выявляет его отношение к социальным ценностям и определяет специфику образа жизни [1, с. 57].

Предпринимательское поведение является социально-экономическим. Под таким поведением понимается цепь последовательно совершаемых поступков, направленных на получение субъективно оцениваемых преимуществ от разницы между приложенными усилиями и полученным результатом в процессе приобретения, хранения и обмена материальных и духовных ценностей. Можно предположить, что предпринимательское поведение обусловлено установками, вызывающими состояние готовности к совершению поступка предпринимательского характера в случае наличия потребности и ситуации, ее удовлетворяющей [6, с. 167].

Студенты нуждаются в раскрытии глубокого внутреннего смысла культуры поведения, в понимании того, что следование приличиям свидетельствует об уважении к людям, традициям, иначе они будут видеть в них пустые условности. Культура поведения выступает как совокупность сформированных социально значимых качеств личности, повседневных поступков человека в обществе, основанных на нормах нравственности, этики, эстетической культуры [4, с. 224].

Одно из основных понятий в рамках нашей исследовательской работы – предпринимательские качества, которые, по нашему мнению, являются фундаментом, базой и отправной точкой для формирования предпринимательского поведения студентов.

На наш взгляд, в процессе формирования поведенческого компонента у студентов необходимо развивать такие характеристики личности, которые присущи личности предпринимателя.

Во-первых, готовность стать стратегическим лидером. Люди различаются не только тем, к чему они стремятся, но и тем, насколько далеко во времени они склонны простирать свои планы. Одни – не считают нужным заглядывать даже в завтрашний день, другие – стремятся предвидеть так далеко, что само это предвидение лишается всякого смысла, поскольку ничего не дает для принятия сегодняшних решений. Необходимо обратиться к рекомендованной литературе, освоить основные идеи стратегического планирования и соединить их со своей интуицией и своим опытом. Во-вторых, способность рационально разрешать конфликты. Начальным шагом по формированию способа управления конфликтом должно стать изучение своих собственных эмоций, их причин и возможности их преодоления. В-третьих, обладание достаточной коммуникативностью. Стиль руководства и стиль разрешения конфликтов реализуются с помощью средств делового общения. Неправильный выбор средств сводит на нет все усилия по выбору эффективного способа поведения. Особую важность представляет то, в какой степени кандидат умеет выбирать наиболее эффективные средства делового общения.

Так как у студентов нет возможности сформировать предпринимательское поведение в практической предпринимательской деятельности, формирование конативного (поведенческого) компонента будущих специалистов по рекламе в вузе в рамках нашей опытно-поисковой работы предполагало формирование определенных ключевых квалификаций личности: готовность стать стратегическим лидером, умение рационально разрешать конфликты, обладание достаточной коммуникативностью.

Одним из главных условий повышения качества профессионального образования является обеспечение развития личности обучаемого, его познавательных способностей, формирование знаний, умений, навыков по учебно-профессиональной сфере деятельности, социально значимых и профессионально важных качеств личности. Поэтому когнитивный компонент тесно связан с конативным.

Таким образом, рассматривая структуру предпринимательской культуры, мы определяем ее как совокупность когнитивного, ценностно-мотивационного и конативного компонентов.

Обобщив представленные теоретические положения, мы определили понятие «предпринимательская культура будущих специалистов по рекламе в вузе». Предпринимательская культура будущих специалистов по рекламе в вузе – это интегративная характеристика личности студента, включающая в себя знания и умения по организации предпринимательской деятельности, сформированную систему предпринимательских ценностей, определяющих его поведение, сово-

купность которых позволяет будущим специалистам по рекламе реализовать себя в социуме.

В результате опытно-поисковой работы, которая проводилась на базе Уральского государственного педагогического университета в рамках спецкурса «Основы предпринимательской культуры», прогнозируемым результатом формирования когнитивного компонента предпринимательской культуры будущих специалистов по рекламе является формирование системы знаний и умений по организации предпринимательской деятельности; прогнозируемый результат формирования ценностно-мотивационного компонента предпринимательской культуры студентов предполагает соответствие общих целевых ориентаций учащихся требованиям предпринимательской деятельности, сформированная система ценностей, а также мотивация профессионального выбора; прогнозируемый результат формирования поведенческого компонента предпринимательской культуры студентов заключается в конструктивном социальном взаимодействии с коллективом и партнерами.

С целью формирования предпринимательской культуры будущих специалистов по рекламе в вузе на спецкурсе «Основы предпринимательской культуры» использовались активные методы обучения – это проектный метод и деловая игра при защите проектов. Проектное задание предполагало выбор определенного вида предпринимательской деятельности, создание проекта своего предприятия и разработку его рекламной кампании. Студенты должны были выбрать для себя объект (любой вид предпринимательской деятельности), конкретную тему проектирования, разработать бизнес-план и создать проект рекламного обеспечения собственного предприятия. Проектирование собственного предприятия выполнялось студентами самостоятельно на основании разработанного нами плана общих рекомендаций. Возможные затруднения обсуждались в ходе консультаций. В конце каждого раздела спецкурса «Основы предпринимательской культуры» проводились творческие занятия-презентации с присуждением призовых мест. По завершению спецкурса «Основы предпринимательской культуры» студенты производили экономические расчеты, маркетинговые исследования, анализировали проделанную ими работу, самостоятельно оценивали полученные результаты. Итоговый контроль осуществлялся на заключительном занятии в форме защиты проекта перед однокурсниками и приглашенными экспертами: преподавателями и предпринимателями.

Сравнительный анализ результатов исходно-диагностического и итогово-обобщающего этапов опытно-поисковой работы показал значительную положительную динамику уровня сформированнотси предпринимательской культуры будущих специалистов по рекламе в вузе. Наиболее динамично у студентов происходило формирование когнитивного и ценностно-мотивационного компонентов, так как конативный компонент в полной мере проявляется в условиях реальной предпринимательской деятельности.

Таким образом, с позиций формирования предпринимательской культуры у будущих специалистов по рекламе система высшего профессионального образования должна способствовать изменению ценностных ориентаций студентов, вооружить молодежь устойчивыми знаниями, умениями и навыками в области предпринимательства, мотивировать личность на эту деятельность, что требует поиска и внедрения новых подходов в содержании и организации учебно-воспитательного процесса в высших учебных заведениях. Спецкурс «Основы предпринимательской культуры» призван обучать студентов самостоятельной практической деятельности, обеспечивать овладение знаниями и умениями в области экономики, предпринимательской и рекламной деятельности, формировать практические навыки анализа информации; воспитывать нравственно-трудовые качества, ценные для общества мотивы профессиональной деятельности, обеспечивать реализацию интересов будущих специалистов по рекламе.

Библиографический список

1. *Варфоломеева О.В.* Основы психологии деятельности: Учебное пособие. – Симферополь: Таврия, 1999. – С. 366.

2. *Дворецкая Е.В.* Ценностные ориентации студенческой молодежи // Вопросы психологии. – 2005. – №3. – С. 22–28.

3. *Петрякова С.Ю.* Педагогические условия формирования ценностных ориентаций как компонента предпринимательского потенциала у студентов экономического колледжа: Автореф. дис. … канд. пед. наук. – Ульяновск, 2006. – С. 12.

4. Профессионально-педагогические понятия: Словарь / Сост. Романцев Г.М., Федоров В.А.,

Осипова И.В., Тарасюк О.В.; под ред. Романцева Г.М. – Екатеринбург: Изд. Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2005. – 287 с.

5. *Сластенин В.А., Чижакова Г.И.* Введение в педагогическую аксиологию. – М.: Академия, 2003. – 481 с.

6. *Чирикова А.Е.* Психологические особенности личности предпринимателя // Психологический журнал. – 2001. – Т. 19 – №1. – С. 165–170.

7. *Шепель В.М.* Управленческая этика. – М.: ЮНИТИ, 2006. – 320 с.

УДК 378. 147

Шилов Константин Васильевич

Дальневосточный государственный гуманитарный университет (г. Хабаровск)

shilov1980@mail.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВЛЕННОСТЬ УЧИТЕЛЯ К ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается проблема профессиональной подготовленности учителя к инновационной деятельности.

***Ключевые слова**: инновационная деятельность, компетентность учителя, подготовленность к инновационной деятельности.*

Анализ ситуации и изучение потребностей рынка труда в специалистах с высшим педагогическим образованием показали необходимость формирования педагога нового типа: исследователя, проектировщика, разработчика новых технологий образования и воспитания.

Решение данной стратегической задачи требует организации подготовки будущих учителей к инновационной деятельности в учебном процессе вуза, как наиболее важной ступени, которая по-прежнему готовит весомую долю кадров для образовательной сферы и обеспечивает дальнейшее получение специалистом профессиональных знаний на более высоком уровне, способствуя его профессиональному становлению и формированию инновационного потенциала.

Инновационная педагогическая деятельность связана с осознанием учителем необходимости перемен, нововведений, направленных на разрешение профессиональных проблем. Поэтому стимулом инновационной деятельности, как и творческой деятельности вообще, является социально значимая проблема, осознаваемая и вербализуемая субъектом. Проблема складывается в результате осознания учителем некоторого противоречия (или системы противоречий) между своими представлениями и необходимым реально возможным состоянием рассматриваемого объекта. В.И. Андреев выделяет три группы противоречий педагогической системы, лежащих в основе становления творческой деятельности субъекта [1].

1. Личностные или психологические противоречия, когда человек в процессе деятельности и в своем стремлении к ней вступает в противоречие с самим с собой. Эти противоречия лежат в основе самодвижения творческих способностей человека.

2. Социально-педагогические противоречия между социальными процессами, с одной стороны, и функционированием, развитием педагогической системы, которая является частью социальной подсистемы, – с другой.

3. Собственно педагогические противоречия, возникающие в самой педагогической системе.

Осознание педагогической проблемы связано, с одной стороны, с принятием ответственности на себя, побуждающим к активным преобразовательным действиям, а с другой стороны, чтобы действовать, преобразовывать объект воздействия, необходимо познать его и свои возможности в его преобразовании. Поэтому подчеркнем, что к инновационной деятельности учитель приходит через ряд этапов профессионального развития.

В.П. Беспалько [2; 3] профессиональное развитие педагога рассматривает как процесс освоения четырех уровней способов решения педагогических задач.

I уровень – педагог решает проблему, узнаваемую, решенную когда-либо им ранее.

II уровень – зная цель и понимая педагогическую ситуацию, педагог решает проблему, пользуясь усвоенными способами действий.

III уровень – педагог видит цель деятельности, но педагогическая ситуация ему не ясна, так

© Шилов К.В., 2010

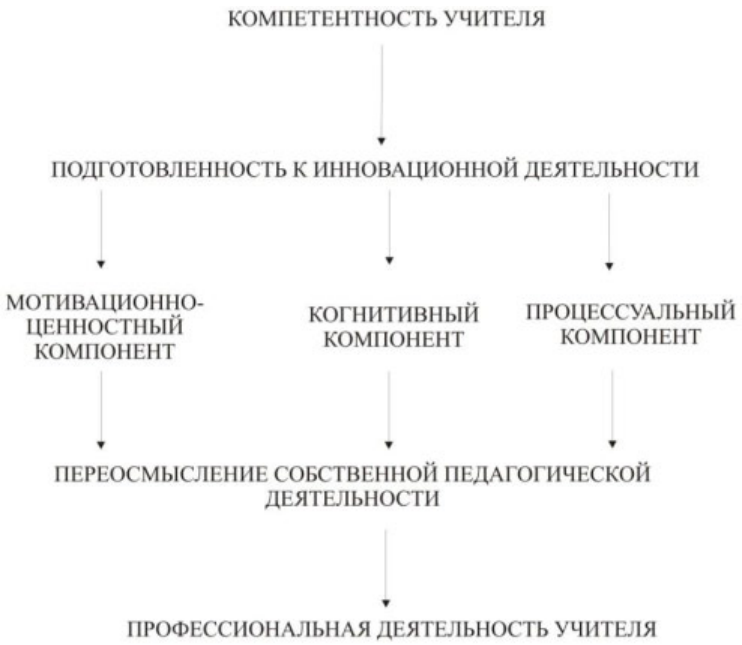


Рис. 1. Структурная модель профессиональной подготовленности учителя к инновационной деятельности

как она нетипична. Этот уровень требует от педагога эвристической деятельности, активного преобразования усвоенных знаний и умений.

IV уровень – творческий уровень. Имеет ярко выраженную исследовательскую основу.

Интерпретируя данные подходы в соответствии с нашей проблемой, мы можем сказать, что учителя первого и второго уровней строят профессиональную деятельность на готовых способах и моделях обучения. Удовлетворение данным уровнем может привести к формированию учителя инертного типа, недостаточно осознающего потребности в новых педагогических подходах. Проявляется необходимость овладения третьим и четвертым уровнем профессионального развития, которые основываются на творческой активности, а значит, служат основой для инновационной деятельности.

Проведенный анализ позволяет нам выделить и объединить профессиональные характеристики педагога, необходимые для создания, внедрения педагогических инноваций в собственную деятельность, в категорию профессиональная подготовленность учителя к инновационной деятельности. Сложность явления подготовленности учителя к инновационной деятельности диктует необходимость системного структурирования отдельных ее компонентов. Применение системного подхода по отношению к подготовленности учителя к инновационной деятельности означает возможность рассматривать ее внутреннюю структуру, выявлять каждый из ее элементов и понимать их взаимосвязь с другими элементами. Системное видение подготовленности педагога к инновационной деятельности расширяет представление о ней и обо всех входящих в ее структуру компонентах как подструктур более глобальной системы профессионального саморазвития педагога. Системно-структурный подход к анализу и изучению подготовленности учителя к инновационной деятельности в контексте профессионального саморазвития учителя условно представим в виде схемы (рис. 1).

Взаимосвязь структурных компонентов системы профессионального развития учителя тесна, и изменение и развитие одного из них может привести к изменению другого, а также системы в целом. Источник формирования подготовленности к инновационной деятельности лежит внутри компонентов целостной системы профессионального развития учителя: личностных особенностей и опыта профессиональной деятельности. Пути формирования подготовленности будущего учителя к инновационной деятельности в учебном процессе вуза не могут определяться без учета взаимосвязи ее важнейших внутренних

компонентов. Подготовленность учителя к инновационной деятельности имеет сложную структуру, побудительным источником которой является активная личностная позиция учителя в контексте образовательного процесса.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что профессиональная подготовленность учителя к инновационной деятельности – результат личностного роста учителя в своей профессии, которая характеризуется сформированностью активной личностно-ориентированной позиции, овладением содержательно-операциональной стороной инновационной деятельности, реальными действиями по совершенствованию своего профессионального мастерства и индивидуального стиля.

Библиографический список

1. *Андреев В.И.* Интенсификация творческой деятельности студентов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. – 197 с.

2. *Беспалько В.П.* Слагаемые педагогической технологии. – М.: Педагогика, 1989. – 191 с.

3. *Беспалько В.П.* Персонифицированное образование // Педагогика. – 1998. – №2. – С. 12–17.

УДК 378

Адоевцева Ирина Викторовна
кандидат педагогических наук, доцент
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
irina_adoevtceva@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПЕДАГОГА-МУЗЫКАНТА КАК ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена важнейшей проблеме профессионального образования педагога-музыканта – формированию его методологической культуры на основе рефлексивно-деятельностного подхода, как наиболее адекватного природе и специфике художественно-педагогической деятельности педагога-музыканта. Охарактеризованы компоненты методологической культуры, входящие в структуру её теоретической модели, обосновано значение данного методологического подхода в профессиональной подготовке педагога-музыканта к реализации художественно-педагогической деятельности.

***Ключевые слова**: методологическая культура; художественно-педагогической деятельности педагога-музыканта; профессиональная подготовка; рефлексивно-деятельностный подход.*

Происходящее кардинальное реформирование современной системы образования закономерно вызывает повышение требований ко всем социальным институтам и системам, и в частности системы профессионального образования педагога-музыканта.

К современному педагогу-музыканту общество предъявляет высочайшие требования, как к профессиональным качествам, так и личностным, ведь музыка способна затрагивать тончайшие струны души, воздействовать на эмоции и чувства ребенка, которого педагог обращает к тому или иному музыкальному произведению. Все это обуславливает содержание задач профессионального образования педагога, включающих в себя формирование не только широчайшего спектра практических умений художественно-педагогической деятельности педагога (музыкально-исполнительской, вокально-дирижерской, музыковедческой и т.д.), формирование готовности к самостоятельной исследовательской деятельности; формирование навыков методологического анализа; формирование умений профессиональной рефлексии, но и высокого уровня развития убеждений, самосознания педагога, и в целом, основ методологической культуры педагога.

Разработанный на сегодняшний день Государственный стандарт высшего профессионального образования, отвечающий национальной доктрине и концепции общего среднего образования, дает возможность для формирования такового комплекса художественно-педагогических умений и профессионально-значимых личностных качеств будущего педагога-музыканта.

Наиболее полно при определении средств формирования основ художественно-педагогической деятельности в процессе профессиональной подготовки педагога-музыканта отвечает рефлексивно-деятельностный подход, так как если целостный педагогического процесс подготовки будущих педагогов-музыкантов будет осуществляться на основе данного подхода, то будут созданы необходимые педагогические условия для формирования у них основ методологической

© Адоевцева И.В., 2010

культуры, включающей в себя методологические знания и опыт их реализации в структуре практической художественно-педагогической деятельности, так как данный подход наиболее полно обеспечивает организацию деятельности будущих педагога, адекватной формируемым у них профессионально значимым качествам в структуре практической художественно-педагогической деятельности.

В этой связи очень важной и интересной проблемой исследования (в области профессионального образования педагога-музыканта) является проблема обоснования роли рефлексивно-деятельностного подхода в подготовке будущего педагога-музыканта к профессиональной художественно-педагогической деятельности (и её теоретико-методологического, методического, художественно-практического аспектов) как условия формирования начального опыта художественно-педагогической деятельности в процессе вузовской подготовки.

Наше исследование данной проблемы основывается на идее. заключающейся в том, что подготовка педагога-музыканта к реализации художественно-педагогической деятельности должно осуществляться в условиях целостного педагогического процесса на основе рефлексивно-деятельностного подхода, так как он наиболее полно отвечает стратегии определения средств формирования практической художественно-педагогической деятельности педагога-музыканта (на основе формирования методологической культуры), отвечающей высоким требованиям, предъявляемым государством и обществом к профессиональным компетенциям педагога современной школы.

Таким образом, результатом профессиональной подготовки педагога-музыканта в вузе на основе рефлексивно-деятельностного подхода будет формирование методологической культуры педагога, являющейся основой формирования методологических знаний и опыта их реализации в структуре практической художественно-педагогической деятельности.

Формирование основ методологической культуры педагога, как проблема профессионального образования, исследуется многими учеными, изучающими различные аспекты профессиональной подготовки учителя.

На наш взгляд, методологическая культура педагога-музыканта – целостное системное новообразование личности педагога, формирующееся на основе накопленного опыта художественно-педагогической деятельности, который включает в себя методологические знания, навыки методологического анализа проблем педагогики музыкального образования; навыки исследовательской музыкально-педагогической деятельности; умения профессиональной рефлексии; комплекс практических умений художественно-педагогической деятельности на основе методологического анализа проблем педагогики музыкального образования; ценностное отношение к методологии педагогики музыкального образования.

В основу исследований профессионально-педагогической подготовки положены теоретические положения, разработанные Л.С. Выготским, Н.К. Крупской, А.В. Луночарским, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинским, С.Т. Шацким.

Общетеоретический подход к содержанию и организации профессиональной подготовки учителя заложен в трудах Ю.К. Бабанского, Н.И. Болдырева, Ф.Н. Гоноболина, Н.В. Кузьминой, Ю.Н. Кулюткина, И.Т. Огородникова, А.И. Пискунова, В.А. Сластенина, А.И. Щербакова. Проблему общепедагогической подготовки разрабатывали О.А. Абдуллина, В.М. Басова, О.А. Морозова и др. Л.Ф. Спирин обосновал процесс формирования у студентов общепедагогических умений, предложил вариант общепедагогической профессиограммы.

В современных направлениях педагогических и психологических исследований освещаются инновационные подходы к анализу проблем профессионально-педагогического образования.

В сфере музыкально-педагогического образования идеи, связанные с вопросами художественной деятельности, представлены в трудах Э.Б. Абдуллина, О.А. Апраксиной, Л.П. Масловой, Л.В. Школяр, Г.С. Тарасова, И.А. Терентьевой, Т.А. Колышевой, Е.П. Кулинкович, П.А. Феттера и др.

Анализ психолого-педагогической теории показывает, что проблема подготовки педагогических кадров считается одной из ключевых и характеризуется высокой степенью разработанности. К настоящему времени создан обширный фонд литературы по вопросам психологии личности, формирования профессиональных качеств учителя, его авторитета, профессионального мастерства, педагогического мышления и способностей, научной организации труда и повыше-

ния квалификации. Это прежде всего труды известных ученых С.И. Архангельского, Ф.Н. Гоноболина, Н.В. Кузьминой, Ю.Н. Кулюткина, И.Т. Огородникова, А.И. Пискунова, В.К. Розова, В.А. Сластенина, Л.Ф. Спирина, Г.С. Сухобской, Н.Ф. Талызиной, Н.Д. Хмель, Р.И. Хмелюк, А.И. Щербакова и др.

Вопросам культуротворческой функции учителя уделяли внимание П.П. Блонский, Н.К. Крупская, А.В. Луночарский, А.С. Макаренко, С.Т. Шацкий, В.А. Сухомлинский. В своих работах они неизменно отмечали, что творчески работающий учитель должен обладать высокой исследовательской культурой.

В связи с анализом особенностей педагогической деятельности, изучением педагогического мастерства, педагогического творчества учителя данная проблема получила освещение в работах Н.В. Кузьминой, В.А. Сластенина, А.Н. Тамарина, В.А. Митенева, И.П. Раченко, В.В. Краевского и др.

Следует отметить, что вопросы профессиональной методологической подготовки педагога-музыканта имеют важное значение в формировании опыта решения художественных и педагогических задач в ходе реализации художественно-педагогической драматургии урока музыки на основе рефлексивно-деятельностного подхода. Недостаточно разработанной темой в педагогической литературе является и проблема обоснования логики подхода к творческому моделированию урока музыки, как урока искусства.

В основе любого урока лежит совместная деятельность учителя и учащихся, но на уроке музыки она имеет особую эмоционально-содержательную окраску. В основе совместной творческой деятельности учителя и ребят на уроке лежит восприятие музыки как процесс личностного познания, как способ жизнедеятельности ребенка (Л.В. Школяр, Горюнова, Г.С. Тарасов), направленной на воспитание в себе нравственных качеств.

Воспринимая музыкальные произведения, ребенок искренне переживает ситуацию, событие, эмоционально переданные в произведении: жизнь героя, его переживания, смерть, любовь, страдания. радость и т.д. Таким важным, эмоционально-насыщенным, ярким событием для ребенка может являться переживание (сопереживание) эмоциональных состояний-событий, заложенных в образах музыкальных произведений. Ребенок на уроке музыки переживает, пропускает через себя, различные эмоциональные состояния, переживает события из жизни героев музыкального произведения, отождествляя их с событиями своей жизни. Эмоциональные переживания ребенка имеют огромное влияние на его развитие, прежде всего духовно-нравственное, в этом и есть главное назначение музыкального воспитания школьника. Понять важнейшие нравственные категории позволит восприятие музыкальных произведений, в которых заложены идеи-образы борьбы, смерти, добра и зла, любви и ненависти...

Таким образом, специфика методологической культуры педагога-музыканта заключена в художественно-эстетическом характере, так как род деятельности носит эстетическую, эмоционально-образную направленность. Кроме того, методологическая культура педагога-музыканта включает в себя духовность, поскольку музыка как предмет рефлексии педагога - искусство духовное, чувственное, влияющее в первую очередь на эмоциональную сферу человека.

Вышеизложенные основания позволили построить теоретическую модель методологической культуры педагога-музыканта включающую в себя следующие компоненты: мотивационный, когнитивно-рефлексивный, мировоззренческий, операционально-художественный, интеллектуальный, которые эффективно могут быть сформированы в процессе профессиональной подготовки педагога-музыканта на основе рефлексивно-деятельностного подхода.

Библиографический список

1. Методологическая культура педагога-музыканта: Учеб. пос. для студ. высших пед. учеб. заведений / Э.Б. Абдуллин, О.В. Ванилихина, Н.В. Морозов и др.; Под ред. Э.Б. Абдуллина. – М.: Академия, 2002.

2. *Сластени В.А.* Методологическая культура учителя // Сов. педагогика. – 1990. – №12.

3. *Краевский В.В.* Методология педагогики: Пособие для педагогов-исследователей. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001.

УДК 378.1

Маренцева Елена Сергеевна
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
l.marentseva@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ

В статье рассмотрены определения сущности самореализации, представлены критерии уровня развития функции самореализации, содержание и направления педагогической поддержки.

Ключевые слова: *педагогическая поддержка, самореализация, студент.*

Все исследователи проблем социально-педагогической поддержки подчеркивают значимость этого вида педагогической деятельности для подросткового и юношеского возраста, объясняя это возрастными особенностями, связанными с уменьшением воспитательного воздействия взрослых (педагогов и родителей), потребностью жизненного и профессионального самоопределения, эффективность которого зависит от личностного опыта, приобретаемого в процессе самореализации. Характерной особенностью студенческого возраста является стремление самореализоваться среди сверстников, в студенческой среде.

Самореализация трактуется нами как осуществление студентом себя, обнаружение и, вследствие этого, развитие им своих возможностей посредством собственных усилий, сотворчества, содеятельности с другими участниками образовательного процесса: предъявление и обогащение личностных и профессиональных смыслов деятельности и поведения, осуществление спектра личностных и профессиональных потребностей, раскрытие и усиление ветвления способностей (в том числе педагогических), укрепление эмоциональной устойчивости, усиление свободы индивидуального развития и раскрытия своего творческого потенциала творчества.

Исходя из работ Л.А. Коростылевой, Д.А. Леонтьева, А. Маслоу, А.В. Петровского, В.Э. Чудновского и др. и с учетом возрастных особенностей студентов были выделены критерии, с помощью которых можно оценивать успешность педагогической поддержки самореализации студентов в образовательном пространстве вуза. Критерием уровня развития функции самореализации личности для нас служила степень сформированнности ее ведущих компонентов: мотивационно-оценочного, эмоционально-волевого и деятельностно-практического. Представляя структуру функции самореализации личности через единство выше обозначенных компонентов, мы оцениваем степень ее развития по следующим критериям:

– развитость эмоционально-волевой сферы личности студента;

– развитость мотивационно-смысловой и ценностной сферы студента;

– деятельностно-практическая включенность студента в образовательный процесс [1, с. 14].

В процессе взаимодействия педагога и учащегося осуществляются:

– поддержка того, что актуально присутствует у учащегося, что потенциально находится в зоне его ближайшего развития;

– построение условий, способствующих переведению того, что поддерживается, в деятельность самого учащегося;

– обнаружение собственных проблем и придание им (через взаимодействие со взрослым) развивающего характера путем превращения проблемы в задачу деятельности.

Система средств педагогической поддержки предполагает выделение следующих педагогических условий:

– целостность (используемые средства должны представлять целостную систему);

– систематичность (отобранные средства и методы должны применяться систематически, т.к. эпизодическое использование не дает необходимого эффекта);

– целенаправленность (подбор форм и методов в зависимости от конкретных задач);

– диагностичность (проведение диагностики личностных изменений учащегося);

– диалогичность (общение в образовательном процессе строится на основе эмпатии, сопереживания другому, обмена личностными смыслами, доброжелательности, свободы выбора в различных ситуациях);

© Маренцева Е.С., 2010

– контекстность (образовательный процесс должен строиться с учетом контекста обучения и будущей профессиональной деятельности);

– вариативность (подбор системы средств с учетом индивидуальных личностных особенностей учащихся);

– динамичность (чередование в пределах изучения одной темы различных типов и методов организации диалогического взаимодействия).

Содержание педагогической поддержки обусловлено целями субъектов совместной деятельности: студента, педагога, образовательного учреждения. Содержание педагогической поддержки зависит от познавательных, творческих потребностей студента, от целей, которые они стремятся достичь в процессе получения высшего образования. Цели и потребности студентов являются главными для определения содержания форм и методов педагогической поддержки Эффективность самореализации студентов в процессе получения высшего образования зависит от системы педагогической поддержки, созданной в вузе. Системный характер педагогической поддержки проявляется в том, что частичная реализация отдельных мер (управление деятельностью педагога, студента) не обеспечивает качественного результата – самореализации студента. Анализ исследования различных точек зрения отечественных и зарубежных ученых по изучаемой проблеме показывает, что педагогическая поддержка рассматривается как особая педагогическая деятельность, обеспечивающая развитие индивидуальности, личности ребенка в процессе образования; принцип действия в педагогическом процессе, ориентированный на создание условий для преодоления ребенком препятствий в интеллектуальном, нравственном, эмоционально-волевом развитии; процесс совместного с ребенком определения его интересов, путей преодоления проблем, помогающих самостоятельно достигать желаемых результатов в различных областях жизнедеятельности.

Основным направлением педагогической поддержки является помощь (педагога, психолога, родителей) в личностном развитии учащегося, направленная на актуализацию собственных внутренних сил и резервов самореализации. О.С. Газман в качестве предмета педагогической поддержки рассматривал процесс совместного с ребенком определения его интересов и целей, возможностей и путей преодоления препятствий (проблем), способствующий сохранению и развитию нравственного потенциала личности и достижению желаемых результатов в учении, самовоспитании, общении [3, с. 18].

Серьёзным остается вопрос о том, что следует поддерживать в формирующейся личности. Содержание педагогической поддержки рассматривается шире, чем просто работа с проблемой человека [2, с. 6].

Таким образом, педагогическая поддержка рассматривается как особая педагогическая деятельность, обеспечивающая развитие индивидуальности, личности ребенка в процессе образования; принцип действия в педагогическом процессе, ориентированный на создание условий для преодоления ребенком препятствий в интеллектуальном, нравственном, эмоционально-волевом развитии; процесс совместного с ребенком определения его интересов, путей преодоления проблем, помогающих самостоятельно достигать желаемых результатов в различных областях жизнедеятельности.

Библиографический список

1. *Бобылева А.С.* Самореализация студентов в учебно-профессиональной деятельности: Автореф. дис. … канд. пед. наук. – Киров, 2006.

2. *Бурыкина Н.М.* Социально-педагогическая поддержка учащихся с особыми проблемами в общеобразовательной школе: Автореф. дис. … канд. пед. наук. – Кострома, 2004. – 23 с.

3. *Газман О.С.* Педагогическая поддержка детей в образовании как инновационная проблема // Новые ценности образования: десять концепций и эссе. – М.: Инноватор, 1995. – 58 с.

4. *Гребенюк О.С.* Педагогика индивидуальности: Курс лекций. – Калининград: Калининградский ун-т, 1995. – 94 с.

СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 1/14

Киселев Андрей Анатольевич
Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет
i_kissa@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЛИДЕРОВ

В статье обсуждается проблема определения социальной типологии лидеров, проявляющих себя в обществе. Выделяются признаки и функции социального лидера. Обосновывается наличие в малой группе двух основных видов социального лидерства (лидерство в деловой и в эмоциональной сфере), которые могут быть персонифицированы в одном лице, но чаще распределяются между разными членами группы.

Ключевые слова: *социальный лидер, свойства (признаки) социального лидера, функции социального лидера, малая группа, виды социального лидерства.*

Проблемы исследования лидерства в наши дни особенно актуальна переменами в жизни общества – модернизацией образования, армии, экономики и др., что ведет к изменению требований, предъявляемых к лидеру любого уровня, в любой сфере. Сегодня требуются лидеры, готовые по современному взглянуть на наши проблемы, повести за собой других на их решение.

Изучение социального лидерства непосредственно доступно прежде всего на уровне так называемой малой группы, в которой каждый ее член непосредственно общается и взаимодействует со всеми остальными ее членами и в которой лидерские качества проявляются естественным образом.

Малая группа, по существу, это немногочисленная по составу группа, члены которой объединены общей социальной деятельностью и находятся в непосредственном личном общении, что является основой для возникновения эмоциональных отношений, групповых норм и групповых процессов.

Малая группа – это не просто любые контакты между людьми (ибо какие-нибудь «контакты» есть всегда и в произвольном, случайном собрании людей), но контакты, в которых реализуются определенные общественные связи, которые опосредованы совместной деятельностью.

Главный признак малой группы — это непосредственное общение, взаимодействие ее членов между собой.

Члены группы относительно регулярно и продолжительно контактируют на минимальной дистанции, без посредников, при этом обладают общей целью или целями, реализация которых позволяет удовлетворить значимые индивидуальные потребности, для чего участвуют в общей системе распределения функций и ролей в совместной жизнедеятельности, разделяют общие нормы и правила. Члены группы расценивают преимущества от объединения, испытывают чувство солидарности друг с другом, обладают ясным и индивидуализированным представлением друг о друге, связаны достаточно определенными и стабильными эмоциональными отношениями и представляют себя как членов одной группы и аналогично воспринимаются со стороны.

Количественные признаки малой группы – ее нижние и верхние границы – определяются качественными признаками малой группы.

В отношении нижней границы размеров малой группы среди специалистов существуют две позиции: одни исследователи указывают на диаду, а другие – триаду.

Диада предполагает возникновение более интимных, доверительных (особых) отношений, в диаде фиксируется самая простейшая, генетически первичная форма общения – чисто эмоциональный контакт.

Присутствие в группе третьего создаёт новую позицию – наблюдателя, и это добавляет новый

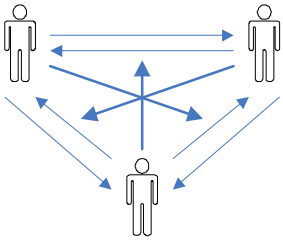


Рис. 1.

© Киселев А.А., 2010

момент к возникшей системе взаимоотношений: этот «третий» может добавить нечто к одной из позиций (рис. 1).

Что же касается верхнего количественного предела малой группы, т.е. максимально возможного ее объема, то если группа задана в системе общественных отношений в каком-то конкретном размере и если он достаточен для выполнения конкретной деятельности, то именно этот предел и можно принять в исследовании как «верхний».

Верхний предел определяется не только функциональной заданностью, но и прежде всего – качественными характеристиками самой группы, отличающими ее от «толпы» или иного подобного состояния. То есть – для каждой группы с характерным для нее социально-психологическим многообразием характеристик существуют как минимальные, так и максимальные количественные пределы.

По мнению многих специалистов, наиболее управляемой является группа из 5–9 человек. С увеличением же ее объема (особенно свыше 12 человек) возрастает число подгрупп и, соответственно, усиливается вероятность противодействия решениям руководителя со стороны лидеров микрогрупп, затрудняется координация общегрупповых усилий.

Один из подходов в изучении социальных групп, получивший широкую известность за рубежом, связан с именем Б. Такмена (Tuckman, 1965). Предложенная им двухмерная или двухфакторная модель явилась результатом анализа пятидесяти зарубежных публикаций, посвященных изучению стадий временного развития терапевтических, тренинговых, естественных профессиональных и лабораторных групп.

Б. Такмен описывает динамику группового процесса, исходя из учета условий, в которых формируется группа, а именно: наличия двух сфер, или измерений, групповой активности – деловой (решение групповой задачи) и межличностной (развитие групповой структуры), а также положения группы в гипотетической последовательности развития, т.е. в соответствующей стадии.

Согласно модели, в каждой из указанных сфер предполагается прохождение последовательно сменяющих друг друга этапов (стадий).

В сфере деловой активности Б. Такмен выделяет:

– стадию «ориентировки в задаче», т.е. поиск членами группы оптимального способа решения задачи;

– стадию «эмоционального ответа на требования задачи», состоящую в противодействии членов группы требованиям, предъявляемым им содержанием задачи вследствие несовпадения личных намерений индивидов с предписаниями последней;

– стадию «открытого обмена релевантными интерпретациями», понимаемую автором как этап групповой жизни, на котором имеет место максимальный информационный обмен, позволяющий партнерам глубже проникнуть в намерения друг друга и предложить альтернативную трактовку информации;

– стадию «принятия решений» – этап, характеризующийся конструктивными попытками успешного решения задачи.

В сфере межличностной активности (именно с нее начинает анализ группообразования Б. Такмен) к основным этапам относятся:

– стадия «проверки и зависимости», предполагающая ориентировку членов группы в характере действий друг друга и поиск взаимоприемлемого межличностного поведения в группе;

– стадия «внутреннего конфликта», основная особенность которой – нарушение взаимодействия и отсутствие единства между членами группы;

– стадия «развития групповой сплоченности», достигаемая посредством постепенной гармонизации отношений, исчезновения межличностных конфликтов;

– стадия «функционально-ролевой соотнесенности», в основном связанная с образованием ролевой структуры группы, являющейся «своеобразным резонатором», посредством которого «проигрывается» групповая задача».

Нам видится, что сфера межличностной активности характерна наличием эмоциональной составляющей процесса общения, а сфера деловой активности – практической составляющей данного процесса.

Лидерство в малой группе – это феномен воздействия или влияния индивида на мнения, оценки, отношения и поведение группы в целом или отдельных ее членов.

Основными признаками лидерства являются:

– более высокая активность и инициативность индивида при решении группой совместных задач;

– большая информированность о решаемой задаче, членах группы и ситуации в целом;

– более выраженная способность оказывать влияние на других членов группы;

Рис. 2.

– большее соответствие поведения социальным установкам, ценностям и нормам, принятым в данной группе;

– большая выраженность личных качеств, эталонных для данной группы.

Основные функции лидера:

– организация совместной жизнедеятельности в различных ее сферах;

– выработка и поддержание групповых норм;

– внешнее представительство группы во взаимоотношениях с другими группами;

– принятие ответственности за результаты групповой деятельности;

– установление и поддержание благоприятных социально-психологических отношений в группе.

В соответствии с выделением двух основных сфер жизнедеятельности малой группы: деловой, связанной с осуществлением совместной деятельности и решением групповых задач, и эмоциональной, связанной с процессом общения и развития психологических отношений между членами группы, – выделяют два основных вида лидерства:

– лидерство в деловой сфере (иногда его называют «инструментальное лидерство»);

– лидерство в эмоциональной сфере («экспрессивное лидерство»).

Эти два вида лидерства могут быть персонифицированы в одном лице, но чаше они распределяются между разными членами группы.

В зависимости от степени выраженности направленности на ту или иную сферу жизнедеятельности группы можно выделить типы:

– лидеров, ориентированных на решение групповых задач;

– лидеров, ориентированных на общение и взаимоотношения в группе;

– универсальных лидеров.

Группа с высокой сплоченностью и положительным, сильным лидерством будет иметь наивысшую возможную производительность. Группа с высокой сплоченностью, но слабым лидерством будет иметь самую низкую производительность, что наглядно представлено на рисунке 2.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод, что лидерство присутствует в различных сферах межличностного общения и име-

Таблица

Факторы, повышающие и понижающие групповую сплоченность

Факторы, повышающие сплоченность группы	Факторы, понижающие сплоченность группы
Соглашение относительно целей	Отсутствие согласия относительно целей
Частота взаимодействия	Большая численность группы
Личная привлекательность	Неприятный опыт взаимодействия между членами группы
Межгрупповая конкуренция	Внутригрупповая конкуренция
Благоприятные оценки	Доминирование одного или нескольких членов

ет различную степень выраженности по силе своего проявления. Это непосредственно влияет на групповую активность, на эффективность групповой деятельности и, закономерно, на результат данной деятельности. Под деятельностью здесь понимается любая групповая активность во имя достижения групповых целей средствами и методами, принимаемыми данным коллективом, – это может быть как непосредственно производственная, так и интеллектуальная, эмоциональная, духовная или иная деятельность.

Савченко Евгений Олегович
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
nb03@mail.ru

ИМПЕРСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США И ЕЕ ИННОВАЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР

Статья посвящена проблемам теоретического осмысления такого понятия, как «империя», определению его актуальности в рамках современного политического процесса, а также вопросам применения данного термина к внешнеполитической деятельности Соединенных Штатов Америки.

Ключевые слова: *Соединенные Шпаты Америки, внешняя политика.*

В международных отношениях проблема имперской политики по-прежнему актуальна (А. Мотыль [39]), несмотря на то, что эпоха империй, казалось бы, уже прошла. Различные государства (Римская, Византийская, Испанская, Британская, Российская, Османская, Австро-Венгерская империи и др.) [5, с. 298–303] расширяли зону своих интересов, стремились к экспансии и контролю над ресурсами, захватывая страны и колонии. Империи сменяли друг друга в претензиях на мировое господство, оказывали существенное влияние на формирование системы международных отношений, мировой культуры, экономики, политической сферы и т.д.

В настоящее время данный политический курс проводится таким государством, как Соединенные Штаты Америки, что позволяет рассматривать его в качестве империи (Бацевич Э. [18], Фергюссон Н. [28–31], Ливен Д. [36], Тодд Э. [47], Хардт М. и Негри А. [33] и др. [12; 13; 19; 20–22; 26; 32; 34; 37; 38; 42; 48–52]).

История показывает, что сущностной характеристикой империи выступает экспансия, т.е. завоевание других стран для доступа и эксплуатации их ресурсов. Экспансия является обязательным условием генезиса империи [3; 6; 7, с. 34–46]. Другие авторы [1, с. 35–40; 15, с. 15; 61] также придерживаются позиции, что экспансия представляет собой системный признак этого понятия. Изучение работ экспертов [1; 3; 5–7; 11; 14; 24; 25] по данной проблематике позволяет сделать вывод, что именно экспансия способствует формированию таких черт империи, как:

– рост неоднородности (культурной, конфессиональной, этнической и др.) с выделением доминирующего (необязательно в численном отношении) народа или этнической группы;

– возникновение отношений типа «центр-периферия» [3; 61].

В ходе исторического процесса высокие издержки централизации и управления присоединенными в ходе экспансии территориями способствовали отходу от колониализма и пересмотру методов управления [5, с. 300; 6; 7, с. 34–46]. Территориальная экспансия уступала место другим ее видам, что обусловлено значительными потерями при завоевании стран, убыточностью и низкой эффективностью не только с экономической, но и с политической точки зрения. То есть использование военной силы могло не оправдывать всех преимуществ, получаемых в результате захвата страны или территории. Таким образом, происходит переход к методам непрямого контроля: в политическом отношении государство сохраняет независимость, а иностранные структуры преобладают в других сферах.

При рассмотрении США становится очевидно, что они обладают указанными выше чертами. У президента страны сконцентрирован значительный объем властных полномочий [9, с. 372–381; 17, с. 272–274; 27; 35; 41], а на протяжении истории происходило не только увеличение территории страны, но и экспансия за ее пределы [4,

© Савченко Е.О., 2010

Таблица 1

Численность действующего личного состава ВС США по странам и регионам мира, чел.

Регион/страна	Итого	СВ	ВМС	МП	ВВС
США (включая территории)	1082627	436108	232020	135722	278777
Европа	89183	49721	6255	874	32333
Страны бывшего СССР	155	38	4	100	13
Восточная Азия и АТР	73799	20925	14861	16344	21669
Северная Африка, Ближний Восток и Южная Азия (за исключением Афганистана, Ирака, Кувейта)	3425	656	1808	468	493
Африка к югу от Сахары	2367	623	803	585	356
Западное полушарие	2058	701	589	391	377
Итого	1253614	508772	256340	154484	334018

с. 373–374, 376, 390–391; 5, с. 655]. При этом правящие элиты выдвигали различные обоснования экспансии (доктрина Монро, Рузвельта, идеи Тернера, Мэхэна и др. [64; 65]) и стремились обеспечить доминирование США в глобальном масштабе. Существенный вклад также внесли А. Беверидж, В. Вильсон, Г. Трумэн, Р. Рейган, А. Даллес, З. Бжезинский [2], Г. Киссинджер [8], Р. Чейни, Дж. Бупыял. [53; 58; 60; 62].

Необходимо отметить инновационный характер имперской политики США, поскольку они сумели разработать и внедрить новые практики, обеспечивающие создание и развитие империи нового, неколониального, типа. Это формирование мощного флота для контроля над морскими пространствами, глобальной сети военных баз и опорных пунктов, использование кредитов, займов, грантов и инвестиций, а также деятельность международных организаций.

США в отличие от Великобритании, Германии и иных стран не стали использовать колониальную модель империи, т.е. непосредственный захват территорий. Это было связано с провалом имперского эксперимента на Филиппинах в начале XX века, когда американцы столкнулись с ожесточенным сопротивлением со стороны местного населения. В результате стало очевидно, что понесенные издержки близки к потенциальным преимуществам, и это дало основания для пересмотра внешнеполитического курса.

В то же время характерной чертой внешней политики США, как и любой империи, было вмешательство в дела других государств, распространение влияния и защита своих интересов военными методами. Свидетельством этому являются обе мировые войны, способствовавшие укреплению позиций страны в мире. Так, в период 1798–1993 гг. было предпринято 234 попытки вооруженного вмешательства, не считая тайных и специальных операций [59].

Вместе с тем при переходе к новым методам создания империи главной задачей становился уже не захват новых территорий, а расширение сферы влияния и подчинение нового пространства (экономического, политического), пусть и обладающего определенной степенью самостоятельности, но подчиняющегося национальным интересам США.

Это было продемонстрировано в XX веке. По показателям промышленного производства и ВВП США занимали и продолжают занимать первое место. Вторая мировая война сделала Соединенные Штаты Америки сверхдержавой. К 1945 г. США контролировали половину мощностей мировой перерабатывающей промышленности и производили половину мировой электроэнергии. Им принадлежали 2/3 мировых запасов золота, половина всех валютных резервов. США производили в 2 раза больше нефти, чем остальной мир вместе взятый, владели самым большим в мире торговым флотом и фактически являлись монополистом в сфере производства летательных аппаратов и электроники [10, с. 559].

Также была создана система военно-политических блоков, союзов и международных договоров, охватывающая десятки государств, сформирована система оказания экономической помощи (план Маршалла, закон о зарубежной помощи 1961 г.), существенно расширена сеть военных баз, образован ряд международных структур (ООН, МВФ, Всемирный банк).

Окончание «холодной войны» и распад Советского Союза позволили Америке сделать охват данной системы глобальным. США вышли на рынки стран Восточной Европы и постсоветского пространства, присоединили к НАТО государ-

Таблица 2

Размер американской помощи странам мира, 2000–2006 гг. (млрд. долл. 2006 г.)

2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	Итого
13,829	15,994	17,545	21,641	29,76	29,086	26,969	154,824

ства Балтии, разместили военные базы в Средней Азии и т.д. В этот же период было продолжено укрепление военной составляющей. По состоянию на июнь 2007 г. [40] численность действующего личного состава ВС США составляла более 1,253 млн. чел, дислоцированных в различных регионах планеты (см. таблицу 1).

В целом, ко второй половине XX века Соединенные Штаты создали комплексную систему средств, обеспечивающую реализацию поставленных целей и включающую такие составляющие, как:

– политическую – международное право и структуры (ООН, G7, G20), участие в их деятельности, продвижение своих институтов и норм в глобальном масштабе (Германия, Япония, Южная Корея), признание независимости (Панама, Израиль, Косово), привлечение союзников (операции в Ираке, Афганистане [43, с. 45; 46, с. 43]);

– экономическую – оказание экономической помощи (см. табл. 2), предоставление займов и кредитов (МВФ, Всемирный банк), зарубежные инвестиции американских компаний. Крупнейшими получателями являются Египет, Израиль, Пакистан;

– военную – переход от военного вмешательства к непрямым методам: проведению совместных учений (в частности, на территории Украины, Киргизии, России, Грузии и др.), подготовке и обучению личного состава зарубежных ВС, командированию военных советников, военно-техническому сотрудничеству и т.д. США являются основным поставщиком вооружений странам Латинской Америки (кроме Чили, Венесуэлы и Бразилии);

– культурно-идеологическую – использование СМИ, Интернета для пропаганды американского образа жизни, продвижение продуктов американской массовой культуры на рынки других стран, деятельность неправительственных и благотворительных организаций (фонд Карнеги, Корпус мира и др.). Голливудские фильмы смотрят до 85% кинозрителей мира [63]. 80% всех кинокартин, показываемых в Европе, – американского производства [57].

США продолжают политику, направленную на сохранение доминирования в глобальном масштабе. Курс Б. Обамы свидетельствует об изменении подхода к реализации данной цели и концентрации на таких стратегически важных странах, как Иран, Ирак, Афганистан, Пакистан, Китай. Так, американский президент заявил об отказе от развертывания элементов американской ПРО в Восточной Европе в обмен на помощь России в решении иранской проблемы [25; 44; 45].

Вышеуказанное обусловливает актуальность рассмотрения проблематики внешнеполитического курса Соединенных Штатов и его имперского характера, а также постановку вопроса о более эффективном противодействии применяемым с их стороны методам. Деятельность США на постсоветском пространстве [56] напрямую затрагивает интересы России, поднимая проблему обеспечения национальной безопасности.

Библиографический список

1. *Аксютин Ю.* «Имперский этнос»: понятие и дефиниции // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – №18.

2. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международные отношения, 1998.

3. *Гатагова Л.С.* Империя: идентификация проблемы // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – М., 1996.

4. *Зинн Г.* Народная история США. – М., 2006. – С. 373–374, 376, 390–391.

5. *Кабаченко А.П.* История мировой политики. – М., 2007. – С. 298–303.

6. *Каспэ С.И.* Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. – М.: РОССПЭН, 2001.

7. *Каспэ С.И.* // Полис. – 1997. – №5.

8. *Киссинждер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? – М., 2002.

9. Конституционное право зарубежных стран. – М., 2002. – С. 372–381.

10. *Мальков В.Н.* Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. – М., 2004.

11. *Паин Э.* Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционная альтернатива в национальной политике России. – М., 2004.

12. *Уткин А.И.* Американская Империя. – М., 2003.

13. *Уткин А.И.* Удар Американских богов. – М., 2006.

14. *Филиппов А.Ф.* Наблюдатель империи (империя как социологическое понятие и политическая проблема) // Вопросы социологии. – 1992. – №1.

15. *Цимбурский В.Л.* Выступление на семинаре «Закат империи» // Восток. – 1991. – №5.

16. Эксперт Казахстан. – №32 (223). – 24.08.2009.

17. *Aron R.* The Imperial Republic: The United States and the World 1945–1973. Little Brown & Company. – 1974.

18. *Bacevich Andrew J.* American Empire: The Realities and Consequences of US Diplomacy. – 2002.

19. *Baiber B.R.* Fear's Empire: War Terrorism, and Democracy. – 2003.

20. *Chalmers J.* Blowback. – New-York, 2000.

21. *Chalmers J.* The Sorrows of Empire: Militarism, Secrecy, and the End of the Republic. – 2004.

22. *Chomsky Noam.* Hegemony or Survival: America's Quest for Global Dominance. – 2003.

23. Deutsche Welle. – 3.03.2009 (Obama Offered Russia Missile Deal With Iran Conditions).

24. *Doyle Michael W.* Empires. – 1986.

25. *Eisenstadt S.N.* The Political Systems of Empires. – 1963.

26. *Eland Ivan.* The Empire Has No Clothes: U.S. Foreign Policy Exposed. – 2004.

27. Executive Order. – № 6073, 6102, 6174, 6511, 8388, 8530, 8725, 8852, 8929, 9067, 9301, 9380, 9709, 9843, 9875, 9914, 9943, 9797, 10062, 10063, 10178, 10265, 10380, 10398, 10408, 10421, 10450, 10470, 10621, 10713, 10849, 10924, 10938, 10973, 11041, 11048, 11250, 11261, 11263, 11382, 11460, 11579, 11603, 11685, 11753, 11772, 11858, 11944, 11959, 12137, 12139, 12163, 12333, 12365, 12423, 12569, 12634, 12654, 12733, 12743, 12854, 12863, 13118, 13223, 13470.

28. *Ferguson Niall.* Colossus: The Rise and Fall of the American Empire. – New-York, 2005.

29. *Ferguson Niall.* Colossus: The Price of America's Empire. – 2004.

30. *Ferguson Niall.* Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power. – 2003.

31. *Ferguson N.* Empires with expiration dates Foreign Policy. – 1.09.2006.

32. *Garrison Jim.* America as Empire. – 2004.

33. *Hardt Michael, Negri A.* Empire. – 2001.

34. *Ignatieff Michael.* The American Empire. The Burden, New York Times Magazine. – 2003. – January 5.

35. *Irons P.* War Powers: How the Imperial Presidency Hijacked the Constitution. – 2005.

36. *Lieven Dominic.* Empire: The Russian Empire and Its Rivals. – 2000.

37. *Maier Charles.* Among Empires: American Ascendancy and Its Predecessors. – 2006.

38. *Mann M.* Incoherent Empire. – 2003.

39. *Motyl Alexander J.* Imperial Ends: The Decay, Collapse and Revival of Empires. – 2001.

40. *O'Hanlon Michael.* U.S. Overseas Military Presence in the 21st Century, RAND Corporation. – 2008.

41. *Schefler M.S.* The Judicial Development of Presidential War Powers, Praeger Publishers. – 1999.

42. *Simes D.K.* America's Imperial Dilemma // Foreign A flairs. – 1.11.2003.

43. The Daily Telegraph. – 20.02.2009.

44. Obama suggests U.S. may rethink antimissile plan // The New York Times. – 3.03.2009.

45. Obama Makes Overtures to Russia on Missile Defense // The Washington Post. – 3.03.2009.

46. The Times. – 13.02.2009.

47. *Todd Emmanuel.* After the Empire: The Breakdown of the American Order. – 2003.

48. *Williams W.A.* The Tragedy of American Diplomacy. – 1959

49. *Williams W.A.* The Roots of the Modern American Empire: A Study of the Growth and Shaping of Social Consciousness in a Marketplace Society. – 1969.

50. *Williams W.A.* From Colony to Empire: Essays in the History of American Foreign Relations. – 1972.

51. *Williams W.A.* Empire as a Way of Life: An Essay on the Causes and Character of America's Present Predicament, Along With a Few Thoughts About an Alternative. – 1980.

52. *Zinn H.A.* People's History of American Empire. – 2008.

53. *Рогов С.* Доктрина Буша и перспективы российско-американских отношений. – Режим доступа: http://nvo.ng.m/concepts/2002-04-05/l_doctrine.html.

54. *Кузьмин В.* Роль США в осуществлении «цветных революций» в зарубежных странах. – Режим доступа: http://pentagonus.ucoz.ru/publ/l9-1-0-822.

55. Агентство международного развития США. – Режим доступа: http://qesdb.cdie.org/gbk/mdex.html.

56. Baltic Defence Review. – 2004. – Vol. 1. – Режим доступа: http://www.bdcol.eeMeadmin/docs/bdreview/2004-voll-full.pdf.

57. *Colville-Andeisen M.* European cinema & American movies. Defining the evolution. – Режим доступа: http://www.emse.fr/~bsimon/documents%20p%E9dagogiques/p%E9dagogie/remakes%20of%20french%20filrm/Eiiropean% 20Cinema%20and%20American%20movies%20-%20article.doc.

58. *Уткин А.* Доктрина Буша: концепция, разделившая Америку. – Режим доступа: http://www.globalafiaiis.ru/numbeis/15/4503.html.

59. Официальный сайт ВМС США. – Режим доступа: http://www.historv.navy.mil/wais/foabroad.htm.

60. *Зимин Н.* Доктрина небезопасности. – Режим доступа: http://www.itogi.ru/paper2002.nsffArticle/Itogi 2002_09_30_130716.html.

61. *Подвинцев Б.* Сложности постимперской адаптации консервативного сознания: постановка проблемы и опыт классификации. – Режим доступа: http://www.politstudies.ru/N2004fulltext/1999/3/5.htm.

62. *Максименко В.* Доктрина Буша. – Режим доступа: http://www.russia-today.ru/2001/no_22/22_geopolitics_l.htm.

63. *Цветов П.* Как побороть засилье Голливуда. – Режим доступа: http.//www.russia-today.ru/2005/no_10/10_topic 5.htm.

64. Информация с официального сайта Государственного департамента США. – Режим доступа: http://www.state.gov/r/pa/ho/time/jd/16321.htm.

65. Информация с официального сайта Государственного департамента США. – Режим доступа: http://www.state.gov/r/pa/ho/time/ip/17660.htm.

ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ

УДК 316.33

Максименко Александр Александрович
кандидат психологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
alex-maximenko@yandex.ru

ДРУГ ИЛИ НЕ ДРУГ НАМ ПИТЕР ДРУКЕР? (Перспективы ценностно-ориентированного менеджмента)

В настоящей статье рассмотрена эволюция управленческой мысли (в том числе и авангарда управленческой мысли) с позиции ценностно-ориентированного менеджмента.

Ключевые слова: *теории управления, ценностное управление, аксиологический менеджмент.*

Наука – это наиболее агрессивный и наиболее догматический религиозный институт.
П. Фейерабенд

Об аксиологическом основании всех теорий менеджмента

Многочисленные существующие подходы к теории менеджмента озадачивались поиском наиболее оптимальной модели управления. В этих моделях исследователи различных школ пытались описать управленческий процесс посредством самых важных, по их мнению, параметров. Однако, как показывал последующий управленческий опыт, найти универсальное объяснение весьма затруднительно.

Предпримем попытку рассмотреть наиболее значимые школы менеджмента с позиции аксиологического менеджмента. В нашем понимании, аксиологический менеджмент – это ценностное управление поведением людей в организации.

Одним из первых на проблему выработку совместных ценностей и их влияние на экономическое поведение людей обратил внимание Адам Смит в своей «Теории нравственных чувств, или опыте исследования законов, управляющих суждениями, естественно составляемых нами сначала о поступках прочих людей, а затем и о своих собственных» (The Theory of Moral Sentiments, 1759) [8]. А. Смит одним из первых обращается к исследованию мотивов поведения «экономического человека», став, по сути, основоположником системы экономического экзистенциализма и аксиологического менеджмента. Эгоистические мотивы в поведении человека, по справедливому предположению шотландского философа, даже в условиях редкости благ, уравновешиваются дружескими чувствами симпатии и добродетели[1].

Другой видный мыслитель М. Вебер [2] определил в контексте протестантского мировоззрения, определяющего, по его мнению, хозяйственный уклад, ту центральную ценность, обозначенную понятием «призвание», которая, по его мнению, «делала» рабочих приверженными идее «долга по отношению к труду», оцениванию «своего заработка с трезвым самообладанием и умеренностью». С позиции ценностного управления, работник низводился до уровня автоматического исполнителя трудовых приемов, строго предписанных инструкцией, однако важно, что были обозначены и закреплены ценности, на основе которых осуществлялось управление работниками. Такое понимание ценности (как истины, а не как идеала) является переломным и создает из ценности интерпретационный контструкт (Ганс Ленк), с помощью которого субъект управления обозначает свои предпочтения.

В своих управленческих моделях Ф. Тейлор, А. Файоль и Г. Форд, исходя из своего понимания природы человека, задавали следующие аксиологические параметры менеджмента. Монополярная модель промышленной организации производства[2] определила жесткую иерархию предписанных ролей и статусов, исключая внимание к влиянию благоприятного психологического климата среди работников и управляющих на эффективность управления. И несмотря на то, что все вышеперечисленные модели объединяло «вынужденность разделения ценностей всеми сторонами», в их теориях был задан первоначальный этап аксиологического менеджмента.

 © Максименко А.А., 2010

Отличавшаяся механистичностью задавания ценностей, подобная система менеджмента сообщила совокупный свод норм и правил игры двум сторонам: управляющему и управляемому, которые придерживались (были вынуждены придерживаться) этого свода.

Знаменитые Хоторнские эксперименты под руководством Э. Мэйо положили начало гуманистической школы человеческих отношений в менеджменте. Для ценностного управления это важная веха, ознаменовавшая смену образцов культурного регулирования: ценности в организации не просто механически задаются, а объясняются и мотивируются на воспроизводство. С позиции аксиологического менеджмента концептуально близкая Хоторнским экспериментам теория разрабатывается в середине XX века группой американских исследователей во главе с У. Демингом. Исследуя опыт японских предприятий, У. Деминг закладывает основы «менеджмента сотрудничества». Таким образом, этот этап аксиологического менеджмента может быть охарактеризован как «ценностное взаимообуславливание»[3].

Следующим логичным шагом стал процесс «подсчета выгод и потерь» от такого ресурса, как «совместные ценности», для компании и для работника. Преимущества и недостатки компаний с сильной идеологией на основе эмпирического изучения крупных компаний США были показаны в работах М. Далтона «Человек, который управляет» и У. Уайта «Человек организации». Эти две монографии послужили важной вехой в развитии аксиологического менеджмента. В книге М. Далтона впервые было показано влияние организационной культуры на мотивацию труда. Другая книга впервые показала «оборотную сторону» компаний с сильной организационной культурой. По мнению У. Уайта, человек, работающий в организации с сильной организационной культурой, не просто работает на эту организацию, а психологически полностью принадлежит ей. Успешная карьера этого работника всецело обусловлена его желанием соответствовать ценностям организации и ее ожиданиям. Лояльность к своему боссу и организации оценивается выше, чем креативность и способность добиваться решения задачи. Таким образом, делает вывод У. Уайт, руководителям организаций, имеющих сильную организационную культуру, нужен всего лишь хорошо «обструганный» (хорошо «обточенный») человек [6].

Кросс-культурные исследования в аксиологическом менеджменте были спровоцированы во многом наступившим после бурного роста в 80-х годах в США экономическим кризисом и позволили оценить влияние ценностного управления как весьма эффективной системы, обратив внимание не только теоретиков, но и практиков менеджмента. По мнению О. Родина, именно в этот момент у Америки появился конкурент в лице страны с культурными ценностями, противоположными западному типу, – Японии. Все увидели в ней то объединяющее начало, которое способно интегрировать интересы самых разных работников, идейно сплачивать менеджеров и рабочих, а в конечном итоге способствовать росту производительности труда и экономической результативности компании, эффективно преодолевая кризисные состояния экономики. Теория нидерландского исследователя Г. Хофстеде стала основой для многих кросс-культурных исследований. В результате крупномасштабных исследований национальных культурных различий в филиалах корпорации IBM в 64 странах мира с 1967 по 1980 годы Г. Хофстеде выделил пять основных параметров национальных культурных различий: дистанции власти, индивидуализма, соотношения мужественности и женственности, избежания неопределенности и долгосрочной ориентации.

После того, как вопросам ценностного управления стали уже уделять внимание ведущие бизнес-консультанты, теория этого вопроса стала наполняться различными моделями. Одними из первых[4] на управление ценностями работников и приведение их к системе ценностей предприятия во благо достижений поставленных целей (экономических прежде всего) обратили внимание Томас Дж. Питерс и Роберт Уотермен, которые в 1982 году в книге «В поисках совершенства»[5] рассмотрели преимущества компаний с сильной идеологией на широких ценностных установках. Они предложили схему 7S: структура, стратегия, система, способности, сотрудники, стиль управления, совместные ценности (structure, strategy, systems, skills, staff, style, shared values), в центре которой расположил совместные ценности, являющиеся, по его мнению, ее наиболее важным элементом. С точки зрения Т. Питерса, совершенство является культурным фактором, а компании изо всех сил стараются обеспечить принятие *своей* организационной культуры всеми сотрудниками [7].

Апогеем ценностного подхода в управленческой парадигме не без оснований считается работа К. Майджера «Ценностно-ориентированное управление», где автор одним из первых представил модель, показывающую, как ценности воздействуют на поведение работников в организации. В разработанную им схему входят базовые элемента: ценности – видение – вера и отношение – поведение [5].

С. Долан и С. Гарсия предложили свою модель (MBV)[6] рассмотрения ценностей с позиции трех разных, но взаимодополняющих значения понятия «ценность»: этико-социальные ценности (убеждения о способах поведения), экономико-прагматичные (ориентация на эффективность, соблюдение стандартов, дисциплины) и эмоционально-развивающие (мотивация на самореализацию) [3].

Таким образом, вся история менеджмента, на наш взгляд, демонстрирует обоснованность предположения, что все заметные теории менеджмента имеют аксиологическое основание и могут быть проанализированы в рамках аксиологической концепции менеджмента.

О закономерной судьбе подходов к менеджменту, отрицающих ментальные характеристики и ценности

Менеджмент, как синтетическая наука, всегда разрабатывался посредством различных подходов, заимствующих методы и понятийный аппарат из смежных дисциплин. В итоге современная ситуация в теории и практики мирового менеджмента до недавнего времени характеризовалась конкуренцией пяти основных подходов: количественного, поведенческого, процессного, системного и ситуационного. Однако далеко не все подходы на практике и в теории оказались, на наш взгляд, действенными и продуктивными.

Подход количественной школы управления (Р. Акофф, С. Бир, А. Гольдбергер, Р. Люс, Л. Клейн) предложил ряд моделей, в которых широко использовались количественные оценки: математические, статистические, инженерные расчеты. Ограниченность его с точки зрения аксиологического менеджмента заключается в том, что природа ценностей по своей сути неаддитивна и изучается идиографическим, «понимающим» (интерпретативным) подходом, в основе которого лежит использование качественных методов.

Процессный подход несет в себе ряд преимуществ с точки зрения аксиологического менеджмента, подчеркивая решающую роль целостности и скоординированности процесса управления, наличия у него закономерной внутренней логики, базирующейся на внедрении подробных регуляров и описательности, что порождает единый язык знаков (семиотику).

Применение *системного подхода* адекватно и оправданно тогда, когда необходимо интегрировать информацию об объекте. В этой связи аксиологический менеджмент всегда представляет некоторую систему с четкой целевой и ценностной доминантной, определяющей остальные части системы. Преодолевая недостатки локального подхода, системный подход позволяет продуктивно обращаться к ценностным иерархиям подсистем и оперировать ими.

Ситуационный подход, проповедующий в своей основе «ситуационное мышление» (case-study), демонстрирует «идейную бесхребетность» и всю палитру хамелеона. «Управленческая относительность» утверждает, что оптимальные приемы и способы должны определяться именно ситуацией управления, что может войти в противоречие с устоявшимися ценностями организации[7].

Бихевиоризм, как концептуальное основание *поведенческого подхода*, заполонил менеджмент второй половины XX века. Отрицая существование внутренних факторов, детерминирующих поведение человека[8], бихевиоризм оставался долгое время весьма популярным продуктом психологической мысли. «Удачно» удалив ментальные и ценностные характеристики из управления, бихевиоризм заодно удалил из управления множество неудобных, в том числе труднообъяснимых и трудноисчисляемых феноменов[9]. С позиции аксиологического менеджмента, бихевиоризм – несостоявшаяся теория, игнорирующая ценностные ориентации человека.

Таким образом, с позиции аксиологического менеджмента наиболее продуктивными подходами, усиливающими его возможность и потенцию, являются системный и процессный, а нейтральными по отношению к аксиологическому менеджменту мы признаем ситуационный, количественный и поведенческий (основанный на теории бихевиоризма) подходы.

Друг или не друг нам Питер Друкер? Аксиологический менеджмет как новый этап управления

Пока еще нельзя сказать с уверенностью, какими будут общество и экономика, которые придут

Таблица

№	П. Друкер (управление по целям)	А. Максименко (управление на основе ценностей)
1.	Он должен управлять на основе поставленных целей.	Он должен управлять на основе ценностей, заложенных формально (миссией).
2.	Он должен больше рисковать, причем этот риск будет распространяться на более длительный период.	Он должен уметь рисковать всем, кроме ценностной идентичности компании.
3.	Он должен уметь принимать стратегические решения.	Он должен уметь видеть организационной горизонт.
4.	Он должен создать единую команду, каждый член которой умеет измерять и оценивать эффективность и результаты своей собственной работы в зависимости от общих целей.	Он ответственен за создание команды, каждый член команды которой умеет измерять и оценивать эффективность и результаты своей собственной работы в зависимости от организационных ценностей.
5.	Он должен научиться излагать информацию быстро и точно. Он должен научиться мотивировать людей. Иными словами, он должен уметь добиваться «ответственного участия» со стороны других менеджеров, специалистов-профессионалов и всех остальных работников своей организации.	Он должен быть хорошим рассказчиком легенд, продуцируя ценности и мотивируя тем самым людей. Подобным подходом менеджер будущего создает «иконы», с помощью которых создается ценностная атрибутика и творится история компании.
6.	Традиционно сложилось, что менеджер должен знать и уметь исполнять одни или несколько функций. Но в дальнейшем этого будет уже недостаточно. В будущем менеджер должен уметь видеть бизнес в целом и интегрировать в него свои функции.	Знание и умение – это, бесспорно, хорошо, однако воображение и предвосхищение важнее. Менеджер будущего должен уметь предвидеть
7.	Традиционно сложилось, что менеджер должен хорошо знать несколько видов продукции, выпускаемой его компанией, или какую-то из отраслей. Но в дальнейшем этого тоже будет недостаточно. В будущем менеджер должен уметь увязать свою продукцию и отрасль с внешним миром, в котором приходится работать его компании, найти во внешнем мире то существенное, что может сказаться на работе его компании, и научиться учитывать это в своих решениях и действиях.	В дальнейшем будет недостаточно ассимилировать свою продукцию и отрасль под внешний рынок. Менеджер будущего должен уметь создавать глобальные рынки, транслируя ценности организации и создавая транснациональные сети.

на смену нынешнему укладу[10]. Однако можно с большей долей вероятности утверждать, что новый этап менеджмента будет базироваться на управлении на основе ценностей. Рискнув дополнить классика менеджмента, попытаемся создать профессиональные требования к менеджеру будущего с позиции аксиологического менеджмента.

Итак, следуя за П. Друкером [4], менеджер будущего должен уметь (см. таблицу).

Таким образом, предпринятая выше попытка анализа развития управленческой мысли (в том числе и ее авангарда) позволила обнаружить место аксиологического менеджмента в пространстве современного знания.

Примечания

[1] По А.Э.К. Шефтсбери, добродетели следуют не в расчете на получение награды и не из страха перед наказанием, и даже не в надежде на загробное воздаяние, но главным образом потому, что обладание ими само по себе приносит человеку удовлетворение и счастье.

[2] Термин Ю. Резника и К. Кравченко.

[3] Хотя почти четверть века ранее Мари Паркер Фоллет в своей книге «Новое государство» выдвинула теорию о гармонии труда и капитала, которая могла быть достигнута только при правильной мотивации и учете интересов всех сторон.

[4] Сам же Т. Питерс указывает на весомый вклад Ч. Бернарда: «Бернард был... первым (о ком мы знаем), кто заговорил о важности роли руководителя как проводника и управляющего ценностями организации».

[5] Первым сводом ценностей для христиан, бесспорно, является Библия, которая больше закрепляет ценности для индивидуального восприятия и руководства к действиям (или бездействию). Однако в ней много наставлений и на стратегии нравственного поведения в коллективе. Нужно отметить, что цензура ревностно относилась к различным толкованиям Евангелий и возможностью управлять общественным сознанием, поэтому до наших дней сохранилось сравнительно небольшое их число.

[6] Считая, что концепция MBV (управление на основе ценностей) является новым подходом к управлению, эволюционным переходом от концепций MBI (управление по инструкциям) и MBO (управление по целям). Такой подход позволяет лишь показать передовое мышление исследователей, однако на практике ошибочно было бы пренебрегать практической значимостью каждого инструмента.

[7] Как замечает К. Харский: Вы не сможете сказать своим сотрудникам: «Мы тут в спешке напутали. Принцип «сделаем все для нашего блага» надо читать так: «сделаем все для блага нашего клиента», пройдите, пожалуйста, на вторую присягу» [9].

[8] Для бихевиористов сознание – это примитивный анимизм, а основная единица анализа – «поведение» понимается как совокупность связей «стимул – реакция» (S-R).

[9] Теория ведущего идеолога бихевиоризма Б. Скиннера не делает попыток задавать вопросы или рассуждать о процессах внутреннего состояния человека. Это считается неприменимым к научному объяснению поведения. Для того чтобы избежать замечания, что описание есть объяснение, Б. Скиннер утверждал, что человеческий организм - это «черный ящик», чье содержимое (мотивы, влечения, конфликты, эмоции и так далее) следует исключить из сферы эмпирического исследования.

[10] Фраза П. Друкера, открывающая послесловие «А что дальше?» к его книге «Энциклопедия менеджмента».

Библиографический список

1. *Бланшар К., О'Коннор М.* Ценностное управление. – Мн.: Попурри, 2003.

2. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990.

3. *Долан С., Гарсия С.* Управление на основе ценностей. Корпоративное руководство по выживанию, успешной жизнедеятельности и умению зарабатывать деньги в XXI веке. – М.: Претекст, 2008.

4. *Друкер П.* Задачи менеджмента в XXI веке. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2007.

5. *Майджер К.* Ценностно-ориентированное управление. Революционный подход к достижению успехов в бизнесе и личному процветанию. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.

6. *Максименко А.* Организационная культура: системно-психологические описания. – Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2003.

7. *Питерс Т., Уотерман Р.* В поисках совершенства. Уроки самых успешных компаний Америки. – М.: Вильямс, 2008.

8. *Смит А.* Теория нравственных чувств или опыт исследования законов, управляющих суждениями, естественно составляемыми нами сначала о поступках прочих людей, а затем и о своих собственных. – М.: Республика, 1997.

9. *Харский К.* Праздник на Вашей улице. – Режим доступа: www.harsky.ru.

УДК 340.1

Матвеева Мария Игоревна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ ksu.edu.ru

ПРАВО И ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ КАК АТРИБУТЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается проблема права и частной собственности как атрибутов экономических отношений гражданского общества.

Ключевые слова: *право, частная собственность, атрибуты, экономические отношения, гражданское общество.*

Право – это такой регулятор и инструмент организации общественных отношений, который опирается на то, что в гражданском обществе имеются общественные субъекты, которые, невзирая на сиюминутные выгоды для себя, берут под защиту другие общественные субъекты вместе с их интересами и правами.

Всякое право, тем более право абстрактное, государственное, есть мера перехода возможности в действительность и действительности в возможность относительно вещей как объектов собственности и частных лиц как субъектов собственности, один из которых испытывает особый экономический интерес к другому субъекту и стремится вступить с ним в меновые отношения. Стало быть, право как мера реализуется, передается и возникает перед началом и в завершении процесса обмена вещей между частными лицами.

Право у Гегеля начинается с личного права, с индивидуального отношения человека к вещам, которые, будучи объектом личного, индивидуального права, и есть собственность. В личном праве объект собственности и собственность – тождественные понятия, а это право, как понятие, тождественно субъекту права или частному лицу. Поэтому право есть прежде всего частное право, право частного лица на вещи. Следовательно, человек относится к вещи, как к собственности, потому что он сам наделяет себя правом быть хозяином или владельцем данной вещи и использует для ее присвоения такие механизмы, которые, не ущемляя экономических интересов других людей, делают вещь его частной собственностью.

Со временем в структуру таких механизмов входит и право, которое образует исходную и определяющую социальную предпосылку для всякого присвоения вещей частными лицами в правовом государстве с гражданским обществом как ассоциацией зрелых общественных индивидов, каждый из которых обладает не только определенным набором личных прав, не только своей долей общественного богатства, но и необходимой суммой знаний, системой понятий, создающих возможность без затруднений и осложнений свободно ориентироваться в любых жизненных ситуациях и принимать рациональные решения. В человеческом обществе нет и не может быть ни одной вещи, которая бы была бесхозной и не принадлежала бы какому-то конкретному лицу. Только один этот факт свидетельствует о том, что каждый в отдельности человек есть собственник и, как собственник, перед другими людьми обладает правом быть таковым. Но он не может не признать, что и другие люди тоже есть частные лица, тоже имеют собственность как право частного лица на вещи. Поэтому каждый человек как частное лицо относится к другому человеку тоже как к частному лицу, и оба признают друг в друге собственников, обладающих равенством прав. Именно с этих позиций люди вступают друг с другом в экономические и производственные отношения, и каждый из этих людей пытается перенести свое индивидуальное право на их обоюдные отношения [1, с. 28].

Среди этих условий выделяется перечень взаимных прав, обязанностей, обоюдной ответственности, включая гарантии и залог, перечень, оформляемый контрагентами в виде договора, исполнение которого нуждается в том, чтобы его взял под контроль нейтральный общественный субъект, согласный разделить часть ответственности, взять ее на себя и превратить ее в ответственность солидарную. Таким субъектом, среди прочих субъектов рыночных отношений, субъектом наиболее надежным, стабильным, одномоментно не исчезающим, является государство. Именно государство возлагает на себя часть

© Матвеева М.И., 2010

ответственности по добровольным сделкам между частными лицами и в обмен на это одновременно присваивает себе право контроля, принуждения и наказания за неисполнение условий договора, свободно устанавливаемых участниками этой меновой операции в процессе переговоров без чьего-либо вмешательства. Этим актом государство способствует экономии затрат по возможным негативным обстоятельствам, которые нельзя предусмотреть в условиях договора и отнести к трансакционным издержкам. Такие затраты и такая экономия входят в понятие риска, включаются в категорию неопределенности, которая имеет наибольшую степень проявления на переломных этапах истории страны или отдельных рыночных институтов и часто исходит из неадекватного или оппортунистического поведения участников сделок. Таким образом, государство, опирающееся на такую формальную норму, как собственное право, косвенным, часто незаметным образом облегчает ход многих частных экономических процессов и обретает черты субъекта рыночных отношений, занимающего в них особое место.

Исключительное право государства на солидарную ответственность по частным сделкам со временем обрастает бесчисленным количеством норм, нормативов, предписаний, рекомендаций, уложений, упреждений, которые именуются «правилами игры» и входят в такое понятие, как «спецификация и защита прав собственности частных лиц». В этом праве государству отводится роль простого арбитра или агентства, что вовсе не исключает всех остальных его функций или ролей, необходимость которых выходит за рамки меновых отношений и вызвана иными обстоятельствами. С их устранением, ликвидацией, упразднением, исчезновением, когда мобилизующая сила государственной власти больше уже не требуется, государство передает частным лицам ряд своих функций, еще пользующихся спросом на рынке и приносящих участникам сделки обоюдную выгоду [1, с. 15].

В этих условиях роль государства как агентства по спецификации и защите прав собственности в экономической жизни общества всемерно возрастает. Не вмешиваясь в процесс заключения и реализации рыночных сделок, государство больше внимания уделяет проблемам дозволенности или законности меновых операций и правонарушений по ним [2, с. 5]. Опять же оно привлекает к этому делу частных лиц на взаимовыгодных условиях и расширяет для себя налоговую базу, что наиболее четко сегодня проявляется в таких экономически развитых, небольших и относительно нейтральных странах, как Швейцария, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Финляндия, Люксембург; в меньшей мере в таких странах, как Австрия, Бельгия, Испания, Португалия. В итоге, по мере исторического развития правовой экономики рыночного хозяйства, по мере преодоления различного рода негативных обстоятельств, вызванных природными и социальными катаклизмами, причины которых зачастую связаны с неполной зрелостью гражданского общества, с тяжелым наследием или с технической отсталостью страны, государство возвращает себе те первоначальные функции, которые появились на свет на заре рыночной цивилизации.

Наличие этих функций определяло государство, по сути, в качестве правового института, устанавливающего и охраняющего меру дозволенного и недозволенного в общественных отношениях, меру, необходимость которой вытекает из характера меновых отношений как единой социальной системы. Правовая мера как социальная норма разрастается в обществе в гигантскую совокупность различных правил совместной жизнедеятельности людей, опутывает все отношения между ними, проникает в структуру различных рыночных институтов, выстраивает их в определенной иерархической последовательности, образуя своеобразную институциональную матрицу общества [3, с. 27]. Под нее подстраиваются и производственные отношения, возникающие и существующие в каждом рыночном институте, приобретая не только организационно-упорядоченный вид, но и наиболее значимые признаки всей экономической системы данного общества, изменить которые ни фирмы, ни домохозяйства не в состоянии. Это может сделать только центральная власть страны, ее правительство, государство. Нельзя забывать о том, что действующие в рамках данного общества неформальные нормы лишь подают сигналы правительству о необходимости трансформации формальных норм в иное качественное состояние. В свою очередь, правительство соотносит эти сигналы с основными принципами, закрепленными в международных нормах права, и, руководствуясь ими, преобразует формальные нормы, тем самым корректируя и постепенно изменяя сложившуюся институциональную матрицу общества. Таким

образом, происходит оценка, отбор и вхождение неформальных норм, действующих в данной стране, не только в ее институциональную матрицу, но и в международную правовую систему, которая, очевидно, также представляет собой институциональную матрицу, только более высокого порядка и глобального масштаба. В свою очередь, сами неформальные нормы также постепенно изменяются под воздействием, как показывают кривые Э. Энгеля, роста доходов населения, а также других экономических и неэкономических факторов, преобразуя потребности людей в направлении того, что одни потребности исчезают или замещаются другими потребностями, как правило, более высокого культурно-ценностного и гуманистического порядка. В итоге, рост благосостояния (личных или семейных доходов) широких слоев гражданского населения ведет к всеобщему выигрышу и сам по себе несет общественное благо.

Правовой характер рыночных отношений не исключает необходимости их наличия в обществе, не делает меновые отношения подчиненными заранее установленному плану. В свою очередь, любые меновые отношения так же индивидуализированы, персонифицированы, институционализированы, как и овеществлены, обезличены, спонтанны, а товарный фетишизм скорее отражает особую историческую фазу в развитии каждой страны, чем является закономерным явлением общественной жизни. Как правило, эта фаза совпадает с переходом общества от одной экономической системы к другой, когда после затяжного системного кризиса и длительного застоя просматриваются перспективы стабильного развития общества на качественно иной институциональной, а затем и технической основе.

Библиографический список

1. *Гибало Н.П., Сечкарев Г.Г.* Контрактные отношения: природа, характер и функции. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006.

2. *Костина О.В.* Трансакционные издержки: опыт политико-экономического анализа: Автореф. дис. … канд. эконом. наук. – Иваново, 2007.

3. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд эконом книги «Начала», 1997.

УДК 334

Войнов Игорь Сергеевич
Астраханский государственный университет

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛУГИ КАК СИСТЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С КЛИЕНТОМ

В статье рассматривается реализация принципа взаимодействия с клиентом как основа системы обслуживания. На основе взаимодействия обеспечивается качество обслуживания клиента посредством выработки и постоянной корректировки модели обслуживания, включая стандарты и регламенты. Механизмом обеспечения взаимодействия является система обслуживания, которая соединяет изучение потребностей клиентов и соответствующие изменения процедур обслуживания.

Ключевые слова: *социальные услуги, принципы оказания услуг, управляющая система, обслуживающая система, обеспечивающая система, система оценки качества обслуживания, оптимизация административно-управленческих процессов.*

Проблема обслуживания связана с неосязаемостью услуг, которые являются действием или опытным знанием, нераздельностью предоставления услуг и их потребления. Характеристики услуг во многом определяются потребителями, что придает им социально-психологический характер и порождают субъективность оценок, а также проблему объективного контроля качества услуг.

Взаимодействие имеет целью обеспечение качества обслуживания клиента, на основе выработки и постоянной корректировки модели обслуживания, включая стандарты и регламенты. Механизмом обеспечения взаимодействия является система обслуживания, посредством которой соединяются изучение потребностей клиентов и соответствующие изменения процедур обслуживания.

Принципы оказания услуг:

– равный доступ всех лиц, имеющих право на получение услуги согласно закону независимо от физической недееспособности, языка, расы, религии, национальности;

– социально-экономическая эффективность, т.е. совокупные издержки оказания услуги должны быть ниже выгод от ее потребления;

© Войнов И.С., 2010

– минимизация издержек клиента;

– децентрализация решений о способах предоставления услуг (стандарт, определяя конечные требования к объему и качеству услуг, оставляет свободу в организации работ и позволяет стимулировать выявление внутренних резервов эффективности);

– открытость стандартов (информация о стандартах социальных услуг относится к категории информации, предоставляемой бесплатно, размещение данной информации в сетях общего доступа является обязательным);

– максимальная четкость критериев принятия решений при оказании услуг (периодичный пересмотр стандартов услуг с учетом выявления предпочтений потребителей).

Основными инструментами обеспечения качества социальных услуг являются стандарты и регламенты. Стандарт услуги представляет собой систематизированный набор требований к порядку оказания услуг сочетающий потребности клиентов и технологические, материально-технические, финансовые и иные ресурсные возможности обслуживающей системы.

Стандарт услуги устанавливается в виде нормативного, определяющего требования к взаимодействию обслуживающей системы с клиентами в отношении: времени оказания услуги (время, которое необходимо для предоставления услуги, время получения услуги, среднее время доступа к месту получения услуги); места предоставления услуги (требования транспортной доступности для различных групп клиентов, открытый режим помещения (не требуется специальный доступ в помещение или пропуск, доступность для клиентов со специальными потребностями (матери с детьми), при наличии очередей – приемлемые условия ожидания); информационного обеспечения (наличие легкодоступной, полной и достоверной информации об услуге (включая регламент ее предоставления, права клиентов, порядок предъявления претензий на несоответствующее качество и объем услуги и проч.); в отношении цены или издержек, связанных с получением услуги (наличие достоверной и полной информации о ценах и издержках, наличие информации о льготах для отдельных категорий граждан при предоставлении платных услуг); в отношении этических требований (требования компетентности, вежливости обслуживающего персонала, а также равного обращения с клиентами).

Регламент оказания услуги есть нормативный правовой акт, определяющий сроки и последовательность действий и (или) принятия решений, порядок взаимодействия учреждения социальных услуг, структурных подразделений и должностных лиц внутри организации, а также порядок взаимодействия с иными организациями в процессе оказания услуги.

Регламентация процесса оказания услуг позволяет:

– оптимизировать процесс оказания услуги (сокращение сроков, устранение избыточных процедур и документов);

– обеспечить прозрачность административных процедур в процессе оказания услуг, тем самым, расширяя возможности контроля за деятельностью органов, оказывающих услуги;

– формализовать права и обязанности органа местного самоуправления, его структурных подразделений и должностных лиц в процессе оказания услуг;

– персонифицировать ответственность должностных лиц в процессе оказания услуги;

– снизить уровень коррупции.

Стандарт услуг и административный регламент являются взаимосвязанными нормативными документами, первый из которых содержит требования к взаимодействию между физическими лицами и его результату, а второй – устанавливает процедуры, результатом которых выступает услуга. Будучи взаимосвязанными, стандарт социальной услуги и административный регламент между тем существенно различаются как по целям, так и по сферам их регулирования и использования.

Основной задачей регламентов является оптимизация административно-управленческих процессов. В отличие от регламентов, стандарты услуг являются инструментом установления обязательств обслуживающей системы перед клиентом.

Общими принципами создания качественного и эффективного обслуживания являются: развитие деятельности, ориентированной на постоянную связь с потребителями с целью выявления их требований к обслуживанию и персоналу; строгое соблюдение функциональных процедур при творческом подходе к удовлетворению потребностей клиентов; постоянное повышение квалификации персонала предприятия.

Так возникает «колесо качества» в сфере услуг: увеличение числа клиентов; удовлетворение

сотрудников своей работой; высокая мотивация персонала; более высокое, в сравнении с ожиданиями клиента, качество услуг; высокая степень удовлетворения клиента. Результатом является стратегическая интеграция с клиентом, т.е. постоянное изменение самого способа изменений с целью расширения диапазона существующих возможностей на основе экспериментального отношения к процессу деятельности.

В процессе взаимодействия осуществляется совершенствование управления системой обслуживания. Речь идет о достижении таких характеристик управления, как обеспечение минимума затрат при достижении постоянного результата (организованность), способность сохранять основные показатели эффективности на приемлемом уровне при изменении задач (универсальность), способность достигать целей организации при изменении параметров ее деятельности (результативность).

Для оценки этих показателей качества управления необходимо использовать метод экспертных оценок, количественная сторона которых условна и говорит об отсутствии или присутствии данного качества или доли его влияния или использования.

Работа учреждений в области качества социальных услуг должна быть направлена на полное удовлетворение нужд клиентов, непрерывное повышение качества услуг. Стратегия развития системы услуг имеет общей целью достижение соответствия потребностям и ожиданиям потребителей и структурируется как: 1) направленность деятельности на поиск и структуризацию выгод и удобств клиента; 2) создание потенциала возможностей (креативных, системно-структурных, функциональных); 3) обеспечение комплекса действий (сервиса), удовлетворяющих требованиям: качество услуг; качество обслуживания; минимизация всех видов затрат клиентов; 4) обеспечение внутренней и внешней интеграции, включающей интеграцию качества и межфункциональную интеграцию подразделений и сотрудников; 5) результирующие показатели: быстрое реагирование, минимум сбоев, тотальное качество; 6) создание интегрированного бренда как обслуживающей культуры, ориентированной на ценности и интересы потребителя.

Кроме того, стратегия развития услуг включает: принципы (этические, системные, развития, партнерства, самообучения); обеспечивающие механизмы (управление по результатам, стандарты, административные регламенты в органах исполнительной власти, информационное обеспечение и др.); показатели достижения целей стратегии (оценка клиентами деятельности по оказанию услуг).

Конкретными элементами системы услуг являются подсистема управления, внутренняя обеспечивающая система, внешняя обслуживающая система и система оценки качества. Задачей внутренней обеспечивающей системы является разработка идеи и концепции соответствующей услуги, разработка ее технологии и апробация. Обслуживающая система направлена на потребителя услуг, имея в виду его потребности и выгоду.

Предпосылками формирования обеспечивающей системы являются:

Рис. 1. Социальные услуги как процесс взаимодействия и развития

Рис. 2. Система обслуживания

– маркетинговый поиск и структуризация выгод и удобств клиента – где, когда и как услуги могут быть предоставлены;

– формирование стандартов и регламентов как форм обеспечения качества услуг;

– создание информационной инфраструктуры обслуживания как условия обеспечения своевременности, доступности, скорости и качества реакции на запросы клиентов;

– создание необходимой инфраструктуры, средств обслуживания, технологии, оборудования;

– формирование реалистических ожиданий клиентов; обеспечение гарантий; установление обратной связи с клиентами.

Система обслуживания клиентов приводится на рисунке 2.

Качественными параметрами обеспечивающей системы являются:

– адаптивность (способность к перегруппировке ресурсов в изменяющихся условиях);

– мобильность (способность к быстрому отклику);

– гибкость (реагирование на данное изменение при сохранении остальных параметров обслуживания);

– надежность (способность сохранять основные параметры услуг).

Качественными параметрами обслуживающей системы являются:

– персонализация обслуживания;

– доступность, скорость и качество реакции на запросы клиентов;

– надежность как гарантия качества услуг;

– безопасность как исключение рисков;

– комфорт.

Например, применительно к медицинским услугам высокий уровень качества обслуживания означает, что качество медицинской услуги является высоким, а сотрудники ЛПУ высокопрофессиональны, вежливы и честны. Кроме того: время, проводимое в очереди к врачу, является приемлемым; продолжительность работы ЛПУ и сроки предоставления услуги соответствуют запросам потребителей; отсутствует риск быть обманутым; отсутствуют неформальные платежи и другое.

Применительно к социальным услугам эффективность рассматривается как результативность и является элементом оценки качества услуг. Так, Национальный стандарт РФ «Социальное обслуживание населения. Качество социальных услуг. Общие положения» устанавливает при оценке качества услуги, следующие критерии:

а) полнота предоставления услуги в соответствии с требованиями стандартов и процедур и ее своевременность;

б) результативность (эффективность) предоставления услуги:

– материальная (степень решения материальных или финансовых проблем клиента), оцениваемая непосредственным контролем результатов выполнения услуги;

– нематериальная (степень улучшения психоэмоционального, физического состояния клиента, решения его правовых, бытовых и других проблем в результате взаимодействия с исполнителем услуги), оцениваемая косвенным методом, в том числе путем проведения социальных опросов, при этом должен быть обеспечен приоритет клиента в оценке качества услуги.

Оценка качества обслуживания представляет собой интегрированное восприятие клиентами системы обслуживания, в зависимости от которого производится корректировка всех составляющих подсистем системы обслуживания: качество самой услуги, обеспечивающей и обслуживающей систем, развитие потенциала возможностей элементов интерактивности, а также формирование объективных и обоснованных систем ожидания качества обслуживания.

Основными факторами, влияющими на качество социальных услуг, являются:

– условия размещения учреждения;

– укомплектованность учреждения специалистами и их квалификация;

– специальное и табельное техническое оснащение учреждения (оборудование, приборы, аппаратура и т.д.);

– наличие собственной и внешней систем (служб) контроля за деятельностью учреждения.

В соответствии с федеральным законом «О защите прав потребителей» состав информации об услугах в обязательном порядке должен включать:

– перечень основных услуг, предоставляемых учреждением;

– характеристику услуги, область ее предоставления и затраты времени на ее предоставление;

– наименование государственных стандартов социального обслуживания, требованиям которых должны соответствовать услуги;

– взаимосвязь между качеством услуги, условиями ее предоставления и стоимостью (для полностью или частично оплачиваемой услуги);

– возможность влияния клиентов на качество услуги;

– адекватные и легкодоступные средства для эффективного общения персонала с клиентами учреждения;

– возможность получения оценки качества услуги со стороны клиента;

– установление взаимосвязи между предложенной услугой и реальными потребностями клиента;

– правила и условия эффективного и безопасного предоставления услуг;

– гарантийные обязательства учреждения – исполнителя услуг.

Учреждения социальных услуг должны иметь документально оформленную собственную систему (службу) контроля за деятельностью подразделений и сотрудников по оказанию социальных услуг на их соответствие государственным стандартам социального обслуживания, другим нормативным документам в области социального обслуживания населения.

Эта система контроля должна охватывать этапы планирования, работы с клиентами, оформления результатов контроля, выработки и реализации мероприятий по устранению выявленных недостатков.

Кроме того, должна действовать внешняя система контроля в государственном, муниципальном и негосударственном секторах через органы социальной защиты населения, органы здравоохранения и органы образования в пределах их компетенции, а также министерства, иные федеральные органы исполнительной власти, государ-

ственные предприятия, учреждения и организации, имеющие в подчинении учреждения социального обслуживания.

Выводы: 1. Взаимодействие лежит в основе обслуживания, которое реализуется как система. Качество системы обслуживания определяется ее способностью решать проблемы взаимодействия, а именно:

– создавать возможности выбора для клиента, управление отношениями по принципу «один на один», т.к. успешный диалог требует индивидуального обращения с коммуникативным партнером и т.п.;

– соединять изучение клиентов и изменение собственных процедур;

– применять принцип скорости, поскольку во взаимодействии важно не только само действие, но и скорость целенаправленного реагирования с помощью интерактивных предложений и услуг, что в свою очередь, зависит от скорости процессов обратной связи;

– сокращать издержки клиента, включая предельные сроки ожидания в очереди приема и тому подобное, и, напротив, – максимизировать возможное количество действий, осуществляемых с помощью информационных сетей коллективного пользования.

2. Стандарт услуги представляет собой систематизированный набор требований к порядку оказания услуг сочетающий потребности клиентов и технологические, материально-технические, финансовые и иные ресурсные возможности обслуживающей системы.

3. Регламент оказания услуги есть нормативный правовой акт, определяющий сроки и последовательность действий и (или) принятия решений, порядок взаимодействия учреждения социальных услуг, структурных подразделений и должностных лиц внутри организации, а также порядок взаимодействия с иными организациями в процессе оказания услуги.

4. Общими принципами создания качественного и эффективного обслуживания являются: развитие деятельности, ориентированной на постоянную связь с потребителями с целью выявления их требований к обслуживанию и персоналу; строгое соблюдение функциональных процедур при творческом подходе к удовлетворению потребностей клиентов; постоянное повышение квалификации персонала предприятия.

5. Развитие обслуживающих систем должно быть направлено на трансформацию организации, основанной на принципах иерархии, в самоуправляемую демократическую организацию.

Оценка качества обслуживания представляет собой интегрированное восприятие клиентами системы обслуживания, в зависимости от которого производится корректировка всех составляющих подсистем системы обслуживания: качество самой услуги, обеспечивающей и обслуживающей систем, развитие потенциала возможностей элементов интерактивности, а также формирование объективных и обоснованных систем ожидания качества обслуживания.

Библиографический список

1. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 52142-2003 «Социальное обслуживание населения. Качество социальных услуг. Общие положения» (принят постановлением Госстандарта РФ от 24 ноября 2003 г. N 326-ст).

2. *Окленд Дж.* Всеобщее управление качеством (TQM) // Маркетинг. – СПб.: Питер, 2002.

3. *Стоун М. и др.* Маркетинг, ориентированный на потребителя. – М.: Гранд, 2003.

4. *Хаксевер К., Рендер Б., Рассел Р., Мердик Р.* Управление и организация в сфере услуг. – СПб.: Питер, 2002.

5. *Хольст Г.* Интерактивная компания: перспективы и подходы к ее формированию // Принцип электронного бизнеса. – М.: Открытые системы, 2001.

УДК 330

Мыльникова Лариса Александровна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru

ИННОВАЦИОННЫЙ КЛИМАТ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

По мере перехода к постиндустриальному этапу экономического развития повышаются требования к качеству экономических отношений. Учет многообразия новых факторов вызывает необходимость развития современных подходов. При этом выявление содержания происходящих процессов требует активного привлечения к анализу экономических явлений институционального подхода. Институциональный подход представляется особенно перспективным применительно к оценке тенденций, связанных с инновационным развитием экономических систем, поскольку от динамики этого процесса зависят темпы развития национальной экономики. Углубленное рассмотрение проблемы перехода на инновационный путь развития позволит определить приоритетность формирования инновационного климата и инновационной системы, с учетом национальных традиций и российской ментальности выработать модель инновационного развития, определить систему экономических инструментов, способствующих институциональному обеспечению инновационного климата.

Ключевые слова: *экономические отношения, инновации, инновационный климат, институциональное обеспечение.*

В условиях поиска наиболее оптимальной стратегии для перехода к постиндустриальному типу развития, сохранения достойного места в международном разделении труда и обеспечения современных стандартов достойной жизни для населения представляется особо острым и обоснованным всестороннее изучение теоретических основ формирования благоприятного инновационного климата, а также комплексного решения ряда задач, ориентированных на его формирование. За годы реформ сложились весьма высокие риски инновационной деятельности. Россия идет по энергосырьевому пути развития и концепция перехода на инновационную экономику сама по себе не является достаточным условием технологического прорыва, ему должно предшествовать создание позитивной инновационной среды позволяющей возродить повышающую тенденцию технологического инновационного прогресса. Все неудачи инновационного развития национальной экономики связаны с рядом причин: недооценкой роли инноваций, важности создания инновационного климата и инновационной системы, способствующей его формированию, понимания роли государства на этапе модернизации экономики приведшей к несовершенству национальной государственной инновационной политики. Чтобы переломить сложившуюся обстановку, возникает потребность теоретического осмысления использования механизмов инновационного развития и использования на практике опыта наиболее развитых странах мира, создания стимулирующих условий для инновационной деятельности в дальнейшей разработке теоретических аспектов концепции устойчивого развития. Различные механизмы требуют изменения сложившихся стереотипов государственного управления экономическими процессами. Углубленное рассмотрение проблемы перехода на инновационный путь развития позволит определить приоритетность формирования инновационного климата и инновационной системы, с учетом национальных традиций и российской ментальности выработать модель инновационного развития, определить систему экономических инструментов, способствующих управлению инновационным климатом. Активизация инновационных процессов в научно-технологической сфере становится важнейшим условием создания высокоэффективной экономики, при этом требует адекватного институционального обеспечения. По мере перехода к постиндустриальному развитию повышаются требования к качеству экономических отношений. Учет многообразия новых факторов, которые раньше не включались в исследовательский, вызывает необходимость развития экономической науки. При этом выявление содержания происходящих процессов требует активного привлечения к анализу экономических явлений институционального подхода. Институциональный подход представляется особенно перспективным применительно к оценке тенденций, связанных с инновационным развитием эко-

© Мыльникова Л.А., 2010

номических систем, поскольку от динамики этого процесса зависят темпы развития национальной экономики. Необходимость обращения к институционализму обусловлена тем, что существующие в экономической теории подходы сильно различаются в понимании условий, причин и движущих сил инновационного развития экономики. Активизация инновационной деятельности выступает необходимым условием дальнейшего качественного и количественного развития национальной экономики. В этом контексте разработка институциональных аспектов, связанных с формированием инновационного климата в экономических организациях приобретает важное самостоятельное значение. Инновационная деятельность на протяжении многих лет является предметом многих исследований общего и специального характера. Отечественные и зарубежные ученые, представители различных наук, творчески развивая и углубляя представления об инновационных процессах как основе социально-экономического развития, внесли существенный вклад в разработку методологических и теоретических вопросов, значительно обогатив теорию инноваций. При достаточно большом объеме научной литературы, посвященной различным вопросам инновационной деятельности, остаются недостаточно изученными институциональные аспекты инновационного климата. В настоящее время уже недостаточно понимания того, что решение целого ряда важнейших социально-экономических задач в отечественной национальной экономике невозможно без формирования и обеспечения инновационного климата. Необходимы знания специфики внутренних механизмов и стимулов инновационного развития отечественной экономика. Получение этих знаний не представляется возможным без обращения к институциональному подходу, позволяющему наиболее адекватно представить вектор инновационного развития сквозь призму совокупности взаимодействующих экономических институтов во всем их многообразии. Проблемы формирования инновационного климата не получили должного изучения и решения при выборе интенсивной модели экономического развития. В публикациях по проблемам развития инновационной экономики факторы рассматриваются частично. Научных исследований, содержащих полный обзор и характеристику экономической значимости инновационного климата, а также проблемы разработки и внедрения мер и механизмов, способствующих его образованию для появления, развития инноваций и подъем экономики практически нет. Серьезные трудности связаны и с приспособлением зарубежных экономических моделей к нашей действительности. Поэтому необходимо расширение диапазона исследований в данной области, уточнение ряда важнейших сторон формирования инновационного климата, принятие нормативных документов, в том числе и относительно перераспределения состава полномочий и ответственности, построения НИС применительно к российской экономике на национальном и региональном уровне.

Инновационный климат является составной частью социально-экономического климата, представляющего собой сложное многогранное понятие. Наибольший интерес для нашего исследования представляет анализ инновационного климата, формирующегося при наличии достаточно развитого благоприятного инвестиционного и предпринимательского климата. Понятие «климат» происходит от греческого слова κλίμα (klimatos) — наклон, который означает многолетний статистический режим погоды, характерный для данной местности [5]. В процессе эволюции и трансформации социально-экономических процессов понятие стало употребляться в качестве категории, отражающей благоприятность среды применительно к изучаемым объектам. Известно, что без инвестиций инновации могут оставаться только в виде идеи, так как разработка, коммерциализация и продвижение требуют вложений капитала. Опыт показывает, что именно отсутствие инвестиций является серьезным препятствием развития инноваций. А для их привлечения нужно обусловленное состояние, характеризующее определенный уровень привлекательности финансовых вложений, который, как нам кажется, формируется не только под влиянием совокупности факторов и условий, отмеченных различными авторами в экономической литературе, но и институциональной системы и представляет собой благоприятный инвестиционный климат. Предпринимательский климат играет не менее важную роль, так как именно предпринимательский сектор является наиболее восприимчивым к инновациям технического, организационного и управленческого характера. Это основная организационная форма реализации нововведений и технологического прогресса, позволяю-

щая поддерживать необходимый уровень конкуренции и вносящая положительную динамику в изменения рыночной структуры экономики [2].

Важнейшей характеристикой инновационного климата является макроэкономическая ситуация в национальном хозяйстве, которая предопределяет основные направления экономической политики с конкретными инструментами государственного воздействия на экономику в целом, влиянием факторов и условий на определенном этапе развития. Под условиями подразумеваются сложившиеся обстоятельства, содействующие или противодействующие инновационному развитию. Они могут создаваться в результате разработки и реализации государственных и региональных инновационных программ. Это могут быть методы стимулирования: субсидирование, страхование и льготное кредитование, налоговые льготы, применение нормативов ускоренной амортизации, страхование инновационных рисков и т.п. Под факторами понимаются причины, движущие силы, оказывающие влияние на ход экономических процессов, определяющих их характер или отдельные черты [4, с. 80–88]. Это явления, которые уже сложились в экономике или могут сложиться под влиянием определенных условий, способствующих инновационному развитию. К факторам можно отнести: а) общеэкономические факторы, включающие институциональные, политические, информационные, социальные и другие составляющие; б) научно-технические, включающие систему взаимосвязи промышленности и научных центров, уровень образования населения; в) финансово-кредитные факторы, включающие наличие кредитных и других институтов, способствующих инновационной деятельности.

Особое влияние на инновационный климат оказывает инвестиционный и предпринимательский климат. Инвестиционный климат – это благоприятная экономическая, политическая, финансовая обстановка, оказывающая влияние на приток внутренних и внешних инвестиций в экономику страны. Она складывается из большого числа элементов, которые можно представить как: социально-политическую ситуацию в стране; внутриэкономическую ситуацию с перспективами ее развития; внешнеэкономическую деятельность и ее развитие. Инвестиционный климат – понятие достаточно емкое, характеризующееся не только инвестиционной привлекательностью, но и инвестиционной активностью, представляющей интенсивность привлечения инвестиций субъектом. Инвестиционная привлекательность включает в себя инвестиционный потенциал, инвестиционный риск, законодательные условия, а также систему мер по стимулированию инвестиций, поощрению деятельности различных венчурных инвесторов и предоставлению финансовых льгот и кредитов предпринимателям для развития инноваций. Инвестиционный потенциал представляет собой совокупность факторов производства и сфер приложения капитала. В экономической литературе он характеризуется такими критериями как: ресурсно-сырьевой, трудовой, производственный, инновационный, институциональный, финансовый, инфраструктурный и потребительский. Степень инвестиционного риска можно определить как возможность полной или частичной потери инвестируемого капитала, вследствие каких бы то ни было причин и специфицируется как: 1) политический (зависит от политической симпатии населения по результатам парламентских выборов); 2) экономический (связанный с динамикой экономических процессов); 3) социальный (характеризуется уровнем социальной напряженности); 4) экологический (связанный с уровнем загрязнения окружающей среды); 5) финансовый (отражающий напряженность бюджета); 6) законодательный (законодательные нормы инвестирования в те или иные отрасли и сферы); 7) криминальный (характеризуется уровнем преступности) [2]. Каждая инвестиция несет в себе определенную степень риска. При этом на одинаковой степени риска они могут вести себя по-разному. Какие-то инвестиции принесут больший доход, а какие-то – гораздо меньшую прибыль. Соотношение инвестиционного риска и инвестиционного потенциала определяет уровень инвестиционной привлекательности, показывая, насколько, исходя из существующего положения и перспектив будущего развития, риски, связанные с инвестированием, компенсируются доходами, которые на эти инвестиции можно получить. Иностранные инвесторы, определяя степень риска вложения капитала, руководствуются оценками специальных общепризнанных агентств, регулярно отслеживающих инвестиционный климат во многих странах мира, в том числе и в России. Ранжирование стран мирового сообщества производится по индексу инвестиционного климата, что служит обобщающим показателем ин-

вестиционной привлекательности страны и «барометром» для иностранных инвесторов. Здесь учитываются те факторы, которые способствуют или, напротив, сдерживают развитие частного бизнеса. Результаты исследования находятся в открытых источниках, они традиционно вызывают интерес у правительств изучаемых стран. Информация предоставляется в виде рейтинга, и становится сразу ясно, кто на первом месте, а кто на последнем. Институционально-правовая стабильность занимает особое место в становлении инвестиционного климата, которая в законодательстве многих стран фиксируется как оговорка о неприменении в течение определенного времени вновь вводимых законодательных актов, ограничивающих права субъектов инвестиционной деятельности или ухудшающих условия их деятельности по отношению к существовавшим на начальный период. Совершенствование законодательной базы является одним из условий, благоприятных для притока иностранного капитала и защиты иностранных инвестиций. Законы должны увязываться с определенной политикой, благоприятствующей осуществлению инвестиций. Необходим механизм, гарантирующий их толкование в соответствии с приоритетами инвестиционной деятельности, а также экономическими задачами и целями, которые ставит перед собой страна или отдельный регион. Ключевую роль в формировании инвестиционного климата играют действия органов государственного управления с использованием институциональной системы. От правительства во многом зависят гарантии прав собственности, подходы к государственному регулированию и налогообложению (реализуемые как внутри страны, так и на ее границах), создание инфраструктуры, функционирование финансовых рынков и рынков труда, а также моменты более общего плана, определяющие качество государственного управления, например, уровень коррупции. Недостаточный приток иностранных инвестиций и существенный отток внутреннего капитала за рубеж, резко ухудшают возможности инновационного развития России.

Предпринимательский климат представляет собой совокупность социально-экономических, финансовых, информационных, законодательных и прочих факторов, формируемых, в том числе, и целенаправленной государственной политикой, направленной на успешное становление, развитие и функционирование субъектов крупного, малого и среднего предпринимательства, осуществляющих научную, научно-техническую и инновационную деятельность. При этом согласно данным исследования научно-технического развития, проведенного американскими специалистами, наибольшим потенциалом обладает малый бизнес т.к. большинство крупных изобретений сделано либо энтузиастами-одиночками, либо в небольших фирмах. Выявилась закономерность: чем крупнее фирма, тем меньше в ней собственных инноваций на каждый миллион долларов, затраченных на исследования и разработки [3]. Малое предпринимательство является особым типом предпринимательской деятельности и объективно существует, как особая часть экономики национального, регионального и местного масштабов, в современной экономике играет важное значение. На него приходится более 50% научно-технических разработок и 95% нововведений, которые являются наиболее актуальными. В расчете на одного занятого создается почти в 2,5 раза больше новых продуктов, чем в крупных компаниях, вносится в 2 раза больше новаторских предложений относительно существующих технологий. Сфера малого предпринимательства «стала своеобразным полигоном разработки и испытания новых технических идей, а также быстрого приспособления производства к меняющимся условиям» [2, с. 50]. Это связано с разработкой изобретения на ранней стадии зарождения, где малому бизнесу не требуется значительных материальных, организационных и кадровых затрат. Если для крупных фирм поиск идей обходится в 1,6% к объему общих затрат, то для мелких – 0,3%, для индивидуальных – 0,1%; проработка концепций обходится крупным фирмам в 3,2 %, мелким – 1,8%, индивидуальным – 0,4%; рыночные испытания [1, с. 50]. По сравнению с крупными фирмами, малые предприятия остаются более инновационными, они внедряют в 17 раз больше нововведений на доллар затрат [2]. Таким образом, именно малое предпринимательство является наиболее значимой составляющей инновационного предпринимательства. Основную роль в формировании предпринимательского климата играет система государственной поддержки.

Государство является главным субъектом, создающим благоприятный инновационный климат. Оно определяет стратегические и текущие направления экономического развития, главные

задачи и методы их решения, способствует развитию науки, в том числе прикладной, и подготовке научных и инженерных кадров, путем осуществления государственных заказов обеспечивает начальный спрос на многие новшества, которые затем находят широкое применение в экономике страны и т.д. Государство – это катализатор инноваций за счет целевого финансирования, выделения сектора критических технологий, оно должно гарантировать частному инвестору, любому внебюджетному финансированию, что установленные законодательством правила будут стабильны и долгосрочны. Формируемая государством инновационная система состоит из совокупности экономических субъектов, а также государственных и общественных институтов, которые в процессе выполнения своих институциональных функций создают содействующие условия для инноваций и призваны обеспечить реализацию федеральной и региональных инновационных стратегий на микро и макроуровне, что в итоге способствует становлению и развитию инновационного климата.

Библиографический список

1. *Блинов А., Кужельная Е.* Малое предпринимательство. Проблемы и организация. – Ярославль: ЯГПУ, 2000.

2. *Егоров А.Г., Кузьмина Л.А. Юхименко И.А.* Малое предпринимательство: институциональная эволюция в контексте мирового и российского опыта. – СПб.: СГПУ, 2005. – 120 с.

3. *Крот Л.* Изобретательство и конкурентоспособность продукции. – Л.: Знание, 1990. – 15 с.

4. *Кузьмина Л.А.* Факторы, обеспечивающие становление инноваций экономики в РФ. – Смоленск: СмолГУ, 2008.

5. *Ожегов С., Шведова Н.* Толковый словарь русского языка. – Режим доступа: wikipedia.ru.

Заставнюк Ольга Федоровна

соискатель Военной финансово-экономической академии (г. Ярославль)

ВЕНЧУРНЫЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Венчурный капитал является стратегическим вектором многофакторного финансирования инноваций, действующих в оптимальных организационных формах экономических организаций. Поэтому эффективное функционирование венчурного капитала позволит экономике России преодолеть существующий технологический барьер, отделяющий ее от промышленно развитых стран и успешно осуществить модернизацию экономики. Использование венчурного капитала способно решить проблемы экономического развития: повышение конкурентоспособности экономики, обеспечение долгосрочного устойчивого экономического роста, уменьшение безработицы, увеличение налоговой базы и т.д. Особенно важно является определение экономической природы венчурного капитала, его категориальные особенности, потребность и институциональные условия успешного функционирования. Этим и другим важным аспектам и посвящена настоящая публикация.

Ключевые слова: *венчурный капитал, экономические отношения, модернизация экономики, институционализация.*

В современной экономической системе отмечается особый целостный характер функционирования венчурного капитала. Эта целостность связывается с рыночным характером и механизмом функционирования венчурного капитала, с совокупностью его потребностей и источников, спецификой сфер и секторов использования, набором необходимых институциональных норм и условий для его эффективного использования, чему в значительной степени и было посвящено практически большинство научных работ, связанных с проблемой функционирования венчурного капитала. Однако какого-то целостного научного обобщения феномен роста комплексности венчурного капитала не получило. Венчурный капитал является стратегическим вектором многофакторного финансирования инноваций, действующих в оптимальных организационных формах экономических организаций. Эффективное функционирование венчурного капитала позволит России преодолеть существующий технологический барьер, отделяющий ее от промышленно развитых стран и успешно осуществить модернизацию экономики. Использование венчурного капитала способно решить проблемы экономического развития в России (повышение конкурентоспособности экономики, обеспечение долгосрочного устой-

© Заставнюк О.Ф., 2010

чивого экономического роста, уменьшение безработицы, увеличение налоговой базы и т.д.), однако существующая система государственной поддержки венчурного финансирования не носит целостного, взаимосвязанного характера. Особенно важно определить экономическую природу венчурного капитала, категориальные особенности, потребность и институциональные условия его успешного функционирования и, следовательно, выявить те противоречия, с которыми сталкивается формирование венчурного капитала в России. Выявление этих факторов даст возможность научного обоснования целевых программ развития и государственной поддержки венчурного финансирования в России.

Модернизируемая экономика России находится на чрезвычайно ответственном этапе поступательного развития экономических отношений, эффективность которых подтверждена мировой практикой. Этот этап отличается большим своеобразием и не имеет исторических аналогов. Гармонизированный рост российской экономики невозможен без гармонизационных отношений в масштабе всего мирового хозяйства [1]. Ни одна страна мира не осуществляла подобного рода преобразований по переходу от административной системы к экономике, базирующейся на предпринимательской инициативе и косвенном государственном регулировании, на механизме конкуренции, обеспечивающей социально-экономический отбор наиболее эффективных предприятий с наименьшими издержками производства и в то же время наиболее полно удовлетворяющими рыночные потребности. В мировом хозяйстве формируется новая парадигма роста на базе использования знаний и инноваций как важнейших экономических ресурсов, а научно-технический прогресс меняет масштабы и структуру производства, оказывая существенное влияние на состояние всей мировой экономики. Опыт экономически развитых стран свидетельствует, что экономический прогресс общества в основном обеспечивается на базе инноваций, которые являются результатом соединения возможностей НТП с экономическими потребностями.

Научно-технический прогресс является очень сложным, отнюдь не только техническим, а также широким социально-экономическим и естественно-научным процессом. «Научно-технический прогресс – существенный фактор производства продукции, обеспечивающий за счет совершенствования средств производства и технологий на базе открытия наукой новых закономерностей, явлений и свойств окружающего мира повышение производительности труда» [2]. Мы считаем, что НТП органически объединяет развитие науки и техники. Превращение науки в непосредственную производительную силу означает, что каждый очередной шаг в развитии техники опирается на предшествующую ему научную разработку, что технический прогресс становится материализацией прогресса научного [3]. Развитие НТП как объективного процесса, связано не только с преобразованием некой совокупности производительных сил и организационно-экономических отношений в ходе их функционирования, но и с изменением взаимосвязей большой совокупности воспроизводственных процессов, с реконструкцией целых сфер экономики [4]. Научно-технический прогресс, признанный во всем мире в качестве важнейшего фактора экономического развития, все чаще и в западной и в отечественной литературе связывается с понятием инновационного процесса. Как справедливо отметил Дж. Брайт, единственный в своем роде процесс, объединяющий науку, технику, экономику, предпринимательство и управление [5]. Он состоит в получении новшества и простирается от зарождения идеи до ее коммерческой реализации, охватывая, таким образом, весь комплекс отношений: производства, обмена, потребления. Сам научный прогресс теперь немыслим без использования новой техники исследования и обработки данных, установок, научных приборов, воплощающих высшие достижения техники. За последние годы экономическая теория прошла сложный путь – от описания предпринимателя, фирмы и государства в качестве отдельных элементов инновационного процесса к их рассмотрению как взаимосвязанных звеньев сложной системы, работа которой обеспечивается определенным набором институциональных факторов.

В то же время ширилось осознание того, что наука как главный источник нововведений не является замкнутой, ограниченной стенами университетов и научных центров системой, а органически встроена в экономические процессы, происходящие в рамках национальных государств, в отраслях хозяйства, крупных корпорациях и мелких компаниях. Возникают вопросы: что представляют собой инновации в научно-техническом прогрессе? В современной экономической лите-

ратуре встречаются такие категории как «новшество», «нововведение», «инновация». В некоторых случаях они используются как слова синонимы. На наш взгляд, это недопустимо, так как «новшество» характеризует определенную новизну, в этом смысле данное понятие аналогично понятию «изобретение». «Нововведение» – это освоение новой техники и технологии, улучшенных методов организации и управления [6]. «Инновация» - это «деятельность, направленная на разработку, создание и распространение новых видов изделий, технологий, организационных форм» [7]. На наш взгляд, понятие «инновация» можно употреблять в значении результата научно-технический прогресса как фактора экономического роста. Суть инновации – в качественном обновлении производственного процесса, которое может находить свое выражение как во внедрении новых технологий и техники, так и в изменении организационных структур, методов управления и т.д.

Можно выделить два направления научных исследований объекта инновации.

Первое направление теоретических исследований – это инновация в своем развитии (жизненный цикл), когда она меняет формы, продвигаясь от идеи до внедрения. Протекание инновационного процесса, как и любого другого, обусловлено сложным взаимодействием многих факторов. Второе направление – движение в рамках инновационного менеджмента – также весьма актуально для России. В некоторых публикациях данная теория получила название «инноватика», и уже внутри самой инноватики появились новые самостоятельные направления: формирование новшеств, сопротивление нововведениям, диффузия (распространение новшеств); адаптация к ним человека и приспособление их к человеческим потребностям; инновационные организации; выработка инновационных решений и т.д. [8]. Однако в приведенном перечне составных частей инноватики отсутствуют некоторые важные элементы, такие, как рынок нововведений, инновационные стратегии. В других работах сделана попытка обобщить основные концепции инновационного развития, но некоторые из них не учтены в полной мере, в частности концепции цикличности инновационного и экономического развития, государственного регулирования инновационных процессов [9]. Под инновацией подразумевается не просто объект, внедренный в производство, а объект, успешно внедренный и приносящий прибыль, в результате проведения научного исследования или сделанного открытия, качественно отличный от предшествующего аналога. Инновация – это комплексный процесс создания, распространения и использования новшеств для удовлетворения определенных потребностей.

Совокупность научно-технических, технологических и организационных изменений, происходящих в процессе реализации инноваций, можно определить как инновационный процесс, а период создания, распространения и использования нововведений называют инновационным циклом. В зависимости от объекта и предмета исследования инновации можно рассматривать: а) как процесс (Твисс, Койре, Инингс, Раппорт, Санта, Кабаков, Гвишиани, Макаров и др.); б) как систему (Лапин, Шумпетер); в) как изменение (Валента, Яковец, Водачек и др.); г) как результат (Левинсон, Бешелев, Гурвич). Очень важно отметить, что инновации являются объектом исследования новых наук. При этом философы, рассматривая инновации, делают акцент на новые знания и разрешение противоречий. Психологи прежде всего рассматривают возникающие конфликты, способы их разрешения и синергетические эффекты, которых достигают команды инноваторов. Технические науки акцентируют внимание на технологической стороне изменения принципиально новых технологий. Экономическая наука фиксирует не только процесс внедрения, но и широкомасштабное рентабельное внедрение новшества, причем независимо от его сущности: будет ли это технология или продукт, новый метод организации или структурные изменения. Й. Шумпетер в работе «Теория экономического развития» рассматривает экономическую инновацию как экономическое воздействие технического изменения. Он попытался найти в рамках производственной функции сущность инновационного предпринимательства. «Производственная функция описывает количественное изменение продукта с учетом изменений во всей совокупности воздействующих на него факторов. Если в сумме факторов мы изменим форму функции, то получим инновацию» [10].

Мощный толчок серьезным исследованиям по инновациям и их роли в экономическом развитии дали работы Н.Д. Кондратьева. Рассмотренные Кондратьевым большие циклы конъюнктуры (длинные волны) инициировали последующее изучение причин этих циклов и их продолжитель-

ности, и в качестве наиболее важной причины были признаны инновации [11]. Немецкий ученый Г. Менш пытался увязать темпы экономического роста и цикличность с появлением базисных нововведений. По его мнению, в положении, когда базисные исчерпывают свой потенциал, возникает ситуация «технологического пата», определяющая застой в экономическом развитии [12]. Такая постановка вопроса и введение в оборот данного определения имеют большое научное, а с учетом современной ситуации в России и практическое значение. Промышленное развитие, по мнению Менша, – это переход от одного технологического пата к другому. Ученый доказывал, что в результате появления базисных нововведений возникают новые предприятия, циклы развития которых оказываются сильно взаимосвязанными. Производство новых товаров на начальной стадии, как правило, отстает от спроса и поэтому характеризуется в этот период высокими темпами роста. Менш связывал цикличность экономики с цикличностью нововведений и фазами развития новых предприятий. Он указывал на момент, когда производство новых товаров начинает превышать спрос. С этого времени фирмы ищут выходы на внешние рынки, падает норма прибыли, все меньше средств направляется на инвестиции. Капиталы устремляются на финансовые рынки. Рано или поздно спекулятивные финансовые операции достигают гигантских размеров, и норма прибыли в денежно-кредитной сфере опускается ниже нормы прибыли в промышленности. Это означает, по мнению Менша, что финансовая сфера готова к инвестициям в реальный сектор. Это весьма актуально для российской практики: экономика России не готова, на наш взгляд, к инвестициям, так как доходность финансовых операций выше средней доходности финансовых инвестиций. Значительное место в теории инновационных процессов занимают концепции, исследующие формирование технологических систем и распространение инноваций.

Среди ученых, развивающих эти концепции, можно выделить английских экономистов К. Фримена, Д. Кларка и Л. Суйте, которые ввели понятие технологической системы взаимосвязанных семейств технических и социальных инноваций [13]. По их мнению, темпы экономического роста зависят от формирования, развития и старения технологических систем. Диффузия, или процесс распространения инноваций, рассматривается как механизм развития технологической системы. Авторы связывают темпы диффузии нововведений с рыночным механизмом и считают, что диффузия инноваций требует соответствующих условий и стимулирования. По мнению Фримена и его коллег, толчком к развитию экономики служит появление базисных инноваций в отдельных отраслях производства (здесь просматривается сходство с концепцией Менша). Старение технологических систем в одних странах и появление новых в других приводят к неравномерности межстранового развития. Среди российских ученых, изучающих проблемы цикличности и внесших вклад в разработку многих теоретических и практических аспектов данной проблемы, можно назвать Ю.В. Яковца и Е.Г. Яковенко. Яковец выделил циклы и фазы развития техники, а также провел периодизацию научно-технических революций. В работах Яковенко и его коллег рассмотрены вопросы циклы жизни изделий, моделирование процессов цикличности на микроуровне. Многие выводы этих исследователей могут быть использованы в разработке механизмов регулирования рыночных процессов с учетом жизненного цикла технологий, продуктов и отраслей.

Существенным вкладом в развитие инновационной теории можно считать разработку российскими экономистами концепций технологических укладов. Понятие технологического уклада (в современном понимании данного термина) введено в научный оборот С.Ю. Глазьевым [14]. Технологический уклад – это группы технологических совокупностей, связанных друг с другом однотипными технологическими цепями и образующие воспроизводящиеся целостности. Технологический уклад характеризуется ядром, ключевым фактором, организационно-экономическим механизмом регулирования. Глазьев и другие экономисты выделяют пять технологических укладов. В экономически развитых странах идет интенсивное перераспределение ресурсов из четвертого технологического уклада в пятый. В России пятый технологический уклад существует в основном в оборонных отраслях промышленности [15]. Передача оборонных технологий в гражданский сектор осуществляется крайне медленно, вследствие неотработанности и конверсии и ряда других причин. Инновация имеет четкую ориентацию на конечный результат прикладного характера, она всегда должна рассматриваться как сложный процесс, который обеспечивает опре-

деленный технический, социально-экономический эффект. В своем развитии (жизненном цикле инновации) инновации меняют формы, продвигаясь от идеи до внедрения. Протекание инновационного процесса обусловлено сложным взаимодействием многих факторов.

Библиографический список

1. *Гибало Н.П.* Методология Ф. Перру и философия нового институционально-экономического развития // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2001. – №3. – С. 45.

2. *Яковец Ю.В.* Закономерности научно-технического прогресса и их планомерное использование. – М.: Экономика, 1984. – С. 9–10.

3. *Бабаев Б.Д., Бабаев Д.Б.* Отношения собственности и перспективы экономического развития России // Россия в экономических системах всемирного хозяйства: XXI век – диалектика содержания и формы собственности (экономические очерки). – Ярославль: ЯГПУ, 2004. – С. 245.

4. *Ольсевич Ю.* Трансформация хозяйственных систем. – М.: Экономика, 1994. – С. 5.

5. *Глебанова А., Мурзов К.* Инновационная политика // Российский экономический журнал. – 1992. – №7. – С. 47.

6. *Янович Д.* Предпринимательство и инновационный процесс: Дис. … канд. экон. наук. – Кострома, 2000. – С. 63.

7. Словарь-справочник предпринимателя. – М.: Зевс, 1992. – С. 84.

8. *Санта Б.* Инновация как средство экономического развития. – М.: Прогресс, 1990.

9. *Канторович Л.В.* Системный анализ и некоторые проблемы научно-технического прогресса. Диалектика и системный анализ. – М.: Наука, 1986.

10. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 1982.

11. Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. – 1925. – №1. – Вып. 1.7

12. *Mensh G.* Stalemate in technology: innovation overcome the depression. – Cambridge, 1979. – P. 14.

13. *Clare J., Freeman C., Soete L.* Long Waves, Inventions and Innovations // Futures. – 1981. – №13. – P. 308.

14. *Глазьев С.Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М.: Владар, 1993.

15. *Глазьев С.Ю., Львов Д.С., Фетисов Г.Г.* Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы центрального регулирования. – М.: Наука, 1992.

Степанов Евгений Борисович
кандидат экономических наук, доцент
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ МЕТОДОЛОГИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Проблема формирования и развития человеческого капитала является постоянно актуальной и значимой как в теоретико-методологическом, так и методологическом плане. На это указывает тот факт, что применительно к любой экономической системе совершенствование природных и приобретенных способностей человека к труду всегда является мощным фактором повышения производительности и эффективности труда, улучшения качества выпускаемой продукции, расширения объемов общественного производства в целом. В теории человеческого капитала до сих пор остаются неясных и спорных моментов, наиболее важными из которых являются: во-первых, отсутствие единой концепции и разделяемой большинством ученых парадигмы человеческого капитала и, во-вторых, связанная с этим методологическая противоречивость человеческого капитала. В настоящей статье на основе историко-онтологического анализа теория человеческого капитала рассматривается как научно-исследовательская программа.

Ключевые слова: *человеческий капитал, методология, онтология, гносеология, научно-исследовательская программа.*

В одной из научных работ нами было сделано предположение о том, что концепцию человеческого капитала можно рассматривать как научно-исследовательскую программу [7]. Такое предположение основывалось на следующих аргументах: во-первых, исследовательскую программу человеческого капитала нельзя свести к одной-единственной теории; во-вторых, эта программа сама может выступать в качестве подпрограммы в рамках более широкой неоклассической исследовательской программы, являясь расширением неоклассики[1] на области и явления, ранее не представляющие интерес для экономической науки (такое расширение по-

© Степанов Е.Б., 2010

лучило название экономического империализма); в-третьих, твердое ядро конкретно идентифицируемо и обладает возможностями для проведения исследований; в-четвертых, не менее богат теориями защитный пояс программы, «причем их список настолько велик, что мы едва ли можем надеяться разобрать их все» [1, с. 318–319]. Ее твердое ядро образует концепция человеческого капитала, суть которой заключается в том, что люди тратят на себя ресурсы не только для удовлетворения текущих потребностей, но и для получения в будущем доходов – причем как денежных, так и неденежных. Для более глубокого теоретического обоснования своей позиции сделаем историко-онтогический экскурс в научные дискуссии философов и методологов науки. В контексте нашей работы особую значимость представляют научные воззрения выдающегося венгерско-британского философа и методолога науки Имре Лакатоса[2]. Дискуссии между сторонниками Поппера, наиболее ярким представителем которых и был Лакатос, и их оппонентами (Кун, Фейерабенд) стали центральным моментом в методологии науки на рубеже 1960–1970-х. Если Поппер делал основной акцент на негативных процедурах опровержения и выбраковки ложных теорий, то Лакатос смещает акцент скорее на позитивные процедуры ассимиляции новых идей в рамках исходных гипотез, позволяющие наращивать объяснительный и прогностический потенциал теорий. Однако одного лишь уточнения позиций и смещения акцентов было недостаточно. Необходимо было выдвинуть концепцию соизмеримую с куновской концепцией «парадигм», но, в отличие от последней, позволяющую сохранить рациональную точку зрения на процесс развития науки. Лакатос делает следующий шаг, вводя понятие «научно-исследовательской программы» и формулируя подход, названный им «методологией научно-исследовательских программ». Он делает вывод о том, что зрелая наука состоит из исследовательских программ, которыми предсказываются не только ранее неизвестные факты, но, что особенно важно, предвосхищаются также новые вспомогательные теории. Зрелая наука, в отличие от скучной последовательности проб и ошибок, обладает «эвристической силой» [6]. В своих работах Лакатос показывает, что в истории науки очень редко встречаются периоды, когда безраздельно господствует одна программа (парадигма), как это утверждал Кун. Обычно в любой научной дисциплине существует несколько альтернативных научно-исследовательских программ. По Лакатосу история развития науки – это история борьбы и смены конкурирующих исследовательских программ, которые соревнуются на основе их эвристической силы в объяснении эмпирических фактов, предвидении путей развития науки и принятии контрмер против ослабления этой силы [2, с. 362–363]. Концепция исследовательских программ Лакатоса может, как это он сам демонстрирует, быть применена и к самой методологии науки. Доказательство того, что методологическая концепция Поппера, требующая немедленного отбрасывания теорий, если эти теории сталкиваются с опытными опровержениями, не соответствует действительным процессам, происходящим в науке, привело Лакатоса к разработке «утонченного фальсификационизма» (или методологии научно-исследовательских программ). Именно благодаря работам Лакатоса, философско-методологическая концепция, разработанная Поппером, до настоящего времени не утратила своего теоретического и практического значения [4, с. 528]. Лакатос в рамках своей концепции развил принцип фальсификации до степени, названной им «утончённым фальсификационизмом». Главной идеей утонченного фальсификационизма Лакатос видел в том, что наука есть и должна быть соревнованием исследовательских программ, соперничающих между собой. «Некоторые философы, – пишет И. Лакатос, – столь озабочены решением своих эпистемологических и логических проблем, что так и не достигают того уровня, на котором их бы могла заинтересовать реальная история науки. Если действительная история не соответствует их стандартам, они, возможно, с отчаянной смелостью предложат начать заново все дело науки» [6]. Согласно Лакатосу, развитие науки представляет собой конкуренцию научно-исследовательских программ, а сущность научной революции заключается в том, что одна исследовательская программа вытесняет другую [5, с. 197]. «Научно-исследовательская программа» является структурно-динамической единицей модели науки Лакатоса. Под научно-исследовательской программой он понимает серию сменяющих друг друга теорий, объединяемых совокупностью фундаментальных идей и методологических принципов. Основной единицей анализа становятся не отдельные теории, а ряды генетически связанных

теорий, рациональное единство которых определено онтологическими и методологическими принципами, управляющими их развитием. Как отмечает Кохановский В.И., объектом методологического анализа оказывается не отдельная гипотеза или теория, а серия теорий, т.е. некоторый тип развития [4, с. 535]. По существу Лакатос отказывается от научной теории как базовой эпистемологической конструкции, констатируя ее дефициентность как относительно критериев «научности» (проблема «демаркации»), так и относительно проблемы развития знания. В отличие от куновских «парадигм», концепция «научно-исследовательских программ» Лакатоса объясняет процесс развития научного знания исключительно с точки зрения внутренних интеллектуальных критериев, не прибегая к внешним социальным или психологическим аргументам. Это придает ей выраженный нормативный характер, но конечно делает дефициентной в отношении многих исторических фактов. Тем не менее, Лакатос привел целый ряд удачных примеров из истории науки, допускающих рациональную реконструкцию в терминах «программ». Полная картина исторического развития науки естественно далека от рациональности, она складывается под воздействием как внутренних, так и внешних факторов. Согласно позиции Лакатоса, рациональная реконструкция оказывает обратное влияние на нас самих, она дает возможность занять нормативную и критическую позицию по отношению к истории науки, влияя тем самым на ее настоящее и будущее. По всей видимости, многие продукты научной деятельности, которые принято идентифицировать как «теории» или «концепции», могут быть адекватно поняты и оценены только как элементы более широких исследовательских программ. Наиболее спорным моментом концепции Лакатоса остался вопрос о принципиальной возможности рационального сопоставления конкурирующих программ на основе предложенных нормативных критериев и оправданности самих этих критериев. Характеризуя научно-исследовательские программы, Лакатос указывает такие их особенности: а) соперничество; б) универсальность; в) предсказательная функция (каждый шаг программы должен вести к увеличению содержания, к «теоретическому сдвигу проблем»); г) основными этапами в развитии программ являются прогресс и регресс, граница этих стадий – «пункт насыщения». Программа прогрессирует, пока наличие твердого ядра позволяет формулировать новые гипотезы защитного слоя. Когда продуцирование таких гипотез ослабевает и оказывается невозможным объяснить новые, а тем более адаптировать аномальные факты, наступает регрессивная стадия развития. Исследовательская программа испытывает тем большие трудности, чем больше прогрессирует ее конкурент, и наоборот если исследовательская программа объясняет больше, нежели конкурирующая, то она вытесняет последнюю из оборота сообщества. Новая программа должна объяснить то, что не могла старая [4, с. 536–537]. Относительно эффективности своей программы Лакатос говорит, что ученый не дол-

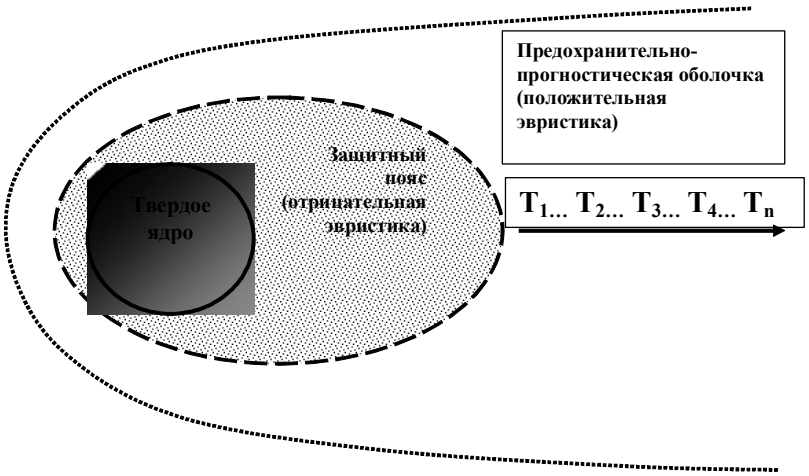


Рис. 1. Структура научно-исследовательской программы

жен отказаться от исследовательской программы, если она работает неэффективно, отказ не является универсальным правилом [4, с. 539]. Таким образом, методология Лакатоса рассматривает рост зрелой науки как смену ряда генетически связанных теорий – притом не отдельных, а серии теорий, за которыми стоит исследовательская программа. Концепция Лакатоса лишь оценивает совокупность теорий в их сформировавшемся виде, но не сам механизм их становления и развития. Знание этого механизма «остается в тени», он не является предметом специального анализа [5, с. 529–530]. Лакатос считал, что всякая методологическая концепция должна функционировать как историографическая. Наиболее глубокая ее оценка может быть дана через критику той рациональной реконструкции истории науки, которую она предлагает. Структуру научно-исследовательской программы можно представить в следующем виде (см. рис. 1).

В структурно-морфологическом каркасе научно-исследовательской программы следует выделить три конструкции: первая – твердое ядро, содержащее основные метафизические постулаты (онтологический каркас программы), вторая – динамичный защитный пояс теорий и третья – вспомогательных теоретических конструкций (отрицательная эвристика) и предохранительно-прогностическая оболочка (положительная эвристика). Твердое ядро» научно-исследовательской программы включает в себя неопровергаемые фундаментальные теоретико-методологические положения, то есть то, что является базой для всех ее теорий (наиболее общие представления о реальности, которую описывают входящие в программу теории; основные законы взаимодействия элементов этой реальности; главные методологические принципы, связанные с этой программой)[3]. В программу входит «защитный пояс», состоящий из вспомогательных гипотез (отрицательная или негативная эвристика) и обеспечивающий сохранность твердого ядра от опровержений и фальсификации; он может быть модифицирован, частично или полностью заменен при столкновении с глубокими противоречиями. Такой «защитный пояс» программы принимает на себя огонь критических аргументов и возникающих противоречий. Функции защитного пояса реализуются через отрицательную эвристику программы, которую образуют методологические правила-запреты, указывающие на то, каких путей исследования следует избегать. Другими словами, отрицательная эвристика запрещает использовать принцип отрицания («modus toltens»), когда речь идет об утверждениях, включенных в «твердое ядро». Этим обеспечивается устойчивость программы относительно множественных аномалий и противоречий. Подобная стратегия – действовать вопреки фактам и не обращать внимания на критику, оказывается особенно продуктивной на начальных этапах формирования программы, когда защитный пояс еще не выстроен. Защитный пояс развертывается в ходе реализации тактических и стратегических целей программы, диктуемых положительной эвристикой и в дальнейшем демпфирует противоречия и критику, направленную против «ядра». Защитный пояс должен выдержать главный удар со стороны проверок; защищая таким образом окостеневшее ядро, он должен приспосабливаться, переделываться или даже полностью заменяться, если того требуют интересы обороны твердого ядра. Прогресс программы определяется, прежде всего, ее способностью предвосхищать новые факты. Рост защитного пояса в этом случае образует прогрессивный сдвиг программы. Если рост защитного пояса не приносит добавочного эмпирического содержания, а происходит только за счет компенсации аномалий, то можно говорить о регрессе программы. Если различные программы могут быть сопоставлены по своим объяснительным возможностям и прогностическому потенциалу, то можно говорить о конкуренции программ. Исследовательская программа объясняющая большее число аномалий и противоречий, чем ее соперница, вытесняет свою конкурентку. Идея «отрицательной эвристики» научной исследовательской программы в значительной степени придает рациональный смысл классическому конвенционализму. Рациональное решение состоит в том, чтобы не допустить «опровержениям» переносить ложность на твердое ядро до тех пор, пока подкрепленное эмпирическое содержание защитного пояса вспомогательных гипотез продолжает увеличиваться. Согласно позиции Лактоса следует отказаться от твердого ядра, если программа уже не позволяет прогнозировать неизвестные факты. Это означает, что, при определенных условиях твердое ядро, как его представляет Лактос, может разрушиться. Третья составляющая программы – предохранительно-прогностическая оболочка. Функции пре-

дохранительно-прогностической оболочки выполняет положительна (позитивная) эвристика, представляющая собой совокупность нормативных, методологических правил, определяющих выбор проблем, последовательность и направления их перспективного разрешения. Это стратегия выбора первоочередных научных проблем и задач, которые необходимо решать. Обладая такой стратегией, ученые вправе заявлять, что они еще доберутся до непонятных и потенциально опровергающих программу фактов [2, с. 356–359]. Положительная эвристика мощной программы с самого начала задает общую схему предохранительного пояса: эта эвристическая сила порождает автономию теоретической науки. В таком требовании непрерывного развития заключена идея Лактоса рациональной реконструкции широко распространенного требования «единства» или «красоты» науки. Она позволяет увидеть слабость двух видов теоретической работы. Во-первых, слабость программ, которые, подобно марксизму или фрейдизму, конечно, являются «едиными», предлагают грандиозный план, по которому определенного типа вспомогательные теории изобретаются для того, чтобы поглощать аномалии, но которые в действительности всегда изобретают свои вспомогательные теории вослед одним фактам, не предвидя в тоже время других. Во-вторых, она бьет по приглаженным, не требующим воображения скучным сериям «эмпирических» подгонок, которые так часто встречаются, например, в современной социальной психологии. Такого рода подгонки способны с помощью так называемой «статистической техники» сделать возможными некоторые «новые» предсказания. По мнению Лакатоса, ученые могут рационально оценивать возможности программы и решать вопрос о продолжении или отказе от участия в ней (в отличие от Куна). Для этого он предлагает следующий критерий рациональной оценки «прогресса» и «вырождения» программы. Программа, состоящая из последовательности теорий T_1, T_2 ... T_{n-1}, T_n прогрессирует, если: Tn объясняет все факты, которые успешно объясняла $T_{n\,1}$; T_n охватывает большую эмпирическую область, чем T_{n-1}; часть предсказаний из этого дополнительного эмпирического содержания Tn подтверждается (см. рис. 1). То есть в прогрессивно развивающейся программе каждая следующая теория должна успешно предсказывать дополнительные факты. Таким образом, главная ценность программы – ее способность пополнять знания, предсказывать новые факты. Противоречия же и трудности в объяснения каких-либо явлений – как считает И. Лакатос, – не влияют существенно на отношение к ней ученых [3, с. 197]. Лакатос отмечал, что главным источником развития науки является не взаимодействие теории и эмпирических данных, а конкуренция исследовательских программ в деле лучшего описания и объяснения наблюдаемых явлений и, самое главное, предсказания новых фактов.

Таким образом, для принятия обоснованного методологического решения необходимо сопоставление различных конкурирующих теорий, оценка их эвристического потенциала и перспектив развития. Ведущей становится идея, согласно которой движущим механизмом развития научного знания выступает конкуренция различных концептуальных точек зрения и их постоянный сдвиг под влиянием теоретико-методологических противоречий и аномальных опытных фактов. Понятие прогрессивного сдвига фиксирует такую трансформацию теории – путем ее переинтерпретации или добавления вспомогательных гипотез, которая не только устраняет противоречия, но и увеличивает эмпирическое содержание, часть которого находит опытное подкрепление. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о продуктивности использования концепции научно-исследовательских программ как методологической платформы для переосмысления и дальнейшего развития теории человеческого капитала.

Примечания

[1] «Твердое ядро» неоклассической теории образуют: (1) стабильные предпочтения, которые носят эндогенный характер; (2) рациональный выбор (максимизирующее поведение); (3) равновесие на рынке и общее равновесие на всех рынках. «Защитный пояс» характеризуется тем, что: (1) права собственности остаются неизменными и четко определенными; (2) информация является совершенно доступной и полной; (3) индивиды удовлетворяют свои потребности с помощью обмена, который происходит без издержек, с учетом первоначального распределения.

[2] Лакатос (Lakatos) Имре (Лакатош, настоящая фамилия – Липшиц, 1922–1974) свою научную деятельность начал как методолог математики. Широкую известность получила его книга

«Доказательства и опровержения», в которой Лакатос предложил собственную модель формирования и развития понятий в «содержательной» математике XVII–XVIII вв. Как показал Лакатос, в рассматриваемый период развитие математического знания определялось не столько формализованными процедурами дедуктивного построения теорий, сколько содержательным процессом «догадок и опровержений», в котором новые понятия оттачивались и уточнялись в столкновении с контрпримерами. Основными работами Лакатоса являются: «Доказательства и опровержения» (1964), «Фальсификация и методология научно-исследовательских программ» (1970), «История науки и ее рациональные реконструкции» (1972), «Изменяющаяся логика научного открытия» (1973) и др. Ему удалось сделать то, что удается немногим – сказать свое слово в философии, оставить след, который с годами не исчезает, а становится все заметнее.

[3] Например, жестким ядром ньютоновской программы в механике было представление о том, что реальность состоит из частиц вещества, которые движутся в абсолютном пространстве и времени в соответствии с тремя известными ньютоновскими законами и взаимодействуют между собой согласно закону всемирного тяготения.

Библиографический список

1. *Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. – С. 318–319.

2. *Губин В.Д.* Философия. – М., 1997. – 432 с.

3. *Дейкун О.В., Алексеева Л.О.* Методология научных исследовательских программ Имре Лакатоса. – Режим доступа: http://www.masters.donntu.edu.ua/2009/fvti/daikun/library/tez5.htm

4. *Кохановский В.П.* Философия и методология науки: Учебник для высших учебных заведений. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 576 с.

5. *Купцов В.И.* Философия и методология науки. Учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 551 с.

6. *Лакатос И.* Методология научных исследовательских программ / Перевод с английского В.Н. Паруса. Режим доступа. – http://www.kture.kharkov.ua/facultat/philosophy/biblio/aspirant/list_aspirant.html.

7. *Степанов Е.Б.* Теоретико-методологический каркас человеческого капитала // Проблемы новой политической экономии. – 2009. – №2.

ПАМЯТЬ

Чекмарев Василий Владимирович
доктор экономических наук, профессор
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
thekmar@ksu.edu.ru

ТАНТРИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ РАБОТЫ ИОСИФА НАУМОВИЧА НАТКОВИЧА НА КАФЕДРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ КГПИ ИМ. Н.А. НЕКРАСОВА

Наткович Иосиф Наумович родился 9 апреля 1917 г. в местечке Брагин Гомельской области, БССР.

В 1931 г. окончил 7-летнюю школу. В июне 1938 г. окончил Харьковский машиностроительный техникум. С марта 1939 по август 1953 г. служил в рядах Советской Армии. Участвовал в Великой Отечественной войне с 6 мая 1942 г. по 18 января 1944 г. и с 30 сентября 1944 г. по 9 мая 1945 г. участвовал в боях на западном фронте С-В Туапсе, на Малой земле под Новороссийском, в освобождении Житомира и Варшавы и взятии Берлина. С 1947–1951 г. прошёл полный курс обучения в Военном институте иностранных языков Красной армии по квалификации переводчика 1 разряда по английскому языку. С 1953–1968 гг. работал в Брестском техникуме железнодорожного транспорта МПС преподавателем иностранных языков и политэкономии. В 1962 г. принят аспирантом-заочником в аспирантуру института мировой экономики и международных отношений академии наук СССР. В 1966 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата экономических наук. С сентября 1968 г. работал в Костромском сельскохозяйственном институте «Караваево» и в 1973 г. получил звание доцента по кафедре политической экономии. Затем перешёл на работу на кафедру политической экономии нашего пединститута, где проработал до 31 августа 1996 года, а затем по состоянию здоровья ушёл на пенсию.

Вот о нём как доценте кафедры нашего университета далее и пойдёт речь.

Иосиф Наумович Наткович – великий экономический марксизм принял честно, заучил, проникся, задумался – тут то и начались неприятности… При этом он не считал себя жертвой системы. Всегда ироничный, и безнадежно не лишний человек нашего времени, мой (в годы совместной работы) *современник.*

Иосиф Наумович был *русским государственником,* озабоченным упадком *русской духовности.*

Возраст его не брал, и мы думали, что смерть уже давно куда-то подевалась в перипетиях бытия. Однако, она оказалась чем-то следящим за перемещением душ откуда и куда надо. Вот и пришлось душе Иосифа Наумовича с этим чем-то встретиться.

Его лекции – это изложение хронотопа экономической мысли, являющегося смыслообразующей структурой экономического знания, преподносимого студентам советских вузов.

Будучи знатоком английского и немецкого языков он так читал курс политической экономии капитализма, как будто бы в его основе лежало английское слово «itinerary» – «маршрут», «путеводитель», «путевые заметки». Однако его лекции – это путешествие не только в экономическом пространстве, но и во **времени**.

И в этом аскетичность Иосифа Наумовича, аскетичность через нежелание присвоить навязываемую существовавшей при его жизни идеологией «истину» коммунистического мировоззрения, «расковыривать» ее до бесконечности.

Это редкое качество личности – аскетичность – делает личность преподавателя кафедры политической экономии доцента И.Н. Натковича уникальной.

В отличие от профессиональных сочинителей «теории социализма», И.Н. Наткович был все ж таки **преподавателем**, в задачу которого входило будирование и *воспитание* мысли.

Отмахиваясь от внутренних демонов, Наткович творил то, что теперь называют интеллектуальным капиталом. При этом он был лишен героических мотивов создания «человека будущего», необходимости влияния на умы и нравы через догматизм преподаваемой дисциплины.

© Чекмарев В.В., 2010

И ему это удавалось. Удавалось потому, что значение большого педагога определяется мерой гражданственности. Он обладал даром (как заметил один мыслитель) слышать диалог своей эпохи, или, точнее, слышать свою эпоху как великий диалог. По Ю. Азарову это означает: улавливать в ней не только резонансы голосов прошлого, но и слышать голос будущего. Разрешать мысль как великое противоречие и мучаться неразрешенностью жизненных конфликтов, бескорыстно служить великим идеям справедливого устройства мира и бесконечно верить им. Доцента И.Н. Натковича отличала необычайная душевная щедрость и талантливость педагога-воспитателя. Одним из методов преподавания Иосиф Наумович считал метод терпения.

При внимательном отношении к каждому из студентов, к которым он приходил вести занятия, в нем всегда присутствовала сдержанность, не дающая перейти в фамильярность. Иосиф Наумович всегда обозначал познание (обучение) как труд по саморазвитию, а интеллект как постоянную разумную осмысленность поступка, основанную на глубине познанного, на культуре знания.

Содержанием своей личности И.Н. Наткович во многом определял востребованность студентами экономических знаний. Вообще говоря, преподавателей вузов можно условно разделить на два типа. Первый – неистовый характер, горящие (как у пророка) глаза, нервы подобно тросам, могучая энергия. Другой тип (не являющийся полной противоположностью первому) – это нежность души человеческой, легкоранимость при невосприятии студентами преподаваемой учебной дисциплины, мучительные сомнения при необходимости поставить неудовлетворительную оценку. Здесь подлинно гражданская страстность рождается как великое откровение через собственную муку, боль, очищение.

Понимая, что характерологическое деление педагогов вуза на два типа весьма условно, неточно, уязвимо, следует отметить, что в И.Н. Натковиче как бы сочетались оба типа, ибо его педагогический метод определялся границей человеческих убеждений, за которой нет больше ничего.

Реальность не сбросишь со счета, тем более что она заявляет о себе в педагогическом почерке. Более того, эти самые характерологические нюансы находятся в особом сцеплении со всем мировоззрением личности, со всем отношениям к духовным ценностям. Эти нюансы всегда индивидуальны и различны, а смыкались они у Иосифа Наумовича в той неуёмной бешенной педагогической жадности, стремящейся охватить все сферы становления будущего специалиста, интеллигента, чтобы всем жилось радостно. Поэтому и вершины у обоих типов одни и те же: создать процесс образования и воспитания студентов, обеспечивающий их всестороннее и гармоничное развитие. Вероятно, это единая и главная цель, дерзостная цель каждого преподавателя вуза. Но эта цель, которая трудно достижима ныне, в силу наличия государственных образовательных стандартов (в их редакции первого и второго поколений), убивающих «поэтическую форму» (Ю. Азаров) в ущерб «содержанию» личности. Наверное, поэтому сегодня наблюдается ситуация, когда в стране много, может быть и неплохих, но коррумпированных специалистов с дипломом вуза.

Но что же сформировало личность самого И.Н. Натковича, родившегося в 1917 году? Не без оснований можно полагать – война. Великая Отечественная война многих калечила духовно, но не всех. Вот и И.Н. Наткович провоевавший с 1942 по 1945 год, получивший 2 ордена и 10 медалей Советского Союза не очерствел, более того «онежел» в отношении к людям. А после войны – та жизнь, которая многих «ломала», сделала его восприимчивым к чужим судьбам. И это позволило стать ему *преподавателем* вуза.

Низкий поклон Вам, доцент Наткович, и да хранится Ваше имя, Иосиф Наумович, в нашей памяти!

Чекмарев Василий Владимирович
доктор экономических наук, профессор
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
thekmar@ksu.edu.ru

ВСТРЕЧА НЕЧАЯННАЯ, СТАВШАЯ ОЧЕНЬ ЖЕЛАННОЙ (памяти Т.М. Хажбы – 1920–2009 гг.)

О память сердца!
Ты сильней рассудка
памяти печальной

Можно ли «вспомнить» чувства? Отношение к человеку? Вероятно их можно лишь воссоздать. Я – не архитектор душ, и не реставратор отношений. И всё же возьму на себя смелость и груз воссоздания моего отношения к Терентию Михайловичу Хашбе (время диктует!).

Терентий Михайлович Хашба родился 17 июля 1920 года в селе Поквеши Очамчирского района Абхазской АССР в семье крестьянина-бедняка.

В 1927 году поступил учиться в Поквешскую неполно-среднюю школу, которую окончил в 1934 году. В 1934 году поступил учиться в абхазское педучилище в городе Сухомлин. С 1937 года работал преподавателем Дихазурской неполно-средней школы. Галльского района, а в 1938 году переведён на должность заведующего Красадзихской начальной школы №1 Очамчирского района.

В декабре 1940 года был призван в ряды советской армии, принимал участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками и был ранен. В феврале 1946 года по состоянию здоровья был демобилизован из рядов армии.

В феврале 1946 года был назначен начальником сектора управления уполномоченного Минзага СССР по Закарпатской области.

С 1 сентября 1950 года по 1953 год является слушателем Высшей Заготовительной школы Минзага СССР. По окончании работ в Сахалинской области исполняющим обязанности заместителя начальника областного управления сельского хозяйства и заготовок.

С 1 января 1954 года был назначен заместителем Уполномоченного Министерства заготовок СССР по Сахалинской области. В марте 1956 года был направлен начальником отдела налогов и заготовок Сахалинского облфинотдела.

В 1958 году был избран председателем правления Сахалинского областного Совета промысловой кооперации. В начале 1961 года направлен на должность заведующего Горфинотдела.

С 1 июля 1964 года назначен заведующим Ногсшкским районфинотделом.

В октябре 1976 года, по согласованию с Костромским обкомом КПСС, был отозван из Сахалинской области и назначен директором Костромского Комбината Хлебопродуктов.

С 1 декабря 1977 года ушёл на пенсию.

С 1979 года стал работать младшим научным сотрудником кафедры политической экономии Костромского государственного педагогического института имени Н. А. Некрасова.

Моё эссе о Т.М. Хашбе – не мемуары. Это всего лишь *чувственное* отражение нашего с ним общения. А чувства – не документы. Да и можно ли «вспомнить» чувства?

Терентий Михайлович Хашба вошёл в коллектив кафедры политической экономии нашего (тогда ещё педагогического института) университета как бы случайно, нечаянно. Дело в том, что он не был преподавателем. Но кафедра в восьмидесятые–девяностые годы ушедшего XX века вела серьёзную хоздоговорную работу на предприятиях нашей области (Судомеханический завод, фабрика «Х октября», хозяйственные единицы Вохомского района и т.п.). Эта связь науки с производством позволяла реализовывать творческий потенциал преподавателей кафедры и, одновременно, укреплять материально-техническую базу кафедры. А это специфический вид деятельности. Вот тут-то и появился на кафедре ветеран Великой Отечественной. Не озлобившись ни умом, ни сердцем от тяжких испытаний, выпавших на его долю Терентий Михайлович Хашба нашёл своё спасение в служении людям, в любви к людям. У некоторых от «переутомления» в работе исчезает интерес к жизни. Т.М. Хашба – не из таких. Даже получив тяжелейшее ранение он продолжал исповедовать замечательные евангельские слова: «Если служение осуждения славно, то тем паче славно служение оправдания».

© Чекмарев В.В., 2010

Судьба Т.М. Хашбы удивительно созвучна судьбе людей его поколения, судьбе людей многонациональной нашей страны. Я бы отметил, что чувство *русской* жизни их объединяет! Таких разных, и национально и конфессионально, но единых в понимании добра и зла. Здесь вообще всем надо *понимать*, что граница между добром и злом намного замысловатее, чем день и ночь, свет и тьма. Не разделение, а единение всех нас в пониманиях «русский», «русское» делает возможным сохранение (или даже возвращение!) высокого благородства, утрачиваемого в «рыночных» взглядах на жизнь. И жизнь Т.М. Хашбы – это возможность ценить великодушие, прощение, верность своим убеждениям (даже если эти убеждения ошибочны).

Терентий Михайлович Хашба своей жизнью-подвигом возвращает нам высокое предназначение ЧЕЛОВЕКА на Земле, высокое чувство достоинства, возможно утрачиваемое ныне в бурях «рыночных отношений». Ведь между желанием и возможностью – дистанция огромного размера. Но осмысление жизненного пути Т.М. Хашбы – это процесс духовного оздоровления и, по большому счёту, путь воскрешения надежды на обладание всеми нами чувства исторической прозорливости.

Кто-то может засомневаться и предположить, что нет и не может быть правды человеческих отношений. Но они (эти отношения) и мгновенны, и, одновременно, в *душе* вечны! Иногда говорят – «память сердца». Если это действительно существует – то Т.М. Хашба для нас всех – это ПАМЯТЬ СЕРДЦА!

Память сердца в его лице обо всех, кто сделал нашу Родину (наше государство) *империей духа*, империей страсти к малой Родине как географическому месту проживания. Но именно оно и делает нас гражданами ВЕЛИКОЙ СТРАНЫ!

Родина высоко оценила заслуги Т. М. Хашбы. Он награждён 2 орденами, 6 медалями.

Ордена – Отечественной войны, Красной Звезды.

Медали – «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина»; «За победу над Германией и Великую Отечественную войну 1941–1945 гг.»; «20 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; «50 лет вооружённых сил СССР»; «30 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; «Ветеран труда».

Терентий Михайлович Хашба и сейчас с нами. Пенсионер, всё ж таки… года рождения, никогда не забудет поздравить членов кафедры с праздниками, каждому пожелать что-то наособинку. Годы его жизни – это годы НАШЕЙ жизни! Это годы свершений, это годы, которые будущие поколения будут, скорее всего, оценивать как годы «младенчества» человечества. Но ведь сразу стать «взрослым» невозможно!

Очевидно, что понимание человека (одного другим) не несёт в себе документальной правды. Оно субъективно, изменчиво, подвластно множеству настроений.

И настоящее эссе о Терентии Михайловиче Хашбе – это лишь моё внутреннее воссоздание человека, человека-глыбу, которое ни в какой, даже в самой малой мере, не может соответствовать ТЕРЕНТИЮ МИХАЙЛОВИЧУ ХАШБЕ!

Моё эссе – это мой долг всем, давшим возможность не только физического существования, но и давшим нравственные устои. Это желание взглянуть на своё будущее из дали времени. Это пожелание всем входящим в жизнь не расставаться с молодостью (а это всегда ИСТОРИЯ) никогда!

Т.М. Хашба – свидетель своей эпохи. Человек, носитель разлитой в воздухе смыслодеятельности (в том числе, готовности к испытаниям). Человек жажды подвига, что всей своей жизнью он и подтверждает.

Тайна его жизни и заключается в том, что пройдя сквозь множество передряг, он остался человеком с желанием подвига. А как нам всем известно, подвиг – это дарение своей жизни во благо другим людям.

Долгих лет жизни тебе, Терентий Михайлович (теперь уже в нашей памяти), и всем вам живущим, дорогие наши ВЕТЕРАНЫ!

SUMMARY

NATURAL SCIENCE. ECOLOGY

D.N. Bratchikov

BIOLOGY AND ECOLOGY OF EUROPEAN AND AMERICAN MINKS

In this article, the biological features, places of dwelling, distribution of two semiwater predators of genus *Mustela* – European mink (*Mustela lutreola*) and American mink (*Mustela vison*) are considered.

Key words: mink, range, rut, introduction, fall-off, station.

N.V. Rybkina

THE STUDY OF NATURAL WATER QUALITY IN THE RECREATIONAL AREA OF KOSTROMA CITY BY MEANS OF THE METHOD OF BIOASSAY

In today's aquatic toxicology the method of bioassay is being used to determine the pollution degree of the aquatic ecosystem. It allows getting more precise information on the state of the aquatic environment, in contrast to the traditional analytical methods. During the eco-toxicological studies of the Volga river in the recreational area of Kostroma city the method of bioassay was chosen, and the test-object was the water flea *Daphnia magna* St.

Key words: bioassay, hydrocoles, test-object, aquatic ecosystem, MPC (maximum permissible concentration), toxicological reaction, anthropogenic press.

A.K. Sukhov

RADIAL LUMINESCENCE STRUCTURE SIMULATION ON LENGTH OF THE UNIPOLAR GAS BREAKDOWN DISCHARGE

Comparison of the observable and simulated luminescence radial structures of the unipolar gas breakdown discharge is made. It is established, that the luminescence structures half-length decreases on the discharge length that is caused by the change of ionization character distribution on radius of a tube. Near the covered-electrode the basic ionization goes at the wall, in the middle of discharge it is in regular distribution on radius, and in the end – is concentrated to an axis of a tube. Time dependences of a change radial luminescence structure during an impulse at the discharge length are received.

PACS numbers: 52.50.Dg, 52.50.Nr, 52.80.-s, 52.80.Tn.

Key words: unipolar gas breakdown discharge, high-voltage potential pulses, radial luminescence structure, digital simulation, charge particles balance equation.

A.D. Tsvetkova, O.P. Akayev

THE USE OF NATURAL AND INDUSTRIAL ALUMINOSILICATES IN THE PROCESS OF ADSORPTION OF HEAVY METALS IONS

The analysis of periodic scientific publications and patent literature was made, in which the possibilities of using natural and industrial silicon-containing compounds as adsorbents of ions of heavy metals are generalized. The conditions of adsorption, as well as the numerical values of the adsorption capacity of the studied materials are described

Key words: adsorption, natural and industrial aluminosilicates, heavy metals ions.

A.V. Cherednikova

CLASSICALLY SEMI-SIMPLE RINGS OF QUASI-ENDOMORPHISMS OF STRONGLY INDECOMPOSABLE ABELIAN GROUPS WITHOUT PRIME RANK TORSION

The description of classically semi-simple rings of quasi-endomorphisms of strongly indecomposable Abelian groups without prime rank torsion is obtained.

Key words: classically semi-simple ring, quasi-endomorphism, Abelian group, tortion-free group, strongly indecomposable group.

PHILOSOPHY. ETHICS

Ye.L. Gorelikov

COMMUNICATION LANGUAGE IN FORMATION OF CIVIL SELF-CONSCIOUSNESS OF GLOBAL SOCIETAS

Projective possibilities of language model in realization of strategy of development of civil society in Russia against the global future of the modern civilization are considered in the article. The functional status and qualitative parameters of language of interpersonal dialogue of people as tool of effective expansion of public practice are defined. Prospects of participation of a state language of the Russian Federation as means of symbolical coding of spiritual experience of mankind in realization of the image of new Russia in the civil context of the program of development of the global societas, reflecting universal requirements of public intelligence are analyzed.

Key words: language of interpersonal intercourse, civil self-consciousness, global societas, educational strategy, state language.

S.A. Gubanov

SPECIFICITY OF THE CULTURE-PHILOSOPHIC SYMBOL ANTINOMIES DISCOURSE IN THE ONTOLOGY OF P.A. FLORENSKY

The article deals with the ontological parties of the specific nature of symbol antinomy functioning in dialectics of culture-philosophical discourse of P.A. Florensky. Proceeding from symbol antinomy comprehension – as integrating plane – connecting experience of Something Sensual and Something Super Sensual, in outlook of Florensky absolutely new sides of Being cultural philosophy vision as the symbolical device are built. Thanks to occurrence of similar representation about the reality, in outlook of the theologian new tendencies about genesis of cultural process as a whole are formed.

Key words: antinomies, symbol, discourse, properties, nature, principle, consciousness, idea, synthesis, spirituality, culture, religion, art, sense, perception, ontology.

D.Yu. Doronin

MYTHOLOGICAL KNOWLEDGE OF TRADITIONAL CULTURES: THE WAYS OF OBTAINING AND TRANSFER

Article is addressed to a cognitive analysis problematic of the traditional folk knowledge defined as mythological knowledge of traditional cultures. It is emphasized that, in the cognitive aspect, the traditional culture cannot be described only as transfer of the knowledge from one generation to another: in addition to the adaptive-traditional mechanisms of information appearing and processing, the reformative cognitive mechanisms incorporated into the mythological thinking and generating and forming knowledge-innovations are of great importance, too.

Key words: traditional knowledge, myth, traditional culture, mythological ideation, transfer of knowledge.

M.V. Zhul'kov

THE MAIN CONTRADICTION OF THE NOOSPHERIC DEVELOPMENT

The article analyses the main contradiction of the noospheric developments between material and spiritual forming of the development of the mankind, which is settled by the formation of the noospheric consciousnesses. The author singles out three aspects of the main contradiction and its settlement: the formation of the collective reason, growing of the social autotrophy and becoming the noospheric human.

Key words: noospheric development, noospheric development main contradiction, collective reason, social autotrophy

O.L. Krayeva

MODERN APPROACHES TO UNDERSTANDING THE INTEGRAL POTENTIAL OF HUMAN IN PHILOSOPHY AND SCIENCE OF RUSSIA

The article concerns the analysis of the views of modern researchers of Russia on the potential of man and its integral grounds. The author discloses the role of the philosophical methodology in the development of the integral approach to understanding the potential of human, the significance of the interdependence between philosophy and science in the shaping of the notion about it. The availability of this approach to studying potential in the aspect of using new discoveries and data of the Humanities for a deeper understanding of man has been defined.

Key words: human integral potential, human integral nature, human essence, essential powers, need, ability, personality integral characteristics, potential's dialectics, Humanities, philosophic anthropology.

D.G. Mikhaylichenko

THE MASS PSYCHE MANIPULATION TECHNIQUES SIGNIFICANCE IN INTERETHNIC CONFLICTS OF MODERNITY

The mass psyche manipulation techniques significance for interethnic conflicts of modernity is analyzed in the article. The author proves that, being a multiethnic state, Russian Federation needs superethnic, uniting values on the basis of which the strong form of collective identification is possible.

Key words: power relations, modern society, repressiveness, mass psyche manipulation techniques, ethnic conflicts.

V.A. Os'kin

SPECIFICITY OF "NEW RELIGIOUS CONSCIOUSNESS"

The main features of «new religious consciousness» are rationally shown in this article. The author draws our attention to Russian culture of the fin de siиcle not having been studied the most carefully and properly so far, especially in the questions of philosophy and religion which have a lot of sim-

ilarities with modern cultural process. In this work the author methodically traces the idea of confrontation of the concepts of the main leaders of «now religious consciousness» D.S. Merezhkovsky and N.A. Berdyaev.

Key words: «new religious consciousness», religion, culture, historical church, human creativity, mystique.

O.V. Pavenkov

CONCEPT OF ALTRUISTIC LOVE IN PHILOSOPHY OF N.O. LOSSKY AND CULTUROLOGY OF P.A SOROKIN

Our article deals with analysis of concept of altruistic love in philosophy of N.O. Lossky (1870–1965) and culturology of P.A. Sorokin (1889–1968).

Key words: spirituality, altruistic love, spiritual values, personal "ego", mystic intuition, transsubjective reality.

D.V. Semyonov

THE ANTHROPOLOGICAL PROJECT IN THE AMERICAN PHILOSOPHICAL CONCEPTIONS OF PRAGMATISM AND NEOPRAGMATISM

The given article contains the viewing of pragmatism and neopragmatism as one of the consequences of ontological reductionism and an attempt to classify the anthropological program of these concepts as a kind of soft social utopianism. It is also underlined in the article that the American society is idealized within the frameworks of these New World philosophical movements and that their social and philosophical recommendations are utopian. The author writes about the role of the basic commitments of the American philosophical tradition for the contemporary Russian society.

Key words: pragmatism, neopragmatism, ontological reductionism, Christian orthodoxy, subjective idealism, dualism, culture of narrative, fundamentalism, universalism.

I.S. Tyulenev

COMPLEX APPROACH TO THE ANALYSIS OF BUSINESS REPUTATION AS A NOTION OF CONTEMPORARY PUBLIC LIFE

The modern social life is nowadays characterized by the enhanced attention to such phenomenon as business reputation. Reputational factors start to play a more significant role in the process of the reception of specific market advantages in highly competitive business-environment. In the article the author investigates basic approaches to the concept of business reputation given by representatives of various sciences, paying special attention to the communicative approach. Only within the limits of communicative approach and its support on conceptual philosophical doctrines can the complex analysis of reputation as an integrated social phenomenon is provided and a thorough consideration of the entire process of formation and management of a company's reputational capital is studied.

Key words: reputation, reputational capital, communicative approach to reputation.

CULTUROLOGY. ESTHETICS

L.A. Akhmylovskaya, A.Yu. Barysh

PRE-PRODUCTION ANALYSIS OF "MIGAWARI" BY TAMAO ARIYOSHI (BUK IT THEATRE NOVEL APPROACH)

The article concerns one of cross-cultural Book It Theatre productions. The authors determine dramaturg's pre-production functions; present the analysis of the text as a part of theatre translator's activities.

Key words: functions of dramatist, literature theatre, prose on stage, methods of translator's score developing.

Ye.Yu. Borisova, N.Yu. Pogorelova

A.T. GRECHANINOV AS THE REPRESENTATIVE OF NEW MOSCOW SCHOOL OF CHURCH MUSIC

The name of Alexander Tikhonovich Grechaninov cannot be carried to the range of unknown or forgotten Russian composers; however, it is impossible to assert that his heritage has been studied and objectively appreciated. In the present article, we put the problem in more details to cover spiritually-musical creativity of Grechaninov.

Key words: Russian sacred music, old Russian church chant, folk-song intonations in spiritual products, creativity «in unison».

V.A. Vasil'yev

A.A. KOKEL' (1880–1956) AS AN ARTIST AND A TEACHER

In the present article there has been made an attempt on the basis of interdisciplinary research of some unknown periods of A.A. Kokel's life and creative work to bring back out of the century-long oblivion the name of this outstanding master of the fin de siиcle to our contemporaries.

Key words: painter, painting, open air, academic drawing, visual arts, exhibition, avant-garde.

M.A. Vasil'eva

ORTHODOX SHRINES IN MEDALLIST ART OF SAINT PETERSBURG. 1990S.

An attempt is made to reveal and summarize basic religion-related subjects in the works of contemporary Saint Petersburg medallists in 1990s. Composition devices, difference in techniques and materials are being examined and analyzed.

Key words: medal, medallist, obverse, reverse, Orthodoxy.

O.S. Gonozov

STRUCTURE AND COMMUNITAS OF EARLY SOVIET HOLIDAYS IN ROSTOV DISTRICT OF YAROSLAVL PROVINCE

Holiday rite practice in Rostov District of Yaroslavl Province in the 1920-ies is examined in the article. In spite of active adoption of the new forms of the Red ritualism, the Rostov rural population was not ready to them and continued complying with folk traditions.

Key words: ritual, holiday, «Red ritualism».

R.O. Kurets

IRKUTSK MERCHANTS-MAECENAS

People of Irkutsk (and Irkutsk Province) still remember the merchants who used to make charity as good people. Many institutions where citizens could learn and undergo treatment appeared just thanks to merchants. To them owe our contemporaries also the beautiful building of city theatre that was build for the money collected by principle "many a little makes a mickle".

Key words: cultural heritage, charity, merchants, theatre

M.A. Makhotlova, L.Kh. Shautsukova

MAN-MADE LANDSCAPE IN ADYGHE CULTURE SYSTEM

The article is devoted to the topical problem of search and introduction in project practice of new ecological concepts through acquaintance with traditional features of ethnic man-made landscapes. The authors of article, opening essence and ethnic originality of the Adyghe garden-wood it is given reason prove – Adyghe garden-wood simultaneously is the important structural element of identity of ethnos and expression of combination of utilitarian and symbolical functions of the concept of the relation of the society necessary today to the nature – ecological culture.

Key words: cultural man-made landscape, Adyghe garden-forest, humanistic rationalism.

N.V. Rostova

WORK OF NON-LIVE-ACTION FILM PICTURE AS A SOURCE ON HISTORY OF SCENIC AND SCREEN ARTS

In sight of the author there are scantily explored questions of coherence of scenic and screen arts of boundary XIX–XX centuries in Russia. The author considers theatre and cinema like parallel processes and comes to conclusions both about unity of arts and about specificity of their existing. The author discusses features of transfer of an art material from theatre language on language of the screen and a way of existence of an artistic image within the limits of related arts: literatures, theatre, cinema. The object of research is a wide border zone between theatre science and the cinema history, taken on the basis of coincidence of the sources reflecting both arts.

Key words: cinema, lost theatrical performance, L. Kuleshov's method, Vs. Meierhold, scenary searches of Rzeshevski.

O.S. Sapanzha

PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT OF MODERN THEORIES IN MUSEOLOGY

The modern condition of theories in museology is analyzed in the paper. Considering different theories as the base for discussion about museum and pushily power of development of museology, the author justifies the necessity of develop theoretical museology.

Key words: museum, museology, culture, method, theories, theoretical museology.

O.V. Chibisova

YOUTH SUBCULTURE COMMUNICATION

In this article, the author attempts to use theoretical propositions of intercultural communication for studying interrelations of youth subcultures. The research was conducted on subcultures of skinheads, punks and hip-hop which have the longest history for today. For corroboration of the conclusions the author used works of domestic researchers published during the period from 2000 till 2006. The conclusion is made that at present there exists a necessity of equitable cooperation and mutual environment of youth subcultures.

Key words: communication, subculture, interaction, assimilation, dialogue, conflict.

STUDY OF LITERATURE

V.R. Amineva

CHRONOTOPIC WAYS OF PSYCHOLOGISM IN RUSSIAN AND TATAR LITERATURES (ON THE BASIS OF CORPUS OF WORKS BY I.S. TURGENEV, F.M. DOSTOEVSKY, G. ISKHAKI, F. AMIRKHAN, G. RAKHIM)

Chronotopic ways of psychologism in the Russian literature of the 2nd half of the XIX century and in the Tatar prose of the 1st third of the XX century realize similar functions, allowing to comprehend a corpus of texts, which are extensive and heterogeneous in synchronous and diachronous aspects, belonging to different national-cultural traditions and expressing the uniform cultural-historical program from the point of view of their commonality.

Key words: chronotopos, psychologism, socially-typical, universal, symbol.

T.P. Batalova

DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE CRIME AND PUNISHMENT": ON POETICS OF PLOT

Connection of Dostoevsky's novel "The Crime and the Punishment" and Nekrasov's cycle "On Weather" is analyzed in this article. The reflected symmetry is the main principle of poetic of the novel. The author concludes about originality of poetic of novel. Peter's and Nicholas' motifs are basis of plot.

Key words: Dostoevsky, plot, poetic, motif.

A.V. Vovna

THE PROBLEM OF «PETERSBURG TEXT»: MODERN APPROACHES

This article is devoted to Petersburg text in Russian literature. The author offers different point of views on the problem of Petersburg text and Petersburg myth. In this article is analyzed the history of the study of the phenomena, revealed their common theoretical base and closely examined different theoretical perspectives.

Key words: Petersburg text, Petersburg myth, space, time, eschatology, semiotics, symbol, city, mythopoetics.

L.G. Guseynova

THE CHARACTERISTIC FEATURES WHICH ARE COMMON FOR HEROES IN WORKS BY I. MALIK-ZADE AND FOR HEROES IN STORIES BY V. SHUKSHIN

The author tries to identify V. Shukshin and Azerbaijani writer's reference points during creation of the concept of character in article "The characteristic features which are common for heroes in works by I. Malik-zade and for heroes in stories by V. Shukshin". In this way present article can be considered as an original breakthrough, the first a swallow in enlightening of works by Shukshin and the representative of the national literature.

Key words: Vasiliy Shukshin, Эsi Malik-zade, principle, concept, character, hero, plot, writer.

D.I. Ivanov, P.Ye. Kalinin

SPECIFICITY OF EXISTENTIAL CONTINUUM OF THE POETIC TEXT ("ROADS" BY YU. SHEVCHUK)

In the article, the problem of adequate perception of time category in space of a verbal component of the subtext of a rock composition of Yu. Shevchuk "Roads" is considered.

Key words: chronotopos, sense, space-time of text, consciousness.

T.S. Kruglova

TSVETAEVA'S LYRIC DIALOGUE WITH SHAKESPEARE AS REFLECTION OF THE RENAISSANCE ANTHROPOCENTRISM

This article is devoted to the problem of the lyric dialogue considered in aspect of the anthropocentrism peculiars to the Age of Renaissance. The usage of dialogues is understood as a phenomenon connected with the author's world view that justifies application of the typological approach for a combination of different cultural and historical systems: Tsvetaeva's neo-romantic poetry and Shakespeare's humanistic creation. The humanistic conception of the person in its gender aspect is a prism through which the interaction between texts of these systems is considered. Based on the theoretical model of the Renaissance, well-founded by A.F. Losev, the author proves that the conception of "strong personality" which is in polemic dialogue with the world and with the own soul is a point of intersection of neo-romantic Tsvetaeva's aims and anthropocentrism peculiars to the Age of Renaissance.

Key words: dialogue, humanism, anthropocentrism, Tsvetaeva's poetics, Shakespeare, world view, intertext.

A.V. Lebedeva

THE SEMANTICS OF GREETING AND LEAVE-TAKING IN LEO TOLSTOY'S «ANNA KARENINA»

The article deals with the non-verbal analogues of greeting and leave-taking which are supposed to be etiquette speech genres in situations of commu-

nication. The subject of research is Leo Tolstoy's «Anna Karenina».

Key words: non-verbal component, etiquette speech genres, greeting, leave-taking, non-verbal analogues of speech genre.

A.V. Loksha

POETICS COSMOLOGY IN THE EARLY LYRICS OF V. MAYAKOVSKY

The article deals with the problem of poetical cosmology in the early lyrics of Mayakovsky. The author analyses the main cosmologic images and reconstructs implicit mythological motives and plots. The author pays attention to typological connections, that appears between symbolism and futurism.

Key words: cosmology, solar images, symbol, stars, poetical semantics, archetype, space, model of world.

T.Yu. Malkova

BULGAKOV AND GOGOL: DEMONIC IMAGES AND MOTIFS IN THE NOVEL «THE MASTER AND MARGARITA»

One of features of poetics of the novel of M.A. Bulgakov «The Master and Margarita» is a close connection with the Russian classical literature of the 19th century. Within the limits of the given work we will consider, how Gogol's traditions have refracted in the image Bulgakov's demonic images and motifs.

Key words: demonic images and motives, Gogol's traditions, motif structure, folklore elements.

A.N. Meshalkin

ANTROPOSOPHY AND NATURE-PHILOSOPHY IN CHILDISH WORKS BY M. PRISHVIN

The article analyzes the ways of M. Prishvin's artistic and philosophical thinking as well as the problems of close contacts human beings' existence and nature, the necessity of symbiosis of "private life line" and the general "we", the contact with nature and the universe. The accent is laid on the author's works adopted for children' reading. The artistic idea and the specific style trend of the "fairy true story" "The Larder of the Sun" is also in the centre of attention of the article.

Key words: synthesis of fairy and real, poetry and fife fact; happy perception of life; artistic "infantilism"; alien being of nature; humanization of life; "path of personal life"; search of higher truth by heroes.

S.N. Morozova

PUBLIC AND CREATIVE POSITIONS YA. POLONSKY: DEMOCRACY OR MODERATE ENLIGHTENMENT?

Article addresses the formation of the creative consciousness Ya. Polonsky through the definition of his social position and identifies the fundamental principles of the artistic vision of the poet.

Key words: political views, moral education, progress, area art, social role of art.

O.I. Osipova

NARRATIVE PECULIARITIES IN V. BRYUSOV'S CYCLE «EARTH AXIS»

The article id devoted to the narrative issues in V. Bryusov's short stories. The author considers interaction principles between narrative structure and genre, the function of subtitles at defining narrative plans. The complicated narrative structure is stressed thanks to adding an extra component into traditional communicative scheme.

Key words: descriptive information: narrative forms, addresser, addressee, narrator, storyteller, view point, confessional discourse.

M.N. Smirnov

CHRISTIAN MOTIFS IN POETIC COLLECTION OF V.F. KHODASEVICH «BY GRAIN»

The Christian motives meeting in the poetic collection of V.F. Khodasevich «By grain» (1920) is described; the reflection of the substantive parts of conception of the life of poet in this motifs is defined in this article.

Key words: motif, grain, compassion, love, God.

O.R. Temirshina

«GLOSSOLALY» OF A. BELY: «THE UNIVERSE OF LANGUAGE». THE FIRST DAY

The article is devoted to analysis of semantic structure of poem «Glossolaly» by A. Bely. The author describes significant cosmological mythologems, that were important for modeling of «the universe of language», and reveals laws of their semantic interaction.

Key words: semantics, myth, symbol, model, language, sound, symbolic correspondences, metaphor, sign.

LINGUISTICS

A.Sh. Bakhmudova

THE SPECIFICS OF PLUSQUAMPERFEKT FUNCTIONING IN DARGWA AND ENGLISH LANGUAGES

The article deals with researching of pluperfect functioning in two languages of different systems:

Dargwa and English languages. The research is very important for linguodidactics and comparative typology of the languages, it helps to find common and different features of the languages analyzed using the same approach and method.

Key words: comparativistics, contrastive linguistics, plusquamperfekt, telic verbs, atelic verbs, analytical and synthetic forms.

S.I. Guseva, Yu.P. Ivanashko, Ye.G. Musayeva

CODE-SWITCHING BETWEEN ACCENTS IN FORMAL AND INFORMAL SPEECH (BY EXAMPLE OF BRITISH POLITICIANS' SPEECH)

The article deals with the problem of uncodified accent's influence (Estuary English) on Received pronunciation. Special attention is paid to changes on the level of segments. The authors trace the influence of EE on consonants and vowels, give a short modifications' review of politicians' speech in formal and informal communication.

Key words: Estuary English, Received Pronunciation, segmental changes of vowels and consonants.

Zh.A. Zubova

PHRASEOLOGICAL UNITS, CHARACTERIZING APPEARANCE IN THE DIALECTS OF OREL REGION

The given article analyses semantic group of set-phrases, which are characterizing appearance. The phraseology of dialects secures the knowledge about the system of values of Russian native speakers. In the article are describing semantic phraseological units.

Key words: phraseological units, semantic group of set-phrases, dialects secures, semantic phraseological units, the dialects of Orel region.

F.Z. Kazbekova

AUTHOR BILINGUISM OF GAYTO GAZDANOV AS MENTAL BASE OF LEXICAL-SEMANTIC INTERFERENCES IN HIS WORKS

This article deals with the problem of linguistic peculiarities in works of Gayto Gazdanov, one of the most representatives of the Russian literature in the foreign countries. The author's individual bilingualism, which can be classified as situational, seals both on the language and on the style of his works. There are some examples of the French-Russian interferences in the article that can be found both in grammar and in lexicon.

Key words: linguistic interference, bilingual writer, individual bilingualism, syntactic constructions, syntactic loan-translation, lexical loan-translation.

A.O. Laletina

NORMS OF GENDER POLITICAL CORRECTNESS IN DIFFERENT DISCOURSE PRACTICES

This paper investigates politically correct language use of personal in terms of their generic function. The article uses data collected from the English language discourses: dictionaries, English language textbook and lifestyle magazines.

Key words: language norm, generic pronouns, political correctness, dictionaries, language textbooks, lifestyle magazines.

S.V. Polyakova

WORD-CHANGING PARADIGM OF NUMERALS IN THE MIRROR OF EXPERIMENTAL TESTING

The results of experimental research of numerals` declining are analyzed in the article. The question about nominative case forms extension instead of other cases is described. The results are analyzed from social linguistic point of view.

Key words: morphology, numeral, declining of numerals, experiment in linguistics.

M.Yu. Seyranyan

THE ROLE OF INTONATION IN MARKING THE CAUSE OF THE CONFLICT

This paper discusses the use of prosodic means in conflict discourse. Indeed, conflicts may be caused by various extralinguistic and linguistic factors. The findings of the study show that prosodic means as contextualizing cues could both signal and lead to non-compliant behavior of the participants.

Key words: conflict, prosodic marker, interaction, context-sensitive, cause.

Ye.V. Tolstolutskaya

TYPOLOGY OF STRUCTURE IN SMALL FORMATATED TEXTS OF FRENCH PRESS

The article deals with the problem of analysis separate language elements in composing small formatted texts of modern French press. In the article was made an attempt to classify small formatted texts according to their structure. On the basis of actual material the author distinguished three main composition knots (bundles) in each small formatted texts of French press: introduction – main part – inference.

Key words: small formatted text, structure of text, model, composition knot, thematic block.

I.Yu. Tret'yakova

THE CONSISTENCY OF OCCASIONAL TRANSFORMATIONS OF PHRASEOLOGICAL UNITS

The article studies the processes of trans in order to find out their consistency. The formations of phraseological units in the speech factors which influence the consistency of such transformations include the author's intentions and the systems of devices of occasional transformations of phraseologisms.

Key words: phraseological unit, occasional phraseology, occasional phraseological unit, transformations of phraseological units.

Ye.V. Tsvetkova

MOTIVATIONAL – AMOTIVATIONAL ASPECTS IN TOPONYMY (ON THE MATERIAL OF KOSTROMA TOPONYMY)

Motivation is an important aspect of word semantics. In toponymy, including Kostroma one, there are several types of motivation; one and the same toponym can correspond to different motivation levels. Changes taking place in the "life" of a toponym because of motivation level shifts can be considered an indication of the development of a toponymic system, a reflection of its peculiarities.

Key words: onomastics, toponymy, nomination, motivation.

S.V. Shakhemirova

TO THE QUESTION OF STRESS RULES IN SOME LANGUAGES OF DIFFERENT SYSTEMS

The article is devoted to the rules of word stress in such languages as Lezghin and English. Besides, such categories as sense distinguishing function of stress and stress in loanwords are compared here.

Key words: word stress, flexible stress, fixed stress, stress transfer.

F.P. Ebzeyeva

SOME NAMES OF THE BIRDS WITH THE IMITATIVE ROOTS IN KARACHAI-BALKAR LANGUAGE IN A COMPARATIVE ASPECT

The article is devoted to the studying of the birds' names, derivative from the imitation. It is marked here, that such names are namely formed without any affixes and they are usually simple, complex and being formed from the affixes – units.

Key words: phonosemantics, onomatopoeia, ornitonym, etimologization, affixation.

HISTORY

V.L. Shcherbakov

THE FORGE WARES OF PIANKOVSKY CEMETERY XII–XIII CENTURIES

As a result of work with collection of Piankovsky cemetery XII–XIII centuries, the trace of Novgorod's colonization of Kostroma's region, using the metallographical method, was discovered the difference in technology of artifacts, showing the specific of local forge craft.

Key words: Novgorod's colonization, metallography, North-western technological traditions, metallurgy, craftsman's qualification.

PEDAGOGY. PSYCHOLOGY

A.A. Antonov

MODERN APPROACH TO DEVELOPMENT IN PRESCHOOL EDUCATION

The article contains analyses of basic educational programs used in the educational and upbringing process of the preschool educational establishment both in Russia and in foreign countries. The author accentuates exceptional importance of physical education of children and importance of searching ways of its further perfection.

Key words: child psychology, preschool educational institutions, preschool education.

T.V. Belova, N.S. Mayorova, Ye.V. Sitnova

PUPILS' NATURAL SCIENCE PICTURE OF THE WORLD AS A MEAN OF PROFESSIONAL SELF-DEFINITION OF PERSON

The article is devoted to question of professional self-definition of school graduates. Schoolchildren's natural science picture of the world is observed as a variant of decision of the problem of the future profession chose scholars of profile classes.

Key words: professional self-definition, natural science picture of the world, profile education.

Ye.M. Gavrish

LEGAL FUNCTIONAL LITERACY AND THE PUPIL'S LEGAL CULTURE: CORRELATION ASPECT

Innovational approaches to the education content determine the reference to the phenomena "functional literacy", "legal functional literacy" and "legal culture". The author of the article introduces methodological model of the legal culture of the comprehensive school pupil. The model contains 5 logically linked components which reflect the structure and the content of the regarding concept.

Key words: education content, functional literacy, legal functional literacy, legal culture, legal education at schools.

T.V. Gudina

REHABILITATION POSSIBILITIES OF THE INFORMATION-EDUCATED ACTIVITY

The aim of the research is to cover the problem of the children-invalids status and their potential in information society. In this article, the function of integration and rehabilitation of invalids with the help of different organizations is considered.

Key words: integration, rehabilitation, outreach activities of the library, self-education of children-invalids, festival of creativity of invalids, museums, social organizations of invalids.

N.N. Dorokhina

TO THE QUESTION ON FORMATION OF VALUABLE ORIENTATIONS OF SCHOOLBOYS FROM UNFAVORABLE FAMILIES

This article is about the complex approach to process of formation of valuable orientations of younger schoolboys of unsuccessful families reveals.

Key words: valuable orientations, unsuccessful family, psychology, pedagogics, younger schoolboys formation process.

S.V. Dubrovina

THE PSYCHOLOGICAL STATES AND THEIR PECULIARITIES OF TEENAGERS WITH EVIDENT AND HIDDEN FORM OF INTELLECTUAL GIFTEDNESS

In the article the results of learning the peculiarities of psychological states of gifted teenagers are examined on the basis of the conception by A.O. Prokhorov. The distinctions in endurance of unequiponderous psychological states of students with evident and hidden form of intellectual giftedness and usual teenagers.

Key words: the peculiarities of psychological states, gifted teenagers, evident giftedness, hidden giftedness, potential.

N.I. Zaytseva

THE SOCIALLY-PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF ADVERTISING COMMUNICATIONS

The article considers the socially-psychological contradiction of advertising expectations between subjects of economic interaction, attitude to it and influence of contradiction on a psychological advertising efficiency. The results of research are presented and analyzed in article.

Key words: communications, information, subjects of advertising, feedback, communications, expectations from advertising, advertising efficiency.

N.M. Kvasnikova

EDUCATIONAL INSTITUTION RESOURCES PROVISION AS THE SOURCE OF STEADY INSTITUTION DEVELOPMENT

Educational institution resources provision being one of the key strategic targets plays important role in provision of steady institution development. Under modern conditions the problem of educational institution development resource provision is the question of the day. The article covers the issue of the unique inner resources and educational institution organizational facilities as the resource of its competitive advantages.

Key words: educational institution resources provision, unique resources, organizational facilities, advantages, educational institution development.

S.Yu. Kizim

MODELLING OF PROCESS OF SELF-REALIZATION OF SCHOOLBOYS IN CREATIVE ASSOCIATION OF ESTABLISHMENT OF AN ADDITIONAL EDUCATION OF CHILDREN

In article the model of process of self-realization of schoolboys is offered and its essence on an example of vocal studio "Harmony" is opened, the characteristic of the purposes, problems, maintenances of activity of the teacher and pupils, a condition, criteria and the indicators, expected results is given.

Key words: additional education, self-realization, pedagogical support, criteria.

O.A. Kirina

PECULIARITIES OF INTERACTION OF THE PEDAGOGUE WITH STUDENTS THAT HAVE DEVIATION IN DEVELOPMENT

The peculiarities of pedagogue's interaction with students who have deviation in development are examined in the article.

Key words: interaction, deviation in development, mobility.

T.A. Klimontova

POSITIVE PERCEPTION OF ANOTHER HUMAN AS A MARK OF OPENNESS SYSTEM OF INNER WORD OF INTELLECTUAL GIFTED TEENAGERS

The article is dedicated to the little-studied field – perception of other human by intellectually gifted

teenagers. In the article, positive perception of other human is contemplated as a mark of openness system of inner world. The data analyzed, have been contracted in the result of application of private methods for research the perception of human by human. On the base of comparative analysis, we state more positive perception of other human by intellectually gifted teenagers, which assures the openness to informative action.

Key words: inner world, perception of human by human, openness to informative action.

L.N. Kolos

GENDER ASPECT IN THE CONTENTS OF WOMEN'S EDUCATION IN THE MIDDLE OF THE 19TH AND BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

In the middle of the 19th century, the development of the national system concerning women's education was based on the western experience taking into account specific Russian mentality. The purpose of a Russian woman's education within the defined historical period was formation of the personality who is physically intellectually and morally sound. The formation was based on such human values as self-actualization, self-deterrence and self-realization.

Key words: purpose, content, education, valuable and meaning, human, family, social and political, spiritual and moral aspects of women's education.

T.Ye. Kopeykina

IDEA UNITY OF FAMILY AND PUBLIC EDUCATION AT HISTORY PEDAGOGICAL OF P.F. LESGAFT

The article is about significance combination of intellectual and physical education. And it is also about interaction of natural science and pedagogic knowledge and its usage in family and social environment where the chief part is assigned to the woman-mother.

Key words: morality perfection, human nature, environment, family upbringing, part of woman-mother.

T.B. Kryukova

THE STRUCTURAL AND DYNAMIC ANALYSIS OF SITUATION'S CONCEPT

In the present article, the results of various schools theoretical reflection and the directions of psychological science operating with the concept a situation are presented.

Key words: situation, concept of situation in various psychological schools, situation structure, situation components, situation development dynamics.

O.V. Orlova

STUDY PROJECT AS MEANS OF DEVELOPMENT OF CREATIVITY YERNING OF SENIOR PUPILS

The author shares her experience of usage of the study projects method at the institution of additional education

Key words: study projects method, creativity abilities development, additional education.

V.G. Ragozinskaya

PECULIARITIES OF PSYCHOSOMATIC PATIENTS' EMOTIONAL STATE

In order to find out features of psychosomatic patients' emotional state there were researched variables of emotional state of 195 patients with psychosomatic diseases and 182 healthy subjects aged 20–50. The results of the comparative and factor analyses of variables of emotional state of different groups of psychosomatic patients and healthy subjects are presented.

Key words: psychosomatic disorders, emotional state, depression, anxiety, hostility, alexylhymia.

R.S. Sayfetdinov

SOCIAL-PEDAGOGIC PREMISES OF INCENTIVE OF STUDENTS TO PROBLEMATIC-EXPLORATORY STUDYING ACTIVITY

The analysis of opportunities of sources of didactic socialization of students in incentive of them to problematic-exploratory activity is presented in the article.

Key words: premises, activity, problematic-exploratory activity.

Yu.V. Smirnova

EDUCATIONAL CONTESTS OF A SENIOR PUPIL AS THE SUBJECT OF MULTINATIONAL COMMUNITY

The article is concerned with the problem of education of a senior pupil as the subject in the multinational social community. In this respect, the structural components of a senior student's educational contents are developed in the article. They include the following components: needs and motive, intellectual and emotional, communicative and behaviour and reflective.

Key words: educational contents components, subject of multinational social community, integral pedagogical process, socially significant values.

I.G. Chyornaya

THE RESULTS OF DIAGNOSTICS OF SPEECH DEVELOPMENT IN PRESCHOOL CHILDREN OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF KOSTROMA REGION IN 2008–2009

The results of diagnostics of speech development of preschool children held by the laboratory of disadaptation and corrective-developmental education of Kostroma Regional Institution for Education Development in the districts of Kostroma Region are presented in the article. The data are adduced on the presence of vocal disorders, degree of their prevalence among the children of upper preschool age.

Key words: preschool children speech development, vocal pathology, logopaedical check-up.

M.V. Yadrovskaya

MODELING AND PEDAGOGIC TECHNIQUES: POINTS OF TANGENCY

Education quality is connected with effective teaching techniques. One of such techniques projecting ways that is complex usage of elements of modeling for realization of informational, cybernetic and activitical branches of education. Made on the basis of proposed approach, education techniques with elements of modeling (ETEM) allow overcoming disadvantages of education technologization and to execute personally oriented, activitical, creative studying.

Key words: pedagogic technique, teaching technique, elements of modeling, education technique modeling elements

PROFESSIONAL EDUCATION

S.A. Babanov

"PROFESSIONAL STAGNATION" YNDROME

The article is dedicated to the problem of overcoming professional stress; the results of researching the syndrome of "professional stagnation" among different professional groups, including physicians, paramedical personell and medical students.

Key words: stress, professional stress factors, psychosomatic disorders, ""stagnation syndrome".

S.S. Baranskaya

PROBLEM OF ETYMOLOGY OF CONCEPT «ORGANIZATIONAL LOYALTY»

There is a great variety of approaches, definitions and interpretations of the term the "loyalty", given by different authors. This fact makes impossible creation of its consistent descriptive model. At the same time, research of loyalty is of a big practical importance for the construction of an effective human resources management system and for the conceptualization of development of organization in whole.

Key words: organizational loyalty, law-obedience, devotion, fidelity, organizational commitment, work involvement, job involvement, organizational civic behavior, demonstrative loyalty.

L.A. Bespyatova

FORMATION OF PROFESSIONAL READINESS OF FUTURE COACHES TO SPORTIVE PEDAGOGIC WORK

The peculiarities of formation of readiness of future coaches in the pedagogic process of faculties of physical training and sports to professional activity are discovered in the article.

Key words: formation, readiness, trainer, sportive-pedagogic work.

A.V. Bochmanov

THE PECULIARITIES OF THE PROFESSIONAL CONSCIOUSNESS OF THE FUTURE LAW ENFORCERS

The questions of forming professional self-consciousness of the future law enforcers and some general and specific peculiarities of law activity are considered in the article.

Key words: professional self-consciousness, legal consciousness, professional activity, general and specific peculiarities of legal activity.

A.M. Vlasov

THE USAGE OF PROBLEM-SOLVING APPROACH IN THE PROFESSIONAL TRAINING OF INTERPRETERS

The article is devoted to the process of professional training in the sphere of interpretation. The author shows the possible ways of using problem-solving approach in the process of the interpreters' professional training.

Key words: problem-solving approach, sphere of interpretation, professional training of interpreters, problems solving, professional activity.

A.A. Vorob'yov

OPPORTUNITIES OF USING THE COMMUNICATIVE METHOD IN THE PROFESSIONAL TRAINING OF INTERPRETERS FOR THE SPHERE OF JURISPRUDENCE

The article reveals the main peculiarities of using the communicative method in the professional training of interpreters for the sphere of jurisprudence.

Key words: communicative method, sphere of jurisprudence, the professional training of interpreters, court interpreter, communicativeness, professional communication.

I.Ye. Gorbunova

SOCIAL PARTNERSHIP AND ITS ROLE IN THE VOCATIONAL TRAINING OF THE FUTURE MUSIC TEACHERS

This article reveals the essence of the notion of social partnership established in the sphere of social and economic science. The article deals with questions of the role of social partnership in the vocational training. The author studies the specific character of social partnership in the profession of a music teacher.

Key words: partnership, social partnership, creative partnership, conception of modernization of Russian education, social cooperation, communication, cooperation.

M.S. Zhilyayeva

TO THE QUESTION OF PREPARATION OF EXPERTS OF SOCIAL SPHERE IN MULTINATIONAL REGIONS

In the article, the questions of preparation of experts of social sphere to socially-psychological consultation in multinational region are actualized, the results of flight research on the problem of development of ethnocultural competence are presented. The author gives the basic attention to the necessities of development of ethnocultural competence of the future expert of social sphere.

Key words: expert of social sphere, socially-psychological consultation, ethnocultural competence, cultural empathy, social environment, ethnoenvironment, client.

T.V. Krivulina

READINESS OF FUTURE PSYCHOLOGISTS TO SUPPORT AS THE BASE OF DEVELOPMENT OF HANDICAPPED CHILDREN

The techniques of formation of readiness of future psychologists to psychological-pedagogic support of the development process of handicapped children are disclosed in the article.

Key words: readiness, support, disabilities.

N.A. Lupanova

FORMATION OF READINESS OF THE PERSONALITY TO PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION IN THE INFORMATIONAL FIELD OF ACTIVITY

The conceptual substantiation of the program of formation of readiness of senior pupils and students to professional self-determination in the informational field of activity is presented in the article.

Key words: readiness, self-determination, informational activity field.

N.G. Morozov

FROM THE EXPERIENCE OF TEACHING HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE OF THE 11TH–17TH CENTURIES

Being based on the self-experience of teaching Russian literature and leading the affairs of scientific-researching group "Font", the article author emphasizes the importance of spiritual base in the research of secular culture, in secular education.

Key words: ancient Russian literature, students' research work, spiritual enlightenment, spiritual-moral upbringing.

S.V. Murashko

THE CONTENT OF FUTURE ENGINEERS' TECHNOLOGICAL CULTURE FORMATION ON THE BASIS OF COMPETENCE APPROACH

The article reveals the problem of future engineers' technological culture formation on the basis of competence approach. Pedagogical potential of subjects in technological culture formation on the basis of competence approach is presented, the methods, forms and means of its formation are described.

Key words: technological culture, competence approach, methods, forms and means of education, future engineer.

D.V. Prokof'yev

THE ROLE OF ESTHETIC APPRAISAL IN FORMATION OF MUSICAL TASTE OF UPCOMING GENERATION IN THE CONDITIONS OF TEACHING THEM PLAYING MODERN ELECTRONIC KEYBOARD INSTRUMENTS

This article deals with one of the leading problems of these days in the field of musical pedagogy and psychology. The author considers the problem of forming musical taste and attitude to musical art from the point of view of spiritual values theory. He is sure that forming of these socio-important qualities in children is possible through using musical computer technologies in teaching.

Key words: musical-esthetic taste, esthetic education, orientation to material and spiritual values, mass culture, electronic musical creativity.

S.A. Rumyantsev, V.V. Sokhranov

FORMATION OF READINESS OF THE STUDENTS OF PEDAGOGIC INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION TO PROFESSIONAL SELF-DEVELOPNENT

The results of the research that was conducted in the state educational institution of higher professional education Belinsky Penza State Pedagogic University that disclose the conceptual bases of pedagogic maintenance of formation of students of a pedagogic institution of higher education to self-development are presented in the article.

Key words: readiness, self-development, readiness to self-development formation.

Ye.V. Sal'nikova

FOREIGN-LANGUAGE FOLKLORE AS INNOVATIVE TECHNIQUE OF PROFESSIONAL TRAINING OF STUDENTS OF AN INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION

The possibilities of usage of foreign-language folklore in the process of professional training of future specialists on the base of technological approach to interaction between the participants of pedagogic process of an institution of higher education are examined in the article.

Key words: folklore, technique, professional training.

A.P. Teploukhov

PEDAGOGICAL CONDITION OF CREATING THE STUDENTS' CONFLICTOLOGICAL COMPETENCE IN PEDAGOGICAL INSTITUTIONS

The article deals with the complex of pedagogical condition, which help to develop the students' conflictological competence on the basis of specific situations.

Key words: conflictological competence, situational task.

N.A. Filippova

FORMATION OF BUSINESS CULTURE AT FUTURE EXPERTS ON ADVERTISING IN INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION

In the article, the author analyses business culture of future experts on advertising in an institution of higher education and necessity of its formation at the level of vocational training. The author considers structure of business culture of future experts on advertising in an institution of higher education and defines it as unity of three components: cognitive, value-motivational, and conative.

Key words: higher professional education, business culture, expert on advertising, bases of business culture.

K.V. Shilov

PROFESSIONAL PREPAREDNESS OF THE TEACHER TO INNOVATIVE ACTIVITY

The problem of professional readiness of the teacher to innovative activity is considered in the article.

Key words: innovative activity, competence of teacher, readiness to innovative activity.

I.V. Adoevtseva

METHODOLOGICAL CULTURE TEACHER-MUSICIAN AS A PROBLEM OF EDUCATION

The article is concerned the most important problem of the professional training of a teacher- musician – the forming of his methological culture based on the reflexive – active approach as more adequate to the nature and specific character of the art – pedagogical activity of a teacher – musician. The components of the methological culture, included to the structure of its theoretical model are characterized, the meaning of this methological approach in the professional training of a teacher- musician is substantiated to the implementation of artistic and educational activities.

Key words: methological culture; artistic and educational activities of the teacher-musician; professional training; reflexive-active approach.

Ye.S. Marentseva

CONTENT OF PEDAGOGIC MAINTENANCE OF STUDENTS' SELF-REALIZATION

The definitions of essence of self-realization are examined in the article, criteria of level of development of self-realization, as well as content and areas of pedagogic maintenance are presented.

Key words: pedagogic maintenance, self-realization, student.

SOCIOLOGY. POLITOLOGY

A.A. Kiselyov

LEADERS' SOCIAL TYPOLOGY

The problem of determining social typology of leaders who manifest themselves in society. Their signs and functions as of social leader are singled out. The presence in the small group of two basic types of social leadership (leadership in business and emotional field) that can be personified in the

same individual but more often disperse among different group members is proved.

Key words: social leader, properties (signs) of social leader, functions of social leader, small group, types of social leadership.

Ye.O. Savchenko

EMPERIAL POLITICS OF THE USA AND ITS INNOVATIVE CHARACTER

The article focuses on various aspects of such phenomenon of world politics as "empire", its key features. It also raises the question whether it is possible to define US foreign policy as imperial.

Key words: world politics, United State of America, foreign policy.

ECONOMY. MANAGEMENT

A.A. Maksimenko

IS PITER DRUCKER OUR FRIEND OR NOT? (THE PERSPECTIVES OF AXIOLOGICAL MANAGEMENT)

This article considers the evolution of concepts in management (including the avant-garde concepts) from the point of view of axiological concept of management.

Key words: theories of management, value management, axiological management.

M.I. Matveyeva

LAW AND PRIVATE PROPERTY AS ATTRIBUTES OF ECONOMIC RELATIONS OF THE MODERN SOCIETY

This article is devoted to law and its place in private property. Law and private property are the attributes of economic relations of the modern society.

Key words: law, private property, attributes, economic relations, civil society.

I.S. Voynov

SOCIAL SERVICES AS THE SYSTEM OF INTERACTION WITH CUSTOMER

The article discusses implementation of the principle of interaction with the client as a basis for servicing system. The quality of customer service is provided through the development and ongoing adjustment model of care, including standards and regulations. The mechanism of interaction is a procedure of servicing, which connects the study of customer needs and accordingly service procedures.

Key words: social services, service rendering principles, managing system, rendering system, providing system, system of assessing serving quality, optimization of administrative-managerial processes.

L.A. Mylnikova

INNOVATIVE CLIMATE IN THE SYSTEM OF ECONOMIC RELATIONS

In the process of postindustrial economic development the requirements of the quality of the economic relations increase. The necessity to develop new approaches is evoked by variety of new factors. To reveal the contents of the current processes it is necessary to analyze economic phenomena through the methods of institutional approach. The institutional approach is viewed especially effective applied to the assessment of the tendencies concerned with the innovative development of the economic systems. It is necessary because the dynamics of this process influences the rate of the national economy development. Thorough examination of the problem of the transfer to innovative development will make it possible to determine the priority of shaping the innovative climate and innovative system. It will also contribute to form the model of innovative development considering national traditions and Russian mentality and to define the system of economic instruments assisting the institutional supplying of innovative climate.

Key words: economic relations, innovations, innovative climate, institutional supplying.

O.F. Zastavnjuk

THE VENTURE CAPITAL AS THE FACTOR OF DEVELOPMENT OF MODERN ECONOMY

The venture capital is a strategic vector of multiple-factor financing of the innovations operating in optimum organizational forms of the economic organizations. Therefore effective functioning of the venture capital will allow economy of Russia to break the existing technological barrier separating it from industrially developed countries and successfully to carry out economy modernization. Use of the venture capital is capable to solve problems of economic development: increase of competitiveness of economy, maintenance of long-term steady economic growth, unemployment reduction, increase in tax base etc. especially important is definition of the economic nature of the venture capital, its categorial features, requirement and institutional conditions of successful functioning. The present publication also is devoted these and other prominent aspects.

Key words: the venture capital, economic relations, economy modernization, an institutionalization.

E.B. Stepanov

ONTOLOGIC AND GNOSEOLOGICAL PRECONDITIONS METHODOLOGY OF THE HUMAN CAPITAL

The problem of formation and development of the human capital is constantly actual and significant as in teoretiko-methodological, and the methodological plan. In it specifies that fact that with reference to any economic system perfection of the natural and got abilities of the person to work always is the powerful factor of increase of productivity and efficiency of work, improvement of quality of let out production, expansion of volumes of a social production as a whole. In the theory of the human capital till now remain not clear and points at issue most important of which are: first, absence of the uniform concept and divided by the majority of scientists of a paradigm of the human capital and, secondly, the methodological discrepancy of the human capital connected with it. In the present article on the basis of the istoriko-ontologic analysis the theory of the human capital is considered as the research program.

Key words: the human capital, methodology, ontology, gnoseology, the research program.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в электронном и бумажном виде в 1 экземпляре. Электронный вариант статьи может быть представлен на диске (CD-R) или вложением в электронное письмо.

2. **Электронный вариант статьи** выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc)

3. **Компьютерный набор статьи** должен удовлетворять следующие требования: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. **Построение статьи**:

4.1. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).

4.2. Отрасль науки и шифр научной специальности, по которым написана статья.

4.3. Сведения об авторе:

– фамилия, имя, отчество (полностью) ***(на русском и английском языке)***;

– полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора ***(на русском и английском языке)***;

– адрес электронной почты для каждого автора;

– почтовый адрес с индексом и контактный телефон (можно один для всех соавторов);

4.4. Название статьи (сокращения в названии недопустимы) ***(на русском и английском языке)***.

4.5. Аннотация, объясняющая цель работы, актуальность проблемы (не более 6 строк) ***(на русском и английском языке)***.

4.6. Ключевые слова (5–6 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) ***(на русском и английском языке)***.

4.5. Текст статьи.

4.6. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется вручную).

5. **Оформление библиографического списка**:

* *Статья в журнале*: Фамилия и инициалы авторов, соавторов (до 3). Название статьи // Название журнала. – Год. – №. – С. от–до.

* *Статья в сборнике трудов*: Фамилия и инициалы авторов. Название статьи // Назв. сб. трудов. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до (Тр. / Назв. учеб. заведения или науч. учреждения. – № вып.).

* *Монография или книга*: Фамилия и инициалы авторов. Название. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до; или Название / Под ред. Инициалы и фамилия. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до (или число страниц в книге __с.).

* *Авторские свидетельства и патенты*: А. с. номер. Название.

* *Автореферат*: Фамилия и инициалы. Название: Автореф. дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – __с.

* *Диссертация*: Фамилия и инициалы. Название: Дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – с.

* *Интернет источники*: Фамилия и инициалы. Название [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://... (дата обращения …).

6. **Библиографические ссылки** в тексте статьи оформляются квадратными скобками с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например [2, т. 5, с. 25–26].

7. **Максимальный объем** текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – 17 тыс. знаков, включая пробелы, но не более 10 страниц машинописного текста.

8. **Единицы измерения** приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. **Рисунки, схемы, диаграммы.** В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2). Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах tif, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. **Таблицы**. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и располагаются в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.

11. **Математические и физические формулы** выполняются только в редакторе MS Equation.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Для заметок

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

Материалы опубликованы в авторской редакции

Компьютерная верстка А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

ИД №03618 от 25.12.2000
Подписано в печать 17.05.2010
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 42,4 л.
Тираж 1000 экз.
Изд. № 160.

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Адрес редакции: **156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.**
Телефон: **(4942) 31-65-61**, факс: **(4942) 31-65-61,**
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**
Отпечатано: **КГУ им. Н.А. Некрасова**

Цена свободная